Весь ЖЕЛЯЗНЫ

КНЯЗЬ СВЕТА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Весь
ЖЕЛЯЗНЫ

Весь

ЖЕЛЯЗНЫ

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

ДИЛВИШ ПРОКЛЯТЫЙ

КНЯЗЬ СВЕТА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

КНЯЗЬ СВЕТА

Москва
ЭКСМО
2003

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ж 50

Roger ZELAZNY
LORD OF LIGHT
CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS
THIS IMMORTAL
EYE OF CAT

Copyright © 1982 by The Amber Corporation

Составитель *В. Секачев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Желязны Р.

Ж 50 Князь Света: Фантастические романы/Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 832 с. (Отцы-основатели. Весь Желязны).

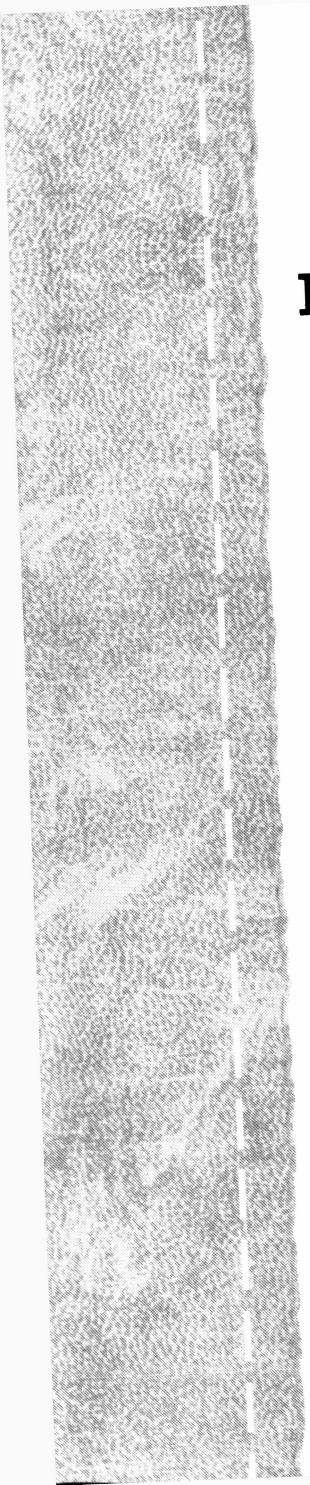
ISBN 5-699-04712-3

В этот том собрания сочинений знаменитого американского писателя-фантаста Роджера Желязны (1937—1995) вошли фэнтезийные произведения автора, написанные им на основании древних эпосов и мифологических циклов.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Перевод. И. Куберский, В. Лапицкий, В. Самсонова, 2003
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

ISBN 5-699-04712-3

КНЯЗЬ СВЕТА

Глава 1

Так было однажды услышано мной. Спустя пятьдесят три года после освобождения вернулся он из Золотого Облака, чтобы еще раз поднять перчатку, брошенную Небесами, пойти наперекор Порядку жизни и богам, этот Порядок установившим. Последователи его молились, чтобы он вернулся, хотя и грехом были молитвы эти. Мольбам не потревожить покоя ушедшего в нирвану, при каких бы обстоятельствах это ни произошло. Но молились облаченные в шафрановые рясы, чтобы он, Меченосец, Манжушри, вновь сошел к ним. И, как поведано, Бодхисатва услышал их...

> Он, подавивший желания, не зависящий от корней, пастбищем которому пустота — необусловленная и свободная, — путь его неисповедим, как птиц полет в поднебесье.
>
> *Дхаммапада (93)*

Его последователи звали его Махасаматман и утверждали, что он бог. Он, однако, предпочитал опускать громкие Маха и атман и звал себя просто — Сэм. Никогда не провозглашал он себя богом. С другой стороны, и не отказывался от этого. В сложившихся условиях ни то, ни другое не сулило ему никакой выгоды. Чего не скажешь о молчании...

И вот тайна служила ему покровом.

Был сезон дождей...

Самый влажный период года...

Дождь шел дни напролет, когда вознеслись к небу молитвы — и вознесли их не пальцы, перебирающие заузленные гирлянды молельных четок, не вращающиеся молитвенные

колеса, нет, грандиозная молитвенная машина из монастыря Ратри, богини Ночи.

Направлены были высокочастотные молитвы прямо вверх, сквозь атмосферу, еще выше, в самый центр Золотого Облака, что зовется Мостом Богов и окружает весь мир, предстает каждую ночь бронзовой радугой и каждый полдень окрашивает красное солнце в оранжевые тона.

Кое-кто из монахов сомневался, не ересью ли будет использование подобной молитвенной техники, но машину построил и наладил сам Яма-Дхарма, отпавший от Небесного Града; а как говорили, именно он построил в незапамятные времена могучую громовую колесницу Великого Шивы — тот экипаж, что проносится по небосклону, изрыгая на своем пути огненную харкотину.

Даже находясь в немилости, считался он величайшим мастером и знатоком всех ремесел. Узнай боги Небесного Града о его молитвенной машине — они без сомнения обрекли бы его на подлинную смерть. Надо, правда, признать, что и без этой машины обрекли бы они его на подлинную смерть, попади он к ним в руки. Каким образом улаживал он свои дела с Властителями Кармы, касалось только его, хотя никто не сомневался — так ли, иначе ли, но, когда придет его час, отыщет он тот или иной способ.

Лишь вдвое моложе был он самого Небесного Града, а ведь едва ли набрался бы десяток богов, помнивших основание этой обители. Все знали, что мудрее даже, чем Бог Кубера, оказывался он, когда дело касалось путей Всеприсущего Пламени. Но это были лишь меньшие из его Атрибутов. Другим он славился, хотя и говорили об этом немногие. Высокий, в меру широкоплечий, но не грузный, двигался он легко и плавно. Носил красное, был немногословен.

Он и управлял молитвенной машиной; водруженный им на крышу монастыря гигантский металлический лотос неспешно вращался в своем гнезде.

На здание, на лотос, на джунгли у подножия горной цепи сплошной пеленой падал мелкий дождь. Уже шесть дней, как десятками киловатт возносил Яма молитвы, но состояние атмосферы не позволяло им быть услышанными в Горних. Сквозь зубы он помянул самых что ни на есть банальных божеств плодородия, взывая в основном к их наиболее прославленным в народе Атрибутам.

Раскат грома был ответом, и помогавшая ему обезьяна хихикнула.

— У твоих молитв и твоих проклятий итог один и тот же, о Яма, — прокомментировала она. — То есть никакого.

— Чтобы это заметить, тебе потребовалось семнадцать перерождений? — сказал Яма. — Тогда понятно, почему ты все еще маешься обезьяной.

— Да нет, — сказала обезьяна, которую звали Так. — Хотя мое падение было и не столь впечатляюще, как твое, но все-таки и я вызвал вполне персонально окрашенную злобу у...

— Замолчи! — бросил Яма, отворачиваясь от него.

Так понял, что дотронулся до больного места. Пытаясь найти для разговора другую тему, он подобрался к окну, вспрыгнул на подоконник и уставился наружу.

— К западу отсюда в облаках просвет, — сообщил он.

Подошел Яма, посмотрел, куда показывала обезьяна, нахмурился и кивнул.

— Ага, — сказал он. — Оставайся тут и корректируй.

Он подошел к пульту управления. Наверху, над их головами, лотос поспешно развернулся и уставился прямо в брешь, замеченную Таком среди плотных облаков.

— Отлично, — буркнул Яма, — что-то подцепили.

Он протянул руку к одной из контрольных панелей, пощелкал кнопками и клавишами, подстроил верньеры.

Под ними, в монастырских подвалах, выдолбленных в толще скалы, зазвенел звонок, и тут же закипели приготовления, авральная команда заняла свои места.

— Облака смыкаются! — воскликнул Так.

— Это уже неважно, — ответил Яма. — Нашу рыбку мы подцепили. Из нирваны да в лотос, он грядет.

Опять громыхнул гром, и дождь с шумом обрушился на лотос. Голубые молнии, словно змеи, извивались над вершинами гор.

Яма выключил главный рубильник.

— Как ты думаешь, каково ему будет опять облечься во плоть? — спросил Так.

— Чисти-ка свой банан в четыре ноги!

Так предпочел счесть это за разрешение покинуть комнату и оставил Яму выключать аппаратуру в одиночестве. Путь его лежал вдоль по коридору и вниз по широким ступеням. На лестничной площадке до него донеслись звуки голосов и

шарканье сандалий, шум приближался со стороны боковой залы.

Не раздумывая, он вскарабкался по стене, цепляясь за вырезанные на ней фигурки пантер и слонов. Взобравшись на балку, он нырнул в густую тень и замер там.

Появились двое монахов, облаченных в темные рясы.

— Она что, не могла очистить им небо? — сказал первый.

Второй, постарше, более массивный, пожал плечами.

— Я не мудрец, чтобы отвечать на подобные вопросы. Ясно, что она озабочена, иначе бы никогда не предоставила им это святилище, а Яме — подобную возможность. Но кому ведомы пределы ночи?

— Или настроение женщины, — подхватил первый. — Я слышал, что даже жрецы не знали о ее появлении.

— Вполне возможно. Как бы там ни было, это кажется хорошим знаком.

— Воистину.

Они миновали площадку, и Так слушал, как удаляются и затихают звуки их шагов.

Он все не покидал своего насеста.

«Она», о которой упомянули послушники, могла быть только богиней Ратри, ей и поклонялись монахи, давшие в своем святилище приют последователям Махатмы Сэма, Просветленного. Нынче и Ратри тоже числилась среди отпавших от Небесного Града и влачащих существование в шкуре смертных. У нее было сколько угодно причин, чтобы ворошить прошлое; и Так вдруг понял, на какой риск она пошла, предоставив свое святилище — не говоря уже о личном своем присутствии — для подобного предприятия. Если слушок об этом достигнет надлежащих ушей, на карту будет поставлена сама возможность будущего ее восстановления в правах. Так помнил ее — темноволосую красавицу с серебристо-серыми глазами, проносящуюся мимо в лунной колеснице из черного дерева и хрома, запряженной черным и белым жеребцами, с возницей в черном и белом; да, проносящуюся по Небесной Перспективе, соперничая во славе с самою Сарасвати. Сердце чуть не выпрыгнуло из его волосатой груди. Он должен снова увидеть ее. Однажды ночью, давным-давно, в благословенные времена — и в лучшей форме — он танцевал с нею на балконе... под звездами. Недолог был этот танец. Но он помнил его; и до чего же трудно обезьяне обладать подобными воспоминаниями...

Так слез с балки.

Северо-западную оконечность монастыря венчала высокая башня. И была в той башне комната. По поверью, хранила она в себе постоянное присутствие богини. Ежедневно в ней прибирали, меняли белье, возжигали благовония и возлагали святые приношения. Двери ее обычно были заперты.

Но имелись в ней, конечно, и окна. Вопрос о том, может ли кто-нибудь пробраться внутрь через окно, оставался открытым. По крайней мере, для людей. Ибо для обезьян он был решен Таком окончательно.

Взобравшись на крышу монастыря, Так начал карабкаться на башню, цепляясь за скользкие кирпичи, за выступы и выбоины, а небеса, словно псы, рычали у него над головой; наконец он прильнул к стене под выступающим наружу подоконником. Сверху как заведенный барабанил по камню дождь.

Таку почудилось, будто где-то рядом поют птицы. Он увидел край мокрого синего шарфа, свисающего из окна.

Ухватившись за выступ, Так подтянулся, заглянул внутрь и увидел ее со спины. Одетая в темно-синее сари, она сидела на маленькой скамеечке в противоположном конце комнаты.

Так взобрался на подоконник и кашлянул.

Она резко обернулась. Под вуалью невозможно было разобрать черты ее лица. Поглядев на него сквозь дымку ткани, она встала и подошла к окну.

Он смутился. Некогда гибкая ее фигура сильно раздалась в талии; всегда грациозная на ходу, как колеблемая ветвь, нынче она слегка косолапила; слишком мрачной выглядела она, даже сквозь вуаль прочитывались резкие линии носа, жесткие очертания скул.

Он склонил голову.

— «И ты к нам подступила, и мы с твоим приходом очутились дома, — пропел он, — как в гнездах птицы на ветвях».

Она застыла в неподвижности, словно собственная статуя в главном зале монастыря.

— «Храни же нас от волка и волчицы, храни от вора нас, о Ночь, и дай же нам продлиться».

Она медленно простерла вперед руку и возложила ее ему на голову.

— Мое благословение с тобой, малый мира сего, — сказала она, помолчав. — Сожалею, но мне больше нечего тебе дать. Я не могу обещать тебе покровительство или даровать

красоту, для меня самой и то, и другое — недоступная роскошь. Как тебя звать?

— Так, — сказал он.

Она прикоснулась ко лбу.

— Когда-то я знала одного Така. В незапамятные времена, в туманном далеке...

— Это был я, мадам.

Она тоже уселась на подоконник. Чуть погодя он понял, что она всхлипывает под покровом вуали.

— Не плачь, богиня. С тобой Так. Помнишь Така от Архивов? Пресветлого Копейщика Така? Он по-прежнему готов исполнить любое твое приказание.

— Так... — сказала она. — Ох, Так! И ты тоже? А я и не знала! Я никогда не слышала...

— Очередной поворот колеса, мадам, и — кто знает? Все может обернуться даже лучше, чем было когда-то.

Ее плечи вздрагивали. Он протянул руку, отдернул ее.

Она повернулась и схватила ее.

Бесконечным было молчание, потом она заговорила:

— Естественным путем дела в порядок не придут, нам не обрести былого, Пресветлый Копейщик Так. Мы должны проложить наш собственный путь.

— О чем ты говоришь? — спросил он и добавил: — Сэм?

Она кивнула:

— И никто иной. Он — наш оплот против Небес, дорогой Так. Если удастся призвать его, у нас появится шанс еще пожить.

— Потому-то ты и рискнула, потому-то положила голову в пасть тигра?

— Почему же еще? Когда нет никакой реальной надежды, нужно чеканить собственную. Даже и фальшивая монета может сгодиться.

— Фальшивая? Ты не веришь, что он был Буддой?

Она усмехнулась.

— Сэм был величайшим шарлатаном на людской — да и на божественной — памяти. Однако и самым достойным противником, с каким когда-либо сталкивался Тримурти. Почему тебя так шокируют мои слова, архивариус? Ты же знаешь, что он позаимствовал и структуру, и материю своего учения, путь и достижение, даже одеяние из запрещенных доисторических источников. Это было просто-напросто оружие — и

ничего более. Главной его силой было его лицемерие. Если бы мы могли вернуть его...

— Леди, святой ли, шарлатан ли, но он вернулся.

— Не шути со мной, Так.

— Богиня и леди, я только что покинул Владыку Яму, когда он отключал молитвенную машину, хмурый от успеха.

— Эта авантюра направлена была против такой огромной силы... Владыка Агни обмолвился однажды, что ничего подобного никогда не удастся свершить.

Так встал.

— Богиня Ратри, — сказал он, — кто, будь то бог, человек или нечто среднее, разбирается в подобных материях лучше Ямы?

— Я не знаю, Так, ибо такого не отыщешь. Но откуда тебе известно, что он выловил нам ту самую рыбку?

— Ибо он — Яма.

— Тогда возьми мою руку, Так. Веди меня опять, как ты делал однажды. Посмотрим на спящего Бодхисатву.

И он повел ее через двери, вниз по лестнице, в нижние покои.

Подземелье заливал свет, рожденный не факелами, а генераторами Ямы. Водруженную на платформу кровать с трех сторон отгораживали ширмы. За ширмами и драпировками скрывалась и большая часть механизмов. Дежурившие в комнате монахи в шафрановых рясах бесшумно двигались по обширным покоям. Яма, мастер из мастеров, стоял у кровати.

При их появлении кое-кто из вышколенных, невозмутимых монахов не удержался от восклицаний. Так обернулся к женщине рядом с ним и отступил на шаг, затаив дыхание.

Это была уже не раздобревшая матрона, с которой он только что разговаривал. Вновь он стоял рядом с бессмертной Ночью, о которой написано было: «Богиня переполнила обширное пространство — и в глубину, и в вышину. Сияние ее развеяло мрак».

Он взглянул на нее и тут же закрыл глаза. Она все еще несла на себе отпечаток своего далекого Облика.

— Богиня... — начал было он.

— К спящему, — прервала она. — Он шевелится.

И они подошли к ложу.

И тут перед ними открылась картина, которой суждено было в будущем в виде фресок ожидать паломников в конце бесчисленных коридоров, рельефом застыть на стенах храмов,

живописно заполнить плафоны множества дворцов: пробудился тот, кто был известен как Махасаматман, Калкин, Манжушри, Сиддхартха, Татхагата, Победоносный, Майтрея, Просветленный, Будда и Сэм. Слева от него была богиня Ночи, справа стояла Смерть; Так, обезьяна, скорчился в изножье кровати вечным комментарием к сосуществованию божественного и животного.

А был явившийся в обычном, смуглом теле средних размеров и возраста; черты его лица были правильны и невыразительны; когда он открыл глаза, оказались они темными.

— Приветствую тебя, Князь Света, — так обратилась к нему Ратри.

Глаза мигнули. Им никак не удавалось сфокусироваться. Все в комнате замерли.

— Привет тебе, Махасаматман — Будда! — сказал Яма.

Глаза глядели прямо перед собой — не видя.

— Привет, Сэм, — сказал Так.

Лоб чуть наморщился, глаза, покосившись, уставились на Така, перебежали на остальных.

— Где?.. — спросил он шепотом.

— В моем монастыре, — ответила Ратри.

Безучастно взирал он на ее красоту.

Затем он сомкнул веки и изо всех сил зажмурился, вокруг глаз разбежались морщинки. Гримаса страдания превратила его рот в лук, зубы, крепко стиснутые зубы — в стрелы.

— Вправду ли ты тот, чье имя мы произнесли? — спросил Яма.

Он не отвечал.

— Не ты ли до последнего сражался с армией Небес на берегах Ведры?

Рот расслабился.

— Не ты ли любил богиню Смерти?

Глаза мигнули. На губах промелькнула слабая усмешка.

— Это он, — сказал Яма; затем: — Кто ты, человече?

— Я? Я ничто, — ответил тот. — Может быть, листок, подхваченный водоворотом. Перышко на ветру.

— Хуже некуда, — прокомментировал Яма, — ибо в мире предостаточно листьев и перьев, и мне не стоило работать так долго лишь ради того, чтобы преумножить их число. Мне нужен был человек, способный продолжить войну, прерванную из-за его отсутствия, могучий человек, способный пойти наперекор воле богов. Мне казалось, что ты таков.

— Я, — и он опять покосился, — Сэм. Я — Сэм. Однажды — давным-давно... я сражался, не так ли? И не раз...

— Ты был Махатмой Сэмом, Буддой. Помнишь?

— Может, и был...

В глазах у него медленно разгоралось пламя.

— Да, — подтвердил он. — Да, был. Смиреннейший из гордых, гордец среди смиренных. И я сражался. Учил Пути... какое-то время. Опять сражался, опять учил, прошел через политику, магию, яд... Дал великую битву, столь ужасную, что солнце отвратило от бойни свой лик — от месива людей и богов, зверей и демонов, духов земли и воздуха, огня и воды, ящеров и лошадей, мечей и колесниц...

— И ты проиграл, — прервал его Яма.

— Да, проиграл. Но некоторое впечатление мы все-таки произвели, не так ли? Ты, бог Смерти, был моим колесничим. Да, все это возвращается сейчас ко мне. Нас взяли в плен, и Властители Кармы стали нашими судьями. Ты ускользнул от них — Путем Черного Колеса. Я же не мог.

— Так все и было. Твое прошлое явственно легло перед ними. Тебя судили. — Яма поглядел на монахов (склонив головы, они сидели теперь прямо на полу) и понизил голос: — Дать тебе умереть подлинной смертью означало превратить тебя в мученика. Дозволить тебе разгуливать по миру в какой бы то ни было форме — значило оставить открытой дверь для твоего возвращения. И вот так же, как и ты позаимствовал свое учение у Гаутамы из иного места и времени, так и они позаимствовали оттуда же рассказ о том, как окончил он свои дни среди людей. Тебя осудили и признали достойным нирваны. Твой атман был перенесен не в другое тело, а в огромное магнитное поле, что окружает нашу планету. Минуло более полувека. Ныне официально ты — аватара Вишну, чье учение было неправильно истолковано некоторыми из наиболее рьяных твоих последователей. Лично же ты продолжал существовать лишь в форме самосохраняющейся системы магнитных волн разной длины, которую мне и удалось уловить.

Сэм закрыл глаза.

— И ты посмел вернуть меня назад?

— Да, это так.

— Я все время осознавал свое положение.

— Я подозревал об этом.

Глаза его, вспыхнув, широко открылись.

— И тем не менее ты посмел отозвать меня оттуда?

— Да.

Сэм опустил голову.

— По справедливости зовешься ты богом Смерти, Яма-Дхарма. Ты отобрал у меня запредельный опыт. Ты разбил о черный камень своей воли то, что вне понимания, вне великолепия, доступных смертным. Почему ты не мог оставить меня, как я был, в океане бытия?

— Потому что мир нуждается в тебе, в твоем смирении, в твоем благочестии, в твоем великом учении, в твоем макиавеллиевском хитроумии.

— Я стар, Яма, — промолвил тот. — Я так же стар, как и сам человек в этом мире. Ты же знаешь, я был одним из Первых. Одним из самых первых, явившихся сюда, чтобы строить, чтобы обустраивать. Все остальные ныне мертвы или стали богами — dei ex machina... Этот шанс выпал и мне, но я прошел мимо него. Много раз. Я никогда не хотел быть богом, Яма. На самом деле. Только много позже, когда я увидел, что они делают, начал я копить силы. Но было уже поздно. Они были слишком сильны. Теперь же я просто хочу спать, спать вечным сном, вновь познать Великий Покой, нескончаемое блаженство, слушать песни, которые поют звезды на берегу великого океана.

Ратри нагнулась и заглянула ему в глаза.

— Ты нужен нам, Сэм, — сказала она.

— Я знаю, знаю, — отвечал он ей. — Опять все та же история. У вас имеется норовистая лошадка, так что нужно ее отменно нахлестывать очередную милю.

Он улыбнулся при этих словах, и она поцеловала его в лоб.

Так подпрыгнул и заскакал по кровати.

— Веселится род людской, — отметил Будда.

Яма протянул ему руку, а Ратри — шлепанцы.

Чтобы прийти в себя после покоя, что превыше всякого разумения, требуется, конечно, время. Сэм спал. Ему снились сны, во сне он кричал или же просто стонал. У него не было аппетита, но Яма подобрал для него тело крепкое и отменно здоровое, вполне способное перенести все психосоматические изменения, порожденные отзывом его из божественности.

Но он так и сидел бы часами, не двигаясь, уставившись на

какой-то камешек, или зернышко, или листик. И невозможно его было в этом случае пробудить.

Яме виделась в этом некая опасность, и он решил обсудить ситуацию с Ратри и Таком.

— Плохо, теперь этим способом уходит он от мира. Я говорил с ним, но это просто бросать слова на ветер. Ему никак не вернуть то, что он оставил позади. И сама эта попытка стоит ему его силы.

— Быть может, ты неправильно воспринимаешь его усилия, — заметил вдруг Так.

— Что ты имеешь в виду?

— Погляди, как он уставился на семечко, которое сам положил перед собой. Посмотри на морщинки в уголках его глаз.

— Ну и что же в этом такого?

— Он косится. У него что, изъяны зрения?

— Да нет.

— Тогда почему он косится?

— Чтобы лучше зернышко изучить.

— Изучить? Он учил совсем другому пути. И однако же он все-таки изучает. Он вовсе не медитирует, пытаясь обрести в глубине предмета освобождение от субъекта. Отнюдь.

— Чем же он тогда занят?

— Обратным.

— Обратным?

— Он изучает объект, наблюдая его пути, пытаясь связать тем самым самого себя. Внутри предметов он ищет оправдание своего существования. Еще раз пытается он закутаться в ткань Майи, мировой иллюзии.

— Я уверена, что ты прав, — перебила Ратри. — Как же нам помочь ему в этой попытке?

— Я не уверен, миссис...

Но Яма кивнул, и в солнечном луче, падавшем через узкий портик, блеснули его темные волосы.

— Ты сумел ухватить как раз то, чего я не заметил, — признался он. — Он еще не вполне вернулся, хотя и облачен в тело, передвигается пешком и говорит, как мы. Но мысли его все еще вне пределов нашего разумения.

— Что же делать? — повторила Ратри.

— Берите его с собой в долгие сельские прогулки, — сказал Яма. — Потчуйте деликатесами. Ублажайте его душу стихами и пением. Найдите ему что-нибудь покрепче для пи-

тья — здесь, в монастыре, нет ничего подходящего. Разоденьте его в светлые шелка. Добудьте ему куртизанку, а лучше — трех. Окуните его заново в жизнь. Только так можно будет освободить его от оков божественности. Как же я не заметил этого раньше...

— Ничего удивительного, — сказал Так.

Огонь вспыхнул в глубине глаз Ямы, и черен был этот огонь; потом он улыбнулся.

— Мне воздается сполна, малыш, — признался он, — за все те комментарии, которые я, может быть и неосознанно, отпустил в адрес твоих волосатых ушей. Я приношу тебе, о обезьяна, свои извинения. Ты и в самом деле человек — умный и наблюдательный.

Так поклонился ему.

Ратри хихикнула.

— Скажи нам, умница Так, — быть может, мы слишком долго были богами и утратили должный угол зрения, — как нам лучше взяться за дело, чтобы поскорее очеловечить его и добиться наших целей?

Так поклонился ему, потом Ратри.

— Как ты и предложил, Яма, — подтвердил он. — Сегодня, миссис, возьми его на прогулку к подножию гор. Завтра Владыка Яма отведет его к самой кромке леса. На следующий день я свожу его туда, где царят деревья и травы, цветы и лианы. А там поглядим. Поглядим.

— Быть по сему, — сказал Яма, и так оно и было.

В следующие несколько недель отношение Сэма к этим прогулкам менялось: сначала это было лишь едва заметное предвкушение, затем — сдерживаемый энтузиазм и, наконец, горячее рвение. Все продолжительнее и продолжительнее становились его одинокие прогулки, сначала он уходил на несколько часов только утром, затем — утром и вечером. Потом он стал пропадать где-то целыми днями, подчас — сутками.

К концу третьей недели Яма и Ратри беседовали на террасе в ранний утренний час.

— Мне это не нравится, — начал Яма. — Мы не можем принуждать его, навязывая ему насильно нашу компанию сейчас, когда он этого не желает. Но там, на воле, опасно,

особенно для вновь рожденного, такого как он. Хотел бы я знать, как он проводит там время.

— Что бы он ни делал, все пойдет ему на пользу, — возразила, взмахнув полной рукой, Ратри и положила в рот пастилку. — Он уже не производит впечатления не от мира сего. Он больше разговаривает и даже жестикулирует. Пьет вино, когда мы его угощаем. К нему возвращается аппетит.

— Однако, если ему повстречается агент Тримурти, он может навсегда погибнуть.

Ратри задумчиво жевала.

— Маловероятно, чтобы в эти дни по округе бродил кто-то из них, — заявила она. — Животные видят в нем ребенка и не причинят ему вреда. Люди увидят святого отшельника. Демоны издавна боятся его и, стало быть, уважают.

Но Яма покачал головой.

— Все не так просто, леди. Хоть я и разобрал большую часть своих механизмов и спрятал их в сотне лиг отсюда, такая концентрированная переброска энергии, к которой мне пришлось прибегнуть, не может остаться незамеченной. Рано или поздно сюда явятся посетители. Я использовал экранирующие ширмы и сбивающие устройства, но в некоторых проекциях вся эта область должна выглядеть так, словно по карте прошлось Всеприсущее Пламя. Скоро надо будет сниматься с места. Лучше бы подождать, пока наш питомец полностью не выправится, но...

— А какие-нибудь естественные причины не могут вызвать те же энергетические эффекты, что и твои машины?

— Могут, и произойти это может как раз поблизости; именно поэтому я и выбрал это место в качестве нашей базы — будем надеяться, что это сойдет нам с рук. Но я все же сомневаюсь в этом. Пока мои шпионы не заметили по соседству никакой необычной активности. Но в день его возвращения кто-то видел, как промчалась на гребне бури громовая колесница, выслеживая что-то то ли в небесах, то ли под ними. Случилось это далеко отсюда, но я не верю, что не было тут никакой связи.

— И тем не менее она не вернулась.

— Мы, по крайней мере, об этом не знаем. Но я боюсь...

— Тогда надо уходить немедленно. Я слишком уважаю твои предчувствия. Ты могущественней любого из Павших. Мне, например, очень трудно даже просто удержать приятный внешний облик более чем на несколько минут...

— Силы, которыми я обладаю, — сказал Яма, подливая ей чаю, — уцелели, поскольку они иной природы, чем твои.

И он улыбнулся, обнажив ровный ряд зубов. Улыбка прошлась по его лицу, от шрама на левой щеке до уголков глаз. Чтобы поставить на этом точку, он сморгнул и продолжал:

— Большая часть моей силы имеет форму знания, и даже Властителям Кармы не под силу отобрать его у меня. Почти у всех богов мощь их проявляется посредством специфической физиологии, которую они при воплощении в новое тело частично теряют. В процессе припоминания разум постепенно изменяет в той или иной степени любое тело, порождая новый гомеостаз и обеспечивая неспешный возврат былого могущества. Ну а моя сила возвращается быстро, и она почти полностью со мной. Но даже если бы это было и не так, я все равно мог бы использовать в качестве оружия свои знания — это тоже сила.

Ратри отхлебнула чаю.

— Мне нет дела до ее источников, но, если твоя сила велит сниматься с места, надо ее слушаться. Когда отправляемся?

Яма вытащил кисет и свернул под разговоры сигарету. Его темные гибкие пальцы, как заметила Ратри, всегда двигались с грацией пальцев играющего музыканта.

— Я бы сказал, что не стоит задерживаться здесь больше чем на неделю, от силы дней на десять. А потом придется разлучить его с этим столь милым его сердцу захолустьем.

Она кивнула.

— И куда тогда?

— Может, в какое-нибудь заштатное южное королевство, где мы могли бы странствовать безбоязненно.

Он зажег сигарету, затянулся.

— У меня есть идея получше, — сказала она. — Ты не знаешь, но в качестве некой смертной я — хозяйка Дворца Камы в Хайпуре.

— Блудотория, мадам?

Она нахмурилась.

— Так его прозвали пошляки, и не смей тут же называть меня «мадам», это отдает старинной насмешкой. Это место отдохновения, удовольствий, святости, а для меня и весьма доходное. И оно, я уверена, послужит прекрасным укрытием; пока наш подопечный полностью не оправится, мы сможем спокойно разрабатывать там наши планы.

Яма хлопнул себя по бедру.

— Ай-ай-ай! И кому вздумается разыскивать Будду в лупанарии? Отлично! Превосходно! Тогда — в Хайпур, дорогая богиня, в Хайпур, во Дворец Любви!

Она гневно выпрямилась и притопнула сандалией о каменные плиты пола.

— Я не позволю тебе в подобном тоне отзываться о моем учреждении!

Он потупил глаза и с трудом согнал со своего лица улыбку. Затем встал и поклонился.

— Приношу свои извинения, милая Ратри, но меня осенило столь внезапно...

Он замолчал и посмотрел в сторону, через секунду на нее взглянула уже сама уравновешенность и благопристойность. Он продолжал как ни в чем не бывало:

— ...что я был захвачен врасплох кажущейся неуместностью подобной идеи. Теперь же я вижу всю ее мудрость. Это самое совершенное прикрытие, и оно же снабдит вас обоих средствами и, что еще важнее, станет источником частной информации из кругов торговцев, воинов и священнослужителей. Подобные учреждения составляют совершенно необходимую часть общества. Ну а тебе твое дает положение и голос в гражданских делах. Бог — одна из древнейших профессий в мире. И вполне естественно, что мы, Павшие, обретаем прибежище под сенью другой не менее почтенной традиции. Я приветствую твою идею и благодарю тебя за мудрость и предвидение. И уж конечно, не буду порочить мероприятие благодетеля и сообщника. На самом деле я с нетерпением ожидаю этого визита.

Она улыбнулась и уселась обратно.

— Я принимаю твои елейные извинения, сын змеи. Что бы ты ни сделал, невозможно на тебя сердиться. Налей-ка мне еще чаю, будь любезен.

Они расслабились, Ратри смаковала чай, Яма курил. Вдали грозовой фронт растянулся мрачным занавесом поперек всего окоема. Солнце, однако, еще сияло над ними; время от времени на террасу проникал холодный ветерок.

— Ты видел кольцо, железное кольцо, которое он носит? — спросила Ратри, положив в рот еще одну пастилку.

— Да.

— Не знаешь, где он его раздобыл?

— Нет.

— И я. Но чувствую, что надо это разузнать.

— А!

— Как бы это проделать?

— Я подрядил Така, ему в лесу вольготнее, чем нам. Как раз сейчас он его и выслеживает.

Ратри кивнула.

— Правильно, — сказала она.

— Я слышал, — сменил тему Яма, — что боги все еще по случаю посещают самые приметные дворцы Камы, обычно скрывая свой облик, но иногда и во всей мощи. Правда ли это?

— Да. Всего год тому назад в Хайпур явился бог Индра. Три года назад нанес визит поддельный Кришна. Из всей Небесной братии именно Кришна Неутомимый вызывает у обслуживающего персонала наибольший ужас. Беспорядки растянулись на целый месяц, он сокрушил уйму мебели, лекари трудились не покладая рук. А опустошение, которое он учинил в винных погребах и кладовых! Но однажды ночью он заиграл на своей свирели — а услышав ее, ну как не простишь старому Кришне все, что угодно. Но той ночью мы не услышали истинной магии, ибо есть лишь один истинный Кришна — темный и волосатый, с налитыми кровью пылающими глазами. Этот же, все разгромив, танцевал на столах; что до музыки, то она оставляла желать лучшего.

— Заплатил ли он за причиненный урон чем-либо, кроме песен?

Она рассмеялась.

— Ладно-ладно, Яма. Не будем задавать друг другу риторические вопросы.

Он пыхнул дымом.

— Сурья-солнце уже почти окружен, — сказала Ратри, выглянув из-под навеса, — и Индра убивает дракона. Вот-вот хлынет ливень.

Монастырь покрыла серая пелена. Ветер усиливался, и по стенам заплясали капли дождя. Как расшитый бисером полог, дождь прикрыл открытую сторону террасы.

Яма подлил чаю. Ратри взяла очередную пастилку.

Так пробирался по лесу. Он перепрыгивал с дерева на дерево, с ветки на ветку, не теряя из виду петлявшую внизу тропинку. Мех его намок, ибо листья обрушивали на него по ходу дела микроливень росинок. За спиной у него клубились ту-

чи, но утреннее солнце еще сияло на востоке, и в его красно-золотистых лучах лес превращался в феерию красок. Вокруг, в сплетении ветвей, лиан, листьев, травы, стеной поднимавшихся по обе стороны тропинки, распевали птицы, и их пение сливалось в единый хор. Листву пошевеливал ветерок. Тропинка внизу вдруг резко свернула в сторону и, вынырнув на поляну, на ней потерялась. Так соскочил на землю и продолжил свой путь пешком, пока тропинка вновь не юркнула в лес и он не смог опять вернуться на деревья. Теперь, как он отметил, его вожатая, постепенно меняя свое направление, вилась более или менее параллельно горному хребту. Вдалеке заворчал гром, и чуть погодя Так ощутил новое, холодное дуновение ветра. Раскачавшись на ветке, как на трамплине, он перелетел на соседнее дерево — прямо сквозь усеянную сверкающими каплями росы паутину, вспугнутые им птицы отхлынули вопящей волной ярчайшего оперения. Тропинка по-прежнему льнула к горам и обернулась уже в обратном направлении. Время от времени она натыкалась на другие, крепко утоптанные, желтые тропинки, пересекала их, расходилась, подчас разветвлялась, и Таку приходилось спускаться с деревьев на землю и изучать отметины на ее поверхности. Да, Сэм свернул здесь; Сэм остановился попить у этого родника — вот здесь, где оранжевые грибы вымахали выше человеческого роста и готовы были укрыть от дождя целую компанию; Сэм подобрал на дороге вон ту ветку; здесь он остановился застегнуть сандалию; здесь он прислонился к дереву, в котором явно обитала дриада...

Так прикинул, что отстает от своей добычи примерно на полчаса — вполне достаточно времени, чтобы добраться туда, куда хочешь, и заняться, чем только душа ни пожелает. Отблески зарниц сверкнули над вздымавшимися теперь уже прямо у него над головой горами. Опять заворчал гром. Тропинка прильнула к самому подножию гор, лес поредел, и Таку приходилось вприпрыжку скакать среди высокой травы. Потом тропа начала упорно карабкаться в гору, с обеих сторон от нее появились все более и более величественные нагромождения голых камней и скал. Но Сэм здесь прошел, и Так, стало быть, пройдет тоже.

Далеко над головой переливающийся цветочной пыльцой Мост Богов исчезал под неуклонно накатывавшимся с востока валом туч. Сверкали молнии, и, теперь уже ни секунды не

раздумывая, за ними грохотал гром. Здесь, на открытом месте, ветер набрал силу, трава пригибалась под его напором, резко похолодало.

На Така упали первые капли дождя, и он юркнул под укрытие каменного гребня, который следовал вдоль тропы как неширокая преграда, чуть, наудачу, наклоненная против дождя. Так продолжил свой путь у самого его основания, а хляби небесные разверзлись, мир обесцветился, с неба исчез последний голубой лоскуток.

Море бушующего света разверзлось вдруг над головой и трижды пролилось потоками, которые безумным крещендо устремились вниз, чтобы разбрызнуться о каменный клык, криво чернеющий под ветром в четверти мили далее, вверх по склону.

Когда Так опять начал различать предметы вокруг себя, он увидел нечто непонятное. Словно каждая из обрушившихся на склон молний оставила какую-то свою часть стоять, покачиваясь в сером воздухе, подрагивая от пульсации пламени, которому, казалось, не было дела до беспрестанно утюжившей склон влаги.

Потом Так услышал смех — или же это был лишь отголосок последнего раската грома?

Нет, это был смешок — исполинский, сверхчеловеческий!

А чуть позже разнесся яростный вопль. Потом новая вспышка, еще раз загрохотало.

Еще одна огненная воронка раскачивалась позади каменного клыка.

Минут пять Так отлеживался. Затем все повторилось — вопль, за ним три ослепительные вспышки и грохот.

Теперь там уже было семь огненных столпов.

Посмеет ли он приблизиться, подобраться к этим штуковинам, скрываясь по другую сторону от каменного клыка? А если посмеет и сумеет и если, как он чувствовал, тут был замешан Сэм, что он сможет поделать, если даже и самому Просветленному не под силу контролировать ситуацию?

Ответа он не знал, но обнаружил, что движется вперед, распластавшись в сырой траве, забирая все время влево.

Когда он был уже на полпути, это случилось опять, и десять башен громоздилось там теперь; красные, золотые, желтые, они отклонялись и возвращались, отклонялись и возвращались, словно их основания пустили в скалы корни.

Он скорчился там, промокший и дрожащий, пытаясь по-

нять, достанет ли ему смелости, и убедился, что ее у него совсем немного. И тем не менее он пополз дальше, пока не сумел добраться до странного этого места и заползти за клык.

Там можно было наконец выпрямиться, ибо вокруг высилось много большущих каменных глыб и валунов. Укрываясь за ними от возможного взгляда снизу, он осторожно продвинулся вперед, не отрывая взгляда от клыка.

Там виднелось дупло. У самого его основания имелась сухая неглубокая пещерка, а внутри ее были различимы две коленопреклоненные фигуры. Отшельники, погруженные в молитву? Неужели?

И тут оно случилось. Самая ужасная вспышка, какую он только когда-либо видывал, обрушилась на скалу — не мгновенно, не на один только миг. Словно огнеязыкий зверь лизал, урча, камень, вылизывал его, быть может, целых полминуты.

Когда Так открыл глаза, он насчитал двадцать пылающих башен.

Один из святых наклонился вперед и сделал какой-то жест. Другой рассмеялся. До расщелины, где лежал Так, донеслись звуки и слова:

— Очи змеи! Теперь я!

— Сколько теперь? — спросил второй, и Так узнал голос Махатмы Сэма.

— Вдвое — или ничего! — прорычал тот и наклонился вперед, затем откинулся назад и сделал тот же жест, что и Сэм чуть ранее.

— Нина из Шринагина! — пропел он и наклонился, повторяя тот же жест.

— Святые семь, — мягко произнес Сэм.

Второй взвыл.

Так зажмурился и заткнул уши, предчувствуя, что последует за этим воплем.

И не ошибся.

Когда ослепительное пламя и оглушительный грохот миновали, он осторожно глянул вниз на феерически освещенную сцену. Считать он не стал. Похоже, что штук сорок огневых единиц маячило теперь там, отбрасывая вокруг жуткие отсветы; их число удвоилось.

Ритуал возобновился. На левой руке Будды сверкало — своим собственным, бледным, чуть зеленоватым светом — железное кольцо.

И опять он услышал слова: «Вдвое — или ничего», и опять в ответ раздалось: «Святые семь».

На сей раз он решил, что скала расколется под ним. На сей раз он подумал, что пламя ослепит его даже сквозь плотно сомкнутые веки. Но он ошибся.

Когда он открыл глаза, взгляду его предстала уже целая армия колеблющихся перунов. Их сияние врезалось ему прямо в мозг, и он, поспешно прикрыв глаза рукой, опустил взгляд.

— Ну, Ралтарики? — спросил Сэм, и светлый изумрудный луч играл на его левой руке.

— Еще раз, Сиддхартха. Вдвое — или ничего.

На миг завеса дождя разорвалась, и в ослепительном сиянии огненных призраков Так увидел, что плечи того, кого звали Ралтарики, венчала голова буйвола, и успел заметить у него вторую пару рук.

Так поежился.

Зажмурился, заткнул уши, стиснул зубы и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Кругом грохотало, сверкало, длилось и длилось, пока Так не потерял наконец сознание.

Когда он пришел в себя, все кругом было серо, между ним и скалистым щитом оставался только присмиревший, спокойно моросящий дождь. У подножия скалы виднелась только одна фигура, и у нее не было видно ни рогов, ни лишних рук.

Так не двигался. Он ждал.

— Это, — сказал Яма, протягивая ему аэрозоль, — репеллент, он отпугивает демонов. В будущем, когда ты надумаешь забраться подальше от монастыря, обязательно пользуйся им. Я считал, что в округе нет ракшасов, а не то я дал бы его тебе раньше.

Так взял сосуд и положил его перед собой на стол.

Они сидели за легкой трапезой в покоях Ямы. Бог Смерти откинулся назад в своем кресле со стаканом вина — вина для Будды — в левой руке и полупустым графином в правой.

— Значит, тот, кого зовут Ралтарики, и в самом деле демон? — спросил Так.

— И да, и нет, — отвечал Яма. — Если под «демоном» ты понимаешь злобное, сверхъестественное существо, обладающее огромной силой, ограниченным сроком жизни и способностью временно принимать практически любую форму, то-

гда ответ будет «нет». Это — общепринятое определение, но в одном пункте оно действительности не соответствует.

— Да? И в каком же это?

— Это не сверхъестественное существо.

— Но все остальное...

— Справедливо.

— Тогда я не вижу никакой разницы, сверхъестественное оно или нет, коли оно злобно, обладает огромной силой и сроком жизни, да и к тому же может менять по собственной воле свой внешний вид.

— Да нет, в этом, видишь ли, кроется большая разница. Разница между непознанным и непознаваемым, между наукой и фантазией — это вопрос самой сути. Четыре полюса компаса — это логика, знание, мудрость и непознанное, оно же неведомое. И некоторые склоняются в этом последнем направлении. Другие же наступают на него. Склониться перед одним — потерять из виду три остальных. Я могу подчиниться непознанному, но непознаваемому — никогда. Человек, склоняющийся в этом последнем направлении, — либо святой, либо дурак. Мне не нужен ни тот, ни другой.

Так пожал плечами и отхлебнул вина.

— Ну а демоны?..

— Познаваемы. Я много лет экспериментировал с ними, и, если ты помнишь, я был одним из четверых, спустившихся в Адский Колодезь, когда Тарака скрылся от Владыки Агни в Паламайдзу. Разве ты не Так от Архивов?

— Я был им.

— Ведь ты же читал тогда записи о первых контактах с ракшасами?

— Я читал о днях обуздания...

— Тогда ты знаешь, что они — исконные обитатели этого мира, что они были здесь еще до появления человека с исчезнувшей Симлы.

— Да.

— Они — порождение скорее энергии, чем материи. Их собственные легенды повествуют, что когда-то у них были тела и жили они в городах. Однако в поисках личного бессмертия вступили они на другой путь, нежели человек. Им удалось отыскать способы увековечивать себя в виде стабильных энергетических полей. И покинули они свои тела, чтобы вечно жить в виде силовых вихрей. Но чистым интеллектом при

этом не стали. По-прежнему влачат они на себе всю полноту собственных «я» и, рожденные материей, навсегда подвержены всепожирающей страсти к плоти. Хотя они и способны временно принимать плотское обличье, не могут они вернуть его себе без посторонней помощи. Веками бесцельно блуждали они по всему миру. Потом пришествие Человека нарушило их покой. Чтобы преследовать пришельца, облеклись они в формы его кошмаров. Вот почему нужно было их победить, обуздать и сковать в безднах под Ратнагари. Мы не могли уничтожить их всех. Мы не могли допустить, чтобы продолжали они свои попытки овладеть инкарнационными машинами и людскими телами. Вот почему были они загнаны в ловушку, вот почему заключены в огромные магнитные бутылки.

— Ну а Сэм освободил многих, чтобы они исполняли его волю, — перебил Так.

— Ну да. Он заключил и поддерживал кошмарный пакт, по которому кое-кто из них еще может обитать в этом мире. Среди всех людей они уважают, может быть, лишь одного Сиддхартху. Но есть у них и один общий со всеми людьми порок.

— Какой же?

— Они страстно любят азартные игры... Они готовы играть на что угодно, и игорные долги — единственный для них вопрос чести. Так и должно быть, иначе они не доверяли бы другим игрокам — и лишились бы тем самым своего, быть может, единственного удовольствия. Поскольку огромна была их сила, даже принцы готовы были на игру с ними — в надежде выиграть их услуги. Так были потеряны целые королевства.

— Если ты считаешь, — сказал Так, — что Сэм играл с Ралтарики в одну из древних игр, какими же могли быть ставки?

Яма допил вино, налил еще.

— Сэм глупец. Нет, не то... Он игрок. Это совсем другое. Ракшасы контролируют множество низших энергетических существ. Сэм посредством того кольца, что он нынче носит, управляет теперь целой армией огненных элементалей, выигранных им у Ралтарики. Это смертельно опасные, неразумные создания — и в каждом сила разряда молнии.

Так допил свое вино.

— Но какую ставку мог сделать в этой игре Сэм?

Яма вздохнул.

— Все мои труды, все наши усилия более чем за полвека.

— Ты имеешь в виду — свое тело?

Яма кивнул.

— Человеческое тело — высший стимул, самая заманчивая приманка, какую только можно предложить демону.

— Зачем же Сэму так рисковать?

Яма уставился невидящим взглядом на Така.

— Вероятно, это — единственный для него способ пробудить свою волю к жизни, опять взвалить на себя свой долг, поставив самого себя на край пропасти, рискуя самим своим существованием при каждом броске кости.

Так подлил себе вина и тут же выпил его.

— Для меня вот это и есть непознаваемое, — сказал он.

Но Яма покачал головой.

— Только непознанное, — поправил он. — Сэм отнюдь не святой и, уж конечно же, не дурак.

— Хотя почти, — решил Яма и под вечер опрыскал демоническим репеллентом весь монастырь.

На следующий день явился поутру к монастырю маленький человек и уселся перед главным входом, поставив чашу для подаяния у самых своих ног. Одет он был просто, в потертую хламиду из грубой темной материи, доходившую ему до колен. Левый его глаз прикрывала черная повязка. Длинными темными прядями свисали с черепа остатки волос. Острый нос, маленький подбородок и высоко поставленные плоские уши придавали его лицу сходство с лисьей мордой. Единственный его зеленый глаз, казалось, никогда не моргал, лицо туго обтягивала обветренная кожа.

Просидел он так минут двадцать, пока его не заметил один из послушников Сэма и не сообщил об этом кому-то из темнорясых монахов ордена Ратри. Монах, в свою очередь, разыскал одного из жрецов и передал информацию ему. Жрец, желая произвести на богиню впечатление добродетелями ее последователей, немедленно послал за нищим, накормил его, выдал ему новую одежду и предоставил келью для отдыха, чтобы тот мог оставаться в монастыре сколько пожелает.

Пищу нищий принял с достоинством брамина, но не стал есть ничего, кроме хлеба и фруктов. Он принял также и темное одеяние ордена Ратри, сбросив свою прокопченную блузу. Затем он осмотрел келью и новый тюфяк, положенный там для него.

— Благодарю тебя, достойный жрец, — произнес он глубоким и гулким голосом, неведомо как умещавшимся в его хрупком теле. — Благодарю тебя и молю, чтобы твоя богиня обратила на тебя свою улыбку за доброту и любезность, явленные от ее имени.

На это улыбнулся и сам жрец, все еще в надежде, что как раз сейчас Ратри пройдет через зал и оценит доброту и любезность, явленные им от ее имени. Но она не прошла. На самом деле мало кому из ее ордена удавалось увидеть ее, даже по ночам, когда она преисполнялась силы и проходила среди них: ведь только шафранорясые ожидали пробуждения Сэма и доподлинно знали, кто он такой. Обычно она проходила по монастырю, пока ее послушники были погружены в молитву или же уже после того, как они расходились по своим кельям. Днем она обычно спала; видели они ее всегда с прикрытым лицом и закутанной в просторную рясу; пожелания свои и приказы она передавала через Гандхиджи, главу ордена, ему в этом цикле уже исполнилось девяносто три года, и был он почти слеп.

Ее монахи, как и монахи в шафрановых рясах, любопытствовали о ее внешности и стремились добиться от нее благосклонности. Считалось, что благословение богини обеспечит следующую инкарнацию в брамина. Не стремился к этому один Гандхиджи, ибо принял он путь подлинной смерти.

Так как она не появилась в зале, жрец продолжил беседу.

— Меня зовут Баларма, — заявил он. — Могу ли я узнать твое имя, достопочтенный господин, и, может быть, твою цель?

— Меня зовут Арам, — сказал нищий, — и я принял обет десятилетней нищеты и семилетнего молчания. К счастью, семь лет уже минуло, и я могу сейчас поблагодарить своих благодетелей и ответить на их расспросы. Я направляюсь в горы, чтобы разыскать там подходящую пещеру, в которой мог бы предаться медитациям и молитве. Я, пожалуй, воспользовался бы на несколько дней вашим гостеприимством, перед тем как возобновить свое путешествие.

— В самом деле, — сказал Баларма, — нам будет оказана честь, если святой подвижник сочтет подобающим почтить наш монастырь своим присутствием. Желанным гостем ты будешь для нас. Если тебе понадобится что-либо для твоего долгого пути и мы будем способны тебе в этом помочь, прошу, скажи нам об этом.

Арам уставился на него своим немигающим зеленым глазом и промолвил:

— Монах, который первым меня приметил, носил не темную рясу вашего ордена, — и он дотронулся до темного одеяния. — Мне показалось, что мой несчастный глаз уловил какой-то другой цвет.

— Да, — ответствовал Баларма, — ибо послушники Будды обрели у нас приют, недолго отдыхая здесь, в нашем монастыре.

— Это воистину интересно, — кивнул Арам, — ибо хотелось бы мне поговорить с ними и узнать при случае побольше об их Пути.

— Коли ты останешься на время здесь, тебе представится много таких возможностей.

— Тогда я так и поступлю. А долго ли будут они здесь?

— Сие мне неведомо.

Арам кивнул.

— Когда смогу я поговорить с ними?

— Сегодня вечером, в тот час, когда все монахи собираются вместе и беседуют на любые темы — все, кроме принявших обет безмолвия.

— Ну а до тех пор я посвящу свое время молитве, — сказал Арам. — Благодарю тебя.

Каждый слегка поклонился, и Арам вошел в свою келью.

В тот вечер Арам был среди монахов в час общения. В это время члены обоих орденов встречались друг с другом и пускались в богоугодные беседы. Сэм там не присутствовал, не было и Така, ну а Яма и вовсе здесь не появлялся.

Арам уселся за длинный стол в рефектории напротив нескольких буддистских монахов. Некоторое время он поговорил с ними, обсуждая доктрину и практику, касту и вероучение, погоду и текущие дела.

— Кажется странным, — сказал он чуть погодя, — что ваш орден проник так далеко на юг и на запад.

— Мы — странствующий орден, — откликнулся монах, к которому он обратился. — Мы следуем ветру. Мы следуем своему сердцу.

— В земли, где проржавела почва, в сезон гроз? Может, где-то здесь имело место какое-то откровение, которое могло бы расширить мои представления о мире, узнай я о нем?

— Все мироздание — сплошное откровение, — сказал монах. — Все меняется — и в то же время остается. День следует за ночью... каждый день — иной, но все же — это день. Почти все в мире — иллюзия, однако формы этой иллюзии следуют образцам, составляющим часть божественной реальности.

— Да-да, — вмешался Арам. — В путях иллюзии и реальности я многоопытен, но спрашивал-то я о том, не появлялось ли в округе новых учителей, не возвращался ли кто из старых или, быть может, имела место божественная манифестация, которая могла бы помочь пробуждению моей души.

С этими словами нищий смахнул со стола красного, размером с ноготь большого пальца, жука, который ползал рядом с ним, и занес над ним сандалию, чтобы его раздавить.

— Молю, брат, не причиняй ему вреда, — вмешался монах.

— Но их всюду множество, а Властелины Кармы утверждают, что, во-первых, человек не может вернуться в мир насекомым, а во-вторых, убийство насекомого не отягчает личной кармы.

— Тем не менее, — объяснил монах, — поскольку вся жизнь едина, в этом монастыре принято следовать доктрине ахимсы и воздерживаться от прерывания любого ее проявления.

— Но ведь, — возразил Арам, — Патанджали утверждает, что правит намерение, а не деяние. Следовательно, если я убил скорее с любовью, чем с ненавистью, то я словно бы и не убивал. Признаю, что в данном случае все не так и, без сомнения, налицо злой умысел; стало быть, груз вины падет на меня, убью я или нет, — из-за наличия намерения. Итак, я мог бы раздавить его и не стать ничуть хуже — в соответствии с принципом ахимсы. Но поскольку я здесь гость, я, конечно же, уважу местные обычаи и не совершу подобного поступка.

И он отодвинул от жука свою ногу: тот не сдвинулся с места, лишь чуть пошевеливая красными своими усиками.

— Воистину, вот настоящий ученый, — сказал монах ордена Ратри.

Арам улыбнулся.

— Благодарю тебя, но ты не прав, — заявил он. — Я лишь смиренный искатель истины, и при случае мне, бывало, выпадала удача прислушиваться к умным речам. Если бы мне везло так и в дальнейшем! Если бы неподалеку оказался какой-нибудь замечательный учитель или ученый, по раскален-

ным углям пошел бы я к нему, чтобы сесть у его ног и выслушать его слова или последовать его примеру. Если...

И он вдруг прервался, ибо все вокруг уставились на дверь у него за спиной. Не оглядываясь, он молниеносно раздавил жука, что замер около его руки. Две крохотные проволочки проткнули сломанный хитин его спинки, наружу проступила грань крошечного кристаллика.

Тогда Арам обернулся, и его зеленый глаз, скользнув вдоль рядов сидевших между ним и дверью монахов, уставился прямо на Яму; тот был облачен во все алое — галифе, сапоги, рубаха, кушак, плащ и перчатки; голову венчал кроваво-красный тюрбан.

— «Если»? — сказал Яма. — Ты сказал «если»? Если бы какому-либо мудрецу или же божественной аватаре случилось оказаться поблизости, ты бы хотел с ним познакомиться? Так ли ты сказал, чужак?

Нищий поднялся из-за стола и поклонился.

— Я — Арам, — заявил он, — странник и спутник каждому, кто ищет просветления.

Яма не поклонился в ответ.

— Зачем же ты перевернул собственное имя, Владыка Иллюзий, когда лучше любого герольда оповещают о тебе твои слова и деяния?

Нищий пожал плечами.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Но губы его опять искривила усмешка. — Я тот, кто домогается Пути и Права, — добавил он.

— Мне в это трудно поверить, ведь на моей памяти ты предаешь уже тысячи лет.

— Ты говоришь об отпущенных богам сроках.

— Увы, ты прав. Ты грубо ошибся, Мара.

— В чем же?

— Тебе кажется, что дозволено будет тебе уйти отсюда живым.

— Ну конечно, я предвижу, что так оно и будет.

— Не учитывая многочисленные несчастные случаи, которые могут обрушиться в этом диком краю на одинокого путника.

— Уже много лет путешествую я в одиночку. И несчастные случаи всегда были уделом других.

— Ты, наверное, считаешь, что, даже если тело твое будет

здесь уничтожено, твой атман перенесется прочь, в где-то заранее заготовленное другое тело. Уверен, кто-нибудь уже разобрался в моих заметках, и этот фокус стал для вас возможным.

Брови нищего чуть нахмурились и сдвинулись на долю дюйма теснее и ниже.

— Тебе невдомек, что сокрытые в этом здании силы делают такой перенос невозможным.

Нищий вышел на середину комнаты.

— Яма, — воззвал он, — ты безумец, коли собираешься сравнивать свои ничтожные после падения силы с мощью Сновидца.

— Может, и так, Повелитель Мара, — ответил Яма, — но слишком уж долго я дожидался этой возможности, чтобы откладывать ее на потом. Помнишь мое обещание в Дезирате? Если ты хочешь продлить цепь своих перерождений, у тебя нет другого выхода, тебе придется пройти через эту, единственную здесь дверь, которую я преграждаю. Ничто за пределами этой комнаты не в силах тебе ныне помочь.

И тогда Мара поднял вверх руки, и родилось пламя.

Все пылало. Языки пламени жадно лизали каменные стены, деревянные столы, рясы монахов. Волны дыма пробегали по комнате. Яма стоял в центре пожарища и не шевелился.

— Неужели ты не способен на большее? — спросил он. — Твое пламя повсюду, но ничто не сгорает.

Мара хлопнул в ладоши, и пламя исчезло.

Вместо него возник гигантский кобоид. Его голова раскачивалась вдвое выше самого рослого из монахов, серебристый капюшон раздувался; изогнувшись в виде огромного S, он готовился к смертельному выпаду.

Яма не обратил на него никакого внимания, его сумрачный взгляд, зондируя, словно жало ядовитого насекомого, буравил единственный глаз Мары.

Кобоид поблек и рассеялся, так и не завершив своего броска. Яма шагнул вперед.

Мара отступил на шаг.

Они замерли так, и сердца их бились — раз, другой, третий, — прежде чем Яма сделал еще два шага вперед и Мара опять отступил. На лбу у обоих сверкали капельки пота.

Нищий явно подрос, волосы его стали заметно гуще; тело окрепло, а плечи раздались вширь. Движения его обрели некую грацию, которой ранее, конечно же, не было и в помине.

Он отступил еще на шаг.

— Да, Мара, перед тобой бог Смерти, — процедил Яма сквозь крепко сжатые зубы. — Павший я или нет, в глазах моих — реальная смерть. И тебе придется встретить мой взгляд. За спиной у тебя стена, и дальше пятиться будет некуда. Смотри, силы уже начинают покидать твои члены. Холодеют твои руки и ноги.

Зарычав, Мара оскалился.

Загривок его толщиной поспорил бы с бычьим. Бицепсы напоминали бедра взрослого мужчины. Грудь — как наполненная силой бочка, ноги попирали пол, словно стволы платанов в лесу.

— Холодеют? — переспросил он, вытягивая вперед руки. — Этими руками, Яма, я могу переломить пополам гиганта. Ты же всего-навсего изношенный бог падали, не так ли? Твой сердитый взгляд исподлобья способен исторгнуть душу у старца или калеки. Ты можешь заморозить глазами бессловесных животных или людишек низших каст. Я настолько же выше тебя, насколько звезды в небе выше океанских бездн.

Руки Ямы в алых перчатках, словно две кобры, обрушились ему на шею.

— Так отведай же той силы, над которой ты насмехаешься, Сновидец. С виду ты переполнен силой. Так используй же ее! Победи меня не словами!

Руки Ямы начали сжиматься у него на горле, и лицо Мары, его щеки и лоб зацвели алыми пятнами. Глаз, казалось, вот-вот выкатится из своей орбиты, его зеленый лучик судорожно обшаривал окоем в поисках спасения.

Мара упал на колени.

— Остановись, бог Яма! — с трудом выдохнул он. — Не убьешь же ты себя?

Он менялся. Черты его лица заколебались и потекли, будто он лежал под покровом бегущих вод.

Яма посмотрел вниз на свое собственное лицо и увидел, как его руки вцепились ему в запястья.

— Вместе с тем, как покидает тебя жизнь, Мара, растет твое отчаяние. Не настолько уж Яма ребенок, чтобы побояться разбить зеркало, которым ты стал. Пробуй, что у тебя там еще осталось, или умри как человек, все равно именно это и ждет тебя в конце.

Но еще раз заструилась над Марой вода, и еще раз изменился он.

И на сей раз заколебался Яма, прервался вдруг его напор.

По его алым перчаткам разметались ее бронзовые кудри. Бледно-серые глаза жалобно молили его. На шее у нее висело ожерелье из выточенных из слоновой кости черепов, своей мертвенной бледностью они почти не отличались от ее плоти. Сари ее было цвета крови. Руки почти ласкали его запястья.

— Богиня! — шепнул он.

— Ты же не убьешь Кали?.. Дургу?.. — едва выдавила она в удушье.

— Опять не то, Мара, — прошептал он. — Разве ты не знал, что каждый убивает то, что любил? — И руки его сомкнулись, и раздался хруст ломаемых костей. — Десятикратно будешь ты осужден, — сказал Яма, зажмурив глаза. — Не будет тебе возрождения.

И он разжал руки.

Высокий, благородного сложения человек распростерся на полу у его ног, склонив голову на правое плечо.

Глаз его навсегда сомкнулся.

Яма перевернул ногой лежащее тело.

— Возведите погребальный костер, — сказал он монахам, не поворачиваясь к ним, — и сожгите тело. Не опускайте ни одного ритуала. Сегодня умер один из величайших.

И тогда отвел он глаза от деяния рук своих, резко повернулся и вышел из комнаты.

Тем вечером молнии разбежались по небосводу и дождь, как картечь, барабанил с небес.

Вчетвером сидели они в комнате на самом верху башни, венчавшей собою северо-западную оконечность монастыря.

Яма расхаживал взад и вперед, останавливаясь всякий раз у окна.

Остальные сидели, смотрели на него и слушали.

— Они подозревают, — говорил он им, — но не знают. Они не посмеют опустошить монастырь бога, одного из своих, чтобы не обнаружить перед людьми раскол в своих рядах, — по крайней мере, пока не будут вполне уверены. А уверены они не были, вот они и начали расследование. Это означает, что у нас еще есть время.

Они кивнули.

— Некоему брамину, отказавшемуся от мира в поисках своей души, случилось проходить мимо, и — увы, печальное

событие, — он умер здесь подлинной смертью. Тело его было сожжено, прах развеян над рекой, что впадает в океан. Вот как все было... Ну а странствующие монахи Просветленного как раз гостили здесь в это время. А вскоре отправились дальше. Кто знает, куда лежал их путь...

Так постарался принять как можно более вертикальное положение.

— Божественный Яма, — сказал он, — это, конечно, сгодится — на неделю, месяц, может быть, даже больше, но история эта пойдет прахом, как только первый из присутствующих в монастыре попадет в Палаты Кармы, подвергнется суду ее Хозяев. И как раз в подобных обстоятельствах кто-то из них может очень скоро попасть туда. Что тогда?

Яма аккуратно скручивал сигарету.

— Нужно все устроить так, чтобы моя версия стала реальностью.

— Как это может быть? Когда человеческий мозг подвергается кармическому проигрыванию, все записанное в нем, все события, свидетелем которых был он в своем последнем жизненном цикле, предстают читающему механизму его судьи столь же внятными, как и записи на свитке.

— Да, это так, — признал Яма. — А ты, Так от Архивов, никогда не слышал о палимпсестах? О свитках, которые были использованы, потом подчищены, стерты — и использованы заново?

— Конечно, слышал, но ведь разум — это не свиток.

— Неужели? — усмехнулся Яма. — Хорошо, но эту метафору употребил ты, а не я. Ну а все же, что такое истина? Истина — дело твоих рук.

Он закурил.

— Эти монахи присутствовали при странном и страшном событии, — продолжал он. — Они видели, как я принял свой Облик и обрел Атрибут. Они видели, как то же самое сделал и Мара — здесь, в этом монастыре, где мы вдохнули новую жизнь в принцип ахимсы. Они, конечно, знают, что боги способны совершать подобные поступки, не отягчая своей кармы, но шок был тем не менее силен, а впечатление живо. А ведь еще предстоит и окончательное сожжение. К моменту этого сожжения та легенда, которую я только что вам изложил, должна стать в их умах истиной.

— Как? — спросила Ратри.

— Этой же ночью, сей же час, — сказал Яма, — пока образ события пламенеет внутри их сознания, а мысли их в смятении, будет выкована и водружена на место новая истина... Сэм, ты отдыхал достаточно долго. Пора уже браться за дело и тебе. Ты должен прочесть им проповедь. Ты должен воззвать к тем благородным чувствам и тем высшим духовным качествам в них, которые превращают людей в благодарное поле для божественного вмешательства. Мы с Ратри объединим наши усилия, и для них родится новая истина.

Сэм изменился в лице и потупил глаза.

— Не знаю, смогу ли я это сделать. Все это было так давно...

— Однажды Будда — Будда навсегда. Стряхни пыль с каких-нибудь старых притч. У тебя есть минут пятнадцать.

Сэм протянул руку.

— Дай-ка мне табаку и листок бумаги. — Он принял все это, свернул сигарету. — Огонек?.. Спасибо. — Глубоко затянулся, закашлялся. — Я устал им лгать, — промолвил он наконец. — А это, как я понимаю, и есть настоящая ложь.

— Лгать? — переспросил Яма. — Кто предлагает тебе лгать? Процитируй им Нагорную проповедь, если хочешь. Или что-нибудь из Пополь-Вуха... Из «Илиады»... Мне все равно, что ты там наговоришь. Просто немножко встряхни их, немножко утешь. Больше я ни о чем не прошу.

— Ну и что тогда?

— Что? Тогда я начну спасать их — и нас!

Сэм медленно кивнул.

— Когда ты все это так преподносишь... что касается подобных тем, то я еще не вполне в форме. Ладно, я подберу пару истин и подброшу немножко набожности, но дай мне минут двадцать.

— По рукам, двадцать минут. А потом сразу пакуемся. Завтра мы отправляемся в Хайпур.

— Так скоро? — спросил Так.

Яма качнул головой.

— Так поздно, — сказал он.

Монахи сидели рядами на полу рефектория. Столы сдвинули к стене. Насекомые куда-то подевались. Снаружи не переставая моросил дождь.

Махатма Сэм, Просветленный, вошел в залу и уселся пе-

ред ними. Вошла, как всегда под вуалью, одетая буддистской послушницей Ратри.

Яма и Ратри отступили в глубь комнаты и тоже уселись на пол. Так тоже был где-то рядом.

Сэм несколько минут сидел, не открывая глаз, затем негромко произнес:

— У меня много имен, но они сейчас не имеют значения.

Он чуть приоткрыл глаза, но это было единственное его движение. Ни на кого конкретно он не смотрел.

— Имена не важны. Говорить — это называть имена, но не в этом важность. Однажды случается нечто, чего до той поры никогда не случалось. Глядя на это, человек созерцает реальность. Он не может поведать другим, что же он видел. Но другие хотят это узнать, и вот они вопрошают его; они говорят: «На что оно похоже — то, что ты видел?» И он пытается рассказать им. Быть может, он видел самый первый в мире огонь. Он говорит им: «Он красен, как мак, но пляшут в нем и иные цвета. У него нет формы, как у воды; он текуч. Он теплый, как летнее солнце, даже теплее. Он существует какое-то время на куске дерева — и дерево исчезает, будто съеденное, остается лишь что-то черное, сыпучее, как песок. И он исчезает вместе с деревом». И вот слушатели вынуждены думать, что реальность эта схожа с маком, с водой, с солнцем, с тем, что ест и испражняется. Они думают, что она, эта реальность, схожа со всем, чему она подобна по словам познавшего ее. Но вот огонь снова и снова появляется в этом мире. Все новые и новые люди видят его. И спустя какое-то время огонь становится уже так привычен, как трава, облака, как воздух, которым они дышат. И они видят, что, хотя и похож он на мак, это не мак, хотя и похож на воду, не вода, хотя похож на солнце, но не солнце, хотя и похож на того, кто ест и испражняется, все же это не тот, кто ест и испражняется, но нечто отличное от каждого из этих предметов или ото всех их разом. Так что смотрят они на эту новую суть и изобретают новое слово, чтобы назвать ее. Они зовут ее «огонь».

Если же случится им вдруг встретить человека, который еще не видел огня, и они скажут ему о нем, не поймет он, что же они имеют в виду. И опять им, в свою очередь, придется говорить ему, на что похож огонь. Но при этом они знают по собственному опыту, что говорят они ему не истину, а только часть истины. Они знают, что человек этот никогда не позна-

ет с их слов реальность, хотя и могут они использовать все слова на свете. Он должен взглянуть на огонь, ощутить его запах, согреть у него руки, всмотреться в его сердце — или остаться навеки неведающим. Не важен, стало быть, «огонь», не важна «земля», «воздух», «вода», не важно «я». Ничто не важно. Но забывает человек реальность и помнит слова. Чем больше слов он помнит, тем умнее считают его окружающие. Он взирает, как в мире происходят великие изменения, но видит он их совсем не так, как виделись они, когда человек посмотрел на реальность впервые. На язык к нему приходят имена, и он улыбается, пробуя их на вкус, он думает, что, именуя, он познает. Но еще происходит никогда доселе не бывавшее. Это все еще чудо. Великий пылающий цветок распускается, переливаясь, на кромке мира, оставляя по себе пепел мира и не будучи ни в чем из перечисленного мною — и в то же время являясь всем; это и есть реальность — Безымянное.

И вот я требую от вас — забудьте имена, что вы носите, забудьте слова, что я говорю, как только они произнесены. Взыскуйте лучше Безымянное внутри самих себя, Безымянное, которое поднимается, когда я обращаюсь к нему. Оно внимает не моим словам, а реальности внутри меня, частью которой оно является. Это атман, и слышит он не мои слова, но меня. Все остальное нереально. Определить — это утратить. Сущность всех вещей — Безымянное. Безымянное непознаваемо, оно всесильнее даже Брахмы. Вещи преходящи, сущность неизменна. И восседаете вы, стало быть, среди грезы.

Сущность грезит грезой формы. Формы проходят, но сущность остается, грезя новой грезой. Человек именует эти грезы и думает, что ухватил самую суть, сущность, не ведая, что взывает к нереальному. Эти камни, эти стены, эти тела, которые, как вы видите, сидят вокруг вас, — это маки, это вода, это солнце. Это — грезы Безымянного. Это, если угодно, огонь.

Иногда может явиться сновидец, которому ведомо, что он грезит. Он может обуздать что-либо из плоти грезы, подчинить ее своей воле — или же может пробудиться к более глубокому самосознанию. Если он выберет путь самопознания, велика будет его слава и на все века просияет звезда его. Если же выберет он вместо этого путь тантры, не забывая ни сансары, ни нирваны, охватывая весь мир и продолжая жить в нем, то могущественным станет он среди сновидцев. Обратиться его могущество может и к добру, и ко злу, как мы увидим, — хотя

сами эти слова и они тоже — бессмысленны вне именований сансары.

Пребывать в ложе сансары, однако, означает подвергаться воздействию тех, кто могуществен среди сновидцев. Коли они могущественны к добру, это золотое время. Коли ко злу — время мрака. Греза может обернуться кошмаром.

Писание гласит, что жизнь — это претерпевание. Да, это так, говорят мудрецы, ибо человек, чтобы достичь просветления, должен преизбыть круг своей Кармы. Поэтому-то, говорят мудрецы, какая выгода человеку бороться внутри грезы против того, что есть его жребий, путь, которому он должен следовать, чтобы достичь освобождения? В свете вечных ценностей, говорят мудрецы, страдание — как бы ничто; в терминах сансары, говорят мудрецы, оно ведет к добру. Какие же оправдания есть тогда у человека, чтобы бороться против тех, кто могуществен ко злу?

Он на мгновение замолк, приподнял голову.

— Сегодня ночью среди вас прошел Владыка Иллюзий — Мара, могущественный среди сновидцев, могущественный ко злу. И натолкнулся он на другого, на того, кто умеет работать с плотью снов на иной лад. Он встретил Дхарму, способного извергнуть сновидца из его сна. Они боролись, и Великого Мары больше нет. Почему боролись они, бог Смерти с иллюзионистом? Вы скажете, неисповедимы пути их, неисповедимы пути господни. Это не ответ.

Ответ, оправдание — одно и то же и для людей, и для богов. Добро или зло, говорят мудрецы, какая разница, ведь оба они принадлежат сансаре. Согласитесь, но учтите и то, о чем мудрецы не говорят. Оправдание это — «красота», то есть слово, но загляните под это слово и узрите Путь Безымянного. А каков Путь Безымянного? Это Путь Грезы. А почему Безымянное грезит? Неведомо это никому, кто пребывает в сансаре. Так что лучше спросите: о чем же грезит Безымянное?

Безымянное, частью коего все мы являемся, грезит о форме, провидит форму. А каково же высшее свойство, коим форма способна обладать, высший ее атрибут? Это красота. И Безымянное, стало быть, художник. И проблема тем самым не в добре или зле, но в эстетике. Бороться против тех, кто могущественны среди сновидцев и могущественны ко злу, то есть против уродства, — это не бороться за то, что, как учили нас мудрецы, лишено смысла на языке сансары или нирваны,

это, скорее, бороться за симметрическое сновидение грезы на языке ритма и пункта, равновесия и контраста, каковые наполняют ее красотой. Об этом мудрецы ничего не говорят. Истина эта столь проста, что они, должно быть, проглядели ее. Вот почему обязывает меня эстетика данного момента обратить на это ваше внимание. Только волей Безымянного и порождается борьба против сновидцев, грезящих об уродливом, будь то боги или люди. Эта борьба также чревата страданием, и, следовательно, бремя Кармы будет ею облегчено, так же как и претерпеванием уродства, но это страдание продуктивно в высшем смысле — в свете вечных ценностей, о которых так часто говорят мудрецы.

Истинно говорю вам, эстетика того, чему были вы сегодня свидетелями, — самой высшей пробы. Вы можете, однако, спросить меня: «Как же мне узнать, что красиво, а что уродливо, чтобы действовать, исходя из этого?» На этот вопрос, говорю я вам, ответить себе должны вы сами. Чтобы сделать это, прежде всего забудьте все, что я сказал, ибо я не сказал ничего. Покойтесь с миром в Безымянном.

Он поднял правую руку и склонил голову.

Встал Яма, встала Ратри, на одном из столов появился Так.

Они все вместе вышли из залы, будучи уверены, что на сей раз махинации Кармы разрушены.

Они шли сквозь пьянящее утреннее сиянье под Мостом Богов. Высокие папоротники, все еще усыпанные жемчужинами ночного дождя, блестели с обеих сторон от тропы. Прозрачный пар, поднимавшийся от земли, слегка рябил контуры далеких горных вершин и верхушки деревьев. День выдался безоблачным. Свежий утренний ветерок еще навевал остатки ночной прохлады. Щелканье, жужжанье, щебет наполнявшей джунгли жизни сопровождали неспешную поступь монахов. Покинутый ими монастырь едва можно было различить над верхушками деревьев; высоко в воздухе над ним дым курсивом расписывался на небесах.

Прислужники Ратри несли ее носилки посреди группы монахов, слуг и горстки ее вооруженных телохранителей. Сэм и Яма шли в головной группе. Над ними бесшумно и незаметно прокладывал свой путь среди ветвей и листьев Так.

— Костер все еще пылает, — сказал Яма.

— Да.

— Они сжигают странника, которого, когда он остановился у них в монастыре, сразил сердечный приступ.

— Так оно и есть.

— Экспромтом ты произнес весьма впечатляющую проповедь.

— Спасибо.

— Ты и в самом деле веришь в то, что проповедовал?

Сэм рассмеялся.

— Я очень легковерен, когда речь идет о моих собственных словах. Я верю всему, что говорю, хотя и знаю, что я лжец.

Яма фыркнул.

— Жезл Тримурти все еще падает на спины людей. Нирити шевелится в своем мрачном логове, тревожит южные морские пути. Не собираешься ли ты провести еще одну жизнь, предаваясь метафизике, — чтобы найти новое оправдание для противодействия своим врагам? Твоя речь прошлой ночью прозвучала так, будто ты опять принялся рассматривать «почему» вместо «как».

— Нет, — сказал Сэм. — Я просто хотел испробовать на них другие доводы. Трудно поднять на восстание тех, для кого все на свете — добро. В мозгу у них нет места для зла, несмотря на то что они постоянно его претерпевают. Взгляды на жизнь у вздернутого на дыбу раба, который знает, что родится опять, может быть даже — если он страдает добровольно — жирным торговцем, совсем не те, что у человека, перед которым всего одна жизнь. Он может снести все, что угодно, ибо знает, что чем больше настрадается здесь, тем больше будет будущее удовольствие. Если подобному человеку не выбрать веру в добро или зло, быть может, красоту и уродство можно заставить послужить ему вместо них. Нужно изменить одни лишь имена.

— И это, значит, новая официальная линия партии? — спросил Яма.

— Ну да, — сказал Сэм.

Рука Ямы нырнула в неведомую складку одеяния и тут же вынырнула обратно с кинжалом, который он приветственным жестом вскинул кверху.

— Да здравствует красота! — провозгласил он. — Да сгинет уродство!

На джунгли накатилась волна тишины.

Яма, быстро спрятав кинжал, взмахнул рукой.

— Стой! — закричал он.

Щурясь от солнца, он глядел вверх и куда-то направо.

— Прочь с тропы! В кусты! — скомандовал он.

Все пришло в движение. Облаченные в шафран фигуры хлынули с тропы. Среди деревьев очутились и носилки Ратри. Сама она стояла рядом с Ямой.

— Что такое? — спросила она.

— Слушай!

И тут-то оно и объявилось, низвергшись с небес на чудовищной звуковой волне. Сверкнуло над пиками гор, наискось перечеркнуло небо над монастырем, стерев дым с лица небес. Громовые раскаты протрубили его приход, и воздух дрожал, когда оно прорезало свой путь сквозь ветер и свет.

Был это составленный из двух перекрученных восьмерками петель крест святого Антония, и за ним тянулся хвост пламени.

— Разрушитель вышел на тропу охоты, — сказал Яма.

— Громовая колесница! — вскричал один из воинов, делая рукой какой-то знак.

— Шива, — сказал монах с расширившимися от ужаса глазами. — Разрушитель.

— Если бы я вовремя сообразил, насколько здорово ее сработал, — прошептал Яма, — я мог бы сделать так, чтобы дни ее были сочтены. Время от времени я начинаю раскаиваться в своем гении.

Она пронеслась под Мостом Богов, развернулась над джунглями и умчалась к югу. Грохот постепенно затих, опять стало тихо.

Защебетала какая-то пичуга, ей ответила другая. И вновь лес наполнился звуками жизни, путники вернулись на тропу.

— Она вернется, — сказал Яма, и так оно и было.

Еще дважды в этот день приходилось им сворачивать с тропы, когда над головами у них проносилась громовая колесница. В последний раз она покружила над монастырем, наблюдая, должно быть, как проходят погребальные обряды. Затем нырнула за горы и исчезла.

В эту ночь они заночевали под открытым небом, и то же повторилось днем позже.

На третий день они вышли к реке Диве неподалеку от ма-

ленького портового городка Куны. Здесь появилась наконец возможность воспользоваться нужным им транспортом; в тот же вечер они пустились в путь на барке, направляясь к югу, где Дива сливается с полноводной Ведрой, и далее, чтобы добраться наконец до пристаней Хайпура.

Сэм вслушивался в речные звуки. Он стоял на темной палубе, и руки его спокойно лежали на перилах. Он вглядывался в глубины вод, где вставали и падали светлые небеса, звезды тянулись друг к другу. Вот тогда ночь и обратилась к нему голосом Ратри:

— Ты проходил этим путем раньше, о Татхагата?

— Много раз, — ответил он.

— Чудна Дива при тихой погоде, когда рябит и играет она под звездами.

— Воистину.

— Мы направляемся в Хайпур, во дворец Камы. Что ты будешь делать, когда мы доберемся?

— Некоторое время я потрачу на медитацию, богиня.

— О чем будешь ты медитировать?

— О своих прежних жизнях и ошибках, которые содержала каждая из них. Я должен пересмотреть и свою собственную тактику, и тактику врагов.

— Яма считает, что Золотое Облако тебя изменило.

— Очень может быть.

— Он считает, что оно смягчило тебя и ослабило. Ты всегда изображал из себя мистика, но теперь он думает, что ты и в самом деле им стал — на погибель себе и нам.

Он тряхнул головой, повернулся, но не увидел ее. То ли стояла она там невидимой, то ли отступила прочь? Он заговорил негромко, ровным голосом.

— Я сорву с небес эти звезды, — заявил он, — и швырну их в лицо богам, если это будет необходимо. Я буду богохульствовать по всей земле, в каждом Храме. Я буду вылавливать жизни, как рыбак ловит рыбу, — даже сетью, если это будет необходимо. Я опять взойду в Небесный Град, пусть даже каждая ступень станет пламенем или обнаженным мечом, а путь будут стеречь тигры. Однажды боги глянут с Небес и увидят меня на лестнице, несущим дар, которого они больше всего боятся. И в этот день начнется новая Юга... Но сначала я должен какое-то время помедитировать, — закончил он.

Он отвернулся и опять уставился на катящиеся мимо воды.

Падающая звезда прожигала себе путь по небосводу. Корабль продолжал свой путь. Вокруг дышала ночь.

Сэм смотрел вперед, вспоминая.

Глава 2

Однажды какой-то второстепенный раджа какого-то заштатного княжества явился со своей свитой в Махаратху, город, прозывавшийся Вратами Юга и Рассветной Столицей, чтобы приобрести себе новое тело. Было это в те времена, когда нить судьбы можно было еще извлечь из сточной канавы, когда боги не придерживались столь строго всех формальностей, обузданы были демоны, а Небесный Град был еще изредка доступен человеку. Вот рассказ о том, как правитель этот столкнулся в Храме с обрядовым однооруким пандитом и навлек на себя своей самонадеянностью немилость Небес...

> Немногие возрождаются снова среди людей; больше тех, кто рождаются снова где-то еще.
>
> *Ангуттараникая (I,35)*

День уже перевалил за середину, когда в рассветную столицу по широкой улице Сурьи въезжал князь. Свита из сотни всадников теснилась за его белой кобылой, по левую руку от него скакал советник Стрейк, сабля покоилась в ножнах, на спинах вьючных лошадей покачивались тюки с его богатствами.

Зной обрушивался на тюрбаны, стекал по телам воинов на землю и вновь отражался от нее.

Навстречу им медленно ползла повозка, возница ее покосился на стяг, который нес старший в свите; куртизанка глядела на улицу, облокотясь о резную дверь своего павильона; свора дворняг захлебывалась от лая, стараясь не попасть под копыта лошадей.

Князь был высок ростом. Его усы цветом напоминали дым. Темные, как кофе, руки бороздили набухшие вены. Но держался он еще очень прямо, а ясные, завораживающие глаза его походили на глаза древней птицы.

Поглазеть, как проходит дружина, стеклось немало зевак. Лошадьми пользовались только те, кто мог их приобрести, а

не многим было по средствам позволить себе подобную роскошь. Обычным средством передвижения были ящеры — чешуйчатые твари со змеиной головой, снабженной многочисленными зубами; происхождение их было темно, жизнь — недолга, характер скверен; но лошади по каким-то причинам поколение за поколением становились все более бесплодными.

И князь въезжал в рассветную столицу, и глазел на это всяк, кто хотел.

Они свернули с улицы Сурьи в более узкий проулок. Они проезжали мимо низеньких лавчонок и роскошных палат процветающих торговцев, мимо банков и Храмов, таверн и борделей. Они ехали мимо, пока впереди не показались деловые кварталы; здесь, на их границе, размещался гостиный двор Хауканы, Лучшего Среди Хозяев. У ворот они придержали лошадей, ибо сам Хаукана вышел навстречу — в простой одежде, дородный по последней моде и улыбающийся, — готовый лично ввести белую кобылу князя за ограду своего заведения.

— Добро пожаловать, Князь Сиддхартха! — возгласил он громким голосом, так что из зевак лишь глухой мог не узнать, что за гостя он приветствует. — Милости прошу в сей соловьиный край, в благоуханные сады и мраморные залы скромного сего заведения! Добро пожаловать и всадникам, что сопровождают тебя в столь замечательном путешествии, а сейчас, вне всякого сомнения, не менее твоего жаждут изысканного отдыха и достойного досуга. Внутри ты найдешь все, чего только ни пожелаешь, как ты, надеюсь, неоднократно имел возможность убедиться в прошлом, когда обитал в залах этих в компании других высокородных гостей и знатных посетителей, увы, слишком многочисленных, чтобы упомянуть их всех, среди коих...

— И тебе день добрый, Хаукана! — воскликнул князь, ибо день выдался жарким, а речи хозяев постоялых дворов, совсем как реки, всегда грозят течь бесконечно. — Поспешим же внутрь этих стен, где среди других достоинств, слишком многочисленных, чтобы упомянуть их все, наверняка значится и прохлада.

Хаукана кратко кивнул и, взяв кобылу под уздцы, повел ее через ворота во двор; там он придержал стремя, чтобы князь спешился, затем препоручил лошадей заботам своих конюших и послал мальчугана подмести улицу перед воротами.

Мужчин тут же проводили в мраморный банный зал, где к превеликому их удовольствию слуги окатили им плечи прозрачной и прохладной водой. Затем, чуть подразнив по обычаю касты воинов друг друга, надели люди князя свежие одежды и отправились в обеденный зал.

Трапеза длилась всю оставшуюся часть дня, пока воины наконец не потеряли счет сменам блюд. По правую руку от князя, сидевшего во главе длинного низкого стола, уставленного яствами, три танцовщицы ткали замысловатую пряжу танца, сопровождая свои движения щелчками кастаньет и предписываемой каноном мимикой; скрытые за занавесом четыре музыканта аккомпанировали их движениям соответствующей этому часу музыкой. Стол был устлан богато расшитым гобеленом, сверкавшим яркими цветами: синим, коричневым, желтым, красным, зеленым; выткана на нем была череда батальных и охотничьих сцен: всадники на ящерах и лошадях с копьями и луками нападали тут на златопанду, там на огнекочета, подбирались к зарослям изумрудных бобометов; зеленые обезьяны сражались в кронах деревьев; птица Гаруда сжимала в когтях небесного демона, охаживая его клювом и крыльями; из морских глубин выползала армия рогатых рыб, сжимавших между судорожно стиснутыми плавниками острия розового коралла; преграждая им путь на берег, поджидала их цепочка людей в шлемах и юбках, вооруженных копьями и факелами...

Князь почти не прикасался к пище. Попробовав очередное блюдо, он слушал музыку, изредка посмеиваясь шуткам своих людей.

Он прихлебнул шербет, кольца на его руке громко звякнули о стекло сосуда. Перед ним вырос Хаукана.

— Все ли в порядке, Князь? — спросил он.

— Да, добрый Хаукана, все в порядке, — ответил тот.

— Ты не ешь наравне со своими людьми. Тебе не нравится еда?

— Дело не в продуктах, они великолепны, не в поварах, они безукоризненны, достойный Хаукана. Просто последнее время мой аппетит не на высоте.

— А! — с видом знатока промолвил Хаукана. — У меня есть кое-что на этот случай, как раз то, что надо. Только такой, как ты, и способен по-настоящему оценить его. Долго хранилось оно на специальной полке у меня в погребе. Бог

Кришна неведомо как сохранил его сквозь долгие, долгие годы. Он дал его мне много лет назад, ибо предоставленный здесь приют пришелся ему весьма по вкусу. Я схожу за ним для тебя.

И он с поклоном покинул зал.

Вернулся он с бутылкой. Еще не поглядев на наклейку, князь узнал форму бутылки.

— Бургундское! — воскликнул он.

— Точно, — сказал Хаукана. — С давно исчезнувшей Симлы.

Он понюхал бутылку и улыбнулся. А потом налил немного вина в грушевидный кубок и поставил его перед своим гостем.

Князь поднял его и долго вдыхал аромат вина. Затем, закрыв глаза, пригубил.

Все в зале из уважения к его наслаждению умолкли.

Потом он опустил бокал, и Хаукана еще раз плеснул драгоценный сок *пино нуар*, которому никогда не расти в этом мире.

Князь не притронулся к кубку. Вместо этого он повернулся к Хаукане и сказал:

— Кто самый старый музыкант в твоем заведении?

— Манкара, вот он, — ответил хозяин, указывая на седобородого мужчину, примостившегося, чтобы отдохнуть, за сервировочным столом в углу зала.

— Старый не телом, годами, — уточнил князь.

— А, наверное, это Дил, — сказал Хаукана, — если, правда, считать его музыкантом. Он утверждает, что был когда-то таковым.

— Дил?

— Мальчик при конюшне.

— А, ну да... Пошли за ним.

Хаукана хлопнул в ладоши и приказал появившемуся слуге отправиться на конюшню, привести мальчугана в мало-мальски приличный вид и поскорее прислать к пирующим.

— Прошу, не беспокойся о приличии, а просто пришли его сюда, — сказал князь.

Он откинулся назад и, закрыв глаза, погрузился в ожидание. Когда мальчик-конюший предстал перед ним, он спросил:

— Скажи, Дил, какую музыку ты играешь?

— Ту, что совсем не по нраву браминам, — ответил мальчик.

— Каков твой инструмент?

— Фортепиано, — сказал Дил.

— А ты можешь сыграть на каком-нибудь из этих? — Он указал на оставленные музыкантами без присмотра на низенькой платформе у стены инструменты.

Мальчик присмотрелся к ним.

— Наверное, в случае необходимости я мог бы сыграть на флейте.

— Ты знаешь вальсы?

— Да.

— Не сыграешь ли ты мне «Голубой Дунай»?

Угрюмое выражение на лице мальчика уступило место тревоге. Он бросил быстрый взгляд на Хаукану, тот кивнул.

— Сиддхартха — князь среди людей, один из первых, — заявил хозяин.

— «Голубой Дунай» на одной из этих флейт?

— Будь любезен.

Мальчик пожал плечами.

— Я попробую, — сказал он. — Это было так давно... Будь снисходителен.

Он подошел к инструментам и спросил о чем-то у хозяина выбранной им флейты. Тот кивнул. Тогда он поднял ее к губам и издал несколько пробных звуков. Перевел дух, попробовал еще раз, потом обернулся.

Он опять поднес ко рту флейту, и мелодия вальса волнами заполнила зал. Князь, закрыв глаза, потягивал вино.

Когда музыкант остановился, чтобы передохнуть, он жестом велел ему продолжать; и тот играл запретные мелодии одну за другой, и профессиональные музыканты напустили на лица профессиональное презрение, но под столом ноги их в медленном темпе постукивали в такт музыке.

Наконец князь допил свое вино. Вечер спустился на Махаратху. Он бросил мальчугану кошель с монетами и даже не взглянул на слезы, которые стояли у того в глазах, когда он выходил из зала. Затем встал, потянулся и зевнул.

— Я удаляюсь в свои покои, — сказал он пирующим воинам. — Смотрите не проиграйте в мое отсутствие все свое наследство.

И они засмеялись, и пожелали ему спокойной ночи, и заказали напитков покрепче и соленых сухариков. Последнее, что он услышал на пути в свои покои, был стук костей по столу.

Князь отправился на покой так рано, ибо на следующий день собирался встать до рассвета. Слуга получил инструкции весь день не впускать никого из возможных посетителей, утверждая, что князь не в духе.

Еще первые цветы не открылись первым утренним насекомым, когда покинул он свои апартаменты, и видел его уходящим только старый зеленый попугай. Не в шелках, расшитых жемчугом, уходил он, а в лохмотьях, как всегда поступал он в подобных случаях. И не возвещали раковины и барабаны о его выступлении, но хранила его тишина, когда пробирался он по темным городским улицам. Пустынны были улицы в этот час, разве что изредка попадется навстречу врач или проститутка, возвращающиеся после позднего вызова. Бездомная собака увязалась за ним, когда он, направляясь к гавани, проходил через деловые кварталы.

Возле самого пирса он уселся на ящик. Заря потихоньку стирала темноту с лика природы, он смотрел, как прилив покачивает корабли, все в путанице такелажа, со спущенными парусами, с вырезанными на носу фигурами чудищ или девушек. Когда бы ни оказывался он в Махаратхе, всегда, хоть ненадолго, заглядывал в гавань.

Розовый зонтик зари раскрылся над спутанной шевелюрой облаков, по домам прошелся прохладный ветерок. Птицы-падальщики с хриплыми криками пронеслись над испещренными точками бойниц башнями и спикировали на подернутую рябью гладь бухты.

Он смотрел, как выходит в море один из кораблей, как вырастает над его палубой шатер парусов, дотягивается до самых верхушек мачт и вот уже наполняется там, вверху, соленым морским ветром. Ожили и другие корабли, надежно застывшие на своих якорях. Команды готовились сгружать или загружать грузы: благовония, кораллы, масла и всевозможные ткани, металл и древесину, скот, специи. Он жадно вбирал в себя запахи товаров, вслушивался в перебранку матросов, он обожал и то и другое: от первого несло богатством, второе соединяло в себе оба остальных его увлечения — теологию и анатомию.

Немного погодя он разговорился с капитаном заморского корабля, тот присматривал за разгрузкой мешков с зерном и укрылся отдохнуть в тень от штабеля ящиков.

— Доброе утро, — обратился к нему князь. — Пусть не бу-

дет штормов или крушений на твоем пути, и да даруют тебе боги безопасную гавань и прибыльную торговлю.

Тот кивнул, уселся на ящик и принялся набивать коротенькую глиняную трубку.

— Спасибо тебе, папаша, — сказал он. — Хотя я и молюсь богам только в тех Храмах, которые выбираю сам, благословения я принимаю от любого. Благословению всегда найдется применение — особенно у моряка.

— Трудным выдалось у тебя плавание?

— Менее трудным, чем могло бы быть, — ответил капитан. — Эта тлеющая морская гора, Пушка Ниррити, опять разрядилась в небеса громами и молниями.

— А, ты приплыл с юго-запада!

— Да, Шатисхан, из Испара Приморского. Сейчас месяц благоприятных ветров, но из-за этого они и разнесли пепел Пушки намного дальше, чем можно было ожидать. Целых шесть дней падал на нас этот черный снег, и запах подземного мира преследовал нас, отравляя пищу и воду, заставлял глаза слезиться, обжигал гортани огнем. Мы устроили целый молебен, когда оставили наконец позади всю эту мерзость. Посмотри, как вымазан весь корпус моей посудины. А поглядел бы ты на паруса — они черны, как волосы Ратри!

Князь наклонился, чтобы лучше рассмотреть судно.

— Но слишком большого волнения не было? — спросил он.

Моряк покачал головой.

— У Соляного Острова мы повстречали крейсер и узнали, что страшнее всего Пушка разрядилась за шесть дней до того. Она выжгла облака и подняла огромные валы, потопившие два корабля — как доподлинно знали на крейсере — и, может быть, еще и третий.

Моряк уселся поудобнее, раскуривая свою трубочку.

— Вот я и говорю, у моряка всегда найдется применение благословению.

— Я разыскиваю одного моряка, — сказал князь. — Капитана. Его зовут Ян Ольвегг, или, быть может, сейчас он известен как Ольвагга. Не знаешь ли ты его?

— Знавал я его, — ответил собеседник, — но давно уже он не плавает.

— Да? Что же с ним стало?

Моряк повернулся и внимательно всмотрелся в него.

— Кто ты такой и почему спрашиваешь? — поинтересовался он наконец.

— Зовут меня Сэм. Ян очень старый мой друг.

— Что значит «очень старый»?

— Много-много лет назад — и в другом месте — знал я его, когда был он капитаном корабля, который никогда не бороздил этих океанов.

Капитан вдруг резко нагнулся и, подобрав палку, запустил ею в собаку, которая появилась с другой стороны пирса, обогнув наваленные кучей товары. Она взвизгнула и стремглав бросилась под защиту пакгауза. Это была та самая собака, которая брела за князем почти от самого постоялого двора Хаукаѝны.

— Остерегайся этих чертовых церберов, — сказал капитан. — Бывают собаки и такие, и сякие — и еще кое-какие. Три разных сорта, но в этом порту гони их всех с глаз долой.

И он еще раз оценивающе посмотрел на собеседника.

— Твои руки, — произнес он, указывая на них трубкой, — совсем недавно все были в кольцах. Следы от них еще остались.

Сэм поглядел на свои руки и усмехнулся.

— От твоего взгляда ничего не укроется, моряк, — произнес он. — Так что признаю очевидное. Да, я ношу кольца.

— И значит, ты, как и собаки, не тот, кем кажешься, — и ты приходишь расспрашивать об Ольвагге, да еще используешь его самое старое имя. А твое имя, говоришь, Сэм. Ты, часом, не один ли из Первых?

Сэм ответил не сразу, теперь уже он изучающе разглядывал собеседника, словно ожидая, что он еще скажет.

Может быть, догадавшись об этом, капитан продолжил:

— Ольвагга, я знаю, числился среди Первых, хотя сам об этом никогда не упоминал. То ли ты тоже из Первых, то ли из Хозяев, в любом случае тебе об этом ведомо. Стало быть, я не продаю его, говоря об этом. Но все же я хочу знать, с кем говорю, с другом или с врагом.

Сэм нахмурился.

— Ян никогда не наживал себе врагов, — заметил он. — Ты же говоришь так, будто их у него немало — среди тех, кого ты называешь Хозяевами.

Моряк не сводил с него взгляда.

— Ты не Хозяин, — заявил он наконец, — и пришел ты издалека.

— Ты прав, — признал Сэм, — но скажи, откуда ты это узнал.

— Во-первых, — начал капитан, — ты стар. Хозяин тоже мог бы воспользоваться старым телом, но не стал бы оставаться в нем надолго, так же как не стал бы задерживаться в теле собаки. Его страх перед тем, что он вдруг умрет подлинной смертью, умрет так, как умирают старики, был бы слишком велик. Таким образом, он не остался бы в старом теле достаточно долго, чтобы приобрести такие глубокие отметины от колец на пальцах. Богачи никогда не избавляются от своих тел. Если они отказываются от перерождения, они доживают свою жизнь до самого конца. Хозяева побоялись бы, что против них поднимут оружие соратники подобного человека, умри он иначе, чем от естественных причин. Так им тело вроде твоего не добыть. Ну а на теле из жизненных резервуаров отметин на пальцах не было бы. Следовательно, я заключаю, что ты — важная персона, но не Хозяин. Если ты издавна знаком с Ольваггой, ты тоже один из Первых, такой же, как и он. Из того, что ты хочешь узнать, я вывожу, что явился ты издалека. Будь ты из Махаратхи, ты бы знал о Хозяевах, а зная о них, знал бы и почему Ольвагга не может плавать.

— Ты, похоже, разбираешься в местных делах намного лучше меня, о вновь прибывший моряк.

— Я тоже прибыл издалека, — признал капитан, чуть заметно улыбнувшись, — но за несколько месяцев я могу побывать в паре дюжин портов. Я слышу новости — новости, слухи и сплетни — отовсюду, из более двух десятков портов. Я слышу о дворцовых интригах и о политике Храмов. Я слышу секреты, нашептываемые под сенью ночи на ушко золотым девушкам под луком из сахарного тростника — луком Камы. Я слышу о походах кшатриев и о спекуляциях крупных торговцев — зерном и специями, драгоценностями и шелком. Подчас я могу, быть может, напасть на порт, где обосновались флибустьеры, и узнать там о житье-бытье тех, кого они захватили ради выкупа. Так что нет ничего удивительного в том, что я, явившись издалека, лучше знаю Махаратху, чем ты, проведи ты здесь еще неделю. Иногда мне случается даже слышать и о деяниях богов.

— Тогда не расскажешь ли ты мне о Хозяевах и почему их следует держать за врагов? — спросил Сэм.

— Могу тебе о них кое-что порассказать, — согласился капитан, — чтоб ты не был на сей счет в неведении. Торговцы телами стали нынче Хозяевами Кармы. Личные их имена держатся в секрете, наподобие того, как это делается у богов, и они кажутся столь же безликими, как и Великое Колесо, которое, как провозглашено, они представляют. Теперь они не просто торговцы телами, они вступили в союз с Храмами. Каковые тоже изменились, чтобы твои сородичи из Первых, ставшие богами, могли общаться с ними с Небес. Если ты и в самом деле из Первых, Сэм, твой путь неминуемо приведет тебя либо к обожествлению, либо к вымиранию, когда ты предстанешь перед лицом этих новых Хозяев Кармы.

— Как это? — спросил Сэм.

— Детали ищи где-нибудь еще, — ответил его собеседник. — Я не знаю, какими методами все это достигается. А Янагга-парусинника разыскивай на улице Ткачей.

— Теперь он известен под этим именем?

Моряк кивнул.

— И поосторожней с собаками, — добавил он, — да и со всем остальным — живым и способным приютить разум.

— Как твое имя, капитан? — спросил Сэм.

— В этом порту у меня либо вообще нет имени, либо есть ложное, а я не вижу никаких оснований лгать тебе. Доброго тебе дня, Сэм.

— Доброго дня и тебе, капитан. Спасибо за все.

Сэм поднялся и пошел из гавани прочь, направляясь обратно, в сторону деловых кварталов и торговых улиц.

.

Красный диск солнца в небе собирался пересечь Мост Богов. Князь шел по проснувшемуся городу, пробираясь между прилавками с товарами, демонстрирующими мастерство и сноровку мелких ремесленников. Разносчики мазей и порошков, духов и масел сновали вокруг. Цветочницы махали прохожим венками и букетами; виноторговцы, не произнося ни слова, заполнили со своими мехами ряды затемненных скамей, они дожидались, когда к ним по заведенному обычаю заглянут завсегдатаи. Утро пропахло готовящейся пищей, мускусом, испражнениями, маслами, благовониями, все эти запахи смеша-

лись в единое целое и, освободившись, плыли над улицей, как невидимое облако.

Поскольку сам князь был одет как нищий, ему показалось вполне уместным остановиться и заговорить с горбуном, сидевшим перед чашей для милостыни.

— Поклон тебе, брат, — сказал он. — Я забрел далеко от своего квартала. Не можешь ли ты мне сказать, как добраться до улицы Ткачей?

Горбун кивнул и выразительно встряхнул свою чашу.

Из мошны, спрятанной под рваной хламидой, князь извлек мелкую монету и бросил в чашу горбуна; монета тут же исчезла.

— Вот туда, — горбун качнул головой в нужном направлении. — Пойдешь прямо, по третьей улице свернешь налево. Пройдешь еще два перекрестка и окажешься у Фонтанного Кольца перед Храмом Варуны. В этом Кольце улица Ткачей помечена знаком Шила.

Он кивнул горбуну, похлопал его по уродливому наросту и отправился дальше.

Добравшись до Фонтанного Кольца, князь остановился. Несколько десятков людей стояло в очереди перед Храмом Варуны, самого неумолимого и величественного среди богов. Люди эти не собирались вступать в Храм, а ожидали своей очереди для участия в чем-то. Он услышал звон монет и подошел поближе.

Они стояли в очереди к сверкающей металлом машине.

Вот очередной страждущий опустил монету в рот стального тигра. Машина замурлыкала. Человек нажал несколько кнопок, изображавших собой животных и демонов. По телам двух нагов, двух святых змеев, переплетавшихся над прозрачной панелью машины, пробежала вспышка света.

Князь придвинулся вплотную.

Человек нажал на рычаг, напоминавший торчащий из боковой стенки машины рыбий хвост.

Священный голубой свет заполнил всю внутренность машины; змеи пульсировали красным, и тут под зазвучавшую вдруг нежную мелодию появилось молитвенное колесо и принялось бешено вращаться.

На лице у человека было написано блаженство. Через несколько минут машина отключилась. Он опустил еще одну монету и снова дернул за рычаг, чем заставил кое-кого из сто-

явших в конце очереди громко заворчать, рассуждая, что это уже седьмая монета, что день выдался душным, что в очереди за молитвами он не один и почему бы, если ты хочешь совершить такое щедрое пожертвование, не пойти прямо к жрецам? Кто-то бросил, что человеку этому надо, должно быть, искупить слишком много грехов. И все со смехом принялись обсуждать возможный характер этих грехов.

Заметив, что в очереди были и нищие, князь пристроился в ее хвост.

Пока подходила его очередь, он обратил внимание, что если одни проходили перед машиной, нажимая кнопки, другие просто опускали гладкий металлический диск во вторую тигриную пасть, расположенную с обратной стороны корпуса. Когда машина останавливалась, диск падал в чашу и хозяин забирал его обратно. Князь решил рискнуть и пуститься в расспросы.

Он обратился к стоящему перед ним человеку.

— Почему это, — спросил он, — у некоторых свои собственные жетоны?

— Да потому, что они зарегистрировались, — ответил тот, не оборачиваясь.

— В Храме?

— Да.

— А...

Он подождал с полминуты, потом спросил:

— А те, кто не зарегистрированы, но хотят использовать это, — они нажимают кнопки?

— Да, — прозвучало в ответ, — набирая по буквам свое имя, род занятий и адрес.

— Ну а если кто-то, как я, например, здесь чужак?

— Ты должен добавить название своего города.

— Ну а если я неграмотный — что тогда?

Тот наконец обернулся к нему.

— Может быть, было бы лучше, — сказал он, — если бы ты молился по-старому и отдавал пожертвования прямо в руки жрецов. А то можешь зарегистрироваться и получить свой собственный жетон.

— Понятно, — сказал князь. — Да, ты прав. Надо обдумать все это. Спасибо.

Он вышел из очереди, обогнул Фонтан и, обнаружив ме-

сто, где на столбе висел знак Шила, отправился по улице Ткачей.

Трижды спрашивал он о Янагге-парусиннике, в третий раз — у низенькой женщины с могучими руками и усиками над верхней губой. Женщина сидела, скрестив ноги, и плела коврик под низкой стрехой того, что когда-то, должно быть, было конюшней и до сих пор продолжало ею пахнуть.

Она пробурчала ему, куда идти, окинув взглядом с ног до головы и с головы до ног, взглядом странно прекрасных бархатисто-карих глаз. Князь прошел извилистой аллеей, спустился по наружной лестнице, лепившейся к стене пятиэтажного строения, оказался у двери, через которую попал в коридор на первом этаже. Внутри было темно и сыро.

Он постучал в третью слева дверь, и почти сразу ему открыли.

Открывший дверь мужчина уставился на него.

— Ну?

— Можно войти? У меня кое-что важное...

Человек чуть поколебался, резко кивнул и отступил в сторону.

Князь вошел следом. Большое полотнище холста было расстелено на полу перед стулом, на который вновь уселся хозяин, указав своему гостю на другой из двух находившихся в комнате стульев.

Это был невысокий, но очень широкоплечий человек с белоснежными волосами и начинающейся катарактой обоих глаз. Руки его были коричневыми и жесткими, с узловатыми суставами пальцев.

— Ну? — повторил он.

— Ян Ольвегг, — послышалось в ответ.

Глаза его слегка расширились, затем превратились в щелки. Он взвешивал в руке большущие ножницы.

— «Опять в краю моем цветет медвяный вереск», — произнес князь.

Хозяин застыл, потом вдруг улыбнулся.

— «А меда мы не пьем!» — сказал он, швыряя ножницы на свою работу. — Сколько же лет минуло, Сэм?

— Я потерял счет годам.

— Я тоже. Но, должно быть, прошло лет сорок... сорок пять? — с тех пор, как я тебя видел в последний раз. И мед, и эль, бьюсь об заклад, прорвали, к черту, все плотины?

Сэм кивнул.

— Даже и не знаю, с чего начать, — сказал ему старик.

— Начни с того, почему вдруг «Янагга».

— А почему бы и нет? Звучит честно, и для работяги вполне годится. Ну а ты сам? Все еще балуешься княжением?

— Я все еще я, — сказал Сэм, — и меня все еще зовут Сиддхартхой, когда спешат на мой зов.

Его собеседник хихикнул.

— И Победоносным, Бичом Демонов, — нараспев продекламировал он. — Ну хорошо. Раз ты оделся не по своему богатству, значит, по обыкновению разнюхиваешь, что к чему?

Сэм кивнул:

— И наткнулся на многое, чего не понимаю.

— Ага, — вздохнул Ян. — Ага. С чего бы начать? И как? А вот как, я расскажу тебе о себе... Слишком много дурной кармы накопил я, чтобы получить право на новомодный перенос.

— Что?

— Дурная карма, говорю. Старая религия — не только Религия, это показная, насаждаемая и до жути доказуемая религия. Но не очень-то громко про то думай. Лет этак двенадцать тому назад Совет утвердил обязательное психозондирование тех, кто домогается обновления. Это было как раз после раскола между акселеристами и деикратами, когда Святая Коалиция выперла всех молодых технарей и присвоила себе право зажимать их и дальше. Простейшим решением оказалось, конечно, проблему просто изжить — со света. Храмовая орава стакнулась с телоторговцами, заказчику стали зондировать мозги и акселеристам отказывать в обновлении или... ну... ладно. Теперь акселеристов не так уж много. Но это было только начало. Божественная партия тут же смекнула, что здесь же лежит и путь к власти. Сканировать мозг стало стандартной процедурой, предшествующей переносу. Торговцы телами превратились в Хозяев Кармы и стали частью храмовой структуры. Они вычитывают твою прошлую жизнь, взвешивают карму и определяют ту жизнь, что тебе предстоит. Идеальный способ поддерживать кастовую систему и крепить контроль деикратов. Между прочим, большинство наших старых знакомцев по самый нимб в этом промысле.

— Мой бог! — воскликнул Сэм.

— Боги, — поправил Ян. — Их всегда считали богами —

еще бы, с их Обликами и Атрибутами; но они теперь сделали из этого нечто до крайности официальное. И любой, кому случилось быть одним из Первых, лучше бы, черт побери, заранее понял, к чему он стремится — к быстрому обожествлению или к костру, когда он в эти дни вступает в Палаты Кармы. А когда тебе на прием? — заключил он.

— Завтра, — ответил Сэм, — после полудня... А как же ты бродишь тут, если у тебя нет ни нимба, ни пригоршни перунов?

— Потому что у меня нашлась пара друзей, и они навели меня на мысль, что лучше пожить еще — тихо-мирно, — чем идти под зонд. Всем сердцем воспринял я их мудрый совет, и вот, все еще способен починять паруса и подчас взбаламутить соседнюю забегаловку. Иначе, — он поднял мозолистую, искореженную руку и щелкнул пальцами, — если не подлинная смерть, то, может статься, тело, прошпигованное раком, или захватывающая жизнь холощеного водяного буйвола, или...

— Собаки? — перебил Сэм.

— Ну да, — подтвердил Ян.

И он разлил спиртное, нарушив этим и тишину, и пустоту двух стаканов.

— Спасибо.

— В пекло, — и он убрал бутылку.

— Да еще на пустой желудок... Ты сам его делаешь?

— Угу. Перегонный куб в соседней комнате.

— Поздравь, я догадался. Если у меня и была плохая карма, теперь она вся растворилась.

— Чего-чего, а четкости и ясности в том, что такое плохая карма, наши приятели боги не переваривают.

— А почему ты думаешь, что у тебя она есть?

— Я хотел поторговать здесь машинами среди наших потомков. Был за это бит на Совете. Публично покаялся и тешил себя надеждой, что они забудут. Но акселеризм нынче так далек, никогда ему не вернуться, пока я не помер. Да, жалко. Хотелось бы вновь поднять паруса и — вперед, к чужому горизонту. Или поднять корабль...

— А что, зонд настолько чувствителен, что может уловить нечто столь неощутимое, как склонность к акселеризму?

— Зонд, — ответил Ян, — достаточно чувствителен, чтобы сказать, что ты ел на завтрак одиннадцать лет и три дня тому назад и где ты порезался, когда брился сегодня утром, насвистывая гимн Андорры.

— Они же были только на экспериментальной стадии, когда мы покидали... дом, — сказал Сэм. — Те два, что мы захватили с собой, являлись лишь основой для трансляции мозговых волн. Когда же произошел прорыв?

— Послушай-ка, провинциальный родственничек, — начал Ян. — Не припоминаешь ли ты такого сопляка, черт знает чье отродье, из третьего поколения, по имени Яма? Молокосос, который все наращивал и наращивал мощность генераторов, пока в один прекрасный день там у него не шарахнуло; он тогда схлопотал такие ожоги, что пришлось ему влезать во второе свое — пятидесятилетнее — тело, когда ему самому едва стукнуло шестнадцать? Парнишка, который жить не мог без оружия? Тот самый, что анестезировал по штучке всего, что шевелится, чтобы его проанатомировать, так упиваясь при этом своими изысканиями, что мы в шутку трепались, что он обожествляет смерть?

— Да, я его помню. Он еще жив?

— Если тебе угодно так это называть. Он теперь и в самом деле бог Смерти — и уже не по кличке, а по титулу, важная шишка. Он усовершенствовал зонд около сорока лет назад, но деикраты до поры до времени скрывали это. Я слышал, он выдумал и кое-какие другие сокровища, способные исполнить волю богов... ну, к примеру, механическую кобру, которая может зарегистрировать показания энцефалограммы с расстояния в милю, когда она приподнимется и распустит веером свой капюшон. Ей ничего не стоит выискать в целой толпе одного-единственного человека, какое бы тело он при этом ни носил. И нет никаких противоядий против ее укуса. Четыре секунды, не больше... Или же огненосный жезл, который, как говорят, искорежил поверхность всех трех лун, пока Бог Агни стоял на берегу у моря и им размахивал. А сейчас, как я понимаю, он проектирует что-то вроде реактивного левиафана-колесницы для Великого Шивы... вот такие штучки-дрючки.

— М-да, — сказал Сэм.

— Пойдешь на зондаж? — спросил Ян.

— Боюсь, что нет, — ответил Сэм. — Послушай, сегодня утром я видел машину, которую, по-моему, лучше всего назвать молитвоматом, — это что, обычное явление?

— Да, — подтвердил Ян. — Они появились два года тому назад — идея, осенившая однажды ночью юного Леонардо за

стаканчиком сомы. Нынче, когда в моде карма, эти штуковины гораздо удобнее сборщиков налогов. Когда господин горожанин является накануне своего шестидесятилетия в клинику бога выбранной им церкви, наряду с перечнем его грехов учитывается, как говорят, и реестр накопленных молитв и уже на основе их баланса решается, в какую касту он попадет, а также возраст, пол, физические кондиции нового его тела. Изящно. Точно.

— Я не пройду зондирование, — заметил Сэм, — даже если накоплю огромный молитвенный счет. Они отловят меня, как только дело дойдет до грехов.

— Какого типа?

— Грехов, которых я еще не совершил, но которые окажутся записанными в моем разуме, ибо я обдумываю их сейчас.

— Ты собираешься пойти наперекор богам?

— Да.

— Как?

— Еще не знаю. Начну, во всяком случае, с непосредственного общения. Кто у них главный?

— Одного не назовешь. Правит Тримурти, то есть Брахма, Вишну и Шива. Кто же из трех главный на данный момент, сказать не могу. Некоторые говорят — Брахма...

— А кто они на самом деле? — спросил Сэм.

Ян покачал головой:

— Поди знай. У всех у них другие тела, чем поколение назад. И все пользуются именами богов.

Сэм встал.

— Я еще вернусь или же пришлю за тобой.

— Надеюсь... Глотнем еще?

Сэм покачал головой.

— Пойду, еще раз превращусь в Сиддхартху, разговеюсь после поста на постоялом дворе Хауканы и объявлю о своем намерении посетить Храмы. Если наши друзья стали нынче богами, они должны сообщаться со своими жрецами. Сиддхартха отправляется молиться.

— За меня не надо, — сказал Ян, подливая себе самогона. — Не знаю, смогу ли я пережить гнев божий.

Сэм улыбнулся:

— Они не всемогущи.

— Смиренно надеюсь, что нет, — ответил тот, — но боюсь, что день этот уже не далек.

— Счастливого плавания, Ян.

По пути в Храм Брахмы князь Сиддхартха ненадолго задержался на улице Кузнецов. Спустя полчаса он вышел из лавки в сопровождении Стрейка и трех своих вассалов. Улыбаясь, будто его посетило видение грядущего, он пересек Махаратху и наконец приблизился к высокому и просторному Храму Создателя.

Не обращая внимания на взгляды толпящихся у молитвомата, он поднялся по длинной пологой лестнице; при входе в Храм его встретил верховный жрец, которого он заранее известил о своем посещении.

Сиддхартха и его люди вступили в Храм, оставили при входе свое оружие и отвесили подобающие поклоны в направлении центрального святилища, прежде чем обратиться к жрецу.

Стрейк и его спутники отступили на почтительное расстояние, когда князь вложил тяжелый кошель в сложенные руки жреца и тихо промолвил:

— Я хотел бы поговорить с Богом.

Жрец, отвечая, внимательно изучал его лицо.

— Храм открыт для всех, Князь Сиддхартха, и всякий может общаться здесь с Небесами сколько пожелает.

— Это не совсем то, что я имел в виду, — сказал Сиддхартха. — Я подумал о чем-то более личном, чем жертвоприношение и долгие литании.

— Я не вполне осознаю...

— Но ты вполне осознал вес этого кошелька, не так ли? Он наполнен серебром. Второй, который я взял с собой, наполнен золотом — его можно будет получить после. Я хочу воспользоваться местным телефоном.

— Теле?..

— Системой связи. Если бы ты, как и я, был одним из Первых, ты бы понял намек.

— Я не...

— Заверяю тебя, мой звонок не отразится неблагоприятным образом на твоем положении старосты этого Храма. Я разбираюсь в подобных вопросах, а благоразумие мое всегда было притчей во языцех среди Первых. Вызови сам Опорную Базу и наведи справки, если это тебя успокоит. Я подожду здесь, во внешних покоях. Скажи им, что Сэм хотел бы перемолвиться словечком с Тримурти. Они захотят переговорить.

— Я не знаю...

Сэм вытащил второй кошелек и взвесил его на ладони. Жрец, не отрывая от него взгляда, облизнул губы.

— Подожди здесь, — приказал он и, повернувшись кругом, вышел из комнаты.

Или, пятая нота гаммы, сорвавшись со струны арфы, разнеслась по Саду Пурпурного Лотоса.

Брахма бездельничал на берегу искусственно подогреваемого пруда, где он купался вместе со своим гаремом. Прикрыв глаза, он возлежал, опираясь на локти и свесив ноги в воду.

На самом же деле он подглядывал из-под своих длинных ресниц за дюжиной резвящихся в пруду девушек, надеясь, что одна-другая бросит восхищенный взгляд на его темный, с рельефной мускулатурой торс. Черные на коричневом, поблескивали его усы, влага лишила их четких геометрических очертаний; волосы черным крылом были отброшены назад. Он улыбался ослепительной под упавшим солнечным лучом улыбкой.

Но ни одна из них, похоже, не замечала всего этого, улыбка его потускнела и пропала. Все их внимание было поглощено игрой в водное поло, которой они самозабвенно предавались.

Или, сигнальный колокольчик, зазвонил опять, когда легкое дуновение искусственного ветерка донесло до него запах садового жасмина. Он вздохнул. Ему так хотелось, чтобы они боготворили его — его могучее тело, его тщательно вылепленные черты лица. Боготворили его как мужчину, не как бога.

И тем не менее, хотя его особое, усовершенствованное тело и делало возможными подвиги, которые не под силу повторить ни одному смертному мужчине, все равно он чувствовал себя неловко в присутствии такой старой боевой лошадки, как Бог Шива, который, несмотря на свою приверженность нормальным телесным матрицам, казалось, сохранял для женщин гораздо большую привлекательность. Можно было подумать, что пол превозмогает биологию; и как бы он ни старался подавить воспоминания и уничтожить этот фрагмент своего духа, Брахма, который родился женщиной, до сих пор каким-то образом женщиной и оставался. Ненавидя эту свою черту, он раз за разом выбирал для перерождения заме-

чательно мужественные мужские тела, но, поступая так, все равно чувствовал свою недостаточность, словно клеймо его собственного пола было выжжено у него на челе. От этого ему хотелось топнуть ногой и состроить гримасу.

Он встал и направился к своему павильону — мимо низкорослых деревьев, чьи искореженные силуэты были полны какой-то гротесковой красоты, прудов с голубыми кувшинками, нитей жемчуга, свешивающихся с колец, выделанных из белого золота, мимо светильников в форме девушек, треножников, на которых курились пикантные благовония, мимо восьмирукой статуи синей богини, которая, если ее должным образом попросишь, играет на вине.

Брахма вошел в павильон и направился прямо к хрустальному экрану, вокруг которого обвился, зажав собственный хвост в зубах, бронзовый наг. Он включил механизм обратной связи.

Помехи, словно снегопад, покрыли было экран, но вот уже на экране появился верховный жрец его Храма в Махаратхе. Упав на колени, он трижды прикоснулся своей кастовой метой к полу.

— Среди четырех чинов божественных, среди восемнадцати воинств Рая, могущественнейший — Брахма, — завел священник. — Всесоздатель, Владыка Небес высоких и всего, что под ними. Лотос прорастает из твоего пупка, руки твои пахтают океаны, тремя шагами ноги твои покрывают все миры. Барабан твоей славы наполняет ужасом сердца врагов твоих. В деснице твоей колесо закона. Ты вяжешь катастрофы, как путами, змеею. Приветствую тебя! Соблаговоли услышать молитву твоего жреца. Благослови и выслушай меня, о Брахма!

— Встань... жрец, — сказал Брахма, не сумев вспомнить его имя. — Что за неотложная надобность побудила тебя срочно меня вызывать?

Жрец выпрямился, бросил быстрый взгляд на мокрого Брахму и отвел глаза.

— Владыка, — сказал он, — я не собирался нарушать покой твоего купания, но здесь сейчас находится один из твоих смиренных почитателей, который хотел бы поговорить с тобой на темы, которые, как мне показалось, могут иметь немалое значение.

— Один из почитателей! Скажи ему, что всеслышащий

Брахма слышит всех, и пусть он идет молиться мне, как и все, в Храме, для этого, собственно, и созданном!

Рука Брахмы потянулась было к выключателю, но вдруг замерла.

— А как он узнал о линии Храм — Небо? — удивился он. — И о прямом общении святых и богов?

— Он говорит, — отвечал жрец, — что он из Первых, и мне нужно передать, что Сэм хотел бы переговорить с Тримурти.

— Сэм? — сказал Брахма. — Сэм? Да этого не может быть... сам Сэм?

— Он известен здесь как Сиддхартха, Бич Демонов.

— Жди моего соизволения, — промолвил Брахма, — распевая покуда подобающие стихи Вед.

— Слушаю, мой Властелин, — ответил жрец и запел.

Брахма перешел в другую часть павильона и замер перед своим гардеробом, решая, что надеть.

Князь, услышав, что его зовут, отвлекся от созерцания внутренности Храма. Жрец, чье имя он позабыл, манил его с другого конца коридора. Он пошел на зов и очутился в кладовой. Жрец нащупал потайной рычаг и толкнул ряд полок, который, словно дверь, открылся вовнутрь.

Шагнув через эту дверь, князь очутился в богато украшенной усыпальнице. Сверкающий видеоэкран висел над алтарно-контрольной панелью, обрамленный бронзовым нагом, сжимавшим в зубах собственный хвост.

Жрец трижды поклонился.

— Привет тебе, правитель мироздания, могущественнейший среди четырех божественных чинов и восемнадцати райских воинств. Из пупа твоего произрастает лотос, руки твои пахтают океаны, тремя шагами...

— Подтверждаю правоту сказанного тобой, — перебил Брахма. — Слышу и благословляю. А теперь ты можешь оставить нас.

— ?

— Да-да. Сэм наверняка оплатил частную беседу, разве не так?

— Владыка!

— Все! Ступай!

Жрец быстро поклонился и вышел.

Брахма изучал Сэма; тот был одет в темные рейтузы, небесно-голубую камизу, зелено-голубой тюрбан Симлы, к поясу из потемневших железных колец были привешены пустые ножны.

В свою очередь и Сэм разглядывал своего визави, чей силуэт четко вырисовывался на черном фоне; одет он был в костюм из тончайшей кольчуги, на который накинул сверху щегольской плащ, сколотый на груди брошью с огненным опалом. Голову Брахмы венчала пурпурная корона, усеянная пульсирующими аметистами, а в правой руке он сжимал скипетр, украшенный девятью приносящими счастье самоцветами. Глаза — два темных пятна на темном лице. Нежные звуки вины разносились вокруг него.

— Сэм? — сказал он.

Сэм кивнул.

— Пытаюсь догадаться, кто ты на самом деле, Великий Брахма. Должен сознаться, что мне это не удается.

— Так и должно быть, — сказал Брахма, — если кому-то суждено быть богом, который был, есть и будет всегда.

— Красивое одеяние ты носишь, — заметил Сэм. — Просто очаровательное.

— Спасибо. Мне трудно поверить, что ты все еще жив. По справкам, ты уже лет пятьдесят не требовал нового тела. Это весьма рискованно.

Сэм пожал плечами:

— Жизнь полна риска...

— Согласен, — сказал Брахма. — Прошу, возьми стул и садись. Устраивайся поудобнее.

Сэм так и сделал, а когда он опять посмотрел на экран, Брахма восседал на высоком троне, вырезанном из красного мрамора, над ним пламенел раскрытый зонт.

— Выглядит не слишком-то удобным, — заметил Сэм.

— Сиденье с поролоном, — улыбаясь, ответил бог. — Если хочешь, кури.

— Спасибо, — Сэм вытащил из привешенного к поясу кисета трубку, набил ее табаком, тщательно умял его и закурил.

— Что же ты делал все это время, — спросил бог, — соскочив с насеста Небес?

— Взращивал свои собственные сады, — сказал Сэм.

— Мы могли бы использовать тебя здесь, — сказал Брах-

ма, — в нашем гидропонном департаменте. Что касается этого, может быть, еще могли бы. Расскажи мне о своем пребывании среди людей.

— Охота на тигров, пограничные споры с соседними царствами, поддержание высокого морального духа в гареме, немножко ботанических штудий — все в таком роде, жизнь в ее банальности, — неспешно поведал Сэм. — Теперь силы мои на исходе, и я опять взыскую свою юность. Но чтобы вновь стать молодым, как я понимаю, мне придется подвергнуться промывке мозгов? Так?

— В некотором роде, — признал Брахма.

— Могу я полюбопытствовать, с какой целью?

— Неправедный ослабнет, праведный окрепнет, — изрек, улыбаясь, бог.

— Предположим, я неправеден, — спросил Сэм, — каким образом я ослабею?

— Колесо сансары повернется для тебя вниз: тебе придется отрабатывать бремя своей кармы в низшей форме.

— А у тебя под рукой нет данных — процента тех, кто идет вниз, и тех, кто идет вверх?

— Надеюсь, ты не подумаешь, что я не всемогущ, — сказал, прикрывая скипетром зевок, Брахма, — если я признаюсь, что подзабыл эти данные.

Сэм хмыкнул.

— Ты сказал, что вам в Небесном Граде нужен садовник.

— Да, — подтвердил Брахма. — Уж не намерен ли ты обратиться к нам за работой?

— Не знаю, — сказал Сэм. — Может быть.

— Что означает — может быть, и нет, — уточнил его собеседник.

— Да, может быть, и нет, — согласился Сэм. — Что касается человеческого разума, то в былые дни не было этого невразумительного перетягивания каната. Если кто-то из Первых желал возродиться, он платил за тело и его обслуживали.

— Мы живем уже не в былые дни, Сэм. На пороге новая эпоха.

— Можно — почти что — подумать, что вы стремитесь устранить всех Первых, которые не выстроились у вас за спиной.

— В пантеоне комнаты есть для многих, Сэм. Есть ниша и для тебя, если ты решишь заявить о своих на нее правах.

— А если нет?

— Тогда наводи справки в Палате Кармы.

— А если я выбираю божественность?

— Мозг твой зондировать не будут. Хозяевам посоветуют обслужить тебя быстро и отменно. Будет послана летательная машина, чтобы доставить тебя на Небеса.

— Все это наводит на некоторые размышления, — сказал Сэм. — Я люблю этот мир, хотя он и погряз в темноте средневековья. С другой стороны, любовь эта ничуть не поможет мне насладиться объектами моего желания, если мне будет предписано умереть подлинной смертью или принять образ обезьяны и скитаться в джунглях. Но не очень-то мне любо и то искусственное совершенство, которое процветало на Небесах, когда я в последний раз посетил их. Подожди, будь любезен, чуть-чуть, я поразмышляю.

— В моих глазах твоя нерешительность является просто наглостью, — сказал Брахма. — Тебе только что сделали такое предложение...

— Да-да, и в моих, наверное, она выглядела бы так же, если бы мы поменялись местами. Но если бы я был богом, а ты — мною, ей-богу, я бы помолчал немного, пока человек принимает самое важное свое решение за и про свою жизнь.

— Сэм, ты чудовищный торгаш! Кто еще заставлял бы меня ждать, когда на чашу весов брошено его бессмертие? Уж не собираешься ли ты торговаться — со мной?

— Ну да, я же потомственный торговец ящерами — и я страшно хочу кое-чего.

— Что же это может быть?

— Ответы на несколько вопросов, которые преследуют меня вот уже некоторое время.

— К примеру?..

— Как тебе ведомо, я перестал посещать собрания старого Совета более сотни лет тому назад, ибо они превратились в длиннющие заседания, рассчитанные так, чтобы отсрочить принятие решений, и стали главным образом поводом для Празднества Первых. Нынче я не имею ничего против праздников. По правде говоря, века полтора я являлся на них только для того, чтобы еще разок хлебнуть добротного земного зелья. Но я чувствовал, что мы должны сделать что-то с пассажирами, равно как и с отпрысками наших многочисленных тел, а не бросать их на произвол судьбы в этом порочном мире, где они

неминуемо превратятся в дикарей. Я чувствовал, что мы, команда, должны им помочь, обеспечить их преимуществами сохраненной нами технологии, а не выстраивать себе неприступный рай, используя мир в качестве комбинации охотничьих угодий и борделя. И вот я давно пытаюсь понять, почему это не было сделано. Это был бы, кажется, честный и справедливый путь управлять миром.

— Я делаю отсюда вывод, что ты акселерист.

— Нет, — сказал Сэм, — просто любопытствующий. Я любопытен, вот единственная причина.

— Тогда, отвечая на твой вопрос, — заговорил Брахма, — скажу, что причиной этому — то, что они не готовы. Если бы мы начали действовать сразу — да, тогда это могло сработать. Но нам поначалу было все равно. Потом, когда возник этот вопрос, мы разделились. Слишком много прошло времени. Они не готовы и не будут готовы еще много веков. Если их на настоящем этапе снабдить развитой технологией, это приведет к неминуемым войнам, которые уничтожат и те начинания, которые они уже претворили в жизнь. Они зашли далеко. Они дали толчок цивилизации по образу и подобию своих древних праотцев. Но они еще дети, и, как дети, они бы играли с нашими дарами и обжигались бы на них. Они и есть наши дети, дети наших давным-давно мертвых первых тел, и вторых, и третьих, и неизвестно скольких еще — и отсюда наша родительская за них ответственность. Мы должны не допустить, чтобы они стали акселератами, чтобы ускорение их развития привело к индустриальной революции и уничтожило тем самым первое стабильное общество на этой планете. Наши отцовские функции легче всего выполнять, руководя ими, как мы это и делаем, через Храмы. Боги и богини — исходно родительские фигуры, и что же может быть правильнее и справедливее, чем принятие нами этих ролей и последовательное их использование?

— А зачем же тогда вы уничтожили их собственную зачаточную технологию? Печатный станок изобретался на моей памяти трижды — и всякий раз изымался.

— Делалось это по тем же причинам — они еще не готовы. И было это на самом деле не открытие, а скорее воспоминание. Нечто из легенд, которое кому-то удалось воспроизвести. Если нечто должно появиться, оно должно явиться результатом уже наличествующих в культуре факторов, а не должно

быть вдруг вытащено за уши из прошлого, как кролик из цилиндра фокусника.

— Похоже, ты проводишь в этом пункте очень последовательную линию. И, наверное, твои лазутчики обшаривают весь мир, уничтожая все признаки прогресса, какие только им удастся обнаружить?

— Нет, это не так, — сказал бог. — Ты рассуждаешь так, будто мы хотим навсегда нести бремя божественности, будто мы стремимся поддерживать средневековую темноту, чтобы навечно терпеть скуку нашей вынужденной божественности!

— Короче говоря, — заключил Сэм, — да. Ну а молитвомат, что установлен у самого входа в этот Храм? Он что, с точки зрения культуры, — пара колеснице?

— Это совсем другое, — сказал Брахма. — Как божественное проявление, он вызывает у горожан трепет и никаких вопросов. По причинам религиозным. Это совсем не то, что дать им порох.

— Ну а если допустить, что какой-нибудь местный атеист утащит его и расковыряет на части? И если вдруг это будет Томас Эдисон? Что тогда?

— В них вмонтирована сложная система запоров. И если кто-нибудь, кроме жреца, откроет хотя бы один из них, устройство взлетит на воздух — вместе со взломщиком, разумеется.

— Как я заметил, вам не удалось не допустить изобретения перегонного куба, хотя вы и пытались. И вы шлепнули в ответ алкогольным налогом, который нужно платить Храмам.

— Человечество всегда искало избавления в пьянстве, — сказал Брахма. — Обычно это так или иначе отражалось и в религиозных церемониях, чтобы ослабить чувство вины. Да, поначалу мы попытались было подавить алкоголь, но быстро убедились, что это нам не под силу. И вот в обмен на выплаченный налог они получают благословение своей выпивке. Слабеет чувство вины, слабеет похмелье, меньше распрей — ты же знаешь, это психосоматическое, — а налог весьма невысок.

— Забавно все же, что многие предпочитают вполне мирскую выпивку.

— Ты пришел просить, а продолжаешь насмехаться, не к этому ли сводятся твои речи, Сэм? Я согласился ответить на твои вопросы, а не обсуждать с тобой деикратическую политику. Ну как, не пришел ли ты наконец к какому-либо решению относительно моего предложения?

— Да, Мадлен, — сказал Сэм, — а говорил ли тебе кто-нибудь когда-нибудь, как ты соблазнительна, когда сердишься?

Брахма спрыгнул с трона.

— Как ты смог? Как ты догадался? — завопил он.

— Я на самом деле и не смог, — сказал Сэм. — До этого момента. Это была просто догадка — на основе некоего присущего тебе маньеризма в речах и жестах, который вдруг всплыл у меня в памяти. Итак, ты добилась сокровеннейшей цели всей своей жизни, а? Готов биться об заклад, у тебя теперь тоже есть гарем. И каково же чувствовать себя жеребцом, мадам, когда начинал девицей? Бьюсь об заклад, что все до одной Лизхен в мире позавидовали бы тебе, если бы узнали. Мои поздравления.

Брахма выпрямился во весь рост, его свирепый взгляд ослеплял. Трон у него за спиной обратился в пламя. Бесстрастно бренчала вина. Он поднял скипетр и произнес:

— Приготовься, Брахма проклинает тебя...

— За что? — перебил Сэм. — За то, что я догадался о твоей тайне? Если мне суждено быть богом, то какая в том разница? Остальные же знают об этом. Или же ты сердишься, что единственным способом выпытать секрет твоей истинной личности было тебя чуть-чуть подкусить? Я-то полагал, что ты меня оценишь выше, если я продемонстрирую свои достоинства, выставив таким образом напоказ свою проницательность. Если я случайно задел тебя, приношу свои извинения.

— Дело не в том, что ты догадался, — и даже не в том, как ты догадался, — проклят ты будешь за то, что насмехался надо мной.

— Насмехался над тобой? — переспросил Сэм. — Не понимаю. Я не имел в виду ни малейшего проявления неуважения. В былые времена я всегда был с тобой в хороших отношениях. Только вспомни — и ты согласишься, что это правда. Так с чего бы мне рисковать своим положением, насмехаясь над тобой теперь?

— Просто ты сказал то, что думаешь, слишком быстро, не успев обдумать последствия.

— Нет, мой Господин. Я шутил с тобой точно так же, как шутил бы любой мужчина, обсуждая эти темы с другим мужчиной. Сожалею, если это было воспринято неправильно. Я уверен, что ты обладаешь гаремом, которому я бы позавидовал и в который, вне всякого сомнения, однажды ночью попытаюсь

прокрасться. Если ты проклинаешь меня, так как был изумлен, сними проклятие.

Он пыхнул своей трубкой и скрыл усмешку за клубами дыма.

Наконец Брахма хмыкнул.

— Я чуть-чуть скор на расправу, это верно, — объяснил он, — и, быть может, слишком чувствителен, когда речь заходит о моем прошлом. Конечно, мне часто приходилось шутить подобным образом с другими мужчинами. Ты прощен. Я снимаю свое начинавшееся проклятие. А твое решение, как я понимаю, — принять мое предложение? — добавил он.

— Ну да, — сказал Сэм.

— Хорошо. Мне всегда была свойственна братская привязанность к тебе. Ступай теперь и пришли моего жреца, чтобы я проинструктировал его о твоей инкарнации. До скорого свидания.

— Несомненно, Великий Брахма, — кивнул Сэм и поднял свою трубку. Потом он толкнул ряд полок и в поисках жреца прошел в зал. Много разных мыслей теснилось у него в голове, но на этот раз он оставил их невысказанными.

Вечером князь держал совет с теми из своих вассалов, кто уже успел посетить в Махаратхе родичей или приятелей, и с теми, кто собирал по городу новости и слухи. От них он узнал, что во всей Махаратхе насчитывалось только десять Хозяев Кармы и обитали они во дворце на склоне холма, возвышавшегося над юго-восточной частью города. По расписанию посещали они клиники или читальные залы Храмов, куда являлись за приговором горожане, обратившиеся за возрождением. Сама Палата Кармы представляла собой массивное черное сооружение во дворе дворца, сюда вскоре после вынесения приговора поступал перерождаемый, чтобы перенестись в свое новое тело. Пока еще было светло, Стрейк с двумя советниками успел сделать наброски дворцовых укреплений. Пара вельмож из княжеской свиты была направлена через весь город пригласить на поздний ужин и пирушку Шана Ирабекского, престарелого правителя и отдаленного соседа, с которым трижды вступал Сиддхартха в кровопролитные пограничные стычки и иногда охотился на тигров. Шан прибыл в Махаратху со своими родственниками дожидаться, когда его

назначат на прием к Хозяевам Кармы. Еще один человек послан был на улицу Кузнецов, там он сговорился с мастерами, чтобы они удвоили княжеский заказ и подготовили все еще до рассвета. Чтобы заручиться их согласием, прихватил он с собой изрядное количество денег.

Потом на двор к Хаукане прибыл в сопровождении шестерых родственников Шан Ирабекский; хоть и принадлежали они к касте кузнецов, но явились вооруженными, словно воины. Увидев, однако, сколь тихой обителью был постоялый двор и что никто из других гостей или посетителей не вооружен, они отложили свое оружие и уселись во главе стола, рядом с князем.

Шан был человеком высокого роста, но сильно сутулился. Облачен он был в каштанового цвета одеяния и темный тюрбан, спускавшийся на его большие, словно молочно-белые гусеницы, брови. Снежно-белой была его густая борода, когда он смеялся, можно было заметить черные пеньки зубов, а нижние веки его покраснели и вспухли, словно устали и наболели после многих лет, на протяжении которых удерживали они за собой выпученные, налитые кровью глаза в их очевидных попытках вылезти из орбит. Он флегматично смеялся и стучал по столу, уже в шестой раз повторяя: «Слоны нонче вздорожали, а в грязи ни на черта не годны!» Фраза эта относилась к их беседе касательно лучшего времени года для ведения войны. Только полнейший новичок был бы настолько невоспитан, чтобы оскорбить посланца соседа в сезон дождей, решили они, и, следовательно, его можно будет с тех пор называть *нуво руа*.

Медленно тянулся вечер, врач князя извинился и вышел, чтобы присмотреть за приготовлением десерта и подсыпать наркотик в пирожные, предназначенные Шану. Медленно тянулся вечер, и после сладкого Шана все чаще и сильнее тянуло закрыть глаза и уронить голову на грудь. «Хорошая вечеринка, — пробормотал он, похрапывая, и наконец: — Слоны ни на черта не годны...» — и заснул так, что его было не разбудить. Его родичи были не в настроении провожать его в такое время домой, поскольку все тот же врач добавил им в вино хлоралгидрат и в настоящий момент они вповалку храпели на полу. Наиболее обходительный вассал из княжеской свиты договорился с Хауканой об их размещении, а самого Шана взяли в апартаменты князя, где вскорости его и посетил врач,

который расстегнул на нем одежду и заговорил с ним мягким, убеждающим голосом.

— Завтра после полудня, — говорил он, — ты будешь Князем Сиддхартхой, а это будут твои вассалы. Ты явишься в Палату Кармы вместе с ними и потребуешь там тело, которое без предварительного взвешивания твоей кармы обещал тебе Брахма. Ты останешься Сиддхартхой и после переноса, а потом вернешься сюда со своими вассалами, чтобы я тебя обследовал. Ты понял?

— Да, — прошептал Шан.

— Тогда повтори, что я тебе сказал.

— Завтра после полудня я буду Сиддхартхой во главе своих вассалов...

Ясной выдалась утренняя заря, и под ее сенью сводились разные счеты. Половина людей князя покинула верхом город, направляясь на север. Когда они достаточно удалились от Махаратхи, путь их начал потихоньку сворачивать к юго-востоку, петляя между холмов; остановились они лишь раз, чтобы облачиться в боевые доспехи.

Полдюжины людей отправились на улицу Кузнецов, откуда вернулись они с тяжелыми холщовыми мешками, содержимое которых поделили между собой три дюжины воинов, сразу после завтрака отправившихся в город.

Князь держал совет со своим врачом, Нарадой.

— Если я неправильно оценил милосердие Небес, то и в самом деле я проклят.

На что доктор улыбнулся и промолвил:

— Сомневаюсь, чтобы ты ошибся.

И так потихоньку утро сменилось полднем, над городом встал золотой Мост Богов.

Когда очнулись их подопечные, им помогли с похмельем. Шану дали послегипнотических снадобий и с шестью вассалами Сиддхартхи отправили его во Дворец Хозяев. Заверив, естественно, сородичей, что он все еще спит в княжеских покоях.

— В данный момент самый рискованный пункт, — сказал Нарада, — это Шан. Не узнают ли его? Нам на руку, что он — заштатный монарх далекого королевства. Он совсем недавно в городе, причем все это время провел в основном со своими

сородичами и до сих пор не подавал запрос о новом теле. Хозяева, должно быть, еще не знают, как выглядишь ты сам...

— Если только меня не описал им Брахма и его жрец, — перебил князь, — меня не удивит, если вся наша беседа была записана, а лента передана им с целью установления моей личности.

— Но почему же они должны были так поступить? — возразил Нарада. — Вряд ли они ожидают подвоха и изощренных предосторожностей от того, кому оказывают благодеяние. Нет, я полагаю, мы сумеем с этим справиться. Шану, конечно, не пройти зондирования, но он вполне сойдет для поверхностного осмотра, особенно в компании твоих вассалов. В данный момент он уверен, что он и есть Сиддхартха, и в этом отношении способен пройти любой тест на детекторе лжи — серьезней же, как мне кажется, испытание его не ждет.

Итак, они ждали. Три дюжины людей вернулись с пустыми сумками, собрали свои пожитки, оседлали коней и один за другим лениво затрусили через город, вроде бы в поисках увеселений, но на самом деле неведомая сила медленно сносила их в юго-восточном направлении.

— До свидания, добрый Хаукана, — говорил князь, пока оставшиеся вассалы паковали свои пожитки и седлали лошадей. — Как всегда, только доброе услышат о тебе и о твоем пристанище все, кто попадется на пути моем в окрестных краях. Я сожалею, что вынужден столь внезапно прервать свое пребывание здесь, но я должен спешить и, покинув Палату Кармы, сразу же отправлюсь усмирять восставшую провинцию. Ты же знаешь, стоит правителю отвернуться, как тут же разгорается смута. Итак, хотя я и хотел бы скоротать еще недельку под твоей гостеприимной крышей, но, боюсь, это удовольствие придется отложить до следующего раза. Если кто-то будет спрашивать обо мне, говори, чтобы искали меня в Гадесе.

— Гадес, мой Господин?

— Самая южная провинция моего королевства, отличающаяся исключительно жарким климатом. Постарайся не забыть и точно передать это, особенно жрецам Брахмы, которые, возможно, в ближайшие дни заинтересуются моим местопребыванием.

— Будет исполнено, мой Господин.

— И позаботься, прошу тебя, о мальчике Диле. Я хотел бы послушать его игру, когда посещу тебя в следующий раз.

Хаукана низко поклонился и приготовился произнести ответную речь, поэтому князь поспешил бросить ему последнюю мошну, полную монет, и, добавив пару слов касательно вин Симлы, вскочил в седло и столь решительно начал раздавать приказания своим воинам, что у Хауканы не было никакой возможности вставить хоть слово.

Они выехали через ворота и были таковы, оставив позади лишь медика да трех воинов, которых ему предстояло избавить за ближайший день от недомогания, вызванного ни с того ни с сего, вероятно, переменой климата; они должны были нагнать остальных в пути.

Отряд пересек весь город, избегая главных улиц, и постепенно оказался на дороге, ведущей к Дворцу Хозяев Кармы. Проезжая по ней, Сиддхартха обменивался тайными знаками с тремя дюжинами своих людей, лежавших в засаде в разных точках подступавшего к дороге леса.

На середине пути ко дворцу князь и восемь его спутников бросили поводья, словно собираясь передохнуть, а остальные в это время поравнялись с ними, осторожно пробираясь между деревьев.

Вскоре, однако, они увидели впереди какое-то движение. Показались семеро всадников, и князь догадался, что это шесть его копейщиков и Шан. Когда расстояние между двумя группами уменьшилось, князь со своими людьми двинулся им навстречу.

— Кто вы такие? — воскликнул высокий всадник с острым взглядом, чуть осадив свою белую кобылу. — Кто вы такие, что заступаете дорогу Князю Сиддхартхе, Бичу Демонов?

Князь присмотрелся к нему — мускулистый и загорелый, лет двадцати с небольшим, с ястребиным профилем и величественной осанкой — и вдруг почувствовал, что его подозрения были необоснованны и он подвел сам себя подозрительностью и недоверчивостью. По гибкому, тренированному экземпляру, сидевшему на его собственной белой кобыле, было ясно, что Брахма торговался честно, предоставляя ему в пользование прекрасное, сильное тело, которым сейчас обладал старый Шан.

— Князь Сиддхартха, — сказал один из его людей, сопро-

вождающих правителя Ирабека; похоже, что все было по-честному. С ним, по-моему, все в порядке.

— Сиддхартха! — вскричал Шан. — Кто это, к кому это ты смеешь обращаться по имени своего хозяина? Сиддхартха — я, я — Бич...

Он не договорил, голова его запрокинулась, и звуки забулькали в горле: его настиг припадок. Он окоченел, зашатался и выпал из седла. Сиддхартха бросился к нему. В уголках рта у Шана появилась пена, глаза его закатились.

— Эпилепсия! — вскричал князь. — Они собирались подсунуть мне порченый мозг.

Остальные столпились вокруг и помогали князю держать Шана, пока приступ не прошел и рассудок не начал возвращаться в тело.

— Ч-что случ-чилось? — спросил он.

— Предательство, — ответил Сиддхартха. — Предательство, о Шан Ирабекский! Один из моих людей проводит теперь тебя к моему персональному врачу для обследования. После того как ты отдохнешь, я предлагаю тебе подать жалобу в читальный зал Брахмы. Мой врач займется тобой у Хауканы, а потом ты будешь свободен. Я сожалею, что все так произошло. Вероятно, все уладится. Ну а если нет — вспоминай последнюю осаду Капила и считай, что мы квиты — по всем статьям. День добрый, братец князь.

Он поклонился, а его люди помогли Шану взгромоздиться на Хауканову гнедую, одолженную заблаговременно Сиддхартхой.

Из седла своей кобылы князь наблюдал, как удаляется Шан, а затем, повернувшись к собравшимся вокруг него людям, заговорил достаточно громко, чтобы его услышали и в лесу:

— Внутрь войдут девять из нас. Дважды взовет рог — и следом пойдут остальные. Если они будут сопротивляться, заставьте их пожалеть о своей неосторожности, ведь на тройной призыв рога явятся с холмов пятьдесят копейщиков, если будет в том надобность. Это — дворец для отдохновения, а не форт, где должны разворачиваться битвы. Берите Хозяев в плен. Не причиняйте вреда их машинам и не давайте делать этого другим. Если они не будут сопротивляться — все распрекрасно. Если же это случится, мы пройдем через дворец и Палату Хозяев Кармы, как маленький мальчик через большой

и замечательно устроенный муравейник. Удачи! И не дай бог, чтобы с нами были боги!

И, повернув свою лошадь, он направился вверх по дороге, и восемь копейщиков негромко напевали у него за спиной.

Князь проехал через широкие двойные ворота, распахнутые настежь; их никто не охранял. Он невольно призадумался: не просмотрел ли Стрейк каких-то секретных средств защиты.

Двор был вымощен лишь кое-где, основную его часть занимала зелень. Тут же работали несколько слуг, занятых подрезкой, стрижкой и всеми остальными садовыми процедурами. Князь прикинул, где бы разместить оружие, но подходящего места не нашел. Слуги, не прерывая работы, поглядывали на вновь прибывших.

В дальнем конце двора возвышалась черная каменная Палата. Он направился туда в сопровождении своих всадников, пока его не окликнули со ступеней самого дворца, который остался от него по правую руку.

Князь натянул поводья и обернулся в эту сторону. Увидел он человека в черном одеянии с желтым кругом на груди, с посохом из черного дерева в руках. Был он высок, могуч, лицо его, кроме глаз, было прикрыто черным.

Князь направил свою лошадь к подножию широкой лестницы.

— Я должен поговорить с Хозяевами Кармы, — заявил он.

— Тебе назначили прием? — спросил человек.

— Нет, — ответил князь, — но это очень важное дело.

— Тогда сожалею, что ты проделал все это путешествие впустую, — промолвил черный. — Необходимо назначение. Ты можешь договориться о нем в любом Храме Махаратхи.

Стукнув посохом о ступени, он повернулся и пошел прочь.

— Корчуйте сад, — велел князь своим людям, — вырубите вон те деревья, сложите их в кучу и подпалите.

Человек в черном замер, обернулся.

Внизу лестницы его ждал один князь. Остальные уже двигались по направлению к деревьям.

— Не смей, — сказал человек.

Князь улыбнулся.

Его люди спешились и, пройдя прямо по клумбам, начали вырубать кусты.

— Прикажи им остановиться!

— С чего бы это? Я пришел поговорить с Хозяевами Кармы, и ты заявляешь, что я не могу этого сделать. Я говорю, что могу, — и поговорю. Посмотрим, кто из нас прав.

— Прикажи им остановиться, — повторил тот, — и я передам твое послание Хозяевам.

— Стой! — крикнул князь. — Но будьте готовы начать снова.

Человек в черном поднялся по лестнице и исчез во дворце. Князь постукивал пальцами по рогу, который висел на перевязи у него на груди.

Вскоре во дворце послышалось какое-то движение, и из дверей один за другим стали появляться вооруженные люди. Князь поднял рог к губам и дважды протрубил в него.

Люди были облачены в кожаные доспехи, кое-кто еще прилаживал на ходу отдельные их детали и кожаные же колпаки. Вооружены они были маленькими овальными металлическими щитами с изображением желтого круга на черном фоне. Мечи у них были длинные, изогнутые. Воины заполнили всю лестницу и замерли, будто ожидая приказа.

Опять появился человек в черном и остановился на верхней площадке лестницы.

— Очень хорошо, — сказал он, — если ты хотел передать что-то Хозяевам, говори!

— Ты — Хозяин? — спросил князь.

— Да.

— Тогда ты, вероятно, последний из них, коли тебе приходится служить еще и привратником. Я хочу говорить со старшим.

— Твоей наглости воздастся сполна и в этой жизни, и в следующей, — заметил Хозяин.

Тут через ворота во двор въехали три дюжины копейщиков и, подъехав, выстроились с обеих сторон от князя. Те восемь, что начали было осквернять сад, вскочили в седла и придвинулись к своим товарищам, обнаженные клинки лежали у них поперек седел.

— Нам что, придется вступить в ваш дворец верхом? — поинтересовался князь. — Или же ты призовешь других Хозяев, с которыми я хочу иметь разговор?

Лицом к лицу с воинами князя на лестнице стояло около

восьмидесяти человек. Хозяин, казалось, взвешивал соотношение сил. Он решил не нарушать сложившегося положения.

— Не поступай опрометчиво, — процедил он сквозь зубы, — ибо мои люди будут защищаться особо жестоким образом. Жди, пока я вернусь. Я позову остальных.

Князь набил свою трубку и закурил. Его люди замерли, как статуи, с копьями наперевес. Капельки пота заметнее всего были на лицах пеших солдат, занимавших нижние ступени.

Князь, чтобы скоротать время, заметил своим копейщикам:

— Не вздумайте хорохориться и хвастаться своим мастерством, как вы делали при последней осаде Капила. Цельтесь в грудь, а не в голову. А еще, — продолжал он, — не вздумайте, как обычно, калечить раненых и убитых — это же святое место, и его не должно осквернять подобными поступками.

С другой стороны, — добавил он, — я восприму как личное оскорбление, если у нас не наберется десятка пленников для жертвоприношения Ниррити Черному, моему персональному покровителю, — конечно же, за пределами этих стен, где обряд Черного Празднества не будет столь тяжело давить на нас...

Справа раздался шум — это пехотинец, изо всех сил таращившийся на длинное копье Стрейка, потерял вдруг сознание и упал с нижней ступени.

— Стоп! — прокричал человек в черном, появившийся в этот миг на верхней площадке вместе с шестью другими, одетыми так же. — Не оскверняйте Дворец Кармы кровопролитием. Уже кровь этого павшего воина...

— Которая прилила бы к его щекам, — докончил князь, — если бы он был в сознании, ибо он не убит.

— Чего ты хочешь? — Обратившийся к нему черный человек был среднего роста, но чудовищен в обхвате. Он стоял, словно громадная темная бочка; его посох — словно аспидный перун.

— Я насчитал семь, — отвечал князь. — Насколько я понимаю, здесь проживает десять Хозяев. Где трое остальных?

— Они в данный момент на приеме в трех читальных залах Махаратхи. Что тебе нужно от нас?

— Ты здесь за старшего?

— Только Великое Колесо Закона здесь за старшего.

— Не ты ли старший представитель Великого Колеса внутри этих стен?

— Да, я.

— Очень хорошо. Я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз — вон там, — сказал князь, указав рукой на Черные Палаты.

— Это невозможно!

Князь выбил трубку о каблук, выскреб остатки табака кончиком своего кинжала и спрятал ее обратно в кисет.

Потом он выпрямился в своем седле, сжимая в левой руке рог. Его взгляд встретился с глазами Хозяина.

— Ты абсолютно уверен в этом? — спросил он.

Рот Хозяина, крохотный и яркий, искривился, артикулируя так и не произнесенные слова.

— Как скажешь, — согласился наконец он. — Пропустите меня!

Он спустился сквозь ряды воинов и остановился перед белой кобылой.

Князь ударами колен развернул ее в направлении темных Палат.

— Держать позицию! — приказал Хозяин.

— То же самое, — сказал князь своим людям.

Вдвоем они пересекли двор, и князь спешился перед Палатами.

— Ты должен мне тело, — вкрадчиво промолвил он.

— О чем это ты? — сказал Хозяин.

— Я — Князь Сиддхартха из Капила, Бич Демонов.

— Сиддхартху мы уже обслужили, — был ответ.

— Ты так считаешь, — сказал князь. — Обслужили, сделав по приказу Брахмы эпилептиком. Однако это не так. Человек, которого вы обработали сегодня, — всего лишь невольный самозванец. Я — настоящий Сиддхартха, о безымянный жрец, и я пришел потребовать свое тело — сильное, без изъяну, без скрытого порока. И ты послужишь мне в этом. Послужишь вольно или невольно — но послужишь.

— Ты так считаешь?

— Я так считаю, — подтвердил князь.

— Вперед! — закричал Хозяин и взмахнул своим посохом, целясь князю в голову.

Князь увернулся от удара и отступил назад, обнажая свой клинок. Дважды он парировал им удары посоха. Но на третий раз тот попал, и, хотя посох только скользнул ему по плечу, этого хватило, чтобы потрясти князя. Он кружил вокруг белой кобылы, укрываясь за нею от Хозяина. Увертываясь, прячась

за нею, он поднес ко рту рог и протрубил три раза. Звуки рога на миг покрыли звон, лязг и крики ожесточенной схватки, разгоревшейся на дворцовой лестнице. С трудом переведя дух, князь обернулся и едва успел отразить удар, который, без сомнения, размозжил бы ему череп.

— В Писании сказано, — захлебываясь, выдавил из себя Хозяин, — что тот, кто отдает приказания, не обладая должной силой, чтобы заставить их выполнить, — глупец.

— Еще десять лет назад, — с трудом выдохнул князь, — ты бы ни за что не дотронулся до меня своим посохом.

И он с ожесточением принялся наносить удары, целя в посох, стремясь разрубить, расщепить его, но соперник все время ухитрялся отвести острие его клинка, и, хотя вскоре на посохе было полно зарубок, а местами князь даже снял с него стружку, в целом он не пострадал и по-прежнему являл в руках Хозяина достаточно грозное оружие.

Вдруг среди этой сечи Хозяин просто, как палкой, огрел князя посохом наискосок по левому боку, и тот почувствовал, как у него внутри треснули ребра... Он повалился на землю.

Нет худа без добра: когда князь падал, клинок выпал у него из руки и полоснул Хозяина по ногам чуть пониже колен; тот, завопив, рухнул как подкошенный.

— Мы почти на равных, — выдохнул князь. — Мой возраст против твоего жира...

И он с трудом вытащил, даже и не пытаясь подняться, свой кинжал; твердо сжать его в руке было ему не под силу.

Он оперся локтем о землю. Хозяин со слезами на глазах попытался было подняться, но тут же снова упал на колени.

И тут до них донесся стук множества подков.

— Я не глупец, — сказал князь. — И теперь я обладаю должной силой, чтобы заставить выполнить мои приказания.

— Что происходит?

— Прибыли остальные мои копьеносцы. Если бы я сразу вступил сюда со всеми своими силами, вы бы попрятались по щелям, как гекконы в груде валежника; нам бы потребовались тогда, может быть, дни и дни, чтобы обшарить ваш дворец и выкурить вас из укромных уголков. Ну а теперь ты лежишь, словно у меня на ладони.

Хозяин поднял свой посох.

Князь отвел назад руку с кинжалом.

— Опусти его, — сказал он, — или я метну кинжал. Не знаю, попаду я или промахнусь, но вполне могу попасть. Ну

так что, ты не побоишься сыграть, когда ставкой будет подлинная смерть, а?

Хозяин опустил свой посох.

— Подлинную смерть познаешь ты, — сказал Хозяин, — когда служители Кармы скормят псам тела твоих всадников.

Князь закашлялся и без всякого интереса поглядел на свою кровавую слюну.

— Ну а пока обсудим политику? — предложил он.

Когда стихли звуки битвы, первым к ним приблизился Стрейк — высокий, пропыленный, в волосах у него запеклось почти столько же крови, как и на лезвии меча, — его недоверчиво обнюхала белая кобыла. Он отдал князю честь и сказал:

— Готово.

— Слышишь, Хозяин Кармы? — спросил князь. — Твои служители — вот истинная пища для псов.

Хозяин не отвечал.

— Обслужишь меня сейчас, и я сохраню тебе жизнь. Откажешься, и я лишу тебя ее.

— Обслужу, — сказал Хозяин.

— Стрейк, — распорядился князь, — пошли двоих обратно в город; одного — за Нарадой, другого — на улицу Ткачей за Янаггом-парусинником. Из трех копейщиков у Хауканы пусть остается только один — постережет до заката Шана Ирабекского, а потом свяжет его и оставит там, а сам догоняет нас.

Стрейк улыбнулся и отсалютовал князю.

— А сейчас пришли людей, чтобы перенести меня внутрь палат и присмотреть за Хозяином.

Свое старое тело он сжег вместе со всеми остальными. Служители Кармы пали в бою все до одного. Из семи безымянных Хозяев в живых остался только толстяк. Банк спермы и яйцеклеток, резервуары для выращивания и камеры для готовых тел увезти было невозможно, зато само оборудование для переноса было демонтировано и погружено на лошадей, лишившихся в битве своих всадников. Юный князь, восседая на белой кобыле, смотрел, как челюсти пламени смыкались на телах павших. Восемь погребальных костров пылало на фоне предрассветного неба. Тот, который был парусных дел мастером, посмотрел на ближайший к воротам костер; его за-

жгли последним, и только сейчас языки пламени добрались до верха, где покоилась громадная туша, облаченная в черное одеяние с желтым кругом на груди. Когда пламя коснулось его и одежда начала дымиться, собака, забившаяся с поджатым хвостом под кусты в обезображенном саду, подняла к небу морду и завыла, и вой ее был очень похож на плач.

— Сегодня счет твоих грехов перешел все границы, — сказал парусный мастер.

— Но, гм, есть еще и счет молитв! — откликнулся князь. — Буду уповать на него. Хотя будущим теологам еще предстоит принять окончательное решение о правомерности этих жетонов и одноруких бандитов. А теперь — пусть Небеса соображают, что стряслось здесь сегодня. Пора отправляться, мой капитан. Пока — в горы, а там — врозь, так будет безопасней. Не знаю, какой дорогой я последую, единственно знаю, что ведет она к вратам Небес и что я должен идти по ней во всеоружии.

— Бич Демонов, — протянул его собеседник, и князь улыбнулся.

Приблизился предводитель копейщиков. Князь кивнул ему. Прозвучали выкрики приказаний.

Колонны всадников двинулись в путь, прошли через ворота Дворца Кармы, свернули с дороги и направились вверх по склону на юго-восток, удаляясь от города Махаратхи, а за спиной у них, словно утренняя заря, пылали тела их товарищей.

Глава 3

Поведано, что, когда явился Учитель, приходили послушать его учение люди всех каст — и даже животные, боги, забредал случайный святой; и уходили они оттуда укрепившись духом и праведнее, чем были. Считалось, что он обрел просветление, хотя были и такие, кто называл его мошенником, грешником, преступником или пройдохой. Не все из этих последних числились среди его врагов; но, с другой стороны, не все из тех, кто окреп духом и стал праведнее, могли быть причислены к его друзьям и сторонникам. Последователи звали его Махасаматман, и некоторые из них говорили, что он бог. И вот вскоре стало ясно, что принят он в качестве учителя, что смотрят на него с уважением; приобрел он много богатых сторонников и прославился далеко за пределами округи; стали называть его Татхагатой, что

означает Тот Кто Постиг. И отметить нужно, что хотя богиня Кали (иногда — в наиболее безобидных ее проявлениях — известная как Дурга) никогда не высказывала формального заключения касательно достижения им состояния будды, оказала она ему честь исключительную, отрядив воздать ему свою дань не простого наемного убийцу, а святого своего палача...

> Не исчезает истинная Дхамма, пока не возрастет в мире Дхамма ложная.
>
> Когда возрастает ложная Дхамма, вынуждает она истинную Дхамму исчезнуть.
>
> *Самьютта-никая (II, 224)*

Поблизости от города Алундила раскинулась роскошная роща, деревья с голубой корой венчала там пурпурная листва, легкостью подобная перу. Прославлена была эта роща своей красотой, а также и священным покоем, что царил под ее сенью. До его обращения принадлежала она купцу Васу, который потом предоставил ее учителю, известному и под именем Махасаматман, и под прозвищем Татхагата, и как Просветленный. В этой роще и обосновался Учитель со своими последователями, и когда проходили они среди дня по городу, никогда не оставались пустыми их чаши для подаяния.

К роще всегда стекалось и множество пилигримов. Верующие, любопытные, хищные до чужого — все они бесконечной чередой проходили там, добираясь кто по воде, кто посуху, кто верхом, а кто пешком.

Алундил — довольно заурядный городишко. Обычными были в нем и крытые соломой лачуги, и одноэтажные деревянные халупы; немощеной оставалась главная улица, вся исчерченная шрамами от колес бесчисленных повозок; имелось в нем два больших базара и множество мелких; вокруг протянулись обширные поля злаков, принадлежащие вайшьям и обрабатываемые шудрами, казалось, что город — это остров в зелено-голубом озере; из-за большого наплыва путешественников много было в черте города постоялых дворов (но, конечно, ни один из них не мог сравниться с легендарным гостиным двором Хауканы в далекой Махаратхе); были здесь и

свои святые, и свои сказители; и, уж конечно, был здесь и свой Храм.

Храм расположился на невысоком холме почти в самом центре города, каждую из четырех его стен разрывали посередине огромные ворота. Они, как, собственно, и стены, были сплошь покрыты резьбой, теснящимися, смыкающимися друг с другом ярусами высеченных из камня фигур; красовались там музыканты и танцовщицы, воины и демоны, боги и богини, звери и артисты, стражи и девы, любовники во всевозможных сочетаниях и бесчисленные гибриды людей и животных. Ворота эти вели в первый, внешний, двор, в котором опять же высились стены — уже со своими воротами, которые, в свою очередь, вели во второй, внутренний, двор. В первом находился небольшой базар, где продавалось все необходимое для поклонения богам. Кроме того, размещалось там множество маленьких святилищ, капищ, часовен, посвященных второстепенным божествам. Чего только не было в этом дворе: попрошайствующие нищие, смеющиеся дети, медитирующие святые, сплетничающие женщины, курящиеся благовония, распевающие птахи, побулькивающие сосуды для очищения, басовито гудящие молитвоматы — все это можно было обнаружить здесь круглый день.

Ну а внутренний двор, с его величественными святилищами главных богов, являлся средоточием всей религиозной деятельности. Люди распевали или выкрикивали молитвы, бормотали стихи из вед, стояли — одни, вытянувшись в струнку, другие — на коленях, лежали, простертые ниц перед огромными каменными изваяниями, которые подчас так любовно были увиты гирляндами цветов, так густо натерты красной кункумовой пастой и окружены грудами приношений, что невозможно было догадаться, какое же божество потонуло здесь в океане осязаемого поклонения. Время от времени трубили храмовые трубы, и тогда все на минуту смолкали, чтобы оценить их эхо, затем гам возобновлялся с новой силой.

И никому не пришло бы в голову спорить, что королевой Храма была Кали. Ее высокая, изваянная из белого камня статуя в гигантском святилище господствовала над внутренним двором. Едва заметная ее улыбка, может быть, чуть презрительно снисходительная к остальным богам и их богомольцам, на свой лад приковывала взгляд не менее, чем ухмылки гирлянды черепов, свешивавшихся с ее ожерелья. В руках она сжимала кинжалы, а тело ее, схваченное худож-

ником в середине шага, казалось, не решило, не стоит ли пуститься в танец и лишь потом повергнуть пришедших к ее святилищу. Полными были ее губы, широко открытыми глаза. При свете факелов казалось, что она движется.

Поэтому немудрено было, что лицом к лицу с ее святилищем стояло святилище Ямы, бога Смерти. Решено было — и достаточно логично — священнослужителями и архитекторами, что из всех божеств именно ему пристало, ни на минуту не отрываясь, весь день соизмерять свой полный решимости взгляд со встречным взглядом богини, вторя своей кривой усмешкой ее полуулыбке. Даже самые благочестивые посетители старались обычно обойти эти два святилища стороной и уж всяко не проходить между ними; а когда на город опускались сумерки, в этой части храма воцарялись тишина и неподвижность, и не тревожил их никакой припозднившийся богомолец.

С севера, когда дохнул на округу вешний ветер, пришел сюда некто по имени Рилд. Невелик ростом, хрупкого сложения, с головой — хоть и небогат он был прожитыми годами — убеленной, должно быть, сединой, — таков был Рилд; облачен он был в обычное темное одеяние пилигрима, но, когда нашли его в канаве, где без памяти лежал он в приступе лихорадки, намотан был на его предплечье малиновый шнурок удушителя, знак его, Рилда, истинной профессии.

Пришел Рилд весной, во время празднества, в Алундил среди зелено-голубых полей, в Алундил лачуг под соломенной кровлей и одноэтажных деревянных халуп, немощеных улиц и многочисленных постоялых дворов, базаров, святых подвижников и сказителей, великого религиозного возрождения и его Учителя, молва о котором разнеслась далеко за пределы округи, — в Алундил Храма, царила в котором его покровительница.

Время празднеств.

Лет двадцать тому назад этот традиционный местный праздник не касался даже ближайших соседей. Но теперь, когда стекались сюда бесчисленные путешественники, привлеченные присутствием Просветленного, проповедующего истину Восьмеричного Пути, Фестиваль в Алундиле привлекал такое количество пилигримов, что переполнены были все комнаты и углы, где только можно было обрести приют. Владель-

цы палаток сдавали их внаем втридорога. Даже в конюшнях ютились люди, даже голые клочки земли сдавались как участки для временных лагерей.

Любил Алундил своего Будду. Много было городов, пытавшихся переманить его, выманить из пурпурной рощи. Шенгоду, Цветок Гор, сулил ему дворец с гаремом, лишь бы он принес свое учение на его склоны. Но Просветленный не пошел к горе. Каннака, порт на Змеиной Реке, предлагал ему слонов и корабли, городской дом и загородную виллу, лошадей и слуг, только бы он пришел и проповедовал на его пристанях. Но не пошел Просветленный к реке.

Оставался Будда у себя в роще, и все живое стекалось к нему. С годами, как откормленный дракон, все разрастался праздник — и в пространстве, и во времени, и, как чешуя оного — само мерцание, — все пышнее и многолюднее становился он. Местные брамины не одобряли антиритуалистическое учение Будды, но благодаря его присутствию переполнялась казна их, и пришлось им научиться жить в тени восседающего Учителя, не произнося слова «тиртхика» — еретик.

И оставался Будда у себя в роще, и все живое стекалось к нему, в том числе и Рилд.

Время празднеств.

На третий день заговорили громовыми раскатами огромные барабаны для танца катхакали. Стремительное, как пулеметные очереди, на многие мили разнеслось стаккато барабанной дроби, через поля проникло оно в город, наполнило его, наполнило собой пурпурную рощу и болотистые пустоши позади нее. Одетые в белые мундусы барабанщики были обнажены до пояса, и на их темных торсах поблескивали капельки пота; работали они посменно, столь выматывал поддерживаемый ими могучий пульс; и ни на миг не прерывался звуковой поток, даже когда очередная смена барабанщиков выдвигалась, отдохнув, вплотную к туго натянутым на маханагары кожаным мембранам.

С наступлением темноты путешественники и горожане, пустившиеся в путь, едва заслышав перебранку барабанов, начали прибывать на праздничное поле, не менее просторное, чем поля древних сражений. Там они подыскивали себе свободное местечко и усаживались коротать время в ожидании, когда сгустится темнота и начнется драма, потягивая сладко пахну-

щий чай, купленный на лотках и в палатках, расставленных повсюду под деревьями.

В центре поля стоял огромный, высотой в рост человека, медный котел с маслом, через края которого свешивались фитили. Их зажгли, и они попыхивали в ответ мерцавшим у палаток актеров факелам.

Вблизи грохот барабанов становился и вовсе оглушающим, гипнотическим, а сложные, синкопированные их ритмы — коварными.

С приближением полуночи зазвучали славословящие богов песнопения, нарастающие и спадающие, следуя ритму, задаваемому барабанами; словно тенетами оплетали они все пять человеческих чувств.

Вдруг все затихло, это в сопровождении своих монахов, чьи желтые одеяния казались в факельных отсветах оранжевыми, прибыл Просветленный. Но они отбросили на плечи капюшоны своих ряс и уселись, скрестив ноги, прямо на землю. И чуть погодя умы собравшихся вновь полностью заполнили песнопения и голоса барабанов.

Когда появились актеры, превращенные в гигантов грандиозным гримом, сопровождаемые позвякивающими при каждом шаге на лодыжках бубенцами, встретили их не аплодисментами, а одним только сосредоточенным вниманием. С самого детства начинали знаменитые танцоры катхакали учиться и акробатике, и веками устоявшимся образцам классического танца; ведомы им были и девять различных движений шеи и глаз, и сотни положений и жестов рук, необходимых для того, чтобы воссоздать на сцене древние эпические предания, повествующие о любви и битвах, о стычках богов и демонов, о героических поединках и кровавых предательствах и изменах. Музыканты громко выкрикивали строки, повествующие о захватывающих дух подвигах Рамы или братьев Пандавов, а актеры, не произнося ни единого слова, изображали их на сцене. Раскрашенные в зеленое и красное, черное и белоснежное, шествовали они по полю, и вздымались их одежды, и сверкали, отбрасывая тысячи зайчиков, в огнях светильника их огромные нимбы. Иногда светильник вдруг ярко вспыхивал или же шипел и плевался искрами, и тогда ореолы у них над головами словно переливались то небесным, то непотребным светом, полностью стирая смысл происходящего и заставляя зрителей на мгновение почувствовать, что сами они — всего

лишь иллюзия, а единственно реальны в этом мире ведущие циклопический танец крупнотелые фигуры.

Танец должен был продолжаться до рассвета, чтобы завершиться с восходом солнца. Еще до зари, однако, явился со стороны города один из желторясых монахов и, проложив себе путь сквозь толпу, поведал что-то на ухо Просветленному.

Будда приподнялся было, но, как показалось, чуть подумав, уселся обратно. Он сказал что-то монаху, тот кивнул и отправился восвояси.

Невозмутим был с виду Будда, вновь погрузившийся в созерцание спектакля. Сидевший по соседству монах заметил, как постукивает он пальцами по земле, и решил, что Просветленный отсчитывает ритм тала музыкантам, ибо всем было известно, что выше он таких вещей, как нетерпение.

Но вот кончилась драма, и Сурья-солнце окрасил розами каемку Небес с восточной стороны, и оказалось, что ушедшая ночь держала толпу в плену напряженной, пугающей грезы, от которой освободились наконец зрители — лишь затем, чтобы в усталости скитаться лунатиками весь этот день.

Лишь Будда и его последователи сразу же отправились в сторону города. Нигде не останавливались они передохнуть и прошли через весь Алундил быстрой, но исполненной достоинства походкой. Когда же вернулись они в пурпурную рощу, наказал Просветленный своим монахам отдыхать, а сам направился к небольшому павильону, расположенному в лесной чащобе.

Монах, оповестивший Будду во время представления, сидел внутри павильона. Он пытался унять приступ лихорадки, терзавшей странника, подобранного им на болотах, где он имел обыкновение прогуливаться, ибо среди болотных испарений особенно хорошо медитировалось о неизбежном разложении тела после смерти.

Татхагата разглядывал вытянувшегося перед ним на матрасе человека. У него были тонкие и бледные губы, высокий лоб, выступающие скулы, седые брови, чуть заостренные уши; и Татхагата решил, что под веками незнакомца скрываются либо серые, либо бледно-голубые выцветшие глаза. И все его тело, оставленное на время сознанием, было каким-то... просвечивающим?.. хрупким, что ли, — может быть, отчасти из-за разъедающей его лихорадки, но нельзя было списать это его качество полностью на болезнь. Этот маленький человек

отнюдь не производил впечатления того, кому подобает носить предмет, который держал сейчас Татхагата в руках. На первый взгляд, вполне мог бы он показаться глубоким стариком. Но стоило приглядеться получше и осознать, что ни бесцветные его волосы, ни хрупкое телосложение не свидетельствуют о преклонном возрасте, и поразило бы в его облике что-то совершенно детское. По внешнему его виду решил Татхагата, что не обязательно ему часто бриться. Быть может, где-то у уголков рта затерялись сейчас у него непокорные морщинки. А может быть, и нет.

Татхагата поднял малиновый шнурок для удушения, носить который пристало только святому палачу богини Кали. Он пропустил шелковистое тельце шнурка между пальцев, и тот проскользнул сквозь его руку, как змея, чуть-чуть ластясь к ней. Вне всяких сомнений, ласка эта предназначалась для его горла. Почти не осознавая, что делает, он быстро скрестил руки и тут же развел их; да, именно так это и делается.

Потом он поднял взгляд на монаха, который наблюдал за ним широко открытыми глазами, улыбнулся своей непроницаемой улыбкой и отложил шнурок. Монах влажной тряпицей вытер пот с бледного чела больного.

Покоившийся на матрасе вздрогнул от прикосновения, его веки вдруг резко распахнулись. Невидящие глаза его были наполнены безумием лихорадки, но Татхагата содрогнулся, встретившись с ним взглядом.

Темными, черными, почти как антрацит, оказались они, невозможно было разобрать, где кончается зрачок и начинается радужная оболочка. Было нечто предельно противоестественное в сочетании глаз подобной мощи со столь хилым и истощенным телом.

Татхагата дотронулся до руки больного, и это было все равно что коснуться стали, холодной и неподатливой. С силой полоснул он ногтем по внешней стороне правой кисти — и на ней не осталось ни следа, ни царапинки, ноготь просто соскользнул, словно по поверхности стекла. Он надавил изо всех сил на ноготь большого пальца, а когда отпустил его — ничего не произошло, тот ни на йоту не изменил свой цвет. Казалось, что руки эти мертвы, как детали механизма.

Он продолжил обследование больного. Замеченное явление прекращалось чуть выше запястий, чтобы опять проявиться в других местах. Руки, грудь, живот, шея и отдельные

части спины окунались когда-то в купель смерти, что и обеспечило их неуязвимость и несгибаемую мощь. Смертельным, конечно, было бы полное погружение в эту купель; ну а так, в обмен на частичную потерю осязания приобрел дерзнувший на подобные водные процедуры невидимый эквивалент доспехов — нагрудных, спинных, рукавиц — из крепчайшей стали. И в самом деле, был он из отборнейших убийц ужасной богини.

— Кто еще знает об этом человеке? — спросил Будда.

— Послушник Симха, — отвечал монах, — который помог мне принести его сюда.

— А он видел, — показал глазами Татхагата на малиновый шнурок, — это?

Монах кивнул.

— Тогда сходи за ним. Пусть, не откладывая, явится сюда. И никому ничего не рассказывай, можешь только упоминать, что один из пилигримов заболел и мы его здесь подлечиваем. Я беру на себя уход за ним и сам буду его лечить.

— Слушаю, Победоносный.

И монах спешно покинул павильон.

Татхагата уселся рядом с матрасом и погрузился в ожидание.

Прошло два дня, прежде чем на убыль пошла лихорадка и рассудок вернулся в эти темные глаза. Но на протяжении этих двух дней всякий, чей путь лежал мимо павильона, мог услышать голос Просветленного, монотонно бубнившего над своим спящим пациентом, словно бы обращаясь к нему. Изредка и тот бормотал что-то бессвязное, громко говорил вдруг что-то, как всегда бывает в лихорадочном бреду.

На второй день больной вдруг открыл глаза и уставился вверх. Затем он нахмурился и повернул голову.

— Доброе утро, Рилд, — сказал Татхагата.

— Ты кто? — спросил тот неожиданно глубоким баритоном.

— Тот, кто учит Пути Освобождения, — был ответ.

— Будда?

— Так меня звали.

— Татхагата?

— И это имя давали мне.

Больной попытался приподняться и повалился назад. По-прежнему совершенно безмятежным было выражение его глаз.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил он наконец.

— В бреду ты много разговаривал.

— Да, я был очень болен и, без сомнения, бредил. Я простудился в этом окаянном болоте.

Татхагата улыбнулся.

— Один из недостатков путешествия в одиночку: некому помочь тебе в беде.

— Ты прав, — согласился Рилд, и веки его вновь сомкнулись; он задышал глубоко и ровно.

Татхагата остался в позе лотоса, ожидая...

Когда Рилд очнулся в следующий раз, был вечер.

— Пить, — сказал он.

Татхагата дал ему воды.

— Ты голоден? — спросил он.

— Нет, мне, моему желудку пока не до этого.

Он поднялся на локтях и уставился на своего попечителя. Затем повалился обратно на матрас.

— Это как раз ты, — заявил он.

— Да, — откликнулся Татхагата.

— Что ты собираешься делать?

— Накормить тебя, когда ты скажешь, что голоден.

— Я имею в виду после этого.

— Присмотреть за тем, как ты спишь, дабы ты опять не впал в бред.

— Я не о том.

— Я знаю.

— После того, как я поем, отдохну, вновь обрету свои силы, — что тогда?

Татхагата улыбнулся и вытащил откуда-то из-под своей одежды шелковый шнурок.

— Ничего, — промолвил он, — совсем ничего, — и он, изящно перекинув шнурок Рилду через плечо, отвел руку.

Тот тряхнул головой и откинулся назад. Поднял руку и пробежал пальцами вдоль шнурка. Обвил им пальцы, затем запястье. Погладил его.

— Он священен, — сказал он чуть позже.

— Похоже...

— Ты знаешь, для чего он служит и какова его цель?

— Конечно.

— Почему же тогда ты не собираешься ничего делать?

— Мне нет надобности что-то делать или действовать. Все приходит ко мне. Если что-то должно быть сделано, сделать это предстоит тебе.

— Не понимаю.

— Я знаю и это.

Человек глядел в тень у себя над головой.

— Я бы попробовал поесть, — заявил он.

Татхагата дал ему бульон и хлеб, и он съел их аккуратно, чтобы его не вырвало, и его не вырвало. Тогда он выпил еще немного воды и, тяжело дыша, улегся обратно на матрас.

— Ты оскорбил Небеса, — заявил он.

— Мне ли этого не знать.

— И ты умалил славу богини, чье верховенство никогда не ставилось здесь под сомнение.

— Я знаю.

— Но я обязан тебе своей жизнью, я ел твой хлеб...

Ответом ему было молчание.

— Из-за этого должен я нарушить самую святую клятву, — заключил Рилд. — Я не могу убить тебя, Татхагата.

— Выходит, я обязан своей жизнью тому факту, что ты обязан мне своей. Давай считать, что в смысле жизненных долгов мы квиты.

Рилд хмыкнул.

— Да будет так, — сказал он.

— И что же ты будешь делать теперь, когда ты отказался от своего призвания?

— Не знаю. Слишком велик мой грех, чтобы мне было дозволено вернуться. Теперь уже и я оскорбил Небеса, и богиня отвернет свой лик от моих молитв.

— Коли все так случилось, оставайся здесь. По крайней мере, тут тебе будет с кем поговорить как проклятому с проклятым.

— Отлично, — согласился Рилд. — Мне не остается ничего другого.

Он вновь заснул, и Будда улыбнулся.

В следующие дни, пока неспешно разворачивался праздник, Просветленный проповедовал перед толпой пришедших в пурпурную рощу. Он говорил о единстве всех вещей, великих и малых, о законах причинности, о становлении и умирании, об иллюзии мира, об искорке атмана, о пути спасения через самоотречение и единение с целым; он говорил о реализации и просветлении, о бессмысленности брахманических ри-

туалов, сравнивая их формы с сосудами, из которых вылито все содержимое. Многие слушали, немногие слышали, а кое-кто оставался в пурпурной роще, чтобы принять шафрановую рясу и встать на путь поиска истины.

И всякий раз, когда он проповедовал, Рилд садился поблизости, облаченный в свое черное одеяние, перетянутое кожаными ремнями, не сводя странных темных глаз с Просветленного.

Через две недели после своего выздоровления подошел Рилд к учителю, когда тот прогуливался по роще, погрузившись в глубокие размышления. Он пристроился на шаг позади него и через некоторое время заговорил:

— Просветленный, я слушал твое учение, и слушал его с тщанием. Много я думал над твоими словами.

Учитель кивнул.

— Я всегда был верующим, — продолжал Рилд, — иначе я не был бы избран на тот пост, который не так давно занимал. С тех пор как невозможным стало для меня выполнить свое предназначение, я почувствовал огромную пустоту. Я подвел свою богиню, и жизнь потеряла для меня всякий смысл.

Учитель молча слушал.

— Но я услышал твои слова, — сказал Рилд, — и они наполнили меня какой-то радостью. Они показали мне другой путь к спасению, и он, как я чувствую, превосходит тот путь, которому я следовал доселе.

Будда всматривался в его лицо, слушая эти слова.

— Твой путь отречения — строгий путь. И он — правильный. Он соответствует моим надобностям. И вот я прошу дозволения вступить в твою общину послушников и следовать твоему пути.

— Ты уверен, — спросил Просветленный, — что не стремишься просто наказать самого себя за то, что отягчает твое сознание, приняв обличие неудачи или греха?

— В этом я уверен, — промолвил Рилд. — Я вобрал в себя твои слова и почувствовал истину, в них содержащуюся. На службе у богини убил я больше мужчин, чем пурпурных листьев вот на этом кусте. Я даже не считаю женщин и детей. И меня нелегко убедить словами, ибо слышал я их слишком много, произносимых на все голоса, слов упрашивающих, спорящих, проклинающих. Но твои слова глубоко меня затронули, и далеко превосходят они учение браминов. С вели-

кой радостью стал бы я твоим палачом, отправляя на тот свет твоих врагов шафрановым шнурком — или клинком, или копьем, или голыми руками, ибо сведущ я во всяком оружии, три жизненных срока посвятив изучению боевых искусств, — но я знаю, что не таков твой путь. Для тебя жизнь и смерть — одно, и не стремишься ты уничтожить своих противников. И поэтому домогаюсь я вступления в твой орден. Для меня его устав не так суров, как для многих. Они должны отказаться от дома и семьи, происхождения и собственности. Я же лишен всего этого. Они должны отказаться от своей собственной воли, что я уже сделал. Все, чего мне не хватает, это желтая ряса.

— Она твоя, — сказал Татхагата, — с моим благословением.

Рилд обрядился в желтую рясу буддистского монаха и с усердием предался посту и медитации. Через неделю, когда празднества близились к концу, он, захватив с собой чашу для подаяний, отправился с другими монахами в город. Вместе с ними он, однако, не вернулся. День сменился сумерками, сумерки — темнотой. По округе разнеслись последние ноты храмового нагасварама, и многие путешественники уже покинули праздник.

Долго, долго бродил погруженный в размышления Будда по лесу. Затем пропал и он.

Вниз из рощи, оставив позади болота, к городу Алундилу, над которым затаились скалистые холмы, вокруг которого раскинулись зелено-голубые поля, в город Алундил, все еще взбудораженный путешественниками, многие из которых напропалую бражничали, вверх по улицам Алундила, к холму с венчающим его Храмом шел Просветленный.

Он вошел в первый двор, и было там тихо. Ушли отсюда и собаки, и дети, и нищие. Жрецы спали. Один-единственный дремлющий служитель сидел за прилавком на базаре. Многие из святилищ стояли сейчас пустыми, их статуи были перенесены на ночь внутрь. Перед другими на коленях стояли запоздалые богомольцы.

Он вступил во внутренний двор. Перед статуей Ганеши на молитвенном коврике восседал погруженный в молитву аскет. Он медитировал в полной неподвижности, и его самого тоже можно было принять за изваяние. По углам двора неровным пламенем горели фитили четырех заправленных маслом светильников, их пляшущие огни лишь подчеркивали густоту

теней, в которых утонуло большинство святилищ. Маленькие светлячки — огоньки, зажженные особенно благочестивыми богомольцами, — бросали мимолетные отсветы на статуи их покровителей.

Татхагата пересек двор и замер перед горделиво занесшейся надо всем остальным фигурой Кали. У ног ее мерцал крохотный светильник, и в его неверном свете призрачная улыбка богини, когда она смотрела на представшего перед ней, казалась податливой и переменчивой.

Перекинутый через ее простертую руку, петлей охватывая острие кинжала, висел малиновый шнурок.

Татхагата улыбнулся богине в ответ, и она, показалось, чуть ли не нахмурилась на это.

— Это — заявление об отставке, моя дорогая, — заявил он. — Ты проиграла этот раунд.

Она вроде бы кивнула в знак согласия.

— Я весьма польщен, что за такой короткий срок добился столь высокого признания, — продолжал он. — Но даже если бы ты и преуспела, старушка, это не принесло бы тебе особых плодов. Теперь уже слишком поздно. Я запустил нечто, чего тебе не остановить. Древние слова услышаны слишком многими. Ты думала, они утрачены, — и я тоже. Но мы оба ошибались. Да, религия, при помощи которой ты правишь, чрезвычайно стара, богиня, но почтенна и традиция моего протеста. Так что зови меня протестантом — или диссидентом — и помни: я теперь уже больше, нежели просто человек. Спокойной ночи.

И он покинул Храм, ушел из святилища Кали, где спину ему буравил неотвязный взгляд Ямы.

Прошло еще много месяцев, прежде чем произошло чудо, а когда это случилось, то чудом оно не показалось, ибо медленно вызревало оно все эти месяцы.

Рилд, пришедший с севера, когда вешние ветры веяли над просыпающейся землей, а на руке его была смерть, в глубине глаз — черный огонь; Рилд — с белесыми бровями и остренькими ушами — заговорил однажды среди дня, когда вслед за ушедшей весной пришли долгие летние дни и напоили все под Мостом Богов летним зноем. Он заговорил неожиданно глубоким баритоном, отвечая на заданный ему каким-то путешественником вопрос.

За которым последовал второй, а потом и третий.

И он продолжал говорить, и еще несколько монахов и какие-то пилигримы собрались вокруг него. За вопросами, которые задавали ему уже они все, следовали ответы, и разрастались эти ответы, и становились все длиннее и длиннее, ибо превращались в притчи, примеры, аллегории.

И сидели они у его ног, и странными затонами ночи стали его темные глаза, и голос его вещал словно с небес, ясный и мягкий, мелодичный и убедительный.

Выслушав его, путники отправились дальше. Но по дороге встречали они других путешественников и переговаривались с ними; и вот еще не кончилось лето, когда стали пилигримы, стекающиеся в пурпурную рощу, просить о встрече с этим учеником Будды, о том, чтобы послушать и его слова.

Татхагата стал проповедовать с ним по очереди. Вместе учили они Восьмеричному Пути, прославляли блаженство нирваны, открывали глаза на иллюзорность мира и на те цепи, которые накладывает он на человека.

А потом пришла пора, когда раз за разом уже сам сладкоречивый Татхагата вслушивался в слова своего ученика, который вобрал в себя все, о чем проповедовал его учитель, долго и глубоко над этим медитировал и ныне словно обнаружил доступ к таинственному морю; погружал он свою твердую, как сталь, руку в источник сокровенных вод истины и красоты, а потом кропил ими слушателей.

Минуло лето. Теперь не оставалось никаких сомнений, что просветления достигли двое: Татхагата и его маленький ученик, которого они звали Сугата. Говорили даже, что обладал Сугата даром целителя, что, когда глаза его странно светились, а ледяные руки касались вывихнутых или скрюченных членов, те вправлялись или выпрямлялись сами собой. Говорили, что однажды во время проповеди Сугаты к слепому вернулось зрение.

В две вещи верил Сугата, и были это Путь Спасения и Татхагата, Будда.

— Победоносный, — сказал он ему однажды, — пуста была моя жизнь, пока ты не наставил меня на Путь Истины. Твое просветление, когда ты еще не начал учить, было ли оно как яркое пламя, как грохочущий водопад, — и ты всюду, и ты часть всего: облаков и деревьев, зверей в лесу и всех людей, снега на горных вершинах и костей, белеющих в поле?

— Да, — сказал Татхагата.

— Я тоже знаю радость всего, — сказал Сугата.

— Да, я знаю, — сказал Татхагата.

— Я вижу теперь, почему ты сказал однажды, что все приходит к тебе. Принести в мир подобное учение — понятно, почему тебе завидовали боги. Бедные боги! Их надо пожалеть. Ну да ты знаешь. Ты знаешь все.

Татхагата не ответил.

И вновь вернулось все на круги своя, минул год, как явился второй Будда, опять повеяли вешние ветры... и донесся однажды с небес ужасающий вопль.

Горожане Алундила высыпали на улицы и уставились в небо. Шудры в полях бросили свою работу и задрали кверху головы. В Храме на холме наступила вдруг мертвая тишина. В пурпурной роще за городом монахи обшаривали взглядами горизонт.

Он мерил небо, рожденный властвовать ветрами... С севера пришел он — зеленый и красный, желтый и коричневый... Танцуя, парил он воздушной дорогой...

Раздался новый вопль и биение могучих крыл — это набирал он высоту, чтобы взмыть над облаками крохотной черной точкой.

А потом ринулся вниз, вспыхнув пламенем, пылая и сверкая всеми своими цветами, все увеличиваясь. Немыслимо было поверить, что может существовать живое существо подобных размеров, подобной стати, подобного великолепия...

Наполовину дух, наполовину птица, легенда, что застит небо...

Подседельный, вахана Вишну, чей клюв сминает колесницы, будто те сделаны из бумаги.

Великая птица, сам Гаруда кружил над Алундилом.

Покружил и скрылся за скалистыми холмами, что маячили у горизонта.

— Гаруда! — слово эхо пронеслось по городу, по полям, по Храму, по роще.

Если только он летел один: каждому было известно, что управлять Гарудой мог только кто-либо из богов.

И наступила тишина. После оглушающего клекота, бури, поднятой его крылами, голоса сами собой понизились до шепота.

Просветленный стоял на дороге неподалеку от своей ро-

щи, и глядел он не на суетящихся вокруг него монахов, а на далекую цепь скалистых холмов.

Сугата подошел и встал рядом с ним.

— Всего прошлой весной... — промолвил он.

Татхагата кивнул.

— Рилд не справился, — сказал Сугата, — что же новое заготовили Небеса?

Будда пожал плечами.

— Я боюсь за тебя, Учитель, — продолжал Сугата. — За все мои жизни ты был моим единственным другом. Твое учение даровало мне мир и покой. Почему они не могут оставить тебя в покое? Ты — самый безобидный из людей, а твое учение — самое кроткое. Ну какое зло мог бы ты им причинить?

Его собеседник отвернулся.

В этот миг, оглушительно хлопая могучими крыльями, Гаруда опять показался над холмами; из его раскрытого клюва вырвался пронзительный крик. На этот раз он не кружил над городом, а сразу стал набирать высоту и исчез на севере. Такова была его скорость, что уже через несколько мгновений на небосклоне от него не осталось и следа.

— Седок спешился и остался за холмами, — прокомментировал Сугата.

Будда углубился в пурпурную рощу.

Пешком явился он из-за холмов — неспешным шагом. По камням спускался он к переправе, и бесшумно ступали по вьющейся по скалам тропке его красные кожаные сапоги.

Впереди раздавался шум бегущей воды, там небольшая горная речка перерезала его путь. Отбрасывая назад небрежным движением плеча развевающийся кроваво-красный плащ, направлялся он к повороту, за которым тропинка терялась из виду; над малиновым кушаком поблескивал рубиновый набалдашник эфеса его сабли.

Обогнув каменную громаду, он замер.

Кто-то ждал впереди, стоя у перекинутого через поток бревна.

На миг глаза его сузились, и тут же он двинулся дальше.

Перед ним стоял щуплый, невысокий человек в темном одеянии пилигрима, перетянутом кожаными ремнями, к которым был привешен короткий кривой клинок из светлой

стали. Голова человека была выбрита наголо — вся, кроме одного маленького локона белых волос. Белели и брови над темными его глазами, бледна была кожа, острыми казались уши.

Путник поднял руку, приветствуя встречного.

— Добрый день, пилигрим, — сказал он.

Тот не ответил, но, шагнув вперед, загородил дорогу, встав перед бревном, что лежало поперек потока.

— Прости меня, добрый пилигрим, но я собираюсь переправиться здесь на другой берег, а ты мне мешаешь, — промолвил путник.

— Ты ошибаешься, Великий Яма, если думаешь, что пройдешь здесь, — возразил тот.

Красный широко улыбнулся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

— Всегда приятно, когда тебя узнают, — признал он, — даже если это и сопровождается ошибками касательно всего остального.

— Я не фехтую словами, — сказал человек в черном.

— Да? — И он поднял брови с преувеличенно вопросительным выражением. — Ну а чем же вы фехтуете, сэр? Уж не этим ли погнутым куском металла, что вы на себя нацепили?

— Именно им.

— В первый момент я принял его просто за какой-то варварский молитвенный жезл. Я понимаю так, что весь этот район переполнен странными культами и примитивными сектами. И на миг я принял тебя за адепта одного из этих суеверий. Но если, как ты говоришь, это и в самом деле оружие, тогда ты, должно быть, умеешь им пользоваться?

— До некоторой степени, — ответил человек в черном.

— Ну, тогда хорошо, — сказал Яма, — ибо мне не хотелось бы убивать человека, не знающего, что к чему. Однако я считаю себя обязанным указать, что, когда ты предстанешь перед Высшим в ожидании суда, тебе будет засчитано самоубийство.

Его визави едва заметно улыбнулся.

— Как только ты будешь готов, бог Смерти, я облегчу освобождение твоего духа от плотской его оболочки.

— В таком случае, только один пункт, — сказал Яма, — и я тут же прекращу нашу беседу. Скажи, какое имя передать жрецам, чтобы они знали, по кому провести заупокойные обряды.

— Я совсем недавно отказался от своего последнего име-

ни, — ответил пилигрим. — По этой причине августейший супруг Кали должен принять свою смерть от безымянного.

— Рилд, ты безумец, — сказал Яма и обнажил свой клинок. Так же поступил и человек в черном. — И надлежит, чтобы ты пошел на смерть безымянным, ибо ты предал свою богиню.

— Жизнь полна предательств, — ответил тот, не начиная боя. — Противодействуя тебе — причем в такой форме, — я предаю учение моего нового господина. Но я должен следовать велениям моего сердца. Ни мое старое, ни мое новое имя не подходят, стало быть, мне, и они незаслуженны — так что не зови меня по имени!

И клинок его обратился в пламя, пляшущее повсюду, сверкающее и грохочущее.

Под неистовым натиском Яма отступил назад, пятясь шаг за шагом, успевая проделать лишь минимальные движения кистью, чтобы парировать сыплющийся на него град ударов.

Затем, отступив на десять шагов, он остановился, и они фехтовали на месте. Парировал он чужие удары лишь с чуть большей силой, зато ответные его выпады стали более неожиданными и перемежались финтами и внезапными атаками.

По всем канонам воинского искусства, как на параде, взлетали в воздух их клинки, пока наконец пот сражающихся ливнем не пролился на камни; и тогда Яма перешел в атаку, не спеша, медленно вынуждая соперника отступать. Шаг за шагом отвоевывал он потерянное вначале расстояние.

Когда вновь очутились они на том самом месте, где нанесен был первый удар, Яма признал сквозь лязг стали:

— Отменно выучил ты свои уроки, Рилд! Даже лучше, чем я думал! Поздравляю!

Пока он говорил, соперник его провел тщательно продуманную комбинацию финтов и самым кончиком своего клинка рассек ему плечо; появившуюся кровь трудно было заметить на красной одежде.

В ответ Яма прыгнул вперед, единственным ударом раскрыв защиту противника, и нанес ему сбоку такой удар, который вполне мог бы просто снести голову с плеч.

Человек же в черном опять принял защитную позицию, потряс головой и, парировав очередную атаку, сделал ответный выпад, который, в свою очередь, был парирован.

— Итак, горлышко твое обмакнули в купель смерти, —

сказал Яма. — Поищем тогда иных путей, — и его клинок пропел еще более стремительную мелодию, когда он испробовал выпад снизу вверх.

Всей ярости этого клинка, позади которого стояли века и мастера многих эпох, дал тогда выход Яма. Однако соперник встречал его атаки и парировал все возрастающее число ударов и выпадов, отступая, правда, все быстрее и быстрее, но не подпуская к себе хищную сталь и время от времени совершая ответные выпады.

Он отступал, пока не очутился на берегу потока. Тогда Яма замедлил свои движения и прокомментировал:

— Полвека назад, когда ты ненадолго стал моим учеником, я сказал себе: «У него задатки мастера». Я не ошибся, Рилд. Ты, быть может, величайший боец на мечах, появившийся на моей памяти. Наблюдая твое мастерство, я почти готов простить тебе отступничество. В самом деле, жаль...

И он сделал ложный выпад в незащищенную грудь, в последний момент клинок его нырнул под поставленный блок и обрушил свое лезвие на запястье соперника.

Бешено размахивая своим ятаганом и целя в голову Ямы, человек в черном отпрыгнул назад и оказался у самого бревна, что лежало поперек расселины, в которой бурлил поток.

— И рука тоже! В самом деле, Рилд, богиня расщедрилась в своем покровительстве. Попробуем это!

Сталь взвизгнула, когда он поймал клинок соперника в железный захват, и, вырвавшись на волю, рассекла тому бицепс.

— Ага! Тут пробел! — вскричал он. — Попробуем еще!

Клинки их сцеплялись и расходились, увертывались, кололи, рубили, парировали, отвечали ударом на удар.

Яма в ответ на изощренную атаку противника ушел в глухую защиту и тут же ответил — его более длинный, чем у соперника, клинок снова испил крови из предплечья.

Человек в черном вступил на бревно, с размаху рубанув в направлении головы Ямы, но тот легко отбил его клинок в сторону. Еще более ужесточив свои атаки, Яма вынудил его отступить по бревну и тут же ударил ногой по его лежащей на берегу оконечности.

Противник отпрыгнул назад и очутился на другом берегу. Едва коснувшись земли, он тоже пнул ногой бревно, и то сдвинулось с места.

Прежде чем Яма мог вскочить на него, оно покатилось,

соскользнуло с берега и рухнуло в поток; вынырнув через миг на поверхность, оно поплыло по течению на запад.

— Да тут всего семь или восемь футов, Яма! Прыгай! — закричал человек в черном.

Бог Смерти улыбнулся.

— Отдышись-ка, пока можешь, — посоветовал он. — Из всех даров богов дыхание — наименее оцененный. Никто не слагает ему гимнов, никто не возносит молитв к доброму воздуху, дышат которым наравне принц и нищий, хозяин и его пес. Но боже упаси оказаться без него! Цени, Рилд, каждый свой вздох, словно последний, ибо не далек он уже от тебя!

— Говорят, что мудр ты в вопросах этих, Яма, — сказал тот, кого звали когда-то Рилд и Сугата. — Как говорят, ты — бог, чье царство — смерть, и знание твое простирается за пределы понимания смертных. Поэтому хотел бы я расспросить тебя, покуда праздно стоим мы здесь.

Не улыбнулся на это Яма насмешливой своей улыбкой, как отвечал он на все предыдущие слова противника. Для него в этом было нечто ритуальное.

— Что хочешь ты узнать? Обещаю тебе дар вопрошания Смерти.

И тогда древними словами Катха упанишады запел тот, кого некогда звали Рилд и Сугата:

— «Сомнения гложут, когда человек мертв. Одни говорят: он все еще есть. Другие: его нет. Да узнаю я это, обученный тобою».

Древними словами ответствовал и Яма:

— «Даже боги в сомнении здесь. Нелегко понять это, ибо тонка природа атмана. Задай другой вопрос, не обременяй меня, освободи от этого».

— «Прости мне, если превыше всего для меня это, о Антака, но не найти мне другого наставника в этом, равного тебе. Нет никакого другого дара, коего бы жаждал я ныне».

— «Держи свою жизнь и ступай своим путем. — И с этими словами Яма заткнул свой клинок за пояс. — Я избавляю тебя от судьбы твоей. Выбери себе сыновей и внуков, выбери слонов, лошадей, бесчисленные стада и злато. Выбери любой другой дар — пригожих красавиц, сладкозвучные инструменты. Все дам я тебе, и пусть служат они тебе. Но не спрашивай меня о смерти».

— «О Смерть, — пропел в ответ облаченный в черное, —

преходяще все это и завтра исчезнет. Пусть же у тебя остаются красавицы, лошади, танцы и пение. Не приму я другого дара, кроме избранного мною, — поведай же мне, о Смерть, о том, что лежит за пределами жизни, о том, в чем сомневаются и люди, и боги».

Замер Яма и не стал продолжать древний текст.

— Хорошо же, Рилд, — сказал он, и глаза его впились в глаза собеседника, — но неподвластно царство сие словам. Я должен тебе показать.

И так они замерли на мгновение; потом человек в черном пошатнулся. Он судорожно поднес руку к лицу, прикрывая глаза, и из груди его вырвалось единственное сдавленное всхлипывание.

И тогда Яма сбросил с плеч свой плащ и метнул его, словно сеть через поток.

Тяжелые швы помогли плащу, как тенетам, опутать свою цель.

Силясь высвободиться, услышал человек в черном звуки быстрых шагов и затем удар рядом с собой — это красные сапоги Ямы приземлились на его стороне потока. Сбросив наконец с себя плащ, он успел парировать новую атаку Ямы. Почва у него за спиной постепенно повышалась, и он отступал все дальше и дальше, покуда склон не стал круче и голова Ямы не оказалась на уровне его пояса. Тогда он обрушил сверху на соперника шквал атак. Но Яма медленно и неуклонно продолжал взбираться в гору.

— Бог Смерти, бог Смерти, — пропел маленький воитель, — прости мне мой дерзкий вопрос и скажи мне, что ты не солгал.

— Скоро ты сам узнаешь об этом, — ответил тот, нанося удар ему по ногам.

И еще один удар обрушил на него Яма, удар, который разрубил бы иного пополам и рассек его сердце, но лишь скользнул клинок по груди соперника.

Добравшись до места, где склон был разворочен, маленький боец обрушил на своего противника поток земли и гравия, снова и снова швыряя и спихивая их вниз. Яма заслонил глаза левой рукой, но тут на него посыпались уже и камни, и увесистые обломки скал. Они скатывались по склону, и, когда какие-то из них подвернулись ему под ноги, он потерял равновесие, упал и начал сползать по склону вниз. К этому

времени человеку в черном удалось уже столкнуть несколько больших камней и даже один валун, он бросился вниз следом за ними с высоко занесенным мечом.

Яма понял, что не успевает подняться и встретить атаку, поэтому он перекатился и соскользнул к самому потоку. Затормозить ему удалось уже на самом краю, но тут он увидел, что на него катится валун, и попытался уклониться от встречи с ним. В этом он, оттолкнувшись от земли обеими руками, преуспел, но сабля, которую он выронил, упала в воду.

Выхватив кинжал, он с трудом успел привстать на корточки и, пошатнувшись, отразил рубящий удар подоспевшего противника. Снизу донесся всплеск от падения валуна.

Левая рука его метнулась вперед и сомкнулась на запястье, направлявшем ятаган. Он попытался ударить кинжалом, но теперь уже его рука оказалась в тисках чужих пальцев.

Они так и замерли, мерясь силой мышц, пока Яма вдруг резко не присел и не перекатился по склону, перебросив противника через себя.

Оба, однако, не ослабили захвата и покатились по склону. Кромка расселины придвинулась к ним, надвинулась, исчезла у них за спиной.

Когда они вынырнули на поверхность, судорожно глотая воздух широко открытыми ртами, в их стиснутых руках не осталось ничего, кроме воды.

— Кончишь крещением, — сказал Яма и ударил левой.

Противник блокировал удар и нанес ответный.

Течение сносило их влево, пока они не ощутили наконец под ногами каменистое ложе реки, и далее они бились, бредя вдоль по течению.

Река постепенно расширялась, стало мельче, вода теперь бурлила где-то у пояса. Местами берега подступали к воде уже не так отвесно.

Яма наносил удар за ударом, и кулаками, и ребром ладони; но с таким же успехом можно было колошматить статую, ибо тот, кто был когда-то святым палачом Кали, принимал все удары с полнейшим равнодушием, ничуть не меняясь в лице, и возвращал их назад с силой, способной раздробить кости. Большинство ударов замедлялось противодействием воды или блокировалось Ямой, но один пришелся прямо под ребра, а другой, скользнув по левому плечу, угодил ему точнехонько в скулу.

Яма откинулся назад, словно стартовал в заплыве на спине, чтобы выбраться на более мелкое место. Не отставая, ринулся за ним и противник — и тут же наткнулся неуязвимым своим животом на красный сапог Ямы; одновременно схватил его бог Смерти спереди за одежду и изо всех сил рванул на себя. Перелетев по инерции через голову Ямы, он с размаху упал спиной на выступающий из воды пласт твердой как камень ископаемой глины.

Яма привстал на колени и обернулся — как раз вовремя, ибо соперник его уже поднялся на ноги и выхватил из-за пояса кинжал. Лицо его по-прежнему оставалось невозмутимым, когда замер он в низкой стойке.

На миг глаза их встретились, но на сей раз человек в черном не дрогнул.

— Теперь, Яма, могу я встретить смертоносный твой взгляд, — сказал он, — и не отшатнуться. Ты слишком многому научил меня!

Но когда ринулся он вперед, руки Ямы соскользнули с пояса, захлестнув влажный кушак, как хлыст, вокруг бедер соперника.

Пошатнувшись, тот выронил кинжал, и Яма, дотянувшись, обхватил и изо всех сил прижал его, пока оба они падали, к себе, отталкиваясь при этом ногами, чтобы выбраться на глубокое место.

— Никто не слагает гимнов дыханию, — пробормотал Яма, — но увы тому, кому его не хватает!

И он нырнул вглубь, и, точно стальные петли, сжимали соперника его руки.

Позже, много позже, когда поднялась у самого потока промокшая насквозь фигура, говорил он ласково, но с трудом переводя дыхание:

— Ты был — величайшим — кто восстал против меня — за все века, что я могу припомнить... До чего же жаль...

Затем, перейдя поток, продолжил он свой путь через скалистые холмы — неспешным шагом.

В Алундиле путник остановился в первой попавшейся таверне. Он снял комнату и заказал ванну. Пока он мылся, слуга вычистил его одежду.

Перед тем как пообедать, он подошел к окну и выглянул

на улицу. Воздух был пропитан запахом ящеров, снизу доносился нестройный гам множества голосов.

Люди покидали город. Во дворе у него за спиной готовился поутру отправиться в путь один из караванов. Сегодня кончался Весенний Фестиваль. Внизу, на улице, распродавали остатки своих товаров коммерсанты, матери успокаивали уставших детишек, а местный князек возвращался со своими людьми с охоты, к резвому ящеру были приторочены трофеи: два огнекочета. Он смотрел, как усталая проститутка торгуется о чем-то с еще более усталым жрецом, как тот трясет головой и в конце концов, не сговорившись, уходит прочь. Одна из лун стояла уже высоко в небе и казалась сквозь Мост Богов золотой, а вторая, меньшая, только появилась над горизонтом. В вечернем воздухе потянуло прохладой, и к нему сквозь все городские запахи донесся сложный аромат весеннего произрастания: робких побегов и нежной травы, зелено-голубой озими, влажной почвы, мутных паводковых ручьев. Высунувшись из окна, ему удалось разглядеть на вершине холма Храм.

Он приказал слуге подать обед в комнату и сходить за местным торговцем.

Из принесенных им образцов он в конце концов выбрал длинный изогнутый клинок и короткий прямой кинжал; и то, и другое засунул он за пояс.

Потом он вышел из харчевни и отправился вдоль по немощеной главной улице, наслаждаясь вечерней прохладой. В подворотнях и дверях обнимались влюбленные. Он миновал дом, где над умершим причитали плакальщики. Какой-то нищий увязался за ним и не отставал с полквартала, пока наконец он не оглянулся и не посмотрел ему в глаза со словами: «Ты не калека», и тот бросился прочь и затерялся в толпе прохожих. В небе вспыхнули первые огни фейерверка, спадая до самой земли длинными, вишневого цвета лентами призрачного света. Из Храма доносились пронзительные звуки нагасварамов и комбу. Какой-то человек, споткнувшись о порог дома, чуть задел его, и он одним движением сломал ему запястье, почувствовав его руку на своем кошельке. Человек грязно выругался и позвал на помощь, но он отшвырнул его в сточную канаву и пошел дальше, одним мрачным взглядом отогнав еще двух сообщников.

Наконец пришел он ко Храму, мгновение поколебался и вошел внутрь.

Во внутренний двор он вступил следом за жрецом, переносившим внутрь из наружной ниши маленькую статую, почти статуэтку.

Оглядев двор, он стремительно направился прямо к статуе богини Кали. Долго изучал он ее, вынув свой клинок и положив его у ног богини. Когда же наконец поднял его и повернулся, чтобы уйти, то увидел, что за ним наблюдает жрец. Он кивнул ему, и тот немедленно подошел и пожелал ему доброго вечера.

— Добрый вечер, жрец, — ответил Яма.

— Да освятит Кали твой клинок, воин.

— Спасибо. Уже сделано.

Жрец улыбнулся.

— Ты говоришь, будто знаешь это наверняка.

— А это с моей стороны самонадеянно, да?

— Ну, это производит не самое, скажем, лучшее впечатление.

— И тем не менее я чувствую, как сила богини снисходит на меня, когда я созерцаю ее святилище.

Жрец пожал плечами.

— Несмотря на мою службу, — заявил он, — я могу обойтись без подобного чувства силы.

— Ты боишься силы?

— Признаем, — сказал жрец, — что несмотря на все его величие, святилище Кали посещается много реже, чем святилища Лакшми, Шакти, Шиталы, Ратри и других не столь ужасных богинь.

— Но она же не чета им всем.

— Она ужаснее их.

— Ну и? Несмотря на свою силу, она же справедливая богиня.

Жрец улыбнулся.

— Неужто человек, проживший больше двух десятков лет, желает справедливости? Что касается меня, например, я нахожу бесконечно более привлекательным милосердие. Ни дня не прожить мне без всепрощающего божества.

— Здорово сказано, — признал Яма, — но я-то, как ты сказал, воин. Моя собственная природа близка ее натуре. Мы думаем схоже, богиня и я. Мы обычно приходим к согласию по большинству вопросов. А когда нет — я вспоминаю, что она к тому же и женщина.

— Хоть я живу здесь, — заметил жрец, — однако не говорю так по-свойски о своих подопечных, о богах.

— На публике, конечно, — откликнулся его собеседник. — Не рассказывай мне басен о жрецах. Я пивал с многими из вашей братии и знаю, что вы такие же богохульники, как и все остальные.

— Всему найдется время и место, — пробормотал, косясь на статую Кали, жрец.

— Ну да, ну да. А теперь скажи мне, почему не чищен цоколь святилища Ямы? Он весь в пыли.

— Его подметали только вчера, но с тех пор столько людей прошло перед ним... и вот результат.

Яма улыбнулся.

— А почему нет у его ног никаких приношений?

— Никто не преподносит Смерти цветы, — сказал жрец. — Приходят только посмотреть — и уходят назад. Мы, жрецы, живо ощущаем, как удачно расположены две эти статуи. Жуткую пару они составляют, не так ли? Смерть и мастерица разрушения?

— Команда что надо, — был ответ. — Но не имеешь ли ты в виду, что никто не совершает Яме жертвоприношений? Вообще никто?

— Если не считать нас, жрецов, когда нас подталкивает церковный календарь, да случайных горожан, когда кто-то из их любимых находится на смертном одре, а ему отказали в прямой инкарнации, — если не считать подобных случаев, нет, я никогда не видел совершаемого Яме жертвоприношения — совершаемого просто, искренне, по доброй воле или из приязни.

— Он должен чувствовать себя обиженным.

— Отнюдь, воин. Ибо разве все живое — само по себе — не есть жертва Смерти?

— В самом деле, правду говоришь ты. Какая ему надобность в доброй воле или приязни? К чему дары, ежели он берет, что захочет?

— Как и Кали, — согласился жрец. — И в казусе этих двух божеств часто нахожу я оправдание атеизму. К сожалению, слишком сильно проявляют себя они в этом мире, чтобы удалось всерьез отрицать их существование. Жаль.

Воин рассмеялся.

— Жрец, который верит наперекор желанию! Мне это по

душе. Ты рассмешил меня до упаду. Вот, купи себе бочонок сомы — на нужды жертвоприношений.

— Спасибо, воин. Я так и поступлю. Не присоединишься ли ты ко мне в маленьком возлиянии — за Храм — прямо сейчас?

— Клянусь Кали, да! — воскликнул тот. — Но только чуть-чуть.

Он отправился следом за жрецом в центральное здание и там по ступенькам в погреб, где тут же был вскрыт бочонок сомы, вынуты два кубка.

— За твое здоровье и долгую жизнь, — сказал Яма, поднимая один из них.

— За твоих жутких покровителей — Яму и Кали, — сказал жрец.

— Спасибо.

Они проглотили крепкий напиток, и жрец налил еще по одной.

— Чтобы ты не замерз по ночной прохладе.

— Отлично.

— Хорошо, что эти путешественники наконец разъезжаются, — промолвил жрец. — Их набожность обогащает Храм, но они так утомляют всю прислугу.

— За отбытие пилигримов!

— За отбытие пилигримов!

И они опять выпили.

— Я думал, большинство из них приходит поглазеть на Будду, — сказал Яма.

— Так оно и есть, — ответил жрец, — но, с другой стороны, они не хотят перечить и богам. И вот перед тем, как посетить пурпурную рощу, они обычно совершают жертвоприношения или дарения в Храме.

— А что тебе известно о так называемом Татхагате и его учении?

Тот отвел взгляд в сторону.

— Я жрец богов и брамин, воин. Я не хочу говорить об этом.

— Значит, он достал и тебя?

— Хватит! Я же сказал тебе, что это не та тема, которую я буду обсуждать.

— Это не имеет значения — и вскоре будет иметь еще меньше. Благодарю тебя за сому. Добрый тебе вечер, жрец.

— Добрый вечер и тебе, воин. Пусть с улыбкой взирают боги на твой путь.

— И на твой тоже.

И, поднявшись по ступенькам, покинул он Храм и продолжил свой путь через город — неспешным шагом.

Когда пришел он в пурпурную рощу, в небесах стояло уже три луны, за деревьями колебалось пламя маленьких костров, в небе над городом светился бледный цветок призрачного огня, влажный ветерок пошевеливал листву у него над головой.

Бесшумно вступил он в рощу.

Когда вышел он на освещенную поляну, оказалось, что лицом к нему сидели там ряд за рядом одинаковые фигуры. Каждый облачен был в желтую рясу с желтым капюшоном, скрывавшим лицо. Сотни их сидели там, и ни один не издал ни звука.

Он подошел к ближайшему.

— Я пришел повидать Татхагату, Будду.

Тот, казалось, его не услышал.

— Где он?

Никакого ответа.

Он нагнулся и заглянул в полузакрытые глаза монаха. Он попытался было пронзить его взглядом, но похоже было, что монах спал, ибо ему не удалось даже встретиться с ним глазами.

Тогда возвысил он голос, чтобы все в пурпурной роще могли его услышать.

— Я пришел повидать Татхагату, Будду, — сказал он. — Где он?

Казалось, что обращался он к полю камней.

— Вы что, думаете так спрятать его от меня? — воззвал он. — Вы думаете, что, коли вас много и одеты вы все одинаково — и если вы не будете мне отвечать, — я из-за этого не смогу отыскать его среди вас?

Лишь ветер вздохнул в ответ ему, пришел из-за рощи. Заколебались огни, зашевелились пурпурные листья.

Он рассмеялся.

— В этом вы, может быть, и правы, — признал он. — Но вам же когда-нибудь придется пошевелиться, если вы намереваетесь жить, а я могу подождать ничуть не хуже любого другого.

И он тоже уселся на землю, прислонившись к голубому

стволу высокого дерева, положив на колени обнаженный клинок.

И сразу его охватила сонливость. Он клевал носом и тут же вздергивал голову — и так раз за разом. Затем наконец его подбородок устроился поудобнее на груди, и он засопел.

Шел через зелено-голубую равнину, травы пригибались перед ним, прочерчивая тропинку. В конце этой тропы высилось огромное кряжистое дерево, дерево, не выросшее в этом мире, а скорее скрепившее его воедино своими корнями, простиравшее листья свои между звезд.

У подножия дерева, скрестив ноги, сидел человек, и на губах его играла едва уловимая улыбка. И знал он, что это Будда; он подошел и остановился перед ним.

— Приветствую тебя, о Смерть, — сказал сидящий, и, словно корона, ярко светился в глубокой тени дерева подкрашенный розовым ореол вокруг его чела.

Яма не ответил, а вытащил свой клинок.

Будда по-прежнему улыбался, Яма шагнул вперед, и вдруг ему послышался отголосок далекой музыки. Он замер и оглянулся, застыла в руке его занесенная сабля.

Они пришли со всех четырех сторон света, локапалы, четыре Хранителя мира, сошедшие с горы Сумеру: на желтых лошадях приближались якши под водительством Владыки Севера, и на их щитах играли золотые лучи; Голубой Всадник, Ангел Юга, приближался в сопровождении полчищ кумбхандов, неуклюже примостившихся по причине своих физических особенностей на спинах синих коней и несущих сапфировые щиты; с Востока пришел Хранитель, чьи всадники несли перламутровые щиты и облачены были в серебро; на Западе показался Властитель, чьи наги восседали на кроваво-красных лошадях, одеты были в алое и прикрывались щитами из кораллов. Копыта лошадей не касались, казалось, травы, и единственным слышимым звуком была разлитая в воздухе музыка, которая становилась все громче и громче.

— Почему собираются Хранители мира? — неожиданно для самого себя спросил Яма.

— Они явились за моими останками, — по-прежнему улыбаясь, ответил Будда.

Хранители натянули поводья, придержали коней и полчища у них за спиной, и Яма оказался один против всех.

— Вы явились забрать его останки, — сказал Яма, — но кто заберет ваши?

Хранители спешились.

— Не для тебя этот человек, о Смерть, — промолвил Владыка Севера, — ибо принадлежит он миру, и мы как Хранители мира будем его защищать.

— Слушайте меня, Хранители с горы Сумеру, — сказал Яма, принимая свой Облик. — В ваши руки передана участь мира, вам дано его хранить и поддерживать, но кого пожелает и когда захочет изымает из мира Смерть. Не дано вам оспаривать мои Атрибуты или пути их применения.

Хранители встали между Ямой и Татхагатой.

— Что касается этого человека, мы будем оспаривать твой путь, Великий Яма. Ибо в его руках судьба нашего мира. Коснуться его ты сможешь, лишь превзойдя четыре силы.

— Быть по сему, — сказал Яма. — Кто первым из вас станет моим противником?

— Я, — сказал их глашатай, обнажая свой клинок.

Явив свой Облик, разрубил Яма мягкий, словно масло, металл и плашмя ударил Хранителя саблей по голове; тот мешком повалился на землю.

Возопили орды якшей, и двое из золотых всадников подобрали своего вождя. Потом все они повернули коней и поскакали обратно на Север.

— Кто следующий?

К нему направился Хранитель Востока, в руках он держал сотканную из лунного света сеть и прямой серебряный меч.

— Я, — сказал он и метнул свою сеть.

Яма наступил на нее ногой, цепко схватил пальцами и дернул, соперник его потерял равновесие. Стоило ему покачнуться вперед, как Яма, перехватив за лезвие свою саблю, нанес ему головкой ее эфеса удар прямо в челюсть.

Свирепо глянули на него серебряные воины, затем потупились и унесли своего господина на Восток, сопровождаемые нестройной музыкой.

— Следующий! — сказал Яма.

Тогда выступил вперед кряжистый предводитель нагов, он отбросил в сторону свое оружие и скинул на траву тунику.

— Я буду бороться с тобой, бог Смерти, — заявил он.

Яма положил оружие рядом с собой и сбросил плащ.

Все это время Будда продолжал, улыбаясь, сидеть в тени исполинского дерева, словно все эти стычки не имели к нему никакого отношения.

Первым захват сделал глава нагов, он обхватил левой рукой Яму за шею и потянул его на себя. Яма ответил тем же, но тот, изогнув туловище, перекинул правую свою руку через левое плечо Ямы ему за затылок и, замкнув там руки и крепко зажав голову Ямы, изо всех сил потянул ее вниз к своему бедру, разворачивая свое тело по мере того, как соперник подавался под его усилием.

За спиной у владыки нагов Яма вытянул как только мог левую руку и сумел дотянуться ею до его левого плеча, тогда он обхватил правой рукой сзади колени противника и, резко дернув, тут же оторвал обе его ноги от земли, изо всех сил потянув одновременно на себя и схваченное плечо.

Когда он наконец на миг замер, оказалось, что соперник лежит у него на руках, как дитя в колыбели, — но тут же разжал он руки, и Хранитель тяжело рухнул на землю.

Тут же Яма всем своим весом прыгнул на него сверху, согнув ноги так, чтобы ударить коленями. И сразу встал. Один.

Когда удалились и западные всадники, один лишь Ангел Юга, облаченный во все синее, остался стоять перед Буддой.

— Ну а ты? — спросил его бог Смерти, подбирая свое оружие.

— Я не подниму против тебя оружия, бог Смерти, будь то из стали, кожи или камня, я не ребенок, чтобы играть в эти игрушки. Не буду я и мериться с тобой силой тела, — сказал Ангел. — Я знаю, что буду превзойден тобою во всем этом, ибо никто не может поспорить с тобой оружием.

— Забирайся тогда на своего голубого жеребца и скачи прочь, — сказал Яма, — коли не желаешь биться.

Ангел не ответил, а подбросил в воздух свой синий щит так, что тот закружился, как сапфировое колесо, и, повиснув у них над головами, начал расти и расти в размерах.

Потом он упал на землю и начал вжиматься, бесшумно ввинчиваться в нее, пока не исчез из виду, до последнего момента не переставая увеличиваться в размерах, и трава вновь сомкнулась над тем местом, где он утонул в земле.

— И что все это означает? — спросил Яма.

— Я не соперничаю. Я просто защищаю. Моя сила — сила пассивного противостояния. Это сила жизни, как твоя — смерти. Что бы я ни послал против тебя — ты можешь это уничтожить, но тебе не уничтожить всего, о Смерть. Моя си-

ла — это сила щита, а не меча. Чтобы защитить твою жертву, Владыка Яма, тебе будет противостоять жизнь.

И Синий отвернулся, вскочил в седло синего коня и поскакал на Юг во главе своих кумбхандов. Но музыка не исчезла вместе с ним, по-прежнему разлита она была в воздухе там, где он только что стоял.

Вновь шагнул вперед Яма, сжимая в руке саблю.

— Все их усилия были напрасны, — сказал он. — Твой час пробил.

Он взмахнул клинком.

Удар, однако, не достиг цели, ибо ветка гигантского дерева упала между ними и выбила саблю у него из рук.

Он нагнулся, чтобы ее поднять, но травы уже полегли и скрыли ее под собой, сплетясь в плотную, непроницаемую сеть.

Чертыхнувшись, он выхватил кинжал и снова ударил.

Огромная ветвь согнулась, колыхнулась перед его мишенью, и кинжал, пробив насквозь толстую кору, глубоко утонул в ее древесине. Тогда ветвь вновь взмыла к небу, унося с собой ввысь смертоносное оружие. Будда медитировал с закрытыми глазами, в сумерках вокруг него разгорался сияющий ореол.

Яма шагнул вперед, поднял руки — и травы запутались в его ногах, сплелись, спеленали его лодыжки, остановили его, где он стоял.

Он попробовал было бороться, изо всех сил дергая траву, пытаясь выдернуть ее неподатливые корни. Потом прекратил тщетные попытки и, закинув назад голову, воздел кверху руки; глаза его метали смерть.

— Внемлите мне, Силы! — вскричал он. — Отныне место это будет нести на себе проклятие Ямы! Ничто живое не шевельнется больше на этой земле! Не защебечет птица, не проползет змея! Будет почва здесь бесплодна и мертва, лишь камни да зыбучие пески! Ни травинки не пробьется больше здесь к солнцу! Да исполнится мое проклятие и приговор защитникам моего врага!

Травы поблекли, пожухли, но еще не успели отпустить его на волю, как вдруг раздался оглушительный треск, хруст, и дерево, чьи корни скрепляли воедино весь мир и в чьих ветвях, словно рыбы в сетях, запутались звезды, покачнулось вперед, раскололось посередине, верхние его побеги смяли, сорвали небосвод, корни его разверзли посреди земли бездну,

листья падали зелено-голубым дождем. Огромный обрубок ствола начал опрокидываться прямо на него, отбрасывая перед собой тень, темную, как ночная мгла.

Вдалеке он все еще видел Будду, тот по-прежнему сидел в медитации, словно не подозревая об извержении хаоса вокруг него.

А потом была одна лишь тьма — и звук, схожий с раскатом грома.

Яма вскинул голову, широко раскрыл глаза.

Он сидел в пурпурной роще, прислонившись к голубому стволу, и на коленях у него лежал обнаженный клинок.

С виду все было по-прежнему.

Перед ним, словно в медитации, рядами сидели монахи. Все таким же прохладным и влажным был ветерок, под его дуновением все так же колебались огни.

Яма встал, зная теперь откуда-то, где ему надо искать свою цель.

По утоптанной тропинке он прошел мимо монахов и углубился в лес.

Тропинка привела его к пурпурному павильону, но тот был пуст.

Он пошел дальше, и лес понемногу превращался в дикие заросли. Почва стала сырой, и вокруг него поднимался легкий туман. Но в свете трех лун по-прежнему отчетливо вырисовывалась перед ним тропка.

И вела она вниз, голубые и пурпурные деревья казались здесь ниже, чем наверху, стволы их были искривлены, скрючены. По сторонам стали попадаться маленькие оконца воды, словно проказой, изъеденные клочьями серебристой пены. В ноздри ему ударил запах болота, а из зарослей невысоких кустарников донесся хрип каких-то неведомых тварей.

Издалека, оттуда, откуда он пришел, донеслись отголоски песнопения, и он догадался, что оставленные им в роще монахи пробудились и засуетились в неведомой деятельности. Они преуспели, им удалось, объединив свои мысли, наслать на него видение, сон о неуязвимости их Учителя. И пение — это, вероятно, сигнал к...

Туда!

Он сидел на скале в самой середине обширной прогалины, весь омытый лунным светом.

Яма вытащил клинок и направился к нему.

Когда осталось пройти шагов двадцать, сидящий повернул к нему голову.

— Приветствую тебя, о Смерть, — сказал он.

— Привет тебе, Татхагата.

— Скажи мне, почему ты здесь.

— Решено было, что Будда должен умереть.

— Это не ответ на мой вопрос тем не менее. Почему ты пришел сюда?

— Разве ты не Будда?

— Звали меня и Буддой, и Татхагатой, и Просветленным, и много еще как. Но, отвечая на твой вопрос, — нет, я не Будда. Ты уже преуспел в том, что намеревался совершить. Сегодня ты убил настоящего Будду.

— Должно быть, память моя слабеет, ибо, признаюсь, я не помню ни о чем подобном.

— Сугата звали мы настоящего Будду, — ответил Татхагата. — А до того известен он был под именем Рилд.

— Рилд! — хмыкнул Яма. — Ты пытаешься убедить меня, что он не просто палач, которого ты отговорил от его работы?

— Многие — палачи, которых отговорили от их работы, — ответствовал сидящий на скале. — По собственной воле отказался Рилд от своего призвания и встал на Путь. Он — единственный известный мне во все времена человек, который в самом деле достиг просветления.

— Разве то, что ты насаждаешь, это не этакая пацифистская религия?

— Да.

Яма запрокинул голову назад и расхохотался.

— Слава богу, что ты не практикуешь религии воинственной! Твой лучший ученик, просветленный и так далее, сегодня днем чуть было не снес мне голову с плеч.

Тень усталости легла на безмятежное лицо Будды.

— Ты думаешь, он в самом деле мог победить тебя?

Яма резко смолк.

— Нет, — сказал он, чуть помолчав.

— Как ты думаешь, он знал об этом?

— Может быть, — ответил он.

— Разве вы не знали друг друга до сегодняшней встречи? Не видели друг друга в деле?

— Да, — признался Яма. — Мы были знакомы.

— Тогда он знал о твоем мастерстве, предвидел итог вашей схватки.

Яма безмолвствовал.

— Он добровольно пошел на мученичество, чего я тогда не ведал. Мне не кажется, что он всерьез надеялся сразить тебя.

— Зачем тогда?

— Что-то доказать.

— Что же мог он надеяться доказать таким образом?

— Я не знаю. Знаю только, что все, должно быть, было так, как я говорю, ибо я знал его. Я слишком часто слушал его проповеди, его утонченные притчи, чтобы поверить, что он мог пойти на это без цели. Ты убил истинного Будду, бог Смерти. Ты же знаешь, кто я такой.

— Сиддхартха, — сказал Яма, — я знаю, что ты мошенник. Я знаю, что ты не Просветленный. И я отдаю себе отчет, что учение это мог бы припомнить любой из Первых. Ты решил воскресить его, прикинувшись его автором. Ты решил распространить его, надеясь вызвать противодействие религии, при помощи которой правят истинные боги. Я восхищен твоей попыткой. Все это было мудро спланировано и исполнено. Но грубейшей твоей ошибкой было, как мне кажется, что ты выбрал пассивное вероучение, чтобы бороться против вероучения активного. Мне любопытно, почему ты пошел на это, когда вокруг было сколько угодно подходящих религий — на выбор.

— Быть может, мне было просто любопытно посмотреть, как столкнутся два противоположно направленных течения, — вставил Будда.

— Нет, Сэм, дело не в этом, — заявил Яма. — Я чувствую, что это только часть более обширного замысла, который ты разработал, и что все эти годы, когда ты разыгрывал из себя святого и читал проповеди, в которые сам-то не верил, ты строил совсем другие планы. Армия, какой бы огромной она ни была в пространстве, может оказывать противодействие лишь на коротком отрезке времени. Один же человек, ничтожный в пространстве, может распространить свое противоборство на многие и многие годы, если ему повезет и он преуспеет в передаче своего наследия. И ты это осознал, и те-

перь, рассеяв семена этого украденного вероучения, планируешь ты перейти к следующей стадии противостояния. Ты пытаешься в одиночку быть антитезой Небесам, годами идя наперекор воле богов, многими способами и под многими масками. Но все это кончится здесь и теперь, поддельный Будда.

— Почему, Яма? — спросил он.

— Все это рассматривалось с большим тщанием, — сообщил тот. — Нам не хотелось создавать вокруг тебя ореол великомученика, способствуя тем самым дальнейшему распространению этого твоего учения. С другой стороны, если тебя не остановить, это может зайти слишком далеко. И вот решено было, что ты должен пасть, — но только от руки посланца Небес, дабы тем самым наглядно показать, чья религия сильнее. И тогда, пусть ты даже и прослывешь мучеником, буддизму суждена будет участь второразрядной религии. Вот почему должен ты сейчас умереть подлинной смертью.

— Спрашивая «Почему?», имел я в виду совсем другое. Ты ответил не на тот вопрос. Я подразумевал, почему именно ты пришел, чтобы сотворить сие, Яма? Почему ты, чародей от оружия, корифей в науках, явился как лакей кучки пьяных теломенов, которым недостает квалификации, чтобы наточить твой клинок или мыть за тобой пробирки? Почему ты, которому подобало бы стать самым свободным, самым раскрепощенным и возвышенным духом среди всех нас, почему ты унижаешь себя, прислуживая тебя не достойным?

— За хулу умрешь ты не такой уж гладкой смертью.

— Почему? Я только задал вопрос, которому суждено прийти на ум отнюдь не только мне. Я же не оскорбился, когда ты назвал меня поддельным Буддой. Я-то знаю, кто я такой. А кто ты, бог Смерти?

Яма заткнул клинок за пояс и вытащил трубку, которую купил днем в таверне. Он набил ее табаком, раскурил, затянулся.

— Нам, очевидно, нужно поговорить еще, хотя бы только ради того, чтобы очистить наши умы от излишних вопросов, — произнес он, — так что я позабочусь о некоторых удобствах.

Он уселся на небольшой валун.

— Во-первых, человек может быть в некоторых отношениях выше своих товарищей и тем не менее служить им, если

все вместе служат они общему делу, которое выше каждого из них по отдельности. Я верю, что служу именно такому делу, иначе бы я вел себя по-другому. Я полагаю, что и ты точно так же относишься к тому, что делаешь, иначе ты бы не мирился с тем жалким аскетизмом, которым обставлена твоя жизнь, — хотя я заметил, что ты не столь изможден, как верные твои ученики. Не так давно, в Махаратхе, тебе предлагали божественность, не так ли, а ты посмеялся над Брахмой, совершил налет на Дворец Кармы и до отвала напичкал все молитвенные машины в городе самодельными жетонами...

Будда хмыкнул.

Усмехнулся и Яма. Затем продолжил:

— Кроме тебя, во всем мире не осталось ни единого акселериста. Эта карта бита, да никогда она и не была козырной. Я испытываю, однако, некоторое уважение к тому, как ты вел себя все эти годы. Мне даже пришло в голову, что, если бы удалось разъяснить тебе полную безнадежность теперешнего твоего положения, тебя можно было бы еще убедить присоединиться к сонму небожителей. Хотя я и пришел сейчас, чтобы убить тебя, но если мне удастся убедить тебя, то достаточно будет одного твоего обещания прекратить бессмысленную борьбу, и я возьмусь ходатайствовать, я поручусь за тебя. Я возьму тебя с собой в Небесный Град, и ты сможешь принять там то, от чего однажды отказался. Они послушаются меня, поскольку я им необходим.

— Нет, — сказал Сэм, — ибо я не убежден в безвыходности своего положения и намерен во что бы то ни стало продолжить представление.

Из пурпурной рощи донеслись обрывки песнопений. Одна из лун скрылась за верхушками деревьев.

— Почему твои приспешники не ломятся через кусты в попытках спасти тебя?

— Они придут, стоит мне их позвать, но звать я не буду. Мне в этом нет нужды.

— Зачем они наслали на меня этот дурацкий сон?

Будда пожал плечами.

— Почему они не восстали, почему не убили меня, пока я спал?

— Их путь не таков.

— Но ты-то ведь мог бы, а? Если бы мог спрятать концы в воду? Если бы никто не узнал, что сделал Будда?

— Не исключено, — отвечал тот. — Но ты же ведь знаешь, что сильные или слабые стороны вождя отнюдь не свидетельствуют о достоинствах или недостатках возглавляемого им движения.

Яма попыхивал трубкой. Дым клубился у него над головой, потихоньку растворяясь в тумане, который постепенно сгущался здесь, в низине.

— Я знаю, что мы здесь одни и ты безоружен, — пробормотал Яма.

— Мы здесь одни. А вся моя поклажа припрятана дальше по дороге.

— Твоя поклажа?

— Ты правильно догадался, здесь я все закончил. Я начал то, что намеревался начать. Как только мы закончим нашу беседу, я отправлюсь в путь.

Яма хмыкнул.

— Оптимизм революционеров всегда вызывает чувство законного изумления. И как ты предполагаешь отправиться? На ковре-самолете?

— Пойду, как все люди.

— По-моему, это ниже твоего достоинства. Ведь тебя же явятся защищать силы мира? Я, правда, не вижу ни единого исполинского дерева, готового прикрыть тебя своими ветвями. И нет, похоже, умненькой травки, чтобы оплести мне ноги. Скажи, как же тебе удастся уйти?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом.

— А как насчет схватки? Терпеть не могу убивать беззащитных. Если у тебя действительно где-то поблизости припрятаны пожитки, сходи за своим клинком. У тебя появится хоть и призрачный, но все же шанс. Я слышал даже, что в свое время Князь Сиддхартха был незаурядным фехтовальщиком.

— Спасибо, не стоит. Может, в другой раз. Но только не сейчас.

Яма еще раз затянулся, потянулся и зевнул.

— В таком случае у меня больше нет к тебе вопросов. С тобой совершенно бесполезно спорить. Мне больше нечего сказать. Не хочешь ли ты присовокупить какое-либо высказывание к нашей беседе?

— Да, — сказал Сэм. — Какова она, эта сучка Кали? Все

говорят о ней разное, и я начинаю думать, не своя ли она для каждого...

Яма швырнул в него свою трубку, та ударилась в плечо и извергла рой искр ему на руку. Другая, более яркая вспышка блеснула над головой бога Смерти, когда он прыгнул вперед: это он взмахнул саблей.

Но стоило ему сделать пару шагов по песчаной полосе, протянувшейся перед скалой, как что-то сковало его движения. Он чуть не упал, его развернуло поперек направления движения, и так он и замер. Он попытался вырваться, но не смог сдвинуться с места.

— Все зыбучие пески зыбки, — сказал Сэм, — но некоторые из них зыбче других. Радуйся, что эти-то не из них. Так что в твоем распоряжении осталось еще не так уж мало времени. Я бы с охотой продолжил нашу беседу, если бы считал, что у меня есть хоть какой-то шанс убедить тебя присоединиться ко мне. Но я знаю, что шанса такого у меня нет — как у тебя убедить меня явиться на Небеса.

— Я высвобожусь, — мягко проговорил Яма, оставив свои тщетные попытки. — Я как-нибудь высвобожусь, и я отыщу тебя снова.

— Да, — сказал Сэм. — Мне кажется, так и будет. На самом деле, чуть погодя я расскажу тебе, как в этом преуспеть. Но в данный момент ты настолько заманчивая приманка для любого проповедника — полоненный слушатель, представляющий оппозицию. Итак, у меня для тебя, Владыка Яма, есть небольшая проповедь.

Яма взвесил в руке свою саблю, прикинул расстояние и, отказавшись от мысли бросить ее в Будду, засунул ее за пояс.

— Давай, проповедуй, — сказал он, и ему удалось поймать взгляд Сэма.

Тот покачнулся на своей скале, но заговорил снова.

— Все-таки поразительно, — сказал он, — что мутировавший мозг порождает разум, способный переносить все свои способности и возможности в любой другой мозг, какой только тебе ни придет в голову занять. Много лет прошло с тех пор, как я в последний раз испытывал ту свою способность, которой пользуюсь сейчас, — а действовала она примерно так же. Никакой разницы, какое тело я занимаю, похоже, что силы мои переходят из тела в тело вместе со мною. И так же, как я понимаю, обстоит дело с большинством из нас. Шитала, я

слышал, способна на расстоянии насылать на людей температуру. А когда она принимает новое тело, способность эта перетекает вместе с ней в новую нервную систему, хотя и проявляется поначалу весьма слабо. Или Агни, ему, я знаю, достаточно посмотреть некоторое время на какой-либо предмет и пожелать, чтобы он загорелся, — и так оно и будет. Ну а возьмем в качестве примера твой смертельный взгляд, который ты сейчас обратил на меня. Не поразительно ли, что ты всегда и везде удерживаешь при себе этот дар — на протяжении уже веков? Я часто задумывался о физиологической подоплеке этого явления. Ты не пробовал исследовать эту область?

— Да, — сказал Яма, и глаза его пылали под насупленными черными бровями.

— Ну и как же ты это объяснишь? Кто-то рождается с паранормальным мозгом, позже его душа переносится в мозг совершенно нормальный — и однако аномальные его способности при переносе сохраняются. Как это может быть?

— Просто имеется лишь одна телесная матрица, как электрическая, так и химическая по своей природе, и она тут же принимается за перестройку нового физиологического окружения. Новое тело содержит много такого, что она склонна трактовать как болезнь и стремится посему вылечить, чтобы вновь обрести старое доброе тело. Если бы, к примеру, твое нынешнее тело удалось сделать физически бессмертным, рано или поздно оно стало бы подобием твоего исходного тела.

— Как интересно.

— Вот почему перенесенные способности так слабы, но становятся тем сильнее, чем дольше ты занимаешь данное тело. Вот почему лучше всего развивать Атрибут или, может быть, пользоваться к тому же и помощью механизмов.

— Хорошо. Я всегда этим интересовался. Спасибо. Ну а пока — пробуй на мне дальше свой смертельный взгляд; он, знаешь ли, весьма болезнен. Так что это все-таки кое-что. Ну а теперь перейдем к проповеди. Гордому и самонадеянному человеку, примерно такому, как ты — с восхитительной, по общему мнению, склонностью к поучениям, — случилось проводить исследования, связанные с некой болезнью, результатом которой становятся физическая и моральная деградация больного. И однажды оказалось, что он сам заразился этой болезнью. Так как мер по ее лечению он еще не разработал, лекарств не нашел, он отложил все в сторону, посмотрел на

себя в зеркало и заявил: «Но меня-то она ничуть не портит». Это, Яма, про тебя. Ты не будешь пытаться побороть сложившееся положение, ты до некоторой степени даже гордишься им. В ярости ты сорвался, так что теперь я уверен в своей правоте, когда говорю, что имя твоей болезни — Кали. Ты бы не передал свою силу в руки недостойного, если бы эта женщина не принудила тебя к этому. Я знаю ее очень давно, и я уверен, что она ничуть не изменилась. Она не может любить мужчину. Она питает интерес только к тем, кто приносит ей дары хаоса. А если когда-нибудь ты перестанешь подходить для ее целей, она тут же отстранит тебя, бог Смерти. Я говорю это не потому, что мы враги, но, скорее, как мужчина мужчине. Я знаю. Поверь мне, я знаю. Возможно, что тебе не повезло, Яма, что ты никогда не был молод и не узнал первой своей любви, в весеннюю пору... Мораль, стало быть, моей наскальной проповеди такова: даже зеркалу не под силу показать тебя тебе самому, если ты не желаешь смотреть. Чтобы испытать правоту моих слов, поступи разок ей наперекор, пусть даже по какому-нибудь пустяковому поводу, и посмотри, как быстро она среагирует и каким образом. Как ты поступишь, если против тебя обращено твое собственное оружие, Смерть?

— Ну что, ты кончил? — спросил Яма.

— Почти. Проповедь — это предостережение, и я предостерег тебя.

— Какою бы ни была твоя способность, та сила, которой, Сэм, ты сейчас пользуешься, вижу я, что на данный момент непроницаемым делает она тебя для моего смертельного взгляда. Считай, что тебе повезло, ибо я ослаб.

— Я так и считаю, ведь голова моя едва не раскалывается от боли. Проклятые твои глаза!

— Когда-нибудь я снова испытаю твою силу, и, даже если она опять окажется для меня необоримой, ты падешь в тот день. Если не от моего Атрибута, то от моего клинка.

— Если это вызов, то я, пожалуй, повременю его принимать. Я советую, чтобы до следующей попытки ты проверил мои слова, испробовал мой совет.

К этому времени бедра Ямы уже до половины ушли в песок.

Сэм вздохнул и слез со своего насеста.

— К этой скале ведет только одна безопасная дорога, и я сейчас уйду по ней отсюда. Теперь я скажу тебе, как ты мо-

жешь спасти свою жизнь, если ты не слишком горд. Я велел монахам прийти ко мне на подмогу, прямо сюда, если они услышат крики о помощи. Я уже говорил тебе, что не собираюсь звать на помощь, и я не врал. Если, однако, ты позовешь на подмогу своим зычным голосом, они будут тут как тут, тебя засосет за это время разве что на очередной дюйм. Они вытянут тебя на твердую землю и не причинят никакого вреда, ибо таков их путь. Мне симпатична мысль о том, что бога Смерти спасут монахи Будды. Спокойной ночи, Яма, мне пора покинуть тебя.

Яма улыбнулся.

— Придет и другой день, о Будда, — промолвил он. — Я могу его подождать. Беги же теперь так быстро и далеко, как ты только сможешь. Мир недостаточно просторен, чтобы ты укрылся в нем от моего гнева. Я буду идти следом за тобой, и я научу тебя просветлению — чистым адским пламенем.

— Тем временем, — сказал Сэм, — я посоветовал бы тебе либо упросить моих послушников помочь тебе, либо овладеть непростым искусством грязевого дыхания.

Под испепеляющим взглядом Ямы он осторожно пробирался через поле.

Выйдя на тропинку, он обернулся.

— И если хочешь, — сказал он, — можешь сообщить на Небеса, что я отлучился, что меня вызвали из города по делам.

Яма не отвечал.

— Я думаю, что мне пора позаботиться о каком-либо оружии, — заключил Сэм, — о весьма специфическом оружии. Так что, когда будешь искать меня, возьми с собой и свою приятельницу. Если ей придется по вкусу то, что она увидит, она, может быть, убедит тебя перейти на другую сторону.

И он пошел по тропинке, и он уходил в ночи, насвистывая, под луною белой и под луной золотой.

Глава 4

Повествуется и о том, как Князь Света спустился в Адов Колодезь, чтобы заключить сделку с главарем ракшасов. Честно вел он все дела, но ракшасы остаются ракшасами. То есть злобными существами, обладающими огромной силой, ограниченным сроком жизни и способностью временно принимать практически любую форму. Уничтожить ракшасов почти невозможно. Более

всего тяготит их отсутствие настоящего тела; главная их добродетель — честность в азартных играх и игорных долгах. Сам факт, что явился Князь Света к Адову Колодезю, служит, быть может, свидетельством того, что в заботах о состоянии мира был он на грани отчаяния...

Когда боги и демоны, и те, и другие — отпрыски Праджапати, вступили в борьбу между собой, завладели боги принципом жизни, Удгитхой, подумав, что с ее помощью одолеют они демонов.

Они стали почитать Удгитху как нос, но демоны поразили его злом. Поэтому им обоняют и то, и другое — и благоухание, и зловоние, ведь он поражен злом.

Они стали почитать Удгитху как язык, но демоны поразили его злом. Поэтому им говорят и то, и другое — и истину, и ложь, ведь он поражен злом.

Они стали почитать Удгитху как глаз, но демоны поразили его злом. Поэтому им видят и то, и другое — и симпатичное, и уродливое, ведь он поражен злом.

Они стали почитать Удгитху как ухо, но демоны поразили его злом. Поэтому им слышат и то, и другое — и благозвучное, и непотребное, ведь оно поражено злом.

Тогда стали они почитать Удгитху как разум, но демоны поразили его злом. Поэтому мыслят и о подобающем, истинном и хорошем, и о неподобающем, ложном и испорченном, ведь он поражен злом.

Чхандогья упанишада (1,2,1—6)

Лежит Адов Колодезь на вершине мира, и спускается он к самым его корням. Столь же он, вероятно, стар, как и сам этот мир; а если и нет, то по внешнему виду об этом ни за что не скажешь.

Начинается он со входа. Установлена там Первыми огромная дверь из полированного металла, тяжелая, как грех, высотою в три человеческих роста, шириною вдвое меньше. Толщиной она в локоть, над массивным медным кольцом, в которое кое-кому, может, удастся просунуть голову, вделана в нее металлическая же пластинка каверзнейшего замка; как нажимать на нее, чтобы он открылся, там не написано, а написано примерно следующее: «Уходи. Тебе тут не место. Если

попробуешь войти — не выйдет, а ты будешь проклят. Если же ухитришься пройти — не обессудь, тебя предупреждали, и не надоедай нам предсмертными мольбами». И подписано: «Боги».

Место это расположено у самой вершины очень высокой горы, называемой Чанна, в самом центре очень высокой горной системы, называемой Ратнагари. В краю этом на земле всегда лежит снег, а радуги высыпают, как налет на языке больного, на длинных сосульках, пустивших ростки на промерзших верхушках утесов. Воздух остер, как меч. Небо ярче кошачьего глаза.

Редко-редко ступала чья-то нога по тропинке, вьющейся к Адову Колодезю. Приходили сюда по большей части просто поглазеть, посмотреть, вправду ли существует великая дверь; когда очевидцы возвращались домой и рассказывали, что видели ее воочию, смеялись над ними обычно все вокруг.

Лишь предательские царапины на пластине замка свидетельствуют, что кое-кто и в самом деле пытался войти внутрь. Орудия, необходимые, чтобы вскрыть огромную дверь, доставить сюда и даже просто уместить у двери невозможно. Последнюю сотню метров тропка, карабкающаяся по склону к Адову Колодезю, сужается дюймов до десяти; а на прилепившейся под дверью площадке — остатке когда-то обширного козырька, — потеснившись, смогут, может быть, уместиться человек шесть.

Сказывают, что Панналал Мудрый, закалив свой ум медитацией и разнообразными подвигами аскетизма, разгадал секрет замка и вступил в Адов Колодезь, провел во чреве горы день и ночь. Звали его с тех пор Панналал Безумный.

Скрывающий в себе пресловутую дверь пик, известный под названием Чанна, лежит в пяти днях пути от крохотного городишка. А вся эта местность — часть далекого северного королевства Мальва. Ближайший к Чанне горный городишко названия не имеет, поскольку населен свирепым и независимым народом, который не испытывает ну никакого желания, чтобы городок их появился на картах сборщиков податей местного раджи. О коем достаточно будет упомянуть, что роста и возраста он среднего, практичен, слегка располнел, ни набожен, ни чрезмерно знаменит — и сказочно богат. Богат он потому, что подданных своих облагает высокими налогами. Когда подданные его начинают возмущаться и по стране рас-

пространяется молва о готовящемся восстании, он объявляет войну одному из соседних королевств и удваивает налоги. Если война складывается неудачно, он казнит нескольких генералов и отправляет своего министра по миру обсуждать условия мирного договора. Если же вдруг все складывается особенно удачно, он взыскивает с противника дань за то оскорбление, которое якобы вызвало всю заваруху. Обычно, однако, дело кончается перемирием, и подданные его, озлобленные и на войну, и на соперника, и на отсутствие победы, примиряются с высоким уровнем налогов. Имя раджи — Видегха, и у него множество детей. Он любит граклов — священных майн — не за их глянцевитое черное оперение с изысканными желтыми пятнами вокруг глаз, а за то, что их можно обучить распевать непристойные песенки; любит змей, которым он при случае скармливает оных граклов, когда они фальшивят; любит игру в кости. Он не очень-то любит детей и Льва Толстого.

Адов Колодезь начинается с грандиозного портала высоко в горах северной оконечности королевства Видегхи, северней которого уже не отыщешь страны, населенной людьми. И, начинаясь там, по спирали, штопором, уходит он вниз через самое сердце горы Чанны, вонзаясь, как штопор, в просторные пещеры и туннели, в не ведомые никому из людей подземные переходы, простирающиеся глубоко под горной цепью Ратнагари, и тянутся глубочайшие из этих переходов вниз, к корням всего мира.

И к этой двери пришел странник.

Он был просто одет, путешествовал в одиночку и, казалось, в точности представлял, куда идет и что делает.

Прокладывая себе путь по мрачному склону, карабкался он по тропинке вверх на Чанну.

Большую часть утра потратил он на то, чтобы добраться до своей цели: до двери. Встав наконец перед нею, он чуть передохнул, глотнул воды из своей фляги, утер рукой губы и улыбнулся.

Затем уселся он, прислонившись спиной к двери, и перекусил. Покончив с этим, собрал листья, в которые была завернута снедь, и бросил их вниз через край площадки. Долго смотрел он, как планируют они, падая вниз, как относят их то туда, то сюда воздушные потоки, пока наконец не исчезли они из вида. Тогда он достал трубку и закурил.

Отдохнув, он встал и вновь повернулся лицом к двери.

Рука его легко легла на плату замка и медленно пустилась в ритуальный танец. Когда он в последний раз нажал на пластину и отнял руку, изнутри, из самой толщи двери, донесся одинокий музыкальный звук.

Тогда он схватился за кольцо и с силой потянул его на себя, мышцы у него на плечах вздулись и напряглись. Дверь подалась, сначала медленно, потом быстрее. Он отступил в сторону с ее дороги, и она распахнулась настежь, уходя за край площадки.

Изнутри к двери было прикреплено второе кольцо, точная копия первого. Он поймал его, когда дверь проходила мимо, и всем своим весом повис на ней, изо всех сил упираясь ногами в землю, чтобы не дать уйти тяжеленной створке за пределы его досягаемости.

Волна теплого воздуха накатилась из отверстия у него за спиной.

Он потянул дверь на место и, запалив один из связки принесенных с собой факелов, закрыл ее за собою. Вперед по коридору отправился он, и коридор этот потихоньку начал расширяться.

Пол резко пошел под уклон, и через сотню шагов где-то далеко вверху исчез из виду потолок.

А через две сотни шагов он уже стоял на краю колодца. Теперь со всех сторон его окружала безбрежная, непроглядная чернота, разрываемая лишь огнем его факела. Стены исчезли, только позади и справа от него проглядывала еще последняя из них. В нескольких шагах перед ним исчезал и пол.

За его кромкой лежало нечто, напоминающее бездонную дыру. Разглядеть ее он не мог, но знал, что контур ее не слишком отличается от окружности и что чем глубже, тем больше становился ее радиус.

Он спускался по тропинке, что вилась спиралью, прижимаясь к стене колодца, и все время ощущал напор поднимающегося из глубины теплого воздуха. Искусственной была эта тропа, это чувствовалось, несмотря на ее крутизну. Была она узкой и опасной; во многих местах пересекали ее трещины, а местами загромождали каменные обломки. Но ее неизменный, поворачивающий направо уклон выявлял план и цель в ее существовании.

Осторожно спускался он по этой тропе. Слева от него была стена. Справа — ничего.

Прошло, как ему показалось, века полтора, и он увидел далеко под собой крошечный мерцающий огонек, висящий прямо в воздухе.

Изгиб стены, однако, продолжал искривлять его путь, и вскоре светлячок этот оказался уже под ним и чуть-чуть правее.

Еще один поворот тропы, и он замигал прямо по ходу.

Когда он проходил мимо ниши в стене, в которой таилось пламя, в мозгу у него вскричал неведомый голос:

— Освободи меня, хозяин, и я положу к твоим ногам весь мир!

Но он даже не замедлился, даже не взглянул на подобие лица, промелькнувшее внутри ниши.

В океане мрака, раскинувшемся у его ног, теперь были видны и другие огоньки, с каждым шагом плавало их во тьме все больше и больше.

Колодец продолжал расширяться. Он наполнился сверкающими, мерцающими, словно пламя, огнями, но это не было пламя; наполнился формами, лицами, полузабытыми образами. И из каждого, когда он проходил мимо, поднимался крик:

— Освободи меня! Освободи меня!

Но он не останавливался.

Он спустился на дно колодца и пересек его, пробираясь между обломками камней и скал, перешагивая через змеящиеся в каменном полу трещины. Наконец он добрался до противоположной стены, перед которой плясало огромное оранжевое пламя.

При его приближении стало оно вишневым, а когда он остановился перед ним — синим, как сердцевина сапфира.

Вдвойне было оно выше, чем он; оно пульсировало, колебалось; иногда оттуда в его направлении вырывался язык пламени, но тут же втягивался назад, словно натыкаясь на невидимый барьер.

Спускаясь, он миновал уже бесчисленное множество огней, и однако он знал, что еще больше таится их в пещерах под дном колодца.

Каждый огонь, мимо которого проходил он по пути вниз, взывал к нему, пользуясь своими собственными средствами коммуникации, и в мозгу его назойливо бились одни и те же

слова: запугивающие и умоляющие, обещающие все на свете. Но из этого, самого большого синего пламени не донеслось ни слова. Никакая форма не изгибалась, не вращалась, дразня лживыми посулами, в его ослепительной сердцевине.

Он зажег новый факел и воткнул его в расщелину между двух скал.

— Итак, Ненавистный, ты вернулся!

Слова падали на него, как удары плети. Взяв себя в руки, он взглянул прямо в синее пламя и спросил в ответ:

— Тебя зовут Тарака?

— Тому, кто заточил меня здесь, следовало бы знать, как меня зовут, — пришли в ответ слова. — Не думай, Сиддхартха, что коли ты носишь другое тело, то можешь остаться неузнанным. Я смотрю прямо на потоки энергии, которые и составляют твое существо, а не на плоть, которая маскирует их.

— Ясно, — ответил тот.

— Ты пришел посмеяться надо мной в моем заточении?

— Разве смеялся я над тобой во дни Обуздания?

— Нет, ты не смеялся.

— Я сделал то, что должно было быть сделано для безопасности моего народа. Мало было людей, и слабы они были. Твоя же раса набросилась на них и их бы уничтожила.

— Ты украл у нас наш мир, Сиддхартха. Ты обуздал и приковал нас здесь. Какому новому унижению собираешься ты подвергнуть нас?

— Быть может, найдется способ кое-что возместить.

— Чего ты хочешь?

— Союзников.

— Ты хочешь, чтобы мы вступили на твоей стороне в борьбу?

— Именно.

— А когда все закончится, ты вновь попробуешь заточить нас?

— Нет, если до того нам удастся прийти к приемлемому соглашению.

— Назови свои условия, — сказало пламя.

— В былые дни твой народ разгуливал — видимый или невидимый — по улицам Небесного Града.

— Да, так оно и было.

— Теперь он укреплен значительно лучше.

— В чем это выражается?

— Вишну-Хранитель и Яма-Дхарма, Повелитель Смерти,

покрыли все Небеса — а не только Град, как было в стародавние времена, — каким-то, как говорят, непроницаемым сводом.

— Непроницаемых сводов не бывает.

— Я повторяю только то, что слышал.

— В Град ведет много путей, Князь Сиддхартха.

— Отыщи мне их все.

— Это и будет ценой моей свободы?

— Твоей личной свободы — да.

— А для других из нас?

— В обмен на их свободу вы все должны согласиться помочь мне в осаде Града — и взять его.

— Освободи нас, и Небеса падут!

— Ты говоришь за всех?

— Я Тарака. Я говорю за всех.

— А какую гарантию ты, Тарака, дашь, что этот договор будет выполнен?

— Мое слово? Я был бы счастлив поклясться чем-либо, только назови.

— Готовность клясться чем угодно — не самое обнадеживающее качество, когда идет торговля. К тому же твоя сила в любой сделке становится слабостью. Ты настолько силен, что не можешь гарантировать любой другой силе контроль над собой. Ты не веришь в богов, которыми мог бы поклясться. В чести у тебя только игорные долги, но у нас здесь для игры нет ни мотивов, ни возможностей.

— Но ты же обладаешь силой, способной контролировать нас.

— По отдельности — возможно. Но не всех сразу.

— Да, это и в самом деле сложная проблема, — сказал Тарака. — Я бы отдал за свободу все, что имею, но имею я только силу — чистую силу, по самой своей сути непередаваемую. Большая сила могла бы подчинить ее, но это не выход. Я и в самом деле не знаю, как дать тебе достаточные гарантии, что я выполню свои обещания. На твоем месте я бы ни за что не доверил мне.

— Да, налицо некая дилемма. Ладно, я освобожу тебя — тебя одного, — чтобы ты слетал на Полюс и разведал все, что касается защиты Небес. Я же в твое отсутствие еще поразмыслю над этой проблемой. Призадумайся и ты, и, может быть, когда ты вернешься, мы сумеем заключить взаимовыгодное соглашение.

— Согласен! Сними же с меня это проклятие!

— Узнай же мою мощь, Тарака, — сказал пришелец. — Коли я обуздал тебя, так могу и спустить — вот!

И пламя вскипело, выплеснулось от стены вперед.

Оно скрутилось в огненный шар и принялось бешено кружить по колодцу, напоминая собой комету; оно пылало, как крохотное солнце, разгоняя вековечный мрак; оно беспрерывно меняло свой цвет, и скалы сверкали то жутко, то заманчиво.

Затем оно нависло над головой того, кого звали Сиддхартхой, обрушив на него пульсирующие слова:

— Ты не можешь себе представить, как приятно вновь ощущать свободу. Я хочу еще раз испытать твою мощь.

Человек внизу пожал плечами.

Огненный шар начал сжиматься. Хотя он и светился все ярче, было это не накопление сил, а скорее некое усыхание; он словно сморщился и медленно опустился на дно колодца.

Подрагивая, он остался лежать там, будто опавший лепесток некоего титанического цветка; потом его начало медленно относить по полу в сторону, и в конце концов он опять очутился в своей прежней нише.

— Ты доволен? — спросил Сиддхартха.

— Да, — раздался после паузы ответ. — Не потускнела твоя сила, о Бич. Освободи меня еще раз.

— Я устал от этого спектакля, Тарака. Быть может, мне лучше уйти, оставив тебя как ты есть, и поискать помощников где-либо еще?

— Нет! Я же дал тебе обещание! Что ты еще хочешь получить от меня?

— Я бы хотел заручиться твоим отказом от раздоров между нами. Либо ты будешь служить мне на таком условии, либо не будешь. Вот и все. Выбирай и храни верность своему выбору и своему слову.

— Хорошо. Отпусти меня, и я отправлюсь к ледяным горам, я наведаюсь в венчающий их Небесный Град, я выведаю слабые места Небес.

— Тогда отправляйся!

На этот раз пламя полыхнуло много медленнее. Оно раскачивалось перед ним и приобрело почти человеческие очертания.

— В чем твоя сила, Сиддхартха? Как тебе это удается? — спросило оно.

— Назови эту способность ума электролокацией энер-

гии, — ответил тот. — Такая формулировка ничуть не хуже любой другой. Но как бы ты ее ни назвал, не пытайся столкнуться с этой силой опять. Я могу убить тебя ею, хотя ни одно материальное оружие не может причинить тебе никакого вреда. А теперь — ступай!

Тарака исчез, как головешка в водах реки, и Сиддхартха остался стоять один, освещенный лишь огнем своего факела.

Он отдыхал, и мозг его наполнил лепет множества голосов — обещающих, искушающих, умоляющих. Перед глазами поплыли видения, исполненные роскоши и великолепия. Перед ним проходили восхитительнейшие гаремы, у ног его были накрыты пиршественные столы. Аромат мускуса, запах магнолии, голубоватый дымок курящихся благовоний проплывали, умасливая его душу, кружили вокруг него. Он прогуливался среди неземной красоты цветов, и светлоглазые девушки с улыбкой несли за ним кубки с вином; серебристым колокольчиком пел для него одинокий голос, гандхарвы и апсары танцевали на зеркальной глади соседнего озера.

— Освободи нас, освободи нас, — пели они.

Но он лишь улыбался, и смотрел, и ничего не делал.

Постепенно превращались мольбы, жалобы и обещания в хор проклятий и угроз. На него наступали вооруженные скелеты, на их сверкающие мечи были наколоты младенцы. Повсюду вокруг него разверзлись дыры жерл, извергавших омерзительно воняющий серой огонь. С ветки перед самым его лицом свесилась змея, с ее жала падали на него капли яда. На него обрушился ливень пауков и жаб.

— Освободи нас — или никогда не прекратятся твои муки! — кричали голоса.

— Если вы будете упорствовать, — заявил он, — Сиддхартха рассердится, и вы потеряете единственный шанс обрести свободу, который у вас еще остался.

И все замерло вокруг него, и, прогнав все мысли, он задремал.

Он еще дважды ел, потом еще раз спал; наконец вернулся Тарака, принявший форму хищной птицы с огромными острыми когтями, и начал докладывать.

— Мои сородичи могут проникнуть туда через вентиляци-

онные отверстия, — сказал он, — но людям это не под силу. Кроме того, внутри горы проделано много шахт для лифтов. Если воспользоваться большими из них, множество народу может быть без труда доставлено наверх. Конечно, они охраняются. Но если перебить стражу и отключить сигнализацию, все это вполне выполнимо. Ну и кроме того, иногда в разных местах раскрывается сам купол свода, чтобы пропустить внутрь или наружу летательное судно.

— Очень хорошо, — сказал Сиддхартха. — У меня под рукой — в нескольких неделях пути отсюда — мое королевство. Уже много лет вместо меня правит там регент, но если я вернусь, то смогу собрать армию. По земле сейчас шествует новая религия. Люди уже не так богобоязненны, как когда-то.

— Ты хочешь разграбить Небеса?

— Да, я хочу предоставить их сокровища миру.

— Мне это нравится. Победить будет нелегко, но с армией людей и с воинством моих сородичей способны мы будем на это. Освободи теперь мой народ, чтобы мы могли начать действовать.

— Похоже, что мне придется довериться тебе, — сказал Сиддхартха. — Ладно, давай начнем.

И он пересек дно Адова Колодца и вошел в первый уходящий глубоко вниз туннель.

В тот день шестидесяти пяти из них даровал он свободу, и наполнили они пещеры переливами цвета, движением, светом. Воздух звенел от громких криков радости, гудел от их полетов, когда они носились по Адову Колодезю, постоянно меняя форму и ликуя от ощущения свободы.

Вдруг один из них без всякого предупреждения принял форму пернатого змея и ринулся на него, выставив вперед острые, как сабли, когти.

На миг он сконцентрировал на нем все свое внимание.

Змей издал короткий, тут же оборвавшийся вопль и рухнул в сторону, одевшись дождем бело-голубых искр.

Затем все поблекло, не осталось никаких следов происшедшего.

По пещерам разлилась тишина, огненные светляки пульсировали, прижавшись к стенам.

Сиддхартха сосредоточился на самом большом из них, Тараке.

— Он что, напал на меня, чтобы испытать мою силу? —

спросил он. — Чтобы узнать, могу ли я и в самом деле убивать, как я про то тебе сказал?

Тарака приблизился, завис перед ним.

— Не по моему приказанию напал он на тебя, — заявил он. — Мне кажется, что он наполовину сошел с ума от своего заключения.

Сиддхартха пожал плечами.

— Ну а теперь на время располагай собой, как пожелаешь, — сказал он. — Я отдохну после сегодняшней работы.

И он отправился обратно, на дно колодца, где улегся, завернувшись в одеяло, и заснул.

И пришел сон.

Он бежал.

Перед ним распростерлась его тень, и чем дальше он бежал, тем больше она становилась.

Она росла до тех пор, пока стала уже не тенью, а каким-то гротескным контуром.

Вдруг он понял, что просто-напросто его тень оказалась целиком покрыта тенью его преследователя: покрыта, поглощена, затенена, покорена.

И тут на какой-то миг его охватила чудовищная паника, там, на безликой равнине, по которой он убегал.

Он знал, что теперь это была уже его собственная тень.

Проклятие, которое преследовало его, уже не скрывалось у него за спиной.

Он знал, что сам стал своим собственным проклятием.

И, узнав, что ему наконец удалось догнать себя, он громко рассмеялся, хотя хотелось ему скорее взвыть.

Когда он проснулся, он куда-то шел.

Он шел по закрученной в спираль тропе, лепившейся к стене Адова Колодезя.

И по ходу дела оставлял он позади полоненные огни.

И снова каждый из них кричал ему, когда он проходил мимо:

— Освободите нас!

И медленно начали подтаивать ледяные грани его рассудка.

Освободите.

Множественное число. Не единственное.

Так они не говорили.

И он понял, что идет не один.

И ни одной из пляшущих, мерцающих форм не было рядом с ним.

Те, кто были в заточении, там и оставались. Освобожденные им куда-то делись.

И он карабкался вверх по высокой стене колодца, и факел не освещал ему дорогу, и однако он видел ее.

Он видел каждую деталь каменистой тропы, словно выбеленной лунным светом.

И он знал, что глаза его не способны на подобный подвиг.

И к нему обращались во множественном числе.

И тело его двигалось, хотя он ему этого и не велел.

Он попытался остановиться, замереть.

Он по-прежнему шел по тропе, и губы его зашевелились, складывая звуки в слова.

— Ты, как я погляжу, проснулся. Доброе утро.

На вопрос, который тут же возник у него в мозгу, незамедлительно ответил его собственный рот: «Да».

— Ну и как ты себя чувствуешь, когда обуздали уже тебя самого — и внутри собственного тела? Каково испытать на себе бич демонов?

Сиддхартха сформулировал еще одну мысль:

— Я не думал, что кто-нибудь из вашего племени способен приобрести контроль надо мной против моей воли — даже и во сне.

— Честно признаться, — был ответ, — я тоже. Но, с другой стороны, я имел в своем распоряжении объединенные силы многих из нас. Казалось, что стоит попробовать.

— А что с другими? Где они?

— Ушли. Пространствовать по свету, пока я не призову их.

— Ну а те, которые остались обузданными? Если ты подождешь, я мог бы освободить и их.

— Какое мне до них дело? Я-то теперь свободен и снова при теле! На остальное наплевать!

— Значит, как я понимаю, твое обещание помощи ничего не стоит?

— Не совсем, — ответил демон. — Мы вернемся к этому, ну, скажем, через если не белый, то желтый месяц. Мне твоя идея весьма по душе. Чувствую, что война с богами окажется замечательным развлечением. Но сначала я хочу насладиться плотскими радостями. Неужели ты поскупишься на неболь-

шое развлечение для меня — после веков скуки в тюрьме, в которую ты же меня и засадил?

— Поскуплюсь я на такое использование моей личности.

— Как бы там ни было, придется тебе на время с этим примириться. К тому же у тебя будет возможность насладиться тем, чем наслаждаюсь я, так почему бы тебе спокойно не воспользоваться этим?

— Так ты утверждаешь, что намерен-таки воевать против богов?

— Да, в самом деле. Жалко, я сам не додумался до этого в стародавние времена. Быть может, мы бы тогда избежали обуздания. Может быть, в этом мире не было бы больше богов и людей. Мы же никогда не склонялись к согласованным действиям. Независимость духа для нас естественный спутник личной независимости. Каждый сражался сам за себя в общем столкновении с человечеством. Я вождь — да, это так, но лишь потому, что я старше, сильнее и мудрее остальных. Они приходят ко мне за советом, они служат мне, когда я им прикажу. Но я никогда не отдавал им приказов в битве. Ну а теперь — позже — буду. Новшество очень хорошо поможет против заунывной монотонности.

— Советую тебе не ждать, ибо никакого «позже» не будет, Тарака.

— Почему же?

— Когда я шел к Адову Колодезю, гнев богов носился в воздухе, клубился у меня за спиной. Теперь в мире затерялось шестьдесят шесть демонов. Очень скоро почувствуют боги ваше присутствие. Они сразу поймут, кто это сделал, и предпримут против нас определенные шаги. Элемент неожиданности будет потерян.

— Бились мы с богами в былые дни...

— Но это уже не былые дни, Тарака. Боги теперь сильнее, намного сильнее. Долго был ты обуздан, и все эти века возрастала их мощь. Даже если ты впервые в истории поведешь в битву настоящую армию ракшасов, а я поддержу тебя могучей армией людей, даже и тогда не будет никакой уверенности в том, кто победит. И если ты сейчас промедлишь, то упустишь свои шансы.

— Мне не нравится, когда ты говоришь со мной об этом, Сиддхартха, ибо ты беспокоишь меня.

— К этому я и стремлюсь. Пусть ты и могуч, но, когда ты встретишь Красного, он выпьет из тебя глазами всю твою

жизнь. И он придет сюда, к Ратнагари, ибо он преследует меня. Появившиеся на свободе демоны — указка, подсказывающая ему, куда идти. И он может привести с собой и других. Тогда может статься, что даже все вы не окажетесь для них достойным соперником.

Демон не отвечал. Они уже вылезли из колодца, и Тарака, отмерив последние две сотни шагов, добрался наконец до огромной двери, которая теперь была распахнута настежь. Он выбрался на наружную площадку, поглядел с нее вниз.

— Ты сомневаешься в могуществе ракшасов, Бич? — спросил он. — Смотри же!

И он шагнул с площадки.

Они не упали.

Они поплыли, как те листья, что он бросил вниз — давно ли?

Вниз.

Они приземлились прямо на тропинку, преодолев по воздуху полпути вниз, с горы, называемой Чанна.

— Я не только укротил твою нервную систему, — объявил Тарака, — но и пропитал все твое тело, окутал его энергией самого своего бытия. Так что присылай ко мне этого Красного, который выпивает жизнь глазами. Я с удовольствием встречусь с ним.

— Хоть ты и можешь разгуливать по воздуху, — ответил Сиддхартха, — говоришь ты вещи весьма опрометчивые.

— Недалеко отсюда, в Паламайдзу, находится двор Князя Видегхи, — сказал Тарака, — я присмотрелся к нему на обратном пути с Небес. Как я понял, он обожает игру. Стало быть, туда и держим путь-дорогу.

— А если поиграть явится и бог Смерти?

— И пусть! — вскричал Тарака. — Ты перестал забавлять меня, Бич. Спокойной ночи. Спи дальше!

И на него опустилась легкая, как вуаль, темнота и гнетущая, словно свинцовая, тишина; первая из них сгущалась, вторая рассеивалась.

От следующих дней остались лишь яркие фрагменты.

До него доходили обрывки разговоров или песен, красочные виды галерей, комнат, садов. А однажды он заглянул в подземный застенок, где на дыбе корчились люди, и услышал собственный смех.

А между этими видениями его посещали сны, подчас смыкающиеся с явью. Их освещало пламя, их омывали слезы и кровь. В полутемном бескрайнем соборе он бросал кости, и были это светила и планеты. Метеоры высекали пламя у него над головой, кометы вычерчивали пылающие дуги на черном стекле свода. К нему сквозь страх пробилась вдруг вспышка радости, и он знал, что, хотя эта радость в основном принадлежала не ему, была в ней и его частичка. Ну а страх, тот весь был его.

Когда Тарака выпивал слишком много вина или валялся, запыхавшись, на своем широком и низком ложе в гареме, его хватка, тиски, которыми он сжимал украденное тело, слабела. Но слаб еще был и Сиддхартха, разум его не оправился от ушиба, контузии, а тело было либо пьяным, либо обессиленным; и он знал, что не пришло еще время оспорить владычество повелителя демонов.

Иногда видел он все вокруг не глазами того тела, которое было когда-то его собственностью, а зрением демона, направленным сразу во все стороны; сдирал он тогда своим взглядом со всех, с кем встречался, и кожу, и кости, прозревая под ними огонь истинной их сущности, то расцвеченный переливами и тенями их страстей, то мерцающий от жадности, похоти или зависти, то стремительно мечущийся между жаждой и жадностью, то тлеющий подспудной ненавистью, то угасающий со страхом и болью. Адом ему стало это многоцветие; лишь иногда смягчался он как-то либо холодным голубым сиянием интеллекта ученого, либо белым светом умирающего монаха, либо розовым ореолом хоронящейся от его взгляда знатной дамы, либо, наконец, пляшущими простенькими цветами играющих детишек.

Он прохаживался по залам с высокими потолками и по широким галереям королевского дворца в Паламайдзу, его законного выигрыша. Князь Видегха был брошен в цепях в свой собственный застенок. И никто из его подданных по всему королевству не подозревал, что на трон его воссел ныне демон. Все, казалось, шло своим чередом. Сиддхартхе привиделось, как он проезжает на спине у слона по улицам города. Всем женщинам в городе велено было стоять у дверей своих жилищ, и он выбирал среди них тех, которые приходились ему по душе, и забирал их в свой гарем. Содрогнувшись от неожиданности, поймал себя Сиддхартха на том, что участвует в этих смотри-

нах, подчас оспаривая, подчас обсуждая с Таракой достоинства и недостатки той или иной матроны, девушки или дамы. Добралось и до него вожделение Тараки и стало его собственным. С осознанием этого факта вступил он на новую ступень пробуждения, и теперь не всегда рука именно демона подносила к губам его рог с вином или поигрывала кнутом в застенках. Все дольше и дольше оставался он в сознании и с некоторым ужасом начинал понимать, что внутри него самого, как и внутри каждого человека, сокрыт демон, способный отозваться на зов своих собратьев.

И вот однажды восстал он наконец против силы, управлявшей его телом и подчинившей его разум. Он уже вполне оправился и делил с Таракой все его труды и дни, постоянно был с ним — и как безмолвный наблюдатель, и как активный участник.

Они стояли на балконе, выходящем в сад, и смотрели, как набирает силу день. Тарака захотел — и тут же все цветы в саду изменили свой цвет, теперь в саду царил черный цвет — ни пятнышка красного, синего или желтого. Напоминающие ящериц твари закопошились, зашевелились в прудах и на деревьях, зашуршали и заквакали в черноте теней. Густые, приторные запахи благовоний насытили воздух, по земле, как змеи, извивались струйки черного дымка.

На жизнь его покушались уже трижды. Последним попытку предпринял капитан дворцовой гвардии. Но его меч превратился прямо у него в руке в рептилию, и та впилась ему в лицо, вырвала ему глаза, напоила его жилы ядом, от которого весь он почернел и распух; умер он в страшных мучениях, умоляя о глотке воды.

Сиддхартха глядел на деяния демона и вдруг ударил.

Медленно возвращалась к нему та сила, которой в последний раз пользовался он в Адовом Колодезе. Странным образом оторванная от мозга его тела, объяснение чему дал ему когда-то Яма, сила эта медленно вращалась, как цевочное колесо, в самом центре пространства, которым он был.

Теперь оно раскрутилось и вращалось стремительнее, он напрягся и швырнул его против силы другого.

Крик вырвался у Тараки, и ответный удар чистой энергии, словно копье, обрушился на Сиддхартху.

Частично ему удалось подстроиться под удар, даже присвоить, вобрать в себя часть его энергии. Но главный стер-

жень удара все же задел его существо, и все внутри его обратилось в боль и хаос.

Ни на миг, однако, не отвлекаясь, он ударил снова, как копьеносец погружает свое копье в чернеющее жерло норы страшного зверя.

Опять услышал он, как с губ его срывается крик.

Тогда воздвиг демон против его силы черные стены.

Но рушились они одна за другой под его напором.

И, сражаясь, они разговаривали.

— Человек о многих телах, — говорил Тарака, — почему скаредничаешь ты, почему тебе жалко, чтобы провел я в этом теле всего несколько дней? Ты же сам не родился в нем, ты тоже всего лишь позаимствовал его на время. Почему же тогда осквернением считаешь ты мое прикосновение? Рано или поздно сменишь ты это тело, обретешь другое, мною не тронутое. Так почто смотришь ты на мое присутствие как на недуг или скверну? Не потому ли, что есть в тебе нечто, подобное мне? Не потому ли, что ведомо тебе и наслаждение, которое обретаешь, смакуя на манер ракшасов причиняемую тобой боль, налагая по собственному выбору свою волю на все, что только ни подскажут твои причуды? Не из-за этого ли? Ведь познал и ты — и теперь желаешь — все это, но сгибаешься ты к тому же под бременем отягчающего род людской проклятия, называемого виной. Если так, я смеюсь над твоей слабостью, Бич. И опять покорю я тебя.

— Таков уж я, демон, и ничего тут не попишешь, — сказал Сэм, вкладывая всю имеющуюся энергию в очередной свой удар. — Просто я взыскую подчас чего-то, помимо радостей чрева и фаллоса. Я не святой, как думают обо мне буддисты, и я не легендарный герой. Я человек, который познал немало страха и который чувствует подчас свою вину. Но в первую очередь, однако, я — человек, твердо намеревающийся коечто совершить, ну а ты стоишь у меня на дороге. И унаследуешь ты посему бремя моего проклятия; выиграю я или проиграю, ныне, Тарака, твоя судьба уже изменилась. Вот проклятие Будды: никогда больше не станешь ты таким, как был когда-то.

И простояли они весь день на балконе в пропитанных потом одеждах. Как статуя, стояли они до тех пор, пока не спустилось солнце с неба и не разделила пополам золотая дорожка

темный котел ночи. Луна всплыла над садовой оградой. Потом вторая.

— Каково проклятие Будды? — раз за разом вопрошал Тарака.

Но Сиддхартха не отвечал.

Рухнула под его напором и последняя стена, и фехтовали они теперь потоками энергии, словно ливнями ослепительных стрел.

Из отдаленного Храма доносилась бесконечно повторяющаяся фраза барабана, в саду изредка всквакивала какая-то тварь, кричала птица, иногда опускался на них рой мошкары, кормился и уносился прочь.

И тогда, как звездный ливень, пришли они, оседлав ночной ветер... Освобожденные из Адова Колодезя остальные демоны, затерявшиеся в мире.

Они явились в ответ на призыв Тараки, явились поддержать своими силами его мощь.

И обернулся он водоворотом, воронкой, приливной волной, смерчем молний.

Сиддхартха почувствовал, как его сметает титаническая лавина, раздавливает, плющит, хоронит.

Последнее, что он осознал, был вырывающийся у него из груди смех.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем начал он приходить в себя. На сей раз происходило это медленно, и очнулся он во дворце, где ему прислуживали демоны.

Когда спали последние путы анестезирующей умственной усталости, странным и причудливым предстало все вокруг него.

Длились гротесковые пирушки. Вечеринки обычно проходили в застенках, где демоны одушевляли, оживляли тела и вселялись в них, чтобы преследовать свои жертвы. Повсюду творились темные чудеса, прямо из мраморных плит тронного зала, например, выросла роща кривых, искореженных деревьев, роща, в которой люди спали не просыпаясь, вскрикивая, когда один кошмар сменялся другим. Но поселилась во дворце и иная странность.

Случилось что-то с Таракой.

— Каково проклятие Будды? — вновь вопросил он, как только почувствовал присутствие Сиддхартхи.

Но не ответил ему на это Сиддхартха.

Тот продолжал:

— Чувствую, что уже скоро верну я тебе твое тело. Я устал от всего этого, от этого дворца. Да, я устал, и, думаю, недалек уже, быть может, тот день, когда мы пойдем войной на Небеса. Что ты скажешь на это, Бич? Я, как и обещал, сдержу свое слово.

Сиддхартха не ответил ему.

— С каждым днем иссякает, сходит на нет мое удовольствие! Не знаешь ли ты почему, Сиддхартха? Не можешь ли ты сказать, почему приходит ко мне странное чувство и иссушает оно мою радость от самых сильных ощущений, притупляет наслаждения, ослабляет меня, повергает в уныние, когда должен я ликовать, когда должен переполняться радостью? Не это ли — проклятие Будды?

— Да, — сказал Сиддхартха.

— Тогда сними с меня, Бич, свое проклятие, и я уйду в тот же день и верну тебе эту плотскую личину. Затосковал я по холодным, чистым ветрам поднебесья! Освободи же меня прямо сейчас!

— Слишком поздно, о владыка ракшасов. Ты сам навлек все это на себя.

— Что это? Чем обуздал ты меня на этот раз?

— Не припоминаешь ли ты, как, когда боролись мы на балконе, насмехался ты надо мною? Ты сказал, что я тоже нахожу удовольствие в том, как сеешь ты боль и муки. Ты был прав, ибо каждый человек несет в себе и темное, и светлое. Во многих отношениях разделен человек на части, слит из крайностей; он не то чистое, ясное пламя, каким был ты когда-то. Интеллект его часто воюет с эмоциями, воля — с желаниями... идеалы его не в ладах с окружающей действительностью; если он следует им, то в полной мере суждено познать ему утрату старых грез, а если не следует — причинит ему муки отказ от мечты, новой и благородной. Что бы он ни делал, все для него и находка, и утрата, и прибыль, и убыль. Всегда оплакивает он ушедшее и боится того, что таит в себе новое. Рассудок противится традиции. Эмоции противятся ограничениям, которые накладывают на него его собратья. И всегда из возникающего в нем трения рождается хищное пламя, которое высмеивал ты под именем проклятия рода людского, — вина!

Так знай же, что, когда пребывали мы с тобою в одном и том же теле и шел я невольно твоим путем, — а иногда и вольно, — не был путь этот дорогой с односторонним движением. Как ты склонил мою волю к своим деяниям, так, в свою очередь, и твою волю исказило, изменило мое отвращение к некоторым твоим поступкам. Ты выучился тому, что называется виной, и отныне всегда она будет отбрасывать тень на твои услады. Вот почему надломилось твое наслаждение. Вот почему стремишься ты прочь. Но не принесет это тебе добра. Она последует за тобой через весь мир. Она вознесется с тобой в царство чистых, холодных ветров. Она будет преследовать тебя повсюду. Вот оно, проклятие Будды.

Тарака закрыл лицо руками.

— Так вот что такое — рыдать, — вымолвил наконец он.

Сиддхартха не ответил.

— Будь ты проклят, Сиддхартха, — сказал Тарака. — Ты сковал меня снова, и тюрьма моя теперь еще ужаснее Адова Колодезя.

— Ты сам сковал себя. Ты нарушил наше соглашение. Не я.

— Человеку на роду написано страдать от расторжения договоров с демонами, — промолвил Тарака, — но никогда еще ракшас не пострадал от этого.

Сиддхартха не ответил.

На следующее утро, когда он завтракал, кто-то забарабанил в дверь его покоев.

— Кто посмел? — вскричал он, и в этот миг дверь, вывернув петли из стены, рухнула внутрь покоев, засов переломился, как сухая тростинка.

В комнату ввалился ракшас: увенчанная рогами тигриная голова на плечах здоровенной обезьяны, огромные копыта на ногах, когти на руках; он рухнул на пол, на миг стал прозрачным, извергнув при этом изо рта струйку дыма, опять обрел видимую материальность, вновь поблек, снова появился. С его когтей капала какая-то непохожая на кровь жидкость, а поперек груди красовался огромный ожог. Воздух наполнился запахом паленой шерсти и обуглившейся плоти.

— Господин! — крикнул он. — Пришел чужак и просит встречи с тобой!

— И ты не сумел его убедить, что мне не до него?

— Владыка, на него набросилась дюжина человек, твоя стража, а он... Он взмахнул на них рукой, и столь яркой была

вспышка света, что даже ракшас не сумел бы взглянуть на нее. Один только миг — и все они исчезли, будто их никогда и не было... А в стене за ними осталась большая дыра... Никаких обломков, просто аккуратная, ровная дыра.

— И тогда ты набросился на него?

— Много ракшасов бросилось на него — но было что-то, что нас оттолкнуло. Он опять взмахнул рукой, и уже трое наших исчезли во вспышке, посланной им... Я был лишь задет ею. И он послал меня передать тебе послание... Я больше не могу держаться.

И с этим он исчез, а над тем местом, где секунду назад лежало тело, повис огненный шар. Теперь слова его раздавались прямо в мозгу.

— Он велит тебе без отлагательств выйти к нему. Иначе обещает разрушить весь этот дворец.

— А те трое, которых он сжег, они тоже вернулись в обычную свою форму?

— Нет, — ответил ракшас. — Их больше нет...

— Опиши чужака! — приказал Сиддхартха, выдавливая слова из собственного рта.

— Он очень высок ростом, — начал демон, — носит черные брюки и сапоги. А выше одет очень странно. Что-то вроде цельной белой перчатки — только на правой руке, — и идет она до самого плеча, дальше пересекает грудь, а сзади облегает шею и обтягивает туго и гладко всю голову. А лица видна только нижняя часть: на глазах у него большие черные линзы, они выдаются вперед почти на ладонь. К поясу прицеплены короткие ножны из того же белого материала, что и перчатка, но в них вместо кинжала держит он небольшой жезл. Под тканью, там, где она обтягивает его плечи и затылок, виднеется какой-то бугор, словно он носит крохотный ранец.

— Бог Агни! — воскликнул Сиддхартха. — Ты описал бога Огня!

— А, может быть и так, — сказал ракшас. — Ибо когда я заглянул под его плоть, чтобы увидеть цвета истинного его существа, я едва не ослеп от блеска, будто оказался в самом центре солнца. Ежели существует бог Огня, то это действительно он.

— Ну вот нам и пора бежать, — сказал Сиддхартха, — ибо здесь вскорости разгорится грандиозный пожар. Мы не можем бороться с ним, так что давай поспешать!

— Я не боюсь богов, — заявил Тарака, — а на этом я хочу испытать свои силы.

— Ты не можешь превзойти Владыку Пламени, — возразил Сиддхартха. — Его огненный жезл непобедим. Ему дал его бог Смерти.

— Придется отнять у него этот жезл и обратить его против него самого.

— Никто не может носить его, не ослепнув и не потеряв при этом руки! Вот почему он так странно одет. Не будем же терять времени!

— Я должен посмотреть сам, — заявил Тарака. — Должен.

— Уж не заставляет ли тебя твоя вновь обретенная вина флиртовать с самоуничтожением?

— Вина? — переспросил Тарака. — Эта тщедушная, гложущая мозг крыса, которой ты меня заразил? Нет, это не вина, Бич. Просто с тех пор, как я был — не считая тебя — высшим, в мире возросли новые силы. В былые дни боги были слабее, и если они и в самом деле выросли в силе, то силу эту надо испробовать — мне самому! В самой моей природе, каковая — сила, заложено бороться с каждой иной, особенно новой, силой и либо восторжествовать над ней, либо ей подчиниться. Я должен испытать мощь Бога Агни, чтобы победить его.

— Но нас же в этом теле двое!

— Это правда... Обещаю тебе, что, если это тело будет уничтожено, я унесу тебя с собой прочь. И я уже усилил огонь твоей натуры по обычаю своего племени. Если это тело умрет, ты будешь продолжать жить в качестве ракшаса. Наш народ тоже облачен был когда-то в тела, и я помню искусство освобождения внутреннего огня от тела. Я уже сделал это с тобой, так что не бойся.

— И на том спасибо.

— Ну а теперь заглянем в лицо огню — и потушим его!

И покинув королевские покои, они спустились вниз. Далеко внизу, заточенный в собственный каземат, Князь Видегха застонал во сне.

Они вошли через дверь, скрываемую драпировкой, позади трона. Раздвинув складки материи, они увидели, что, если не считать спящих под сенью темной рощи, зал был пуст, только в самом его центре, скрестив на груди руки, стоял человек;

обтянутые белой материей пальцы его правой руки сжимали серебряный жезл.

— Видишь, как он стоит? — сказал Сиддхартха. — Он всецело полагается на свою силу, и он прав. Это Агни, один из локапал. Он может разглядеть все, до самого края горизонта, что только не заслонено от него; разглядеть так же хорошо, как предметы на расстоянии вытянутой руки. И он способен дотянуться до всего, что видит. Говорят, что однажды ночью он собственноручно пометил своим жезлом луны. Стоит ему только прикоснуться рукояткой жезла к контакту, вмонтированному в его перчатку, — и ринется наружу Всеприсущее Пламя, плеснет вперед с ослепительным блеском, уничтожая материю и рассеивая энергию, которых угораздит оказаться на его пути. Еще не поздно отступить.

— Агни! — услышал он крик рта своего. — Ты домогался приема от здешнего правителя?

Черные линзы обернулись к нему, губы Агни растянулись в улыбке, исчезнувшей, как только он заговорил.

— Я так и знал, что найду тебя здесь, — сказал он гнусавым и пронзительным голосом. — Вся эта святость достала тебя, и ты не мог не сорваться. Как тебя теперь называть — Сиддхартха, Татхагата или Махасаматман — или же просто Сэм?

— Глупец, — было ему ответом. — Тот, кого знал ты под именем Бича Демонов — под всеми и каждым из имен, тобою перечисленных, — обуздан ныне сам. Тебе выпала честь обращаться к Тараке, вождю ракшасов, Властителю Адова Колодезя.

Раздался щелчок, и линзы стали красными.

— Да, теперь я вижу, ты говоришь правду, — отвечал Агни. — Налицо случай демонической одержимости. Интересно и поучительно. И слегка к тому же запутано.

Он пожал плечами.

— Мне, впрочем, все равно, что уничтожить одного, что двоих.

— Ты так думаешь? — спросил Тарака, поднимая перед собой руки.

В ответ его жесту раздался грохот, мгновенно вырос из пола черный лес, поглотил стоящую фигуру, оплел ее корчащимися, словно от боли, ветвями и сучьями. Грохот не умолкал, и пол у них под ногами подался на несколько дюймов. Сверху

послышался скрип и треск ломающегося камня, посыпались пыль и песок.

Но ослепительно полыхнула вспышка света, и исчезли все деревья, оставив по себе лишь низенькие пеньки да черные пятна гари на полу.

Затрещал и с оглушительным грохотом рухнул потолок.

Отступая через ту же дверь позади трона, они увидели, как по-прежнему стоявшая в центре зала фигура подняла над головой свой жезл и описала им едва заметный круг.

Вверх вознесся конус ослепительного сияния, и все, на что он натыкался, тут же исчезало. На губах Агни по-прежнему играла улыбка, когда вокруг него валились огромные камни — но не слишком к нему близко.

Грохот не смолкал, трещал пол, покачнулись стены.

Они захлопнули за собой дверь, и у Сэма закружилась голова, когда окно, еще миг тому назад маячившее в самом конце коридора, промелькнуло мимо него.

Они неслись вверх и прочь, сквозь поднебесье, и тело его было переполнено, в нем что-то пузырилось, что-то его покалывало, словно весь он состоял из жидкости, сквозь которую пропустили электрический ток.

Своим демоническим зрением он видел сразу все вокруг и, в частности, Паламайдзу, уже столь далекий, что его вполне можно было взять в рамку и повесить в качестве картины на стену. На высоком холме в самом центре города рушился дворец Видегхи, и огромные вспышки, словно зеркально отраженные молнии, били из руин в небо.

— Вот тебе и ответ, Тарака, — сказал он. — Не вернуться ли нам назад и испытать еще раз его силу?

— Я должен был разобраться, — ответил демон.

— Позволь мне предостеречь тебя еще раз. Я не шутил, когда сказал, что видит он все до самого горизонта. Если он высвободится из-под всех этих обломков достаточно быстро и обратит свой взор в нашу сторону, он нас засечет. Я не думаю, что ты можешь двигаться быстрее света, так что давай полетим пониже, используя неровности рельефа в качестве прикрытия.

— Я сделаю нас невидимыми, Сэм.

— Глаза Агни видят далеко за пределами и красной, и фиолетовой оконечностей доступного человеку спектра.

И тогда они быстро снизились. Сэм успел еще заметить,

что все, что осталось от дворца Видегхи в далеком уже Паламайдзу, — это клубящееся над серыми склонами холма облако пыли.

Как смерч, неслись они на север, дальше и дальше, пока не раскинулась наконец под ними цепь Ратнагари. Они подлетели к горе, именуемой Чанна, скользнули мимо ее вершины и приземлились на ровной площадке у настежь распахнутых дверей в Адов Колодезь.

Они вошли туда и захлопнули за собой дверь.

— Будет погоня, — заметил Сэм, — и даже Адов Колодезь не устоит против нее.

— До чего они уверены в своих силах, — подивился Тарака, — прислать всего одного!

— Тебе кажется, что доверие неоправданно?

— Нет, — сказал Тарака. — Ну а этот Красный, о котором ты говорил, тот, что выпивает глазами жизнь? Разве ты не считал, что они пошлют Великого Яму, а не Агни?

— Да, — согласился Сэм, пока они спускались к колодцу. — Я был уверен, что он последует за мной, да и сейчас еще думаю, что так он и сделает. Когда я виделся с ним в последний раз, причинил я ему кой-какое беспокойство. Чувствую, что он повсюду меня выслеживает. Кто знает, может быть, как раз сейчас он лежит в засаде на дне самого Адова Колодезя.

Они дошли до колодца и ступили на тропу.

— Внутри он тебя не поджидает, — заверил Тарака. — Мне бы сразу же сообщил кто-нибудь из все еще скованных, если бы этим путем прошел кто-то, помимо ракшасов.

— Придет еще, — ответил Сэм, — и когда он, Красный, явится в Адов Колодезь, его будет не остановить.

— Но попытаются это сделать многие, — заявил Тарака. — И вот первый из них.

Стали видны языки пламени, пылающего в нише рядом с тропой.

Проходя мимо, Сэм освободил его, оно взлетело, как ярко раскрашенная птица, и по спирали спустилось в колодец.

Шаг за шагом спускались они, и из каждой ниши вырывался на волю огонь и уплывал прочь. По приказу Тараки некоторые из них поднимались к горловине колодца и исчезали

за мощной дверью, на внешней стороне которой были вычеканены слова богов.

Когда они добрались до дна колодца, Тарака сказал:

— Давай освободим и запертых в пещерах.

И они отправились в путь по глубинным переходам, освобождая пленников потайных каменных мешков.

И шло время, и он потерял ему счет, как потерял счет и освобожденным демонам, и наконец все они оказались на воле.

Ракшасы собрались на дне колодца и, выстроившись одной огромной фалангой, слили свои крики в единую ровную звенящую ноту, которая перекатывалась и билась у него в голове, пока он наконец не понял, вздрогнув от своей мысли, что они поют.

— Да, — сказал Тарака, — и впервые за целые века делают они это.

Сэм вслушивался в звучавшие внутри его черепа звуки, вылавливал фрагменты смысла из-под вспышек и свиста, и наполнявшие их пение чувства отливались в слова и строки, значение которых находило отзвук и в его собственном разумении.

Мы пали с небес
В Адов Колодезь
От руки человека,
Забудь его имя!

Мир этот был нашим
До человека,
Станет он нашим
Вновь без богов.

Горы падут, высохнет
Море, луны исчезнут.
Мост Богов рухнет,
Прервется дыханье.

Но мы будем ждать.
Когда падут боги,
Когда падут люди,
Восстанем мы снова.

Сэм содрогнулся, послушав, как вновь и вновь повторяли они на разные лады этот напев, перечисляя свои канувшие в Лету триумфы и подвиги, без остатка доверяя своей способности претерпеть, переждать любые обстоятельства, встретить

любую силу приемом космического дзюдо — толкнув-потянув и выждав, чтобы понаблюдать, как их недруги обращают свою силу на самих себя и исчезают. В этот миг он почти верил, что правдой обернется их песня, что когда-нибудь одни ракшасы будут пролетать над обезображенным оспинами ландшафтом мертвого мира.

Затем он подумал о другом и сумел вытеснить из своего рассудка и мелодию, и жутковатое настроение. Но в следующие дни, а иногда даже и годами позже, возвращалось оно к нему, отравляя его усилия, насмехаясь над радостями, заставляя сомневаться, признавать свою вину, печалиться — и тем самым преисполняться смирения.

Спустя некоторое время вернулся на дно колодца один из ракшасов, посланных ранее на разведку. Он повис в воздухе и начал отчитываться об увиденном. Пока он говорил, огонь его перетек в некое подобие Т-образного креста.

— Это форма той колесницы, — пояснил он, — которая просверкнула по небу и упала, остановившись в долине позади южного отрога.

— Бич, ведомо ли тебе это судно? — спросил Тарака.

— Я слышал ее описание, — ответил Сэм. — Это громовая колесница Великого Шивы.

— Опиши ее седока, — велел демону Тарака.

— Их четверо, Господин.

— Четверо?

— Да. Первый из них — тот, кого ты называл Агни, богом Огня. Рядом с ним воин, вороненый шлем которого венчают бычьи рога; доспехи его по виду напоминают старинную бронзу, но отнюдь не из бронзы они; сработаны они словно из множества змей и ничуть не отягчают его движений. В руке держит он поблескивающий трезубец, и нет у него щита.

— Это Шива, — вмешался Сэм.

— Дальше идет еще один, облаченный во все красное, и мрачен его взгляд. Он не разговаривает, но время от времени взгляд его падает на женщину, что идет рядом, слева от него. Светла она и лицом, и волосами; латы ее поспорят цветом с его одеждами. Глаза ее — как море, и часто раздвигает улыбка ее губы, алые, как человеческая кровь. На грудь ей свисает ожерелье из черепов. Вооружена она луком и коротким ме-

чом, а в руке держит странный инструмент, что-то вроде черного скипетра, кончающегося серебряным черепом, вставленным внутрь колеса.

— Эти двое — Яма и Кали, — сказал Сэм. — А теперь послушай меня, Тарака, могущественнейший среди ракшасов, и я расскажу тебе, кто выступает против нас. Силу Агни ты уже вполне изведал, о Яме я тебе говорил раньше. Ну а та, кто идет рука об руку с ним, тоже способна выпивать взглядом жизнь. Ее скипетр вопит под стать трубам, возвещающим конец Юги, и всякий, кто попадет под его вой, впадает в уныние и помрачается сознанием. Ее должно опасаться не менее ее спутника, а тот ведь и безжалостен, и непобедим. Ну а обладатель трезубца — это сам бог Разрушения. Конечно, Яма — Царь Мертвых, Агни — Бог Огня, но сила Шивы превыше, это сила самого хаоса. Она отщепляет атом от атома, рушит форму любого предмета, на который обращен его трезубец. Против этой четверки не могут выстоять все силы Адова Колодезя. Давай же скорее покинем это место, ведь они наверняка именно сюда и направляются.

— Разве я не обещал тебе, Бич, — промолвил в ответ Тарака, — что помогу тебе в битве с богами?

— Да, но я-то говорил о внезапном нападении. Эти же приняли свои Облики и обрели Атрибуты. Если бы они так решили, им бы даже не пришлось приземляться, они могли просто уничтожить с воздуха всю Чанну целиком — и сейчас бы на ее месте, здесь, в самом центре Ратнагари, зиял бездонный кратер. Мы должны бежать, чтобы сразиться с ними позже.

— Ты помнишь проклятие Будды? — спросил Тарака. — Помнишь, как ты обучил меня вине, Сиддхартха? Я-то помню, и я чувствую, что задолжал, что должен вернуть тебе сейчас победу. Я должен тебе за твои муки и отдам в качестве платы этих богов.

— Нет! Если ты хочешь услужить мне, сделай это когда-нибудь потом! А сейчас унеси меня отсюда — побыстрее и подальше!

— Ты что, боишься встретиться с ними, Князь Сиддхартха?

— Да, боюсь. Ибо это безрассудная дерзость! «Мы подождем, мы будем ждать, восстанем мы снова!» — так вы пели? Куда же подевалось терпение ракшасов? Вы говорите, что будете ждать, пока высохнут моря и сровняются горы, пока с небес не исчезнут луны, — и вы не можете подождать, пока я

не назову время и место решающей битвы! Я знаю их, этих богов, не в пример лучше вас, ибо однажды был одним из них. Не горячись сейчас. Если ты хочешь услужить мне, избавь меня от этой встречи!

— Хорошо. Я услышал тебя, Сиддхартха. Твои слова подействовали на меня. Но я бы хотел испытать их силу. И посему пошлю против них нескольких ракшасов. Ну а мы с тобой отправимся далеко, в далекое путешествие к самым корням этого мира. Там подождем мы победных реляций. Если же ракшасы, увы, проиграют эту схватку, тогда унесу я тебя далеко-далеко отсюда и возвращу тебе твое тело. А пока я поношу его еще несколько часов, чтобы посмаковать твои страсти в этой битве.

Сэм склонил голову.

— Аминь, — сказал он, и что-то в его теле пузырилось, что-то покалывало, когда оно само собою поднялось над полом и понеслось по просторным подземным коридорам, не ведомым никому из людей.

И пока проносились они из комнаты в комнату, из залы в залу, вниз по туннелям, провалам и колодцам, сквозь каменные лабиринты, гроты и коридоры, Сэм отдался потоку своих воспоминаний, и свободно потекли они, все глубже и глубже погружаясь в прошлое. Вспоминал он о днях своего свежеиспеченного пастырства, когда решился он привить черенок древнего учения Гаутамы к стволу заправляющей миром религии. Вспоминал о странном ученике своем, Сугате, рука которого не скупилась ни на смерть, ни на благословения. Будет течь время, и жизни их станут потихоньку сплавляться воедино, перемешаются их деяния. Он прожил слишком долго, чтобы не знать, как перетасует время колоду легенд. Да, был в истории и реальный Будда, теперь он знал это. Выдвинутое им учение, пусть и незаконно присвоенное, захватило этого истинно верующего, и он сумел-таки достичь просветления, своей святостью оставил в людских умах след, а затем по собственной воле передал себя в руки самой Смерти. Татхагата и Сугата станут частями единой легенды, да, он знал об этом, и будет Татхагата сиять, отражая свет своего ученика. В веках останется жить только одна дхамма. Затем его мысли вернулись к битве у Палаты Кармы и к трофейным машинам, все

еще сокрытым в надежном месте. И подумалось ему о бесчисленных перерождениях, через которые прошел он, о сражениях, в которых участвовал, о женщинах, которых любил, — сколько их накопилось за века; он думал, каким бы мог быть этот мир и каким он был на самом деле, каким — и почему. И опять его охватили гнев и ярость, когда подумал он о богах. Он вспомнил о днях, когда горстка их сражалась с ракшасами и нагами, гандхарвами и Морским Народом, с демонами Катапутны и Матерями Нестерпимого Зноя, с дакини и претами, скандами и пишачами, и победили они всех, освободили мир от хаоса и заложили для людей первый город. Он видел, как прошел этот город через все стадии, через которые только может пройти город, пока его обитатели не смогли однажды сплести воедино свои разумы и превратить самих себя в богов, принять на себя Облик, укрепивший их тела, закаливший волю, оживившие силой их желаний Атрибуты, которые со словно магической силой обрушивались на любого, против кого их только ни обратишь. Он думал о городе и богах, и ведомы ему были их красота и справедливость, уродство и неправота. Он вспоминал их великолепие и красочность, не имеющие ничего подобного во всем остальном мире, и он всхлипывал в своей ярости, ибо знал, что никогда не сможет почувствовать себя ни вполне правым, ни вполне неправым, им противостоя. Вот почему ждал он так долго, ничего не предпринимая. А теперь, что бы он ни сделал, все принесет сразу и победу, и поражение, успех и неудачу; к чему бы ни привели его поступки — будет ли град грезой мимолетной или длящейся вечно, — ему нести бремя вины.

Они ждали в темноте.

Ждали долго, молча. Время влачилось, словно старик, плетущийся в гору.

Они стояли на пятачке около черного провала колодца и ждали.

— А мы услышим?

— Может быть. А может быть, и нет.

— Что мы будем делать?

— Что ты имеешь в виду?

— Если они вовсе не придут. Долго ли мы будем ждать здесь?

— Они придут с песней.

— Надеюсь.

Но не пришло ни песни, ни движения. Время вокруг них застыло в неподвижности, ему здесь было некуда идти.

— Сколько времени мы уже ждем?

— Не знаю. Долго.

— Я чувствую, что не все в порядке.

— Ты, наверно, прав. Не подняться ли нам на несколько уровней и разведать обстановку — или выпустить тебя на свободу?

— Давай подождем еще немного.

— Хорошо.

И опять тишина. Они мерили ее шагами.

— Что это?

— Что?

— Звук.

— Я ничего не слышал, а ведь у нас одни и те же уши.

— Ушами не телесными — вот опять!

— Я ничего не слышал, Тарака.

— И не перестает. Словно вопль, только нескончаемый.

— Далеко?

— Да, весьма неблизко. Послушай со мной.

— Да! Думаю, это скипетр Кали. Битва, стало быть, в разгаре.

— Все еще? Значит, боги сильнее, чем я полагал.

— Нет, это ракшасы сильнее, чем полагал я.

— Побеждаем мы или проигрываем, Сиддхартха, в любом случае боги сейчас заняты. Если нам удастся с ними разминуться, вряд ли мы встретим сторожа у их корабля. Ты не хочешь его?

— Угнать громовую колесницу? Это мысль... Она и мощное оружие, и замечательный транспорт. Велики ли наши шансы?

— Я уверен, что ракшасы смогут задержать их, сколько понадобится, — а долог подъем из Адова Колодезя. Мы обойдемся без тропинки. Я устал, но еще могу пронести нас по воздуху.

— Давай поднимемся на несколько уровней и разведаем обстановку.

Они покинули свой пятачок у черного провала колодца, и время вновь начало отбивать свой счет, пока они поднимались вверх.

Навстречу им двигался светящийся шар. Он обосновался на полу пещеры и вырос в дерево зеленого огня.

— Как складывается битва? — спросил Тарака.

— Мы остановили их, — отвечал тот, — но не можем войти с ними в контакт.

— Почему?

— Что-то в них нас отталкивает. Я не знаю, как назвать это, но мы не можем заставить себя подойти к ним слишком близко.

— Как же тогда вы сражаетесь?

— Беспрерывный шквал камней и скал обрушиваем мы на них. Мечем огонь, и воду, и смерчи.

— И чем они отвечают?

— Трезубец Шивы прокладывает дорогу сквозь все. Но сколько бы он ни разрушал, мы обрушиваем на него только больше материи. И он стоит как вкопанный, возвращая в небытие шторм, который мы можем длить вечно. Иногда он отвлекается ради убийства, и тогда атаку отражает бог Огня. Скипетр богини замедляет того, кто оказывается перед ним, и, замедлившись, он встречает либо трезубец, либо руку или глаза Смерти.

— И вам не удалось нанести им какой-либо урон?

— Нет.

— Где они остановились?

— Спустившись, но не очень глубоко, по стене колодца. Они спускаются очень медленно.

— Наши потери?

— Восемнадцать.

— Значит, мы сделали ошибку, прервав ради битвы наше выжидание. Цена слишком высока, а мы ничего не выиграли... Сэм, как с колесницей? Будем пробовать?

— Ради нее стоит рискнуть... Да, давай попытаемся.

— Тогда ступай, — велел он ракшасу, который качал перед ним ветвями. — Ступай впереди нас. Мы будем подниматься по противоположной стене. Вы же удвойте свой напор. Не давайте им передышки, пока мы их не минуем. И потом удерживайте их на месте, чтобы мы успели увести колесницу из долины. Когда все будет сделано, я вернусь к вам в своей истинной форме, и мы сможем положить конец этой схватке.

— Слушаюсь, — ответил ракшас и повалился на пол, скользнул зеленой огненной змеей и исчез у них над головой.

Они бегом бросились вперед и вверх, сберегая подрастраченные силы Тараки для решающего броска сквозь тяготение.

Далеко они ушли под Ратнагари, и бесконечным казался им обратный путь.

Наконец они выбрались все-таки на дно колодца; там было достаточно светло, чтобы Сэм своими глазами мог видеть происходящее в вышине. В колодце стоял оглушительный грохот, и если бы они с Таракой общались при помощи речи, то здесь общению их пришел бы конец.

Словно некая фантастическая орхидея на эбеновом суку, цвело пламя на стене колодца. По взмаху жезла Агни оно изменило свои очертания, скорчилось. В воздухе, как светозарные насекомые, плясали ракшасы. Рев воздушных потоков смешивался с грохотом каменных глыб. И на все это накладывалось жуткое завывание серебряного черепа-колеса, которым Кали обмахивалась, словно веером; и страшнее всего было, когда его крик выходил за рамки слышимых звуков, но не прекращался. Скалы раскалывались, плавились и испарялись прямо в воздухе, их добела раскаленные осколки разлетались во все стороны, словно искры в кузнице. Они отскакивали от стен и пола, катились по склонам, теряя жар, рдели красными огнями в черных тенях Адова Колодезя. Стены колодца были покрыты оспинами, зарубками, бороздами там, где их коснулись пламя и хаос.

— Теперь, — сказал Тарака, — вперед!

Они поднялись в воздух и, прижимаясь к противоположной от богов стене, понеслись наверх. Ракшасы усилили натиск, и тем сильнее был отпор. Сэм заткнул уши руками, но это не помогало против раскаленных игл, втыкавшихся где-то позади его глаз, когда серебряный череп глядел в его сторону. Чуть левее его вдруг исчез целый пласт скал.

— Они не засекли нас, — сказал Тарака.

— Пока что, — ответил Сэм. — Этот проклятый бог Огня способен разглядеть движущуюся песчинку сквозь чернильное море. Если он повернется в нашу сторону, я надеюсь, ты сможешь увернуться от его...

— Вот так? — перебил Тарака, когда они вдруг очутились на добрый десяток метров выше и левее.

Теперь они выжимали из себя всю возможную скорость, они мчались прямо вверх, а по пятам их преследовала по стене колодца полоса плавящегося камня.

Но погоня тут же прервалась, это демонам удалось с душераздирающими воплями отколоть от стен несколько гигантских глыб и в потоке ураганного ветра и полотнищ огня обрушить их на богов.

Они добрались до горловины колодца, перевалили за ее край и поспешно отступили в сторону, стремясь выйти из опасной зоны.

— Теперь надо обойти весь колодец, чтобы добраться до коридора, ведущего наружу.

Из колодца вынырнул ракшас и устремился к ним.

— Они отступают! — закричал он. — Богиня упала, и Красный поддерживает ее, так они и бегут от нас!

— Они не отступают, — сказал Тарака. — Они стремятся отрезать нас. Преградите им путь! Разрушьте тропу! Скорее!

Ракшас метеором ринулся обратно в колодец.

— Бич, я устал. Я не знаю, смогу ли я перенести нас с площадки у входа к подножию горы.

— Но, может, хоть часть пути?

— Да.

— Первые метров сто, где тропинка очень узка?

— Думаю, да.

— Хорошо!

Они побежали.

Когда они убегали по краю жерла Адова Колодезя, из глубины вынырнул еще один ракшас и пристроился к ним.

— Докладываю! — закричал он. — Мы разрушали тропу дважды. Но всякий раз Владыка Огня прожигал новую тропу!

— Значит, с этим ничего не поделаешь! Оставайся с нами! Твоя помощь понадобится нам для другого.

И он помчался перед ними, красным клином освещая им путь.

Они обогнули колодец и бросились к туннелю. Подбежали к входной двери, распахнули ее и выскочили на площадку. Сопровождавший их ракшас захлопнул за ними дверь и вымолвил:

— Гонятся!

Сэм шагнул с площадки. Только он начал падать, как дверь вдруг вспыхнула нестерпимым светом и тут же пролилась расплавленным металлом на площадку.

С помощью второго ракшаса они благополучно спустились до самого подножия Чанны и, не теряя ни секунды, бро-

сились по огибающей его тропинке, чтобы отгородиться от преследования всем телом горы. И тут же пламя хлестнуло по камню, на который они приземлились.

Второй ракшас взлетел высоко в воздух, сделал круг и исчез.

Они бежали по тропе в сторону долины, где стояла колесница. Когда они добрались до входа в нее, вернулся ракшас.

— Кали, Яма и Агни спускаются, — доложил он. — Шива остался сзади, он караулит коридор. Ведет погоню Агни. Красный помогает богине, она хромает.

Их взору открылась громовая колесница. Стройная, без всяких украшений, цвета бронзы, хотя и не из бронзы, стояла она посреди широкого луга. Напоминала она положенный набок минарет, или ключ от квартиры гиганта, или какую-то деталь небесного музыкального инструмента, выскользнувшую из ярко сияющего в ночи созвездия и упавшую на землю. Казалось, что в чем-то она не завершена, хотя глаз и не мог придраться к элегантным ее очертаниям. Она обладала той особой красотой, свойственна которая только самому изощренному оружию и достижима только вместе с функциональной целесообразностью.

Сэм подошел к ней, отыскал люк и влез внутрь.

— Ты можешь управлять ею, Бич? — спросил Тарака. — Сможешь пронестись по небосводу, расплескивая по земле разрушение?

— Я уверен, что Яма постарался сделать управление как можно более простым. Рациональность — его конек. Я летал раньше на реактивниках Небес и бьюсь об заклад, что здесь управление вряд ли сложнее.

Он нырнул в кабину, уселся в кресло пилота и уставился на панель перед собой.

— Черт! — пробурчал он, протянув вперед руку и тут же ее отдернув.

Внезапно вновь появился ракшас, он просочился сквозь металлическую обшивку колесницы и завис над консолью.

— Очень быстро идут боги, — выпалил он. — Особенно Агни.

Сэм щелкнул несколькими переключателями и нажал на кнопку. Зажглись циферблаты и индикаторы всех приборов на контрольной панели, внутри нее раздалось приглушенное гудение.

— Далеко ли он? — спросил Тарака.

— Почти посреди склона. Он расширил тропу своим пламенем и теперь бежит по ней, будто по дороге. Он выжигает все препятствия. Он прокладывает прямой путь.

Сэм потянул за ручку управления и, ориентируясь по показателям горевших на панели индикаторов, начал вращать верньер, чтобы перевести стрелку одной из шкал в нужное положение. По кораблю пробежала дрожь.

— Ты готов? — спросил Тарака.

— Я не могу взлететь, пока она не прогрелась. На это нужно время. Да еще и управление здесь много мудренее, чем я ожидал.

— Погоня близка.

— Да.

Издалека, перекрывая нарастающий рык колесницы, донеслись звуки нескольких взрывов. Сэм передвинул рукоятку еще на одно деление и подстроил верньер.

— Я приторможу их, — сказал ракшас и исчез той же дорогой, как и появился.

Сэм передвинул рукоятку сразу на два деления, где-то внутри что-то треснуло, и все затихло. Корабль замер в безмолвии.

Он вернул рукоятку в исходное положение, крутанул верньер и вновь нажал на кнопку.

И вновь дрожь пробежала по колеснице, где-то что-то заурчало. Сэм передвинул рукоятку на одно деление, подкрутил верньер.

Он тут же повторил эту процедуру, и урчание превратилось в сдержанное рычание.

— Все, — сказал Тарака. — Мертв.

— Что? Кто?

— Тот, который попытался остановить Повелителя Пламени. Ему это не удалось.

Опять послышались взрывы.

— Они разрушают Адов Колодезь, — сказал Тарака.

Сэм ждал, не снимая руки с рукоятки, лоб его был усеян капельками пота.

— А вот и он — Агни!

Сэм поглядел сквозь длинный, наклонный защитный щит.

Бог Огня вступил в долину.

— Пора, Сиддхартха.

— Еще нет, — сказал Сэм.

Агни взглянул на колесницу, поднял свой жезл.

Ничего не случилось.

Он стоял, направляя на них жезл, потом опустил его вниз, встряхнул.

Поднял еще раз.

И опять никаких следов пламени.

Левой рукой он покопался у себя в ранце, из жезла выплеснулся поток света и выжег рядом с ним в земле здоровенную дыру.

Он опять нацелил жезл.

Ничего.

Он бросился бегом к кораблю.

— Электролокация? — спросил Тарака.

— Да.

Сэм потянул рукоятку, вновь подстроил приборы. Вокруг все уже ревело.

Он нажал еще одну кнопку, и из хвоста корабля донесся какой-то скрежет. Он повернул очередной верньер, и в этот миг Агни добрался до люка.

Вспышка пламени и лязг металла.

Он встал со своего места и выскочил из кабины в коридор.

Агни был внутри, он целился своим жезлом.

— Не шевелись, Сэм — или Демон! — закричал он, перекрывая рев моторов, и линзы на его глазах со щелчком стали красными. — Демон, — повторил он. — Не шевелись, или же ты и твой хозяин сгорите в тот же миг!

Сэм прыгнул на него.

Агни даже не пытался защищаться, ему и в голову не приходило, что такое возможно, и он упал от первого же удара.

— Короткое замыкание, а? — приговаривал Сэм, нанося ему удар поперек горла. — Или солнечные пятна? — и двинул ему по скуле.

Агни перевалился на бок, и Сэм нанес ему ребром ладони последний удар прямо под адамово яблоко.

Он отбросил жезл и бросился задраивать люк, но тут же понял, что опоздал.

— А теперь, Тарака, уходи, — сказал он. — Теперь уже биться мне одному. Тебе ничего не сделать.

— Я обещал помочь.

— Но ничем не можешь. Уходи, пока цел.

— Как скажешь. Но последнее, что я должен сказать тебе...

— Потом! В следующий раз, когда свидимся.

— Бич, я про то, чему научился у тебя, — так жаль. Я...

Внутри его тела и разума возникло мучительнейшее, скручивающее его в жгут чувство, это взгляд Ямы упал на него, ударил глубже самого его существа.

Кали тоже уставилась прямо ему в глаза, поднимая перед собой верещащий скипетр.

Казалось, что поднялся один занавес и опустился второй.

— Пока, Бич, — возникли у него в мозгу слова.

И череп взвыл.

Он почувствовал, что падает.

Что-то пульсировало.

У него в голове. И вообще повсюду.

От этой пульсации он и очнулся — и тут же почувствовал, что весь опутан болью и бинтами.

А в лодыжках и запястьях еще и цепью.

Он полусидел, привалившись спиной к переборке, в тесном отсеке. Рядом с дверью сидел и курил некто в красном.

Яма кивнул, но ничего не промолвил.

— Почему я жив? — спросил его Сэм.

— Ты жив, чтобы выполнить соглашение, заключенное много лет тому назад в Махаратхе, — сказал Яма. — Брахма, тот особенно жаждет повидать тебя еще раз.

— М-да, я-то не особенно жажду повидать Брахму.

— С течением лет это стало довольно-таки очевидным.

— Как я погляжу, пески нисколько не повлияли на твои мыслительные способности.

Тот улыбнулся.

— Мерзкий ты тип, — сообщил он.

— Знаю. И постоянно поддерживаю форму.

— Как я понимаю, сделка твоя лопнула?

— Увы, ты прав.

— Быть может, ты сумеешь возместить свои потери. Мы на полпути на Небеса.

— Думаешь, у меня есть шанс?

— Вполне может статься. Времена меняются. На этой неделе Брахма может оказаться весьма милосердным божеством.

— Мой трудотерапист советовал мне специализироваться в проигранных процессах.

Яма пожал плечами.

— А что с демоном? — спросил Сэм. — С тем, что был со мной?

— Я достал его, — сказал Яма, — и преизрядно. Не знаю, прикончил или только отшвырнул. Но ты можешь об этом больше не беспокоиться. Я окропил тебя демоническим репеллентом. Если эта тварь все еще жива, не скоро оправится она от встречи со мной. Может быть, никогда. А как это тебя угораздило? Я считал, что если кто и невосприимчив к одержимости демонами, так это именно ты.

— Я считал точно так же. Ну а демонический репеллент — это что?

— Я обнаружил химическое соединение, безобидное для нас, но невыносимое для энергетических существ.

— Удобная штуковина. Была бы как нельзя кстати в дни Обуздания.

— Да. Мы использовали его в Колодезе.

— Как мне показалось, это было настоящее сражение.

— Да, — сказал Яма. — А на что похоже, когда ты одержим демоном? Как себя чувствуешь, когда тебя подчинила себе чужая воля?

— Очень странно, — объяснил Сэм. — Пугаешься, но в то же время многому и учишься.

— Чему же?

— Этот мир принадлежал сначала им, — сказал Сэм. — Мы его у них отняли. С какой стати должны они отказываться от того, что мы в них ненавидим? Для них-то ведь это мы — демоны.

— Ну а как себя чувствуешь в подобном положении?

— Когда тебя подчинила чужая воля? Ты и сам знаешь.

Улыбка сползла с лица Ямы, потом вернулась.

— Тебе хотелось бы, чтобы я тебя ударил, не так ли, Будда? Ты бы смог почувствовать свое превосходство. К несчастью, я садист и делать этого не буду.

Сэм засмеялся.

— *Туше*, Смерть, — сказал он.

Некоторое время они сидели молча.

— Не угостишь ли сигареткой?

Яма протянул ему сигарету, дал закурить.

— А как теперь выглядит Опорная База?

— О, ты бы едва ли узнал ее, — промолвил Яма. — Если бы все на ней вдруг сейчас умерли, она идеально функциони-

ровала бы ближайшие десять тысяч лет. Цвели бы цветы, играла музыка, фонтаны переливались всеми цветами радуги. По-прежнему накрывались бы столы в садовых павильонах. Сам Град ныне бессмертен.

— Подходящее обиталище, как я понимаю, для тех, кто провозгласил себя богами.

— Провозгласил себя? — переспросил Яма. — Ты не прав, Сэм. Божественность не сводится к имени или ярлыку. Это некое состояние личного бытия. Просто бессмертием его не достигнешь, ведь даже последний батрак на полях вполне может добиться непрерывности своего существования. Может быть, тогда дело в пестовании Облика? Нет. Любой поднаторевший в гипнозе может играть во всевозможные игры со своим образом. Или в обретении Атрибута? Конечно, нет. Я могу спроектировать машины намного более мощные и точные, чем любая способность, которую может вызвать и развивать в себе человек. Быть богом — это быть способным быть самим собой, причем до такой степени, что страсти твои соответствуют уже силам мироздания, и видно это любому, кто на тебя ни посмотрит, и нет надобности называть твое имя. Один древний поэт сказал, что весь мир наполнен отголосками и соответствиями. Другой сочинил длинную поэму об аде, в котором каждый человек претерпевает мучения, вызываемые как раз теми силами, которые управляли его жизнью. Быть богом — это быть способным распознать в самом себе все поистине важное и потом взять тот единственный тон, который обеспечит ему созвучие со всем сущим. И тогда вне морали, логики или эстетики становишься ты ветром или огнем, морем, горным кряжем, дождем, солнцем или звездами, полетом стрелы, вечерними сумерками, любовным объятием. Становишься главным, благодаря главной своей страсти. И говорят тогда взирающие на богов, даже и не зная их имен: «Это Огонь. Это Танец. Это Разрушение. Это Любовь». Итак, возвращаясь к твоим словам, они не провозглашали себя богами. Это делают все остальные, все, кто видит их.

— Значит, вот так они и тренькают на своих фашистских балалайках, да?

— Ты выбрал неудачное прилагательное.

— Ты уже израсходовал все остальные.

— Похоже, что в этом вопросе нам никогда не найти общей точки.

— Если в ответ на вопрос, почему вы угнетаете мир, ты разражаешься нескончаемой поэтической белибердой, то, естественно, нет. Думаю, тут просто не может быть общих точек.

— Тогда давай найдем другую тему для разговора.

— Хотя действительно, глядя на тебя, я говорю: «Это Смерть».

Яма не ответил.

— Странная у тебя — как ты сказал? — главная страсть. Я слышал, что ты был стар, прежде чем стал молодым...

— Ты же знаешь, что так оно и было.

— Ты был механиком-вундеркиндом и мастером оружия. Ты потерял отрочество во вспышке пламени и в тот же день стал стариком. Не в этот ли момент стала смерть твоей главной страстью? Или же это произошло раньше? Или позже?

— Не играет роли, — отрезал Яма.

— Ты служишь богам, потому что веришь во все, о чем говорил мне, или потому, что ненавидишь большую часть человечества?

— Я не лгал тебе.

— Оказывается, Смерть — идеалист. Забавно.

— Ничего забавного.

— Или, может быть, ни одно из этих предположений не справедливо? Может быть, главная твоя страсть...

— Ты уже упоминал ее имя, — перебил Яма, — в той самой речи, в которой сравнивал ее с болезнью. Ты был не прав тогда, и ты не прав и сейчас. Я не намерен выслушивать твою проповедь еще раз, а так как в данный момент вокруг не видно зыбучих песков, то слушать ее я и не буду.

— Иду на мировую, — сказал Сэм. — Но скажи мне, меняются ли когда-нибудь у богов главные страсти?

Яма улыбнулся.

— Богиня танца была когда-то богом войны. Так что похоже, что все может измениться.

— Только умерев подлинной смертью, — заявил Сэм, — изменюсь я. Но до самого того момента я буду с каждым вздохом ненавидеть Небеса. Если Брахма обречет меня на сожжение, я плюну в пламя. Если он повелит удушить меня, я постараюсь укусить руку палача. Если он рассечет мне грудь, кровь моя, надеюсь, разъест клинок ржавчиной. Ну как, это главная страсть?

— Ты — отличный материал для бога, — кивнул Яма.

— О боже! — иронически протянул Сэм.

— До того, как случится то, что случится, — сказал Яма, — тебе, как было мне обещано, разрешено поприсутствовать на свадьбе.

— Свадьбе? Ты и Кали? И скоро?

— В меньшее полнолуние, — ответил Яма. — Итак, что бы ни решил Брахма, я по крайней мере смогу до тех пор поднести тебе хорошую выпивку.

— За это спасибо, бог Смерти. Но мне всегда казалось, что свадьбы не вершатся на Небесах.

— Эта традиция доживает последние дни. Нет никаких священных традиций.

— Тогда удачи, — сказал Сэм.

Яма кивнул, зевнул, закурил очередную сигарету.

— Между прочим, а какая сейчас на Небесах мода на казни? Я спрашиваю из чистой любознательности.

— Казни не вершатся на Небесах, — сказал Яма, выдвигая ящик и вынимая из него шахматную доску.

Глава 5

Из Адова Колодезя вознесен он был на Небеса, чтобы пообщаться там с богами. Много тайн скрывает в себе Небесный Град, можно отыскать среди них и ключи к его прошлому. Не все, что случилось, пока был он там, известно. Известно, однако, что выступил он перед богами ходатаем за судьбы мира, снискав тем самым симпатии одних и враждебность других. Избери он изменить человечеству и принять предложения богов — и, как говорит кое-кто, мог бы он навсегда остаться в Граде Князем, а не встретить свою смерть в когтях призрачных кошек Канибуррхи. Злые языки утверждают, правда, что принял он это предложение, но потом предали уже его самого, и только после этого, в последние дни свои, опять был он целиком на стороне страдающего человечества, но дней этих оставалось слишком мало...

Препоясанная молниями, носительница штандарта, вооруженная мечом, копьем, луком, пожирающая, поддерживающая, Кали, ночь времени в конце кальпы, скитающаяся по миру в но-

чи, сохранительница, обманщица, безмятежная, любимая и любезная, Брахмани, Мать Вед, обитательница таинственных, безмолвных мест, предвещающая добро, нежная, всеведущая, быстрая, как мысль, носящая черепа, одержимая силой, сумеречная, трудноодолимая воительница, сострадательная и милосердная, пролагающая путь заблудшему, дарительница благ, учитель, доблесть в облике женщины, с переменчивым сердцем, предающаяся суровому аскетизму, чародейка, парня, бессмертная и вечная...

Арьятарабхаттаримаштоттарасатакастотра (36—40)

И вот, как столь часто бывало и в прошлом, ее белоснежную шерсть погладил ветерок.

Она прогуливалась там, где колыхались лимонно-желтые травы, она кралась по тропинке, вившейся среди темных деревьев, усыпанных тропическими цветами; справа от нее высились яшмовые утесы, то тут, то там выходили на поверхность жилы молочно-белой породы, пронизанной оранжевыми капиллярами.

И вот, как столь часто бывало ранее, бесшумно ступали по тропинке подушечки ее огромных кошачьих лап, ветер поглаживал белую, как мрамор, шерсть, тысячами оттенков колыхались вокруг нее ароматы джунглей — там, в сумеречном месте, которое существовало лишь наполовину.

Она шла одна по извилистой тропе через джунгли, которые были отчасти иллюзией. Белые тигры — одинокие охотники. Если и прогуливались в округе другие, ни один из них не искал общества себе подобных.

И вот, как столь часто бывало ранее, глядела она на гладкую серую скорлупу небосвода и на звезды, сверкавшие на ней, словно крохотные осколки льда. Полумесяцы ее глаз расширились, она остановилась и, глядя вверх, уселась.

За какой же добычей рыщет она?

Сдавленный, утробный звук вырвался у нее из пасти и прервался, будто она подавилась кашлем. Неожиданно вспрыгнув на высокую скалу, уселась она там, вылизывая шерсть у себя на плечах. Показалась луна, и она уставилась на нее — фигура, словно слепленная из нетающего снега, — из-под бровей сверкали топазы глаз.

И вот, как и раньше, не могла она до конца разобраться, настоящие ли джунгли Канибуррхи ее окружают. Она чувст-

вовала, что находится все еще под сенью настоящего леса, но не могла доподлинно убедиться в этом.

За какой же добычей рыщет она?

Расположены Небеса на плато, бывшем когда-то горным хребтом. Горы эти были сглажены и сплавлены друг с другом, чтобы получилась из них ровная площадка. С зеленого юга доставили потом плодородную почву, дабы нарастить мясо на кости полученного так скелета. И всю эту область, словно огромная банка, накрыл купол прозрачного свода, предохраняя ее от полярной стужи и не допуская внутрь ничего постороннего.

Выше всяких крайностей вознеслись Небеса, царство умеренности, и безмятежно наслаждаются они долгими своими сумерками и неспешными, полными праздности днями. Свежий, подогреваемый, пока он всасывается, воздух циркулирует по Граду и лесу. Прямо внутри купола можно собрать облака, можно сгустить их в тучи, можно оросить дождем любое место, какое только пожелаешь. Можно сделать и так, чтобы выпал снег, хотя никто никогда этого и не делал. На Небесах всегда лето.

И посреди летних Небес стоит Небесный Град.

Вырос он не так, как растят обычно люди свои города: вокруг порта или среди плодородных равнин, пастбищ, охотничьих угодий, на скрещении торговых путей или поблизости от богатых залежей того или иного нужного людям ресурса. Небесный Град возник из эфемерной концепции в мозгу первых его обитателей. И рос он не медленно и наполовину случайно, не так, как другие города: построим-ка здесь дом, проложим проспект прямо через этот массив, разрушим одно, чтобы построить другое, — после чего, естественно, все отдельные части сочетаются в неуклюжее и нелепое целое. Нет. Учтены были все соображения, связанные с удобством и пользой, расчислен с точки зрения великолепия целого каждый дюйм — сначала проектировщиками, а затем реализующими проекты машинами. Планы эти были согласованы и претворены в жизнь несравненным художником от архитектуры. Вишну-Хранитель удерживал у себя в мозгу весь Небесный Град — до того самого дня, когда облетел он на Прекраснокрылом Гаруде вокруг Шпиля Высотою В Милю, поглядывая вниз, и весь Небесный Град отразился в капельке пота у него на лбу.

Итак, возникли Небеса из разума одного бога, который

учел, правда, пожелания своих сотоварищей. И расположились они — скорее по выбору, чем по необходимости, — среди дикого нагромождения льдов, снега и скал, на извечном Полюсе мира, где дом себе могли устроить только поистине могущественные.

(За какой же добычей рыщет она?)

А рядом с Небесным Градом раскинулся под куполом свода огромный лес Канибуррхи. В мудрости своей узрел Вишну, что должно соблюсти равновесие между столицей и дикой природой.

В то время как природа вполне может обойтись без всяких городов, обитателям оных требуется все же нечто большее, чем симпатичные культурные насаждения. Если бы весь мир был городом, рассуждал Вишну, превратили бы горожане часть его в пустошь, ибо в каждом кроется нечто, жаждущее, чтобы кончался где-то порядок и начинался хаос. И вот вырос у него в мозгу лес — стремящий сквозь себя потоки и пронизанный запахами свежести и гнили, наполненный криками неведомых городу тварей, ютящихся под его сенью, содрогающийся под напором ветра и блестящий под дождем, постоянно погибающий и взрастающий вновь.

Подступали дебри к самой границе Града, но не проникали в него, ибо был на это наложен запрет, — и точно так же и сам Град придерживался своих границ.

Но хищниками были некоторые из обитателей леса, и этим не было положено предела в их свободе, могли они идти, куда захотят. А царили среди них тигры-альбиносы. И предписано было богами, чтобы не могли взглянуть призрачные кошки на Небесный Град; и велено было глазам их — через посредство стоящей за ними нервной системы — свидетельствовать, что не было там никакого Града. Внутри их кошачьего мозга весь мир сводился к джунглям Канибуррхи. Они прохаживались по улицам Небес, крадясь по следу в джунглях. Когда проходящий мимо бог поглаживал их, казалось им, что это ветер теребит шерсть. Поднимались они по ступеням широких лестниц — нет, взбирались по каменистому склону. Дома были для них отвесными скалами, статуи — деревьями; невидимками были для них прохожие. Ну а если бы кто-нибудь из Града зашел в настоящий лес, тогда уже и бог, и кошки оказались бы на одном уровне существования — в лоне уравновешивающей природы.

И опять она кашлянула, как столь часто делала и раньше, а ее белоснежную шерсть погладил ветерок. Призрачная кошка, которая уже три дня бродила вокруг да около по дебрям Канибуррхи, убивая и тут же пожирая свежую алую плоть своей добычи, время от времени оглашая окрестности призывными гортанными воплями гулящей кошки, вылизывая шерсть своим широким нежно-розовым языком, ощущая спиной влажное прикосновение дождевых капель, то роняемых на нее листвой высоченных деревьев, то потоками низвергающихся из чудесным образом скапливающихся в самом центре небосвода туч; которую, снедаемую огнем в чреслах, покрыл накануне ночью снежный обвал, лавина меха цвета смерти, исполосовавший когтями ее лопатки, и запах крови привел их обоих в еще большее исступление; которая мурлычет, когда на нее опускаются прохладные сумерки, приносящие с собою луны, схожие с переменчивыми полумесяцами ее глаз, — золотую, серебряную и мутную. Она сидела на скале, облизывая лапы, и пыталась понять, за какой же добычей рыщет.

В садах локапал возлежала Лакшми с Куберой, четвертым из Хранителей мира, на душистом ложе, установленном рядом с бассейном, в котором резвились апсары. Остальные трое из локапал отсутствовали в этот вечер... Хихикая, апсары брызгались ароматизированной водой в сторону ложа. Но тут как раз дунул в свою свирель Владыка Кришна. И тут же забыли девушки о Кубере-Толстом и Лакшми-Обворожительной, отвернувшись от них, оперлись они локтями о низенький бережок пруда и уставились во все глаза на темного бога, растянувшегося под цветущим деревом среди бурдюков с вином и из-под вина, среди объедков многочисленных трапез.

Он небрежно пробежался по восходящей и нисходящей гаммам какой-то непонятной раги и издал долгий заунывный звук, сменившийся переливами козлиного блеяния. Гаури-Белая, на раздевание которой потратил он битый час, а потом вроде бы забыл о ее существовании, встала у него из-под бока, нырнула в пруд и исчезла в одном из многочисленных подводных гротов. Он икнул, завел какую-то мелодию, резко оборвал ее, начал другую.

— А что, правду говорят о Кали? — спросила Лакшми.

— А что, собственно, о ней говорят? — проворчал Кубера, протягивая руку к кубку с сомой.

Она забрала кубок у него из рук, отпила и отдала обратно. Он осушил его залпом и поставил обратно на поднос, служанка тут же вновь его наполнила.

— Что она, чтобы отметить свою свадьбу, хочет человеческого жертвоприношения.

— Вполне вероятно, — сказал Кубера. — Очень даже в ее духе. Кровожадная сука, вот кто она такая. Всегда переселяется на праздник в какое-либо злобное животное. Однажды превратилась в огнеквочку и исполосовала Шитале все лицо — за какие-то ее слова.

— Когда это?

— Аватар десять-одиннадцать тому назад. Чертовски долго носила потом Шитала вуаль, пока наконец не было готово ее новое тело.

— Странная пара, — промолвила Лакшми на ухо Кубере, перестав для этого его покусывать. — Только твой друг Яма и сможет, наверное, с ней жить. Предположим, она рассердится на своего любовника и бросит на него свой смертельный взгляд. Кто, кроме него, может его снести?

— Понятия не имею, — сказал Кубера. — Так мы и потеряли Картикейю, бога Битв.

— Да?

— Да. Странная она. Как и Яма, но совсем по-другому. Ну да, он — бог Смерти. Его стиль — быстрое, чистое убийство. Кали же похожа скорее на кошку.

— Говорит ли когда-нибудь Яма о том, чем же это она его так покорила?

— Ты пришла сюда, чтобы собирать сплетни или чтобы породить их?

— И для того, и для другого, — отвечала богиня.

В этот момент принял Кришна свой Облик, обретая Атрибут божественного опьянения. И полилась тогда из его свирели неотвязная, прилипчивая мелодия — горькая и темная, терпкая и сладостная... Опьянение выплеснулось из него и заполнило весь сад перемежающимися волнами радости и печали. Он поднялся на ноги — гибкие, темные ноги — и медленно начал танец. Скучно и невыразительно было плоское лицо его; влажные темные волосы закручивались в тугие, точно проволочные, кольца, такой же проволокой курчавилась и борода. Апсары одна за другой вылезали из воды и подстраивались к танцу. Свирель его скиталась среди неведомых троп

древних мелодий и постепенно обрела горячечную неистовость; сам он двигался все быстрее и быстрее, пока наконец не пустился в раса-лилу, Танец Вожделения; вслед за ним, все наращивая скорость, закружились на месте, сжимая ладонями свои бедра, и небесные танцовщицы.

Лакшми ощутила, как теснее стали объятия Куберы.

— А вот и Атрибут, — сообщила она.

Рудра Угрюмый натянул свой лук и спустил тетиву. Стрела отправилась в полет, чтобы через некоторое время упокоиться в самом центре далекой мишени.

Бог Муруган рядом с ним хмыкнул и опустил свой лук.

— Опять ты выиграл, — сказал он. — Мне тебя не превзойти.

Они ослабили тетивы своих луков и отправились к мишени забрать стрелы.

— Ты еще не встречался с ним? — спросил Муруган.

— Я знал его давным-давно, — сказал Рудра.

— Акселеристом?

— Тогда он им не был. Никем он не был — в смысле политики. Зато был одним из Первых, одним из тех, кто видел Симлу.

— Да?

— Он выдвинулся в войнах против Морского Народа и Матерей Нестерпимого Зноя.

При этих словах Рудра едва не перекрестился.

— Позже, — продолжал он, — об этом вспомнили и поставили его во главе Северного похода во время войн с демонами. В те дни он был известен как Калкин, и там-то его и прозвали Бичом. Он выработал Атрибут, который мог использовать против демонов. При его помощи он уничтожил большую часть якшей и обуздал и сковал ракшасов. Их он успел выпустить на волю, прежде чем Яма и Кали взяли его в плен у Адова Колодезя, что в Мальве. Так что теперь ракшасы вновь разгуливают по свету.

— Почему он сделал это?

— Яма и Агни утверждают, что он заключил с их главарем пакт. Они подозревают, что он сдал тому на время свое тело в обмен на обещание, что орды демонов будут воевать против нас.

— Они могут на нас напасть?

— Очень сомневаюсь. Демоны не идиоты. Если им не удалось совладать с четверыми из нас в Адовом Колодезе, вряд ли они рискнут напасть на нас на всех здесь, в Небесах. А кроме того, как раз сейчас Яма находится в Безбрежном Чертоге Смерти, разрабатывая специальное оружие.

— А где его потенциальная невеста?

— Кто знает? — пробурчал Рудра. — И кого заботит?

Муруган улыбнулся.

— Мне однажды показалось, что для тебя самого она была больше, чем мимолетным увлечением.

— Слишком холодна, слишком насмешлива, — сказал Рудра.

— Она тебе отказала?

Рудра повернул свое темное, никогда не улыбающееся лицо к смазливому богу Юности.

— Вы, божества плодовитости, еще хуже марксистов, — заявил он. — Вы думаете, что между людьми только это и есть. Мы просто-напросто одно время были друзьями, но она слишком строга к своим друзьям и всегда их теряет.

— Так она тебе не дала?

— Должно быть.

— А когда она взяла в любовники Моргана, поэта, певца батальной славы, который однажды поутру воплотился вороном и улетел прочь, ты так пристрастился к охоте на воронов, что буквально через месяц перестрелял своими стрелами на Небесах практически всех.

— И по-прежнему охочусь на воронов.

— Почему?

— Мне не по душе их голос.

— Да, она слишком холодна, слишком насмешлива, — согласился Муруган.

— Я не терплю насмешек от кого бы то ни было, бог-юноша. Обгонишь ли ты стрелы Рудры?

Муруган снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — и мои друзья локапалы тоже — да им и не будет нужды.

— Когда принимаю я свой Облик, — заговорил Рудра, — и поднимаю свой большой лук, дарованный мне самой Смертью, могу я послать самонаводящуюся по теплу тела стрелу, со свистом покроет которая мили и мили вдогонку за убегающей мишенью и поразит ее, как удар молнии, — насмерть.

— Поговорим тогда о чем-нибудь другом, — сказал Муруган, вдруг заинтересовавшись мишенью. — Как я понял, наш гость посмеялся несколькими годами ранее над Брахмой в Махаратхе и учинил насилие в святых местах. С другой стороны, ведь это вроде бы именно он основал религию мира и просветления.

— Он самый.

— Интересно.

— Договаривай.

— Что сделает Брахма.

Рудра пожал плечами.

— Пути Брахмы неисповедимы, — заключил он.

В месте, называемом Миросход, где за кромкой Небес нет ничего, кроме далекого мерцания Небесного свода и — далеко внизу — голой земли, прикрытой белесыми клубами испарений, стоит открытый всем ветрам Павильон Безмолвия, на круглую серую крышу которого никогда не падает дождь, по балюстрадам и балконам которого клубится поутру туман, разгуливает вечерами ветер, среди пустынных комнат которого можно подчас наткнуться то на восседающих на стылых, мрачных сиденьях, то прогуливающихся среди серых колонн задумчивых богов, сокрушенных воинов или изнемогающих от ран влюбленных, пришедших поразмыслить обо всем тщетном и пагубном сюда, под небо, что за пределами Моста Богов, в самое сердце каменистой местности, где цвета наперечет, а единственный звук дарует ветер, — там почти со времен Первых сиживали философ и колдунья, мудрец и маг, самоубийца и аскет, освободившийся от желаний и воли к возрождению или обновлению; там, в самом средоточии отречения и отказа, отстранения и исхода, имеется пять комнат, названных Память, Страх, Отчаяние, Прах и Безысходность; и построен был павильон этот Куберой Толстым, которому наплевать было на все эти чувства, но исполнил который, как друг Князя Калкина, повеление Чанди Лютой, известной так же и как Дурга или Кали, ибо единственный среди всех богов обладал он Атрибутом, сопрягающим одушевленное и неодушевленное, и мог тем самым окутать труды рук своих чувствами и страстями, которые суждено было пережить здесь посетителям места сего.

Они сидели в комнате, называемой Отчаяние, и пили сому, но никак не могли они напиться.

Во всем Павильоне Безмолвия царил полумрак, и только неустанно круживший по Небесам ветер шевелил их волосы.

В черных накидках сидели они на темных сиденьях, и рука его лежала поверх ее рук на разделявшем их столе, а по стене, что отгораживала Небеса от небосвода, проплывали гороскопы былых их дней; и хранили они молчание, перелистывая страницы минувших столетий.

— Сэм, — сказала она наконец, — разве плохо было это?

— Нет, — откликнулся он.

— А в те давние дни, до того как покинул ты Небеса, чтобы жить среди людей, — ты любил меня тогда?

— На самом деле я не помню, — промолвил он в ответ. — Это было так давно. Мы оба были тогда другими людьми — и умом, и телом. Вероятно, те двое, кто бы они ни были, любили друг друга. Я не могу вспомнить.

— Ну а у меня, словно это было вчера, встает в памяти весенняя пора этого мира — те дни, когда мы скакали бок о бок в битву, и те ночи, когда мы стряхивали звезды со свеженамаленного задника небесного окоема! Мир тогда был совсем юн, вовсе не тот, что сейчас, в каждом цветке, затаившись, ждала угроза, каждый рассвет был чреват взрывом. Вместе победили мы — ты и я — весь мир, ибо на самом деле никто не ждал нас здесь, и все противились нашему приходу. Мы прорубили, мы выжгли себе путь сквозь сушу и через море, мы сражались в морских глубинах и в высотах поднебесья, пока наконец некому стало препятствовать нам. Тогда отстроены были города, основаны королевства, и по своему выбору возносили мы кого заблагорассудится к вершинам власти, а потом, когда переставали они нас забавлять, вновь низвергали вниз. Что знают о той поре младшие боги? Как им понять ту власть, которая ведома была нам, Первым?

— Никак, — отозвался он.

— Когда возвели мы для своего двора дворец на берегу моря и я подарила тебе множество сыновей, когда корабли наши резвились в морском просторе, завоевывая острова, разве не прекрасны, не счастливы были те дни? А ночи, полные огня, запахов, вина?.. Разве ты не любил меня тогда?

— Да, те двое любили друг друга.

— Те двое? Разве мы совсем другие? Не так уж мы изме-

нились. Хотя века и проносятся мимо, внутри каждого остается нечто неизменное, неспособное стать другим, сколько бы ты ни надевал на себя тел, сколько бы ни заводил любовников и любовниц, свидетелем или участником скольких бы прекрасных или отвратительных событий ты ни становился, сколько бы дум ни передумал, сколько чувств ни перечувствовал. Твоя самость, твой атман стоит в центре всего этого и наблюдает.

— Разломи плод — и ты обнаружишь внутри косточку. Не это ли центр? Расколи косточку — и внутри ты не найдешь ничего. Не это ли центр? Мы уже совсем другие личности, а вовсе не те легендарные повелители битв. Хорошо, что мы познали их, но ныне это в прошлом.

— Ты отправился жить вне Небес из-за того, что устал от меня?

— Я хотел сменить точку зрения.

— Долгие, долгие годы ненавидела я тебя за твой уход. Затем пришло время, когда сидела я в комнате, называемой Безысходность, и не могла набраться смелости ступить за Миросход. Потом настала пора, когда я простила тебя и взывала к семерым риши, чтобы они явили мне твой образ, чтобы видела я, как проводишь ты свои дни, и словно опять вместе оказывались мы тогда. Иногда желала я твоей смерти, но ты обратил моего палача в своего друга, как обратил гнев мой в прощение. Неужто ты хочешь сказать, что ничего больше ко мне не испытываешь?

— Я хочу сказать, что я больше тебя не люблю. Замечательно было бы, если бы во всей вселенной нашлась хотя бы одна постоянная и неизменная вещь. Если и есть такая, то сильнее она, чем любовь, и мне о ней ничего не ведомо.

— Я не изменилась, Сэм.

— Подумай хорошенько, леди, обо всем, что ты сказала мне сегодня, обо всем, что напомнила. Вспоминала ты на самом деле не человека. Вспоминала ты дни резни, прошли вы сквозь которые с ним бок о бок. Эпоха уже не та, мир нынче укрощен. Ты же мечтаешь о былом, об огне и стали. Ты думаешь, что рассудок твой смущает человек, но нет, это судьба, которую разделили вы когда-то и которая миновала, а ты называешь ее любовью.

— Как бы я ни называла ее, она не изменилась! И дни ее не прошли. Она-то и постоянна во вселенной, и я зову тебя разделить ее со мною еще раз!

— А что с доблестным Ямой?

— Что с ним? Ты же имел дело с теми, кто мог быть ровней ему, — если бы пережил встречу с тобой.

— Так, значит, привлекает тебя лишь его Облик?

Под стать сумеркам и ветру, что окружали их, была ее улыбка.

— Конечно.

— Леди, леди, леди, — забудь меня! Ступай жить и наслаждаться любовью с Ямой. Прошли наши дни, и я не хочу вновь ворошить их. Они были прекрасны, но они в прошлом. Всему свое время, и всему приходит конец. Пришла пора закрепить победу человека над этим миром. Пора насаждать знания, а не скрещивать клинки.

— И ты готов сражаться с Небесами за это знание? Готов попытаться сломить Небесный Град, открыть миру его своды?

— Ты же знаешь, что это так.

— Тогда у нас еще может быть общее дело.

— Нет, леди, не обманывай сама себя. Ты предана Небесам, а не миру. Ты сама это знаешь. Если я завоюю себе свободу и ты примкнешь ко мне в моей борьбе, ты, может быть, будешь до поры до времени счастлива. Но выиграем мы или проиграем, боюсь, будешь ты в итоге несчастнее, чем сейчас.

— Послушай же меня, мягкосердечный святой из пурпурной рощи. Очень любезно с твоей стороны, что ты предвосхищаешь мои чувства, но Кали вольна распоряжаться своей преданностью как пожелает, и никому ничем не обязана. Она наемная богиня, запомни это! Может быть, все, что ты говорил, — правда, и она лжет, когда говорит тебе, что все еще тебя любит. Будучи, однако, беспощадной и преисполненной жажды битвы, ведома она запахом крови. Чувствую я, что она еще может стать акселеристкой.

— Следи за своими словами, богиня. Не ровен час, тебя услышат.

— Некому меня слушать, — сказала она в ответ, — ибо редко звучат здесь слова.

— Тем интересней будет, когда они прозвучат.

Она помолчала.

— Никто не слушает, — сказала она наконец.

— Ты стала сильнее.

— Да. А ты?

— Примерно как раньше, мне кажется.

— Так ты примешь мой меч, мои колесо и лук — во имя акселеризма?

— Нет.

— Почему?

— Слишком легко раздаешь ты посулы. И нарушаешь их с той же готовностью, что и даешь, посему никогда не смогу я тебе вполне довериться. Кроме того, если мы будем сражаться и победим во имя акселеризма, это вполне может стать последней великой битвой этого мира. Ты же не можешь желать подобного исхода — и даже просто дать ему свершиться.

— Глупо говорить о последних великих битвах, Сэм, ибо последняя великая битва — это битва, на которой еще не бывал. Не должна ли я явиться в более приятном обличии, чтобы убедить тебя, что говорю правду? Должна ли обнять я тебя в теле, запечатанном печатью девственности? Заставит ли это тебя доверять моим словам?

— Сомнение, леди, это девственность ума, и я ношу на своем его печать.

— Тогда знай, что привела я тебя сюда, только чтобы помучить. Ты прав — мне наплевать на твой акселеризм, и дни твои уже сочтены — мною. Мне хотелось заронить в тебя несбыточные надежды, чтобы тем горше было твое отрезвление. И спасли тебя от этого только твои вздорность и слабость.

— Прости, Кали...

— Мне не нужны твои извинения! Хотела бы я, однако, твоей любви, чтобы могла я ее использовать против тебя в последние дни и сделать их для тебя еще невыносимее. Но, как ты выразился, мы изменились слишком сильно — и ты больше не стоишь хлопот. Не думай, что я не смогла бы заставить тебя полюбить меня снова — ласками и улыбками, как когда-то. Ибо я чувствую в тебе жар, и легко распалить мне его в любом мужчине. Не заслуживаешь ты, однако, смерти, достойной могущественных, ибо низринут с высот страсти в пучину безысходности. И жаль мне тратить время для тебя на что-нибудь, кроме презрения.

Звезды вращались над ними, пылкие и независимые, и ее рука выскользнула из-под его руки, чтобы налить им еще сомы — согреть их в ночи.

— Кали?

— Да?

— Не знаю, принесет ли это в конце концов какое-либо

удовлетворение, но я все еще питаю к тебе особое чувство. Либо здесь не замешана любовь, либо каждый раз понимал я под этим словом нечто иное. Это чувство на самом деле без имени — и лучше его так и оставить. Так что прими его и уходи, забавляйся им. Ты же знаешь, что стоит нам покорить общих врагов — и мы опять вцепимся друг другу в горло. Много было у нас чудесных примирений, но стоило ли хоть одно из них тех мук, что ему предшествовали? Знай, что ты победила и что ты — богиня, которой я поклоняюсь, ибо не являются ли религиозное благоговение и поклонение смесью любви и ненависти, желания и страха?

Они выпили свою сому в комнате, называемой Отчаяние, и чары Куберы лежали на них.

Кали заговорила:

— Ну что, припасть к тебе, и поцеловать тебя, и сознаться, что лгала, когда говорила, что лгу, — чтобы ты мог рассмеяться и заявить, что лгал, чтобы добиться конечного отмщения? Давай же, Князь Сиддхартха! Лучше бы один из нас умер в Адовом Колодезе, ибо непомерна гордость Первых. Не стоило нам приходить сюда, в это место.

— Да.

— Тогда уйдем?

— Нет.

— Тут ты прав. Давай посидим здесь, отдадим друг другу должное.

Ее рука легла на его руку, погладила ее.

— Сэм.

— Да?

— Послушай, ты не хотел бы заняться со мною любовью?

— Подписывая тем самым себе приговор? Ну конечно.

— Пойдем тогда в комнату, именуемую Безысходность, где стихает ветер и где есть ложе...

И он пошел за нею от Отчаяния к Безысходности, и кровь все сильнее билась у него в жилах, и когда он уложил ее нагой на ложе и ощутил у себя под ладонью бархатную податливость белого ее живота, понял он, что воистину могущественнейшим среди локапал был Кубера, ибо чувство, которому посвящена была эта комната, переполняло его вместе с ростим в нем желанием, когда опустился он на нее, — и пришло расслабление, напряжение, вздох, и жгучие слезы — слезы, после которых уже ничему не быть, — пролились наружу.

— Что угодно тебе, Госпожа Майя?

— Расскажи мне об акселеризме, Так от Архивов.

Так резко выпрямил свое большое худое тело, и спинка его кресла должным образом отреагировала на это, с легким щелчком слегка откинувшись назад.

Позади него покоились банки данных, многочисленные редкие записи заполняли разноцветными переплетами длинные и высокие книжные полки, а воздух — своим затхлым запахом.

Он смерил взглядом стоявшую перед ним леди, улыбнулся и покачал головой. Она казалась совсем юной, неопытной, от этого напряженной, нетерпеливо глядящей на него; у нее были ослепительно рыжие волосы, а пикантный носик и кругленькие щечки усеяли россыпи бледных веснушек. Широкие бедра и плечи разделяла тонкая талия, явно строго-настрого вымуштрованная против подобной тенденции.

— Почему ты качаешь головой? Ведь все приходят за информацией именно к тебе.

— Ты так юна, госпожа. У тебя за спиной, если я не ошибаюсь, всего три аватары. Я уверен, что на этом этапе своей карьеры ты наверняка не захочешь, чтобы имя твое красовалось в специальном списке интересующейся этим вопросом молодежи.

— Список?

— Список.

— Зачем нужен список подобных любопытствующих?

Так пожал плечами.

— Боги собирают престраннейшие вещи; в частности, некоторые из них копят списки.

— Мне всегда говорили, что акселеризм — это дохлый номер.

— Откуда же тогда неожиданный интерес к этому покойнику?

Она засмеялась, и ее зеленые глаза впились в его серые.

Архивы взорвались вокруг него, и он уже стоял в бальной зале где-то в средних этажах Шпиля Высотою В Милю. Ночь клонилась к рассвету. Вечеринка, без сомнения, длилась уже не один час, но толпа, частью которой был и он сам, сгрудилась почему-то вдруг в углу просторной комнаты. Кое-кто из них стоял, прислонившись к стене, кое-кто сидел, откинувшись на удобные спинки, и все они слушали невысокого, крепко сбитого смуглого мужчину, стоявшего рядом с богиней Ка-

ли. Был это только что появившийся здесь со своей надзирательницей Махатма Сэм, Будда. Говорил он о буддизме и акселеризме, о днях Обуздания, об Адовом Колодезе, о богохульствах Князя Сиддхартхи в приморском городе Махаратхе. Говорил он, и длился, гипнотизируя, длился его голос, и от него исходили сила, уверенность, тепло; его слова, гипнотизируя, длились, длились, длились, и толпа медленно теряла сознание и падала вокруг него. Женщины, как он заметил, подобрались там довольно-таки уродливые — все, кроме Майи, которая, хихикнув, хлопнула в ладоши, и тут же вернулись назад Архивы, Так вновь очутился в своем кресле, и даже улыбка не успела сбежать с его губ.

— Откуда же тогда такой неожиданный интерес к этому покойнику? — повторил он.

— Он отнюдь не покойник!

— Разве? — протянул Так. — Госпожа Майя, он покойник с того самого момента, когда вступил в Небесный Град. Забудь его. Пусть все будет так, будто его никогда и не существовало. Забудь его слова. Пусть у тебя в мозгу не останется от него и следа. Знай, что, когда обратишься ты к ним за обновлением, будут обшаривать Хозяева Кармы твой ум, как и все другие, проходящие через их палаты, в поисках его следов. В глазах богов мерзопакостен и Будда, и его учение.

— Но почему?

— Он — анархист с бомбой, сиволапый революционер. Он стремится низвергнуть сами Небеса. Если тебя интересует более серьезная, научная информация, мне придется выйти на машину и затребовать данные. Не подпишешь ли на это заявку?

— Нет...

— Тогда выброси его из головы и закрой дверь.

— Он и в самом деле так плох?

— Он еще хуже.

— Почему же ты тогда улыбаешься, когда говоришь об этом?

— Потому что я достаточно смешлив. Это, впрочем, не влияет на смысл мною сказанного. Так что поосторожнее с этим.

— Но ты-то, кажется, знаешь об этом все. На архивариусов, что ли, эти списки не распространяются?

— Едва ли. По крайней мере, мое имя в них на первом месте. Но не потому, что я архивариус. Он — мой отец.

— Он? Твой отец?

— Да. Ты рассуждаешь, однако, совсем как дитя. Сомне-

ваюсь, что он даже догадывается о своем отцовстве. Что такое отцовство для богов, населяющих собою череду тел, порождая по ходу дела уйму отпрысков с другими, которые в свою очередь точно так же меняют тела по четыре-пять раз на век? Я — сын тела, в котором он когда-то обитал; рожден кем-то другим, тоже прошедшим через множество инкарнаций; да и сам живу уже отнюдь не в том теле, в котором родился. Родственные связи тем самым достаточно неосязаемы и представляют интерес главным образом с точки зрения спекулятивной метафизики. Кто истинный отец человеку? Обстоятельства ли, соединившие два тела, его породившие? Тот факт, что по какой-то причине возлюбили эти двое однажды друг друга превыше всего на свете? Если так, то почему все так сложилось? Или была это жажда плоти — или любопытство — или желание? Или что-то еще? Сострадание? Одиночество? Воля к власти? Какое чувство или какая мысль стала отцом того тела, в котором я впервые появился на свет? Я знаю, что человек, населявший именно это, отцовское, тело именно в тот момент времени, — сложная и сильная личность. На самом-то деле хромосомы для нас ничего не значат. В нашей жизни мы не проносим на себе сквозь века эти клейма. На самом деле мы не наследуем ничего — разве что при случае вклады или наделы, движимость или недвижимость. На длинной жизненной дистанции столь мало значат для нас тела, что несравненно интереснее поразмышлять о ментальных процессах, исторгнувших нас из хаоса. Я доволен, что именно он вызвал меня к жизни, и часто строю предположения касательно причин этого. Я вижу, госпожа, что лицо твое вдруг побледнело. Не было у меня намерения будоражить тебя своей болтовней — просто как-то удовлетворить твое любопытство и пояснить тебе, как обо всем этом думаем мы, старые. Уверен, что однажды и ты увидишь все это в том же свете. Но мне жаль, что выглядишь ты такой расстроенной. Пожалуйста, сядь. Прости мне мою болтовню. Ты же Госпожа Иллюзий. Разве вещи, о которых говорил я, не сродни самой той материи, с которой ты работаешь? Наверняка по тому, как я все это излагаю, ты способна понять, почему первым стоит мое имя в том самом списке. Ведь это классический случай поклонения герою, не так ли? Мой прародитель столь знаменит... А теперь кажется, что ты покраснела. Может, ты хочешь глотнуть чего-нибудь прохладительного? Одну секундочку... Вот. Глотни.

Ну а что касается акселеризма, так он — просто некая доктрина распределения. В соответствии с ней мы, Небесные, уделили бы обитающим внизу от щедрот наших наши знания, силы, имущество. Этот акт милосердия направлен был бы на то, чтобы поднять условия их существования на более высокий уровень, близкий к тому, который занимаем мы сами. Ну и тогда каждый стал бы как бог. В результате — естественно, в будущем — уже не будет богов, останутся одни люди... люди останутся одни. Мы бы дали им познать науки и искусства, которыми обладаем сами, и тем самым разрушили бы их простодушную веру и лишили бы всякой опоры их упования на лучшее будущее, ибо лучший способ уничтожить веру или надежду — это дать им исполниться. Почему должны мы дозволить людям страдать от бремени божественности коллективно, как того хотят акселеристы, когда на деле мы даруем им его индивидуально, когда они его заслужат? На шестидесятом году каждый из них проходит через Палаты Кармы. Его судят, и если он вел себя хорошо — соблюдал правила и запреты своей касты, должным образом почитал Небеса и прогрессировал интеллектуально и морально, — то человек этот воплотится уже в высшей касте и так со временем сможет добиться даже и самой божественности, перебраться на жительство сюда, в Град. В конце концов каждый получает свой десерт — исключая, разумеется, несчастные случаи, — и тем самым каждый человек, а не скоропалительно объединенное в единое целое общество, может наследовать божественность, которую амбициозные акселеристы желали разметать, как бисер, перед каждым, даже и перед тем, кто к этому совсем не готов. Так что теперь ты видишь, что позиция эта была отвратительно нечестной и пролетарски ориентированной. Чего они на самом деле хотели, так это понизить требования к наделяемым божественностью. Требования эти по необходимости весьма строги. Вот ты дала бы силу Шивы, Ямы или Агни в руки ребенку? Нет, если ты не сошла с ума, то не дала бы. Нет, если ты не желаешь, проснувшись однажды поутру, обнаружить, что мир более не существует. Вот в чем крылась ошибка акселеристов, и вот почему были они остановлены. Теперь ты знаешь об акселеризме все... Э, да тебе, кажется, от жары невмоготу. Давай я развешу твою одежду, пока готовится очередное питье... Отлично... Ну вот, так на чем же мы остановились, Майя? А, да — жучки в пудинге... Итак, акселе-

ристы объявили, что все, мною только что сказанное, было бы чистой правдой, если бы система не была коррумпирована. Они клеветали на неподкупность тех, кто санкционировал инкарнации. Некоторые дерзали даже заявить, что Небеса полны бессмертных аристократов, своевольных гедонистов, играющих с миром, как с игрушкой. Другие посмели заявить, что лучшие из людей никогда не добиваются божественности, но встречают в конце концов истинную смерть или же оказываются инкарнированными в одну из низших форм жизни. Кое-кто из них даже заявил бы, пожалуй, что такие, как, например, ты сама, были выбраны для обожествления только потому, что изначальные твои стать и облик возбудили любознательность какого-то похотливого божества, а не из-за остальных твоих очевидных добродетелей, милая моя... О, а ты вся в веснушках, а?.. Да, вот это и проповедовали трижды проклятые акселеристы. И со стыдом должен я признать, что все эти идеи и обвинения поддерживает отец моего духа. Ну что поделаешь с таким наследием, ну как не полюбопытствуешь о нем? Он знавал дни великих побед, а сейчас — последний великий раскольник, последняя угроза единству богов. Хоть он, очевидно, и представляет зло, но он — могучий герой, этот отец моего духа, и я уважаю его, как издревле уважали силы отцов своего тела... Теперь ты озябла? Ну-ка, дай-ка... Вот... Вот... и вот... Ну же, сотки нам теперь иллюзию, моя красавица, в которой мир вокруг нас будет свободен от подобного безумия... Теперь сюда. Повернем здесь... А теперь да будет здесь, в этом убежище, новый Рай, моя влажногубая зеленоглазка... Что же это?.. Что же превыше всего во мне в этот миг?.. Правда, моя любовь, — и искренность — и желание разделить...

Ганеша, поставщик богов, прогуливался с Шивой по лесам Канибуррхи.

— Владыка Разрушения, — сказал он, — как я понимаю, ты вот-вот начнешь репрессии против тех в Граде, кто откликнулся на слова Сиддхартхи более чем ухмылкой.

— Конечно, — промолвил Шива.

— Поступая так, ты понизишь его КПД.

— КПД? Объясни, что ты имеешь в виду.

— Убей-ка мне вон ту зеленую птаху на самой верхней ветке.

Шива взмахнул своим трезубцем, и птица упала с дерева.

— А теперь убей его супругу.

— Я не вижу ее.

— Тогда убей любую другую из их стаи.

— Но я не вижу ни одной из них.

— И теперь, когда он лежит мертвым, и не увидишь. Ну так вот, ударь, если хочешь, по первому же, кто внимает словам Сиддхартхи.

— Я понял, что ты имеешь в виду, Ганеша. Он погуляет на воле. Пока что.

Ганеша-богодел разглядывал джунгли вокруг себя. Хоть он и прогуливался по царству призрачных кошек, он ничего не боялся. Ибо бок о бок с ним шел сам Владыка Хаоса, а Трезубец Разрушения вселял в него спокойствие.

Вишну смотрел на Брахму.

Они сидели в Зеркальном зале.

Брахма разглагольствовал о Восьмеричном Пути и прославлял нирвану.

Выкурив подряд три сигареты, Вишну прочистил наконец горло.

— Да, Владыка? — откликнулся Брахма.

— Могу ли я поинтересоваться, к чему сей буддистский трактат?

— А ты не находишь его впечатляющим?

— Не особенно.

— Ты лицемеришь.

— Что ты имеешь в виду?

— Учитель все-таки не может не выказывать хоть каплю заинтересованности в своем собственном учении.

— Учитель? Учение?

— Конечно, Татхагата. К чему было бы иначе богу Вишну воплощаться в наше время среди людей, кроме как ради обучения их пути просветления?

— Я?..

— Привет тебе, реформатор, искоренивший из людских умов страх перед подлинной смертью. Те, кто не возрождается среди людей, отправляются отныне в нирвану.

Вишну улыбнулся.

— Лучше вместить, чем в борьбе истребить?

— Почти эпиграмма.

Брахма встал, поглядел на зеркала, поглядел на Вишну.

— Как только мы избавимся от Сэма, ты станешь настоящим Татхагатой.

— А как мы избавимся от Сэма?

— Я еще не решил, и я готов прислушаться к чужому мнению.

— Могу ли я предложить, чтобы он воплотился вороном?

— Можешь. Но кто-нибудь другой может захотеть, чтобы ворон перевоплотился в человека. Я чувствую, что у него есть сторонники.

— Хорошо, у нас вполне достаточно времени, чтобы рассмотреть эту проблему. Теперь, когда он на попечении Небес, нам нет нужды спешить. Я изложу тебе свои мысли по этому поводу, как только они у меня появятся.

— Ну хорошо, тогда на сегодня достаточно.

Они вышли из зала.

Вишну прошел через Сад Радостей Брахмы, и, когда он выходил из него, на смену ему ступила под сень деревьев Госпожа Смерть. Она обратилась к восьмирукой статуе с виной, и та тронула струны.

Услышав музыку, подошел Брахма.

— Кали! Прекрасная леди... — объявил он.

— Могуществен Брахма, — ответствовала она.

— Да, — признал Брахма, — столь могуществен, сколь пожелает. А ты так редко навещаешь меня здесь, что я несказанно обрадован. Прогуляемся среди цветов и поговорим. Как красиво твое одеяние.

— Благодарю.

И они пошли по дорожке среди цветов.

— Как идут приготовления к свадьбе?

— Нормально.

— Вы проведете медовый месяц на Небесах?

— Мы планируем его подальше отсюда.

— Можно ли узнать где?

— Мы еще не договорились.

— Время проносится, как на крыльях ворона, моя дорогая. Если хотите, можете на какое-то время обосноваться с Высокородным Ямой у меня, в моем Саду радостей.

— Благодарю, Создатель, но это слишком роскошное место, чтобы два разрушителя могли коротать здесь время и чув-

ствовать себя непринужденно. Мы подыщем для себя что-нибудь подходящее снаружи.

— Как пожелаешь, — он пожал плечами. — Что еще отягчает твои думы?

— Что с так называемым Буддой?

— Сэмом? Твоим старым любовником? А что с ним, в самом деле? Что бы ты хотела про него знать?

— Как его... Что будет с ним?

— Я еще не решил. Шива предложил немного подождать, прежде чем предпринять что-либо. Тем самым мы сумеем оценить степень его воздействия на небесную общину. Я решил, что Вишну станет впредь Буддой, — в исторических и теологических целях. Что касается самого Сэма, я готов выслушать любые разумные предложения.

— Ты не предлагал ему еще раз божественность?

— Предлагал. Он, однако, ее не принял.

— Может, ты повторишь свое предложение?

— Почему?

— Нынешняя проблема не возникла бы, если бы он не был чрезвычайно талантливой личностью. Благодаря своим талантам он мог бы стать весьма ценным добавлением к пантеону.

— Я уже думал об этом. Уж на этот-то раз согласится, что бы он ни собирался делать. Я уверен, что он хочет жить.

— Но ведь есть способы, которыми можно увериться в подобных вопросах.

— Как-то?

— Психопроба.

— И если она покажет его несогласие с Небесами — что тогда?

— А нельзя ли затронуть и изменить сам его мозг? Например, Владыка Мара...

— Я никогда не подозревал, что ты подвластна сентиментальности, богиня. Складывается впечатление, что ты больше всех озабочена, чтобы он продолжал жить, в любой форме.

— Может быть, так и есть.

— Ты же знаешь, что он при этом может... гм, весьма измениться. Если с ним это сделать, он станет уже другим. Его «талант» может полностью исчезнуть.

— На протяжении веков все люди меняются естественным путем, меняются их мнения, верования, убеждения. Одни час-

ти ума могут спать, другие пробуждаться. Талант, я уверена, уничтожить трудно — пока продолжается жизнь. Лучше жить, чем умереть.

— Меня можно убедить в этом, богиня, — если у тебя есть на это время, обворожительнейшая.

— Сколько времени?

— Скажем, три дня.

— Тогда — три дня.

— Давай перенесем дальнейшее рассмотрение этого вопроса в мой Павильон Наслаждений.

— Отлично.

— А где нынче Господин Яма?

— Работает у себя в мастерской.

— Долгосрочный, полагаю, проект.

— Не менее трех дней.

— Хорошо. Да, для Сэма могут остаться кое-какие надежды. Мне придется все это получше обдумать, но я уже могу оценить эту идею. Да, вполне могу.

Восьмирукая статуя синей богини играла на вине, и под звуки музыки прошли они через сад тем летом.

Хельба обитала на самом краю Небес, там, где начинались дикие дебри. Столь близко от леса расположилась ее резиденция, именуемая Грабеж, что звери прокрадывались прямо за прозрачной стеной, задевая ее на ходу, а из комнаты, называемой Насилие, можно было разглядывать затененные лесные тропы.

В этой-то комнате, стены которой были увешаны украденными в прошлых жизнях сокровищами, и принимала Хельба гостя по имени Сэм.

Хельба был/была богом/богиней воров.

Никто не знал подлинного пола Хельбы, ибо была у него/у нее привычка менять его при каждой инкарнации.

Сэм поглядел на гибкую темнокожую женщину, одетую в желтое сари с желтым покрывалом. Как корица были ее сандалии и ногти, золотою диадема в черных как смоль волосах.

— Я симпатизирую тебе, — сказала Хельба нежным, словно мурлыкающим голосом. — Но только в те сезоны своей жизни, когда я воплощаюсь мужчиной, Сэм, обретаю я свой Атрибут и иду на настоящий грабеж.

— Ты, наверно, и сейчас можешь принять свой Облик.

— Конечно.

— А овладеть Атрибутом?

— Вероятно.

— Но ты этого не сделаешь?

— Нет, покуда я в женской форме. Мужчиной я взялся бы украсть что угодно откуда угодно... Посмотри-ка туда, на дальнюю стену, там висят некоторые из моих трофеев. Огромный плащ из синих перьев принадлежал Шриту, главарю демонов Катапутны. Я стащил его прямо у него из пещеры, когда заснули усыпленные мною его неусыпные церберы. Меняющий форму самоцвет я выкрал не откуда-нибудь, а из самого Купола Нестерпимого Зноя; я карабкался по его своду, цепляясь присосками, которые приделал себе к запястьям, коленям, к обуви, а подо мною Матери...

— Хватит! — сказал Сэм. — Я знаю все эти истории, ты же рассказываешь их все время. Прошло уже так много времени, с тех пор как ты совершил по-настоящему дерзкую — как когда-то — кражу, что тебе приходится все чаще повторять рассказы об этом. Иначе даже старшие из богов забудут твою былую ушлость. Но я вижу, что обратился не по адресу, и попытаю удачу где-либо еще.

Он встал, словно собираясь идти.

— Подожди, — заволновавшись, сказала она.

Сэм замер.

— Да?

— По крайней мере скажи мне о замышляемом тобою ограблении. Может, я помогу тебе советом...

— Чем может помочь мне даже лучший твой совет, Владыка Воров? Мне не нужны слова, мне нужны действия.

— Может быть, даже... рассказывай!

— Хорошо, — сказал Сэм, — хотя я и сомневаюсь, что тебя заинтересует столь сложная задача...

— Ты можешь пропустить все эти детские психологические уловки и сказать мне, что же ты хочешь украсть.

— В Небесном Музее, каковой, как известно, являет собой надежно построенное и постоянно охраняемое помещение...

— И всегда открытое. Продолжай.

— В этом здании, в витрине, подключенной к компьютерной охране...

— При достаточном умении ее можно вскрыть.

— В этой витрине на манекене висят серые чешуйчатые доспехи. А вокруг разложено и развешано множество оружия.

— Чье все это?

— Это древнее одеяние того, кто бился на севере в дни войн против демонов.

— Разве это был не ты?

Сэм заговорщицки улыбнулся и продолжал:

— Мало кто знает, что просто как часть экспозиции находится там и предмет, который когда-то был известен под именем Талисман Обуздателя. Не исключено, что он потерял с тех пор все свои достоинства, но, с другой стороны, не исключено и обратное. Он служил фокусом для особого Атрибута Бича, и вот он вновь ему понадобился.

— Так какой же предмет нужно тебе украсть?

— Широкий пояс из раковин, застегнутый на талии костюма. Раковины нежнейшего желто-розового оттенка; они заполнены сложнейшими цепями микросхем, которые, вероятно, в наши дни уже не воспроизвести.

— Не такая уж это и замечательная кража. Она мне по плечу даже в этой форме...

— Мне он нужен срочно — или не нужен вовсе.

— Насколько срочно?

— Боюсь, в ближайшие шесть дней.

— А что ты готов мне заплатить, чтобы заполучить его в свои руки?

— Я отдал бы все, что угодно, если бы у меня было хоть что-то.

— О! Ты прибыл на Небеса налегке?

— Да.

— Легкомысленно.

— Если мне удастся ускользнуть, ты сможешь назвать свою цену.

— А если нет, я не получу ничего.

— Похоже, что так.

— Дай подумать. Меня может позабавить, что ты станешь моим должником.

— Прошу, думай, но не слишком долго.

— Сядь, Бич Демонов, рядом со мной и расскажи о славных днях Обуздания, когда скакал ты по миру бок о бок с бессмертной богиней и сеял повсюду семена хаоса.

— Это было так давно, — сказал Сэм.

— Могут ли эти дни вернуться, если ты вырвешься на свободу?

— Могут.

— Приятно знать это. Да...

— Ты сделаешь это?

— Салют, Сиддхартха! Освободитель! Сбрось узду!

— Салют?

— И гром и молния. Пусть они грянут снова!

— Да будет так.

— Теперь расскажи мне о днях своей славы, а я опять поведаю тебе о своей.

— Хорошо.

Подпоясанный широким кожаным ремнем, птицей несся по лесу Владыка Кришна в погоне за Леди Ратри, которая, обманув его ожидания, отказалась сойтись с ним после репетиционного, как он думал, обеда. Безоблачный день источал вокруг них свои ароматы, но далеко было ему до благоухания, исходившего от темного, как полночь, синего сари, которое сжимал он в левой руке. Меж деревьями перед ним мелькал ее силуэт; он на секунду потерял его из виду, когда свернула вдруг богиня на незаметную тропу, тут же вынырнувшую на обширную прогалину.

Когда, выскочив из чащи, он вновь увидел ее, она стояла на невысоком холме, воздев над головой сведенные вместе обнаженные руки. Она полузакрыла глаза, а единственное одеяние — длинное черное покрывало — волнами обтекало ее мерцающее белоснежное тело.

И он понял, что она приняла свой Облик и вот-вот обретет Атрибут.

Жадно хватая воздух широко раскрытым ртом, бросился он к ней по склону холма; и она, опуская руки, открыла глаза и улыбнулась, глянув на него сверху вниз.

Он был уже совсем рядом, когда она взмахнула своим покрывалом, и оно захлестнулось вокруг его головы; и послышался ее смех — где-то среди бескрайней ночи, накрывшей его.

Была та ночь черной, беззвездной, безлунной, без единого проблеска, без намека на мерцание, без искорки или свече-

ния на небосводе. Сродни полной слепоте была обрушившаяся на него темень.

Он засопел, и она тут же выхватила сари у него из руки. Вздрогнув, он пошатнулся и услышал, как где-то рядом зазвенел смех.

— Ты слишком много себе позволил, Господин Кришна, — сказала она ему, — ты покусился на святость Ночи. За что я и накажу тебя, окутав Небеса на время темнотой.

— Я не боюсь темноты, — со смешком ответил он.

— Значит, и вправду мозги у тебя в мошонке, Господин, как частенько про тебя злословят; затеряться ослепленным внутри Канибуррхи и полагаться на то, что не наткнешься на ее обитателей — или они на тебя не наткнутся, — это просто безрассудная храбрость. Пока, Темный Бог. Если повезет тебе — свидимся на свадьбе.

— Постой, прекрасная леди! Надеюсь, ты примешь мои извинения?

— Ну конечно, ведь я заслужила их.

— Тогда подыми завесу тьмы, что ты на нас опустила.

— Попозже, Кришна, когда я буду готова.

— Ну а как мне быть до тех пор?

— Говорят, сэр, что, играя на своей свирели, можешь ты зачаровать самых свирепых зверей. И я бы тебе предложила, если, конечно, это правда, прямо сейчас достать свирель свою и завести самую что ни на есть успокоительную мелодию, пока я не сочту нужным вернуть на Небеса дневной свет.

— Леди, ты жестока, — сказал Кришна.

— Се ля ви, Бог со Свирелью, — сказала она, уходя.

И он начал играть, и в голове у него клубились темные мысли.

Они приходили. С небосклона, оседлав полярные ветры, через моря и земли, сквозь пылающий снег — и под ним, и над ним — отовсюду приходили они. Способных менять свою форму сметало ветром через застланные белой скатертью поля, небесные странники осыпались с небосвода, словно осенние листья; над пустошами горланили трубы, с грохотом проносились мимо снежные колесницы, лучи света, как копья, разлетались во все стороны, отражаясь от их полированных боков; пылали меховые плащи, густые плюмажи молочно-бе-

лого пара тянулись над и за ними, златорукими и солнцеглазыми; лязгая и буксуя, мчась и кренясь, проносились и приходили они — блестящие перевязи, волчьи маски, огненные шарфы, дьяволовы ноги, горделивые шлемы... — приходили они; и по всему миру, что оставался у них за спиной, радость царила в Храмах, и полнились они песнопениями, процессиями и молебнами, приношениями жертв и раздачами милостыни, красочными и пышными церемониями. Ведь сеявшая повсюду страх богиня собиралась сочетаться браком со Смертью, и это сулило, как надеялись, смягчение их нравов и послабление в их требованиях к миру. И Небеса тоже оказались заражены праздничным духом, и, пока собирались вместе боги и полубоги, герои и знать, первосвященники, преуспевающие раджи и высокопоставленные брамины, набрал дух этот силу и одним махом закрутился вдруг многоцветным смерчем, ударив в голову и Первым, и последним.

И приходили они, и стекались они в Небесный Град, гарцуя на спинах пернатых родичей Гаруды, по спирали спускаясь в покачивающихся небесных гондолах, поднимаясь все выше и выше по горным артериям, сверкая то тут, то там среди заснеженных, обледенелых просторов; приходили, чтобы звенел Шпиль Высотою В Милю от их песен, чтобы слышался в темноте их смех, когда спустилась вдруг и, к счастью, ненадолго покрыла Град необъяснимая темень; и в те дни и ночи походил сбор их, как сказал один велеречивый поэт, сразу на шесть совершенно разных вещей (прославлен он был своей расточительностью, когда дело касалось уподоблений): на перелет птиц, светлых птиц через застывший в штиль молочный океан; на последовательность нот в мозгу чуть свихнувшегося композитора; на косяк глубоководных рыб, чьи тела — не более чем завитки и струйки света, кружащий вокруг какого-то светящегося растения в холодной и глубокой морской впадине; на спиралевидную галактику, рушащуюся неожиданно на свой центр; на грозу, каждая дождинка которой становится то перышком, то певчей птахой, то драгоценным самоцветом; и, наконец (и, может быть, в наибольшей степени), на Храм, заполненный богато убранными статуями, неожиданно ожившими, запевшими, неожиданно ринувшимися под развевающимися на ветру штандартами в мир, сотрясая дворцы, опрокидывая башни, чтобы воссоединиться в самом центре, чтобы разжечь неимоверное пламя и плясать

вокруг него, ни на секунду не лишая ни огонь, ни танец возможности полностью выйти из-под контроля.

Они приходили.

Услышав разнесшийся по Архивам сигнал тревоги, Так выхватил из висевшего на стене футляра Пресветлое Копье. В течение суток сигнализация оповещала разных стражей. Предчувствуя истинную причину тревоги, Так возблагодарил судьбу, что не была она поднята в другой час. Поднявшись в лифте на уровень Града, он помчался к высившемуся на холме Музею.

Но было уже поздно.

Открытая витрина, смотритель без сознания, и ни души в Музее — по причине, вероятно, царившего в Граде праздника.

Музейный комплекс располагался столь близко от Архивов, что Так успел заметить двоих, спускавшихся по противоположному склону холма.

Он взмахнул Пресветлым Копьем, но побоялся пустить его в ход.

— Стой! — закричал он.

Они обернулись.

— Тебе таки не удалось перехитрить сигнализацию! — воскликнул в сердцах один из них.

Он поспешно застегивал на талии свой широкий пояс.

— Уходи, уходи отсюда! — сказал он. — Я беру его на себя!

— Этого не может быть! Сигнализация отключена! — закричал его спутник. — Я...

— Прочь отсюда!

И он обернулся, поджидая Така. Спутник его бросился дальше вниз с холма, и Так заметил, что это была женщина.

— Положи на место, — выдавил из себя запыхавшийся Так. — Что бы ты там ни взял, положи это на место — и я, может быть, смогу скрыть...

— Нет, — сказал Сэм. — Слишком поздно. Теперь я равен здесь любому, и это мой единственный шанс ускользнуть. Я знаю тебя, Так от Архивов, и не хочу причинять тебе вред. Уходи — и побыстрее!

— Вот-вот здесь будет Яма! И...

— Я не боюсь Яму. Нападай или оставь меня — ну же!

— Я не могу на тебя напасть.

— Тогда до свидания, — и с этими словами Сэм, как воздушный шарик, поднялся в воздух.

Но только оторвался он от поверхности земли, как на склоне холма появился Яма, и в руках у него было оружие: хлипкая поблескивающая трубка с крохотным прикладом, но весьма внушительным спусковым устройством.

Он поднял ее и прицелился.

— Последнее предупреждение! — закричал он, но Сэм продолжал свое вознесение.

Тогда Яма выстрелил, и в ответ ему где-то в вышине над головой оглушительно треснул купол свода.

— Он принял свой Облик и обрел Атрибут, — объяснил Так. — Он обуздал энергию твоего оружия.

— Почему ты не остановил его? — спросил Яма.

— Не мог, Господин. Я подпал под его Атрибут.

— Не имеет значения, — сказал Яма. — Третий страж его осилит.

Обуздав гравитацию по своей воле, он возносился.

И в полете ощутил, что его преследует какая-то тень.

Она пряталась в засаде где-то на самой периферии зрения. Как он ни крутил головой, она все время ускользала от его взгляда. Но она все время была там — и она росла.

А впереди, прямо у него над головой, возвышались врата, ведущие наружу. Талисман мог бы отомкнуть их запор, мог согреть Сэма среди наружного хлада, мог унести его куда ему заблагорассудится...

И тут пришел звук бьющих по воздуху крыльев.

— Беги! — загрохотал у него в мозгу голос. — Поднажми, Бич! Быстрее! Еще быстрее!

Это было одно из самых странных ощущений, какие он только когда-либо испытывал.

Он чувствовал, как движется вперед, мчится к цели.

Но ничего не менялось. Врата не приближались. Несмотря на ощущение чудовищной скорости, он не двигался.

— Быстрее, Бич! Пошевеливайся! — кричал дикий, ревущий голос. — Постарайся обставить и ветер, и молнию!

Он попытался превозмочь ощущение движения.

И сразу же на него обрушились ветры, могучие ветры, бесконечно кружащие по Небесам.

Он справился с ними, но теперь голос звучал совсем рядом, хотя ничего, кроме тени, разглядеть ему так и не удавалось.

— «Чувства — это кони, а предметы — дороги их, — промолвил голос. — Если разум твой не сосредоточен, то теряет он свою проницательность».

И Сэм узнал в этих ревущих у него за спиною словах могущественные строки Катха упанишады.

— «И тогда, — продолжал голос, — не знают чувства узды, словно дикие, дурные кони у слабого колесничего».

И молнии раскололи над ним небо, и объяла его мгла.

Он попытался обуздать обрушившуюся на него энергию, но не нашел ничего.

— Все это нереально! — крикнул он.

— Что реально, а что нет? — вопросом ответил голос. — Ну а теперь кони сбежали от тебя.

И последовал миг жутчайшей черноты, словно двигался он в вакууме чувств. Потом — боль. Потом ничего.

Трудно быть старейшим действующим богом юности.

Он пришел в Палату Кармы, потребовал свидания с каким-нибудь наместником Колеса, предстал перед Владыкой, которому двумя днями ранее, скрепя сердце, пришлось отказаться от его зондирования.

— Ну? — поинтересовался он.

— Прошу прощения за отсрочку, Господин Муруган. Наш персонал задействован в приготовлениях к брачной церемонии.

— Они бражничают на стороне вместо того, чтобы готовить мое новое тело?

— Тебе не следует говорить, Владыка, так, будто это тело и в самом деле твое. Это тело, ссуженное тебе Великим Колесом в ответ на твои нынешние кармические нужды...

— И оно не готово, потому что твоя команда пирует где-то?

— Оно не готово, потому что Великое Колесо вращается так...

— Я хочу его не позднее завтрашнего вечера. Если оно не готово, смотри, как бы Великое Колесо не раздавило своих прислужников. Ты меня понял, Владыка Кармы?

— Я услышал неподобающие в подобном святилище речи и...

— Брахма посоветовал мне воплотиться в новое тело, чтобы иметь удовольствие видеть меня в нем во время свадебных

церемоний в Шпиле Высотою В Милю. Мне что, сообщить ему, что Великое Колесо не может удовлетворить его желание из-за медлительности своего вращения?

— Нет, Господин. Тело будет готово в срок.

— Отлично.

Он повернулся и ушел.

У него за спиной Владыка Кармы сделал согнутой в локте рукой старинный мистический жест.

— Брахма.

— Да, богиня?

— О моем предложении...

— Будет сделано по вашему требованию, мадам.

— Я бы хотела иначе.

— Иначе?

— Да, Господин. Мне бы хотелось человеческого жертвоприношения.

— Нет...

— Да.

— Ты и в самом деле сентиментальнее, чем я полагал.

— Будет это сделано или нет?

— Честно говоря, в свете последних событий, я бы предпочел именно такой выход.

— Тогда решено?

— Будет, как ты хочешь. В нем больше силы, чем я думал. Если бы стражем не был Владыка Иллюзий... Да, я и не догадывался, что тот, кто так долго сидел тихо, может быть столь талантлив, если использовать твое выражение.

— Передаешь ли ты мне все полномочия в этом вопросе, Создатель?

— Охотно.

— Ну и подкинем на закуску Царя Воров?

— Да будет так.

— Благодарю тебя, Великий.

— Не за что.

— Будет за что. Доброго тебе вечера.

— И тебе.

Поведано, что в этот день, в этот великий день, Бог Вайю остановил поднебесные ветры, и неподвижность опустилась на улицы Небесного Града, на леса Канибуррхи. Читрагупта,

слуга Господина Ямы, возвел у Миросхода величественный погребальный костер, сложив пирамидой поленья сандала и другой ароматической древесины, добавив разнообразных смол, благовоний, масел, набросав сверху роскошных одежд; а на самую верхушку костра водрузил он Талисман Бича и огромный синеперый плащ, принадлежавший некогда Шриту, вожаку демонов Катапутны; положил он туда и изменяющий форму самоцвет Матерей из Купола Нестерпимого Зноя и шафрановую рясу из пурпурной рощи в окрестностях Алундила, которая, как говорили, принадлежала раньше Татхагате, Будде. Мертвая тишина разлилась повсюду после ночного празднества Первых. Ничто не шелохнулось на Небесах. Говорят, что невидимыми порхали демоны в верхних слоях атмосферы, боясь приблизиться к месту средоточения огромной силы. Говорят, что имели место многочисленные знаки и знамения, предвещавшие падение одного из великих. А теологи и святые историки поведали, что отрекся прозванный Сэмом от своей ереси и положился на милосердие Тримурти. Говорят еще, что богиня Парвати, которая была когда-то ему то ли женой, то ли матерью, сестрой или дочерью, а может — всеми ими сразу, покинула Небеса и в трауре удалилась на восточный континент, к тамошним колдуньям, которых она считала своей родней. На рассвете великая птица по имени Гаруда, вахана Вишну, чей клюв сминает колесницы, заволновался, вдруг проснувшись, и испустил единственный хриплый вопль, разнесшийся из его клетки по всем Небесам, вдребезги разбивая стекла, эхом отдаваясь по поднебесным странам, заставляя в испуге вскочить даже спавших мертвецким сном. Среди неподвижного небесного лета начинался день любви и смерти.

Пустынны были улицы Небес. На время скрылись боги в ожидании внутри своих жилищ. Заперты были все двери на Небесах.

На волю были выпущены вор и тот, кого приспешники называли Махасаматманом, думая, что он бог. В соответствии с предзнаменованием странно стылым казался воздух.

Высоко-высоко над Небесным Градом, на небольшой площадке, венчающей собою верхушку Шпиля Высотою В Милю, стоял Владыка Иллюзий, Мара-Сновидец. Одет он был в плащ всех цветов — и не только радуги. Воздел он над головой ру-

ки, и, сливаясь воедино с собственной силой, хлынула через его тело мощь всех остальных богов.

В уме его обретала форму греза. И излил он ее наружу, как разливается по пляжу накатившаяся на берег высокая волна.

Век за веком, с тех пор как спланировал их Великий Вишну, сосуществовали бок о бок Град и глушь, примыкая друг к другу и, однако, не соприкасаясь, доступные, но разделенные огромным расстоянием — не в пространстве, а внутри разума. С умыслом устроил все так Вишну-Хранитель. И теперь не очень-то одобрял он снятие барьера между ними — даже частичное и временное. Не хотелось ему видеть, как проникает что-то дикое в Град, выпестованный его умом как чистый триумф формы над хаосом.

И однако даровано было силой сновидца призрачным кошкам узреть разок все Небеса целиком.

Без устали бродили они по темным извечным тропинкам в джунглях, были которые отчасти иллюзией. И вот в месте том, существовавшем лишь наполовину, обрели глаза их новое зрение, а вместе с ним обуяла кошек неукротимость и жажда немедленной добычи.

Среди мореходов, этих всемирных сплетников и переносчиков россказней, которым, кажется, ведомо все на свете, прошел слух, что не кошками были на самом деле некоторые из охотившихся в тот день призрачных кошек. По их словам, болтали потом не раз боги, когда случалось им бывать в мире, что кое-кто с Небес переселился на этот день в тела белых тигров Канибуррхи, дабы пройтись по аллеям Града и принять участие в охоте на вора-неудачника и того, кого называли когда-то Буддой.

Говорят, что, когда брел он по улицам Града, древний ворон прокружил трижды над ним и уселся Сэму на плечо.

— Разве ты не Майтрея, Князь Света, — заговорил ворон, — которого заждался мир, увы, уже столько лет, — тот, приход кого я предсказал в стихотворении много лет назад?

— Нет, мое имя Сэм, — отвечал тот, — и я вот-вот покину этот мир, а не приду в него. А кто ты?

— Я — птица, бывшая однажды поэтом. Все утро летал я, стоило провозгласить новый день воплю Гаруды. Я облетел все небесные пути в поисках Рудры, надеясь замарать его своим пометом, и тут почувствовал, как легло на землю бремя заклятия. Далеко летал я и многое видел, Князь Света.

— И что же видел ты, ворон, бывший поэтом?

— Видел я незажженный погребальный костер, возведенный на краю мира, туман клубился вокруг него. Я видел богов, что пришли слишком поздно, они мчались сквозь снега, они пикировали из-под облаков, они кружили вокруг купола. Я видел актеров, репетирующих в масках представление театра жестокости для брачной церемонии Смерти и Разрушения. Я видел, как поднял руку Владыка Вайю и остановил ветры, безостановочно кружащие в Небесах. Я видел переливающегося всеми цветами Мару на верхушке самой башни, и я почувствовал, как ложится бремя его заклинания на призрачных кошек, и видел я, как не могли они найти в лесу места и устремились сюда. Я видел слезы мужчины и женщины. Я слышал смех богини. Я видел поднятое в лучах рассвета светлое копье и слышал клятву. И, наконец, увидел я Князя Света, о котором давным-давно напророчил:

Умирает всегда, никогда не умрет,
На исходе всегда, никогда не в конце.
Ненавидит он тьму,
Облаченный во свет;
Он придет в эту Югу,
Словно ночью рассвет.
Я черкнул эти строки
Своим вольным пером;
В самый день своей смерти
Я увижу его.

И птица взъерошила свои перья и замерла у него на плече.

— Я рад, птица, что тебе удалось многое повидать, — сказал Сэм, — и что в рамках вымысла своей метафоры удалось тебе достичь некоторого удовлетворения. К сожалению, поэтические истины разительно отличаются от истин повседневных.

— Привет тебе, Князь Света! — провозгласил ворон и поднялся в воздух.

И тут же его насквозь пронзила стрела, выпущенная из близлежащего окна одним ворономенавистником.

Сэм поспешил прочь.

Говорят, что настигшая его — а позже и Хельбу — призрачная кошка была на самом деле богом или богиней; ну что ж, это вполне вероятно.

А еще говорят, что кошка эта была не первой и не второй

из тех, кто выследил искомую жертву. Много тигров погибло под Пресветлым Копьем, которое, проткнув их насквозь, само собой выдергивалось из тела, очищалось вибрацией от крови и возвращалось затем в руку, его метнувшую. Но и сам Пресветлый Копейщик Так пал, сраженный запущенным ему в голову стулом; это Ганеша бесшумно вошел у него за спиной в комнату. Кое-кто говорит, что Пресветлое Копье уничтожил потом Великий Агни, другие же утверждают, что сбросила его с Миросхода Леди Майя.

Не по душе было все это Вишну-Хранителю, и часто повторялись потом на разные лады его слова, что нельзя было осквернять Град кровью и что если однажды получил туда доступ хаос, то непременно найдет он себе дорогу и вновь. Но младшие боги подняли его на смех, ведь он считался последним в Тримурти, а идеи его, как все доподлинно знали, весьма устарели, поскольку был он одним из Первых. По причине этой отрекся он от всякого участия в происходящем и удалился на время в свою башню. И Владыка Варуна Справедливый отвернул лицо свое от небесных дел и посетил Павильон Молчания у Миросхода, где просидел некоторое время в комнате, называемой Страх.

Удачным оказалось представление Театра Масок, текст для которого написал велеречивый поэт, прославившийся элегантностью стиля и принадлежностью к антиморгановской школе. Сопровождалось представление и убедительными иллюзиями, навеянными по этому случаю Сновидцем. Говорят, что и Сэм провел тот самый день погруженным в иллюзии; что легло на него заклятие и бродил он по Граду во тьме, среди жутких запахов, встречаемый стенаниями и воплями; что предстали перед ним заново все ужасы, которые познал он в своей жизни, — сверкающие и темные, безмолвные и ревущие, — извлечены они были из его памяти и пропитаны сопровождавшими их в свое время эмоциями. А потом все это оборвалось.

Останки его были доставлены процессией к Миросходу, водружены поверх погребального костра и сожжены под песнопения. Владыка Агни поднял свои темные очки, уставился на несколько секунд в костер, и охватили поленья языки пламени. Владыка Вайю поднял руку, и взъярились ветры, раздувая огонь. Когда костер догорел, Великий Шива взмахом своего трезубца исторг пепел за пределы этого мира.

По большому счету, основательными и впечатляющими получились эти похороны.

Давно не виданное на Небесах бракосочетание прошло в полном соответствии с традицией. Шпиль Высотою В Милю ослепительно сверкал, словно гигантский ледяной сталагмит. Снято было заклятие, и бродили призрачные кошки по улицам Града, опять ослепнув к его красотам, и словно бы поглаживал их шерсть ветерок; поднимались они по ступеням широких лестниц — нет, взбирались по каменистому склону; дома были для них отвесными скалами, статуи — деревьями. Кружащие без устали под сводом Небес ветры подхватили пение и разносили по земле его обрывки. Священное пламя загорелось в Квадрате, вписанном в центральный Круг Града. Специально завезенные по такому случаю в Град девственницы поддерживали огонь, подкладывая чистые, сухие поленья ароматической древесины, которые потрескивали и сгорали почти без дыма, лишь изредка вырывалось вдруг наружу его белоснежное облачко. Сурья-солнце светил с таким блеском, что, казалось, дневной свет вибрировал в прозрачном воздухе. Жениха в сопровождении многочисленной свиты друзей и слуг в красном облачении препроводили через весь Град к Павильону Кали, где их встретили слуги богини и провели в огромную пиршественную залу. В качестве хозяина гостей там встречал Владыка Богатств Кубера; он рассадил алую свиту — числом в триста человек — по чередующимся черным и красным стульям, расставленным вокруг длинных столов черного дерева, инкрустированных костью. И там, в этой зале, всем им дали испить мадхупарки, смеси меда с творогом и наркотическим порошком; а пили они ее в компании облаченной в синее свиты невесты, вступившей в залу, неся по две чаши. Три сотни человек было и в этой свите, и, когда все расселись и выпили мадхупарки, произнес Кубера небольшую речь, перемежая ее непристойными шутками и вставляя различные практические советы и цитаты из древних писаний. После чего отбыли свиты жениха и невесты в павильон, воздвигнутый в Квадрате, но шли они разными путями и подошли к нему с противоположных сторон. Яма и Кали вошли внутрь порознь и сели по разные стороны от небольшого занавеса. Кругом раздавались старинные песнопения, и вот развернул наконец Кубера занавес, и молодожены впервые за этот день увидели друг друга. Заговорил тогда Кубера и передал Кали на попече-

ние Ямы в обмен на обещание, что обеспечит тот невесте добро, богатство и удовольствие. Пожал тогда Господин Яма ей руку, а Кали бросила в огонь, к которому подвел ее жених, приношение — горсть зерна; в это время один из ее слуг связал воедино их одежды. После этого наступила Кали на жернов и прошли они вдвоем семь шагов, причем Кали каждым шагом давила маленькую кучку риса. Потом на несколько мгновений окропил их слегка дождик, чтобы освятить происходящее водой. Объединившись в единую процессию, потянулись гости и слуги через весь город к темному павильону Ямы, где накрыты были столы для веселого пиршества и где давал свое представление Театр Кровавых Масок.

Когда повстречал Сэм последнего своего тигра, медленно кивнул тот головой, признавая свою добычу. Некуда было бежать Сэму, и он просто стоял и ждал. Не спешила и кошка. В этот миг попыталась спуститься на Град орда демонов, но отбросила их назад сила заговора. Не прошло незамеченным, что всхлипнула богиня Ратри, и имя ее было внесено в список. Так от Архивов заточен был до поры до времени в каземат глубоко под Небесами. Многие слышали, как промолвил Владыка Яма: «Жизнь не восстала», словно он почти ожидал от нее такого поступка.

С учетом всего, основательной и впечатляющей получилась эта смерть.

Семь дней длились свадебные гуляния, и все эти дни грезу за грезой насылал на пирующих Владыка Мара. Словно на волшебном ковре-самолете переносил он их из одной страны-иллюзии в другую, на фундаменте из воды и огня возводил дворцы из многоцветного дыма, уводил скамьи, на которых сидели они, в бездонные ущелья звездной пыли, кораллом и миррой увлекал их чувства за пределы самих себя, навлекал на них на всех их Облики, заставляя беспрестанно кружить вокруг архетипов, на которых утвердили некогда боги свою мощь, — и танцевал Шива на кладбище Танец Разрушения и Танец Времени, празднуя легендарный свой подвиг, разрушение трех летающих городов асуров, знаменитой Трипуры; Кришна Темный одно за другим выделывал все коленца Танца Борца в память победы своей над черным демоном Баной, пока Лакшми исполняла Танец Изваяния; и даже Великий Вишну подвигся вновь прославить свои шаги Танцем Амфоры, а Муруган во вновь обретенном теле смеялся над

облаченным в океаны миром, танцуя по водам их, словно по священной поляне, свой безумный танец, который отплясывал он когда-то после убийства Шуры, пытавшегося скрыться в пучине моря. И по мановению руки Мары возникали магия и цвет, музыка и вино. И приходил черед поэзии и игр, песен и смеха. Не раз вспыхивали и соревнования, состязания в силе и искусности. Короче, поистине божественной выносливостью нужно обладать, чтобы выдержать целых семь дней удовольствий.

Учитывая это, основательной и впечатляющей получилась эта свадьба.

По ее окончании жених и невеста покинули Небеса постранствовать немного по свету, насладиться его разнообразием. Без слуг и свиты отправились они, чтобы попутешествовать на свободе. Не сочли нужным они оповестить и о своем маршруте, и о длительности своего медового месяца — чего вполне можно было ожидать, учитывая склонность их небесных приятелей к шуточкам и розыгрышам.

Веселье по их отбытии улеглось не сразу. Господин Рудра, поглотив неимоверное количество сомы, вскочил вдруг на стол и разразился речью касательно невесты — речью, по поводу которой возникли бы у него большие разногласия с Ямой, присутствуй последний при ней. Ну а в его отсутствие ударил Владыка Агни Рудру по лицу и немедленно был вызван на дуэль — в Обликах, во всем Небесном просторе.

Агни взлетел на вершину горы, возвышавшейся позади Канибуррхи, а Рудра занял позицию поблизости от Миросхода. По данному сигналу выпустил Рудра в соперника свою наводящуюся по теплу стрелу, и со свистом покрывала она милю за милей, пока не засек ее в пятнадцати милях от себя Владыка Агни и не сжег в полете вспышкой Всеприсущего Пламени. И, словно игла света, пронзил тот заряд все пространство между ними и дотронулся до Господина Рудры, обратив его в пригоршню праха, а затем пролетел дальше, пробив дыру в Небесном своде у него за спиной. Так не посрамил Агни честь локапал; ну а из среды полубогов выдвинут был новый Рудра — занять место павшего старого.

Новые погребальные костры были возведены, чтобы упокоить посиневшие останки весьма живописно отравленных двух верховных жрецов и одного раджи. Владыка Кришна,

приняв свой Облик, сыграл такую музыку, после которой другой быть уже не может, и Гаури Белая смягчилась, потеплело ее сердце, и еще раз пришла она к нему, когда кончил он играть. Сарасвати с блеском исполнила Танец Наслаждения, после чего воссоздал Мара бегство Хельбы и Будды через Град. Многих, правда, взволновала последняя эта греза, и новые имена внесены были в список. А затем демон с телом юноши и головой тигра осмелился появиться среди них и с дикой яростью напал на Господина Агни. Отогнали его, объединив свои силы, Ратри и Вишну, но удалось ему ускользнуть в бестелесность прежде, чем смог Агни поднять на него свой жезл.

Многое изменилось на Небесах в последующие дни.

Пресветлый Копейщик Так от Архивов осужден был Властителями Кармы возродиться в теле обезьяны; и заложено было в мозг его предупреждение, дабы всякий раз, когда захочет он сменить тело, опять рождался он обезьяной, чтобы в этой форме и странствовал он по свету, пока наконец не соблаговолят Небеса проявить свое милосердие и снять с него проклятие. После чего отправили его избывать бремя своей кармы в южные джунгли.

Варуна Справедливый покинул, собрав своих слуг, Небесный Град и обосновался где-то в пределах мира. Связали некоторые клеветники исход его с бегством Ниррити Черного, бога темноты и порчи, который покинул в свое время Небеса, напитав их своей злой волей и миазмами чернейших проклятий. Немногочисленными, правда, были хулители эти, ибо знали все, что заслужил Варуна титул Справедливого, и, осуждая его, легко было бросить тень на свою собственную репутацию; посему уже через несколько дней стихли все пересуды о нем.

Много позже изгнаны были в мир и другие боги, случилось это уже во времена Небесных Чисток. Началось все это, однако, как раз в те дни, когда вновь проник на Небеса акселеризм.

Брахма, могущественнейший среди четырех чинов божественных, среди восемнадцати воинств Рая, Всесоздатель, Владыка Небес высоких и всего, что под ними, из чьего пупа произрастает лотос, руки чьи пахтают океаны, а ноги тремя шагами покрывают все миры, барабан славы которого ужасом

наполняет сердца врагов, сжимающий в деснице колесо закона, вяжущий, как путами, змеею катастрофы, — в результате поспешно данного Хозяйке Смерти обещания чувствовал себя Брахма впоследствии все более и более неуютно. Хотя, с другой стороны, очень даже вероятно, что поступил бы он точно так же и без представленных ею доводов. И главным результатом ее действий стало, вероятно, то, что появился на некоторое время у него — известного как Брахма Непогрешимый — козел отпущения, на которого мог он с чистой совестью свалить все свои проблемы.

По окончании празднования в нескольких местах пришлось чинить купол Небосвода.

В помещении Небесного Музея нес отныне круглосуточное дежурство вооруженный охранник.

Запланировали несколько охотничьих экспедиций на демонов, но ни одна из них не продвинулась дальше стадии разработки.

Назначили нового архивариуса, который ничего не знал о своих предках.

По всей земле даровано было призрачным кошкам Канибуррхи символически присутствовать в Храмах.

В последнюю ночь празднеств вступил в Павильон Молчания у Миросхода одинокий бог, и долго оставался он в комнате, называемой Память. Потом засмеялся он, и долго смеялся, прежде чем вернуться в Небесный Град; и был смех его полон юности, красоты, силы и чистоты; и ветры, что кружили без устали по Небесам, подхватили смех этот и разнесли его по земле, где подивились слышавшие его странной, вибрирующей нотке торжества, в нем звучавшей.

Учитывая все это, весьма впечатляющим выдалось это время — время Любви и Смерти, Ненависти и Жизни — и Безумия.

Глава 6

После смерти Брахмы вступили Небеса в период смуты. Некоторых богов пришлось даже оттуда выслать. В то время почти каждый боялся, что его сочтут акселеристом, и так уж случилось, что в тот или иной момент почти каждый таковым и считался. Хотя мертв был Махатма Сэм, но говаривали, что

дух его продолжает, посмеиваясь, жить. И вот в дни волнений и интриг, приведших к Великой Битве, прошел слух, что жив, может, не только его дух...

Когда солнце страданья заходит,
нисходит покой,
Владыка спокойных звезд,
покой созиданья,
где кружась сереет мандала.
Молвит глупец про себя,
что мысли его — только мысли...
Сараха (98—99)

Стояло раннее утро. Около пруда с пурпурными лотосами, в Саду Наслаждений, у подножия статуи играющей на вине синей богини обнаружили Брахму.

Девушка, которая на него наткнулась, поначалу решила, что он отдыхает, ибо глаза его были открыты. Но почти сразу заметила она, что он не дышит, а лицо его искажено, но не меняет выражения.

Задрожав, стала ждать она конца света. Ну естественно, ведь бог же умер. Чуть попозже решила она, однако, что внутренняя сцепленность событий и предметов может поддержать мир еще часок-другой, а в таком случае, подумалось ей, целесообразно привлечь к делам завершающейся Юги внимание кого-либо способного с ними совладать.

И она рассказала об этом Первой Наложнице Великого Брахмы; та убедилась во всем воочию и, согласившись, что ее Господин и в самом деле мертв, первым делом обратилась к статуе синей богини, которая немедля заиграла на вине, а потом послала за Вишну и Шивой.

И те тут же явились, захватив с собой Ганешу. Осмотрев останки, они сошлись во взглядах на них и заперли обеих женщин до вынесения вердикта в их комнатах.

Потом стали держать совет.

— Нам спешно нужен новый создатель, — сказал Вишну. — Слово предоставляется для выдвижения кандидатур.

— Я предлагаю Ганешу, — сказал Шива.

— Беру самоотвод, — сказал Ганеша.

— Почему?

— Я не люблю быть на авансцене. Предпочитаю оставаться за кулисами.

— Ну а какие у нас еще альтернативы? И поживее...

— Быть может, — спросил Вишну, — разумнее сначала выяснить причины случившегося?

— Нет, — отрезал Ганеша. — Первым делом — выбор преемника. Даже вскрытие подождет. Небеса никогда не должны оставаться без Брахмы.

— Яма?

— Нет. Он слишком серьезен, слишком добросовестен. Специалист, а не администратор. К тому же сдается мне, что он эмоционально неустойчив.

— Кубера?

— Слишком ушлый. Куберы я опасаюсь.

— Индра?

— Слишком своеволен и упрям.

— Тогда Агни?

— Может быть. А может, и нет.

— Ну а Кришна?

— Слишком легкомыслен, ему не хватает рассудительности.

— Кого же предлагаешь ты?

— Какова важнейшая из стоящих сейчас перед нами проблем?

— На мой взгляд, никаких важных проблем перед нами сейчас не стоит, — заметил Вишну.

— Коли нет важных, самое разумное — заняться важнейшей, — изрек Ганеша. — Ну а важнейшая из наших проблем — это, как мне кажется, акселеризм. Сэм, появившись вновь, сильно замутил воду.

— Да, — поддержал Шива.

— Акселеризм? Зачем пинать дохлого пса?

— Э, он отнюдь не такой дохлый, как тебе кажется, и вполне способен кусаться. По крайней мере, среди людей. К тому же борьба с ним поможет отвлечь внимание от проблем преемственности внутри Тримурти и восстановит хотя бы поверхностную сплоченность здесь, в Граде. Если, конечно, вы не намерены развернуть кампанию против Ниррити и его зомби.

— Только не это...

— Не сейчас.

— Мм... да, тогда акселеризм на настоящий момент — важнейшая наша проблема.

— Ну хорошо. Акселеризм — наша важнейшая проблема.

— И кто ненавидит его больше всех?

— Ты сам?

— Абсурд. Кроме меня.

— Скажи же, Ганеша.

— Кали.

— А как же Яма?

— А что Яма? Оставьте Яму на меня.

— С удовольствием.

— Я тоже.

— Очень хорошо. Прочешите тогда весь мир — в громовой колеснице и на спине Гаруды. Отыщите Яму и Кали. Верните их на Небеса. Я подожду вашего возвращения и обдумаю последствия смерти Брахмы.

— Быть по сему.

— Идет.

— Доброго вам утра.

— Погоди, достопочтенный Вама, я хотел бы поговорить с тобой!

— Да, Кабада. Что тебе угодно?

— Мне трудно подобрать подобающие слова... Это касается некоего дельца, досточтимый купец, которое породило заметные, гм, чувства со стороны многих твоих ближайших соседей.

— Да? Так говори же.

— Касательно атмосферы...

— Атмосферы?

— Ветров и, гм, дуновений, что ли...

— Ветров? Дуновений?

— И того, что они разносят.

— Разносят? Что же они разносят?

— Запахи, добрый Вама.

— Запахи? Какие запахи?

— Запахи... гм-м... гм-м... запахи, в общем, фекальных масс.

— Чего?.. А! Да. Ну да. Ну конечно. Вполне может статься. Я об этом позабыл, к ним попривыкнув.

— Могу ли я спросить об их источнике?

— Они вызваны продуктами дефекации, Кабада.

— Это я понимаю. Меня скорее интересует, почему они тут, эти запахи, а не как и откуда взялись.

— Потому, что в задней комнате у меня стоят ведра, наполненные вышеозначенным веществом.

— Да?

— Да. Я сохраняю там все, что производит моя семья, — вот уже восемь дней.

— Для чего, достойнейший Вама?

— Не слышал ли ты о такой штуковине — поистине чудесной штуковине, в которую оные массы испускаются в воду, а затем дергаешь за рычаг, и с громким ревом все это уносится под землей далеко прочь?

— Я слыхал какие-то россказни...

— Это все правда, чистая правда. Такая штуковина и в самом деле существует. Изобрел ее совсем недавно один человек, имени которого упоминать я не стану; состоит она из большущих труб и сиденья без дна — или, скажем, без крышки. Это самое удивительное открытие нашей эпохи, и через пару-другую месяцев оно будет у меня!

— У тебя? Подобная вещь?

— Да. Она будет установлена в крохотной комнатенке, которую я пристроил сзади к своему дому. Я, пожалуй, устрою в ее честь обед и приглашу в этот день всех соседей ею воспользоваться.

— Воистину удивительно все это. Ты так любезен...

— Таков уж я...

— Ну а... запахи?..

— Исходят от ведер, в которых я держу эти массы до установки новшества.

— Но почему?

— Я бы предпочел, чтобы кармические записи гласили, что я начал пользоваться ею восемь дней тому назад, а не через несколько месяцев. Это будет свидетельствовать о стремительности моего прогресса в жизни.

— А! Теперь я вижу всю мудрость твоих поступков, Вама. Я бы не хотел, чтобы сложилось впечатление, будто мы стоим на дороге у человека, стремящегося продвинуться вперед. Прости, если так показалось.

— Прощаю.

— Твои соседи по-настоящему любят тебя — с запахами и всем прочим. Когда достигнешь более высокого положения, вспомни о нас.

— Естественно.

— Такой прогресс, должно быть, дорого стоит.

— Весьма.

— Достопочтенный Вама, мы станем находить в атмосфере этой удовольствие — со всеми ее пикантными предзнаменованиями.

— Я живу лишь вторично, добрый Кабада, но уже чувствую на себе перст судьбы.

— Да, я тоже его чувствую. Поистине, меняются ветры времени, и несут они человечеству много чудесного. Да хранят тебя боги.

— Тебя тоже. Но не забудь и благословения Просветленного, которого приютил мой троюродный брат Васу в своей пурпурной роще.

— Как могу я? Махасаматман тоже был богом. Как говорят, Вишну.

— Лгут. Он был Буддой.

— Добавь тогда и его благословение.

— Хорошо. Всего тебе доброго, Кабада.

— И тебе, достойнейший.

Яма и Кали вернулись из свадебного путешествия на Небеса. Прибыв вместе с Вишну на спине птицы по имени Гаруда, не теряя ни минуты, все втроем проследовали они сразу же в Павильон Брахмы. В Саду Наслаждений встречали их Шива и Ганеша.

— Послушайте, Смерть и Разрушение, — обратился к ним Ганеша, — Брахма мертв, и никто, кроме нас пятерых, об этом не знает.

— Как это произошло? — спросил Яма.

— Вроде бы его отравили.

— А что, вскрытия не было?

— Нет.

— Тогда я займусь этим.

— Хорошо. Но сейчас намного важнее другое.

— Что же?

— Имя его преемника.

— Да. Небеса не могут оставаться без Брахмы.

— Вот-вот... Кали, скажи мне, как ты относишься к тому, чтобы стать Брахмой — златоседлым и среброшпорым?

— Я не готова...

— Тогда начинай об этом думать, да поживее. Ты кажешься самым подходящим кандидатом.

— А владыка Агни?

— Его рейтинг заметно ниже. Он, похоже, не такой ярый антиакселерист, как мадам Кали.

— Я понимаю.

— И я...

— Ну, в общем, он замечательный бог, но не из великих.

— Да. А кто мог убить Брахму?

— У меня нет ни малейшей идеи. А у тебя?

— Пока нет.

— Но ты же отыщешь его, Владыка Яма?

— Ну да, приняв свой Облик.

— Вы, наверное, хотите посовещаться.

— Хотим.

— Тогда мы сейчас оставим вас наедине. А через час мы все вместе обедаем в этом самом Павильоне.

— Хорошо.

— Хорошо.

— Пока.

— Пока.

— Пока.

— Леди?

— Да?

— Со сменой тела автоматически свершается и развод, если только не было подписано продление брачного контракта на новый срок.

— Да.

— Брахма должен быть мужчиной.

— Да.

— Откажись от этого.

— Мой Господин...

— Ты колеблешься?

— Все это так неожиданно, Яма...

— И ты хоть на секунду задумываешься, не принять ли это предложение?

— Я должна.

— Кали, ты мучишь меня.

— Я не хотела.

— Я требую, чтобы ты отказалась от этого предложения.

— Я полноправная богиня, а не только твоя жена, Господин Яма.

— Что это значит?

— Я сама решаю, что мне делать.

— Если ты согласишься, Кали, то между нами все кончится.

— По всей видимости...

— Почему, во имя Риши, они так ополчились на акселеризм? Он же не более чем буря в стакане воды.

— Должно быть, они ощущают потребность быть против чего-либо.

— А почему ты собираешься встать во главе этого?

— Не знаю.

— Может быть, моя дорогая, у тебя есть особые причины быть антиакселеристкой?

— Я не знаю.

— По божественным меркам я молод, но много раз слышал о том, что герой, с которым прошла ты по этому миру в его ранние дни — Калкин, — был не кто иной, как все тот же Сэм. Если у тебя были причины ненавидеть своего давнишнего Господина, а им взаправду был Сэм, тогда я понимаю, почему они вербуют тебя против движения, им начатого. Правда ли это?

— Может статься.

— Тогда, если ты любишь меня — а ты мне и жена, и возлюбленная, — пусть другой будет Брахмой.

— Яма...

— Они дали на решение час.

— Я успею принять его.

— Какое же?

— Мне очень жаль, Яма...

Не дожидаясь обеда, покинул Яма Сад Наслаждений. Хотя подобное поведение и казалось злостным нарушением этикета, Яма считался среди всех богов самым недисциплинированным и прекрасно об этом знал, как и о причинах терпимости всех остальных в этом вопросе. Так что ушел он из Сада и отправился туда, где кончаются Небеса.

Весь этот день и следующую ночь провел он у Миросхода, и никто не докучал ему там. Он побывал во всех пяти комна-

тах Павильона Молчания. Ни с кем не делился он своими мыслями, не будем гадать о них и мы. Утром он вернулся в Небесный Град.

И узнал о смерти Шивы.

Трезубец оного прожег очередную дыру в Небосводе, но голова его хозяина была проломлена каким-то тупым предметом, обнаружить который пока не удалось.

Яма отправился к своему другу Кубере.

— Ганеша, Вишну и новый Брахма уже обратились к Агни с предложением занять место Разрушителя, — сказал ему Кубера. — Думаю, он согласится.

— Для Агни — превосходно, — сказал Яма. — А кто убил бога?

— Я много думал об этом, — отвечал Кубера, — и пришел к выводу, что в случае с Брахмой это должен быть кто-то достаточно к нему близкий, ведь Брахма принял от него отравленное питье или закуску; ну а в случае с Шивой — кто-то достаточно знакомый, чтобы застать его врасплох. Дальше этого я в своих рассуждениях не продвинулся.

— Один и тот же?

— Готов побиться об заклад.

— Может ли это быть частью заговора акселеристов?

— Трудно поверить. Симпатизирующие акселеризму не организованы. Ведь он совсем недавно вернулся на Небеса. Заговор? Может быть. Но более вероятно, что все это дело рук одиночки, действующего на свой страх и риск.

— А какие могут быть еще причины?

— Месть. Или одно из младших божеств ищет пути наверх. Почему вообще кто-то кого-то убивает?

— Ты не подозреваешь никого конкретно?

— Сложнее будет отбросить подозрения, чем их найти. А расследование передали в твои руки?

— Я в этом более не уверен. Думаю, что да. Но я найду, кто это сделал, кем бы он ни был, и убью его.

— Почему?

— Мне нужно что-нибудь сделать, кого-нибудь...

— Убить?

— Да.

— Жалко, мой друг.

— Мне тоже. Тем не менее это моя привилегия — и мое намерение.

— Я бы хотел, чтобы ты со мной на эти темы не разговаривал. Все это совершенно конфиденциально.

— Я никому ничего не скажу, если ты тоже сохранишь молчание.

— Даю слово, что не скажу.

— И знаешь, я присмотрю за кармическим прослеживанием — против психозондирования.

— Из-за него я об этом и упомянул. Пусть так и будет.

— Всего хорошего, мой друг.

— Всего доброго, Яма.

Яма покинул Павильон локапал. Вскоре туда заглянула богиня Ратри.

— Здравствуй, Кубера.

— Здравствуй, Ратри.

— Почему ты здесь сидишь один-одинешенек?

— Потому что некому развеять мое одиночество. А зачем пришла сюда ты — в одиночку?

— Потому что мне сейчас не с кем поговорить.

— Ты ищешь совета или беседы?

— И того, и другого.

— Садись.

— Спасибо. Я боюсь.

— Может, ты голодна?

— Нет.

— Возьми тогда что-нибудь из фруктов и чашечку сомы.

— Хорошо.

— Чего же ты боишься и как мне тебе помочь?

— Я видела, как отсюда уходил Владыка Яма...

— Да.

— И когда я посмотрела на его лицо, я вдруг осознала, что он и в самом деле бог Смерти и что есть на свете сила, которой могут бояться даже боги...

— Яма силен, и он мой друг. Могущественна Смерть, и никому она не друг. Однако они сосуществуют — и это странно. Агни тоже силен. И он — Огонь. И он мне друг. Кришна мог бы быть сильным, если бы пожелал. Но он этого никогда не хочет. Он изнашивает тела с неимоверной скоростью. Он пьет сому и занимается только музыкой и женщинами. Он ненавидит прошлое и будущее. Он тоже мой друг. Я — последний из локапал, и я не силен. Любое тело, в которое я вселяюсь, оплывает жирком. Троим моим друзьям я скорее отец,

чем брат. Я могу оценить их пьянство, музыку, влюбчивость и огонь, ибо все это проявления жизни, и посему под силу мне любить своих друзей как людей или богов. Но третий, Яма, пугает меня не меньше, чем тебя, Ратри. Когда он принимает свой Облик, то становится вакуумом, заставляющим меня, ничтожного толстяка, содрогнуться. И тогда он никому не друг. Так что не смущайся, если боишься моего друга. Ты же знаешь, когда бог в затруднении, его Облик спешит ему на помощь, богиня Ночи, как, например, сейчас воцарились в этой беседке сумерки, хотя день далек еще от своего завершения. Знай же, что встретила ты встревоженного Яму.

— Он вернулся так неожиданно.

— Да.

— Можно узнать почему?

— Боюсь, что это достаточно конфиденциальная тема.

— Касается ли это Брахмы?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я думаю, что Брахма мертв. Я боюсь, что Яме поручили найти убийцу. Я боюсь, что он отыщет меня, даже если я накличу на Небеса ночь длиною в век. Он разыщет меня, а я не могу взглянуть в лицо вакууму.

— А что ты знаешь о предполагаемом убийстве?

— Думаю, что я была последней, кто видел Брахму живым, или первой, увидевшей его мертвым, в зависимости от того, что означали его конвульсии.

— Как это случилось?

— Я пришла к нему в Павильон вчера ранним утром — замолвить перед ним слово за леди Парвати, убедить его сменить гнев на милость и разрешить ей вернуться. Мне посоветовали поискать его в Саду Наслаждений, и я пошла туда...

— Посоветовали? Кто?

— Одна из его женщин. Я не знаю ее имени.

— Продолжай. Что произошло потом?

— Я нашла его у подножия синей статуи, играющей на вине. Он бился в конвульсиях. Дыхание отсутствовало, потом стихли и судороги, он замер. Я не смогла нащупать его пульс, не услышала сердцебиения. Тогда я призвала к себе частичку тьмы и, завернувшись в ее тень, покинула Сад.

— Почему ты не позвала на помощь? Может быть, было еще не поздно...

— Потому, конечно, что я хотела его смерти. Я ненавиде-

ла его за то, что он сделал с Сэмом, за то, что он удалил Парвати и Варуну, за то, что он сделал с архивариусом Таком, за то...

— Постой, так можно продолжать весь день. Ты сразу ушла из Сада или вернулась обратно в Павильон?

— Я прошла через Павильон и опять увидела ту же девушку. Я сделалась видимой для нее и сказала, что не смогла найти Брахму и вернусь попозже... Он ведь и в самом деле мертв, не так ли? Что мне теперь делать?

— Взять что-нибудь из фруктов и глотнуть еще сомы. Да, он мертв.

— Явится ли за мной Яма?

— Ну конечно. Он возьмется за каждого, кого видели неподалеку. Это был, без сомнения, весьма быстродействующий яд, а ты была там практически в самый момент смерти. Так что он, естественно, выйдет на тебя и подвергнет, как и всех прочих, тебя психозондированию. Откуда и выяснится, что ты этого не делала. Поэтому я просто предлагаю тебе ждать, покуда тебя не вызовут. И больше никому ничего не рассказывай.

— А что мне сказать Яме?

— Если он доберется до тебя раньше, чем я доберусь до него, скажи ему все, включая и тот факт, что ты мне все рассказала, поскольку предполагается, что я не знаю ничего о происшедшем. Смерть одного из Тримурти всегда сохраняется в тайне как можно дольше, даже ценой жизней.

— Но Владыки Кармы прочтут это у тебя в памяти, когда ты предстанешь перед их судом.

— Ну да они не прочтут этого сегодня в твоей памяти. Информация о смерти Брахмы станет достоянием как можно меньшей группы богов и людей. Поскольку Яме, должно быть, поручат или уже поручили вести официальное расследование, да к тому же он сам и спроектировал психозонд, я думаю, вряд ли кто-либо из людей желтого колеса получит доступ к работе машин. Тем не менее я должен согласовать подобный подход с Ямой — или его ему предложить — немедленно.

— Прежде чем ты уйдешь...

— Да?

— Ты сказал, что лишь немногие могут об этом знать, даже если это зависит от чьей-то жизни. Не означает ли это, что я?..

— Нет. Ты будешь жить, поскольку я ограждаю тебя.

— Но почему?

— Потому что мы друзья.

Яма управлял зондирующей умы машиной. Он прозондировал уже тридцать семь душ; все они могли посетить Брахму в его Саду на протяжении предшествовавшего убийству дня. Одиннадцать из них были богами, и среди них — Ратри, Сарасвати, Вайю, Мара, Лакшми, Муруган, Агни и Кришна.

И среди всех тридцати семи богов и людей ни один не оказался виновным.

Кубера стоял рядом с Ямой и разглядывал распечатки психопроб.

— Что теперь, Яма?

— Не знаю.

— Может быть, убийца был невидимкой?

— Может.

— Но ты так не думаешь?

— Не думаю.

— А если каждого в Граде подвергнуть зондированию?

— Ежедневно множество людей посещает Град, прибывает и убывает через многочисленные входы и выходы...

— А ты не подумал, что здесь может быть замешан один из ракшасов? Они же опять скитаются по миру, как ты хорошо знаешь, — и они нас ненавидят.

— Ракшасы не отравляют своих жертв. А кроме того, я не верю, что один из них мог бы пробраться в Сад вопреки действию отпугивающих демонов благовоний.

— Ну а что теперь?

— Вернусь к себе в лабораторию и обдумаю все еще раз.

— Могу я проводить тебя в Безбрежные Чертоги Смерти?

— Если желаешь.

Кубера пошел с Ямой, и пока тот размышлял, толстый бог изучал каталог психолент, заведенный богом Смерти во времена первых его экспериментов с зондированием. Ленты эти никуда не годились, здесь были только какие-то обрывки; одни лишь Властители Кармы обладали доведенными до настоящего времени записями жизни всех и каждого в Небесном Граде. Кубера, конечно же, знал об этом.

Новое открытие печатного станка имело место в городе Дезирате на берегу реки Ведры. Там же проводились и очень смелые эксперименты с ватерклозетами. А еще появилось двое замечательных храмовых художников, а один старый стеколь-

щик сделал пару бифокальных очков и принялся за следующую. Иными словами, налицо были признаки начинающегося в одном из городов-государств ренессанса.

Брахма решил, что пришла пора выступить против акселеризма.

На Небесах начало формироваться ополчение. По Храмам соседних с Дезиратом городов разослан был призыв к правоверным готовиться к священной войне.

Разрушитель Шива носил лишь символический трезубец, ибо по-настоящему он полагался на огненосный жезл, с которым никогда не расставался.

Златоседлый и среброшпорый Брахма вооружился мечом, колесом и луком.

Новый Рудра приспособился к луку и колчану своего предшественника.

Ну а Владыка Мара носил переливчатый плащ, который беспрерывно менял цвета, и никто не мог сказать, как он был вооружен или какой колесницей управлял. Стоило посмотреть на него чуть подольше, и все плыло в голове у смотрящего, предметы вокруг Сновидца меняли свои формы, лишь кони его оставались неизменны, и с губ их постоянно капала кровь, и капли ее дымились, упав на землю.

Затем отобрали полсотни полубогов, и они безуспешно учились обуздывать неловкие свои Атрибуты, мечтая усилить свой Облик и выслужиться в битве.

Кришна уклонился от предстоящего сражения и ушел играть на свирели в Канибуррху.

Он отыскал его валяющимся на травянистом склоне холма недалеко от Града, уставившимся прямо в наполненное звездами небо.

— Добрый вечер.

Он отвел взгляд от неба и кивнул.

— Как твои дела, добрый Кубера?

— Да ничего, Владыка Калкин. Ну а твои?

— Неплохо. Не найдется ли у тебя при всей твоей импозантности сигаретки?

— Никогда с ними не расстаюсь.

— Спасибо.

— Огоньку?

— Да.

— Не ворон ли кружил над Буддой, перед тем как мадам Кали выпустила ему кишки?

— Давай поговорим о чем-либо более приятном.

— Ты убил слабого Брахму, а на смену ему пришел Брахма сильный.

— Да?

— Ты убил сильного Шиву, но заменил его равный по силам.

— Жизнь полна перемен.

— Чего ты надеешься достичь? Отмщения?

— Месть — это часть персональной иллюзии. Как может человек убить то, что не живет и не умирает на самом деле, но существует лишь как отражение Абсолюта?

— Ты, однако, прекрасно со всем этим справился, даже если это, как ты утверждаешь, всего лишь перестановка.

— Спасибо.

— Почему ты за это принялся?.. И я бы предпочел трактату какой-либо ответ попроще.

— Я намеревался стереть с лица земли всю небесную иерархию. Хотя теперь начинает казаться, что этому намерению уготована участь всех благих побуждений.

— Скажи, почему ты сделал это.

— Если ты расскажешь мне, как ты меня разыскал...

— По рукам. Ну так почему?

— Я решил, что человечеству будет лучше жить без богов. Если я избавлюсь от них, люди опять начнут открывать консервные банки консервным ножом, не боясь гнева Небес. Мы уже и так достаточно задавили этих бедолаг. Я хотел дать им шанс на свободу, шанс построить то, что они хотят.

— Но они живут, и живут, и живут.

— Иногда да, иногда нет. Так же, как и боги.

— Ты был чуть ли не последним акселеристом во всем мире, Сэм. Никто бы не подумал, что к тому же и самым смертоносным.

— Как ты меня нашел?

— Мне подумалось, что, не будь Сэм мертв, он бы, без сомнения, стал подозреваемым номер один.

— Я по простоте душевной полагал, что смерть — достаточное алиби.

— И я спросил себя, мог ли Сэм каким-то образом ускользнуть от смерти. Кроме смены тела, я ничего не сумел

придумать. Кто, спросил я тогда себя, принял новое тело в день смерти Сэма? Только Бог Муруган. Логика, конечно, хромала, ибо сделал он это после смерти Сэма, а не до нее. И я временно отложил все это в сторону. Ты — Муруган — был среди тридцати семи подозреваемых и доказал при зондировании свою невиновность. Казалось, что я на ложном пути, пока я не подумал об очень простом способе проверить эту идею. Сам Яма может обойти зондирование, почему же это не под силу и кому-нибудь еще? Тут я вспомнил, что Атрибут Калкина на самом деле включал в себя и контроль над молниями и прочими электромагнитными явлениями. Он мог бы заблокировать и обмануть машину своим мозгом так, что она не заметила бы зла. Значит, чтобы проверить мою идею, нужно было посмотреть не что машина прочла, а как она это сделала. Как и отпечатки пальцев, общие схемы структур рассудка не совпадают у двух разных людей. Но переходя из тела в тело, каждый переносит за собой подобную мозговую матрицу, хотя и запечатленную в различных мозгах. Независимо от содержащихся в уме мыслей общая мыслительная структура у каждой личности при любой записи постоянна. Я сравнил твою запись с записью Муругана, найденной в лаборатории Ямы. Они разные. Я не знаю, как тебе удалось сменить тело, но я узнал, кто ты такой на самом деле.

— Очень умно, Кубера. Кто-нибудь еще ознакомлен со столь странными рассуждениями?

— Еще никто. Однако я боюсь, что Яма догадается довольно скоро. Он всегда разрешает проблемы.

— Почему ты рискуешь жизнью, явившись ко мне со всем этим?

— Обычно человек не достигает твоего — или моего — возраста, не обладая некоторой долей рассудительности. Я знал, что ты по крайней мере выслушаешь меня, прежде чем нанести удар. А кроме того, я знаю, что, поскольку я собираюсь сказать хорошее, ничего плохого со мной не случится.

— Что ты предлагаешь?

— Мне достаточно симпатичны твои поступки, чтобы помочь тебе ускользнуть с Небес.

— Спасибо, нет.

— Ты бы ведь хотел победить в этом соперничестве, разве нет?

— Да, и я добьюсь этого своим собственным путем.

— Как?

— Я вернусь сейчас в Град и уничтожу столько богов, сколько смогу, пока они меня не остановят. Если погибнут многие из важнейших, остальные не смогут удержать свою твердыню от падения.

— Ну а если ты проиграешь, если падешь ты сам? Что будет тогда с миром и идеями, за которые ты борешься? Сможешь ли ты восстать еще раз, чтобы защитить их?

— Не знаю.

— Как тебе удалось вернуться назад?

— Когда-то мною обладал демон. Он, похоже, преисполнился ко мне некоторой симпатии и, когда мы попали в переделку, сказал мне, что «усилил мое пламя», чтобы я мог существовать независимо от своего тела. Я забыл об этом и не вспоминал до самого того момента, когда увидел лежащее подо мною на улице Града свое собственное искалеченное тело. Я знал только об одном месте, где можно было раздобыть себе новое, — о Павильоне Властителей Кармы. Там оказался Муруган, требовавший, чтобы его обслужили. Как ты заметил, моя сила кроется в управлении электромагнитными явлениями. Ну и как там выяснилось, работает она и без поддержки мозга, — когда цепи были мгновенно переключены и я вошел в новое тело, ну а Муруган пошел ко всем чертям.

— То, что ты мне все это рассказываешь, означает, по-видимому, что меня ты намерен отправить по его стопам.

— Мне бы не хотелось, добрый Кубера, ибо я люблю тебя. Если ты дашь мне слово, что забудешь все, о чем узнал, и подождешь, пока это не откроет кто-нибудь другой, я отпущу тебя живым.

— Ты рискнешь?

— Я знаю, что ты никогда не нарушал своего слова, а ведь ты ровесник небесных холмов.

— Кого из богов ты убьешь первым?

— Яму, конечно, ибо он идет по моим следам.

— Тогда, Сэм, тебе придется убить и меня, ведь он мой брат-локапала и добрый друг.

— Я уверен, что мы оба будем сожалеть, если мне придется убить тебя.

— А может, твое знакомство накоротке с ракшасами привило и тебе некий вкус к азартным играм?

— Какого сорта?

— Выигрываешь ты — и я даю слово ни о чем не говорить. Выигрываю я — и ты улетаешь отсюда со мною на спине у Гаруды.

— А что за состязание ты предлагаешь?

— Ирландский ванька-встанька.

— С тобой, толстый Кубера?.. Ты предлагаешь это мне, в моем великолепном новом теле?

— Да.

— Тогда первый удар — твой.

На темном холме, на дальней окраине Небес Сэм и Кубера застыли друг напротив друга.

Кубера отвел назад правый кулак и затем послал его точно Сэму в челюсть.

Сэм упал, чуть-чуть полежал, медленно поднялся на ноги. Потирая челюсть, занял первоначальную позицию.

— Ты сильнее, чем кажешься, Кубера, — сказал он и ударил.

Кубера растянулся на земле, со свистом втягивая воздух.

Он попытался встать, обдумал, как лучше за это приняться, издал отрывистый стон и с трудом поднялся на ноги.

— Не думал, что ты встанешь, — сказал Сэм.

Кубера направился к нему, темная, влажная линия спускалась у него по подбородку.

Когда он занял свою позицию, Сэм дрогнул.

Кубера ждал, глубоко втягивая в себя воздух.

Беги под покровом серой стены сумерек. Спасайся! За скалу. Прячься! Ярость обращает потроха твои в воду.

— Бей! — сказал Сэм. Кубера улыбнулся и ударил его.

Он лежал, и его била мелкая дрожь, и тут слились воедино все голоса ночи: шепот насекомых, дуновение ветра, вздохи трав, — и стали ему внятны.

Дрожи, как забытый на ветке осенний лист. В груди у тебя глыба льда. В мозгу твоем не осталось слов, только цвета мечутся там в панике...

Сэм затряс головой и привстал на колени.

Падай обратно, свернись в клубок и плачь. Ибо так начинается человек, и так же он и кончается. Вселенная — это катящийся черный шар. Он раздавит все, к чему только ни прикоснется. Он катится на тебя. Спасайся! Ты можешь немного выиграть, быть может, час, пока он не настиг тебя...

Он поднес руки к лицу, опустил их, свирепо уставился на Куберу, встал.

— Ты построил комнату, называемую Страх, — сказал он, — в Павильоне Молчания. Я вспомнил твою силу, старый бог. Но ее не хватит.

Невидимый конь мчит сквозь угодья твоего разума. Ты узнаешь его по отпечаткам подков, каждый из которых — рана...

Сэм занял свое место, сжал кулак.

Небо трещит у тебя над головой. Земля вот-вот разверзнется под ногами. А что за высокая тень встала у тебя за спиной?

Кулак Сэма дрогнул, но тут же устремился вперед.

Кубера отшатнулся назад, голова его мотнулась в сторону, но он остался на ногах.

Сэм стоял там, и его била дрожь, когда Кубера отвел назад свою правую руку для завершающего удара.

— Старый бог, ты жульничаешь, — сказал он.

Кубера улыбнулся сквозь кровь, и его кулак устремился вперед, словно черный шар.

Яма беседовал с Ратри, когда ночную тишину разорвал крик проснувшегося Гаруды.

— Раньше такого никогда не бывало, — пробормотал он.

Небеса медленно начали раскрываться.

— Быть может, это выезжает Великий Вишну...

— Он никогда не делал этого ночью. Когда я недавно с ним разговаривал, он об этом и словом не обмолвился.

— Значит, кто-то другой из богов рискнул использовать его транспорт.

— Нет! Скорей к загонам, леди! Мне может понадобиться твоя помощь.

И он потащил ее за собой к стальному гнезду птицы.

Гаруда был уже разбужен и отвязан, но голову его все еще покрывал колпак.

Кубера, принеся сюда Сэма, привязал его, все еще не пришедшего в сознание, к седельному сиденью. Спустившись вниз, он сделал последние приготовления. Верхняя часть клетки откатилась в сторону. Затем, прихватив длинный металлический подкрыльный багор, он направился к веревочной лест-

нице. От птичьего запаха его мутило, кружилась голова. Гаруда пребывал в беспокойстве, не находя себе места, топорщил перья, каждое из которых вдвое превышало человеческий рост.

Медленно начал карабкаться наверх Кубера.

Когда он пристегивался к седлу, рядом с клеткой появились Яма и Ратри.

— Кубера! Ты что, сошел с ума? — закричал Яма. — Ты же всегда избегал высоты!

— Неотложное дело, Яма, — отвечал тот, — а на то, чтобы снарядить громовую колесницу, уйдет не меньше дня.

— Какое такое дело, Кубера? И почему тебе не взять гондолу?

— Гаруда быстрее. А о деле я расскажу тебе, когда вернусь.

— Я, может быть, могу тебе помочь.

— Нет. Спасибо.

— Ну а Господин Муруган может?

— В этом случае — да.

— Вы же всегда были не в ладах.

— Да и сейчас. Но мне нужна его помощь.

— Эй, Муруган!.. Почему он не отвечает?

— Он спит, Яма.

— У тебя, брат, на лице кровь.

— Да, тут со мной приключился один пустяк.

— Да и с Муруганом, похоже, плохо обошлись.

— Все тот же случай.

— Что-то здесь не так. Подожди, я сейчас зайду в клетку.

— Не ходи, Яма!

— Локапалы не отдают друг другу приказов. Мы равны.

— Не ходи, Яма! Я снимаю с головы Гаруды колпак!

— Не делай этого!

Глаза Ямы вдруг вспыхнули, и внутри своих алых одежд он вроде бы стал выше ростом.

Кубера наклонился вперед и, вытянув багор, сдернул колпак с головы птицы. Гаруда закинул назад голову и испустил новый крик.

— Ратри, — сказал Яма, — покрой тенью глаза Гаруды, чтобы он не мог видеть.

И Яма направился к входу в клетку. Темнота, словно клубящаяся грозовая туча, окутала птичью голову.

— Ратри! — крикнул Кубера. — Сними темноту и опусти ее на Яму — или все пропало!

Лишь миг колебалась Ратри, прежде чем сделать, как он сказал.

— Скорей ко мне! — прокричал он. — Забирайся на Гаруду, полетим вместе. Ты нам очень нужна!

Она вошла в клетку и пропала из виду, ибо темнота все прибывала и прибывала; Яма ощупью пытался найти дорогу в чернильном пруду.

Лестница раскачивалась и дергалась, пока Ратри взбиралась на птицу. А затем Гаруда вдруг завопил и подпрыгнул, ибо Яма на своем пути размахивал вслепую клинком направо и налево.

На них нахлынула ночь, и через миг Небеса остались далеко внизу.

Когда они набрали высоту, небесный купол начал закрываться.

С новым воплем устремился Гаруда к вратам.

Они успели в них проскочить, и Кубера пришпорил птицу.

— Куда мы направляемся? — спросила Ратри.

— В Дезират на реке Ведре, — отвечал тот. — А это Сэм. Он жив.

— Что случилось?

— Он — тот, кого разыскивает Яма.

— А не явится ли он за ним в Дезират?

— Без сомнения, леди. Без всякого сомнения. Но до того как он его отыщет, мы успеем к этому подготовиться.

В предшествовавшие Великой Битве дни стекались в Дезират защитники. Кубера, Сэм и Ратри явились в город с предупреждением. В Дезирате уже знали о мобилизации в соседних городах, но известие о небесных карателях явилось здесь новостью.

Сэм проводил учения с войсками, которым предстояло сражаться против богов, а Кубера взял на себя тех, чьими противниками должны были стать люди.

Черные доспехи выкованы были для богини Ночи, о которой сказано было: «Храни же нас от волка и волчицы, храни от вора нас, о Ночь».

А на третий день перед палаткой Сэма на равнине у города возник столб пламени.

— Это Повелитель Адова Колодезя явился выполнить свое обещание, о Сиддхартха! — зазвенел в голове у Сэма голос.

— Тарака! Как ты нашел и узнал меня?

— Я смотрю на пламя, которое и есть твоя истинная сущность, а не на плоть, ее маскирующую. Ты же знаешь об этом.

— Я думал, ты мертв.

— Я был на грани. Те двое и в самом деле пьют глазами жизнь! Даже жизнь таких, как я.

— Я же тебе говорил. Привел ли ты с собой свои полчища?

— Да, привел.

— Хорошо. Скоро против этого города выступят боги.

— Знаю. Много раз посещал я Град на вершине ледяной горы, а лазутчики мои и сейчас находятся там. Поэтому мне известно, что готовятся они напасть на вас и побуждают людей принять участие в битве. Хотя они и не считают необходимой помощь людей, кажется им полезным объединиться с ними при разрушении Дезирата.

— Да, такую позицию нетрудно понять, — кивнул Сэм, изучая могучий вихрь желтого пламени. — Какие еще у тебя новости?

— Тот, что в Красном, грядет.

— Я его ждал.

— На погибель. Я должен сразить его.

— Учти, что на нем будет демонический репеллент.

— Значит, я найду способ удалить его, или же мне придется убить его на расстоянии. Он будет здесь еще засветло.

— А как он доберется?

— В летающей машине — не такой большой, как громовая колесница, которую мы тогда пытались угнать, но очень быстрой. Я не могу напасть на нее в полете.

— Он один?

— Да — если не считать машин.

— Машин?

— Множества механизмов. Его летательный аппарат просто набит странным оборудованием.

— Это может сулить большие неприятности.

Крутящееся пламя стало оранжевым.

— Но на подходе и другие.

— Ты же сказал, что он летит в одиночку.

— Ну да.

— Так что же ты имеешь в виду?

— Остальные идут не с Небес.

— Откуда же тогда?

— С тех пор как тебя забрали на Небеса, я много путешествовал, я буквально обшарил весь этот мир снизу доверху в поисках союзников среди тех, кто ненавидит богов и Град. Кстати, в твоей последней инкарнации я на самом деле пытался спасти тебя от кошек Канибуррхи.

— Я знаю.

— Боги действительно сильны — сильнее, чем когда-либо раньше.

— Но скажи же, кто идет нам на помощь.

— Повелитель Ниррити Черный, который ненавидит всех и все, но более всего ненавидит богов из Небесного Града. Он шлет сражаться на равнине у Ведры свою нежить — тысячу не душ, но штук. Он объявил, что после битвы мы, ракшасы, вольны выбирать себе любые уцелевшие тела выращенных им безмозглых мертвяков.

— Не по нраву мне помощь Черного, но выбирать не приходится. И когда они прибудут?

— Ночью. А раньше появится Далисса. Я уже чувствую ее приближение.

— Далисса? Кто это?..

— Последняя из Матерей Нестерпимого Зноя. Только она одна ускользнула в глубины, когда Дурга и Лорд Калкин обрушились на морской купол. Ей раздавили все яйца, и она больше не может ничего отложить, но внутри своего тела все еще несет она всесжигающую мощь морского зноя.

— И ты что, полагаешь, что она поможет мне?

— Она не поможет никому. Она последняя из своего рода. Она примет участие на равных.

— Тогда знай, что та, которую звали когда-то Дургой, облачена ныне в тело Брахмы, вождя наших врагов.

— Ага, это делает вас обоих мужчинами. Далисса могла бы принять ее сторону, останься Кали женщиной. Но она уже выбрала, на чью сторону встать. Она выбрала тебя.

— Это позволит немного подравнять шансы.

— На сей раз ракшасы пригонят сюда слонов, ящеров и огромных кошек, чтобы натравить их на наших врагов.

— Хорошо.

— И они призвали огненные элементали.

— Отлично.

— Далисса уже неподалеку. Она будет ждать на дне реки, чтобы подняться, когда потребуется.

— Передай ей от меня привет, — сказал Сэм, поворачиваясь, чтобы вернуться к себе в палатку.

— Передам.

И он опустил за собой полог.

Когда бог Смерти спустился на равнину, тянущуюся вдоль Ведры, набросился на него в облике огромной кошки из Канибуррхи предводитель ракшасов Тарака.

И тут же отскочил назад. Ибо пользовался Яма демоническим репеллентом, и не мог из-за этого Тарака с ним сблизиться.

Взорвалась кошка, чтобы стать круговертью серебряных пылинок.

— Бог Смерти! — взорвались слова в голове у Ямы. — Помнишь Адов Колодезь?

И тут же всосал в себя смерч камни, щебень, обломки скал и швырнул все это издали в Яму, который завернулся в свой плащ, загородил его полою глаза и больше не пошевельнулся.

Через минуту-другую яростный напор иссяк.

Яма не пошевелился. Вся земля вокруг была усеяна мусором — кроме небольшого круга, в котором стоял он, но не было ни одного камня.

Яма опустил плащ и уставился на крутящийся вихрь.

— Что за колдовство? — послышались слова. — Как ты ухитрился устоять?

Яма не сводил с Тараки взгляда.

— Как ты ухитряешься крутиться? — спросил он в ответ.

— Я — величайший из ракшасов. На меня уже падал твой смертельный взгляд.

— А я — величайший из богов. Я выстоял в Адовом Колодезе против всей вашей орды.

— Ты лакей Тримурти.

— Ошибаешься. Я явился сюда, чтобы сражаться здесь с Небесами во имя акселеризма. Велика моя ненависть, и принес я с собой оружие, чтобы поднять его против Тримурти.

— Тогда придется мне, похоже, отложить до лучших времен удовольствие от продолжения нашей схватки...

— Что представляется весьма благоразумным.

— И ты, без сомнения, хочешь, чтобы тебя проводили к нашему вождю?

— Я и сам могу найти дорогу.

— Тогда — до следующей встречи, Владыка Яма...

— До свидания, ракшас.

И Тарака, пылающей стрелой вонзившись в небо, исчез из виду.

Одни говорят, что распутал Яма загадку, пока стоял в огромной клетке среди темноты и птичьего помета. Другие утверждают, что повторил он рассуждения Куберы чуть позже и проверил их с помощью лент, хранящихся в Безбрежных Чертогах Смерти. Как бы там ни было, вступив внутрь палатки, разбитой на равнине неподалеку от полноводной Ведры, обратился он к находившемуся там человеку по имени Сэм. Положив руку на свой клинок, встретил тот его взгляд.

— Смерть, ты опережаешь битву, — сказал он.

— Кое-что изменилось, — ответил Яма.

— Что же?

— Моя позиция. Я пришел сюда, чтобы выступить против воли Небес.

— Каким образом?

— Сталью. Огнем. Кровью.

— В чем причина этой перемены?

— На Небесах в закон вошли разводы. И предательства. Посрамление. Леди зашла слишком далеко, и теперь я знаю причину, Князь Калкин. Я не принимаю ваш акселеризм и не отвергаю его. Для меня важно лишь, что он представляет ту силу, которая способна сопротивляться Небесам. Как к таковой я и присоединяюсь к вам, если ты примешь мой клинок.

— Я принимаю твой клинок, Господин Яма.

— И я подниму его против любого из небесного воинства — кроме только самого Брахмы, с которым от встречи уклонюсь.

— Хорошо.

— Тогда дозволь мне стать твоим колесничим.

— Я не против, но у меня нет боевой колесницы.

— Одну, весьма необычную, я захватил с собой. Разрабатывал я ее очень долго, и она все еще не завершена. Но хватит и этого. Нужно собрать ее сегодня же ночью, ибо завтра с рассветом разгорится битва.

— Я предчувствую это. Ракшасы к тому же предупредили, что неподалеку передвигаются войска.

— Да, пролетая над ними, я это заметил. Главное направление удара — с северо-востока, со стороны равнины. Позже вступят и боги. Ну а отдельные отряды будут, без сомнения, нападать и с других направлений, в том числе и с реки.

— Реку мы контролируем. Зной Далиссы дожидается на дне. Когда придет ее час, она сможет поднять могучие волны, вскипятить их и залить ими берега.

— Я думал, что Зной стерт с лица земли!

— Кроме нее. Она последняя.

— Как я понимаю, с нами будут и ракшасы?

— Да, и не только...

— А кто еще?

— Я принял помощь — полчище, отряд безмозглых тварей — от Властелина Ниррити.

Глаза Ямы сузились, ноздри раздулись.

— Это нехорошо. Рано или поздно, но его все равно надо будет уничтожить, и не стоило залезать к нему в долги.

— Знаю, Яма, но положение у меня отчаянное. Они прибывают сегодня ночью...

— Если мы победим, Сиддхартха, низвергнем Небесный Град, подорвем старую религию, освободим человека для индустриального прогресса — все равно останутся у нас противники. И тогда уже надо будет бороться и низвергать Ниррити, веками дожидавшегося, пока боги уйдут со сцены. А если нет, так опять все то же самое — а Боги Града обладали, по крайней мере, некоторой толикой такта в своих неправедных деяниях.

— Думаю, он пришел бы к нам на помощь в любом случае, просили бы мы его об этом или нет.

— Да, но позвав его — или приняв его предложение, — ты теперь ему кое-чем обязан.

— Я начну разбираться с этим, когда на то будет нужда.

— Ну да, это политика. Но мне это не по нраву.

Сэм налил темного и сладкого вина Дезирата.

— Думаю, что Кубера будет рад тебя увидеть, — сказал он, поднося Яме кубок.

— А чем он занят? — спросил тот, принимая сосуд, и тут же его залпом осушил.

— Обучает войска и ведет курс лекций по двигателям

внутреннего сгорания для всех местных ученых, — ответил Сэм. — Даже если мы проиграем, кто-то может уцелеть и всплыть где-то еще.

— Если это действительно будет когда-то использовано, им следовало бы знать не только устройство двигателей...

— Он уже охрип, он говорит целыми днями, а писцы трудятся, записывая все, что он сказал, — по геологии, горному делу, металлургии, нефтехимии...

— Будь у нас больше времени, я бы помог в этом. Ну а сейчас, даже если уцелеет всего процентов десять, этого может быть достаточно. Не завтра или послезавтра, но...

Сэм допил свое вино и вновь наполнил кубки.

— За день грядущий, колесничий!

— За кровь, Бич, за кровь и за погибель!

— Кровь может быть и нашей, бог Смерти. Но коли мы прихватим за собой достаточно врагов...

— Я не могу умереть, Сиддхартха, кроме как по собственному выбору.

— Как это может быть, Господин Яма?

— Пусть у Смерти останутся свои маленькие секреты. Да я могу и отказаться от права выбора в этой битве.

— Как пожелаешь, Господин.

— За твое здоровье и долгую жизнь.

— За твои.

Рассвет в день битвы выдался розовым, как свежеотшлепанное девичье бедро.

С реки тянулся легкий туман. На востоке золотом горел Мост Богов, погружаясь другим своим, темнеющим концом в отступающую ночную мглу, словно пылающим экватором делил пополам небеса.

На равнине у Ведры ждали своего часа воины Дезирата. Пять тысяч человек, вооруженных мечами и луками, пиками и пращами, дожидались битвы. Стояла в первых рядах и тысяча зомби, ведомых живыми сержантами Черного, которые управляли всеми их движениями посредством барабанного боя; легкий утренний ветерок перебирал шарфы черного шелка, которые, словно змейки дыма, вились над их шлемами.

Сзади расположились пятьсот копейщиков. В воздухе серебряными вихрями висели ракшасы. Временами откуда-то из еще не рассеявшихся сгустков тени доносился рык какого-то дикого обитателя джунглей. Огненные элементали рдели

на концах веток, на наконечниках копий, на флагштоках и вымпелах.

Ни одно облачко не омрачало небесную лазурь. Трава еще сохранила утреннюю влагу и сверкала россыпью росинок. В рассветной прохладе почва хранила ночную мягкость и готова была оставить на себе отпечатки попирающих ее ног. Под небесами глаза переполняли серые, зеленые, желтые тона; Ведра вскипала меж берегов водоворотами, собирая листья с обступивших ее гурьбой деревьев. Говорят, что повторяет вкратце каждый день историю всего мира, медленно проступает из темноты и хлада, пробуждаемый чуть брезжущим светом и нарождающимся теплом, расцветает утро — и щурится уже пробудившееся сознание сквозь сумятицу алогичных мыслей и ералаш не связанных друг с другом эмоций, к полудню все дружно устремляется к строгости порядка, чтобы потом медленно, горестно течь под уклон, сквозь скорбный упадок сумерек, мистические видения вечернего полумрака, — к энтропийному концу, каковым снова оказывается ночь.

Наступил день.

На дальнем краю поля виднелась черная линия. Острый звук трубы прорезал воздух, и линия эта двинулась вперед.

Сэм стоял на боевой колеснице во главе своих войск, блестели его вороненые доспехи, смерть таило в себе длинное серое копье. Послышались слова облаченной в алое Смерти, его колесничего:

— Первая волна — это ящерная кавалерия.

Прищурясь, Сэм всматривался в далекую линию.

— Вот они, — сказал возница.

— Отлично.

Он взмахнул копьем, и, словно белопенный прибой, устремились вперед белые огни ракшасов. Шагнули вперед зомби.

Когда сошлись друг с другом белая волна и темная линия, разнесся по всему полю гвалт смешавшихся воедино голосов, шипение и бряцание оружия.

Остановилась темная линия, поднялись над нею огромные сгустки пыли. А затем все покрыли звуки пробуждающихся джунглей, это во фланг противнику пущены были собранные по лесам хищники.

Под медленный, размеренный ритм барабанов марширо-

вали зомби, а перед ними текли вперед огненные элементали, и блекла и выцветала трава на их пути.

Сэм кивнул Смерти, и их колесница медленно двинулась с места, мягко покачиваясь на своей воздушной подушке. У него за спиной зашевелилось воинство Дезирата. Владыка Кубера спал в это время мертвым сном, наглотавшись сновторных, в сокровенном укрытии под городом, Госпожа Ратри на черной кобыле следовала за рядами копейщиков.

— Их атака отбита, — сказала Смерть.

— Да.

— Вся их кавалерия расстроена, и звери все еще свирепствуют среди нее. Они до сих пор не перестроили свои порядки. Ракшасы обрушились на них с небес, как ливень. А теперь их настиг огненный поток.

— Да.

— Мы уничтожим их. Как раз сейчас видят они, как безмозглые выпестыши Ниррити наступают на них, вышагивая все как один, в ногу и без страха, под равномерный и жуткий барабанный бой, — и ничего нет у них в глазах, ничего. А над головами зомби видят они нас, словно окруженных грозовой тучей, и видят они, что Смерть правит твоей колесницей. И чаще бьются их сердца, и холод сковывает их члены. Видишь, как рыщут среди них дикие звери?

— Да.

— Пусть не трубит никто в наших рядах победу, Сиддхартха. Ибо это не битва, а бойня.

— Да.

Зомби убивали всех, кто попадался им на пути, а когда падал кто-то из них самих, не раздавалось ни слова, ни звука, ибо им было все равно, а слова для нежити ничего не значат.

Они прошлись по всему полю, и все новые волны воинов обрушивались на них. Но кавалерия была разбита, пехотинцы же не могли устоять против копейщиков и ракшасов, зомби и пехоты Дезирата.

Острыми как бритва лезвиями прорезала колесница ряды врагов, словно пламя, пролетая по полю, управляемая Смертью. Посылаемые в нее снаряды и копья сворачивали в полете на полпути под прямым углом и падали далеко от боевой машины и ее экипажа. Темное пламя плясало в глазах Смерти, а сам колесничий, казалось, слился с двумя кольцами-близнецами, при помощи которых управлял он своим детищем. Снова

и снова безжалостно направлял он его на врагов, и копье Сэма жалило, словно жало змеи, когда они проносились сквозь их ряды.

Откуда-то прозвучал сигнал к отступлению. Но почти некому было к нему прислушаться.

— Утри слезы, Сиддхартха, — сказала Смерть, — и перестрой войска. Пришло время усилить натиск. Меченосец Манжушри должен отдать приказ о наступлении.

— Да, Смерть, я знаю.

— Поле осталось за нами, но еще не вечер. Боги наблюдают, оценивая наши силы.

Сэм подал поднятым копьем сигнал, и его войска всколыхнулись. Затем они вновь замерли на месте. Вдруг все стихло, ни ветерка, ни звука, повсюду разлилась неподвижность. Синело небо. Утоптанное тысячами ног, серо-зеленым ковром расстилалось поле. Вдали, словно призрачная ограда, висела пыль.

Сэм оглядел ряды своего воинства и взмахнул копьем. В этот миг ударил гром.

— На поле выходят боги, — сказала Смерть, глядя вверх.

Над ними пронеслась громовая колесница. Но ливень разрушения не хлынул им на головы.

— Почему мы еще живы? — спросил Сэм.

— Я думаю, они хотят, чтобы наше поражение было как можно более позорным. К тому же они, наверное, боятся обратить громовую колесницу против ее создателя — и правильно делают.

— В таком случае... — сказал Сэм и подал своим войскам сигнал к наступлению.

Колесница вынесла его вперед.

За ним двинулось воинство Дезирата.

Они порубили отставших. Они прорвались сквозь гвардию, которая пыталась их задержать. Под тучей стрел перебили они лучников. И лицом к лицу сошлись с основной массой святых воителей, давших обет стереть с лица земли город Дезират.

И тут протрубили небесные трубы.
Расступились ряды воителей-людей.
Выехало пятьдесят полубогов.

Сэм поднял копье.

— Сиддхартха, — сказала Смерть, — никогда не был Князь Калкин побежден в битве.

— Знаю.

— Со мной Талисман Бича. На костре у Миросхода сгорела подделка. Я подменил его, чтобы изучить на досуге. Досуга у меня, правда, не было. Постой минуту, я надену его на тебя.

Сэм поднял руки, и Смерть застегнула у него на талии пояс из раковин.

Он подал своим войскам знак остановиться.

Смерть мчала его в одиночку навстречу полубогам.

Над головами некоторых из них переливались нимбы зачаточных Обликов. Другие несли странное оружие, чтобы сфокусировать на нем странные свои Атрибуты. Языки пламени лизнули колесницу. Ветры налетели на нее. Обрушился грохот. Сэм взмахнул копьем, и первые трое из его противников зашатались и рухнули со спин своих ящеров.

Смерть устремила на них свою колесницу.

Как бритва остры были косы, которые приладила Смерть к своей колеснице; и была она втрое быстрее лошади и вдвое — ящера.

Туман окутал Сэма, туман, подкрашенный кровью. Навстречу ему неслись тяжелые снаряды — и исчезали то с одной, то с другой стороны от колесницы. Сверхзвуковой вой заполнял его уши, но что-то ослабляло его до терпимых пределов.

Не меняясь в лице, воздел Сэм свое копье высоко над головой.

И вдруг вспышка неожиданной ярости исказила его лицо, и с наконечника копья ударили в ответ молнии.

Опалило, обуглило ящеров и их всадников.

Ноздри Сэма раздулись от запаха горелой плоти.

Он засмеялся, и Смерть развернула колесницу для новой атаки.

— Смотрите ли вы на меня? — прокричал Сэм в небо. — Смотрите — и остерегайтесь! Ибо вы ошиблись!

— Не надо! — вмешалась Смерть. — Слишком рано! Никогда не насмехайся над богом, пока с ним не покончено!

И еще раз промчалась колесница сквозь ряды полубогов, и ни одному не удалось коснуться ее.

Разнесся призыв трубы, и священное ополчение ринулось на помощь.

Навстречу им двинулись воины Дезирата.

Сэм стоял на своей колеснице, и вокруг него с грохотом падали тяжелые снаряды, но ни один из них не достиг цели. Смерть раз за разом устремляла колесницу сквозь ряды врагов, то словно вбивая в них клин, то будто пронзая рапирой. Сэм пел. И копье его было словно жало змеи, иногда с наконечника слетали яркие искры, а Талисман светился бледным огнем.

— Мы их осилим! — обратился он к колесничему.

— Сейчас на поле только полубоги и люди, — отвечала Смерть. — Они все еще испытывают нашу мощь. Почти не осталось тех, кто помнит истинную силу Калкина.

— Истинную силу Калкина? — переспросил Сэм. — Ни разу не была она проявлена, о Смерть. За все века этого мира... Пусть же выступят теперь они против меня, и оплачет небо их тела, и обагрятся воды Ведры их кровью... Вы слышите меня? Вы слышите меня, боги? Где же вы? Я вызываю вас, здесь, на этом поле! Выходите против меня со всей вашей силой, явитесь сюда!

— Нет! — перебила Смерть. — Еще рано!

Над ними опять показалась громовая колесница.

Сэм поднял копье, и вокруг пролетающей машины разверзся пиротехнический ад.

— Тебе не следует выдавать себя! Пусть они пока не догадываются, на что ты способен!

Сквозь грохот боя и пение внутри собственного мозга до него донеслись слова Тараки:

— Они поднимаются по реке, Бич! А другой отряд осаждает ворота города!

— Передай Далиссе, чтобы она бралась за дело. Пусть вскипятит своим Зноем воды Ведры. А ты со своими ракшасами отправляйся к воротам Дезирата и уничтожь захватчиков!

— Слушаюсь, Бич! — и Тарака исчез.

Луч ослепительного света пронизал, вырвавшись из громовой колесницы, ряды защитников.

— Пора, — сказала Смерть и взмахнула плащом.

В задних рядах леди Ратри привстала в стременах своей

вороной кобылы. Она откинула черную вуаль, покрывавшую ее доспехи.

И закричали от страха оба воинства, ибо прикрыло солнце лик свой и тьма снизошла на ратное поле. Зачах росток света, пробивавшийся из громовой колесницы, не под силу ему больше было обжечь кого-нибудь, а затем и вовсе исчез.

Лишь слабое, непонятно откуда исходившее свечение окружало их, когда ринулся на поле Владыка Мара — в своей переливчатой колеснице изменчивых цветов и очертаний, влекомой лошадьми, изрыгающими реки дымящейся крови.

Навстречу ему устремился Сэм, но помешали ему толпы воинов, и прежде чем прорубился он сквозь них, умчался Мара прочь, убивая всех на своем пути.

Поднял тогда копье Сэм и нахмурился, но цель его колебалась, меняла очертания, и все его перуны падали то по сторонам от нее, то позади.

Вдалеке, в водах реки, начал разгораться приглушенный свет. Он медленно пульсировал, и в какой-то момент над водой показалось нечто, напоминающее щупальце.

Со стороны города доносились звуки битвы. Воздух был наполнен демонами. Почва, казалось, шевелилась под ногами ратников.

Опять воздел Сэм свое копье, и ломаная линия света ударила из него в небосвод, заставляя его разразиться на головы сражающихся десятком-другим молний.

Дикие звери рычали, выли, ревели, опустошая без разбора ряды и того и другого воинства.

Подгоняемые сержантами, ведомые бесперебойным пульсом барабанов, продолжали убивать всех и каждого зомби; огненные элементали льнули к груди павших, будто питаясь плотью.

— Полубоги разбиты, — проговорил Сэм. — Перейдем к Владыке Маре.

В поисках его они пересекли поле — среди тех, кто скоро станет трупами, и среди тех, кто ими уже стал.

Завидев радужные цвета колесницы Сновидца, пустились они в погоню.

Наконец он развернул свою колесницу и встретил их в коридоре темноты, куда с трудом, будто издалека, долетал шум боя. Смерть тоже натянула поводья, и они пожирали друг друга сквозь тьму пылающими глазами.

— Может, ты все-таки остановишься и примешь бой? — закричал Сэм. — Или нам придется прикончить тебя походя, как собаку?

— Не говори мне о своем отродье, кобеле и суке, о Бич! — отвечал тот. — Это ведь ты, не так ли, Калкин? Это твой пояс. Это твой стиль боя, когда вызванные тобою молнии поражают без разбору друзей и врагов. Значит, ты как-то все-таки выжил?

— Да, это я, — сказал Сэм, взвешивая в руке копье.

— И бог падали правит твоей колымагой!

Смерть подняла свою левую руку ладонью вперед.

— Обещаю тебе, Мара, смерть, — сказала она. — Если не от руки Калкина, то от моей собственной. Если не сегодня, то позже.

Слева пульсация в реке все учащалась.

Смерть наклонилась вперед, и колесница устремилась к Маре.

Кони Сновидца заржали и, выпустив из ноздрей струи пламени, прянули вперед.

Стрелы Рудры отыскали их в темноте, но и они пронеслись, не задев Смерть и ее колесницу, и взорвались поблизости, на мгновение чуть сильнее осветив окрестность.

Издалека доносился тяжелый топот и пронзительный визг слонов, которых гнали по равнине ракшасы.

Раздался оглушительный рев.

Мара вырос в гиганта, горою стала его колесница. Вечность ложилась под копыта его коней. Молния сорвалась с копья Сэма, словно брызги с фонтана. Вокруг него закружила вьюга, и сам холод межзвездных бездн выстудил вдруг все у него внутри.

В последний момент отвернул Мара свою колесницу в сторону и соскочил с нее.

Они врезались ей прямо в борт, снизу донесся скрежет, и они медленно опустились на землю.

К тому времени они, казалось, просто оглохли от рева; пульсирующий свет с реки разлился над нею ровным заревом. Волна смешанной с паром воды выплеснулась из Ведры на берег, покатилась по полю.

Раздались новые вопли, не затихая громыхало и лязгало оружие. Где-то в темноте едва различимо продолжали бубнить

барабаны Ниррити, а сверху донесся странный звук, словно громовая колесница пикировала на них.

— Куда он делся? — прокричал Сэм.

— Спрятался, — отвечала Смерть. — Но он не может спрятаться навсегда.

— Проклятие! Что это, победа или поражение?

— Отличный вопрос. Но увы, я не знаю, каков на него ответ.

Волны пенились вокруг стоявшей на земле колесницы.

— Ты можешь опять запустить ее?

— Только не в темноте, когда все заливает вода.

— Что же тогда нам делать?

— Запастись терпением и перекурить это дело.

Он откинулся назад и зажег огонек.

Чуть погодя в воздухе над ними завис один из ракшасов.

— Бич! — обратился он к Сэму. — Новые отряды нападающих на город пропитаны той мерзостью, приблизиться к которой нам не дано!

Сэм поднял копье, и с его острия сорвалась молния.

На какое-то мгновение все поле осветилось ослепительной вспышкой.

Повсюду валялись убитые. Местами они образовали небольшие кучи. Некоторые и в смерти были сплетены с соперниками. Там и сям виднелись трупы животных. Кое-где еще крались в поисках поживы огромные кошки. Огненные элементали отступали перед водой, которая занесла илом и грязью павших и насквозь промочила тех, кто еще мог стоять. Холмами возвышались над равниной сломанные колесницы и павшие ящеры. И сквозь все это брели, продолжая подчиняться приказу, зомби, убивая все живое, что двигалось и шевелилось перед ними, и пусты были их глаза. Вдалеке, иногда запинаясь, продолжал рокотать один из барабанов. Со стороны города доносился шум непрекращающейся схватки.

— Найди леди в черном, — сказал Сэм ракшасу, — и скажи, чтобы она убрала мглу.

— Хорошо, — сказал демон и умчался обратно к городу.

Опять засверкало солнце, и Сэм прикрыл глаза от его лучей.

Еще ужаснее оказалась резня под голубым небом и золотым мостом.

Поперек поля высилась над землей громовая колесница.

Зомби убили последних уцелевших людей. Потом оглянулись, чтобы поискать очередную добычу, и в этот момент барабан стих и сами они упали на землю.

Сэм и Смерть стояли в своей колеснице и оглядывали поле в поисках признаков жизни.

— Ничто не движется, — сказал Сэм. — Где же боги?

— Быть может, в громовой колеснице.

Опять появился ракшас.

— Защитники не в состоянии удержать город, — доложил он.

— Участвуют ли в штурме боги?

— Там Рудра, и его стрелы наделали много бед. Там же Господин Мара. И Брахма, я думаю, тоже — и еще много других. Там все смешалось, а я торопился.

— А где леди Ратри?

— Она вступила в Дезират и ждет там в своем Храме.

— А где остальные боги?

— Не знаю.

— Я иду в город, — заявил Сэм, — его защищать.

— Ну а я отправлюсь к громовой колеснице, — сказала Смерть, — попробую использовать ее против врагов, если ее еще можно как-то использовать. Ну а нет — так останется еще Гаруда.

— Хорошо, — сказал Сэм и поднялся в воздух.

Смерть спрыгнула с колесницы.

— Удачи тебе!

— И тебе.

И они, каждый по-своему, покинули место гекатомбы.

Дорога шла чуть в гору, и его красные кожаные сапоги бесшумно ступали по влажному дерну.

Закинув алый плащ за правое плечо, он критически оглядел громовую колесницу.

— Она пострадала от молний.

— Да, — кивнул он.

И посмотрел на говорившего: тот стоял у самого хвостового оперения.

Доспехи его сверкали, как бронза, хоть и не из бронзы были они сделаны.

Казалось, что состоят они из множества змей.

Его вороненый шлем украшали бычьи рога, а в левой руке держал он сверкающий трезубец.

— Блестящая карьера, брат Агни.

— Я больше не Агни, я теперь Шива, Владыка Разрушения.

— Ты носишь на новом теле его доспехи и вооружен его трезубцем. Но никому не под силу так быстро научиться пользоваться этим трезубцем. Вот почему на правой твоей руке белеет перчатка, вот откуда очки у тебя на лбу.

Шива поднял руку и опустил очки на глаза.

— Да, так оно и есть. Брось трезубец, Агни. Отдай мне свою перчатку, жезл, пояс и очки.

Тот покачал головой.

— Я уважаю твою силу, бог Смерти, твою скорость и мощь. Но ты ушел слишком далеко от их источников, и они тебе больше не помогут. Тебе до меня не добраться, я сожгу тебя издалека, пока ты не приблизился. Ты, Смерть, умрешь.

И он потянулся к поясу за своим жезлом.

— Ты собираешься обратить дар Смерти против нее самой?

И в руке у него появилась кроваво-красная сабля.

— Пока, Дхарма. Дни твои подошли к концу.

Он поднял жезл.

— Во имя когда-то существовавшей между нами дружбы, — произнес облаченный в алое, — я сохраню тебе жизнь, если ты сдашься мне.

Жезл качнулся.

— Ты убил Рудру, защищая имя моей жены.

— Я защищал честь локапал, одним из которых был я сам. Ну а теперь я — бог Разрушения, я одно с Тримурти!

Он нацелил огневой жезл, и Смерть взмахнула перед собой алым плащом.

Столь ослепительна была последовавшая вспышка, что в двух милях от громовой колесницы защитники Дезирата замерли на миг на стенах города, удивляясь ее источнику.

Захватчики вступали в Дезират. Их окружал огонь, стоны, удары металла о дерево, скрежет металла о металл. Ракшасы обрушивали на врагов, с которыми не могли сойтись в схватке, целые здания. Немногочисленны были вступившие в город, немногочисленны были и его защитники. Большая часть обеих армий пала на равнине у реки.

Сэм стоял наверху самой высокой башни Храма и смотрел вниз, как рушится город.

— Я не смог спасти тебя, Дезират, — мрачно промолвил он. — Я пытался, но этого не хватило.

Далеко внизу, на улице, Рудра натянул свой лук.

Увидев это, Сэм поднял копье.

И ударили в Рудру молнии, взорвались его стрелы.

Когда дым рассеялся, на месте Рудры виднелся лишь небольшой кратер в середине выжженной площадки земли.

Вдалеке, на одной из крыш появился Господин Вайю, он посылал ветра раздувать пожары. Опять поднял было Сэм свое копье, но уже дюжина Вайю стояла на дюжине крыш.

— Мара! — воззвал Сэм. — Покажись, Сновидец! Если осмелишься!

Сразу отовсюду донесся до него смех.

— Когда я буду готов, Калкин, — донесся до него голос из пропитанного дымом воздуха, — я осмелюсь. Но выбирать буду я... А у тебя не кружится голова? Что произойдет, если ты бросишься вниз? Явится и подхватит тебя ракшас? Спасут ли тебя твои демоны?

И тут ударили молнии сразу во все дома, стоявшие вокруг Храма, но покрыл грохот разрушений смех Мары. И растаял вдали под треск новых костров.

Уселся Сэм и продолжал смотреть, как горит город. Затихли звуки сражения. Осталось одно пламя.

Острая боль пронзила его мозг, отступила. Затем вновь пришла и более уже не уходила. Затем охватила все его тело, и он закричал.

Внизу, на улице, стояли Брахма, Вайю, Мара и четыре полубога.

Он попытался поднять копье, но рука его дрожала, он не удержал древко в руке, копье со стуком упало на камень и откатилось в сторону.

Скипетр, состоявший из колеса и черепа, уставил свои глазницы прямо на него.

— Спускайся, Сэм! — крикнул, слегка пошевелив им, Брахма, и боль огненной волной перекатилась по телу. — Кроме тебя и Ратри, в живых никого не осталось! Ты последний! Сдавайся!

Он боролся, чтобы подняться на ноги, ему удалось положить руки на пояс, на свой светящийся пояс.

Покачнувшись, он пробормотал сквозь крепко сжатые зубы:

— Хорошо! Я спущусь... среди вас упадет бомба!

Но тут небо потемнело, посветлело, вновь потемнело.

Оглушительный крик покрыл рев ненасытного пламени.

— Это Гаруда! — воскликнул Мара.

— Что здесь делать Вишну — теперь-то?

— Гаруду же украли! Ты что, забыл?

Огромная птица пикировала на охваченный пожаром город, словно стремящийся к своему пылающему гнезду исполинский феникс.

Сэм с трудом взглянул вверх и увидел, как вдруг на глаза Гаруде опустился колпак. Птица взмахнула крыльями и, словно свинцовая, продолжала падать туда, где перед Храмом стояли боги.

— Красный! — вскричал Мара. — Седок! Он в красном!

Брахма повернулся и обеими руками направил свой вопящий скипетр на голову пикирующей птицы.

Мара взмахнул рукой, и крылья Гаруды, казалось, вспыхнули.

Вайю поднял вверх обе руки, и ураганный ветер обрушился на вахану Вишну, чей клюв сминает колесницы.

Еще раз вскричал Гаруда, расправив крылья, чтобы замедлить падение. Вокруг его головы суетились ракшасы, тычками и подзатыльниками подталкивая вниз.

Падение его замедлялось, замедлялось, но прекратиться не могло.

Боги бросились врассыпную.

Гаруда рухнул на землю, и земля содрогнулась.

Среди перьев на его спине появился Яма с клинком в руке, он сделал три шага и повалился на мостовую. Из развалин возник Мара и дважды ударил его сзади по затылку ребром ладони.

Еще до второго удара Сэм прыгнул вперед, но не успел достичь земли вовремя. Вновь завопил скипетр, и все закружилось вокруг него. Изо всех сил боролся он, чтобы остановить падение, но смог его лишь замедлить.

Земля была под ним в пятнадцати метрах... в десяти... в пяти...

Сначала она была подернута мутно-кровавой пеленой, потом стала просто черной...

— Наконец-то Князь Калкин сражен в битве, — мягко сказал кто-то.

Брахма, Мара да два полубога, Бора и Тикан, вот и все. больше некому было конвоировать Сэма и Яму из умирающего города Дезирата на реке Ведре. А перед ними брела леди Ратри с веревочной петлей на шее.

Они забрали Сэма и Яму в громовую колесницу, которая была в еще более плачевном состоянии, чем сразу после падения: в правом борту ее зияла огромная дыра, а часть хвостового оперения исчезла неизвестно куда. Они сковали пленников цепями, сняв с них предварительно Талисман Бича и малиновый плащ Смерти. Они связались с Небесами, и вскоре за ними прибыла гондола.

— Мы победили, — сказал Брахма. — Дезирата больше нет.

— Дорогая победа, на мой взгляд, — сказал Мара.

— Но мы победили!

— А Черный опять шевелится.

— Он хотел лишь испытать нашу силу.

— И что он должен о ней решить? Что мы потеряли всю армию? И даже нескольких богов?

— Мы бились со Смертью, ракшасами, Калкиным, Ночью и Матерью Зноя. После такой победы Ниррити не осмелится вновь поднять на нас руку.

— Могуч Брахма, — сказал Мара и отвернулся.

Властители Кармы вызваны были, чтобы судить пленных.

Леди Ратри изгнана была из Града и осуждена на пребывание в мире простой смертной, воплощенной всегда в располневшие немолодые тела, которые не могли принять на себя ее Облик или Атрибуты. Так милостиво обошлись с ней, поскольку решено было, что стала она заговорщицей случайно, неосторожно доверившись Кубере.

Когда послали за Владыкой Ямой, дабы предстал он перед судом, то обнаружили в камере лишь его мертвое тело. Оказалось, что у него в тюрбане спрятана была маленькая металлическая коробочка. И она взорвалась.

После вскрытия Властители Кармы дали свои разъяснения.

— Почему он не принял яд, если хотел умереть? — спросил Брахма. — Легче скрыть пилюлю, чем мину.

— Теоретически возможно, — сказал один из Властителей, — что где-то в мире он заготовил другое тело, в которое намеревался себя переслать при помощи самовзрывающегося по завершении работы устройства.

— Такое возможно?

— Нет, конечно. Аппаратура для передачи громоздка и сложна. Яма, правда, хвастался, что он может все. Однажды он пытался меня убедить, что подобный прибор можно построить. Но контакт между двумя телами должен быть непосредственным и осуществляться при помощи многих проводов и кабелей. И никакое миниатюрное устройство не способно развить нужную мощность.

— Кто построил вам психозонд? — спросил Брахма.

— Господин Яма.

— А Шиве громовую колесницу? А Агни огневой жезл? Грозный лук Рудре? Трезубец? Пресветлое Копье?

— Яма.

— Я бы хотел сообщить вам, что примерно в то же время, когда, должно быть, работала эта крошечная коробочка, сам собою включился главный генератор в Безбрежных Чертогах Смерти. Он проработал неполных пять минут и сам же отключился.

— Была передача?

Брахма пожал плечами.

— Пора наказать Сэма.

Что и было сделано. И поскольку один раз он уже умирал и это не дало желаемого эффекта, на сей раз решено было не ограничиваться смертным приговором.

И он был перенесен. Но не в другое тело.

Возвели радиобашню, Сэма, накачав наркотиками, должным образом подготовили к переносу, облепив проводами и датчиками. Но связаны те были не с другим телом, а с особым преобразователем.

И излучен был его атман через открывшийся купол прямо в огромное магнитное облако, окружавшее всю планету и прозывавшееся Мостом Богов.

И даровано ему было затем уникальное отличие: единственным на Небесах дважды прошел он через погребальные обряды. Ну а для Ямы это были первые похороны, и, глядя, как поднимается ввысь дым от костров, гадал Брахма, где он сейчас на самом деле.

— Будда погрузился в нирвану, — возвестил Брахма. — Молитесь по Храмам! Пойте на улицах! Во славе ушел он! Преобразовал он старую религию, и лучше мы теперь, чем были когда-либо! Пусть всякий, кто не согласен, вспоминает Дезират!

Так оно и было.

Но так и не нашли они Владыку Куберу.

Демоны разгуливали на свободе.

Наращивал силы Ниррити.

То тут, то там находился кто-то, кто помнил бифокальные очки или бурление ватерклозета, нефтехимию или двигатели внутреннего сгорания — и день, когда отвратило солнце лик свой от правосудия Небес.

А Вишну говаривал, что наконец-то явилось на Небеса запустение.

Глава 7

Еще одним именем, которым его называли, было Майтрея, что означает Князь Света. Вернувшись из Золотого Облака, отправился он во Дворец Камы в Хайпуре, чтобы собраться с силами и приготовиться к последнему дню Юги. Обмолвился однажды один мудрец, что никому не дано встретить этот день, лишь потом узнаешь, что же произошло. Ибо не отличить его рассвет от любого другого рассвета, и течет он, как все, переиначивая историю мира.

Иногда звали его Майтрея, что значит Князь Света...

Мир — это жертвенный огонь, солнце — его топливо, солнечные лучи — дым, день — пламя, стороны света — угли и искры. На этом огне вершат боги подношение веры. Из подношения этого рождается Царь Луна.

Дождь, о Гаутама, — это огонь, год — его топливо, облака — дым, молния — пламя, угли, искры. На этом огне вершат боги подношение Царя Луны. Из подношения этого рождается дождь.

Мир, о Гаутама, — это огонь, земля — его топливо, огонь — дым, ночь — пламя, луна — угли, звезды — искры. На этом огне вершат боги подношение дождя. Из подношения этого возникает пища.

Мужчина, о Гаутама, это огонь, его открытый рот — это топливо, дыхание — дым, речь — пламя, глаз — угли, ухо — искры. На этом огне вершат боги подношение пищи. Из подношения этого возникает детородная сила.

Женщина, о Гаутама, — это огонь, тело ее — его топливо, волосы — дым, лоно — пламя, наслаждения — угли и искры. На

этом огне вершат боги подношение детородной силы. Из подношения этого рождается человек. Он живет столько, сколько суждено ему прожить.

Когда человек умирает, уносят его, чтобы предать огню. Огонь становится его огнем, топливо — его топливом, дым — дымом, пламя — пламенем, угли — углями, искры — искрами. На этом огне вершат боги подношение человека. Из подношения этого выходит человек в сияющем величии.

Брихадараньяка упанишада (VI, 2, 9-14)

В высоком синем дворце, увенчанном стройными шпилями и украшенном филигранью резных дверей, где воздух пропитан терпкой морской солью и пронизан криками населяющих прибрежье тварей, отчего быстрее бьется сердце и сильнее жаждешь жизни и ее удовольствий, Господин Ниррити Черный допрашивал приведенного к нему человека.

— Как тебя зовут, мореход? — спросил он.

— Ольвагга, Господин, — отвечал капитан. — Почему перебил ты всю мою команду, а меня оставил в живых?

— Потому что я желаю допросить тебя, Капитан Ольвагга.

— О чем же?

— О многом. О том, что старый морской волк может вызнать в своих скитаниях. Хорошо ли я контролирую южные морские линии?

— Лучше, чем я думал, иначе меня здесь не было бы.

— Многие боятся рисковать, да?

— Да.

Ниррити подошел к окну и, повернувшись к пленнику спиной, долго смотрел на море. Потом снова заговорил:

— Я слышал, что немалых успехов добилась на севере наука со времен, гм, битвы при Дезирате.

— Я тоже слыхивал об этом. И знаю, что так оно и есть. Сам видел паровую машину. Печатные станки вошли в обиход. Ноги мертвых ящеров дергаются от знакомства с гальванизмом. Повысилось качество стали. Вновь изобрели микроскоп и телескоп.

Ниррити обернулся к нему, и некоторое время они изучали друг друга.

Ниррити был маленьким человечком с огоньком в глазах, мимолетной улыбкой, темными волосами, забранными серебряным обручем, вздернутым носом и глазами под цвет его

дворца. Одет он был во все черное, а кожа его, похоже, давно не встречала солнечных лучей.

— А почему боги из Града не смогли это предотвратить?

— Мне кажется, что они просто ослабели, в чем ты, наверное, и хочешь убедиться, Господин. После холокоста на Ведре они вроде бы боятся искоренять прогресс машинерии силой. А еще говорят, что внутри Града сейчас свои распри — между полубогами и уцелевшими из старших. К этому добавляется проблема новой религии. Люди нынче не боятся Небес, как раньше. Они способны постоять за себя; и теперь, когда они лучше подготовлены, боги уже не спешат вступать с ними в открытые конфликты.

— Значит, Сэм победил. Через годы он разбил их.

— Да, Ренфрю. Думаю, ты прав.

Ниррити бросил быстрый взгляд на двух стражников, стоявших по бокам Ольвагги.

— Ступайте, — приказал он и затем, когда они вышли, добавил: — Ты знаешь меня?

— Угу, капеллаша. Я ведь Ян Ольвегг, капитан «Звезды Индии».

— Ольвегг. Это кажется невозможным.

— И однако так оно и есть. Это ныне старое тело я получил в тот день, когда Сэм разгромил Властителей Кармы в Маратхе. Я был там.

— Один из Первых и — да! — христианин!

— По случаю, когда у меня истощаются индийские ругательства.

Ниррити положил руку ему на плечо.

— Значит, само твое существо изнемогает, должно быть, от боли, внимая насаждаемому ими богохульству!

— Не очень-то я их жалую, да и они меня тоже.

— Еще бы. Но вот Сэм — он же делал то же самое, преумножая число ересей, еще глубже погребая истинное Слово...

— Оружие, Ренфрю, — сказал Ольвегг. — Оружие и ничего более. Я уверен, что он хотел стать богом не больше, чем ты или я.

— Может быть. Но лучше бы он подыскал другое оружие. Хоть он и побеждает, души их все равно потеряны.

Ольвегг пожал плечами.

— Я, в отличие от тебя, не богослов...

— Но ты поможешь мне? Веками я накапливал силы, наращивал свою мощь. У меня есть люди и есть машины. Ты

сказал, что враг ослаблен. Моя нежить — отродья не мужчины и женщины — не ведает страха. У меня есть небесные гондолы — множество гондол. Я могу добраться до их Града на полюсе. Я могу разрушить их Храмы по всему миру. Полагаю, пришла пора очистить мир от этой скверны. Вновь должна воцариться истинная вера! Скоро! Уже недолго ждать!

— Как я сказал, я не богослов. Но мне тоже хочется увидеть, как падет Град, — сказал Ольвегг. — Я помогу тебе всем, чем смогу.

— Тогда мы захватим для начала несколько их городов и осквернim их Храмы, чтобы посмотреть, что они предпримут в ответ.

Ольвегг кивнул.

— Ты будешь моим советником. Окажешь мне моральную поддержку, — сказал Ниррити и опустил голову. — Молись со мною, — велел он.

Долго стоял старик перед Дворцом Камы в Хайпуре, разглядывая его мраморные колонны. Наконец одна из девушек сжалилась над ним и вынесла ему хлеба и молока. Он съел хлеб.

— Выпей и молоко, дедушка. Оно полезно для всех и укрепит твою плоть.

— К черту! — сказал в ответ старик. — К черту молоко! И мою треклятую плоть! Впрочем, если уж на то пошло, так и дух.

Девушка отпрянула назад.

— Так-то ты отвечаешь на проявленное милосердие!

— Я ругаю не твое милосердие, детка, а твой вкус в том, что касается напитков. Ты что, не могла нацедить мне на кухне глоток-другой самого дрянного винца?.. Того, которое не придет в голову заказывать даже забулдыгам, а повар не осмелится брызнуть на самый дешевый кебаб. Я жажду выжатого из гроздьев, а не из коровы!

— Может быть, тебе подать меню? Уходи отсюда, покуда я не позвала слуг!

Он посмотрел ей в глаза.

— Не обижайся, леди, прошу тебя. Попрошайничество, видишь ли, дается мне с трудом.

Она взглянула в его черные как смоль глаза, затерявшиеся

в лабиринте испещривших задубевшую от загара кожу морщинок. В бороде у него проглядывали черные пряди, неуловимая улыбка играла в уголках рта.

— Хорошо... ступай за мной, мы пройдем через черный ход на кухню, может, там найдется что-нибудь для тебя. Хотя, по правде говоря, я не знаю, почему это делаю.

Пальцы его дернулись, когда она от него отвернулась, а на губах заиграла улыбка, он направился за ней следом, присматриваясь к ее походке.

— Потому что я так захотел, — сказал он.

Не по себе было вожаку ракшасов Тараке. Расположившись на проплывавших в полуденной лазури облаках, размышлял он о путях силы. Случилось ему когда-то быть могущественнейшим. Во дни, предшествовавшие Обузданию, некому было встать поперек его пути. И тут явился Бич, Сиддхартха. И когда узнал о нем Тарака — о Калкине, наделенном немалой силой, — понял он, что рано или поздно суждено будет им сойтись, чтобы смог он испытать силу того Атрибута, которым, как говорили, обзавелся Калкин. И когда наконец пересеклись их пути — в тот великий, давно ушедший день, когда вспыхивали факелами от их неистовства вершины гор, — победил тогда Бич. И когда встретились они вторично, уже через века, так или иначе, но опять сломил он ракшаса, и было это поражение еще тяжелее первого. Но только ему и удалось такое, а сейчас ушел он из мира. Более же никому было не под силу превозмочь Владыку Адова Колодезя. Но тут оспорить его силу явились боги. Когда-то смеялся он над их ничтожеством, над их неуклюжими попытками подчинить себе свои принесенные мутациями способности, используя наркотики, гипноз, медитацию, нейрохирургию, выковать из них Атрибуты, — но выросли за века их силы. Четверо, всего четверо из них явились в Адов Колодезь — и все его легионы не в силах оказались их отразить. Силен был тот, кого звали Шивой, но Бич позднее убил его. Так и должно было быть, ибо признавал Тарака Бича себе равным. Женщину в расчет он не принимал, ведь была она всего-навсего женщиной, и понадобилась ей помощь Ямы. Но вот бог Агни, душа которого сверкала ярким, нестерпимым пламенем, — его Тарака почти боялся. Опять вспомнил владыка ракшасов

тот день, когда в Паламайдзу явился в одиночку во дворец к нему Агни и бросил вызов. Не под силу оказалось ракшасу тогда остановить пришельца, как он ни пытался, и сам дворец его пал жертвой пламени. Повторилось то же и в Адовом Колодезе, опять ничего не могло остановить пламенного бога. И дал тогда Тарака себе обещание, что придет день и испытает он его силу, как было то уже с Сиддхартхой, чтобы либо победить, либо подчиниться. Но так ему это и не удалось. Бог Огня сам пал перед Красным — четвертым в Адовом Колодезе, — который повернул неведомым образом пламя его на свой же источник в день великого побоища у Дезирата на реке Ведре. И означало это, что он, Красный, и есть величайший. Разве сам Бич не предостерегал его от Ямы-Дхармы, бога Смерти? Да, из всех живущих ныне на белом свете выпивающий жизнь глазами был могущественнейшим. Однажды Тарака чуть не пал жертвой его силы, было это в громовой колеснице. Еще раз попытался он испытать его силу, но вынужден был тут же остановиться, ибо оказались они в тот раз на время союзниками. Потом рассказывали, что умер Яма в Небесном Граде. Позднее же говорили, что разгуливает он все еще по свету. Что не может он, будучи Владыкой Смерти, умереть без собственной на то воли. И поверил в это Тарака, принял все последствия, отсюда проистекающие. И значило это, что вернется он, Тарака, на далекий южный остров с синим дворцом, где дожидается его ответа Повелитель Зла, Ниррити Черный. И примет он его предложение. И, отправившись из Махаратхи от моря на север, присоединят ракшасы свою мощь к силам темного Властелина, разрушат вместе с ним один за другим Храмы шести крупнейших городов юго-запада, зальют улицы их кровью горожан, смешанной с кровью лишенных проблеска души легионеров Черного, — пока не выступят на защиту их боги и не встретят свою судьбу. Если же боги не выступят, явится это признанием полной их немощи. Тогда пойдут ракшасы на приступ Небесного Града, и разрушит Ниррити его и сровняет с землей; падет Шпиль Высотою В Милю, расколется свод Небес, увидят огромные белые кошки Канибуррхи вокруг развалины, и покроет наконец павильоны богов и полубогов толстая пелена полярного снега. И все это на самом-то деле с одной всего целью, если оставить в стороне, что развеет это отчасти скуку и приблизит наступление последних дней богов и людей в мире ракшасов.

Где бы ни разгорелось большое сражение и вершились великие деяния огнем и мечом — всюду, знал Тарака, явится он, Красный, ибо там его царство и тянет его туда его Образ. И знал Тарака, что будет искать, ждать, делать что угодно, как бы долго это ни продлилось, пока не наступит наконец тот день, когда взглянет он опять в черное пламя, бушующее в глубине глаз Смерти...

Брахма бросил взгляд на карту, а затем вновь обернулся к хрустальному экрану, вокруг которого, зажав в зубах собственный хвост, обвился бронзовый нага.

— Пожар, жрец?

— Пожар, Брахма... в огне все склады!

— Прикажи людям потушить огонь.

— Они уже борются с ним.

— Тогда зачем же ты меня беспокоишь?

— Здесь царит страх, Великий.

— Страх? Перед чем?

— Перед Черным, чье имя я не могу произнести в твоем присутствии, силы которого ежечасно растут на юге и перерезали все торговые пути.

— Почему это ты должен бояться произнести имя Ниррити в моем присутствии? Мне ведомо о Черном. Ты полагаешь, что пожар — это его рук дело?

— Да, Великий, или скорее какого-то нанятого им негодяя. Ходят упорные слухи, что он намерен отрезать нас от остального мира, подорвать наше благосостояние, уничтожить наши запасы, посеять в душах сомнения, ибо он планирует...

— Захватить вас, конечно.

— Твои слова, Всемогущий.

— Быть может, так оно и есть, жрец. Скажи мне, вы не верите, что боги вступятся за вас, если Повелитель Зла осмелится напасть?

— В этом никогда не было и тени сомнения, Могущественнейший. Мы просто хотим напомнить тебе о подобной возможности и освежить наши постоянные мольбы о прощении и божественном покровительстве.

— Ты услышан, жрец. Не бойтесь.

Брахма выключил связь.

— Он нападет.

— Конечно.

— Насколько он силен, вот что меня интересует. Никто не знает, каковы в действительности его силы. Не так ли, Ганеша?

— Ты спрашиваешь меня, Владыка? Твоего смиренного политического советника?

— Больше я никого здесь не вижу, смиренный богодел. Не знаешь ли ты о ком-нибудь, кто мог бы это знать?

— Нет, Владыка, не знаю. Все избегают нечистого, будто он настоящая смерть. В общем-то, так оно и есть. Ты же знаешь, что ни один из трех посланных мною на юг полубогов так и не вернулся.

— Но они же были сильны, как бы их там ни звали, не так ли? И давно это было?

— Последний — год тому назад. Тогда мы послали нового Агни.

— Да, он, правда, был не очень-то хорош — все еще пользовался гранатами и взрывчаткой... но силен.

— Морально, может быть. Когда богов становится меньше, приходится обходиться полубогами.

— В былые дни я просто взял бы громовую колесницу...

— В былые дни не было громовой колесницы. Яма...

— Замолчи! Теперь-то у нас есть громовая колесница. Я думаю, что высокий гриб дыма изогнется вскоре над дворцом Ниррити.

— Брахма, мне кажется, Ниррити может остановить громовую колесницу.

— С чего ты взял?

— Судя по некоторым полученным из первых рук сообщениям, он, кажется, использует против наших боевых судов, посылаемых бороться с его бандитами, самонаводящиеся ракеты.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Это совсем новые донесения. Мне еще не представлялось возможности тебе о них сообщить.

— Тогда ты считаешь, что нападать нам не стоит?

— Не стоит. Подождем. Пусть первый ход сделает он сам, чтобы мы смогли оценить его силу.

— Тем самым нам придется принести в жертву Махаратху?

— Ну и что? Ты что, никогда не видел падения города?.. Какой ему будет толк от временного владения Махаратхой? А ежели мы не отберем ее обратно — ну так пусть этот самый гриб со своей белой шляпкой вырастет там, в Махаратхе.

— Ты прав. Игра стоит свеч, мы оценим его силы и отчасти истощим их. Ну а пока нам надо подготовиться.

— Да. Каковы будут твои приказания?

— Привести в состояние готовности все силы в Граде. Отозвать Владыку Индру с восточного континента — немедленно!

— Будет сделано.

— И оповестить остальные пять городов на реке — Лананду, Хайпур, Килбар...

— Тотчас же.

— Тогда ступай!

— Уже ушел.

Время как океан, пространство как его воды, в середине же — Сэм — покоясь, решая...

— Бог Смерти, — позвал он, — перечисли наши силы.

Яма потянулся и зевнул, потом поднялся с алого ложа, на котором подремывал, почти невидимый на его фоне. Он пересек комнату и посмотрел Сэму в глаза.

— Оставляя в стороне Облик, вот мой Атрибут.

Сэм встретил его взгляд и выдержал его.

— Это что, ответ на мой вопрос?

— Отчасти, — ответил Яма, — но в основном это испытание твоей собственной силы. Она вроде бы возвращается. Ты выдерживал мой смертельный взгляд дольше, чем это под силу любому смертному.

— Я знаю, что моя мощь возвращается. Я чувствую это. И не она одна, многое возвращается сейчас ко мне. Все эти дни, проведенные здесь, во дворце Ратри, продолжал я размышлять о прошлых своих жизнях. И ты знаешь, бог Смерти, сегодня я пришел к выводу, что не были они одной сплошной неудачей. Хотя раз за разом и побеждали меня Небеса, многого стоила им каждая очередная победа.

— Да, вполне может статься, что ты — орудие в руках судьбы. Они сейчас и в самом деле слабее, чем в те времена, когда ты пошел наперекор их воле в Махаратхе. К тому же слабее они и относительно, поскольку люди стали с тех пор сильнее. Боги уничтожили Дезират, но не смогли уничтожить акселеризм. Потом попытались они похоронить буддизм в недрах своего собственного учения, но не смогли. В действительности, я не могу сказать, принесла ли твоя религия аксе-

леризму пользу своими — то есть твоими — россказнями, поддержала ли она акселерацию хоть каким-нибудь образом, но тогда-то усомниться в этом не могло прийти в голову никому из богов. Ну а туману она напустила мастерски: отвлекла внимание богов от того вреда, который они сами себе нанесли, ведь после того, как их угораздило ее «принять» в качестве учения, все направленные против нее усилия возбуждали одновременно и антидеикратические настроения. Не будь ты столь практичен, ты мог бы показаться озаренным.

— Благодарю. Хочешь, я тебя благословлю?

— Нет, может, я тебя?

— Очень может быть, Смерть, но попозже. Но ты не ответил на мой вопрос. Пожалуйста, расскажи мне, какими силами мы располагаем.

— Хорошо. Вскоре прибудет Властитель Кубера...

— Кубера? А где он?

— Целые годы провел он в укрытии, впрыскивая в мир научные познания.

— Так много лет? Дряхлым, должно быть, стало его тело! Как он справляется?

— Ты не забыл Нараду?

— Моего старого врача из Капила?

— Его самого. Когда ты распустил своих копейщиков после сражения в Махаратхе, он удалился с помощью твоих вассалов в захолустье, прихватив с собой все оборудование, которое вы забрали из Палаты Кармы. Я засек его много лет назад. После падения Дезирата я, ускользнув с Небес путем Черного Колеса, вывел Куберу из его бункера под павшим городом. А потом он уже сам вступил в союз с Нарадой, который заправляет нынче в горах подпольной лавкой тел. Они работают на пару. Мы открыли подобные пункты и в нескольких других местах.

— И Кубера будет здесь? Отлично!

— А Сиддхартха все еще Князь Капила. И призыв к войскам княжества будет, вне всякого сомнения, услышан. Мы уже призвали их.

— Горсточка, вероятно. Но все равно приятно об этом узнать, да...

— Еще Господин Кришна.

— Кришна? Что ему делать на нашей стороне? Где он?

— Он был здесь. Я наткнулся на него в первый же день по

прибытии. Он как раз заходил с одной из девиц. Весьма патетично.

— Патетично? Почему?

— Он стар. Достойный жалости слабый старик, но все еще пьяница и развратник. И однако Облик все еще служит ему, время от времени наделяя его долей былой харизмы и частью его колоссальной витальности. Его изгнали с Небес после Дезирата — всего лишь за то, что он не пожелал сражаться против Куберы и меня, как сделал, например, Агни. Более полувека скитался он по свету, пьянствуя, занимаясь любовью, играя на своей свирели — и старея. Мы с Куберой несколько раз пытались отыскать его, но он нигде не задерживался подолгу, и где его только не носило! Чего еще ждать от отставного божества плодородия.

— А какая нам от него польза?

— В тот же день я послал его к Нараде за новым телом. Они прибудут вместе с Куберой. Он тоже всегда быстро восстанавливает свои силы после перерождения.

— Но нам-то какая от него польза?

— Не забывай, что ведь именно он уничтожил черного демона Бану, повстречать которого боялся даже Индра. Когда он трезв, трудно найти на свете бойца опаснее. Яма, Кубера, Кришна и — если ты пожелаешь — Калкин! Мы станем новыми локапалами, мы будем заодно.

— Согласен.

— Так тому и быть. Пусть шлют они против нас команды богов-практикантов! Я спроектировал новое оружие. Досадно, что приходится иметь дело с таким количеством его совершенно разных, чаще всего экзотических, типов. Я распыляю свой гений, доводя каждый экземпляр до состояния произведения искусства, вместо того чтобы разработать массовое производство нескольких конкретных средств нападения. Но диктуется это многообразием паранормального. Всегда отыщется кто-нибудь, чей Атрибут окажется противоядием против данного конкретного оружия. Ну да ладно, пусть свернется у них в жилах кровь от моего ружья «Геенна», пусть скрестят они клинки с электромечом, пусть предстанут перед фонтанирующим струйками цианида и диметилсульфаксида щитом — и поймут, что противостоят им локапалы.

— Теперь я вижу, Смерть, почему любой бог — даже Брахма — может исчезнуть, и его заменит другой; любой, но не ты.

— Спасибо. Есть ли у тебя какой-либо план?

— Пока нет. Мне понадобится больше информации о имеющихся у Града силах. Демонстрировали ли Небеса свою мощь за последние годы?

— Нет.

— Если бы нашелся какой-нибудь способ испытать их, не выдавая себя... Может быть, ракшасы...

— Нет, Сэм. Я им не доверяю.

— Я тоже. Но подчас с ними можно иметь дело.

— Как ты — в Адовом Колодезе и Паламайдзу?

— Хороший ответ. Может, ты и прав. Я еще подумаю об этом. А еще меня интересует Ниррити. Как идут дела у Черного?

— В последние годы он добился господства на море. Слухи гласят, что растут его легионы и что занят он постройкой военных машин. Я же когда-то уже говорил тебе о моих опасениях в его отношении. Давай-ка держаться от Ниррити как можно дальше. У него с нами только одно общее — желание низвергнуть Небеса. Он не акселерист и не деикрат, стоит ему прийти к власти, и он насадит повсюду такое темное средневековье, какое и не снилось тому строю, с которым мы боремся. Быть может, лучшей линией поведения для нас было бы спровоцировать конфликт, битву между Ниррити и богами из Небесного Града, а самим выждать, чтобы потом напасть на победителя.

— Вполне может быть, что ты прав, Яма. Но как это сделать?

— Но это вполне может случиться само собой — и скоро. Махаратха затаилась, сжалась в комок, косясь с опаской на омывающее ее море. Ты же стратег, Сэм, а я — всего-навсего тактик. Мы отозвали тебя как раз для того, чтобы ты сказал нам, что делать. Прошу, обдумай все хорошенько, ведь ты теперь снова стал самим собой.

— Ты все время подчеркиваешь эти последние слова.

— Угу, проповедник. Ты же еще не испытан в бою после своего возвращения из блаженства нирваны... Скажи, а по-буддистски-то ты сможешь сражаться?

— Вероятно, но мне пришлось бы стать личностью, которая представляется мне ныне отвратительной.

— Хорошо... а может, нет. Но не забывай об этом, коли мы окажемся в затруднении. Или, по крайней мере, чтобы быть в безопасности, тренируйся каждую ночь перед зерка-

лом, читай лекции по эстетике вроде той, что ты прочел в монастыре Ратри.

— Не хотелось бы.

— Знаю, но надо.

— Лучше я попрактикуюсь с клинком. Добудь его мне, и я дам тебе пару уроков.

— Ого! Ну ладно! Если урок будет хорош, ты добудешь себе новообращенного.

— Ну так пошли во двор, и я просветлю тебя.

Когда поднял в своем синем дворце руки Ниррити, с ревом сорвались с палуб его кораблей ракеты и дугой перечеркнули небо над Махаратхой.

Когда закрепил он на груди черный свой доспех, упали ракеты на город, извергая из себя пламя.

Когда натянул сапоги, вошел его флот в гавань.

Когда запахнул он черный плащ и, застегнув его на груди, надвинул на лоб шлем из вороненой стали, завели под палубами свой негромкий перестук его сержанты.

Когда застегнул он свой пояс с ножнами, зашевелились в трюмах зомби. Когда натянул кожаные со стальными пластинами перчатки, приблизился флот его, подгоняемый поднятым ракшасами ветром, к причалу.

Когда дал он знак юному своему адъютанту, Ольвагге, следовать за собою во двор, бессловесные воины поднялись на палубы кораблей и уставились на пылающую гавань.

Когда зарокотали моторы темной небесной гондолы и дверь ее открылась перед ними, первый из его кораблей бросил якорь.

Когда вошли они в гондолу, первый отряд его войск вступил в Махаратху.

Когда прибыли они в Махаратху, город пал.

В зеленом сплетении веток высоко над землей пели в саду птицы. Рыбы, словно старые монеты, лежали на дне в голубом пруду. Пунцовые, с мясистыми лепестками, цветы изливали в воздух благоухание, рядом с ее нефритовой скамьей проглядывал кое-где и желтый львиный зев. Упершись левой рукой о белую кованую спинку скамьи, она смотрела, как,

шаркая по каменным плитам дорожки, к ней не спеша приближаются его сапоги.

— Сэр, это частный сад, — заявила она.

Он остановился перед скамьей и взглянул на нее сверху вниз. Мускулистый, загорелый, темноглазый и темнобородый, он смотрел на нее без всяких эмоций, потом улыбнулся. Из синей ткани и кожи были его одежды.

— Для гостей, — продолжала она, — предназначен сад с другой стороны здания. Пройдешь под арку и...

— У себя в саду я всегда был рад тебя видеть, Ратри, — сказал он.

— У себя?..

— Кубера.

— Боже, Кубера! Ты не...

— Нет, не толстый. Я знаю. Ничего удивительного: новое тело и ни минуты покоя. Мастерить это дьявольское оружие Ямы, перевозить его...

— Когда ты прибыл?

— Сию минуту. Прихватив с собой Кришну и партию взрывчатки, гранат и противопехотных мин...

— Боги! Как давно было все...

— Да. Очень. Но я все равно должен принести тебе свои извинения. Меня это угнетало все эти долгие годы. Я корю себя, Ратри, что тогда, той ночью, втянул тебя во все эти междоусобицы. Мне нужен был твой Атрибут, и я впутал в это дело тебя. Терпеть не могу пользоваться кем бы то ни было подобным образом.

— Я бы все равно покинула вскоре Небеса, Кубера. Так что не очень-то переживай и не вини себя. Вот разве что тело хотелось бы посимпатичнее... Ну да это не главное.

— Я дам тебе новое тело, леди.

— Попозже, Кубера. Прошу, садись. Вот сюда. Ты голоден? Хочешь пить?

— Да и еще раз да.

— Вот фрукты, сома. Или ты предпочитаешь чай?

— Нет, спасибо, лучше сома.

— Яма говорит, что Сэм оправился от своей святости.

— Это хорошо, он нам все нужнее. Ну как, он еще не разработал для нас план действий?

— Яма мне не говорил. Но возможно, что Сэм не говорил Яме.

На соседнем дереве вдруг заколыхались ветви, и на землю

спрыгнул Так, приземлившись прямо на четвереньки. Пробежав по плитам, он замер у скамьи.

— Ваши пересуды разбудили меня, — проворчал он. — Что это за тип, Ратри?

— Господин Кубера, Так.

— Ежели так оно и есть, то до чего же он изменился! — сказал Так.

— То же можно сказать и про тебя, Так от Архивов. Почему ты все еще обезьянничаешь? Яма может вернуть тебя в человеческое тело.

— Обезьяной я полезней, — ответил Так. — Я — замечательная ищейка и шпион, даже лучше собаки, а с другой стороны, я сильнее человека. А кто сможет отличить одну обезьяну от другой? Так что я останусь в этом теле, пока не пройдет нужда во всех этих достоинствах.

— Похвально, похвально. Ну а об активности Ниррити ничего нового не слышно?

— Его суда подбираются все ближе и ближе к большим портам, — сказал Так. — И их, похоже, становится все больше. А в остальном — ничего нового. Судя по всему, боги его побаиваются, коли не рассеивают они его силы.

— Ну да, — заметил Кубера, — он же теперь — величина неизвестная. Я склоняюсь к тому, что он — ошибка Ганеши. Ведь именно Ганеша дозволил ему убраться с Небес, да еще и прихватить с собой все свое оборудование. Я думаю, Ганеше хотелось иметь под рукой какого-нибудь врага богов, если вдруг в нем возникнет экстренная надобность. Он даже и представить себе не мог, что гуманитарий сумеет так распорядиться этим оборудованием и накопить подобные силы.

— Логично, — согласилась Ратри. — Даже я слышала, что именно такими соображениями Ганеша зачастую и руководствуется. Ну и что он будет делать теперь?

— Отдаст Ниррити первый город, на который тот нападет, чтобы присмотреться к его атакующим возможностям и оценить его силы, — если, конечно, ему удастся удержать Брахму от активных действий. А потом — ударит по Ниррити. Махаратха должна пасть, а нам следует держаться поблизости. Интересно будет даже просто понаблюдать.

— Но ты думаешь, что одним наблюдением дело для нас не окончится? — спросил Так.

— Ну да. Сэм отлично понимает, что мы должны быть го-

товы произвести нужное количество нового оружия, а кое-что из него и употребить. Мы должны будем сразу среагировать на их действия, а они, Так, скорее всего не заставят себя ждать.

— Наконец-то, — ответил тот. — Я всегда хотел сражаться в битве бок о бок с Бичом.

— В ближайшие недели, уверен, что многие желания исполнятся, а многие потерпят крах.

— Еще сомы? Фруктов?

— Спасибо, Ратри.

— А тебе, Так?

— Разве что банан.

Под сенью леса, у вершины высокого холма восседал Брахма, словно химера, водруженная на водосток готического храма, и не отрываясь глядел вниз, на Махаратху.

— Они оскверняют Храм.

— Да, — отвечал Ганеша. — Чувства Черного с годами не меняются.

— С одной стороны, жалко. С другой — страшновато. У них винтовки и пистолеты.

— Да. Они сильны. Вернемся в гондолу.

— Чуть позже.

— Я боюсь, Владыка... они, быть может, слишком сильны — здесь и сейчас.

— Что ты предлагаешь?

— Они не могут подняться на кораблях вверх по реке. Если они захотят атаковать Лананду, им придется передвигаться по суше.

— Конечно. Если только у него не хватит кораблей воздушных.

— А если они захотят напасть на Хайпур, они должны будут углубиться еще дальше.

— Ну! А если они захотят напасть на Килбар, то еще дальше! Не тяни! На что ты намекаешь? К чему ведешь?

— Чем дальше они зайдут, тем больше перед ними встанет проблем, тем уязвимее они будут для партизанских атак на всем протяжении...

— Ты что, предлагаешь, чтобы я ограничился легкими нападками, наскоками на его войска? Чтобы я позволил им про-

маршировать по стране, занимая город за городом? Они окопаются в ожидании подкреплений, чтобы удержать завоеванное, и только потом двинутся дальше. Только идиот поступил бы иначе. Если мы будем ждать...

— Посмотри-ка вниз!

— Что? Что это?

— Они готовятся к выступлению.

— Невероятно!

— Брахма, ты забываешь, что Ниррити — фанатик, безумец. Ему не нужна Махаратха — точно так же, как Лананда или Хайпур. Он хочет уничтожить наши Храмы и нас самих. Помимо этого, волнуют его в этих городах души, а не тела. Он пройдет по стране, уничтожая всякий попадающийся ему на пути символ нашей религии, пока мы не решим сразиться с ним. Если же мы этого не сделаем, он, вероятно, разошлет миссионеров.

— Но мы должны же что-то сделать!

— Для начала дать ему ослабеть от его же похода. Когда он будет достаточно слаб, ударить! Отдай ему Лананду. И Хайпур, если понадобится. Даже Килбар и Хамсу. Когда он ослабнет, сотри его с лица земли. Мы можем обойтись без этих городов. Сколько там мы разрушили сами? Тебе, наверное, даже не припомнить!

— Тридцать шесть, — промолвил Брахма. — Вернемся на Небеса, и я обдумаю все это. Если я последую твоему совету, а он отступит раньше, чем мы сочтем его достаточно слабым, велики будут наши потери.

— Готов побиться об заклад, что он не отступит.

— Жребий кидать не тебе, Ганеша, а мне. Взгляни, с ним эти проклятые ракшасы! Быстро уходим, пока они нас не засекли.

— Да, быстрее!

И они пустили своих ящеров обратно в лес.

Кришна отложил свою свирель, когда к нему пришел посланник.

— Да? — спросил он.

— Махаратха пала...

Кришна встал.

— А Ниррити готовится выступить на Лананду.

— А что предпринимают боги для ее защиты?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Пойдем со мной. Локапалам надо посовещаться.

На столе оставил Кришна свою свирель.

В эту ночь стоял Сэм на самом верхнем балконе дворца Ратри. Струи дождя, словно ледяные гвозди, протыкали насквозь ветер и рушились сверху на него. А на левой его руке светилось изумрудным сиянием железное кольцо.

Падали, падали и падали с небес молнии — и оставались.

Он поднял руку, и загрохотал гром, загрохотал предсмертным ревом всех драконов, что обитали, быть может, где-то, когда-то...

Ночь отступила, ибо стояли перед Дворцом Камы в ту ночь огненные элементали.

Поднял Сэм обе руки, и как один поднялись они в воздух и закачались высоко в ночном небе.

Он сделал знак, и пронеслись они над Хайпуром с одного конца города на другой.

И закружили по кругу.

Затем разлетелись во все стороны и заплясали среди грозы.

Он опустил руки.

Они вернулись и вновь вытянулись перед ним.

Он не шевелился. Он ждал.

Сотню раз ударило сердце, и из темноты пришел к нему голос:

— Кто ты, дерзнувший командовать рабами ракшасов?

— Позови ко мне Тараку, — сказал в ответ Сэм.

— Я не подчиняюсь приказам смертных.

— Тогда взгляни на пламя истинного моего существа, пока я не приковал тебя к вон тому флаг-штоку — до скончания его века.

— Бич! Ты жив!

— Позови ко мне Тараку, — повторил он.

— Да, Сиддхартха. Будет исполнено.

Сэм хлопнул в ладоши, и элементали взмыли в небо, и снова темна была ночь над ним.

Приняв человеческое обличье, Владыка Адова Колодезя вошел в комнату, где в одиночестве сидел Сэм.

— В последний раз я видел тебя в день Великой Битвы, — заявил он. — Потом услышал, что они нашли способ тебя уничтожить.

— Как видишь, не нашли.

— Как ты вернулся в мир?

— Господин Яма отозвал меня назад — ты знаешь, Красный.

— Велика действительно его сила.

— Ее, по крайней мере, хватило. Ну а как нынче дела у ракшасов?

— Хорошо. Мы продолжаем твою борьбу.

— В самом деле? А каким образом?

— Мы помогаем твоему былому союзнику — Черному, Владыке Ниррити — в его войне против богов.

— Я так и подозревал. Поэтому-то я и решил с тобой встретиться.

— Ты хочешь соединиться с ним?

— Я все это тщательно продумал и, вопреки протестам и возражениям моих товарищей, я и в самом деле хочу с ним объединиться — при условии, что он заключит с нами соглашение. Я хочу, чтобы ты отнес ему мое послание.

— Что за послание, Сиддхартха?

— Гласящее, что локапалы — сиречь Яма, Кришна, Кубера и я — выступят вместе с ним на борьбу с богами, выступят во всеоружии, со всеми своими силами, машинами и помощниками, если откажется он от преследования исповедующих буддизм и индуизм — в той форме, в какой сложились они в мире, — с целью обращения их в свою секту; и кроме того, если не будет он подавлять в отличие от богов акселеризм, коли будет победа на нашей стороне. Погляди на пламя его существа, когда даст он свой ответ, и сообщи мне, правду ли он сказал.

— Ты думаешь, он согласится на это, Сэм?

— Да. Он знает, что, как только боги сойдут со сцены и перестанут насаждать индуизм, за ним последуют новообращенные, он мог убедиться в этом на моем буддистском примере — и это при ожесточенном противодействии богов. Ну а свой путь, свое учение считает он единственно верным, судьбоносным и верит, что оно победит любое другое. Вот почему я думаю, что он согласится на честное соперничество. Передай ему мое послание и принеси мне его ответ. Хорошо?

Тарака заколебался. Лицо и левая рука его частично испарились.

— Сэм...

— Что?

— Какой же путь — истинный?

— Гм. Вот что ты у меня спрашиваешь? Откуда мне знать?

— Смертные зовут тебя Буддой.

— Только потому, что они обременены языком и неведением.

— Нет. Я смотрел на твое пламя и зову тебя Князем Света. Ты обуздываешь их, как обуздывал нас, ты выпускаешь их на волю, как выпустил нас. Тебе дана была власть дать им веру. Ты — тот, кем себя провозглашал.

— Я лгал. Сам я никогда в это не верил — да и сейчас не верю. Я мог бы точно так же выбрать другой путь, например религию Ниррити, только распятие болезненно. Я мог выбрать то, что называется исламом, но я знал, как ловко смешивается он с индуизмом. Мой выбор основывался на выкладках, а не на вдохновении, и я — ничто.

— Ты — Князь Света.

— Отправляйся же с моим посланием. На темы религии мы сможем поспорить позднее.

— Локапалы, ты говоришь, это Яма, Кришна, Кубера и ты сам?

— Да.

— Значит, он и в самом деле жив. Скажи мне, Сэм, до того как я уйду... можешь ли ты победить в бою Господина Яму?

— Не знаю. Хотя — вряд ли. Не думаю, чтобы кто-нибудь мог.

— Ну а он может победить тебя?

— Вероятно, в честном поединке. Когда бы мы ни встречались в прошлом как враги, мне либо везло, либо удавалось его провести. В последнее время я фехтовал с ним, и тут ему нет равных. Уж слишком он ушел во всем, что касается разрушения и уничтожения.

— Ясно, — сказал Тарака, и его правая рука, прихватив с собой добрую половину грудной клетки, уплыла прочь. — Ну хорошо, спокойной тебе, Сиддхартха, ночи. Я ухожу с твоим посланием.

— Благодарю и — спокойной ночи и тебе.

Клуб дыма, струйка — и Тарака растворился в грозе.

Высоко над миром смерч; это Тарака.

Пусть гроза бушует вокруг него, нет ему дела до ее слепой ярости.

Грохотал гром, разверзлись хляби небесные, утонул во мраке Мост Богов.

Но все это его не беспокоило.

Ибо он — Тарака, вожак ракшасов, Владыка Адова Колодезя...

И он был могущественнейшим существом на свете, если не считать Бича.

А теперь Бич объявил ему, что и он не самый могущественный... и что опять они будут биться заодно.

Как высокомерно держался он со своею Силой и в своем Красном! В тот день... более полувека назад. У Ведры.

Уничтожить Яму-Дхарму, победить Смерть... это бы доказало превосходство Тараки над всеми...

А доказать это важнее, чем победить богов, которые все равно когда-нибудь уйдут из мира, ибо они не ракшасы.

Стало быть, послание Бича Ниррити — на которое, как сказал Сэм, Черный согласится, — поведано будет только грозе, а Тарака, глядя на ее огонь, увидит, что она не лжет.

Ибо гроза никогда не лжет... и всегда говорит *Нет*!

Черный сержант провел его в лагерь. Он был великолепен в своих доспехах с блестящими украшениями, и он не был пленником: просто подошел к дозорному и сказал, что у него послание к Ниррити, поэтому и решил сержант сразу его не убивать. Он отобрал у него оружие и повел в ставку, расположившуюся в лесу неподалеку от Лананды; там он оставил его на попечение караульных, а сам пошел доложить своему Господину.

Ниррити и Ольвегг сидели внутри черного шатра. Рядом с ними была расстелена карта Лананды.

Когда по его приказу внутрь ввели пленника, Ниррити посмотрел на него и отпустил сержанта.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Ганеша из Града. Тот самый, кто помог тебе бежать с Небес.

Ниррити вроде бы обдумал это.

— Припоминаю старинного дружка, — сказал он. — Почему ты пришел ко мне?

— Потому что настал подходящий момент. Ты наконец предпринял крестовый поход.

— Да.

— Я хотел бы обсудить его с тобой частным образом.

— Тогда говори.

— А этот приятель?

— Говорить при Яне Ольвегге — все равно что говорить при мне. Говори все, что у тебя на уме.

— Ольвегг?

— Да.

— Ну ладно. Я пришел сказать тебе, что слабы боги Града. Слишком слабы, я чувствую, чтобы победить тебя.

— Сдается мне, что ты прав.

— Но не настолько слабы, чтобы не причинить тебе огромный урон, когда сделают они свой ход. А если приложат они все свои силы в подходящий момент, так и вовсе может наступить равновесие.

— Я иду в бой, не забывая об этом.

— Лучше, чтобы твоя победа не стала слишком уж дорогостоящей. Ты знаешь, я же симпатизирую христианам.

— Так что же у тебя на уме?

— Я вызвался развернуть здесь некую партизанскую войну против тебя, только чтобы сообщить, что Лананда — твоя. Они не будут ее защищать. Если и дальше ты будешь продолжать наступление в том же духе — то есть не закрепляясь в завоеванных пунктах, — и двинешься на Хайпур, Брахма сдаст без боя и его. Ну а когда доберешься ты до Килбара, а силы твои несколько поредеют и ослабнут от битв за три первых города и от рейдов моих людей на протяжении всего пути, вот тут-то Брахма и обрушит на тебя всю мощь Небес, и нет никаких гарантий, что не потерпишь ты поражение под стенами Килбара. Наготове все силы Небесного Града. Они ждут тебя у врат четвертого на этой реке города.

— Ясно. Полезно знать об этом. Стало быть, они боятся того, что я несу им.

— Конечно. Донесешь ли ты это до Килбара?

— Да. И моею будет победа под его стенами. До того как напасть на город, я пошлю за самым мощным своим оружием. Я придерживал его для осады самого Небесного Града, но теперь я обрушу мощь его на своих врагов, когда явятся они на защиту обреченного Килбара.

— Но и они воспользуются могучим оружием.

— Значит, когда встретимся мы с ними, исход битвы будет не у них и не у нас в руках. Все воистину в руце божией.

— Но можно и перевесить одну чашу весов, Ренфрю.

— Да? Что еще ты задумал?

— Многие полубоги не удовлетворены ныне ситуацией, сложившейся в Граде. Они хотели продолжить кампанию против акселеризма и последователей Татхагаты. Их разочаровало, что после Дезирата эта программа не получила должного развития. А с восточного континента отозван Великий Индра, который вел там войну с ведьмами. Индра вполне в состоянии посочувствовать полубогам — а его приспешники разгорячены предыдущими баталиями.

Ганеша оправил свой плащ.

— Продолжай, — сказал ему Ниррити.

— Когда они явятся к Килбару, — проговорил Ганеша, — вполне может статься, что не станут они сражаться в его защиту.

— Ясно. А что выигрываешь на всем этом ты, Ганеша?

— Удовлетворение.

— И ничего более?

— Я надеюсь, ты когда-нибудь вспомнишь, что я нанес этот визит.

— Быть по сему. Я не забуду, и ты получишь вознаграждение от меня после... Стражник!

Откинув полог шатра, внутрь вступил приведший сюда Ганешу сержант.

— Отведи этого человека туда, куда он захочет, и смотри не причини ему никакого вреда, — приказал Ниррити.

— И ты ему доверишься? — спросил Ольвегг, когда они удалились.

— Да, — ответил Ниррити, — но свои сребреники он получит после.

Локапалы собрались на совет в комнате Сэма во Дворце Камы, украшающем собою славный Хайпур. Присутствовали также Так и Ратри.

— Тарака говорит, что Ниррити не принял наших условий, — начал Сэм.

— Ну и хорошо, — сказал Яма. — Я почти боялся, что он согласится.

— А утром они атакуют Лананду. Тарака убежден, что они возьмут город. Это будет посложнее, чем с Махаратхой, но он абсолютно уверен, что город падет. Я тоже.

— И я.

— И я.

— Тогда он отправится к следующему городу, к Хайпуру. Далее — Килбар, Хамса, Гаятри. И он знает, что где-то на этом маршруте на него нападут боги.

— Конечно.

— Итак, мы в самой серединке, и у нас есть некоторый выбор. Мы не смогли договориться с Ниррити. Не думаете ли вы, что нам удастся сделать это с Небесами?

— Нет! — воскликнул, ударив кулаком по столу, Яма. — На чьей стороне ты сам, Сэм?

— Акселеризма, — был ответ. — И если я смогу преуспеть путем переговоров, без никому не нужного кровопролития, то буду этому только рад.

— Уж лучше якшаться с Ниррити, чем с Небесами!

— Тогда давайте за это проголосуем — точно так же, как голосовали за переговоры с Ниррити.

— И тебе нужно согласие лишь одного из нас, чтобы склонить чашу весов в свою сторону.

— На таких условиях согласился я войти в локапалы. Вы просили меня вас возглавить, и я в ответ потребовал полномочий трактовать ничью в свою пользу. Ну да лучше дайте мне изложить свои соображения, прежде чем переходить к голосованию.

— Ну хорошо — говори!

— Как я понимаю, в последние годы Небеса выработали более терпимую линию поведения в отношении акселеризма. Никаких официальных перемен в доктрине не было, но и никаких новых шагов против акселеризма не предпринималось — скорее всего из-за той взбучки, которую они получили под Дезиратом. Я прав?

— По сути — да, — кивнул Кубера.

— Кажется, что пришли они к выводу, что слишком расточительно будет реагировать подобным образом всякий раз, когда поднимает свою уродливую голову Наука. В той битве против них, против Небес, сражались люди, человеческие существа. А люди, в отличие от нас, имеют семьи, имеют связи, которые их ослабляют, и они связаны по рукам и ногам необходимостью иметь чистые кармические анкеты — если хотят возродиться. И тем не менее они сражались. И это, похоже, несколько смягчило позицию Небес в последующие годы. По-

скольку такая ситуация объективно сложилась, они могут, ничего не теряя, это признать. На самом деле, они могут даже обратить ее себе на пользу, представив это как милостивый жест божественного милосердия. Я думаю, что они согласятся пойти на уступки, на которые Ниррити не пошел бы.

— Я хочу увидеть, как Небеса падут, — сказал Яма.

— Конечно. И я тоже. Но поразмысли хорошенько. Со всем тем, что ты дал людям за последние полвека, — долго ли смогут Небеса удерживать весь этот мир в вассальной зависимости? Небеса пали в тот день у Дезирата. Еще одно, может быть, два поколения — и их власть над смертными улетучится. В битве с Ниррити, даже и победив, понесут они новые потери. Дайте им еще несколько лет декадентской славы. С каждым годом они все бессильнее и бессильнее. Их расцвет уже позади. Идет увядание.

Яма зажег сигарету.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь убил для тебя Брахму? — спросил Сэм.

Яма помолчал, затянулся сигаретой, выпустил дым.

— Может быть, — сказал он. — Может быть, и так. Не знаю. И не хочу об этом думать. Хотя, вероятно, так оно и есть.

— Не хочешь ли ты моих гарантий, что Брахма умрет?

— Нет! Только попробуй, и я убью тебя!

— Вот видишь, на самом деле ты даже и не знаешь, чего Брахме желаешь — жизни или смерти. Быть может, все дело в том, что ты и любишь, и ненавидишь одновременно. Ты был стар, прежде чем стал молодым, Яма, а она была единственной, кого ты когда-либо любил. Я ведь прав?

— Да.

— Тогда нет у меня для тебя совета, нет панацеи от твоих напастей, сам должен ты разграничить свои чувства и одолевающие нас заботы.

— Хорошо, Сиддхартха. Я за то, чтобы остановить Ниррити здесь, в Хайпуре, если Небеса поддержат нас.

— Есть ли у кого-нибудь возражения?

Молчание.

— Тогда нам надо в Храм, реквизировать его средства связи.

Яма потушил сигарету.

— Но разговаривать с Брахмой я не буду.

— Переговоры я беру на себя, — откликнулся Сэм.

Или, пятая нота гаммы, сорвавшись со струны арфы, зазвенела в Саду Пурпурного Лотоса.

Когда Брахма включил связь в своем павильоне, на экране возник какой-то человек в зелено-голубом тюрбане Симлы.

— А где жрец? — спросил Брахма.

— Связан снаружи. Можно, если ты желаешь выслушать пару-другую молитв, притащить его сюда...

— Кто ты такой, что носишь тюрбан Первых и вступаешь в Храм при оружии?

— У меня такое странное ощущение, будто все это со мной уже однажды было, — промолвил в ответ человек.

— Отвечай на мои вопросы!

— Хочешь ли ты, чтобы Ниррити был остановлен, Леди? Или же ты намерена отдать ему все эти города, от Махаратхи до самых верховий?

— Ты испытываешь терпение Небес, смертный! Ты не уйдешь из Храма живым.

— Твои смертельные угрозы ничего не значат для главного из локапал, Кали.

— Локапал больше нет, и, стало быть, нет среди них и главного.

— Ты видишь его перед собой, Дурга.

— Яма? Это ты?

— Нет, хотя он здесь, со мной, — так же, как Кришна и Кубера.

— Агни мертв. Новые Агни умирают один за другим, с тех пор как...

— С Дезирата. Я знаю, Чанди. Я не выходил на поле в стартовом составе. Рилд не убил меня. Призрачная кошка, которая так и останется безымянной, поработала на славу, но и этого оказалось мало. А теперь я вновь пересек Мост Богов. И локапалы выбрали меня старшим. Мы намерены оборонять Хайпур и разбить Ниррити, если Небеса нам помогут.

— Сэм... ты... не может быть!

— Тогда зови меня иначе: Калкин ли, Сиддхартха, Татхагата или Махасаматман, Бич, Будда или Майтрея. Все равно это я, Сэм. Я пришел поклониться тебе и заключить сделку.

— Какую же это?

— Люди смогли ужиться с Небесами, но Ниррити — другое дело. Яма и Кубера буквально напичкали город своим оружием. Мы можем укрепить его и противостоять даже массированным атакам. Если Небеса объединят свои силы с на-

шими, Ниррити найдет здесь, у Хайпура, свой конец. И мы пойдем на это, если Небеса санкционируют акселеризм и религиозную веротерпимость и положат конец господству Хозяев Кармы.

— Не много ли, Сэм...

— Первые два пункта касаются того, что уже и так существует; это просто даст им право спокойно существовать и в дальнейшем. Третье же все равно произойдет, нравится тебе это или нет, так что я даю тебе шанс выступить в роли благодетеля.

— Я подумаю...

— Минуту-другую. Я подожду. Ну а если ты скажешь нет, мы уйдем из города и позволим Ренфрю его захватить, осквернить Храм. После того как он возьмет еще несколько городов, тебе все равно придется с ним столкнуться. Нас, однако, уже не будет рядом. Мы подождем, чем все это кончится. Если после всей этой передряги ты еще останешься у власти, не тебе уже будет решать о тех принципах, о которых я упомянул. Ну а нет — так мы сможем тогда осилить Черного и остановить его зомби. В любом случае мы добьемся своих целей. Но путь, который я тебе предлагаю, для тебя явно приемлемей.

— Хорошо! Я немедленно разворачиваю свои силы. Бок о бок пойдем мы в последнюю битву, Калкин. Ниррити умрет у Хайпура! Пусть кто-нибудь останется здесь на связи, чтобы мы не теряли контакта.

— Я размещу здесь свою ставку.

— А теперь развяжи жреца и приведи его сюда. Он сподобится получить несколько божественных повелений и, чуть погодя, лицезреть теофанию.

— Да, Брахма.

— Погоди, Сэм! После битвы, если мы останемся живы, я хотела бы поговорить с тобой — о взаимном поклонении.

— Ты хочешь стать буддистом?

— Нет, снова женщиной...

— Каждому событию нужно подобающее место и время, а сейчас у нас нет ни того, ни другого.

— Когда придет время и найдется место, тогда там я и буду.

— Сейчас пришлю твоего жреца. Не отключайся.

Теперь, после падения Лананды, Ниррити совершал службу среди ее руин, моля о победе над остальными городами. Его сержанты перешли на медленный, монотонный ритм,

и зомби, как один, пали на колени. Ниррити молился, пока капельки пота не покрыли его лицо, словно маска из стекла и света, и не начал стекать пот под его доспехи-протезы, дарующие ему силу многих. Тогда поднял он лицо свое к небу, взглянул на Мост Богов и произнес:

— Аминь.

После чего резко повернулся и зашагал к Хайпуру, и вся его армия двинулась за ним по пятам.

Когда подошел Ниррити к Хайпуру, его там ожидали боги.

Ополченцы из Килбара ждали его рядом с войсками Хайпура.

Дожидались его и полубоги, герои, знать.

И ждали брамины высокого ранга, ждали многие последователи Махасаматмана. Последние прибыли сюда во имя Божественной Эстетики.

Посмотрел Ниррити через заминированные поля, раскинувшиеся вокруг города, и увидел четырех всадников, ожидавших у ворот, четырех локапал, за спинами которых развевались штандарты Небес.

Он опустил забрало и повернулся к Ольвеггу.

— Ты был прав. Интересно, там ли Ганеша?

— Скоро узнаем.

В этот день осталось поле битвы за Князем Света. Так и не вступили полчища Ниррити в Хайпур. Ганеша пал от клинка Ольвегга, когда пытался нанести предательский удар в спину Брахме, который сошелся в поединке с Ниррити на склоне холма. Пал тогда и Ольвегг, зажимая руками рану в животе, и начал медленно отползать к валуну.

Брахма и Черный замерли лицом к лицу, и голова Ганеши прокатилась между ними и заскакала вниз по склону.

— Это он рассказал мне о Килбаре, — сказал Ниррити.

— Он хотел, чтобы там все и решилось, — сказал Брахма, — и склонял меня к этому. Теперь ясно почему.

И они сошлись в схватке, и бились доспехи Ниррити за него с силою многих.

Яма пришпорил своего коня, торопясь к холму, как вдруг на него налетел вихрь пыли и песка. Он заслонил глаза полою своего плаща, и вокруг него зазвенел смех.

— Где же твой смертельный взгляд, а, Яма-Дхарма?

— Ракшас! — прорычал тот.

— Да. Это я, Тарака!

И вдруг на Яму обрушился поток воды, под напором которого споткнулся и упал на спину его конь.

В тот же миг был уже Яма на ногах и сжимал в руке свой клинок, а пылающий смерч уплотнился перед ним в человекообразную фигуру.

— Я отмыл тебя от этой непереносимой гадости, бог Смерти. Теперь ничто не спасет тебя от моей руки!

Яма, подняв клинок, ринулся вперед.

Он рубанул своего серого противника, и клинок наискось прошел через все его туловище от плеча к бедру, но ни крови, ни каких-либо признаков раны не появилось на теле ракшаса.

— Ты не можешь ранить меня, как ранил бы человека, о Смерть! Но погляди, что могу сделать с тобой я!

И Тарака вспрыгнул на него, накрепко прижав ему руки к туловищу, пригнул к земле. Взвился фонтан искр.

Вдалеке уперся Брахма коленом в хребет Ниррити и потянул изо всех сил назад его голову, пытаясь превозмочь силу черных доспехов. Тогда-то и спрыгнул бог Индра со спины своего ящера и поднял на Брахму свой меч, Громоваджру. И услышал, как хрустнула шея Ниррити.

— Тебя спасает только твой плащ! — вскричал Тарака, продолжая бороться с Ямой, и в этот миг взглянул он в глаза Смерти...

Стремительно слабел Тарака, но не стал ждать Яма и сразу, как только смог, отбросил его в сторону.

Он вскочил и бросился к Брахме, даже не успев подобрать свой меч. Там, на холме, раз за разом отбивал Брахма удары Громоваджры, и кровь ключом била из обрубка его левой руки, ручейками стекала из ран на голове и груди. Ниррити стальной хваткой впился ему в лодыжку.

Громко закричал Яма, выхватывая на бегу свой кинжал.

Индра отступил назад, туда, где его не мог достать клинок Брахмы, и оглянулся на него.

— Кинжал против Громоваджры, да, Красный? — спросил он.

— Да, — выдохнул Яма и нанес удар правой рукой, перебросив кинжал в левую для настоящего удара.

Лезвие вошло Индре в предплечье.

Индра выронил Громоваджру и ударил Яму в челюсть.

Яма упал, но, падая, успел дернуть соперника за ногу и повалить его рядом с собой на землю.

И тут полностью овладел им его Облик, и под взглядом его побелел и как-то пожух Громовержец, как трава осенью. Когда обрушился на спину Смерти Тарака, Индра был уже мертв. Попытался было Яма освободиться от хватки ракшаса, но словно ледяная гора пригвоздила его плечи к земле.

Лежащий рядом с Ниррити Брахма оторвал клок от своей пропитанной демоническим репеллентом одежды и бросил его правой рукой, стараясь, чтобы упал он поближе к Яме.

Отшатнулся Тарака, и, оглянувшись, уставился на него Яма. В этот миг подскочил в воздух лежавший на земле меч Индры и устремился прямо Яме в грудь.

Обеими руками схватил бог Смерти лезвие Громоваджры, когда оставались тому до его сердца лишь считанные дюймы. Но продолжало смертоносное оружие надвигаться, и потекла на землю кровь из разрезаемых им ладоней Ямы.

Обратил Брахма на Владыку Адова Колодезя свой смертный взгляд, взгляд, который черпал теперь жизнь и из него самого.

Острие коснулось Ямы.

Он, поворачиваясь боком, ринулся в сторону, и вспороло оно ему кожу от ключицы до плеча.

Копьями стали тогда глаза его, и потерял ракшас человеческий облик, обратившись в дым. Голова Брахмы упала ему на грудь.

И сумел возопить еще Тарака, завидев, что скачет к нему на белом коне Сиддхартха, а воздух вокруг него потрескивает и пахнет озоном:

— Нет, Бич! Умерь свою силу! Моя смерть принадлежит Яме...

— Глупый демон! — откликнулся Сэм. — Не надо было...

Но Тараки уже не было.

Яма, упав рядом с Брахмой на колени, затягивал жгут вокруг того, что осталось у павшего бога от левой руки.

— Кали! — звал он. — Не умирай! Ответь мне, Кали!

Брахма судорожно втянул воздух, глаза его на миг приоткрылись, но тут же закрылись вновь.

— Слишком поздно, — пробормотал Ниррити.

Он повернул голову и посмотрел на Яму.

— Или, скорее, как раз вовремя. Ведь ты же Азраил, не так ли? Ангел Смерти...

Яма ударил его ладонью по лицу, и полоса крови из его руки осталась на лице у Черного.

— «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное, — сказал Ниррити. — Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Яма еще раз ударил его.

— «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...»

— «И блаженны миротворцы, — перебил Яма, — ибо они будут наречены сынами Божьими». Где ты найдешь здесь место для себя, Черный? Чей сын ты, что сотворил все это?

Ниррити улыбнулся и сказал:

— «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

— Ты безумец, — сказал Яма, — и поэтому я не буду лишать тебя жизни. Подыхай сам, когда придет твое время. Его уже недолго ждать.

И, подняв с земли Брахму, он направился с ним на руках в сторону города.

— «Блаженны вы, когда будут поносить вас, — продолжал Ниррити, — и гнать и всячески неправедно злословить за Меня...»

— Воды? — спросил Сэм, доставая флягу и приподнимая голову Ниррити.

Ниррити взглянул на него, облизнул губы и слабо кивнул. Сэм влил ему в рот немного воды.

— Кто ты? — спросил умирающий.

— Сэм.

— Ты? Ты вновь восстал?

— Это не в счет, — промолвил Сэм. — Я тут, в общем-то, ни при чем.

Слезы наполнили глаза Черного.

— Значит, победа будет за тобой, — выдавил он из себя. — Не могу понять, как Он допустил такое...

— Это лишь один из миров, Ренфрю. Кто знает, что происходит на других? И к тому же это отнюдь не та борьба, в которой я хотел бы победить, ты же знаешь. Мне жаль тебя и жаль, как все сложилось. Я согласен со всем, что ты сказал

Яме, согласны с этим и все последователи того, кого они называли Буддой. Я уже и не припомню, был ли им я сам, или же это был кто-то иной. Но теперь я ухожу от него. Я опять стану человеком, и пусть люди сохраняют того Будду, который есть у них в сердце. Каким бы ни был источник, послание было чистым, верь мне. Только поэтому оно обрело корни и разрослось.

Ренфрю сделал еще один глоток.

— «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые», — сказал он. — Воля превыше моей положила, чтобы умер я на руках у Будды, положила миру сему такой путь... Даруй мне свое благословение, Гаутама, ибо я умираю...

Сэм опустил голову.

— Ветер мчит на юг и вновь возвращается на север. Весь мир — круговращение, и следует ветер его круговороту. Все реки текут в море, и однако море не переполняется. К истоку рек возвращаются вновь их воды. То, что было, это то, что будет; то, что свершено, будет свершено. Нет воспоминаний о бывшем, и не будет воспоминаний о том, что будет с теми, кто придет позже...

И он накрыл Черного своим белым плащом, ибо тот был мертв...

Яна Ольвегга принесли в город на носилках. Сэм сразу же послал за Куберой и Нарадой, чтобы они встречали его в Палате Кармы, ибо ясно было, что в нынешнем своем теле Ольвеггу долго не протянуть.

Когда они вошли в Палату, Кубера споткнулся о мертвое тело, лежавшее чуть ли не на пороге.

— Кто это? — спросил он.

— Один из Хозяев.

Тела еще троих служителей желтого колеса лежали в коридоре, ведущем к центральным передатчикам. Все трое были вооружены.

Еще одного обнаружили уже у самых машин. Выпад неведомого клинка пришелся точно в центр желтого круга у него на груди, отчего он стал похож на использованную мишень. Из открытого рта так и не успел вырваться предсмертный вопль.

— Уж не горожан ли рук это дело? — спросил Нарада. —

С каждым годом к Хозяевам относились все хуже и хуже. Должно быть, в горячке битвы...

— Нет, — возразил Кубера, приподняв покрытую пятнами крови простыню, прикрывавшую лежавшее на операционном столе тело. Поглядев на него, он вновь расправил полотнище. — Нет, это не горожане.

— Кто же тогда?

Он вновь посмотрел на стол.

— Это Брахма, — объяснил он.

— О!

— Кто-то, вероятно, заявил Яме, что не даст ему использовать машины для переноса.

— Ну а где тогда Яма?

— Понятия не имею. Но мы должны поспешать, если собираемся обслужить Ольвегга.

— Да. Вперед!

Высокий юноша явился во Дворец Камы и спросил Господина Куберу. На плече у него ослепительно сверкало копье, когда он нетерпеливыми шагами мерил в ожидании комнату.

Кубера вошел, смерил взглядом копье, юношу и сказал всего одно короткое слово.

— Да, это Так, — ответил копейщик. — Новое копье, новый Так. Больше нет надобности в обезьяне, и я вновь стал человеком. Я скоро уйду... и я пришел попрощаться — с тобой и Ратри...

— Куда ты направляешься, Так?

— Я хочу повидать остальной мир, Кубера, пока тебе не удалось замеханизировать всю его магию.

— Этот день всегда маячит где-то за горизонтом, Так. Оставайся здесь подольше...

— Нет, Кубера. Благодарю тебя, но капитан Ольвегг подгоняет со сборами. Мы отправляемся вместе.

— А куда вы собираетесь направиться?

— На восток, на запад... кто знает? Куда глаза глядят... Скажи-ка, Кубера, а кому теперь принадлежит громовая колесница?

— Исходно она, конечно, принадлежала Шиве. Но Шивы больше нет. Какое-то время ею пользовался Брахма...

— Но нет больше и Брахмы. Впервые обходятся без него Небеса, где правит, сохраняя, Вишну. Итак...

— Ее построил Яма. Если она принадлежит кому-то, то, наверно, ему...

— А ему она не нужна, — подытожил Так. — Так что я думаю, мы с Ольвеггом можем воспользоваться ею для нашего путешествия.

— А почему ты думаешь, что она ему не нужна? Ведь никто не видел Яму за все три дня, прошедшие после битвы...

— Привет, Ратри, — перебил Так, завидя вошедшую в комнату богиню Ночи. — «Храни же нас от волка и волчицы, храни от вора нас, о Ночь, и дай же нам продлиться».

Он поклонился, и она коснулась рукой его чела.

И он взглянул ей в лицо, и на один ослепительный миг богиня переполнила обширное пространство — и в глубину, и в вышину. Сияние ее развеяло мрак...

— Мне пора идти, — сказал он. — Спасибо, спасибо тебе за благословение.

Он быстро повернулся и вышел из комнаты.

— Подожди! — крикнул Кубера. — Ты говорил о Яме. Где он?

— Ищи его в таверне Трехголовой Огнеквочки, — бросил через плечо Так, — если тебе это нужно. Может, было бы лучше подождать, пока он сам не станет тебя искать.

И Так ушел.

Подходя к Дворцу Камы, Сэм увидел, как по лестнице оттуда сбегает Так.

— Доброго тебе утра, Так! — окликнул он юношу, но тот не отвечал, пока чуть ли не наткнулся прямо на Сэма. Тогда он резко остановился и прикрыл рукой глаза, будто от солнечного света.

— Сэр! Доброе утро.

— Куда ты так спешишь? Невтерпеж испробовать свое новое тело?

Так хмыкнул.

— Да, Князь Сиддхартха. У меня рандеву с приключением.

— Слышал об этом. Вчера вечером я беседовал с Ольвеггом... Желаю тебе в путешествии удачи.

— Я хотел сказать тебе, — промолвил Так, — что я был уверен в твоей победе. Я знал, что ты отыщешь решение.

— Это не было, как ты говоришь, решение, нет, просто

решеньице, так себе, ничего особенного, Так. И небольшое сражение. Все можно было провернуть и без меня.

— Я имею в виду, — уточнил Так, — все сразу. Ты участвовал буквально во всем, что к этому привело. Ты должен был быть там.

— Полагаю, что так... да, я и в самом деле так считаю... Всегда что-то притягивало меня к тому дереву, в которое готовилась ударить молния.

— Судьба, сэр.

— Боюсь, что скорее случайно прорезавшаяся социальная совесть и счастливый дар ошибаться.

— Что ты собираешься делать теперь, Князь?

— Не знаю, Так. Я еще не решил.

— Может, составишь компанию мне и Ольвеггу? Постранствуешь по свету вместе с нами? Поищешь приключений?

— Спасибо, нет. Я устал. Быть может, я испрошу себе старую твою работу и стану Сэмом от Архивов.

Так хмыкнул еще раз.

— Сомневаюсь. Я еще увижу тебя, Князь. Так что — до свидания.

— До свидания... Что-то...

— Что?

— Ничего. На какой-то миг ты напомнил мне об одном человеке, которого я когда-то знал. Пустое. Удачи!

Он хлопнул его по плечу и пошел дальше.

Так поспешил прочь.

Хозяин сказал Кубере, что и вправду у него остановился подходящий под описание постоялец, он снял заднюю комнату на втором этаже, но вряд ли захочет он кого-либо видеть.

Кубера поднялся на второй этаж.

На стук в дверь никто не ответил, и Кубера попытался ее открыть.

Изнутри дверь была заперта на засов, и он начал в нее колотить.

На это наконец раздался голос Ямы:

— Кто там?

— Кубера.

— Уходи.

— Нет. Открой, я не уйду отсюда, пока ты не откроешь.

— Ну хорошо, погоди минуту.

И Яма отодвинул засов; дверь приоткрылась внутрь на несколько дюймов.

— Алкоголем от тебя не пахнет, наверно, ты подцепил девку, — заявил Кубера.

— Нет, — сказал Яма, глядя на него. — Что тебе нужно?

— Выяснить, что тут не в порядке. Помочь, если смогу.

— Не можешь, Кубера.

— Почем ты знаешь? Я тоже, как и ты, недурной ремесленник, — иного типа, конечно.

Яма поразмыслил и, отступив в сторону, распахнул дверь.

— Заходи, — сказал он.

На полу перед грудой всякой всячины сидела совсем юная девушка. Еще почти ребенок, она крепко прижимала к себе коричневого с белыми пятнами щенка и смотрела на Куберу широко раскрытыми испуганными глазами, пока он не улыбнулся и не сделал успокаивающий жест.

— Кубера, — сказал Яма.

— Ку-бра, — сказала девушка.

— Это моя дочь, — сказал Яма. — Ее зовут Мурга.

— Я никогда не знал, что у тебя есть дочь.

— Она отстает в развитии. Мозговая травма...

— Врожденная или в результате переноса? — спросил Кубера.

— Результат переноса.

— Ясно.

— Она моя дочь, — повторил Яма. — Мурга.

— Да, — сказал Кубера.

Яма встал на колени рядом с ней и поднял с пола кубик.

— Кубик, — сказал он.

— Кубик, — сказала девушка.

Он взял ложку.

— Ложка, — сказал он.

— Ложка, — сказала девушка.

Он поднял мяч и показал его ей.

— Мяч, — сказал он.

— Мяч, — сказала она.

Он опять взял кубик и показал его ей.

— Мяч, — повторила она.

Яма выронил кубик.

— Помоги мне, Кубера, — сказал он.

— Помогу, Яма. Если есть какой-то способ, мы отыщем его.

Он уселся рядом с ними и поднял руки вверх.

Ложка тут же ожила, одушевленная ложка-востью, мяч исполнился мяч-ности, кубик — кубик-овости, и девочка рассмеялась. Даже щенок, казалось, внимательно изучал предметы.

— Локапалы непобедимы, — сказал Кубера, а девочка подняла кубик и долго-долго разглядывала его, прежде чем назвать.

Как известно, Владыка Варуна вернулся после Хайпура в Небесный Град. Примерно тогда же начала отмирать система небесного чинопродвижения. Властителей Кармы сменили Смотрители Переноса, а функции их отделены были от Храмов. Заново изобретен был велосипед. Возведено семь буддистских святынь. Во дворце Ниррити разместились художественная галерея и Павильон Камы. Продолжал ежегодно праздноваться Фестиваль в Алундиле, и не было равных его танцорам. Не исчезла и пурпурная роща, о которой с любовью заботились правоверные.

Кубера остался с Ратри в Хайпуре. Так с Ольвеггом отправились в громовой колеснице странствовать в поисках неведомой судьбы по свету. На Небесах правил Вишну.

Те, кто молился семерым риши, возносили им благодарности за велосипед и за своевременную аватару Будды, за Майтрею, что означает Князь Света; звали его так то ли за то, что мог он разбрасывать молнии, то ли за то, что старался он этого не делать. Другие продолжали звать его Махасаматман и утверждали, что он бог. Он, однако, по-прежнему предпочитал опускать громкие маха и атман и продолжал звать себя просто Сэмом. Никогда не провозглашал он себя богом. С другой стороны, и не отказывался, конечно, от этого. В сложившихся условиях ни то, ни другое не сулило ему никакой выгоды. К тому же и не оставался он среди людей достаточно долго, чтобы дать пищу сложным теологическим хитросплетениям. О днях же его ухода рассказывают несколько противоречивых историй.

Одна деталь присутствует во всех этих легендах: однажды в сумерках, когда скакал он на лошади вдоль реки, слетела к

нему невесть откуда большая красная птица, и был хвост ее втрое длиннее остального тела.

И еще до рассвета покинул он Хайпур, и больше его никто никогда не видел.

И вот утверждают одни, что чистым совпадением было появление птицы и его отбытие и ничем они не связаны. И ушел он в поисках покоя, даруемого шафрановой рясой, ибо исполнил уже все, ради чего возвращался в мир, и успел устать от шума и молвы, сопутствовавших его победе. Быть может, птица просто напомнила ему о преходящести всего яркого и блестящего. А может, и нет, если он уже принял тогда свое решение.

Другие говорят, что не надел он более рясы, а птица была посланником Сил Превыше Жизни, призвавшим его вернуться назад к покою нирваны, вновь познать Великий Покой, нескончаемое блаженство, услышать песни, которые поют звезды на берегу великого океана. Они говорят, что перешел он через Мост Богов. Они говорят, что он не вернется.

Другие говорят, что стал он новой личностью и до сих пор странствует среди рода людского, оберегая и помогая ему в дни смуты, оберегая простой люд от угнетения пришедших к власти.

Некоторые утверждают, что и вправду была птица посланцем, но не из другого мира, а все из этого же, и что послание несла она не ему, а обладателю Громоваджры, богу Индре, который, как известно, посмотрел в глаза Смерти. Никто никогда не видывал до тех пор подобных птиц, хотя, как стало теперь известно, обитают их сородичи на восточном континенте, там, где вел Индра войны с ведьмами. Если была в пламенеющей головке птицы искорка разума, могла она принести из далекой страны послание о помощи. А надо вспомнить, что Леди Парвати, которая была когда-то Сэму то ли женой, то ли матерью, сестрой или дочерью, а может — всеми ими сразу, ускользнула туда с Небес, когда взглянули на них призрачные кошки Канибуррхи, чтобы жить среди тамошних колдуний, считала она которых своей родней. Если принесла птица такую весть, то не сомневаются сказители этой истории, что тут же отправился он на восточный континент, чтобы оберечь ее от любой грозящей ей напасти.

Таковы четыре версии истории о Сэме и Красной Птице, Которая Возвестила Его Уход, — как рассказывают ее моралисты, мистики, социальные реформаторы и романтики. Ка-

ждый может, осмелюсь я добавить, выбрать из них подходящую себе версию. Единственное, о чем действительно он должен помнить, — это достоверный факт, что на западном континенте подобные птицы не обнаружены, хотя они, по-видимому, достаточно многочисленны на восточном.

Примерно через полгода покинул Хайпур и Яма-Дхарма. Ничего особенного не известно о его уходе, и большинство считает это вполне достаточной информацией. Свою дочь Мургу он оставил на попечение Ратри и Кубере, и она выросла в женщину поразительной красоты. Возможно, он отправился на восток и, может быть, даже переправился через море. Ибо бытует где-то в чужих краях легенда о том, как выступил Некто в Красном против объединенной мощи Семи Князей Комлата в краю ведьм. Но достоверно знаем мы об этом не больше, чем об истинном конце Князя Света.

Но взгляни вокруг себя...

Всегда, везде и всюду — Смерть и Свет, они растут и убывают, спешат и ждут; они внутри и снаружи Грезы Безымянного, каковая — мир; и выжигают они в сансаре слова, чтобы создать, быть может, нечто дивно прекрасное.

А пока облаченные в шафрановые рясы монахи продолжают медитировать о пути света; и каждый день ходит девушка по имени Мурга в Храм, чтобы положить перед темным силуэтом внутри святилища то единственное подношение, которое он согласен принять, — цветы.

ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

Одни поколенья уходят, другие длятся
со времен своих предков.
И вот они строили обиталища,
и даже места того больше нет.
Что же сделалось с ними?

Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
реченья которых повторяют так часто люди.
Где же теперь они?

Разрушились стены,
даже места им нет,
словно не было никогда.

Никто не приходит оттуда,
чтобы рассказать, что там,
чтобы поведать, как там,
чтобы упокоить наши сердца,
покуда и сами не пойдем мы за ними следом.

Так празднуй и не томись!
Смотри, не дано человеку
забрать с собой достоянье,
смотри, никто из умерших назад не может
вернуться.

Харрис, 500, 6:2—9

Входит Комус с волшебной палочкой в одной руке, бокалом в другой; вместе с ним орава монстров с головами многовидных диких зверей. С буйным, разгульным шумом входят они; в руках у них факелы.

Мильтон

Платье людское подобно железу,
Стать человечья — пламени горна,
Лик человечий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

Блейк

ПРЕЛЮДИЯ В ДОМЕ МЕРТВЫХ

В канун своего тысячелетия в Доме Мертвых проходит по нему человек. Ежели удалось бы тебе взглянуть на огромный тот зал, по которому проходит он, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы.

В темную эту пору звать мы его будем просто: человек.

На то есть две причины.

Во-первых, он вполне подпадает под общепринятое, устоявшееся описание человекоподобного существа (мужского пола, без модификаций) — прямоходящий, с противостоящим большим пальцем и прочими типовыми характеристиками этой профессии; во-вторых, имя его от него отнято.

И нет сейчас причин распространяться об этом далее.

В правой руке несет человек жезл своего хозяина, и ведет его жезл этот сквозь тьму. Тянет то туда, то сюда. Обжигает руку, пальцы, противостоящий большой — в первую очередь, стоит хоть на шаг отступить ему от предначертанного пути.

Добравшись до некого места посреди темноты, начинает человек подниматься по ступеням и через семь шагов оказывается на каменном возвышении. Трижды ударяет он по нему жезлом.

Вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам. Из конца в конец видны теперь стены огромного пустого зала.

Он переворачивает жезл и ввинчивает его в гнездо в поверхности камня.

Будь у тебя в зале том уши, услышали бы они некий звук, словно гудит летучая мелюзга, кружится-вертится над головой мошкара.

Но слышен звук этот лишь нашему человеку. Остальные — а числом их там поболее двух тысяч — мертвы.

Они поднимаются теперь из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с

немигающими очами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длиннющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет. Многие же выглядят как наш человек — без модификаций.

Он же облачен в желтые брюки и того же цвета рубашку без рукавов. Черны его ремень и плащ. Он стоит рядом со светящимся жезлом своего хозяина и разглядывает мертвецов перед собою.

— Встать! — восклицает он. — Всем встать!

И смешиваются слова его с разлитым в воздухе гудением, и повторяются снова и снова, не как эхо, угасая, но настойчиво возвращаясь, с навязчивостью электрического зуммера.

Воздух наполняется движением. Разносятся стоны, раздается похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, покряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают.

И вот затихают звуки и движения, и, словно незажженные свечи, застывают мертвецы у своих отверстых могил.

Человек спускается с возвышения, на секунду замирает перед ними, затем говорит: «За мной!» — и идет назад тем же путем, что и пришел, оставив жезл своего хозяина вибрировать в мутном воздухе.

По пути подходит он к женщине — высокой, златокожей самоубийце. Он заглядывает в ее невидящие глаза и говорит: «Ты знаешь меня?» — и оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы движутся, шепчут: «Нет». Но он вглядывается еще пристальнее и говорит: «Ты знала меня?» — и воздух гудит от его слов — пока она не произносит «нет» еще раз, и он проходит мимо.

Он спрашивает еще двоих: мужчину, который был в свое время старцем, в его левое запястье встроены часы, и черного карлика с рогами, копытами и хвостом козла. Но оба говорят: «Нет», и он проходит мимо них, и они следуют за ним из огромного этого зала в другой, где лежит много других, в общем-то не ожидая, что их призовут на его тысячелетний канун в Доме Мертвых.

Человек ведет их. Он ведет вызванных им обратно если не к жизни, то к движению мертвецов, и они идут следом за ним. Они следуют за ним по коридорам и галереям, по залам, поднимаются по широким прямым лестницам и по лестницам узким, кривым, спускаются, и приходят они наконец в Тронный зал Дома Мертвых, где устраивает приемы его хозяин.

Сидит хозяин на черном троне из полированного камня, и металлические чаши с огнем стоят слева и справа от него. На каждой из двух сотен колонн, что выстроились в ряд в высоком его зале, сверкает, мерцает факел, искрясь и постреливая кольцами дыма, который клубами поднимается кверху, сливаясь там в серое, беспокойное облако, полностью закрывающее весь потолок.

Неподвижен хозяин, но пристально смотрит он, как проходит по залу человек, а за спиной у него — пять тысяч мертвецов; красные глаза не отрываясь следят за его приближением.

Человек простирается у его ног и не движется, пока хозяин не обращается к нему.

— Ты можешь приветствовать меня и встать, — раздаются слова, каждое из них — резкий всплеск среди шумного придыхания.

— Славься, Анубис, хозяин Дома Мертвых, — говорит человек и встает.

Анубис едва заметно кивает своей черной мордой, внутри ее сверкают белоснежные клыки. Алая молния, язык, выстреливает вперед, возвращается в пасть. Тогда встает псоглавец, и соскальзывают тени с его обнаженного мужского тела.

Он поднимает левую руку, и в зал проникает гудящий звук и разносит его слова сквозь мерцающий свет и дым.

— Вы, мертвые, — говорит он, — будете сегодня развлекаться, дабы доставить мне удовольствие. Пища и вино проникнут сквозь ваши мертвые губы, хотя вы и не почувствуете их вкус. Ими наполнятся ваши мертвые желудки, ваши мертвые ноги пустятся в пляс. Ваши мертвые уста будут произносить слова, в которых для вас не будет никакого смысла, и вы будете сжимать друг друга в объятиях безо всякого удовольствия. Вы споете для меня, если я захочу. И вы уляжетесь обратно в могилы, когда я того пожелаю.

Он поднимает правую руку.

— Пусть же празднество начнется, — говорит он и хлопает в ладоши.

И тут же между колонн проскальзывают столы, уставленные яствами и напитками, а в воздухе разливается музыка.

И, подчиняясь его приказу, шевелятся мертвые.

— Ты можешь присоединиться к ним, — говорит Анубис человеку и садится обратно на трон.

Человек подходит к ближайшему столу, что-то съедает и выпивает бокал вина. Мертвецы танцуют вокруг него, но он с ними не танцует. Они шумят, но лишены слова их всякого смысла, и он в них не вслушивается. Он наливает себе еще один бокал вина, и Анубис не отрываясь следит, как он его выпивает. Он наливает себе и в третий раз; он медленно тянет вино, уставившись внутрь бокала.

Он не знает, сколько прошло времени, когда Анубис говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Подойди! — говорит Анубис, и он послушно подходит.

— Можешь стоять. Ты знаешь, что сегодня за ночь?

— Да, хозяин. Канун тысячелетия.

— *Твоего* тысячелетия. Сегодня мы празднуем годовщину. Ты отслужил мне полновесную тысячу лет здесь, в Доме Мертвых. Ты доволен?

— Да, хозяин...

— Помнишь ли ты мое обещание?

— Да. Ты сказал, что, если я верой и правдой отслужу тебе тысячу лет, ты вернешь мне мое имя. Скажешь мне, кем был я в Срединных Мирах Жизни.

— Извини, но я этого не говорил.

— Ты?..

— Я сказал, что дам тебе имя — какое-то имя; это же совсем не то.

— Но я думал...

— Какое мне дело, что ты думал. Ты хочешь имя?

— Да, хозяин...

— Но ты бы предпочел прежнее? К этому ты клонишь?

— Да.

— Неужто ты в самом деле думаешь, что кто-то, быть может, помнит твое имя спустя десять столетий? Полагаешь, что

был достаточно важной фигурой в Срединных Мирах, чтобы кто-то записал твое имя; что оно для кого-то что-то значит?

— Не знаю.

— И все же ты хочешь его назад?

— Если дозволено будет мне получить его, хозяин.

— Почему же? Почему ты его хочешь?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Мне хотелось бы узнать, кем я был, когда обитал там.

— Зачем? С какой целью?

— Мне нечего ответить, ибо я не знаю.

— Ты же знаешь, — говорит Анубис, — что из всех мертвых я полностью вернул сознание, чтобы взять на службу, только тебе. Ты, наверно, думаешь, что за этим что-то кроется?

— Я часто спрашивал себя, почему ты так поступил.

— Ну так позволь, я тебя успокою: ты — ничто. Ты был ничем. Тебя никто не помнит. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает глаза.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, хозяин...

— А почему?

— Потому что ты не лжешь.

— Ну так я покажу тебе это. Я стер твои воспоминания о жизни только потому, что среди мертвых они причиняли бы тебе боль. А теперь я покажу тебе, насколько ты безвестен. Здесь, в этом зале, больше пяти тысяч мертвецов — из всевозможных эпох и мест.

Анубис встает, и его голос доносится до всех присутствующих в зале.

— Слушайте меня, слизни. Поглядите на этого человека, что стоит пред моим троном. А ты обернись-ка к ним лицом.

Человек оборачивается.

— Знай, человек, что сегодня на тебе не то тело, в котором спал ты прошлую ночь. Сейчас ты выглядишь точно так же, как и тысячу лет назад, когда вступил в Дом Мертвых. Мои верные мертвые, найдется ли здесь среди вас кто-нибудь, кто, глядя на этого человека, узнает его?

Золотая девушка делает шаг вперед.

— Я знаю этого человека, — говорит она, едва шевеля

оранжевыми губами, — ведь это он говорил со мной в другом зале.

— Об этом мне известно, — говорит Анубис, — но кто он?

— Он тот, кто заговорил со мной.

— Это не ответ. Ступай трахаться вон с той фиолетовой ящерицей.

— Ну а ты, старик?

— Он говорил и со мной.

— Знаю. Можешь ли ты назвать его?

— Не могу.

— Тогда ступай плясать на том столе и не забудь полить вином себе голову. Ну а ты, Черныш?

— Этот человек говорил и со мной тоже.

— Ты знаешь его имя?

— Не знал, когда он спросил меня...

— Так сгори! — кричит Анубис, и пламя падает с потолка, плещет из стен, и от черного карлика остается лишь горсточка пепла, которая легким облачком рассеивается над полом, лаская щиколотки замерших танцоров, перед тем как пасть прахом.

— Видишь? — говорит Анубис. — Некому назвать тебя твоим прежним именем.

— Вижу, — говорит человек. — Но последний вроде бы собирался сказать еще что-то...

— Вздор! Тебя никто не знает и знать не желает. Кроме меня — поскольку сведущ ты в многообразном искусстве бальзамирования и слагаешь подчас недурные эпитафии.

— Спасибо, хозяин.

— Какой тебе здесь прок от имени и воспоминаний?

— Никакого, наверное.

— И все же ты желаешь имя — ну так я его тебе дам. Вынь свой кинжал.

Человек обнажает лезвие висящего у него на левом боку кинжала.

— Отрежь теперь себе большой палец.

— Который, хозяин?

— Левый вполне сгодится.

Человек закусывает нижнюю губу и чуть жмурится, с усилием прижимая острие к суставу своего большого пальца. Кровь течет на пол. Она стекает по лезвию кинжала и тонюсенькой струйкой льется с его острия. Человек падает на ко-

лени и продолжает резать, слезы катятся у него по щекам и, падая вниз, смешиваются с кровью. Он судорожно глотает воздух широко открытым ртом, а один раз у него вырывается всхлипывание.

Но вот...

— Готово, — говорит он. — Вот!

Он бросает кинжал и протягивает Анубису свой палец.

— Мне он ни к чему! Брось его в огонь!

Правой рукой бросает человек свой палец в жаровню. Пламя трещит, шипит, ярко вспыхивает.

— Теперь собери в левую пригоршню свою кровь.

Человек так и поступает.

— Теперь подними руку над головой и окропи себя.

Он поднимает руку, и кровь стекает ему на лоб.

— Теперь повторяй за мной: «Я нарекаю себя...»

— «Я нарекаю себя...»

— «...Вэйкимом из Дома Мертвых...»

— «...Вэйкимом из Дома Мертвых...»

— «...во имя Анубиса...»

— «...во имя Анубиса...»

— «Вэйкимом...»

— «Вэйкимом...»

— «...посланником Анубиса в Срединные Миры...»

— «...посланником Анубиса в Срединные Миры...»

— «...и за их пределы».

— «...и за их пределы».

— Слушайте же меня теперь, о мертвые: я нарекаю этого человека — Вэйким. Повторите его имя!

— Вэйким, — произносят мертвые губы.

— Да будет так! Теперь ты наречен, Вэйким, — говорит Анубис. — И стало быть, надлежит, дабы прочувствовал ты свое рождение в мире имен, чтобы ушел иным, чем прежде, о мой новоназванный!

Анубис поднимает руки над головой и опускает их вниз.

— Продолжайте танцевать! — приказывает он мертвым.

И они опять принимаются двигаться в такт музыке.

В зал вкатывается членорезка, за ней следует автопротезист.

Вэйким отворачивается от них, но они подъезжают к нему вплотную и останавливаются.

Первая машина выпускает наружу держатели и захватывает ими Вэйкима.

— Слабы руки людские, — говорит Анубис. — Да будут они отняты.

Человек кричит, когда пила впивается в его тело. Потом он теряет сознание. Мертвые продолжают танцевать.

Когда Вэйким приходит в себя, по бокам у него свешиваются две гладкие серебряные руки, холодные и бесчувственные. Он сгибает пальцы.

— А ноги людские медлительны — во всем, кроме усталости. Сменить их ему на металлические, устали не знающие.

Когда Вэйким вторично приходит в себя, он стоит на серебряных ходулях. Он переступает с ноги на ногу. Язык Анубиса выстреливает из пасти наружу.

— Положи правую руку в огонь, — говорит он, — и жди, пока не раскалится она добела.

Стихает вокруг музыка, и пламя ласкает его руку, пока они не становятся одного цвета. Мертвые ведут свои мертвые разговоры и пьют вино, вкуса которого не ощущают. Они обнимаются безо всякого удовольствия. Рука начинает отсвечивать белым.

— Теперь, — говорит Анубис, — сожми десницей свою мужественность, дабы выжечь ее.

Вэйким облизывает пересохшие губы.

— Хозяин... — говорит он.

— Исполняй!

И он исполняет и, не закончив, падает без сознания.

Когда он приходит в себя и смотрит вниз на свое тело, оно уже все из блестящего серебра, бесполое и могучее. Он прикасается рукой ко лбу, и раздается звяканье металла о металл.

— Как ты чувствуешь себя, Вэйким? — спрашивает Анубис.

— Не знаю, — отвечает тот, и голос его звучит странно и резко.

Анубис подает рукой знак, и ближайший бок режущей машины становится зеркальным.

— Полюбуйся на себя.

Вэйким смотрит на сверкающее яйцо, это его голова, на желтые линзы, это глаза, на блестящую бочку, свою грудь.

— По-разному могут люди начинать и заканчивать свою жизнь, — говорит Анубис. — Одни могут начинать в виде машины и медленно завоевывают себе человечность. Другие же могут кончить как машины, теряя понемногу свою человеч-

ность по ходу жизни. Потерянное всегда может быть обретено вновь, добытое — утеряно. Что ты такое, Вэйким, человек или машина?

— Не знаю.

— Тогда я еще усугублю неразбериху в твоей голове.

Анубис делает знак, и у Вэйкима отваливаются руки и ноги. Его металлический торс, звякнув о каменные плиты пола, откатывается к подножию трона.

— Ты лишен подвижности, — говорит Анубис.

Он вытягивает вперед ногу и касается ею крохотного выключателя у Вэйкима на затылке.

— Теперь ты лишен всех чувств, кроме слуха.

— Да, — отвечает Вэйким.

— Ну а сейчас я произвожу подключение. Ты ничего не чувствуешь, но голова твоя открыта, и ты вот-вот станешь частью машины, которая контролирует и поддерживает на ходу весь этот мир. Смотри же, вот он весь!

— Смотрю, — отвечает Вэйким и осознает сразу каждую комнату, каждый чертог, коридор и зал в этом извечно мертвом — никогда не жившем — мире, миром, собственно, никогда и не бывшим; мир этот изготовлен — не порожден пламенем творения из сгустившегося звездного вещества, но отчеканен и смонтирован, склепан и сплавлен, отделан и украшен; не моря, земли, воздух и жизнь царят здесь, но смазка, металл, камень и энергетические барьеры, и подвешено все это вместе среди ледяной пустоты, где не сверкает ни одно солнце; и осознает Вэйким сразу все расстояния, напряжения, массы, материалы, давления — и тайные числа мертвых. Он не ощущает своего тела, своего отключенного механического тела. Ведомы ему только волны подпитывающих энергий, струящиеся через Дом Мертвых. Он растекается вместе с ними, и ему известны бесцветные цвета воспринимаемых величин.

И снова говорит Анубис:

— Тебе ведома каждая тень в Доме Мертвых. Даже самыми сокровенными глазами созерцал ты его.

— Да.

— Ну а теперь посмотри, что лежит за его пределами.

Это звезды, звезды... россыпи звезд среди бездонного мрака. По ним пробегает рябь, они вспучиваются, изгибаются, они мчатся Вэйкиму навстречу, едва не налетают на него. Цвета их ослепительны и чисты, как очи ангелов, и они про-

носятся рядом, проносятся вдалеке — в вечности, сквозь которую он, кажется, движется. Не ощущается ни реальное время, ни движение, меняется лишь поле. В какой-то миг рядом с ним словно парит огромная голубая геенна солнца, потом опять приходит мрак, все вокруг него черным-черно, лишь крохотные огоньки поблескивают где-то вдалеке.

И наконец, приближается к нему мир, который и не мир вовсе, — лимонно-лазурный, зеленый, зеленый, зеленый. Короной венчает его земное же кольцо, втрое превышающее его в поперечнике; и кажется, что пульсирует оно в приятном ритме.

— Взгляни на Дом Жизни, — говорит откуда-то Анубис.

И Вэйким глядит. Дом этот теплый, сияющий, живой. От него исходит ощущение живительной силы.

— В Доме Жизни правит Озирис, — говорит Анубис.

И Вэйкиму видна большущая птичья голова, водруженная на человеческие плечи, живы — о, до чего живы ее светлые желтые глаза; и стоит существо это перед ним на бескрайней равнине живой зелени, наложившейся на изображение этого мира; и в одной руке у него Жезл Жизни, а в другой — Книга Жизни. И кажется, что от него исходят лучи тепла.

Опять слышится голос Анубиса:

— Дом Жизни и Дом Мертвых сдерживают Срединные Миры.

И Вэйкима охватывает ощущение головокружительного падения, и опять смотрит он на звезды, но эти звезды отделены и удерживаются в стороне от прочих путами силы; они то видны, то невидимы, то вновь видны — затухая, появляясь, уходя, — эти светящиеся, колеблющиеся белые линии.

— Теперь видишь ты Срединные Миры Жизни, — говорит Анубис.

И десятки миров прокатываются мимо, словно экзотические мраморные шары — в пунктире линий, откалиброванные, отполированные, раскаленные добела.

— ...Сдерживаемые, — говорит Анубис. — Они содержатся внутри поля, перекинутого между двумя единственно значимыми полюсами.

— Полюсами? — переспрашивает металлическая голова по имени Вэйким.

— Домом Жизни и Домом Мертвых. Срединные Миры

движутся вокруг своих светил, и все вместе следуют они путем Жизни и Смерти.

— Не понимаю, — говорит Вэйким.

— Еще бы ты понимал. Что во всей Вселенной является одновременно и величайшей благодатью, и величайшим проклятием?

— Не знаю.

— Жизнь, — говорит Анубис, — или смерть.

— Не понимаю, — говорит Вэйким. — Ты употребил превосходную степень. Ты потребовал одного ответа. И однако, назвал сразу две вещи.

— Да? — спрашивает Анубис. — В самом деле? Разве из одного того факта, что употребил я два слова, следует, что назвал я две разные, отличные друг от друга вещи? Разве не может что-нибудь иметь более одного имени? Возьми, к примеру, себя. Что ты такое?

— Не знаю.

— Ну что ж, в общем-то подходящая почва, чтобы на ней произросла мудрость. Ты можешь в равной степени быть и машиной, которую я решил на время воплотить в виде человека, а сейчас вернул в металлическую оболочку, и человеком, которого я захотел воплотить в машину.

— Так какая же разница?

— Никакой. Совсем никакой. Ты-то не можешь отличить одно от другого. Ты не в состоянии припомнить. Скажи мне, ты жив?

— Да.

— Почему?

— Я мыслю. Я слышу твой голос. У меня есть что вспомнить. Я могу говорить.

— Да? Ну и что же из этого — жизнь? Вспомни, что ты не дышишь, что вместо нервной системы у тебя путаница металлических проводников, а сердце твое я сжег. И вспомни еще, что у меня есть машины, которые могут лучше тебя думать, крепче тебя помнить, красноречивее говорить. Ну и какие же остаются у тебя доводы, что ты жив? Ты говоришь, что слышишь мой голос и «слышание» — явление субъективное? Отлично. Я отключу и твой слух. Присмотрись повнимательнее, не перестанешь ли ты существовать.

...Невесомо, неощутимо падает одинокая снежинка в колодец, колодец без воды, без стенок, без дна, без крышки.

А теперь уберите прочь снежинку и оставьте лишь невесомое, неощутимое падение...

Проходит время безвременья, и вновь раздается голос Анубиса:

— Известна ли тебе разница между жизнью и смертью?

— «Я» — это жизнь, — говорит Вэйким. — Что бы ты ни давал или отнимал, если остается «я», остается и жизнь.

— Спи, — говорит Анубис, и ничто больше не слышит его там, в Доме Мертвых.

Когда Вэйким просыпается, оказывается, что он опять может видеть, и с ближайшего к трону стола смотрит он на танцы мертвых и слышит музыку, под которую они танцуют.

— Ты был мертв? — спрашивает Анубис.

— Нет, — говорит Вэйким. — Я спал.

— А в чем разница?

— «Я» еще было там, хотя я и не знал об этом.

Анубис смеется.

— Ну а если бы я никогда не разбудил тебя?

— Это была бы, пожалуй, смерть.

— Смерть? Если бы я не воспользовался своей способностью пробудить тебя? И даже несмотря на то, что всегда в наличии оставалась бы эта способность — и всегда же доступно для нее было твое застывшее в потенциале «я»?

— Если бы этого не произошло, если бы я навсегда остался лишь в потенциале, тогда это была бы смерть.

— Но ты только что сказал, что смерть и сон — две совершенно разные вещи. Так что же, вся разница только в длительности?

— Нет, — говорит Вэйким, — дело в существовании. За сном приходит бодрствование, и жизнь опять тут как тут. Когда я существую, я знаю об этом. Когда нет, все мое знание — ничто.

— Жизнь, выходит, это просто ничто?

— Нет.

— Жизнь, значит, это просто то, что существует? Как эти мертвецы?

— Нет, — говорит Вэйким. — Это знание о том, что существуешь, — по крайней мере, время от времени.

— Ну а кто же это знает?

— Я, — говорит Вэйким.

— А что это такое «я»? Кто ты такой?

— Я — Вэйким.

— Но ведь я же только-только успел дать тебе это имя! Чем был ты до этого?

— Не Вэйкимом.

— Мертвым?

— Нет! Живым! — кричит Вэйким.

— Не возвышай голос в моих покоях, — говорит Анубис. — Ты не знаешь, что ты такое или кто ты такой; тебе неизвестна разница между существующим и несуществующим — и ты тем не менее осмеливаешься спорить со мной о том, что касается жизни и смерти! Довольно тебя спрашивать, теперь буду говорить я сам. Я расскажу тебе о жизни и смерти.

Жизни слишком много — и жизни недостает, — начинает он свой рассказ, — и точно так же обстоит дело и со смертью. Но оставим в стороне парадоксы.

Так удален отсюда Дом Жизни, что луч света, покинувший его в тот день, когда ты вступил в эту обитель, не прошел еще и сотой части пути между нашими Домами. И расположены там, между ними, Срединные Миры. Они движутся сквозь приливные волны Жизни-Смерти, которые плещут между моим Домом и Домом Озириса. Когда я говорю «плещут», то подразумеваю, что движутся они не черепашьим шагом, как тот самый жалкий луч света, а похожи на волны в океане о двух берегах. И можем мы взъярить волны, когда и где пожелаем, не баламутя при этом все море. Что же это за волны, что несут они?

В некоторых мирах жизнь в переизбытке, — говорит он. — Жизнь — копошащаяся, кишащая, плодящаяся, удушающая сама себя; миры слишком милосердные, напичканные науками, сохраняющими человека в живых, миры, которые, не ровен час, потопят сами себя в собственном семени, миры, которые, того и гляди, заполонят все свои земли ордами брюхатых баб, — миры, которые гнет собственной плодовитости приводит на край гибели. А есть и суровые, бесплодные, хмурые миры, перемалывающие жизнь, словно жерновами. Даже после машинной их переделки и усовершенствования тел лишь несколько сот миров пригодно для обитания шести разумных рас. В худших мирах жизнь — донельзя нужная штука, в лучших она может стать смертельно опасной благодатью.

Когда я говорю, что где-то нужна или не нужна жизнь, то относится все это, конечно, и к смерти, — я же говорю не о двух разных предметах, но об одном и том же. Мы с Озирисом — бухгалтеры, мы подводим дебет и кредит. Мы поднимаем волны — или же гасим ненужное волнение и насылаем на океан штиль. Можно ли рассчитывать на жизнь — что она ограничит сама себя? Нет. Она — бессмысленное стремление двойки стать бесконечностью. Можно ли рассчитывать на смерть — что она ограничит сама себя? Никогда. Она — столь же бессмысленное усилие нуля поглотить бесконечность.

Но и жизнь и смерть нужно контролировать, — говорит он, — иначе за подъемом плодородных миров будет следовать упадок, за подъемом — упадок, чередуя империи и анархию, пока не придут они наконец к окончательному разрушению. Суровые миры будут низведены до нуля. Жизнь не может сдерживать себя в рамках, рекомендуемых статистикой. Следовательно, ее нужно сдерживать, что на самом деле и делается. Мы с Озирисом поддерживаем Срединные Миры. Они лежат внутри контролируемого нами поля, и мы по своему разумению направляем их в ту или иную сторону. Теперь тебе ясно, Вэйким? Ты хоть что-то понимаешь?

— Вы ограничиваете жизнь?

— Мы можем поразить бесплодием — полностью или частично — любую или же любые из шести рас в любом мире на любой срок, какой нам только понадобится. Можем мы влиять и на продолжительность жизни, прорежать население.

— Как?

— Огнем. Мечом. Голодом. Чумой.

— Ну а миры бесплодные, пустынные? Что с ними?

— Можно повысить рождаемость и не ограничивать искусственно продолжительность жизни. Свежеумершие посылаются в Дом Жизни, а не сюда. Там их восстанавливают или используют их органы и части тела для построения новых существ, отнюдь не всегда снабженных человеческой ментальностью.

— А что происходит с остальными мертвыми?

— Дом Мертвых — кладбище всех шести рас. Ни в одном из Срединных Миров нет законного места для захоронений. Не раз и не два посылал Дом Жизни к нам за мертвецами или запасными частями. А бывало, что и они отгружали нам свои излишки.

— Все это с трудом укладывается в голове. Кажется, что все это так жестоко, сурово...

— Такова жизнь, и такова смерть. Это величайшая благодать и величайшее проклятие во Вселенной. Тебе нет нужды понимать все это. Поймешь ты или нет, одобришь или нет — от этого ровным счетом ничего не изменится.

— А откуда явились вы, Анубис и Озирис, чтобы заправлять всем этим?

— Кое-что тебе незачем знать, Вэйким.

— А как относятся к вашему контролю Срединные Миры?

— Они с ним живут и с ним умирают. Он недоступен каким-либо возражениям, ибо необходим просто для продолжения их существования. Контроль стал законом природы и в этом качестве совершенно беспристрастен, поскольку в равной степени приложим ко всем, кто ему подчинен.

— А что, есть и неподчинившиеся?

— Об этом ты узнаешь подробнее, когда я решу, что наступил подходящий момент, и, стало быть, не сейчас. Итак, Вэйким, я превратил тебя в машину. Теперь я сделаю из тебя человека. Кому под силу сказать, с чего начинал ты, где начинал ты? Стоит мне стереть все твои предыдущие воспоминания и воплотить тебя в тело, и ты будешь считать, что был исходно машиной.

— Ты собираешься так поступить?

— Нет. Я хочу, чтобы ты сохранил все накопленные воспоминания, когда — и если — я возложу на тебя новые твои обязанности.

И поднимает Анубис руки вверх и хлопает в ладоши.

Машина снимает Вэйкима со стола и, опуская его на пол, отключает ему все чувства.

Музыка пульсирует и затихает среди танцоров, две сотни факелов сверкают на колоннах, словно бессмертные мысли. Анубис пристально смотрит на почерневший участок пола в Тронном зале, и над головой его, подчиняясь собственному ритму, колышется балдахин дыма.

Вэйким открывает глаза, и взгляд его тонет в сером мареве. Он лежит навзничь и глядит в потолок. Спину ему леденят холодные плиты пола, справа вроде бы падают отблески све-

та. Вдруг он судорожно сжимает левую руку в кулак и, обнаружив, что большой палец на месте, расслабляется.

— Да, — говорит Анубис.

Он садится перед троном, смотрит вниз — на свое тело, смотрит вверх — на Анубиса.

— Ты был крещен и ныне возродился во плоти.

— Благодарю.

— Пустое. Здесь полно сырья. Встань. Ты помнишь, чему выучился?

Вэйким встает.

— Ты помнишь преподанные мной уроки?

— Какие?

— Фугу времен. Заставить время следовать за умом, а не за телом.

— Да.

— А убийство?

— Да.

— Ну а их в паре?

— Да.

Анубис встает, он на целую голову выше Вэйкима, а ростом новое тело слуги его, пожалуй, за четыре фута.

— Ну так покажи мне это! Хватит музыки! — кричит он. — Пусть предстанет передо мной тот, кого звали при жизни Даргото́м.

Мертвые перестают танцевать. Они замирают на месте, широко раскрытые глаза их не мигая уставились в пространство. На несколько секунд воцаряется тишина, не слышно ни слова, ни шага, ни вздоха.

Потом среди стоящих мертвецов появляется Даргот, он пересекает полосы тени, полосы света. Завидев его, Вэйким выпрямляется еще сильнее, ибо напрягаются мышцы его спины, плеч, живота.

Металлическая полоса цвета меди пересекает по меридиану голову Даргота, прикрывает его скулы, исчезает под подбородком, заросшим серой от седины щетиной. Полоса-тропик проходит по лбу над висками, замыкается на затылке. Широко открыты глаза его, желты их белки, зрачки окружены алыми кольцами. Нижняя челюсть, пока он выкатывается вперед, ни на миг не перестает совершать жевательные движения, а длинные зубы тонут в тени. Голова раскачивается из стороны в сторону на двадцатидюймовой шее. Ширина его плеч — три

фута, и это придает ему вид перевернутого треугольника, поскольку резко устремляются внизу навстречу друг другу его бока, но встретиться не успевают, ибо там кончается плоть и начинаются сегменты членистого шасси. Медленно вращаются его колеса, левое заднее скрежещет при каждом обороте. Четырехсполовинойфутовые руки свисают по бокам и кончиками пальцев чуть касаются пола. Четыре короткие, острые металлические ноги закинуты наверх, прижаты к плоским бокам.

На спине торчком стоят бритвы — расходятся веером, опадают по ходу движения. Восьмифутовый хлыст хвоста разворачивается сзади, когда останавливается он у самого трона.

— На эту ночь, ночь тысячелетия, — говорит Анубис, — я возвращаю тебе твое имя — Даргот. Когда-то считался ты одним из могущественнейших воинов Срединных Миров, пока не пришло тебе в голову помериться силой с одним из бессмертных, нашел ты тогда у его ног свою погибель. Твое разбитое тело отремонтировали, и сегодня ты должен еще раз послать его на битву. Уничтожь этого человека, Вэйкима, в поединке один на один — и ты можешь занять его место, место старшего слуги в Доме Мертвых.

Даргот складывает на лбу свои огромные ручищи и низко кланяется, касаясь ими пола.

— У тебя десять секунд, — говорит Анубис Вэйкиму, — чтобы подготовить свой ум к битве. Приготовься, Даргот.

— Господин, — говорит Вэйким, — как могу я убить того, кто уже мертв?

— Твои проблемы, — говорит Анубис. — А теперь ты потратил все свои десять секунд на дурацкие вопросы. Начинайте!

Раздаются скрежещущие звуки, серия металлических щелчков.

Металлические ноги Даргота с лязгом распрямляются, опускаются, поднимают его на три фута над полом. Он вытягивает перед собой руки, гарцует, сгибая и разгибая их.

Вэйким следит за ним в ожидании.

Даргот встает на дыбы, и теперь его голова в десяти футах от пола.

Потом он прыгает вперед, расставив руки, крутя хвостом, вытянув шею, обнажив клыки. Лезвия топоршатся у него на спине, как сверкающий плавник, молотом падают его копыта.

В последний миг Вэйким отступает на шаг в сторону и наносит удар, который его противник блокирует предплечьем.

Вэйким тут же высоко подпрыгивает, и хлыст, не причинив ему вреда, щелкает там, где его уже нет.

Несмотря на свои габариты и вес, Даргот тут же останавливается и быстро разворачивается. Он вновь встает на дыбы и наносит удары передними копытами. Вэйким от них уклоняется, но тут ему на плечи ложатся руки опустившегося на четыре ноги Даргота.

Вэйким захватывает оба запястья и тут же бьет Даргота ногой в грудь. В ответ хвост-бич хлещет его по правой щеке, но он сбрасывает с плеч могучие лапищи, пригибает голову и изо всех сил бьет соперника в бок ребром левой руки.

Опять хлещет бич, на сей раз по спине. Он бьет, целясь в голову, но длинная шея успевает изогнуться, и он промахивается; опять щелкает бич — в каких-то дюймах от цели.

Кулак Даргота находит его скулу, Вэйким шатается, теряет равновесие, поскользнувшись, падает на пол. Быстро перекатившись, он выбирается из-под копыт, но кулак противника вновь посылает его на пол, когда он пытается встать на ноги.

Но когда на него обрушивается следующий удар, он ловит двумя руками запястье противника и, склонив голову набок, всем весом наваливается на него. Кулак Даргота бьет в пол, и Вэйким успевает встать и провести левый кросс.

Голова Даргота откидывается от удара, и бич щелкает у Вэйкима над самым ухом. Он наносит по раскачивающейся голове еще один удар и тут же отлетает кувырком назад — это Даргот распрямляет, словно пружины, задние ноги и бьет плечом Вэйкима прямо в грудь.

Даргот опять встает на дыбы.

И тут впервые он заговаривает.

— Пора, Вэйким, пора! — говорит он. — Даргот становится первым слугой Анубиса.

Молнией падают вниз его копыта, но Вэйким ловит на лету металлические ноги, каждую из них он хватает рукой примерно посередине. Низко согнувшись, он гасит движение, и теперь его губы кривятся, обнажая стиснутые зубы, ибо Даргот застыл над ним, обездвиженный посреди своей атаки.

Вэйким смеется; резко выпрямляясь, он выталкивает вверх на вытянутые руки схваченные ноги противника, который, балансируя на задних ногах, старается не опрокинуться навзничь.

— Глупец! — говорит он, и голос его странно изменился.

Это слово, как удар большого железного колокола, разносится и звенит по всему залу. Среди мертвых прокатывается тихий стон, с таким же они вставали из могил.

— Ты говоришь «пора»? Ты говоришь «Вэйким»? — И он смеется и шагает вперед под падающие копыта. — Ты не знаешь, что говоришь! — И он обхватывает руками огромный металлический торс, и копыта беспомощно колотят его по спине, хвост-хлыст с щелканьем и свистом хлещет по плечам, оставляя на них кровавые полосы. Его руки находят удобное место между заостренными позвонками, и он сдавливает неподатливое членистое металлическое тело, тесно прижимая его к себе.

Ручищи Даргота нащупывают его шею, но большим пальцам никак не дотянуться до горла, и напрягаются шейные мышцы Вэйкима, рельефно вырисовываются, когда он чуть сгибает колени и сжимает противника.

И так, замерев, стоят они одно бесконечное мгновение, и отсветы пламени сражаются с тенью на их телах.

Затем одним титаническим движением Вэйким поднимает Даргота над землей, поворачивается и отшвыривает его от себя.

Ноги Даргота бешено молотят по воздуху, когда он переворачивается в полете. Позвонки его встают и опадают, щелкает извивающийся хвост. Он пытается прикрыть лицо руками, но с грохотом рушится у подножия трона Анубиса и так и остается там лежать, его металлическое тело сломано в четырех местах, а голова раскололась о ступеньку, ведущую к трону.

Вэйким оборачивается к Анубису.

— Достаточно? — спрашивает он.

— Ты не использовал фугу времен, — говорит Анубис, даже не посмотрев вниз на оставшиеся от Даргота обломки.

— Не было надобности. Не так уж он был и силен.

— Он был силен, — говорит Анубис. — Почему ты смеялся, почему вел себя так, будто сомневаешься в своем имени, когда с ним бился?

— Не знаю. В какой-то миг, когда я понял, что победить меня невозможно, я почувствовал себя словно бы кем-то другим.

— Кем-то без жалости, страха и упрека?

— Да.

— Ты и сейчас чувствуешь это?

— Нет.

— Почему же тогда ты перестал звать меня хозяином?

— Жар битвы ударил мне в голову и заслонил на время правила этикета.

— Ну так исправь немедленно свою оплошность.

— Хорошо, хозяин.

— Извинись. Смиренно проси прощения.

Вэйким простирается на полу.

— Прошу прощения, хозяин. Смиреннейше.

— Встань, ты прощен. Раньше ты наполнил предыдущий свой желудок, а не этот. Ступай, подкрепись.

Пусть вновь тешат меня песни и танцы! Пусть льется вино и звучит смех, дабы отпраздновать дар имени в этот канун — канун тысячелетия Вэйкима! Пусть уберут остов Даргота долой с моих глаз!

И все так и происходит.

Когда утоляет Вэйким голод и кажется, что до скончания века будут длиться песни и пляски мертвых, взмахивает Анубис рукой, сначала налево, потом направо, и в ответ колонны, кажется, втягивают в себя языки пламени, а с языка Анубиса слетают слова:

— Забери их назад. Принеси обратно мой жезл.

Вэйким встает, отдает необходимые приказания, уводит мертвых из Тронного зала.

Стоит им пройти мимо, и столы исчезают между колонн. Поднявшийся ветер теснит полог дыма под потолком. Однако прежде чем обвисший серый балдахин начинает расползаться, гаснут последние факелы, и весь зал освещают лишь две жаровни, пылающие по бокам от трона.

Анубис глядит во тьму, и, подчиняясь его воле, сплетаются лучи света в картину, и еще раз видит он, как падает Даргот, рушится к подножию трона и замирает там в неподвижности, а рядом стоит тот, кого нарек он Вэйкимом, стоит, осклабившись, как череп, и на миг — обманчиво блеснуло пламя? — виден знак у него на челе.

Далеко, в огромном зале, где свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам, а мертвые укладываются обратно на незримые катафалки над их отверстыми могилами, слышит Вэйким слабый отголосок, то чуть нарастающий, то стихающий вовсе, и не схож этот звук ни с чем, что доводилось ему слышать до тех пор.

Он кладет руку на жезл и спускается с возвышения.

— Старик, — говорит он тому, с кем разговаривал ранее, тому, чьи волосы и борода замараны вином, а часы в левом запястье остановились, — старик, услышь меня и ответь, если знаешь: что это за звук?

Немигающие глаза пялятся вверх, мимо Вэйкима, губы шепелявят:

— Хозяин...

— Я здесь не хозяин.

— Хозяин, это всего лишь воет пес.

Тогда возвращается Вэйким на возвышение и предает их всех могиле.

Потом свет гаснет, и жезл ведет его сквозь тьму по предначертанному пути.

— Я принес твой жезл, хозяин.

— Встань и подойди.

— Мертвые возвращены, куда должно.

— Очень хорошо. Вэйким, мой ли ты человек?

— Да, хозяин.

— Ты подчиняешься моим приказаниям, ты готов послужить моей воле?

— Да, хозяин.

— Вот почему ты — мой посланник в Срединные Миры и за их пределы.

— Я должен покинуть Дом Мертвых?

— Да, я посылаю тебя отсюда с поручением.

— Поручением? Каким?

— Это долгая история. Ведомо ли тебе, что много в Срединных Мирах людей очень и очень старых?

— Да.

— А некоторые даже вневременны и бессмертны?

— Бессмертны, Господин?

— Тем или иным способом некоторые сумели достичь своего рода бессмертия. Быть может, они следуют течениям жизни и черпают свои силы из них, избегая волн смерти. Быть может, они так отладили свою биохимию, или же постоянно обновляют свои тела, или же переходят из одного своего тела в другие, или пиратски захватывают чужие тела. Быть может, они обзавелись металлическими телами, а может, обходятся вовсе без тел. Как бы там ни было, стоит тебе попасть в Срединные Миры, и ты услышишь россказни о трехстах бессмертных. Это лишь примерная цифра, ибо мало кто толком о

них что-нибудь знает. На самом деле их двести восемьдесят три. Это жульничество и по отношению к жизни, и по отношению к смерти; и, как ты можешь заметить, само их существование нарушает равновесие, вдохновляет других на попытки подражания легендам о них, побуждает считать их богами. Одни из них — безвредные скитальцы, другие — отнюдь не таковы. Все могущественны и искусны, все сведущи в продолжении собственного существования. Но один особенно зловреден, и уничтожить именно его я тебя и посылаю.

— Кто же это, хозяин?

— Его зовут Принц-Который-Был-Тысячью, и обитает он вне пределов Срединных Миров. Его царство не от мира жизни и смерти, в извечно сумеречном месте. Его, однако, трудно обнаружить, ибо часто покидает он свою вотчину и вторгается в Срединные Миры — и повсюду. Желаю я, чтобы пришел ему конец, ибо издавна противостоит он и Дому Мертвых, и Дому Жизни.

— А как он выглядит, этот Принц-Который-Был-Тысячью?

— Как пожелает.

— Где найду я его?

— Не знаю. Тебе нужно его искать.

— Как я узнаю его?

— По делам, по словам. Он наш противник во всем.

— Но ведь наверняка и остальные против вас...

— Уничтожай всех встречных, кто противится нам. Ну а Принца-Который-Был-Тысячью ты узнаешь, поскольку уничтожить его будет труднее всех. И он ближе всех будет к тому, чтобы уничтожить тебя.

— А вдруг он сумеет?

— Тогда я потрачу еще тысячу лет, чтобы выпестовать другого посланника, способного взяться за это задание. Я не хочу, чтобы он пал завтра или послезавтра. Даже чтобы просто обнаружить его, тебе понадобятся века и века. Время не играет особой роли. Должна минуть эпоха, прежде чем он начнет представлять для нас с Озирисом реальную угрозу. Путешествуя в его поисках, ты узнаешь о многом. Когда ты его найдешь, ты наверняка его узнаешь.

— Достаточно ли я силен, чтобы покончить с ним?

— Думаю, да.

— Я готов.

— Тогда я пускаю тебя по следу. Я даю тебе способность

вызывать меня и, в случае надобности, черпать силу прямо из поля Жизни и Смерти, когда ты находишься в Срединных Мирах. Это сделает тебя непобедимым. Если тебе покажется необходимым, можешь послать мне донесение. Если будет нужно, я доберусь до тебя.

— Спасибо, хозяин.

— Ты должен сразу же подчиняться всем моим посланиям.

— Да.

— А теперь иди и отдыхай. Выспись, подкрепись и отправляйся на задание.

— Спасибо.

— Это твой предпоследний сон в Доме Мертвых, Вэйким. Поразмысли о его тайнах.

— Я делаю это все время.

— Я — одна из них.

— Хозяин...

— Это часть моего имени. Никогда не забывай об этом.

— Хозяин, как я посмею?

ПРОБУЖДЕНИЕ КРАСНОЙ ВЕДЬМЫ

Ведьма Лоджии ворочается во сне и дважды вскрикивает. Давно она уже спит — и глубоко. Наперсник бросается успокоить ее, но делает это неуклюже и только ее будит. Она садится тогда среди подушек в своем высоком, как кафедральный неф, покое, и Время, обременившее ее насилием Тарквиния, быстро шагает прочь от ее дивана, движется, словно призрак, но она видит его и замораживает среди бездорожья словом и жестом, и слышит свой же сдвоенный вскрик, и смотрит назад, не в силах оторвать глаз от чего-то темного, словно сновидение, — выношенного ею и взыскующего вопля. Да будет десять артиллерийских залпов — закрой для них ухо, сотри их из слуха, сохрани лишь девять зияющих между ними безмолвий. Да будут теперь это удары сердца — мистически ощущаемые во всем теле. В покойный этот центр помести сухую кожу, исторгшую из себя змею. И да не разнесутся стоны над побережьем, коли вернется в порт затонувший корабль. Отступи взамен от того темного, как сновидение, что, словно четки греха, падает шквалистым ливнем, холодным и

несказанным, тебе на живот. Подумай взамен про обузданных лошадей, о проклятии «Летучего Голландца» и, может быть, о строке безумного поэта Врамина, например, такой: «И луковичка возродит в свой срок изжелта-бледный нарцисс». Если случилось тебе хоть раз в жизни любить кого-либо, постарайся припомнить это. Если случалось предавать, сделай вид, что тебя простили. Случалось чего-то бояться — поверь хотя б на миг, что те дни ушли и никогда не вернутся. Купи себе ложь и держись за нее, покуда сможешь. Прижми к своей груди наперсника, как бы его ни звали, и ласкай, ласкай его, пока он не замурлычет.

Обменяй жизнь и смерть на забвение, но все равно свет и тьма доберутся до твоей плоти, до мозга костей. Придет утро, а с ним — память.

Красная Ведьма спит в своем высоком, как кафедральный неф, покое, между прошлым и будущим. Беглый насильник из ее грезы исчезает в конце темной аллеи, а Время тем временем отмеряет историю вокруг событий. И теперь, во сне, она улыбается, ибо Янус опять поступает серединка на половинку...

Обернувшись назад, к славе, покоится она в его теплом зеленом взгляде.

СМЕРТЬ, ЖИЗНЬ, ВОЛШЕБНИК И РОЗЫ

Прислушайся к миру. Зовется он Блис, и услышать его легче легкого; вот его звуки — смех, вздохи, а там кто-то пытается сдержаться и не икать. А вот и клик-клак работающих механизмов — или биение сердца? Тут и звук дыхания толп — или их слов. Шаги, шаги, звук поцелуя, шлепок, крик младенца. Музыка. Музыка, может быть. Стук пишущей машинки, разносящийся в ночи, нежной, как дядя Том, сознание, целующее лишь одну бумагу? Быть может. Теперь забудь слова и звуки и взгляни на этот мир.

Прежде всего — цвета; назови один. Красный? Цвет берегов, между которыми лениво несет свои воды зеленый поток, натыкается на фиолетовые камни. Вдалеке город — желтый, серый, черный. Ну а здесь, по обе стороны от реки, в открытом поле раскинулись павильоны. Выбери любой цвет — все

они тут под рукой. Более тысячи павильонов, словно воздушные шары, вигвамы, грибы без ножек, сверкают посреди голубого поля, увешанные флажками и вымпелами, полные движущихся цветов, — это людские одежды. Через реку перекинуто три изжелта-белых моста. Река течет к кремовому морю, оно часто волнуется, редко штормит. Из него вверх по реке поднимаются баржи и лодки, суда покрупнее, и причаливают они то тут, то там к берегу. Другие спускаются с неба и садятся где попало на голубую ткань поля. Их пассажиры расхаживают среди павильонов. Они всех рас, всех сортов. Они едят, они болтают. Они издают звуки и носят цвета. Подходит?

Запахи нежной поросли, ласковые поцелуи ветерка... Когда же бриз приносит эти ароматы к ярмарке, они едва уловимо меняются: к ним примешивается запах опилок, который никак не назовешь неприятным, и запах пота, который не может быть очень уж неприятным, если часть этого пота — твоя. А еще запах дыма, готовящейся пищи, чистые ароматы спиртного. Обоняй этот мир. Пробуй его, глотай, переваривай. Лопни от него.

...Как человек с альпенштоком, глаз которого прикрывает повязка.

Он прогуливается среди барышников и девах, жирный, как евнух, — но только как. Кожа его странного телесного цвета, а правый глаз — серое, крутящееся колесо. Недельной давности щетина обрамляет лицо, и все цвета сошли с пятнающей голубое поле кляксы его одежды.

Ровна его походка. Тверда рука.

Он останавливается купить кружку пива, подходит поближе посмотреть на петушиный бой.

Он ставит монету на меньшего из петухов, и тот разносит противника в пух и прах; выигранным расплачивается он за свое пиво.

Потом разглядывает минуту-другую представление дефлорирующей труппы, пробует образцы рекламируемых наркотиков, отшивает коричневокожего мужчину в белой рубахе, который пытается угадать его вес. Тут из ближайшей палатки появляется коротышка с близко посаженными темными глазами, подходит к нему, тянет за рукав.

— Да?

Мощно рокочет его голос, кажется, что он исходит из самого центра его тела.

— Судя по экипировке, ты, может быть, проповедник?

— Да, так и есть — внеконфессионального толка.

— Отлично. Не хочешь ли подзаработать? Буквально за несколько минут.

— И что же тебе от меня нужно?

— Тут один тип собирается покончить с собой, а потом его похоронят прямо в палатке. Могила выкопана, все билеты проданы. И публика начинает уже волноваться. Исполнитель не хочет выступать без подобающего религиозного аккомпанемента, а наш проповедник в дупель пьян.

— Ясно. Это обойдется вам в десятку.

— Давай за пять.

— Ищи другого.

— Ну ладно, десять! Пошли! Они уже шикают и топают ногами!

Он заходит в палатку, щурится.

— А вот и проповедник! — возвещает зазывала. — Мы готовы приступить. Как тебя звать-то, папаша?

— Бывает, меня зовут Мадрак.

Распорядитель замирает, оборачивается, глядит на него, нервно облизывает губы.

— Я... я не узнал.

— Ладно, проехали.

— Слушаю, сэр. Посторонись! Дайте пройти! Осади, говорю!

Толпа расступается. В палатку набилось человек триста. Наверху сверкают огни, ярко освещая огороженный канатами круг голой земли с выкопанной в ней могилой. Насекомые кружатся среди висящей в лучах света пыли. Рядом с зияющей могилой лежит гроб. На крохотном деревянном помосте стоит стул. На стуле сидит человек лет пятидесяти от роду. Его плоское лицо изборождено морщинами, тело тщедушно, глаза чуть навыкате. Из одежды на нем только шорты, густая седая растительность покрывает его грудь, руки, ноги. Он наклоняется вперед и косится на пробирающуюся сквозь толпу пару.

— Все в порядке, Дольмин, — говорит коротышка.

— Моя десятка, — говорит Мадрак.

Коротышка сует ему сложенную банкноту, Мадрак проверяет ее и прячет в бумажник.

Коротышка забирается на помост и улыбается в толпу. Затем сдвигает на затылок свою соломенную шляпу.

— Ну вот, ребята, — начинает он, — все уладилось. Уверен, вы согласитесь, что зрелище стоит того, чтобы его дождаться. Как я уже объявил, этот человек, Дольмин, собирается прямо у вас на глазах покончить с собой. По личным причинам отказывается он от великих надежд и согласился чуть подработать для своей семьи, совершив это на глазах у всех. Представление завершится натуральными похоронами — вот в эту самую землю, на которой вы сейчас стоите. Наверняка давненько не видывал никто из вас настоящей смерти, и скорее всего вовсе никто не видел всамделишных похорон. Итак, попросим же выступить проповедника и мистера Дольмина. Похлопаем им!

В палатке раздаются аплодисменты.

— ...И последнее замечание. Не подходите слишком близко, хотя мы на всякий случай и подготовились, да и палатка огнеупорна. Итак, мы начинаем!

Он спрыгивает с помоста, и на него взгромождается Мадрак. Он наклоняется над сидящим человеком, в это время рядом со стулом появляется канистра с надписью «ГОРЮЧЕЕ».

— Ты уверен, что хочешь пройти этим путем? — спрашивает Мадрак.

— Да.

Он заглядывает человеку в глаза, но зрачки того не расширены, глаза не бегают.

— Почему?

— Личные причины, отче. Я бы не хотел в них вдаваться. Отпусти мне, пожалуйста, грехи.

Мадрак кладет руку ему на голову.

— Чему или кому бы ни случилось услышать меня, буде оно заинтересуется или же не заинтересуется тем, что я скажу, приношу я просьбу, если это имеет хоть какое-то значение, чтобы был ты прощен за все, что только мог совершить или не совершить и что нуждается в прощении. Напротив, ежели не прощение, но что-то иное может принести тебе какую-то возможную для тебя после разрушения тела выгоду, прошу я, чтобы это, чем бы оно ни было, было тебе даровано

или, что тоже может быть, отнято, дабы обеспечить тебе получение вышеупомянутой выгоды. Прошу я об этом по полному праву, ибо ты выбрал меня посредником между собой и тем, что тобою быть не может, но может оказаться заинтересованным, чтобы ты получил как можно больше того, что можешь от него получить; и, кроме того, на что может некоторым образом повлиять настоящая церемония. Аминь.

— Спасибо, отче.

— Великолепно! — всхлипывает синекрылая толстуха в первом ряду.

Человек по имени Дольмин поднимает канистру, на которой написано: «ГОРЮЧЕЕ», отвинчивает крышку, поливает себя содержимым.

— Ни у кого сигаретки не найдется? — спрашивает он, и коротышка протягивает ему сигарету. Дольмин лезет в карман шорт и вытаскивает зажигалку. Тут он делает паузу и глядит на толпу. Кто-то кричит ему:

— Почему ты делаешь это?

Он улыбается и отвечает:

— Общий протест против жизни, наверно, так, ведь она же — дурацкая игра, не правда ли? Следуйте моему примеру.

И он щелкает зажигалкой. К этому времени Мадрак уже далеко от огороженной площадки.

Сразу за вспышкой на толпу обрушивается волна нестерпимого жара, и единственный вопль, словно раскаленный гвоздь, пронизывает все.

Шестеро оснащенных огнетушителями подсобников, стоящих рядом, расслабляются, когда видят, что пламя не вырвалось на свободу.

Мадрак сложил руки на посохе и опирается на них подбородком.

Постепенно огонь догорает, и люди в асбестовых рукавицах отправляются на поиски останков. В публике царит тишина. До сих пор еще не было аплодисментов.

— Так вот как это выглядит! — шепчет наконец кто-то, и слова эти разносятся по всей палатке.

— Возможно, — раздается с порога четкий, бодрый голос, — а возможно, и нет.

Головы поворачиваются вслед говорящему, когда он входит в палатку и направляется к центру. Он высок ростом, у

него зеленая остроконечная борода и такого же цвета глаза и волосы. Он худ, нос его длинен и тонок. Одет он в черное и зеленое.

— Это волшебник, — говорит кто-то, — из шатра на том берегу реки.

— Правильно, — отвечает он и с улыбкой кивает.

Он проходит через толпу, расчищая себе путь тростью с серебряным набалдашником. На гроб опускают крышку, когда он останавливается и шепчет:

— Мадрак Могучий.

Мадрак оборачивается и говорит:

— Я искал тебя.

— Знаю. Поэтому-то я и здесь. А это что за глупости?

— Представление самоубийства, — говорит Мадрак. — Некто Дольмин. Они забыли, на что похожа смерть.

— Так быстро, так быстро, — вздыхает второй. — Давай тогда покажем им за их денежки весь круговорот!

— Врамин, я знаю, ты можешь это сделать, но учитывая форму, в которой он...

Коротышка в соломенной шляпе подходит и глядит на них своими маленькими темными глазками.

— Сэр, — говорит он Мадраку, — не желаете ли вы предпослать погребению какие-либо церемонии?

— Я...

— Да нет, конечно, — перебивает Врамин. — Ведь закапывают же только мертвых.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Этот человек не мертв — только подпалился чуток.

— Ты не прав, сударь. У нас честное заведение.

— И тем не менее я утверждаю, что он жив и готов пройтись, чтобы вас позабавить.

— Ты, должно быть, шизанутый.

— Всего лишь смиренный чародей, — отвечает Врамин, вступая в круг.

Следом за ним движется Мадрак. Врамин поднимает свою трость и размахивает ею, словно вычерчивая таинственные фигуры. Разгорается зеленый свет, перепрыгивает с трости на гроб.

— Дольмин, выходи! — говорит Врамин.

Толпа напирает, подается вперед. Врамин и Мадрак отходят к стене палатки. Коротышка идет было за ними, но его отвлекает стук, доносящийся из гроба.

— Пошли-ка лучше отсюда, братец, — говорит Врамин и рассекает ткань кончиком своей трости.

Крышка гроба медленно приподнимается, когда они выходят сквозь стенку наружу.

Сзади них раздается шум. Его составляют вопли, крики: «Мошенники!», «Гоните назад деньги!» и «Только взгляни на него!»

— «Как безумен род людской», — говорит зеленый человек, один из горстки живых существ способный взять эту фразу в кавычки — и знать почему.

Он грядет, скачет с небес верхом на огромном звере из полированного металла. Зверь этот о восьми ногах, и копыта его — бриллианты. Его туловище длиною с двух лошадей. Шея длиною с туловище, а голова — как у золотого китайского псоглавого демона. Синие лучи вырываются у него из ноздрей, вместо хвоста — три антенны. Он движется среди черноты, что лежит между звезд, медленно перебирая механическими ногами. И однако, каждый его шаг — из ничто в ничто — вдвое длиннее предыдущего. Ну а по времени не длиннее каждый шаг предшествующего. Светила вспыхивают рядом, тонут позади, гаснут. Он скачет по твердому веществу, проходит сквозь ад, пересекает туманности, все быстрее движется через буран падающих звезд в дебрях ночи. Если предоставить ему достаточный разгон, говорят, что может он совершить кругосветное путешествие по Вселенной за один скачок. Что же будет, если он после этого не остановится, не ведомо никому.

Его всадник был когда-то человеком. Это его прозвали Стальным Генералом. Не доспехи блестят у него на теле, это само его тело. На время пути он отключил большую часть своей человечности и теперь смотрит прямо перед собой — над чешуйками в виде бронзовых дубовых листьев, покрывающими шею его скакуна. Он держит поводья, числом — четыре, толщиной — как шелковая нить; они прицеплены по одному к кончикам пальцев его левой руки. На мизинце носит он кольцо из задубевшей человеческой плоти — не носить же ему металлические украшения, это и шумно, и не добавляет приятных осязательных ощущений. Плоть эта была когда-то его собственной; по крайней мере, облачен он был в нее в незапамятные времена.

Куда бы ни направлялся, берет он с собою разборное пятиструнное банджо, носит его в отсеке, неподалеку от которого привыкло биться его сердце. И стоит ему заиграть на нем, как превращается он в своего рода Анти-Орфея и люди идут за ним в Ад.

И к тому же он — один из крайне немногочисленных на просторах всей Вселенной мастеров фуги времен. Говорят, что никому не под силу поднять на него руку, если он на это не согласен.

А зверь под ним был когда-то конем.

Всмотрись в мир, что зовется Блис, — с его цветом, смехом, ласковыми ветерками. Всмотрись в него, как Мегра из Калгана.

Мегра — нянечка в 73-м родильном центре Калгана, и она знает, что мир — это дети. На Блисе дышат сейчас друг на друга миллиардов десять людей, и прибывает, и прибывает число их — и мало кто отсюда уходит. Увядающие здесь расцветают. Детская смертность отсутствует. Плач младенцев и смех их изготовителей — вот самые частые звуки на Блисе.

Мегра из Калгана разглядывает Блис кобальтово-синими глазами из-под длинных светлых ресниц. Густые пряди светлых волос щекочут ей обнаженные плечи, а две их жесткие стрелки пересекаются иксом в самом центре лба. У нее маленький носик, ротик — голубенький цветочек, столь крохотный подбородочек, что о нем можно не упоминать. Ее грудь поддерживают серебряные бретельки, у нее золотой пояс и короткая серебряная юбочка. В ней с трудом наберется пять футов росту, и коснулся ее когда-то запах неведомых ей цветов. Она носит золотой кулон, и он жжет ей грудь, стоит мужчине приблизиться к ней с афродизиаком.

Девяносто три дня ждала Мегра, прежде чем удалось ей попасть на ярмарку. Длинной была очередь, ведь ярмарка — калейдоскоп цветов, запахов, движений — одно из немногих свободных мест на Блисе. На планете этой всего лишь четырнадцать городов, но покрывают они все четыре континента от моря до кремового моря, закапываются глубоко под землю и буравят небо. Даже под морями растянули они свои щупальца. На самом-то деле все они переплелись друг с другом, составляя четыре континентальных пласта цивилизации; но поскольку имеется там четырнадцать городских управ, каждая —

с четко территориально обособленной сферой влияния, говорят, что и городов на Блисе четырнадцать. Город Мегры — Калган, где выхаживает она кричащую новую жизнь и подчас кричащую старую тоже, — всех цветов, всех форм. Поскольку можно построить генетическую структуру, удовлетворяющую любым пожеланиям родителей, а потом хирургически поместить ее в ядро оплодотворенной клетки, на каких только новорожденных не нагляделась Мегра. Ее собственные родители — люди старомодные — захотели немногого: кобальтоглазую куклу с силой дюжины-другой мужчин, чтобы могло дитятко постоять в жизни за себя.

Однако, успешно постояв за себя восемнадцать лет, решила Мегра, что пришла пора внести свой вклад в сумму всеобщего дыхания. Чтобы стремиться к бесконечности, нужны двое, и Мегра для своего стремления выбрала цветистую романтику открытого пространства, ярмарки. Жизнь для нее и занятие, и религия, и она намерена во что бы то ни стало служить ей и дальше. Перед ней — месячные каникулы.

Все, что ей осталось сделать, — найти второго...

То-Что-Кричит-В-Ночи возвышает свой голос в тюрьме без решеток. Оно воет, кашляет и лает, лопочет, стенает. Оно заключено в серебряный кокон флюктуирующей энергии, висящий в невидимой паутине силовых линий там, куда никогда не добраться дневному свету.

Принц-Который-Был-Тысячью щекочет его лазерными лучами, окатывает гамма-излучением, пичкает, меняя диапазон, инфра- и ультразвуком.

И оно замолкает, и на какой-то миг Принц поднимает голову от принесенного им с собой оборудования, его зеленые глаза расширяются, уголки тонких губ ползут было кверху — к улыбке, которая им никак не дается.

Оно опять начинает вопить.

Он скрежещет своими молочно-белыми зубами и отбрасывает за спину черный капюшон.

Его волосы — нимб червонного золота в полумраке Места Без Дверей. Он смотрит вверх на почти видимую форму, которая корчится среди света. Так часто проклинал он ее, что его губы сами механически артикулируют все те же слова, которыми всегда сопровождает он свои неудачи.

Ибо десять столетий пытается он убить его, а оно все живет.

Скрестив на груди руки, он опускает голову и исчезает.

Что-то темное кричит среди света, среди ночи.

Мадрак опрокидывает кубок, в очередной раз наполняя их бокалы.

Врамин поднимает свой, оглядывает широкую эспланаду, раскинувшуюся перед павильоном, осушает бокал.

Мадрак опять подливает.

— Это не жизнь, и это нечестно.

— Но ведь ты никогда не поддерживал активно программу.

— Ну и что с того? Мною движет сиюминутное чувство.

— Чувство поэта...

Врамин поглаживает бороду.

— Я не способен на полную преданность чему или кому бы то ни было, — отвечает он.

— Соболезную, бедный Ангел Седьмого Поста.

— Этот титул минул вместе с постом.

— В изгнании аристократия всегда стремится подчеркнуть соответствующие ее рангу пунктики.

— Взгляни в темноте себе в лицо — что ты увидишь?

— Ничего.

— Совершенно верно.

— Но какая тут связь?

— Темнота.

— Не вижу никакой связи.

— Ну еще бы, жрец-воитель, так и должно быть в темноте.

— Перестань, Врамин, загадывать загадки. В чем дело?

— Почему ты искал меня здесь, на ярмарке?

— У меня с собой последние данные по населению. Я поражен — они, чего никогда не бывало, приближаются к мифической критической точке. Не хочешь ли посмотреть?

— Нет. Мне это ни к чему. Бог с ними, с данными, но выводы твои справедливы.

— Ты что, ощущаешь это благодаря своему особому восприятию — по приливам силы?

Врамин кивает.

— Дай мне сигарету, — говорит Мадрак.

Жест Врамина — и у него между пальцев появляется горящая сигарета.

— На сей раз это что-то особенное, — говорит он. — Это уже не просто отлив потоков жизни. Боюсь, что произойдет разрыв потоков.

— И как это проявится?

— Не знаю, Мадрак. Но я намерен оставаться здесь, лишь пока это не узнаю.

— Да? И когда ты отбываешь?

— Завтра вечером, хоть я и понимаю, что в очередной раз заигрываю с Черным потоком. Уж лучше бы я написал что-либо о своей тяге к смерти, желательно пентаметрами.

— А кто-нибудь еще остается?

— Нет, кроме нас, на Блисе нет бессмертных.

— Не откроешь ли ты уходя дверь и для меня?

— Ну конечно.

— Тогда я остаюсь на ярмарке до завтрашнего вечера.

— Я бы настоятельно посоветовал тебе не ждать, а уйти прямо сейчас. Хочешь, открою дверь?

Еще один жест, и Врамин тоже затягивается сигаретой. Он замечает, что его бокал наполнен, и делает из него глоток.

— Уйти прямо сейчас было бы весьма мудро, — рассуждает он, — но сама по себе мудрость есть продукт знания; ну а знание, к несчастью, обычно является продуктом дурацких поступков. И вот, дабы увеличить сумму своих знаний и стать мудрее, останусь я здесь еще на день, чтобы увидеть, как все произойдет.

— Так ты ожидаешь, что завтра произойдет что-то из ряда вон выходящее?

— Да. Разрыв потоков. Я чувствую, что на подходе силы. А совсем недавно что-то изменилось в том великом Доме, куда все движется.

— Тогда и я хочу приобрести эти знания, — говорит Мадрак, — поскольку затрагивают они бывшего моего господина Который-Был-Тысячью.

— Ты цепляешься за обветшалую преданность, могущественный.

— Может быть. Ну а какое же оправдание у тебя? Почему стремишься ты стать мудрее такой ценою?

— Сама мудрость и есть конечная цель. Ну а кроме того, события эти могут стать источником великого искусства.

— Если смерть — источник великого искусства, я предпочитаю искусство поменьше. На мой-то взгляд, Принц просто должен знать о всем новом, что случается в Срединных Мирах.

— Я пью за твою преданность, старый дружище, хотя и считаю, что прежний наш господин ответствен — хотя бы отчасти — за теперешнюю неразбериху.

— Мне хорошо известно, как ты к этому относишься.

Поэт делает очередной глоток и опускает бокал. Глаза его становятся озерами одного цвета — зеленого. Исчезает и белок, окружавший зеленое колечко, и зрачок, в нем плававший. Теперь его глаза — словно бледные изумруды, и внутри каждого живет по желтой искорке.

— В качестве мага и провидца, — говорит он, и голос его становится далеким и безжизненным, — возвещаю, что только что прибыл на Блис предвестник хаоса. И еще возвещаю я, что грядет и другой, ибо слышу беззвучный стук подков во тьме и вижу невидимое, когда перескакивает оно со звезды на звезду гигантскими шагами. И сами можем мы быть втянуты в надвигающееся, хотя этого и не хотим.

— Где? И как?

— Здесь. И это не жизнь, это нечестно.

Мадрак кивает и говорит:

— Аминь.

Волшебник скрежещет зубами.

— Наша участь — быть свидетелями, — решает он, и глаза его горят адским пламенем, а костяшки пальцев белеют на серебряном набалдашнике его черной трости.

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света. В зеркале оживают образы стоящего перед ним ничто.

Висит оно в комнате, никогда не знавшей убранства, висит на стене, покрытой темными гобеленами, висит перед Алой Ведьмой и ее пламенем.

Смотреть в него — все равно что заглядывать через окно в

комнату, затянутую розовой паутиной, волнуемой внезапным сквозняком.

Ее наперсник устроился у нее на правом плече, его голый хвост свисает, касаясь шеи, между ее грудей. Она гладит его по головке, и он виляет хвостом.

Она улыбается, и паутину потихоньку начинает сдувать. Вокруг нее пляшет пламя, но ничего не загорается.

И вот уже нет паутины, и глядит она на цвета Блиса.

Ну а если поточнее, смотрит она на высокого, обнаженного до пояса мужчину, который стоит в центре тридцатипятифутового круга, оцепленного со всех сторон людьми.

У него широкие плечи и узкая талия. Он бос, на нем облегающие черные брюки. Он смотрит вниз. Волосы его песочного цвета, огромны мускулы рук, кожа бледна. Талию его стягивает широкий темный ремень со зловещим рядом заклепок на нем. Желтыми глазами смотрит он вниз, как пытается подняться лежащий на земле человек.

Человек этот широк в плечах, широк в груди, мощен торсом. Он приподнимается на одной руке. Борода скользит по его плечу, когда он закидывает голову назад, чтобы посмотреть вверх. Губы его шевелятся, но зубы крепко стиснуты.

Стоящий делает ногой почти осторожное движение и выбивает из-под него руку, на которую тот опирается. И, упав лицом вниз, бородач больше не шевелится.

Чуть попозже в круг вступают двое и уносят прочь упавшего человека.

— Кто это? — пищит наперсник.

Красная Ведьма трясет, не отвечая, головой и смотрит дальше.

В круг вступает четырехрукий человек, его здоровенные косолапые ступни кажутся еще одной парой рук на конце кривых ног. На его теле нет ни волоска, весь он сияет и лоснится; приближаясь к стоящему в центре, он потихоньку пригибается, пока нижние его руки не начинают упираться в землю. При этом он выворачивает наружу колени и слегка откидывается назад, так что голова и плечи его остаются перпендикулярными земле, хотя на высоте уже всего футов трех от нее.

По-лягушачьи прыгнув вперед, он не достигает мишени, в которую целил, а получает вместо этого удар ладонью по загривку и еще один — в солнечное сплетение. Каждая рука

описывает полукруг, и он переворачивается — голова, руки, руки, ноги — и рушится на землю. Но тут же припадает к ней, трижды вздымаются его бока, и он опять прыгает.

На сей раз высокий ловит его за лодыжки и держит вверх тормашками на расстоянии вытянутой руки от себя.

Но четырехрукий изгибается и хватает держащие его руки, а головой с размаху бьет соперника в живот. На голове у него появляется кровь, ибо попал он в заклепки на поясе, но высокий его не отпускает. Вращаясь на пятках, он начинает раскручивать человека-лягушку вокруг себя. Он все наращивает скорость и наконец крутится, как волчок. Лишь через минуту начинает он замедляться, и становится видно, что глаза четырехрукого закрыты. Тогда он опускает его на землю и тут же на него падает; пара неуловимых жестов, и он встает. Четырехрукий лежит не шевелясь. Вскорости уносят и его.

Затем он побеждает еще троих, в том числе и Вилли Чертополоха, трехчетвертного чемпиона Блиса, которому не помогают его механические клешни; и толпа сажает высокого человека себе на плечи, увенчивает его венком, несет на помост, где ему вручают за победу кубок и чек на изрядную сумму. Он не улыбается, пока его взгляд не падает на стоящую неподалеку Мегру из Калгана, и перекрестье светлого икса у нее на лбу служит прицелом для его взглядов, пока наконец не оказывается он способен — предварительно обувшись — последовать за ними и сам.

Она ждет этого.

Красная Ведьма всматривается в губы зевак.

— Вэйким, — говорит она наконец. — Они зовут его Вэйким.

— А почему мы следим именно за ним?

— Мне приснился сон, который я истолковала так: «Следи за местом, где сменяются потоки». Даже здесь, за пределами Срединных Миров, разум колдуньи по-прежнему связан с течениями и потоками силы. Хотя я и не могу их сейчас использовать, я по-прежнему их воспринимаю.

— А почему этот... этот Вэйким... в месте смены?

— Это зеркало всеведуще, но бессловесно. Оно показывает все, но ничего не объясняет. Оно сориентировалось по моему сну, и мне остается только медитировать над увиденным, чтобы в нем разобраться.

— Он силен и очень, очень быстр.

— Да, я не видела подобных ему с того самого времени, когда солнцеглазый Сет пал перед Крушащим-Солнца-Молотом в битве с Безымянным. Вэйким нечто большее, чем кажется он этой толпе или девчонке, к которой он сейчас направляется. Смотри, я все осветляю и осветляю зеркало. И не нравится мне черная аура, что разлита вокруг него. Это из-за него — и из-за него тоже — был нарушен мой сон. Нужно проследить за ним. Мы должны узнать, что он собой представляет.

— Он возьмет девчонку за гору, — говорит наперсник, тыкаясь холодным носом ей в ухо. — О, давай посмотрим!

— Хорошо, — говорит ведьма, и наперсник ее виляет хвостом и хватается передними лапками за свою кудрявую голову.

Человек стоит посреди окруженного розовой живой изгородью и заполненного цветами всех цветов пространства. Есть тут и скамьи, и стулья, найдется ложе-другое, стол, шпалера розовых кустов — все это под огромным зеленым зонтичным деревом, что застит небо. Воздух заполнен благоуханием, ароматами цветов, просачиваются сквозь него и отголоски музыки. Бледные огоньки проплывают среди ветвей дерева. Крохотный возбуждающий фонтанчик поблескивает рядом со столом у ствола дерева.

Девушка закрывает калитку в ограде. Снаружи загорается надпись «Не беспокоить». Она подходит к мужчине.

— Вэйким, — говорит она.

— Мегра, — отвечает он.

— Знаешь ли ты, почему я попросила тебя прийти сюда?

— Это же сад любви, — говорит он, — и мне кажется, что я разбираюсь в местных обычаях...

Она улыбается, снимает с груди бретельки, вешает их на розовый куст и кладет руки ему на плечи.

Он пытается притянуть ее к себе, но ему это не удается.

— Ты сильна, малышка.

— Я привела тебя бороться, — сообщает она.

Он косится на голубое ложе, потом смотрит на девушку, и в уголках его рта появляется улыбка.

Она медленно качает головой.

— Не так, как ты думаешь. Сначала ты должен победить меня в схватке. Мне не нужен обычный мужчина, чей хребет

может не выдержать моих объятий. Ни к чему мне и тот, кто устанет через час или три. Мне нужен мужчина, чья сила текла бы рекою — бесконечно. Таков ли ты, Вэйким?

— Ты видела меня в схватке.

— Ну и что с того? Я сильнее всех мужчин, с которыми когда-либо встречалась. Ведь и сейчас, когда ты все сильнее и сильнее притягиваешь меня к себе, у тебя ничего не выходит.

— Я боюсь причинить тебе боль, детка.

В ответ она смеется и сбрасывает его руку со своего запястья, ныряет под нее, хватает его за бедро — та разновидность *наге-ваза*, что называется *ката-гарума*, — и швыряет его через весь сад любви.

Он поднимается на ноги и поворачивается к ней. Затем стягивает через голову свою рубашку, которая была белой. Он встает на цыпочки и вешает ее на ветку дерева.

Она подходит к нему вплотную.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

В ответ он срывает с куста розу и протягивает ей.

Она отводит локти далеко назад, сжимает кулаки. Затем обе ее руки устремляются вперед, и, вращая кулаками, она наносит ими два удара-близнеца ему прямо в живот.

— Тебе, похоже, не нужен цветок, — роняя его, с трудом выдавливает из себя Вэйким.

Ее глаза мечут синие молнии, когда она наступает на розу.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

— Да, — говорит он. — Я научу тебя захвату, который называется «поцелуй».

И он сжимает ее в своих могучих объятиях, тесно прижимая к себе. Он находит ее рот, хотя она и отворачивает лицо; он выпрямляется и отрывает ее от земли. Она не может вздохнуть в его объятиях, не может высвободиться из них; и поцелуй длится, пока силы не начинают оставлять ее, и он несет ее к ложу и укладывает на него.

Повсюду розы, розы, музыка, движущиеся огоньки — и один сломанный цветок.

Красная Ведьма тихо плачет.

Ее наперсник ничего не понимает.

Ну да скоро поймет.

Зеркало заполняют мужчина на женщине, женщина под мужчиной.

И видны в нем движения на Блисе.

ИНТЕРЛЮДИЯ В ДОМЕ ЖИЗНИ

Озирис сидит в Доме Жизни, потягивая кроваво-красное вино. Вокруг него в воздухе разлито зеленое свечение, и не отыщешь здесь и намека на что-либо холодное или резкое. Сидит он в Зале ста гобеленов, и вовсе не видно за оными стен. Пол устлан тканью — толстой, мягкой, золотистой.

Он отставляет пустой бокал и встает. Пересекая зал, подходит к зеленому гобелену, отодвинув его, заходит в открывшийся за ним застенок. Нажимает на три координатные кнопки в стене и, отодвинув вновь гобелен, выходит в комнату, расположенную в 348 милях к юго-юго-западу от Зала ста гобеленов на глубине 78 544 футов.

Комната погружена в полутьму, но и здесь чувствуется присутствие зеленого свечения.

На полу, скрестив ноги, сидит человек в красной набедренной повязке и, кажется, не замечает вошедшего. Его спина согнута, и он не шевелится. Тело у него нормально сложенное, гибкое, мускулатура как у пловца. Волосы густые, очень темные, но все же еще не черные. Светлая кожа. Он наклонился вперед и вроде бы не дышит.

Внезапно напротив него появляется еще один человек, он сидит в той же позе и одет точно так же. Его фигура, волосы, мускулатура — те же самые. Во всех отношениях он тот же, и он отрывает свои темные глаза от крохотного желтого кристалла, который перед тем созерцал. Он смотрит вверх и видит птичью голову Озириса — оранжево-зеленую, желто-черную; глаза его расширяются, когда он произносит: «Опять получилось», и сидящий к Озирису спиной исчезает.

Его двойник берет кристалл и прячет его в подвешенный к поясу матерчатый футляр.

— Девятисекундная фуга, — говорит он.

— Это твой рекорд? — спрашивает Озирис, и звучит его голос, как скрипучая пластинка, проигрываемая на слишком большой скорости.

— Да, отец.

— Ты еще не можешь ею управлять?

— Нет.

— А сколько на это уйдет еще времени?

— Кто знает? Ишибока говорит, что, быть может, парадругая столетий.

— И ты станешь мастером?

— Заранее никто не поручится. Во всех мирах не наберется и трех десятков мастеров. Чтобы достичь нынешнего уровня, мне понадобилось два века, и лишь менее года тому назад появились первые результаты. Конечно, когда сила обретена, она продолжает расти сама собой...

Озирис качает головой и делает шаг вперед, кладет руку ему на плечо.

— Гор, сын мой и мститель, я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что. Лучше бы ты был мастером фуги, ну да это не обязательно. Чтобы выполнить это задание, вполне можно обойтись и твоими способностями.

— Что же это за задание, отец?

— Твоя мать, желая вновь добиться моего расположения и вернуться из изгнания, сообщила мне кое-какую новую информацию об активности моего коллеги. Похоже, что Анубис послал в Срединные Миры нового эмиссара; без сомнения, чтобы обнаружить нашего старинного врага и уничтожить его.

— Ну и хорошо, — кивает Гор, — если он преуспеет. Я, правда, в этом сомневаюсь, ибо все предыдущие его посланцы каждый раз терпели неудачу. Сколько он их уже послал? Пятерых? Шестерых?

— Шестерых. Этот, которого он окрестил Вэйкимом, — седьмой.

— Вэйким?

— Да, и эта сука говорит, что он — нечто особенное.

— То есть?

— Возможно, что шакал потратил целую тысячу лет, натаскивая его ради этой цели. Может быть, что он столь же искусен в бою, как и сам Мадрак. И похоже, что он носит особый знак, которого не было ни у кого из предыдущих. Не исключено, что ему дозволено черпать энергию прямо из поля.

— Хотел бы я знать: как пес до этого додумался? — улыбаясь, спрашивает Гор.

— Похоже, что он изучил приемы, которые используют против нас бессмертные.

— Так что же ты хочешь, чтобы я сделал? Помог ему против твоего врага?

— Нет. Я пришел к выводу, что тот из нас, кто преуспеет в уничтожении Принца-Который-Был-Тысячью, завоюет под-

держку его падших ангелов, которые числятся ныне среди бессмертных. Остальное ясно. Тот, кто не преуспеет, направлен будет, вне всякого сомнения, рукою своих сотоварищей в Дом Мертвых. Сейчас подходящий момент. Позабыты былые узы верности. Я уверен, все с облегчением примут одного нового правителя, того, кто положит конец их изгнаническому прозябанию. А с поддержкой бессмертных один из Домов сможет добиться господства.

— Я уловил ход твоих рассуждений, отец. Вполне вероятно, что они справедливы. Ты поручаешь мне отыскать Принца-Который-Был-Тысячью и убить его во имя жизни?

— Да, мой мститель. Как тебе кажется, ты справишься с этим?

— Меня смущает, что ты задаешь подобный вопрос, зная о моей силе.

— Принц не будет легкой добычей. На что он способен, так, по сути дела, и неизвестно, и я не могу сказать тебе ни как он выглядит, ни где бывает.

— Я разыщу его. Я его прикончу. Но может, мне для начала лучше убрать этого Вэйкима?

— Нет! Он сейчас на Блисе, где вот-вот разразится чума. Не связывайся с ним, Гор! По крайней мере, пока я тебе не скажу. У меня по отношению к нему какое-то странное чувство. До того, как разрешить подобную попытку, я должен разобраться, кем он был раньше.

— Но почему, могущественный? Разве это имеет какое-то значение?

— Возвращаются, смущая меня, воспоминания о днях более древних, нежели ты, но должны они остаться невысказанными. Ни о чем меня больше не спрашивай.

— Хорошо.

— Твоя шлюха-мать просила меня изменить мои планы касательно Принца. Если тебе случится повстречать ее в своих странствиях, не позволяй смутить себя призывами к снисходительности. Принц должен умереть.

— Она хочет, чтобы он жил?

Озирис кивает.

— Да, она к нему очень благоволит. Быть может, она проинформировала нас о Вэйкиме только для того, чтобы спасти

от него Принца. Она пойдет на любую ложь, лишь бы добиться своего. Смотри не попадись на доверчивости.

— Постараюсь.

— Тогда я отправляю тебя, Гор, мой мститель и сын, как первого посланника Озириса в Срединные Миры.

Гор склоняет голову, и Озирис, на миг растрогавшись, возлагает на нее руку.

— Считай, что он уже мертв, — медленно произносит Гор, — ибо разве не я уничтожил самого Стального Генерала?

Озирис не отвечает, ибо и он тоже уничтожил однажды Стального Генерала.

ТЕМНА ЛОШАДИНАЯ ТЕНЬ

В Тронном зале Дома Мертвых на стене позади трона Анубиса лежит огромная тень. Она вполне сошла бы за украшение — вырезанное или нарисованное, — не будь ее чернота столь абсолютной, словно содержащей внутри себя некую бездонную глубину. И к тому же она не совсем неподвижна.

Это тень чудовищной лошади, и сверкающие огнем по обеим сторонам от трона жаровни ничего не могут поделать с ней своим трепещущим светом.

И нечему в Тронном зале Дома Мертвых отбрасывать подобную тень, но, будь у тебя в этом зале уши, услышали бы они тихое дыхание. И с каждым выдохом понижается пламя, потом вспыхивает вновь.

Медленно движется она по залу и наконец возвращается, чтобы остаться на троне, целиком закрывая его от твоих глаз, будь у тебя там таковые.

Движется она бесшумно, меняясь в размерах, меняя форму. У нее есть и грива, и хвост, и четыре ноги — с копытами, судя по контуру.

Вновь разносится звук — вдохи и выдохи, — словно работают мощные органные мехи.

Она встает на дыбы, на задние ноги, словно человек, и передние ее ноги отбрасывают на трон тень в виде наклоненного креста.

Вдалеке раздаются звуки шагов.

Когда входит Анубис, по залу проносится могучий порыв ветра и кто-то, фыркнув, хихикает.

И все погружается в безмолвие; собакоголовый смотрит на тень перед своим троном.

СМЕНА ПОТОКА

Вслушайся в звуки Блиса: сегодня на ярмарке жизни вопли.

На постоялом дворе обнаружено распухшее тело.

Когда-то оно было мужчиной. Теперь же это просто испещренный пятнами мешок, лопнувший уже в десятке мест и сочащийся через эти прорехи зловонной жижей. Из-за запаха его и обнаружили.

Завопила горничная.

Набежала толпа.

Видишь, как они толкутся, задавая друг другу вопрос, на который не могут ответить?

Они забыли, что надо делать перед лицом смерти. Но подавляющее большинство очень скоро этому научится.

Сквозь толпу зевак проталкивается Мегра из Калгана.

— Я нянечка, — говорит она.

Они дивятся ее поведению, ведь нянечки должны иметь дело с детишками, а не с вонючими трупами.

Рядом с нею идет высокий мужчина, он ничего не говорит, и толпа словно не существует для него.

Коротышка в соломенной шляпе уже успел натянуть вокруг места происшествия веревку и начинает продажу билетов желающим пройтись мимо останков. Мегра просит высокого мужчину, а зовут его Вэйким, остановить представление. Вэйким вдребезги разносит машину-контролера и прогоняет коротышку.

— Он мертв, — говорит Мегра, глядя на тело.

— Конечно, — подтверждает Вэйким, который, проведя тысячу лет в Доме Мертвых, неплохо разбирается в подобных материях. — Давай накроем его простыней.

— Я не знаю болезни, от которой бы так умирали.

— Значит, это новая болезнь.

— Надо что-то сделать. Если она заразна, может начаться эпидемия.

— И начнется, — говорит Вэйким. — Люди будут умирать быстро, ибо распространится она стремительно. Так много

людей теснится на Блисе, что этого не предотвратить. Даже если противоядие будет обнаружено в ближайшие же дни, все равно население уменьшится в десятки раз.

— Нужно изолировать тело, мы должны отправить его в ближайший родильный центр.

— Если хочешь...

— Как ты можешь быть таким бесчувственным перед лицом трагедии?

— Смерть не трагична. Может быть, патетична, но никак не трагична. Давай прикроем его простынями.

Она отвешивает ему пощечину, звук от которой разносится по всему павильону, и отворачивается от него. На стене она ищет глазами кольцо связи, но когда она делает к нему шаг, одноглазый мужчина во всем черном заступает ей путь.

— Я уже вызвал ближайший центр. Аэрокар уже в пути, — говорит он.

— Благодарю тебя, отец. Ты не мог бы убрать отсюда всех этих людей? Тебя они послушают скорее, чем кого-либо другого.

Он кивает. Вэйким прикрывает тело. Мегра опять поворачивается к нему, пока одноглазый убеждает толпу разойтись, и подчиняются потихоньку зеваки его словам и посоху.

— Как можешь ты так легко относиться к смерти? — спрашивает она Вэйкима.

— От нее же никуда не денешься, — отвечает он. — Она неизбежна. Я же не оплакиваю опадающий лист или разбивающуюся о берег волну. Я не скорблю по падающей звезде, когда она сгорает в небе. К чему скорбь?

— Но это все не живое.

— Не жив и человек, когда вступает он в Дом Мертвых, а ведь все приходят туда.

— Так было когда-то. Уже много веков никто с Блиса не приходил туда. Когда жизнь подходит к концу, это всегда трагедия.

— Не так уж и отличаются жизнь и смерть.

— Ты просто выродок, — заявляет она и отвешивает ему еще одну пощечину.

— Это оскорбление или диагноз? — спрашивает он.

Тут с другого конца ярмарки доносятся новые крики.

— Пошли скорее, мы должны помочь, — говорит она и делает шаг.

— Нет!

Он хватает ее за руку.

— Пусти меня!

— Боюсь, что не сделаю этого. Незачем нести караул у каждого нового трупа. Ты лишний раз подвергаешься риску — и только. Я не хочу терять только-только приобретенного партнера — такого, как ты. Я заберу тебя обратно в сад, там вдоволь еды и питья, мы вывесим надпись «Не беспокоить» и будем ждать, как развернутся события.

— И будем миловаться, пока мир умирает? Ты бессердечен!

— Разве ты не хочешь хотя бы отчасти компенсировать уходящую жизнь?

Она бьет его свободной рукой, и он падает на одно колено и прикрывается рукой.

— Отпусти меня! — кричит она.

— Да, пусть леди идет куда пожелает.

В павильоне еще двое. Слова эти произнес жрец-воитель Мадрак, он остался после того, как толпа разошлась. Рядом с ним стоит теперь зеленый волшебник, известный смертным под именем Врамин.

Вэйким поворачивается к ним.

— Кто ты такой, — спрашивает он, — чтобы давать мне указания?

— Меня зовут Мадрак и часто называют Могучим.

— Меня это не касается. А свои указания оставь при себе. Уходи.

Он ловит вторую руку Мегры и после короткой борьбы поднимает ее на руки.

— Предупреждаю тебя, отпусти леди.

И Мадрак поднимает перед собой свой посох.

— Уйди с дороги, Мадрак.

— Должен предупредить тебя, пока ты не зашел слишком далеко, что я бессмертный и сила моя прославлена по всем Срединным Мирам. Не кто иной, как я, уничтожил кентавра Даргота, низринув его в Дом Мертвых. До сих пор поются песни об этой битве, длившейся день, и ночь, и еще целый день.

Вэйким ставит Мегру на ноги и отпускает ее.

— Да, это меняет дело, бессмертный. Я вернусь к девушке

чуть попозже. Скажи мне теперь, ты противник владычества Дома Жизни и Дома Мертвых?

Мадрак покусывает краешек бороды.

— Да, — отвечает он наконец. — А тебе какое дело?

— Я собираюсь уничтожить тебя — да и твоего дружка тоже, если числится он среди двухсот восьмидесяти трех бессмертных.

Волшебник улыбается и раскланивается.

Мегра выскальзывает из павильона.

— Леди сбежала от тебя, — комментирует Врамин.

— Ничего, я верну все на круги своя.

И, подняв левую руку, Вэйким шагает к Мадраку.

Мадрак начинает крутить в руке свой посох, и тот постепенно становится почти невидимым. Тогда он наносит удар.

Вэйким уклоняется от первого удара, но второй попадает ему по плечу. Он пытается поймать посох, но ему это не удается. Он получает еще один удар. Он пытается сблизиться с Мадраком, но остановлен горизонтальным *мулине* поперек груди. Тогда он отступает, начинает, пригнувшись, обходить соперника, оставаясь вне пределов досягаемости его посоха.

— Как это тебе удается удерживаться на ногах? — спрашивает Врамин; покуривая, он стоит в стороне.

— Я не могу упасть, — отвечает Вэйким.

Он опять делает выпад и вновь отброшен назад.

Теперь уже Мадрак раз за разом идет в атаку, но каждый раз Вэйким уклоняется от удара и пытается перехватить посох.

Наконец Вэйким останавливается и отступает на несколько шагов.

— Хватит дурачиться! Время уходит, и мне все труднее будет разыскать девушку. Ты ловко управляешься со своей палкой, жирный Мадрак, но теперь и она тебе не поможет!

И, слегка наклонив голову, Вэйким исчезает прямо там, где стоял, и Мадрак лежит на земле, а перед ним — его сломанный посох.

Вэйким стоит теперь рядом с ним с поднятой, словно после нанесенного удара, рукой.

Поэт роняет свою сигарету, и трость подскакивает у него в руке, описывая вокруг кольцо зеленого пламени. Вэйким оборачивается к нему.

— Фуга! — восклицает Врамин. — Настоящий мастер фуги! Причем направленной в будущее! Кто ты такой?

— Меня зовут Вэйким.

— Откуда ты знаешь точное число бессмертных, двести восемьдесят три?

— Я знаю то, что знаю, и это пламя не спасет тебя.

— Может, нет, а может, да, Вэйким. Но я не противник владычества Дома Жизни и Дома Мертвых.

— Ты бессмертный. Само твое существование опровергает твои слова.

— Я слишком беспристрастен, чтобы сопротивляться чему-либо из принципа. Моя же жизнь — это совсем другое дело. — И его глаза вспыхивают зеленым огнем. — Прежде чем ты попытаешься обратить свою силу против меня, Вэйким, знай, что уже слишком поздно...

Он поднимает трость.

— Тебя послали либо пес, либо птица, и нет никакой разницы, кто именно...

Вверх фонтаном взлетают зеленые искры, заполняют весь павильон.

— Я знаю, ты не просто предвозвестник чумы. Ты слишком одарен, ты по меньшей мере посланник...

Павильон вокруг них исчезает, и они стоят теперь на открытом воздухе в самом центре ярмарки.

— Знай же, что до тебя были и другие, и все они потерпели неудачу...

Зеленый луч срывается с трости и сигнальной ракетой прочерчивает небосклон.

— И двое из них пали от руки того, кто приближается сейчас...

Свет в вышине не исчезает, пульсирует.

— Смотри же на того, кто является на сцену среди хаоса, на того, чья холодная металлическая рука поддерживает слабых и угнетенных.

Он грядет, скачет с небес верхом на огромном звере из полированного металла. Зверь этот о восьми ногах, и копыта его — бриллианты. Он замедляется с каждым скачком, ибо каждый новый его шаг вдвое короче предыдущего.

— Его зовут Стальной Генерал, и он тоже мастер фуги, Вэйким. Он откликнулся на мой сигнальный огонь.

Вверх смотрит Вэйким и видит того, кто был когда-то человеком. Благодаря то ли магии Врамина, то ли собственному предчувствию, знает он, что будет это для него первое настоящее испытание на всей его тысячелетней памяти.

Зеленое пламя падает теперь на Мадрака, он шевелится и со стоном встает.

Восемь бриллиантов касаются земли, и до Вэйкима доносятся издалека звуки банджо.

Красная Ведьма вызывает Колесницу Десяти и приказывает подать себе золотой плащ. Сегодня направляется она через все небо — в кольцо, в середине которого движутся Миры.

Сегодня направляется она через все небо, чтобы со свойственной ей неистовостью показать...

Там, в мирах Жизни и Смерти, в хорошо ей знакомых мирах.

И вот одни говорят, что ее имя — Милосердие, другие — Вожделение. Ее потаенное имя — Изида. Ее потаенный дух — прах.

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света.

ОБИТЕЛЬ СОКРОВЕННОГО ЖЕЛАНИЯ

Принц-Который-Был-Тысячью прогуливается у моря и под морем. Второй разумный обитатель мира, по которому он прогуливается, так и не знает, создал Принц этот мир или только открыл его. И в самом деле, никогда нельзя быть уверенным, что именно делает мудрость: порождает нечто или только его обнаруживает; ну а Принц, без сомнения, мудр.

Он идет берегом. В семи шагах у него за спиной проступают на песке следы его ног. Высоко над головой висит моресвод.

Море висит у него над головой, поскольку нет у моря выбора. Мир, по которому прогуливается Принц, устроен так, что, когда приближаешься к нему с любой стороны, кажется, что нет в нем ни клочка суши, ни кусочка тверди. Если же, однако, нырнуть, погрузиться достаточно глубоко в окружающее этот мир море, то вынырнешь на морском дне в верхние слои атмосферы. Спускаясь дальше, доберешься и до суши. Прогуливаясь по ней, наткнешься и на другие водоемы, водоемы, окруженные сушей, под морем, что висит в небе.

Открытое море протекает примерно в тысяче футов над головой. У дна плавают светящиеся рыбы, напоминая изменчивые созвездия. А внизу, на суше, все полно отблесков.

Говаривали, что мир наподобие безымянного этого места с морем вместо небес не может, по всей вероятности, существовать. Говорившие явно ошибались. Достаточно постулировать существование бесконечности, остальное приложится.

Принц-Который-Был-Тысячью находится в совершенно исключительном положении. Помимо всего прочего, он телепортист, а это еще более редкое явление, чем мастер фуги времен. Очень редкое явление: по правде, он единственный его образец. Он может переносить себя — причем мгновенно — в любое место, какое только сможет реально себе представить.

А воображение у него очень живое. Допустим, что всякое место, о котором ты можешь помыслить, существует где-то в бесконечности. Так вот если Принц тоже способен о нем помыслить, то он способен его также и посетить. Ну а далее некоторые теоретики утверждают, что визуализация Принцем определенного места и самовозволение в него — это на самом деле акт творения. Никто не знал прежде об этом месте, и если Принц способен его отыскать, то, возможно, он просто дает ему стать. Тем не менее постулируй бесконечность, остальное приложится.

У Принца нет ни малейшей идеи касательно того, где и как расположен этот безымянный мир по отношению к остальной Вселенной. И его это не волнует. Он может прийти и уйти когда захочет, взяв с собой кого пожелает. Но пришел он, однако, один, ибо хочет навестить свою жену.

Он стоит у моря, под морем и выкликает ее имя, Нефтида, и ждет, пока не прилетит к нему над водой ветерок, не коснется его, не назовет его имя.

Тогда склоняет он чело и чувствует, что вокруг кто-то есть.

— Как поживает мир с тобой, любимая? — спрашивает он.

И пронизывает воздух всхлипывание, нарушает монотонную круговерть бурунов.

— Хорошо, — приходит ответ. — Ну а ты, мой господин?

— Буду правдив, а не вежлив — так себе.

— Оно все кричит по ночам?

— Да.

— Я думала о тебе, когда струилась и веяла. Я наделала птиц, чтобы не так одиноко было мне в воздухе, но крики их либо пронзительны, либо печальны. Ну так что же сказать мне тебе, чтобы быть более вежливой, чем правдивой? Что не сыта я по горло этой жизнью, которая и не жизнь вовсе? Что не сохну от желания вновь стать женщиной, а не дыханием, цветом, движением? Что не жажду вновь дотронуться до тебя, почувствовать еще раз твое прикосновение к моему телу? И чтобы все эти глаголы из метафор стали реальностью? Тебе ведомо все, что могу я сказать, но — увы — ни один из богов не обладает всемогуществом. Я не буду ныть, мой господин, однако боюсь я безумия, которое иногда меня посещает, — ты не знаешь, как это угнетает, — никогда не есть, никогда не спать, никогда не притронуться ни к чему твердому. Сколько уже минуло времени?..

— Много веков.

— ...Я знаю, что все жены по отношению к своим мужьям порядочные суки, и прошу у тебя прощения. Но кому еще могу я поскулить, кроме тебя?

— Все правильно, моя Нефтида. Если бы я только мог вновь воплотить тебя; ты же знаешь, мне тоже очень одиноко. И я пытался.

— Да. Покончив с Тем-Что-Кричит, ты накажешь Озириса и Анубиса?

— Конечно.

— Прошу, не уничтожай их сразу, вдруг они могут помочь мне. Обещай им снисхождение, если они вернут меня тебе.

— Может быть.

— Ибо мне так одиноко. Мне хотелось бы уйти отсюда.

— Чтобы сохранить тебя в живых, тебя нужно окружить со всех сторон водой. Чтобы тебя занять, нужен целый мир.

— Знаю, знаю...

— Если бы Озирис не был так чертовски мстителен, все

могло сложиться совсем по-другому. Ну а теперь, ты же понимаешь, мне не остается ничего другого, кроме как убить его, когда разрешится вопрос с Безымянным.

— Да, я знаю и принимаю. Но что с Анубисом?

— Время от времени он пытается убить меня, это все ерунда. Может статься, я прощу его. Но не моего птицеголового ангела. Этого — никогда.

Принц-Который-Был-(среди прочего) Королем садится на камень и смотрит на морской простор, потом вверх, на морское дно. Над ним лениво перемещаются огоньки. Высокие горы суют свои носы в океанские глубины. Бледный рассеянный свет царит здесь, приходит со всех сторон. Принц бросает плоский камешек, и тот исчезает, подпрыгивая на мерно катящихся волнах.

— Расскажи мне снова о днях битвы тысячу лет назад, — говорит она, — о днях, когда пал тот, кто был тебе сыном и отцом, величайший воитель, какой только вступался когда-либо за шесть людских рас.

Принц безмолвствует, глядя на океан.

— Зачем? — спрашивает он.

— Каждый раз, когда ты рассказываешь об этом, ты воодушевляешься на новые действия.

— ...Ведущие к новым неудачам, — заканчивает Принц.

— Расскажи, — говорит она.

Принц вздыхает, и рокочут над ним небеса, где плавают светлые рыбы с прозрачными животами. Он протягивает руку, и камешек выпрыгивает из моря обратно в нее. К нему ластится ветерок.

Он начинает говорить.

АНГЕЛ ДОМА ОГНЯ

Вверх смотрит Анубис и видит смерть.

Смерть — это черная лошадиная тень, хотя и нет тут лошади, чтобы тень отбрасывать.

Вцепившись обеими руками в свой жезл, смотрит Анубис.

— Привет тебе, Анубис, Ангел Дома Мертвых, — раздается глубокий, звучный голос, наполняя собой весь зал.

— Привет, — негромко произносит Анубис, — хозяин Дома Огня — которого больше нет.

— Здесь тоже многое переменилось.

— Ведь прошло немало времени.

— Весьма.

— Могу ли я поинтересоваться твоим нынешним состоянием здоровья?

— Оно, как всегда, неизменно.

— Могу ли я поинтересоваться, что привело тебя сюда?

— Да. Можешь.

Пауза.

— Я думал, ты мертв, — говорит Анубис.

— Знаю.

— Я доволен, что ты как-то пережил тот смертоносный удар.

— Я тоже. Много веков ушло у меня на возвращение из тех мест, куда меня закинуло такое идиотское применение Молота. Я, как ты знаешь, убрался из пространства за миг до того, как нанес Озирис удар, крушащий солнца. И отбросило меня много дальше, чем я думал, в места, которым и в которых нет места.

— И что же ты делал все это время?

— Возвращался.

— Из всех богов только ты один, Тифон, способен пережить подобный холокост.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сет Разрушитель, твой отец, погиб в этой бойне.

— Ай!

Анубис затыкает уши, зажмуривается, жезл падает у него из рук на пол. Поистине леденящий душу крик заполняет зал, наполовину человеческий, наполовину животный, и обе эти составляющие терзают Анубиса, как бы он ни затыкал себе уши.

Постепенно наступает гробовая тишина, и Анубис открывает глаза и опускает руки. Тень теперь меньше — и ближе.

— Как я понимаю, Безымянное тоже было тогда уничтожено?

— Не знаю.

— Ну а что с твоим господином, как Тот?

— Он сложил с себя полномочия владыки Жизни и Смерти и удалился из Срединных Миров.

— Мне в это не верится.

Анубис пожимает плечами.

— Это реальность — жизни и смерти.

— С чего бы это ему так поступать?

— Не знаю.

— Я хочу встретиться с ним. Где его найти?

— Не знаю.

— Не много от тебя толку, ангел. Скажи мне теперь, кто заправляет делами в отсутствие моего брата — твоего господина?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ну-ну, псоглавец, по-моему, ты прожил достаточно долго, чтобы понять этот простенький вопрос. Кто контролирует нынче потоки силы?

— Дом Жизни и Дом Мертвых, кто же еще?

— Ах, «кто же еще», вот как! Ну и кто же правит нынче Домом Жизни?

— Озирис, конечно.

— Ясно...

Тень опять становится на дыбы, увеличивается.

— Псоглавец, — говорит Тифон, тень вздыбленной лошади, — я подозреваю заговор, но никогда не убиваю я лишь по подозрению. Но я чувствую, что не все здесь чисто. Мертв мой отец и, быть может, взывает к отмщению, а если зло причинили и моему брату, то и от этого воспламенится кровь. Тебе пришлось отвечать на мои вопросы быстро, заранее их не обдумав, и ты, быть может, сказал больше, чем хотел. Теперь послушай меня. Я знаю, что ты боишься меня больше всего на свете. Ты всегда боялся лошадиной тени — и был прав. Если тень эта упадет на тебя, ангел, ты перестанешь существовать. Окончательно и бесповоротно. А она на тебя упадет, если имел ты какое-то отношение к тому, что мне не по нраву. Ты понял меня?

— Да, могущественный Тифон. Ты единственный бог, которому я поклоняюсь.

И вдруг с воем прыгает вперед Анубис, и уздечка сверкает в его правой руке.

Тень копыта скользит рядом с ним, и падает он на пол. Тень ложится на сверкающую серебром уздечку, и та исчезает.

— Анубис, ты глупец! Почему хотел ты обуздать меня?

— Потому что боюсь я тебя, боюсь за свою жизнь, господин!

— Не вставать! Не шевелись — или обратишься в ничто! С чего бы тебе бояться меня, если ты не виновен?

— Я не виновен! Я просто боялся, что ты начнешь действовать, не разобравшись. Я не хочу обращаться в ничто. Я хотел обуздать тебя из соображений самозащиты — чтобы сдержать тебя, пока ты не узнаешь все факты. Ибо согласен, на первый взгляд я и в самом деле могу показаться виновным.

Тень шевелится и падает на вытянутую правую руку Анубиса. Рука иссыхает, скрючивается.

— Никогда не сумеешь ты заменить руку, которую дерзнул поднять на меня, шакал! Пересаживай, прививай новые руки — и все они тут же отсохнут. Приделай металлическую руку — и она не будет тебя слушаться. За твою злокозненность оставлю я тебе только левую руку. Я установлю факты — все факты — лично. И если окажется, что ты виновен, а теперь я думаю, что так оно и есть, стану я сразу и обвинителем, и судьей, и палачом. И ни серебряной уздечке, ни золотым поводьям не сдержать Тифона, да будет тебе известно. И знай, что, если целиком пройдет по тебе моя тень, не останется от тебя даже пыли. Я скоро вернусь в Дом Мертвых, и, если что-нибудь окажется не так, править здесь станет новая шавка.

По контуру тени начинает разгораться пламя. Тень встает на дыбы, словно собираясь ударить еще раз, ярко вспыхивает огонь, и Анубис остается один, простершись на полу своего Тронного зала.

Он медленно встает и подбирает левой рукой жезл. Алый язык вываливается у него из пасти, и он, пошатываясь, ковыляет к своему трону. В воздухе возникает широкое окно, и через него смотрит Анубис на повелителя Жизни.

— Озирис! — говорит он. — Дьявол жив!

— О чем ты? — раздается в ответ.

— Сегодня на меня упала тень лошади.

— М-да, неприятно. Особенно теперь, когда ты послал своего очередного эмиссара.

— Откуда ты знаешь об этом?

— У меня есть свои источники. Но и я сам поступил так же — впервые — и послал своего сына, Гора. Надеюсь, что я успею отозвать его вовремя.

— Да. Мне он всегда был по душе.

— Ну а твой посланник?

— Я не буду отзывать его. Много бы я дал, чтобы посмотреть, как Тифон попытается его уничтожить.

— Этот твой Вэйким — кто он на самом деле? Кем он был?

— Это мое дело.

— Если — не знаю как — он все же тот, кем, я подозреваю, он может быть, — ты знаешь, что я имею в виду, — отзови его, пес, или между нами никогда не будет мира — если мы оба выживем.

Анубис хмыкает.

— А когда-то он был?

— Нет, — говорит Озирис, — по правде — нет.

— Но Принц впервые высказал в наш адрес угрозу, он грозится положить конец нашему владычеству.

— Да, и с тех пор минуло уже двенадцать лет, пора начинать действовать. По его словам, у нас в запасе еще века, пока он не выступит против нас. Но выступит он наверняка, ибо всегда держит свое слово. Хотя... Кто знает, что у него на уме?

— Ну уж не я.

— А что у тебя с правой рукой?

— На нее пала тень.

— И мы оба пройдем тем же путем — под тень, — если ты не отзовешь своего посланника. Тифон полностью меняет всю картину. Нам нужно войти в контакт с Принцем, попробовать договориться с ним, умиротворить и задобрить его.

— Слишком он умен, чтобы купиться на лживые посулы, и ты недооцениваешь Вэйкима.

— Нам, может, и в самом деле стоит заключить с ним сделку — не восстанавливая его положения, конечно...

— Нет! Мы победим!

— Докажи это — замени свою руку другой, работающей!

— Хорошо.

— Пока, Анубис, и не забудь, что даже фуга бессильна против Ангела Дома Огня.

— Знаю. Прощай, Ангел Дома Жизни.

— Почему ты величаешь меня былым моим титулом?

— Из-за твоей недостойной боязни, что все вернется на круги своя, как в стародавние дни, Озирис.

— Тогда отзови Вэйкима.

— Нет.

— Тогда до свидания, глупый ангел, павший из павших.

— Пока.

И звезды заполняют окно, и сила плещет в нем, пока не закрывает его взмах левой руки меж пылающих жаровен.

Тихо в Доме Мертвых.

ЗАРИСОВКИ

...Жрец-евнух высшей касты ставит свечи перед парой стоптанных башмаков.

...Пес треплет грязную рукавицу, знававшую не один лучший век.

...Слепые Норны бьют по крохотной серебряной наковаленке пальцами-киянками. На металле лежит отрезок голубого света.

ЯВЛЕНИЕ СТАЛЬНОГО ГЕНЕРАЛА

Вверх смотрит Вэйким и видит Стального Генерала.

— Мне почему-то кажется, что я должен его знать, — говорит Вэйким.

— Ну да! — говорит Врамин, и его глаза и трость мечут зеленое пламя. — Все знают о Генерале, скачущем по свету в одиночку. Со страниц истории доносятся громовые удары копыт его боевого коня, Бронзы. Он летел с эскадрильей Лафайета. Он прикрывал отступление в долине Джарамы. В лютую стужу помогал удерживать Сталинград. С горсткой друзей пытался захватить Кубу. И на каждом поле боя оставлял он свою частичку. В тяжелую пору жил он в Вашингтоне в палатке, пока другой знаменитейший генерал не попросил его уйти. Он был бит в Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой. Он был внесен в черный список, поскольку состоял когда-то членом профсоюза. Канули в Лету все дела, за которые он сражался, но умирала каждый раз с рождением и развитием этих дел его частичка. Кое-как пережил он свой век — с искусственными членами, искусственным сердцем и жилами, со вставными зубами и стеклянным глазом, со вставной челюстью и пластиковыми костями, с вживленными кусочками фарфора и проводами, — пока наконец наука не дошла до

того, чтобы изготовлять подобные предметы много лучше их природных образцов — тех, какими наделен обычный человек. И заново перебрали его, заменили ему часть за частью, орган за органом, пока не превзошел он в следующем веке на голову любого человека из плоти и крови. И опять он сражался на стороне восставших, и уничтожали его раз за разом в войнах; сначала — в тех, что вели колонии против материнской планеты, потом — в войнах отдельных миров против Федерации. Он всегда в каком-либо черном списке, но он играет себе на банджо, и ему на это наплевать, ибо он сам поставил себя вне закона, подчиняясь всегда его духу, а не букве. Много раз заменял он металлические свои части на плоть и однажды воплотился даже целиком, — но всегда прислушивается, не зазвучит ли вдали тревожный призыв рога, и вот уже, играя на банджо, устремляется он на помощь — и опять теряет свою человечность. Он поднял проигрышную карту со Львом Троцким, который поучал его, что писателям платят слишком мало; он делил товарный вагон с Вуди Гатри, который учил его своей музыке и поучал, что певцам платят слишком мало; он до поры до времени поддерживал Фиделя Кастро и узнал, что юристам платят слишком мало. Почти всегда его используют, обманывают, продают, но его это не волнует, ибо его идеалы важнее для него, чем сама плоть. Теперь же, конечно, дело Принца-Который-Был-Тысячью весьма непопулярно. Из того, что ты говоришь, я заключаю, что если бы кто-то выступил против Дома Жизни и Дома Мертвых, его бы сочли сторонником Принца, которому, по правде говоря, не нужны никакие сторонники, — ну, да это не имеет значения. И я осмелюсь заметить, что ты, Вэйким, против Принца. Я бы также рискнул предположить, что Генерал его поддержит, хотя бы потому, что Принц, поскольку он сам по себе, составляет явное меньшинство. Генерала можно разбить, но никогда нельзя уничтожить, Вэйким. Ну, а вот и он. Если хочешь, можешь спросить его сам.

Стальной Генерал как раз спешился и теперь стоит перед Вэйкимом и Врамином, словно железная статуя в десять часов вечера — безлунным летним вечером.

— Я увидел твой сигнальный огонь, Ангел Седьмого Поста.

— Увы, но титул сей утерян вместе с постом, сэр.

— Я по-прежнему признаю права правительства в изгнании, — говорит Генерал, и такой несравненной красоты преисполнен его голос, что слушать его можно годами.

— Спасибо. Но я боюсь, что пришел ты слишком поздно. Вот он, Вэйким — он, кстати, мастер фуги времен, — уничтожит, чего доброго, Принца и тем самым сделает окончательно невозможным наше возвращение. Разве не так, Вэйким?

— Ну конечно.

— ...Если только мы не найдем на него управу, — говорит Врамин.

— Ее можно дальше не искать, — говорит Стальной Генерал. — Лучше сдайся мне прямо сейчас, Вэйким. Поверь мне, я предлагаю это без всякого злого умысла.

— И я отвечаю тебе точно так же: пошел к черту. Если уничтожить каждую твою мельчайшую частичку, то, верится мне, не останется больше никакого Стального Генерала — и никогда уже больше не будет. На мой взгляд, бунтовщик вроде тебя заслуживает уничтожения — и я к твоим услугам.

— Многие думают точно так же, а я все еще в ожидании.

— Ну так больше не жди, — говорит Вэйким и делает шаг вперед. — Время — тут и молит, чтобы его наполнили.

Тогда Врамин очерчивает вокруг себя и Мадрака круг зеленого пламени, и оба они следят за противостоянием мастеров.

В этот миг Бронза встает на дыбы, и среди многоцветья Блиса вспыхивают шесть бриллиантов.

ГОРОДСКЙ ПРОВИДЕЦ ЛИЛЬЯМЕНТИО

Вступив в Срединные Миры, направляется Гор к туманному миру, называемому его обитателями Д'донори, что означает Обитель Довольствия. Он сходит со своей колесницы, на которой пересек безвоздушную ледяную ночь, и слышит сквозь густую завесу тумана, полностью покрывающую Д'донори, лязг оружия и воинственные возгласы сражающихся.

Голыми руками прикончив троих напавших было на него рыцарей, подходит он к высоким стенам города Лильяменти, у правителей которого были в прошлом весьма веские осно-

вания причислять его к тем божествам, которым небезразлично благосостояние и процветание их города.

Мир под названием Д'донори, хотя и омывают его течения и потоки силы, никогда не опустошался ни мором, ни нашествиями, ни голодом, которыми сдерживается рост населения прочих Срединных Миров, — все потому, что обитатели Д'донори сами справляются со своими проблемами. Весь их мир распадается на множество крохотных городов-государств и карликовых герцогств, которые беспрерывно воюют друг с другом, объединяясь разве что для того, чтобы избавиться от всякого, кто попробует объединить их всерьез и надолго.

Подходит Гор к главным вратам Лильяменти огражденного и стучит в них кулаком. Разносится по городу грохот, скрипят петли ворот.

Стоящий на стене страж швыряет вниз сквозь тусклую хмарь факел и тут же посылает вслед за ним стрелу, которая, конечно же, своей цели не достигает — ведь Гору ничего не стоит прочесть мысли поднявшего на него руку и проследить траекторию полета стрелы. Когда стрела свистит совсем рядом, он отступает на шаг в сторону и становится поближе к свету факела.

— Отворяй ворота — или я снесу их с петель! — кричит он.

— Кто ты такой, что явился сюда без оружия, в одной набедренной повязке, да еще даешь мне указания?

— Я Гор.

— Не верю.

— Коли ты не откроешь ворота, — говорит Гор, — жить тебе осталось меньше минуты. И смерть твоя станет подтверждением того, что Гор не лжет. А потом я высажу ворота и через твой труп войду в город в поисках твоего правителя.

— Погоди! Если ты и вправду он, пойми, что я лишь исполняю свой долг и подчиняюсь приказу нашего правителя. Не сочти за богохульство, ежели отказываю я во входе первому встречному, кому только не лень заявить, что он — Гор. Откуда, сам посуди, мне знать, что ты не враг, пытающийся обмануть меня?

— Неужели найдется враг, который дерзнет на подобное безрассудство?

— Может статься. По большей части люди лишены рассудка.

Гор пожимает плечами и снова заносит кулак. Воздух

вдруг пронизывает высокая, вибрирующая нота, и сотрясаются ворота Лильяменти на своих петлях, а их страж — внутри своих доспехов.

Гор растет, и росту в нем уже под три метра. Тряпица у него на заду цвета крови. У ног мерцает факел. Он замахивается.

— Погоди! Я впущу тебя!

Гор опускает кулак, и музыка затихает. Он уже на треть меньше ростом. Страж приводит в движение и наконец отворяет врата. Гор вступает в Лильяменти.

Добравшись наконец до окутанного плотной пеленой тумана дворца местного правителя, князя Дилвита, герцога Лильи, узнает Гор, что весть о его прибытии уже донеслась сюда со стен города. Мрачный чернобородый герцог, корона которого давно срослась с его черепом, выдавливает из себя самую широкую улыбку, на которую только способен, показывая среди туго натянутых губ два ряда хищных зубов. Он чуть кивает.

— Ты и вправду Гор? — спрашивает он.

— Да.

— Говорят, что всякий раз, когда проходит бог Гор этим путем, трудно бывает узнать его.

— Неудивительно, — отвечает Гор. — В этом вашем тумане непонятно, как вы вообще узнаете друг друга.

Дилвит хрипит, что означает у него смех.

— Ну да, часто мы и не узнаем и по ошибке приканчиваем своих же людей. Но всякий раз, когда приходит Гор, местный владыка подвергает его испытанию. В последний раз...

— ...В последний раз для князя Булваха я пронзил деревянной стрелой мраморную глыбу в локоть толщиной — чтобы с каждой стороны торчала она из камня.

— Ты помнишь!

— Ну конечно. Я — Гор. У тебя еще осталась эта глыба?

— Разумеется.

— Покажи-ка мне ее.

Они вступают в залитый светом факелов Тронный зал, где одни только косматые шкуры хищников отвлекают глаз от назойливо сверкающего со стен оружия. В укромном уголке слева от трона на невысокий пьедестал водружена глыба серого с оранжевыми прожилками мрамора, из которой торчит стрела.

— Ты видишь ее перед собой, — возглашает, взмахивая рукой, Дилвит.

Гор подходит, знакомится с экспонатом.

— На сей раз я сам выбираю себе испытание, — говорит он. — Я верну тебе стрелу.

— Ее же можно вытащить. Это не фокус...

Гор поднимает к плечу правый кулак, сверху вниз бьет им по мрамору, глыба разлетается вдребезги. Он поднимает стрелу и протягивает ее Дилвиту.

— Я Гор, — заявляет он.

Дилвит разглядывает стрелу, мраморную крошку...

— Ты и в самом деле Гор, — соглашается он. — Что я могу сделать для тебя?

— Д'донори издавна и по справедливости славится своими прорицателями. Ну, а местные провидцы из Лильяменти часто бывали выше всяких похвал. И вот, поскольку у меня есть несколько вопросов, на которые хотел бы я получить ответы, желаю я побеседовать с главным твоим прорицателем.

— Со старым Фрейдагом, — говорит Дилвит, отряхивая каменную пыль со своей юбки из красно-зеленой шотландки. — Да, он, конечно, один из великих, да вот...

— Что вот? — спрашивает Гор; он уже прочитал мысль Дилвита, но из вежливости продолжает ждать ответа.

— Он, о великий Гор, непревзойденный чтец по внутренностям, но годятся ему внутренности только человеческие. Ну, а мы редко держим пленных — к чему нам лишние траты? — а добровольца на такое дело найти довольно трудно.

— Может, удастся его убедить на этот раз погадать на внутренностях какого-нибудь животного?

Опять читает Гор мысли собеседника и вздыхает.

— Конечно, великий Гор. Но он не сможет гарантировать тот же уровень проникновения в текст, как в случае изученного им до тонкостей языка.

— Неужели они так разнятся?

— Не могу сказать, могущественнейший, поскольку сам в этом не разбираюсь, хотя и мать моя, и сестра — обе видят и знают азбуку... Но среди всех предсказателей, как известно, нет никого чудаковатей скатологов. Возьми, к примеру, Фрейдага. Он же, по его словам, близорук, а это значит...

— Снабди его всем необходимым и извести меня, когда он будет готов ответить на мои вопросы!

— Слушаюсь, могущественнейший, я тут же пошлю отряд в набег, ибо вижу, что ты в нетерпении...

— Более чем.

— ...А мне как раз пора преподать одному из соседей урок в уважении границ.

Дилвит вспрыгивает на свой трон и тянется вверх, чтобы достать висящий высоко над ним длинный рог огромного, должно быть, голинда. Трижды подносит он его к губам и дует, раздувая, словно гигантская лягушка, свои щеки, пока налитые кровью глаза его не начинают выкатываться из-под косматых бровей. Потом он вешает рог обратно и плюхается на сиденье своего герцогского трона.

— Сейчас подоспеют мои сотники, — отдуваясь, пыхтит он.

И вправду, раздается цокот копыт, и три воина в боевых юбках влетают в зал верхом на единорогах-голиндах и скачут, гарцуют, гарцуют вокруг, пока наконец Дилвит не поднимает руку и не восклицает:

— Набег! Набег, ребятушки! На Юскифа Рыжего. Полдюжины пленных мне, прежде чем забрезжит сквозь туман завтрашняя заря!

— Пленных, сказал ты, Повелитель? — восклицает всадник в черно-коричневом.

— Ты не ослышался.

— Ну так до рассвета!

И вверх вздымается копье.

Тут же следуют еще две вспышки.

— Эгей!

И, описав по залу последний круг, они исчезают.

На следующее утро Гора будят и отводят в комнату, где лежат шестеро обнаженных мужчин; их руки крепко связаны и притянуты за спиной к лодыжкам, их тела покрыты ранами и рубцами. Это маленькая холодная комната, почти чулан, освещаемая четырьмя факелами; единственное ее окно загораживает стена тумана. Пол устлан сплошным слоем листов ежемесячника «Лилья таймс». Прислонившись к подоконнику, невысокий облысевший человек, розоволицый, с ввалившимися щеками и косыми глазами, правит на точильном бруске несколько коротких клинков. На нем белый передник, на ли-

це никак не удержаться улыбке. Он поднимает на Гора выцветшие глаза и несколько раз подряд кивает.

— Как я понимаю, у тебя есть несколько вопросов, — говорит он, с трудом переводя дух между словами.

— Ты прав. У меня три вопроса.

— Всего три, святой Гор? На это с запасом хватит всего одного набора внутренностей. Наверняка столь мудрый бог, как ты, мог бы придумать побольше вопросов. Когда у нас такой запас материалов, было бы стыдно им не воспользоваться. Уже так давно...

— И тем не менее у меня к тебе всего три вопроса, о кишечный оракул.

— Ну хорошо, — вздыхает Фрейдаг. — Тогда мы воспользуемся этим.

И он указывает ножом на мужчину с тронутой сединою бородой, который не сводит с него своих темных глаз.

— Его зовут Болтаг.

— Ты его знаешь?

— Он мой дальний родственник. И к тому же главный провидец князя Юскифа; конечно же, полный шарлатан. Слава богу, что он наконец попал в мои руки.

Услышав это, Болтаг сплевывает на раздел некрологов в одном из номеров «Таймса».

— Ты просто мошенник, о великий потрошитель-недоучка! — говорит он.

— Лжец! — вопит Фрейдаг, перешагивая через другие тела, и хватает его за бороду. — Это положит конец твоей бесславной карьере! — И он вспарывает ему живот, вытягивает оттуда пригоршню внутренностей и раскладывает их по полу. Болтаг кричит, стонет, затихает. Фрейдаг рассекает вдоль клубки его кишок, размазывает пальцами их содержимое. Он припадает к самой земле и наклоняется далеко вперед.

— Ну, а теперь каковы же твои вопросы, сын Озириса? — спрашивает он.

— Во-первых, — говорит Гор, — где я могу найти Принца-Который-Был-Тысячью? Во-вторых, кто посланник Анубиса? И в-третьих, где он сейчас?

Фрейдаг что-то бормочет и тычет пальцем в дымящееся на полу вещество. Болтаг снова стонет и слегка шевелится.

Гор пытается прочесть мысли провидца, но они настолько смутны, что кажется, будто смотришь в окно комнаты.

Фрейдаг заговаривает:

— В Цитадели Марачека, — говорит он, — в центре Срединных Миров повстречаешь ты того, кто сможет доставить тебя пред очи искомого тобою.

— ...Странно, — бормочет Болтаг, озадаченно покачивая головой, — эту часть ты прочел правильно. Но твое никудышное зрение... затуманено... этим кусочком брыжейки, ты положил ее не туда... в...

С огромным усилием Болтаг перекатывается поближе, тяжело ловит воздух широко раскрытым ртом.

— И ты... не сказал... великому Гору... что ждут его великие опасности... а в конце... неудача.

— Молчать! — кричит Фрейдаг. — Я не звал тебя для консультации!

— Это же мои кишки! Я не хочу, чтобы их как попало читал дилетант!

— Следующие два ответа пока еще не вполне ясны, дорогой Гор, — говорит Фрейдаг, взрезая очередную кишку.

— Самозванец и шарлатан! — всхлипывает Болтаг. — В Марачеке встретится он и с посланником Анубиса... чье имя можно разобрать вон там... где моя кровь... на передовице!.. Это имя... да... Вэйким...

— Чушь! — кричит Фрейдаг, продолжая вспарывать кишки.

— Постой! — говорит Гор, и его рука опускается на плечо потрошителя. — По крайней мере, в этом твой коллега прав, ибо я знаю, что сейчас его так и зовут.

Фрейдаг останавливается, разглядывает передовицу.

— Истинно есть, — соглашается он. — Даже и любителя может посетить озарение.

— ...Значит, похоже, что мне суждено в конце концов встретиться с Вэйкимом, если я отправлюсь в место, называемое Марачек, — а отправиться туда я должен. Ну, а что касается моего второго вопроса, кроме имени Вэйкима, я хочу также знать, кто скрывается за этим именем. Кем был он, пока владыка Анубис не перекрестил его и не послал с поручением из Дома Мертвых?

Фрейдаг, словно что-то вынюхивая, водит головой над самыми нечистотами, копошится в них, кромсает там и сям.

— Сие, преславный Гор, от меня сокрыто.

— Маразматик!.. — выдавливает из себя Болтаг. — ...Вон же... так... ясно... видно...

Гор погружается в умирающие мысли выпотрошенного провидца, и пух и перья встают у него на затылке дыбом. Но нет, никакое страшное имя не проникает в его рассудок, ибо Болтаг уже мертв.

Гор прикрывает глаза и содрогается, когда нечто, застывшее на самом рубеже сознания, вдруг блекнет и рассеивается. Когда Гор опускает руку, Фрейдаг уже поднялся на ноги и с улыбкой рассматривает труп своего родственника.

— Фигляр! — фыркая, бросает он и вытирает руки о передник.

Странная маленькая звериная тень шевелится на стене.

ВОЙНА И СТАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК

Бриллиантовые копыта, ударяющие о землю, вздымающиеся, вновь падающие. Вздымающиеся...

Вэйким и Стальной Генерал стоят лицом к лицу не двигаясь. Проходит минута, три, и теперь копыта зверюги по кличке Бронза извлекают из утоптанной почвы ярмарки на Блисе громоподобные звуки, ибо с каждым разом сила их удара удваивается.

Считается, что исход схватки в фуге на самом деле определяется в эти первые изнурительные моменты Взгляда, до того, как будет приведена в исполнение собственно временная фаза, в эти моменты, которые будут стерты с лица Времени исходом схватки, чтобы никогда в действительности не существовать.

Почва содрогается теперь при каждом ударе копыт Бронзы, языки синего пламени вырываются у него из ноздрей и опаляют, ниспадая, Блис.

Блестит пот на лице, на теле Вэйкима, палец Стального Генерала сводит судорога — тот, на котором носит он кольцо своей человечности.

Проходит одиннадцать минут.

Исчезает Вэйким.

Исчезает Стальной Генерал.

Опять опускаются копыта Бронзы, и падают шатры и палатки, рушатся здания, трещины испещряют почву.

За тридцать секунд до того позади Генерала стоит Вэйким, и впереди Генерала стоит Вэйким, и Вэйким, который стоит позади, который только что объявился в этом мгновении, сцепляет руки вместе и поднимает их, чтобы нанести сокрушительный удар по металлическому шлему...

...тогда как за тридцать пять секунд позади Вэйкима из этого момента Времени появляется Стальной Генерал, отводит руку, взмахивает ею...

...тогда как Вэйким тридцати секунд, увидев себя в фуге наносящим двуручный удар, волен исчезнуть, что он и делает, во время на десять секунд ранее, когда готовится он посоперничать в силе с увиденным своим будущим образом...

...когда Генерал тридцати пяти секунд до точки атаки видит себя заносящим руку и исчезает во время на двенадцать секунд до того...

Ну конечно, ведь во Времени, если хочешь сохранить свое будущее существование, необходим опережающий стоппер...

...И стоппер замыкающий, для своих тылов...

...И пока все покуда, *где-то (когда-то), возможно,* гарцует сейчас Бронза, взмывает вверх и вновь приземляется, и содрогается на своем основании город, чье существование вероятно.

...И Вэйким сорока секунд до точки атаки, завидя свое появление, убывает на двадцать секунд назад, — и уже целая минута вероятного времени запятнана фугированной схваткой и тем самым подвержена изменениям.

...Генерал сорока семи секунд до точки атаки отступает, чтобы нанести новый удар, на пятнадцать, когда тамошний он, его заметив, откатывается на восемь...

...Вэйким без одной минуты отходит на десять секунд...

Фуга! Пусть сильнее грянет фуга!

Вэйким, нападая сзади на Генерала в минус семьдесят секунд, видит Генерала, нападающего на Вэйкима, и оба Генерала видят его, как и его *альтер эго* видит обоих Генералов.

Все четверо исчезают — на одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать и двадцать пять секунд.

...Ну а пока, *где-то (когда-то), возможно,* гарцует Бронза, взмывает и падает, и ударная волна разносится во все стороны из-под его копыт.

Приближается точка исходного столкновения, пока Генерал перед Генералом и Вэйким перед Вэйкимом смотрят друг на друга и контрапунктируют.

Пять минут и семь секунд будущего застывают в бездействии, пока двенадцать Генералов и девять Вэйкимов не отрывают друг от друга глаз.

...Пять минут двадцать одна секунда — и девятнадцать Вэйкимов и четырнадцать Генералов застыли в боевой стойке, свирепо уставившись друг на друга.

...Восемь минут шестнадцать секунд до точки атаки, сто двадцать три Вэйкима и сто тридцать один Генерал оценивают друг друга и выбирают как раз этот момент...

...Чтобы атаковать в этот миг не только умением, но и числом, оставив прошлых себя обходиться в защите собственными силами, — быть может, если мгновение выбрано неудачно, пасть и тем самым положить конец и этому столкновению тоже. Но должно же все на чем-то кончаться. Исходя из молниеносных расчетов и догадок, каждый выбрал именно эту точку как наилучшую, чтобы предопределить будущее и принять на себя фокус фуги. И когда обрушиваются друг на друга армии Вэйкимов и Генералов, земля содрогается у них под ногами и сама ткань Времени протестует против того, как с нею обошлись. Поднимается ветер, и все вокруг кажется нереальным, колеблется между бытием, событием, забытьем. А где-то Бронза дробит континенты своими бриллиантовыми подковами, изрыгает на них харкотину синего пламени. Искалеченные и окровавленные тела Вэйкимов, детали и обломки Генералов дрейфуют через содрогающиеся в конвульсиях протяженности вне фокуса их битвы, выталкиваемые ветрами взашей. Это вероятностные мертвецы, ибо сейчас не может быть никаких убийств в прошлом, а будущее как раз переделывается. Фокус фуги переместился в этот ключевой миг предельной напряженности, и сшибаются два полчища с силой, от которой вовне расходятся все расширяющиеся круги зыби, волны перемен, проходят по универсуму — нарастая, спадая, сходя на нет, пока Время в очередной раз проводит историю вокруг событий.

Где-то в стороне вновь приземляется Бронза, и какой-то город начинает разваливаться, распадаться на части. Поэт поднимает свою трость, но ее зеленые огни не в состоянии погасить ослепительное синее пламя, которое фонтаном из-

ливается на мир из ноздрей Бронзы. Сейчас на Блисе всего девять городов, и Время выжигает их дотла. Здания, машины, тела, дети, павильоны — все это выносит из пламени ветер и, покачивая, проносит над ярмарочной площадкой. Всмотрись в их цвета. Красный? Вот берега, зеленый поток хлещет через них, пролетают фиолетовые глыбы. Желтый, серый, черный город под тремя лимонно-желтыми мостами. Кремовое море теперь — это небо, и словно фреза — бриз. Запахи Блиса — дым и обуглившаяся плоть. Звуки — вопли среди скрежета сталкивающихся и ломающихся механизмов и шквал, ливень бегущих ног, словно грех в нежной, как дядя Том, ночи, которая приходит нынче как подсознательное.

— Остановитесь! — кричит Врамин, превращаясь в ослепительно-зеленого великана посреди хаоса. — Если вы не остановитесь, от этого мира не останется камня на камне! — кричит он, и голос его рушится вниз, как раскаты грома, трубит и свищет над ними.

Они, однако, продолжают биться, и волшебник, схватив за руку своего друга Мадрака, пытается открыть им двери, чтобы покинуть Блис.

— Гибнет гражданское население! — кричит какое-то мгновение Генерала.

Смеется в ответ мгновение Вэйкима.

— Какая разница, есть ли на мертвеце форма, нет ли ее, когда вступает он в Дом Мертвых?

Проступает контур огромной зеленой двери, постепенно обретает плоть, дверь начинает открываться.

Врамин уменьшается в размерах. Когда дверь распахивается настежь, его и Мадрака подхватывают огромные валы, встающие и опрокидывающиеся в исхлестанном ветрами океане, и выносят через открывшийся проем наружу.

Армии Вэйкима и Генерала тоже на гребне волн хаоса, гонимых ветрами перемен, их тоже сносит к зеленой двери, распахнутой настежь, словно некий светозарный магнитно-водоворотный центр. Все еще сражаясь, плывут они к стоку, ныряют в него, исчезают.

Бронза, когда дверь начинает закрываться, движется почему-то очень медленно, но все же успевает протиснуться в проем до того, как обрушивается на пустое пространство, где только что была открытая дверь, хаос.

Тогда замирают вдруг грохот и суматоха, и переводит, ка-

жется, с облегчением весь Блис дух. Почти все переломано, множество народу умерло или умирает в данный момент, каковой мог бы иметь место за тридцать три секунды до начала той фуги Вэйкима и Генерала, которая нынче не состоится, не начнется на засыпанной мусором территории ярмарки, покрытой зияющими трещинами и дымящимися воронками.

Среди рухнувших арок, опрокинутых башен, стертых с лица земли зданий с огненным мечом наголо шагает спасение. Дневную горячку сеют Дома Силы, и где-то лает собака.

ГНЕВ АЛОЙ ЛЕДИ

Мегра из Калгана спасается бегством. Пробираясь сквозь разношерстную толпу, она почти не замечает многообразия цветов и форм вокруг себя. Вдруг из множества глоток вырывается вопль. Над ярмаркой поднимается холодный злобный ветер. Вверх смотрит Мегра, остановившись на миг среди хлопающих на ветру флагов и вымпелов, сопротивляющихся его напору шатров и палаток; и картина, которую она видит, приковывает к себе ее взгляд, ватными делает ноги.

Это скачет на Бронзе Стальной Генерал. Он спускается вниз, медленнее, медленнее. Мегра о нем читала, о нем слышала, ибо присутствует он во всех апокалипсических писаниях всех наций и народов.

Позади нее во вспышке зеленого пламени исчезает павильон. Она оглядывается и видит, как, прорезав воздух, зависает в нем, продолжая ослепительно пылать, зеленая вспышка.

В сторону сворачивает огромный зверь, Бронза, все медленней скачет он с каждым шагом, все медленней; и вот спускается он к полуразрушенному павильону, где остались биться друг с другом Вэйким и воитель-жрец Мадрак. Глядит Мегра в ту сторону, но в любой толпе рост ее не позволяет ей увидеть что-либо за пределами того барьера, которым позаботилось окружить ее человечество.

Наконец исчезает из ее поля зрения и сам Стальной Генерал, вновь проталкивается она через многоногую массу к шатру, где скончался очередной человек.

Чтобы проложить себе путь там, где любой другой вынужден был бы застрять, приходится Мегре использовать силу:

словно брассистка, мощными гребками посылает она себя вперед между массивными туловищами, сквозь чересполосицу конечностей, между машинами, снабженными лицами и перьями, женщинами с мигающими лампочками в груди, мужчинами, на суставах которых угрожающе топорщатся шпоры, полчищами заурядно смотрящихся представителей всех шести рас; мимо женщины, из синей грудной клетки которой доносится неумолкающая скрипичная мелодия, — от ее крещендо у Мегры закладывает уши; мимо мужчины, который носит свое сердце на боку, в щелкающем счетчике Гейгера; она отпихивает схожее с раскрытым зонтиком существо, в неистовстве пытающееся обвить ее своим щупальцем; теперь расталкивает она ораву желторотых гномов, сворачивает в проход между павильонами, пересекает площадку с утоптанной почвой, покрытой слоем опилок и соломы; она торопится и ныряет между двумя следующими павильонами, когда свет вокруг нее начинает вдруг медленно меркнуть, и она отшвыривает рукой крохотное крылатое созданьице, которое, что-то невнятно тараторя, кружит вокруг ее головы.

Тогда оглядывается Мегра и видит картину, подобно которой не видывала на своем веку.

Остановилась там ярко-красная колесница, еще разогретая небесной пылью, и пусты постромки ее. Глубоки колеи, проложенные колесами в почве, но коротки, футов пять, не больше. А дальше земля нетронута.

Видна на колеснице женская фигура, высокая женщина в плаще и под вуалью. Вниз свисает выбившаяся прядь ее волос, и цветом она — как кровь. В правой руке, почти столь же красной, как и ее ногти, держит она поводья, но ни к чему не прикреплены они перед колесницей. Крохотное тараторящее крылатое существо, от которого отмахнулась Мегра, устроилось теперь у женщины на плече, сложило крылья так, что их больше и не видно, подергивает голым хвостом.

— Мегра из Калгана, — раздается голос, будто отвешивая ей пощечину расшитой драгоценностями перчаткой, — вот и пришла ты ко мне по моему желанию. — И пар, исходящий от колесницы, клубится над красной женщиной.

Мегра вздрагивает, она чувствует, как на сердце ей опускается что-то вроде глыбы лежащего между звезд черного льда.

— Кто ты? — спрашивает она.

— Меня зовут Изида, Мать Праха.

— И почему нужна я тебе? Я не знаю тебя, госпожа, — разве что по сплетням из легенд.

Смеется Изида, а Мегра хватается за металлическую стойку, которая подпирает павильон справа от нее.

— Я искала тебя, крольчонок, чтобы страшно отомстить.

— Почему, леди? Я ничего тебе не сделала.

— Может, так, а может, и нет. Может быть, я ошибаюсь, хотя думаю, что нет. Ну да скоро узнаю. Нам придется подождать.

— Чего?

— Исхода битвы, которая, я думаю, вот-вот разразится.

— Как мне ни нравится твое общество, госпожа, но я не намерена ждать здесь с какой-либо целью. Ты должна извинить меня. У меня дело...

— Милосердие! Я знаю...

И она опять смеется, и сжимаются пальцы Мегры на металле подпорки, и гнется та под девичьей рукой, и обретает наконец свободу от тут же падающего павильона.

Замирает смех Изиды.

— Дерзкое дитя! Уж не осмелишься ли ты поднять против меня оружие?

— Если будет на то нужда, хоть я и сомневаюсь, мадам, что оно мне понадобится.

— Тогда замри, как статуя, где стоишь!

И с этими словами касается Красная Ведьма рубиновой подвески у себя на груди, и выбивается из нее луч света и падает на Мегру.

Борясь с накатившим на нее оцепенением, параличом, швыряет Мегра в Изиду металлическую стойку, и та крутится в воздухе, как большое серое колесо, словно циркульная пила, диск, устремленный к колеснице.

Бросив поводья и подняв вверх руку, Изида продолжает сжимать подвеску, из которой вылетает теперь целый сноп лучей. Они падают на вращающийся в полете металл, на миг он вспыхивает с яркостью метеора — и тут же исчезает, лишь бесформенная груда шлаков падает на запекшуюся под местом вспышки почву.

Мегра чувствует, что ледяная хватка на ее теле разжалась, и прыгает вперед к колеснице, с размаху бьет в нее плечом,

сбивая Изиду на землю, ну, а наперсник ее удирает, хоронится за пошатнувшимся колесом.

Мегра подскакивает к ведьме, готовая нанести удар ребром ладони, но, увидев, что упала вуаль Изиды, замирает она на долю секунды, не в состоянии дотронуться до предмета столь дивной красы, что зрит она перед собой, — огромные темные глаза на красном, сияющем пламенем жизни лице, формою схожем с сердечком; ресницы, взлетающие выше бровей, словно крылья порхающей малиновой бабочки; блеск розовых, как плоть, зубов в неожиданном просверке улыбки, подобную которой, если повезет, можно иногда увидеть, когда долго смотришь в огонь.

Продолжает сгущаться тьма, свирепеет ветер, вдруг содрогается, будто от далекого удара, земля.

Снова падает на Мегру свет рубиновой подвески, и пытается подняться Изида, вновь падает на колени, хмурится.

— О неразумное дитя, если бы ты знала, какая судьба тебе уготована! — говорит она, и Мегра, припоминая дошедшие из тьмы веков стародавние легенды, молит не только официального бога общепринятой ныне религии, но и давным-давно павшего.

— Озирис! Владыка жизни, избавь меня от гнева супруги своей! Ну, а коли не услышишь ты моих молений, обращу я их к темному богу Сету, которого и любит, и боится эта леди. Спаси меня!

И тут замирает голос у нее в груди. Встает наконец Изида и смотрит на нее сверху вниз, а землю между тем все сильней и сильней сотрясают чудовищные толчки, сумерками становится ясный полдень — и в небесах, и на земле. Вдалеке все ярче разгорается синее свечение, откуда-то долетают звуки яростной схватки двух армий. Доносятся крики, вопли, стоны. У горизонта ландшафт начинает подрагивать, будто мир охватывают волны жара.

— Ты, может, считаешь это официальным ответом, — кричит Изида, — на свои кощунственные речи? Но это не так! Знаю, я не должна убивать прямо сейчас, нет, будет моя месть несравненно более жуткой. Получишь ты от меня в дар нечеловеческую мудрость и весь человеческий стыд. Ибо уже узнала я то, ради чего сюда приходила, посетила Блис, — и пора отомстить! А теперь со мной в колесницу! Живее! Этот мир

скоро может перестать существовать, ибо не удастся Генералу взять верх над твоим любовником! Будь он проклят!

Трудно и медленно подчиняются приказу мышцы Мегры, и забирается она наконец в колесницу. Рядом с ней встает Красная Ведьма, вновь набрасывает она на себя вуаль, расправляет ее складки. Вдалеке зеленый великан выкрикивает какие-то слова, но не слышны они, ибо тут же подхватывает их ветер и уносит куда-то прочь. Мерцая в неверном свете, проносятся всевозможные осколки и обломки по кругу в огромном вихре, который движется по ярмарке. Все покрывается пятнами, меркнет, двоится, троится, одни образы расщепляются, другим удается удержаться. В земле то тут, то там открываются трещины, расщелины. Вдалеке рушится город. Маленький наперсник прячется в складках плаща ведьмы, крик застыл у него на губах. Сумрак разбит под ударами мрака, на землю с грохотом обрушивается ночь, и всеми цветами расцвечиваются те темные закоулки, где цвету бывать не должно. Изида натягивает поводья, и вспыхивают в колеснице языки алого пламени, но не причиняют вреда, а заключают их всех в сердцевину рубина, или яйца, Феникса, и нет ни ощущения движения, ни звука езды, да и вообще никаких звуков; и вот — вдруг — мир, называвшийся Блис, со всеми его сложностями, с его хаосом, бедламом, чумой, с его спасением, лежит далеко-далеко от них, словно светлый зев колодца, в который они падают, а по сторонам, как плевки, шлепают звезды.

ТО, ЧТО КРИЧИТ В НОЧИ

— Во дни, когда я правил как
владыка Жизни
и Смерти, —
говорит Принц-Который-Был-Тысячью, —
в те дни по просьбе человека
вложил Срединные Миры я в море силы,
изменчивое, чьи приливы
и отливы неспешно пестовать
могли своим теченьем
рождение,
рост,
смерть...

Потом все это
препоручил я ангелов заботам,
их пастырству назначив
посты по окоему, чтобы
руками их вершить судьбу течений.
И век за веком так мы
управляли и помогали
Жизни,
обуздывая Смерть
и направляя рост,
все раздвигая берега
и без того огромнейшего моря;
все новые и новые из Внешних
Миры короною венчала пена
творения.

И вот однажды,
кручинясь над бездной
просторной нового такого мира,
прекрасного на взгляд,
но мертвого, иссохшего,
без жизни ростка,
я нечто пробудил,
коснувшись поцелуем поднятой
волны до сна его.

И я испугался того, что проснулось,
набросилось,
из недр земных восстав,
напало на меня,
пытаясь уничтожить:
оно
переварило на планете всю жизнь
и впало в спячку,
затем проголодалось и заворочалось во сне.
Зачуя Жизни
течение, оно проснулось.
И коснулось тебя, жена моя;
и вот, не в силах
вернуть тебе я тело,
лишь дыхание сумел сберечь твое.

Оно пьет Жизнь,
как человек вино;
и все оружие, что было у меня,

я разрядил в него —
оно не умирало,
не упокоилось, хотя бы и на время,
нет, нет, оно старалось
уйти.

Я заточил его.
Воспользовавшись силой своих постов,
построил поле
нулевых энергий,
как в клетку, заключил в него весь этот мир.

Оно способно было странствовать по царству
Жизни,
опустошать за миром мир.
Его
необходимо было уничтожить.

И я пытался:
сколько попыток — и все неудачно.
Полвека целых
держал я в плену
его в безымянном мире.

Затем отброшены обратно в хаос оказались
Срединные Миры:
им не хватало моего контроля
над жизнью, смертью, ростом.
Безмерна боль моя была.
А новые посты — как медленно они вводились!

Лишь я один заладить снова мог бы поле,
но Безымянным занят был,
и мне недоставало сил
удерживать в темнице эту тень
и поддержать Срединные Миры и Жизнь в них.
И вот средь ангелов моих
возрос росток раздоров.
Быстро
его я сжал —
ценою часть их преданности стала,
я знал об этом с самого начала.

Тебе, моя Нефтида,
не по нраву пришлось, когда отец мой,
рискнув навлечь гнев ангела
Озириса,

вернулся
с окраины Живых Миров,
чтобы предаться высшей своей страсти —
разрушенью.
Да, не по нраву,
ведь Сет, отец мой,
величайший
воитель всех времен,
в ушедшие те дни был нам к тому же сыном,
был нашим сыном в дни те Марачека,
когда сломал я времени преграды,
чтоб заново прожить все времена
мудрости ради,
что в Прошлом.

Не знал я, что стану, когда время пошло назад,
отцом того, кто был мне отцом,
солнцеокого Сета,
Владыки Звездного Жезла,
Облеченного рукавицею,
Странника с Горы на Гору.
Не по нраву тебе это было,
но не стала перечить ты битве,
и облачался Сет к схватке.
Никогда не знал Сет поражений,
не было ничего, что не мог бы он покорить.
Он знал, что Стальной Генерал
был Безымянным разбит
и рассеян,
но это его не пугало.

Простер он десницу
и натянул на нее
Рукавицу Мощи.
Разрослась она и покрыла
все его тело,
но не скрыла блеск его глаз.
На ноги обул он свои
башмаки,
в которых мог
идти по воздуху или воде.
Потом подвесил к поясу
на черной нити ножны
Звездного Жезла,
немыслимого оружия,

рожденного слепыми Норнами-кузнецами,
никто больше не мог носить его.
Нет, не боялся он.

И готов он уже покинуть
мою кружащую вокруг твердыню,
спуститься в мир, где
пресмыкается Безымянное —
разворачивается,
извивается,
яростное и голодное.
Но тут другой его сын, мой брат Тифон,
черная тень из пустоты,
является и молит
пустить его вместо отца.

Но Сет отказал ему в этом,
открыл люк
и ринулся в темноту,
упал на поверхность мира.
И бились они триста часов,
больше двух недель
по Старому Стилю,
прежде чем Безымянное
стало слабеть.
Усилил Сет натиск,
ранил его,
готовил смертельный удар.

Он бился с ним на лоне океанских вод,
на ложе океана,
на суше бился,
бился в воздухе холодном
и на вершинах гор,
по всему свету
преследуя его
и поджидая, когда оно раскроется,
чтоб нанести удар ему последний.

Два континента разбились вдребезги
от их ударов,
вскипели океаны,
заполнив облаками небо.

Кололись и плавились скалы,
раскаты грома трясли в небесах
самоцветы тумана
и пара.

Много раз я сдерживал Тифона,
чтобы не ринулся он вниз на помощь.
И вот, когда свернулось Безымянное в кольцо
и коброй дыма вознеслось
на высоту трех миль,
а Сет встал прочно,
одной ногою попирая воду,
другою — сушу, тут-то
злокозненный и мстительный предатель,
тот Ангел
Дома Жизни —
Озирис, —
свершил свою ужасную измену.

Когда Сет умыкнул его законную супругу, Изиду,
и родила она ему Тифона и меня,
дал клятву птицеглавый,
что уничтожит Сета.
Поддержанный Анубисом, имел
Озирис на руках ту компоненту поля,
которую используют для разжигания светил,
звезду любую выводя за грань стабильности.
Хоть и поздно, но все ж за миг узнал,
что будет, я.
Сет не успел.

Никогда доселе не направляли
это поле на планеты,
и уничтожило оно весь этот мир.
Я спасся,
перенеся себя за много световых
лет. Тифон бежать пытался
в пространства низшие, где дом его. Но
он не преуспел. Не видел
никогда я больше брата. Ни тебя, Нефтида.
Мне стоило все это отца,
который был и сыном,
брата
и тела жены моей,
но Безымянное осталось цело.

Не знаю как,
но выжило оно и в бойне
под Молотом для Разрушенья Солнц.
Ошеломленный,
увидел я его потом плывущим
среди обломков мира —
туманность крохотную, в сердце
которой чуть мигает огонек.
Сплел паутину сил вокруг него я,
и, ослабнув,
оно в коллапсе рухнуло в себя.
Унес его тогда в тайник я
за пределы Живых Миров,
где посейчас оно еще томится
в узилище без окон, без дверей.
Хоть часто пытался уничтожить я его,
но так и не узнал, где Сет нащупал
жезлом своим его пяту... или
что там еще... то место,
через которое его разрушить можно.
И все оно живет, и все кричит в ночи;

и ежели оно освободится,
то может уничтожить Жизнь —
Срединные Миры погибнут.
Вот почему с захватом власти,
что за атакой следовал, не спорил,
да и сейчас не буду спорить я.
Я должен оставаться стражем, покуда
не будет уничтожен Жизни враг.
И все дальнейшее предотвратить не мог я:
немало ангелов моих постов
раскольниками стали без меня;
борясь за верховенство,
восстали друг на друга.

Войны постов длились, должно быть,
лет тридцать.
Остатки в конце поделили
лживая Птица и Пес.
Больше постов не осталось. Теперь им
не остается другого, как только
взъярять мощные силы вала,
сея в Срединных Мирах
войны,

голод и мор,
чтобы добиться баланса,
который бы сам, без насилья
установился, будь
станций больше у них.

Иначе они не могут.
Боясь плюрализма,
они не уступят ни грана захваченной
власти и силы.
Не могут они — и не смогут —
действовать сообща.

Итак, пока ищу я способ
покончить с Безымянным;
когда свершу я это,
я обращу энергии свои
на бывших ангелов моих, чтобы изгнать их
из двух преступно занятых Домов.

Нетрудно сделать это.
Надо только
о смене позаботиться,
чтобы не стало катастрофой
безвременье без рук, умелых
в обузданье волн.
И вот, когда исполню это все,
смогу использовать я силу
постов, чтоб воплотить тебя,
моя Нефтида...

Но плачет Нефтида у моря и говорит:

— Это слишком! Этого никогда не будет!

И Принц-Который-Был-Тысячью встает и поднимает вверх руки.

Внутри облака, что нависает над ним, появляется женский силуэт. Пот выступает на лбу у Принца, и женская фигура становится все отчетливей и отчетливей. Он шагает вперед, пытаясь обнять ее, но руки его обхватывают лишь легкий дымок, и имя его, а имя его — Тот, словно рыдание, звучит у него в ушах.

И затем он остается один — у моря, под морем, где огни в небе — это обычные рыбьи брюшки, занятые перевариванием обычной рыбьей пищи.

Глаза его увлажняются, и он испускает проклятие, ибо знает, что в ее власти положить конец своему существованию. Он зовет ее по имени, но не дожидается ни ответа, ни даже эха.

И теперь он уверен, что Безымянное умрет.

Он швыряет в океан камешек, и тот не возвращается.

Скрестив на груди руки, он уходит, и песок засыпает его следы.

В просоленном воздухе пронзительно кричат морские птицы, высоко, на тридцать футов над водой, высовывает голову зеленая рептилия, длинная ее шея раскачивается из стороны в сторону, затем снова погружается в воду.

МАРАЧЕК

Взгляни теперь на Цитадель Марачека в центре Срединных Миров...

Все мертво, уныло, пусто. Неподвижно, безжизненно, безмолвно. Расцвети его прахом.

Часто приходит сюда Принц-Который-Однажды-Был-Богом — многое обдумать.

На Марачеке нет океанов. Уцелело лишь несколько пузырящихся родников, теплых и солоноватых, от которых разит псиной, словно от мокрой дворняги. Солнце его — очень старая крохотная красноватая звездочка, слишком респектабельная или, может быть, ленивая, чтобы пуститься во все тяжкие, стать новой и уйти в пароксизме славы, она изливает вместо этого весьма анемичный свет, который идет на пользу глубоким синеватым теням, отбрасываемым причудливым каменным стаффажем среди бескрайних пляжей охры и сепии, каковыми подставляется Марачек ветру; и звезды видны, хоть и слабо, над Марачеком даже и в полдень, ну а вечером горят они над выутюженными ветром равнинами, словно неоновые, ацетиленовые лампы, подчас — как лампы-вспышки; и плосок и уныл почти весь Марачек, хотя и перекраиваются по два раза на дню его равнины, когда достигают ветры своего бесплодного оргазма, сметая песок в кучи и тут же рассеивая их, все тоньше и тоньше вытачивая зернышки песчинок, — так что весь день висит в воздухе желтоватой мглой прах, наработанный ветром на рассвете и в сумерках, и вуаль мглы

этой еще более умаляет звездочку Марачека для шарящего по небосклону ока, — все в конечном счете сглаживая и улаживая; сровненные с землей горы, ваяные-переизваянные гротески скал, бесконечная череда погребений и раскопок — такова поверхность Марачека, послужившая, конечно, когда-то ареной для деяний, исполненных славы, мощи, блеска и великолепия, вопиет о подобном выводе сама ее банальность; но есть еще одно здание на Марачеке в центре Срединных Миров, которое свидетельствует о подлинности этого наименования, а именно — Цитадель, которая, вне всякого сомнения, будет существовать, пока существует сам этот мир, хотя, быть может, не раз занесут ее пески — и вновь раскроют, — пока не наступит окончательный распад или общее оцепенение; Цитадель — столь древняя, что никто не может наверняка сказать, что была она когда-то выстроена, — Цитадель, является которая, вполне вероятно, древнейшим городом во всей Вселенной, разрушенная и отстроенная заново (кто знает, сколько раз?) на том же основании, снова и снова, быть может, с самого воображаемого начала иллюзии, называемой Время; Цитадель, которая самой своей статью свидетельствует, что и в самом деле существует нечто, способное превозмочь, чего бы это ни стоило, превратности судьбы, — о которой написал Врамин в «Горделивой окаменелости»: «...Упадка сладость не касалась никогда твоих порталов, ибо судьба — янтарь, берет все на себя...» — Цитадель Марачек-Карнак, архетипический град, который населяют ныне в основном проворные крохотные твари, чаще всего насекомые и рептилии, питающиеся друг другом, одна из которых (жаба) существует в данный момент Времени под перевернутым кубком, который стоит на древнем столе в самой высокой башне Марачека (в северо-западной), когда тщедушное солнце встает из праха и сумрака и смягчает беспощадный свет звезд. Таков Марачек.

Когда сквозь двери с Блиса входят сюда Врамин и Мадрак, складывают они свою поклажу как раз на этот старинный стол, сделанный из одного куска какой-то розовой неестественной субстанции, которая не по зубам даже и самому Времени.

Это место, где проносятся в ярости призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, сквозь мраморную память —

разрушенный и отстроенный заново Марачек, древнейший из городов, — извечно.

Врамин вправляет Генералу левую руку, вставляет правую ногу; разворачивает ему голову, чтобы она опять смотрела вперед, затем копается в механизмах шеи и фиксирует ее в таком положении.

— Ну а как поживает другой? — интересуется он.

Мадрак отгибает Вэйкиму веко, щупает пульс.

— Похоже, просто шок. Как ты думаешь, кого-нибудь когда-нибудь вырывали из самого фокуса фуги?

— Мне о таких прецедентах неизвестно. Мы, без сомнения, открыли новый синдром, этакий временной шок; я бы назвал его центробежным эффектом фуги или эффектом центрифуги. Наши имена, чего доброго, попадут в учебники.

— И что ты предлагаешь с ними делать? Ты можешь их оживить?

— По всей вероятности. Но они тогда начнут все сначала — и, может статься, будут продолжать, пока не разнесут и этот мир.

— Ну, здесь не так уж много что разносить. Стоило бы, наверное, заняться продажей билетов, а потом выпустить их на волю. Могли бы недурно подзаработать.

— О цинизм торговца индульгенциями! Только тип в рясе способен додуматься до такого!

— Да нет! Я этому, если ты припоминаешь, выучился на Блисе.

— Ну да — там, где гвоздем программы на ярмарке жизни стал сам тот факт, что она может кончиться. Но ты знаешь, в данном случае мне кажется, что разумнее всего будет забросить их в какие-либо удаленные миры и предоставить там превратностям собственных их судеб.

— Тогда зачем же принес ты их в Марачек?

— Я не брал их сюда! Их просто засосало в дверь, когда я открыл ее. А сам я направлялся сюда, потому что всегда проще всего добраться до центра.

— Может быть, обсудим программу наших ближайших действий?

— Давай пока что немного отдохнем, я закреплю для этого их транс. А потом можно будет просто открыть другие двери и уйти, оставив их здесь.

— Нет, это будет вопреки моим этическим принципам.

— Не говори мне об этике, ты, самый человечный человек! Поставщик всех сортов опиума, которые только ни выберет для себя народ! Адвокат-святоша для раздавленных жизнью!

— И тем не менее я не способен оставить человека умирать.

— Ну хорошо... Эй! Кто-то побывал тут до нас, чтобы придушить жабу!

Мадрак глядит на кубок.

— Я слышал россказни, что в крохотных, лишенных воздуха склепах они могут протянуть целые века. Интересно, давно ли сидит здесь эта? Если бы только она была жива и могла говорить! Подумай только, о каких славных деяниях могла бы она нам поведать.

— Не забывай, Мадрак, что я поэт, и, будь любезен, оставь подобные домыслы тому, кто способен рассуждать об этом, не меняясь в лице. Я...

Тут Врамин подходит к окну.

— А вот и гости, — говорит он. — Теперь мы можем с чистой совестью оставить здесь этих ребят.

Водруженный, словно статуя, на зубчатой стене бастиона, ржет Бронза, как паровая сирена, и делает тремя из своих ног стойку. Затем испускает он в предрассветную мглу лазерные лучи, и мигают, моргают ряды его глаз.

Что-то приближается, пока еще не видимое сквозь пелену пыли и ночную тьму.

— Ну что, пойдем?

— Нет.

— Согласен с тобой.

И они в согласии ждут.

СЕКС-КОМП

В наши дни всем хорошо известно, что некоторые машины занимаются любовью, — и не только в смысле метафизических писаний блаженного Яшке Механофила, который рассматривает человека в качестве сексуального органа создавшей его машины, чье существование необходимо, чтобы, производя поколение за поколением машинерию, свершил

он наконец судьбу механизма; на его взгляд, все типы механической эволюции протекают через человека — до тех пор, пока не сослужит он до конца свою службу, не будет достигнуто совершенство и не придет пора свершить Великую Кастрацию. Блаженный Яшке, конечно, еретик. Как было доказано при обстоятельствах слишком многочисленных, чтобы их здесь упоминать, всякой машине как единому целому нужен пол. Теперь, когда машина и человек сплошь и рядом меняются компонентами, а то и целыми системами, в любой точке человеко-машинного спектра может стартовать полноценное существо и пробежаться по всей его гамме. Человек, этот самонадеянный орган, достиг, таким образом, своего апофеоза или единения со Всеблагой Сочленилкой через жертвоприношение и искупление, как оно всегда и бывало. Изобретательство имеет ко всему этому непосредственное отношение, но изобретательство, конечно, не более чем форма механического вдохновения. Нельзя больше говорить о Великой Кастрации, нельзя больше отрывать машину от ее созидания. И посему человек должен остаться — как часть Большой Картины.

Каждый знает, что машины занимаются любовью. Конечно, не в вульгарном смысле этого слова, наподобие тех мужчин и женщин, которые — не будем вдаваться в тонкости экономической мотивации, — сдают свои тела внаем на год-другой той или иной коммерческой компании, и их соединяют с машинами, чтобы внутривенно питать, изометрически тренировать, притушить сознание (или, если пожелаешь, оставить его включенным), но главное — чтобы через имплантированные в мозг каналы стимулировать соответствующие движения — из расчета не более пятнадцати минут на один жетон — на ложах крупных клубов удовольствий (все более и более модных и в лучших домах, и в дешевых забегаловках) ради развлечения и забавы себе подобных. Нет. Машины занимаются любовью через посредство людей, но после многочисленных обменов функциями все равно делают они это обычно духовно.

Полюбуйтесь, однако, на уникальное, только что возникшее явление: Оргазмотрон Плежа-Комп — компьютерный оракул, который в состоянии ответить на безбрежный океан запросов, — и так и сделает, но только с удовольствием, пока пользователь сможет его должным образом стимулировать. Многие ли из вас входили в программно обеспеченный будуар, чтобы поднять и уладить важнейшие вопросы, и обнару-

живали, как быстро пролетает время? Совершенно верно. Кентавр навыворот, то есть человек ниже пояса, секс-комп этот представляет лучшее из обоих миров в их слиянии. За всем этим фоном кроется любовная история — о том, как входит в Комнату Вопросов мужчина, чтобы спросить у тамошней машины о своей возлюбленной в настоящем и будущем. Такое случается всюду, всегда, и не часто отыщешь еще что-либо столь же нежное. Подробнее об этом потом.

ГЛАВА ДЕЛЕГАЦИЙ

И вот появляется Гор, он видит на стене Бронзу, останавливается и молвит:

— Открывай эти проклятые ворота, или я вышибу их!

На это Врамин бросает через стену:

— Не я закрывал их, не мне их и отворять. Входи как знаешь или глотай пыль.

Гор вышибает тогда ворота, чему Мадрак слегка дивится, и поднимается по винтовой лестнице на самый верх самой высокой башни. Войдя в комнату, он не слишком-то дружелюбно оглядывает поэта и воина-жреца и спрашивает:

— Кто из вас не давал мне войти?

Оба шагают вперед.

— Два дурака! Знайте же, что я — бог Гор, явившийся прямо из Дома Жизни!

— Извини, что нас это не очень-то впечатляет, бог Гор, — говорит Мадрак, — но и нам никто, кроме нас самих, не давал войти сюда.

— Как называть вас, мертвецы?

— Врамин, к твоим услугам — более или менее.

— ...И я, Мадрак.

— А! Я немного наслышан о вашей парочке. Почему вы здесь и что это за падаль на столе?

— Мы здесь, ваше благородие, в основном потому, что больше нас нигде нет, — говорит Врамин, — а на столе, как ты видишь, два человека и жаба, и каждый из них, должен заметить, лучше тебя.

— Дешево достаются затруднения, — говорит Гор, — хотя расплатиться за них может оказаться и не по силам.

— Что, хотел бы я знать, привело столь скудно одетого бога мести в эту золотушную дыру? — спрашивает Врамин.

— Ну как же, конечно, месть. Не попадался ли в последнее время на глаза кому-либо из вас, бродяги, Принц-Который-Был-Тысячью?

— Не кривя душой, скажу, что нет.

— И я.

— Я здесь, поскольку ищу его.

— Почему здесь?

— Один оракул счел, что это подходящее место. И хотя я не в восторге от перспективы сражаться с героями — а я знаю, что вы таковы, — кажется мне, что должны вы принести извинения за то, как меня встретили.

— Ты рассуждаешь вполне по-божески, — признает Мадрак. — Знай, что были мы взбудоражены недавней битвой и что провели несколько часов в весьма раздосадованном расположении духа. Может, мы хлебнем доброго красного вина, дабы подтвердить наши чувства, — тем более что, вне всякого сомнения, это единственная фляга подобного напитка во всем этом мире?

— Этого хватит, если оно не из плохих.

— Повремени тогда чуток.

Мадрак вытаскивает свою баклагу, делает из нее большой глоток, чтобы показать, что с нею дело чисто, без подвохов, и задумчиво оглядывает комнату.

— Подобающий сосуд, сэр, — говорит он и берет лежащий на столе перевернутый кубок. Протерев его чистой тряпицей, он наполняет его вином и протягивает богу.

— Благодарю тебя, воин-жрец. Я принимаю его с теми же чувствами, с которыми ты мне его предлагаешь. А что же это была за битва, которая до того вывела вас из равновесия, что вы позабыли даже о простой вежливости?

— Была это, кареглазый Гор, битва при Блисе — между Стальным Генералом и одним типом, которого прозывают Вэйким Скиталец.

— Стальной Генерал? Невозможно! Он мертв уже много веков. Я лично сразил его.

— Многие успели сразить его. Но никто не победил его.

— Эта груда металлолома на столе? Неужели это и в самом деле Князь Восставших, который предстал однажды в битве предо мною как истинный бог?

— Еще не было тебя, Гор, на свете, а он уже был могуч, — говорит Врамин, — и когда позабудут люди Гора, по-прежнему не исчезнет Стальной Генерал. Не важно, на чьей стороне

он сражается. Побеждает он или проигрывает — все равно, он — это сам дух восстания, который никогда не может умереть.

— Не нравятся мне эти разговоры, — говорит Гор. — Наверняка, если бы кто-то разобрал его на части и уничтожил их все до единой, а потом рассеял останки по всему космосу, он перестал бы существовать.

— Было с ним и такое. И веками собирали последователи его по частям и в результате собрали заново. Этот тип, Вэйким, подобного которому мне никогда не доводилось видеть, — говорит Врамин, — заявил почти то же самое перед фугированной битвой, которая потрепала мир. Единственное, что удерживает их от опустошения — извини за невольную тавтологичность этой фразы, — и этого мира, Марачека, — это наложенный на них запрет выходить из временного шока.

— Вэйким? Так это и есть смертоносный Вэйким? Да. Могу поверить в это, просто даже глядя, как покоится он на столе. И у вас нет никакой идеи, кто он на самом деле? Подобные герои не выскакивают обычно в полный рост из пустоты.

— Мне о нем ничего не известно, кроме того, что он — могучий борец и мастер фуги, явился на Блис в его последние дни, перед самым потоком черного прибоя, — быть может даже, чтобы ускорить его наступление.

— Это все, что ты о нем знаешь?

— Все, что я знаю.

— Ну а ты, могучий Мадрак?

— ...Такова сумма моих знаний.

— А если пробудить его и спросить?

Врамин поднимает трость.

— Коснись его — и я оспорю твое право на пребывание здесь. Он — слишком опасная личность, а мы пришли сюда отдохнуть.

Гор опускает руку на плечо Вэйкима и слегка трясет его. Вэйким стонет.

— Знай, что посох жизни — это и копье смерти! — кричит Врамин и в изящном выпаде протыкает жабу, сидящую у самой левой руки Гора.

Не успевает Гор повернуться к нему, как проносится от-

куда-то по комнате порыв ветра, и взрывается жаба, башней вырастает посреди стола.

Дыбом стоят его длинные золотистые волосы, в улыбке растягиваются тонкие губы, когда падает взгляд его зеленых глаз на картину, представшую перед ним.

Принц-Который-Был-Жабой потирает красное пятно у себя на плече и говорит Врамину:

— Ты что, не знаешь, что написано было: «Добр будь к птице и зверю»?

— Киплинг, — говорит, улыбаясь, Врамин. — А еще — Коран.

— Злыдень-оборотень, — говорит Гор, — уж не тебя ли я ищу, не тебя ли зовут многие Принцем?

— Сознаюсь в этом титуле. Знайте, что вы нарушили мои размышления.

— Готовься встретить свое возмездие, — говорит Гор, вытаскивая из-за пояса свое единственное оружие, стрелу, и отламывая ее наконечник.

— Неужели ты думаешь, что мне неведомы твои силы, брат? — говорит Принц, когда Гор поднимает наконечник, зажав его между большим и указательным пальцами. — Неужели ты думаешь, братец, что не знаю я про твою способность прикладывать к массе или скорости любого объекта силу своего ума, увеличивая их тысячекратно?

Пятно расплывается рядом с рукой Гора, и с противоположного конца комнаты доносится сильный треск — в то время как Принц оказывается вдруг на два фута левее, чем раньше; ну а наконечник стрелы, пробив насквозь шестидюймовую металлическую стену, продолжает свой путь в компании пыльного и ветреного утра. Принц тем временем продолжает говорить.

— ...И разве ты не знаешь, братец, что с той же легкостью, с какой уклонился от твоего нападения, могу я перенестись в неимоверную даль? Да, даже за пределы Срединных Миров?

— Не зови меня братцем, — говорит Гор, поднимая теперь оперение стрелы.

— Но ты же мне брат, — говорит Принц. — По крайней мере, по матери.

Гор роняет стрелу.

— Я тебе не верю!

— А от кого же, как ты думаешь, унаследовал ты свои бо-

жественные способности? От Озириса? Косметической хирургии по силам оказалось дать ему цыплячью голову, а собственному его сомнительному происхождению — склонность к математике; но мы с тобой оба оборотни, мы — сыновья Изиды, Ведьмы Лоджии.

— Пусть проклято будет имя моей матери!

И вдруг Принц стоит на полу рядом с ним и бьет его по щекам тыльной стороной ладони.

— Уже десяток раз мог бы я убить тебя, если бы захотел, — говорит Принц, — пока стоишь ты тут. Но я сдержался, поскольку ты мне брат. Могу я убить тебя и сейчас, но не буду. Ведь ты мой брат. Я не ношу оружие, ибо оно мне ни к чему. Я не коплю злобу, не то бремя моей жизни стало бы мне не по силам. Но не говори дурно о нашей матери, ибо ее пути — это ее пути. Я не превозношу ее и не проклинаю. Я знаю, что ты пришел сюда, чтобы меня убить. И если ты хочешь насладиться возможностью сделать это, попридержи-ка язык относительно нашей матери, братец.

— Тогда не будем больше говорить о ней.

— Хорошо. Ты знаешь, кем был мой отец, и посему догадываешься, что я отнюдь не неуч в боевых искусствах. Я дам тебе шанс убить меня в рукопашной схватке, если ты сначала выполнишь одно мое поручение. Если же нет, я перенесусь отсюда куда-либо еще и найду другого помощника, а ты, чего доброго, потратишь остаток своих дней на мои поиски.

— Вероятно, это и имел в виду оракул, — говорит Гор, — и сулит все это мне несчастье. И тем не менее не могу я пройти мимо шанса исполнить свою миссию, прежде чем посланник Анубиса — этот вот Вэйким — примется за дело. Ибо неведомы мне его силы, и может он, чего доброго, оказаться сильнее тебя. Итак, я сохраню перемирие, выполню твое поручение и убью тебя.

— Этот человек — убийца из Дома Мертвых? — говорит Принц, глядя на Вэйкима.

— Да.

— Знал ли ты об этом, мой Ангел Седьмого Поста? — спрашивает Принц.

— Нет, — говорит, слегка кланяясь, Врамин.

— Я тоже, господин, — говорит Мадрак.

— Пробуди его — и Генерала тоже.

— Наша сделка расторгнута, — говорит Гор, — если это произойдет.

— Разбуди их обоих, — говорит Принц, складывая руки на груди.

Врамин поднимает трость, с нее срываются языки зеленого пламени, перескакивают на распростертые тела.

Снаружи завывает ветер. Гор по очереди разглядывает всех присутствующих, потом говорит:

— Ты, брат, повернулся ко мне спиной. Обернись лицом, чтобы я не убивал тебя сзади. Как я сказал, сделка наша расторгнута.

Принц оборачивается.

— Они тоже нужны мне.

Гор качает головой и поднимает руку.

И тут...

— Настоящая семейная встреча, — наполняет комнату голос, — наконец-то сошлись все три брата.

Гор отдергивает руку, словно от гадюки, ибо лежит между ним и Принцем тень черной лошади. Он прикрывает рукой глаза и опускает голову.

— Я забыл, — говорит он, — что, как я сегодня узнал, ты тоже мой родственник.

— Не принимай это слишком близко к сердцу, — говорит голос. — Вот я, например, знаю об этом давным-давно и научился с этим мириться.

И просыпаются Вэйким и Стальной Генерал под звуки смеха, схожие с пением ветра.

БРОТЦ, ПУРЦ И ДУЛЬП

— Передай-ка мне, пожалуйста, фрейляйншип.
— Прошу прощения?
— Фрейляйншип! Фрейляйншип!
— У меня его нет.
— Он у меня.
— О! А почему ты об этом молчишь?
— А почему ты не спрашиваешь?
— Прости. Ну-ка, дай-ка... Спасибо.
— Почему ты его все дрочишь и дрочишь? Он же готов.
— Просто чтобы убить время.

— Ты в самом деле думаешь, что он когда-нибудь за ним пришлет?

— Нет, конечно. Но это не довод, чтобы выпускать недоброкачественную продукцию.

— А вот я думаю, что он за ним пришлет!

— Тебя кто-нибудь спрашивал?

— Я высказываю свое мнение.

— На кой он ему сдастся? Им же никто не может воспользоваться!

— Раз он его заказал, значит, он ему нужен. Он — единственный среди них, кто иногда приходит сюда по делам, и, добавлю от себя, он — истинный джентльмен. Придет день, и он или кто-то от него сунется сюда, чтобы выкупить заказ.

— Ха!

— Вот тебе и «ха!». Подходи, увидишь.

— Выбирать-то не из чего, подожду.

— Забери обратно свой фрейляйншип.

— Засунь его себе в зад.

ЗЕВАЕТ ЦЕРБЕР

Пес перебрасывает рукавицу из пасти в пасть, пока, наконец, зевнув, не промахивается и она не падает на землю.

Он выискивает ее среди валяющихся у его ног костей, виляет хвостами, сворачивается в клубок и закрывает четыре глаза.

Остальные же два горят как угли в непроглядной мгле, что раскинулась за Не Той Дверью.

Над ним, в антирадиационном убежище, ревет Минотавр.

БОГ — ЭТО ЛЮБОВЬ

Пятьдесят тысяч поклонников Стоптанных Башмаков, ведомые шестью жрецами-кастратами, распевают на арене стадиона величественные литании.

Тысяча обезумевших от наркотиков воителей, слава-слава-слава-словя, размахивают копьями пред алтарем Несносных.

Начинает накрапывать дождь, но мало кто это замечает.

НАВЕКИ

В руках у Озириса череп, он нажимает на нем кнопку и говорит:

— Была ты когда-то смертной, а теперь навеки стала обитательницей Дома Жизни. Красота твоя, что цвела на стебельке позвоночника, увяла. Была ты правдива, и вот к чему это тебя привело.

— А кто, — отвечает череп, — сотворил все это? Ведь это Господин Дома Жизни никак не даст мне покоя.

И Озирис отвечает:

— Да, еще, между прочим, я использую тебя как пресс-папье.

— Если любил ты меня когда-то — разбей меня, дай мне умереть! Прекрати наконец лелеять жалкий остаток той, что когда-то любила тебя.

— Ах, но, дорогая моя, когда-нибудь я, может быть, вновь воплощу тебя, чтобы лишний раз насладиться твоими ласками.

— Сама мысль об этом вызывает у меня отвращение.

— И у меня тоже. Но когда-нибудь это, чего доброго, меня позабавит.

— Ты мучаешь всех, кто тебе не по нраву?

— Нет, нет, скорлупка смерти, не думай так! Ну конечно. Ангел Девятнадцатого Дома пытался убить меня, и теперь его нервная система живет, вплетенная в ткань ковра, на котором я сейчас стою; да и другие мои враги существуют в элементарных формах в различных точках моего Дома — таких, как камины, морозильные камеры, пепельницы и плевательницы. Но не думай, что я мстителен. Нет, никогда. Просто как Господин Жизни я чувствую себя обязанным воздать сполна всему, что жизни угрожало.

— Я не угрожала тебе, мой господин.

— Ты угрожала покою моего ума.

— Из-за того, что походила на твою жену, леди Изиду?

— Молчать!

— А! Ну да, я походила на Королеву Шлюх, твою невесту. Потому-то и желал ты меня, потому и пожелал моей погибели...

Но на полуслове замолкает череп, ибо швыряет его изо всех сил Озирис об стену.

Когда сыплется на ковер дождь редкоземельных элементов, крохотных микросхем, чертыхается Озирис и припадает к ряду переключателей на своем рабочем столе; нажимая на них, вызывает он к жизни целый хор голосов, но всех перекрывает один, доносящийся из динамика, расположенного под самым потолком:

— Ай да мудрый череп, так провести бога-отступника!

Выяснив после консультации с приборами, что говорит ковер, Озирис выходит на середину комнаты и начинает скакать и прыгать по нему — на фоне воплей и стонов.

ПСЯ КРЕВ

В местах весьма отдаленных, темных, пользующихся дурной славой, в мире, что зовется Уолдик, появляются два героя, Мадрак и Тифон. Посланные Тотом, он же Гермес Трисмегист, стащить рукавицу неимоверной мощи, явились они сюда, чтобы сразиться с хранителем этой рукавицы.

Ныне хозяйничает на давным-давно опустошенном Уолдике орда существ, ютящихся в подземных жилищах, пещерах и комнатах, заброшенных далеко от взаимных обхаживаний дня и ночи. Темнота, сырость, мутации, братоубийство, инцест, насилие — вот слова, чаще других используемые теми весьма немногочисленными авторами, которые пытаются поделиться своими знаниями об Уолдике. Доставил героев сюда, угнав, как только он один и умеет, целый кусок пространства, сам Принц, и либо преуспеют они в своем задании, либо останутся здесь.

Сейчас идут они просто по норам, ибо сказано им было идти на мычание.

— Как ты думаешь, тень черной лошади, — спрашивает воин-жрец, — сможет твой брат в нужный момент отозвать нас отсюда?

— Думаю, сможет, — отвечает движущаяся с ним бок о бок тень, — хотя меня это не волнует. Я и своим ходом могу добраться, куда захочу.

— Но я-то нет.

— Твои заботы, папаша. Мне до этого нет дела. Ты же сам вызвался сопровождать меня; я этого не хотел.

— Тогда в руки Чего-Бы-Там-Ни-Было, что больше, чем жизнь или смерть, препоручаю я себя, если послужит этот акт хоть какой-то помощью в сохранении моей жизни. Если же нет, то не препоручаю. Если само мое изречение всего этого является проявлением самонадеянности и, следовательно, не будет правильно воспринято Чем-Бы-Там-Ни-Было, что может или не может не счесть за труд меня выслушать, тогда я отказываюсь от этого высказывания и прошу прощения, если оно желаемо. Если же нет, то не прошу. С другой стороны...

— Аминь! И прошу тебя, помолчи! — грохочет Тифон. — Мне послышалось что-то вроде мычания — там, слева.

Исчезнув на фоне темной стены, скользит Тифон за поворот и исчезает где-то впереди. Мадрак щурится сквозь инфракрасные очки, готовый, похоже, благословить все, что бы ему ни встретилось.

— Пещеры эти, видно, глубоки и просторны, — шепчет он.

Ответа нет.

Вдруг он натыкается на дверь, и это, может быть, как раз та дверь...

Он распахивает ее и сталкивается нос к носу с Минотавром.

Мадрак поднимает свой посох, но чудище исчезает в мгновение ока.

— Где?.. — бормочет он.

— Прячется, — неожиданно совсем рядом говорит Тифон. — Затаился где-то среди путаницы ходов и переходов своего логова.

— Но почему?

— Похоже, что на таких, как он, охотятся такие, как ты, — и ради мяса, и ради трофея — набыченной головы рогатого мужчины. Он боится прямой стычки и отступает — похоже, люди используют против скота оружие. Войдем же в лабиринт и будем надеяться, что больше его не увидим. Вход в нижние ярусы, который мы ищем, лежит где-то внутри.

И чуть ли не полдня бродят они по лабиринту в безуспешных поисках Не Той Двери. Трижды попадаются им двери, но за каждой белеют только кости, кости, кости.

— Интересно, а как дела у других? — спрашивает воин-жрец.

— Либо лучше, либо хуже, а может, так же, — отвечает его спутник и смеется.

Разглядывая кости вокруг себя, Мадрак едва успевает среагировать на атакующего зверя. Он поднимает свой посох, и начинается битва.

Он бьет его между рогов и по бокам. Размахивая посохом, лупит тварь — колет, рубит, режет. Сходится с ней в рукопашной.

И так они дерутся, нанося друг другу урон и увечья, пока наконец не поднимает чудовище Мадрака на рога и не швыряет его через всю комнату. С грохотом рушится толстяк левым плечом на груду костей. Когда пытается он подняться, раздается вдруг леденящий душу рев, это, набычившись, мчится на него Минотавр. Мадраку удается встать на четвереньки, и он начинает выпрямляться.

Но тень черной лошади падает на чудище, и оно исчезает — полностью и навсегда.

Мадрак склоняет голову и поет Литанию Возможно Должной Смерти.

— Миленько, — фыркает его спутник, когда он доходит до заключительного «Аминь». — Знаешь, толстячок, мне кажется, я нашел Не Ту Дверь. Я-то могу войти, ее не открывая; так что решай, что ты будешь делать.

— Погоди чуть-чуть, — говорит Мадрак, выпрямляясь. — Каплю наркотика, и я буду как новенький и сильнее, чем раньше. И тогда мы войдем вместе.

— Отлично. Я подожду.

Мадрак вкалывает себе наркотик, и через некоторое время он — почти бог.

— Ну а теперь показывай дверь, и пойдем.

— Вот она.

Дверь — огромная, неприступная, бесцветная в инфракрасных лучах.

— Открывай, — говорит Тифон, и Мадрак так и поступает...

В отсветах пламени он играет, треплет рукавицу. Размером примерно с двух или двух с половиной слонов, развлекается он со своей игрушкой, лежа на куче костей.

Одна из его голов принюхивается к неожиданному сквозняку из-за Не Той Двери; две головы ворчат, а третья роняет рукавицу.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спрашивает Тифон, но ни искорки интеллекта, ни проблеска хоть какого-то понимания нет в шести красных глазах. Хвосты его подергиваются, и он встает, весь в чешуе, необоримый, на фоне беспокойного зарева.

— Красивый песик, — комментирует Мадрак, и тот виляет хвостами, разевает пасти и бросается вперед.

— Убей его! — кричит Мадрак.

— Невозможно, — отвечает Тифон. — Вовремя — невозможно.

ПАРА ПОДОШВ НА АЛТАРЕ

Добравшись наконец до мира Интерлюдичи и пройдя через внезапно открытые поэтом в черноте зеленые двери, Вэйким и Врамин вступают в безумный мир, где в избытке дожди и религии. Быстроногие, останавливаются они на влажном торфе у города, чьи жуткие черные стены нависают прямо над ними.

— Теперь мы войдем внутрь, — говорит поэт, поглаживая свою небесно-зеленую бороду. — Мы войдем через вон ту маленькую дверь, видишь, слева; я открою ее для нас. Потом мы загипнотизируем, подчиним стражей, которые могут там оказаться, и пойдем прямо к сердцу города, к его главному храму.

— Стащить башмаки для Принца, — говорит Вэйким. — Странное задание, особенно для такого, как я. Если бы он не обещал мне вернуть мое имя — мое настоящее имя — перед тем, как я убью его, я бы не согласился на это.

— Понятно мне это, лорд Рэндалл, мой сын, — говорит Врамин, — но скажи мне, что ты собираешься делать с Гором, который тоже хочет убить его и который работает сейчас на него, только чтобы получить в качестве вознаграждения такую возможность?

— Убью, если понадобится, сначала Гора.

— Меня впечатляет стоящая за всем этим психология, и я надеюсь, ты дозволишь мне еще один вопрос: какая разни-

ца, ты убьешь его или Гор? В любом случае он будет все так же мертв.

Вэйким молчит, задумавшись, словно это впервые пришло ему в голову.

— Но это же мое поручение, а не его, — говорит он наконец.

— В любом случае он будет все так же мертв, — повторяет Врамин.

— Но не от моей руки.

— Да. Но я не вижу никакой разницы.

— По сути дела, я тоже. Но поручение же было дано мне.

— А может, и Гору.

— Но не моим хозяином.

— А почему у тебя должен быть хозяин, Вэйким? Почему ты не сам себе хозяин?

Вэйким трет себе лоб.

— Я... не... по правде... не знаю... Но я должен делать, как мне сказали.

— Понимаю, — говорит Врамин; и пока Вэйким сбит с толку, крохотная зеленая искорка прочерчивает дугу между кончиком трости и его затылком.

Он шлепает себя по затылку и чешет там.

— Что?..

— Местное насекомое, — говорит поэт. — Ну ладно, пошли к двери.

И она открывается перед ними на стук его трости, и стражники впадают в сонливость, не успев заметить зеленую вспышку. Прихватив у двоих из них плащи, Вэйким и Врамин направляются прямо к центру города.

Храм найти несложно. Другое дело — войти в него.

Перед входом маячат стражники, одурманенные наркотиками.

Путники смело подходят и требуют, чтобы их пропустили. Восемьдесят восемь копий Внешней Стражи нацелены на них.

— Публичного Поклонения не будет до закатного ливня, — вещают охранники в священных конвульсиях.

— Мы подождем.

И они ждут.

С закатным ливнем они присоединяются к процессии мокрых богомольцев и вступают во внешний храм.

При попытке пройти дальше их окликают триста пятьдесят два одурманенных наркотиками копейщика, охраняющих доступ внутрь.

— У вас есть бляхи богомольцев внутреннего храма? — спрашивает старший.

— Конечно, — говорит Врамин, поднимая трость.

И похоже, это так, поскольку стража расступается.

Теперь уже у самого Внутреннего Святилища окликает их предводитель пятисот десяти одурманенных наркотиками воинов, преграждающих им путь.

— Кастраты или нет? — спрашивает он.

— Конечно, кастраты, — с обидой заявляет Врамин красивым сопрано. — Дайте пройти.

И вспыхивают его глаза зеленью, и отступает воитель с дороги.

Войдя, они присматриваются к алтарю с его пятьюдесятью хранителями и шестью странными жрецами.

— Вот они, на алтаре.

— Как их нам заполучить?

— Желательно стибрить, — говорит Врамин, протискиваясь, пока не началась телетрансляция, поближе к алтарю.

— А как?

— Может, нам удастся подменить их парой своих собственных и уйти прямо в священных.

— Можно попробовать.

— Тогда предположим, что их уже минут пять как увели.

— Понял, — говорит Вэйким и наклоняет голову, словно в молитвенном экстазе.

Начинается служба.

— Славьтеся, о Башмаки, — гнусавит первый жрец, — носители ног...

— Славьтесь! — подтягивают остальные пятеро.

— Хорошие и добрые, благородные и благословенные Башмаки...

— Славьтесь!

— ...пришедшие к нам из хаоса...

— Славьтесь!

— ...дабы просветить наши сердца и поддержать наши пятки.

— Славьтесь!

— О Башмаки, опора человечества с рассвета цивилизации...
— Славьтесь!
— ...конечные полости, спутники ног.
— Славьтесь!
— Славьтеся! Чудесные, стоптанные Котурны!
— Мы припадаем к вам.
— Мы припадаем к вам!
— Мы поклоняемся вам в полноте вашей Обутости!
— Слава!
— О архетипические наножники!
— Слава!
— Высшая идея Обуви.
— Слава!
— Что бы мы делали без вас?
— Что?
— Спотыкались бы, царапали пятки, страдали плоскостопием.
— Славьтесь!
— Храните же нас, ваших смиренных слуг.
— Пришедшие к нам из хаоса...
— ...в темный и мрачный день...
— ...из пустоты, горя...
— ...но не сгорая...
— ...вы явились утешить и поддержать нас...
— Славьтесь!
— ...стоя, прямо — ныне и присно...
— ...и во веки веков!

Вэйким исчезает.

Поднимается холодный злобный ветер.

Это ветер перемен из времени; алтарь на долю секунды теряет четкость очертаний.

Семеро одурманенных еще недавно наркотиками копейщиков валяются вокруг алтаря, и шеи их повернуты под странным углом.

Вдруг Вэйким говорит прямо на ухо Врамину:

— Молю, побыстрее отыщи для нас ворота!
— Ты в них?
— В них, в них.

Врамин поднимает трость, замирает.

— Боюсь, что выйдет маленькая задержка, — говорит он, и изумрудным становится его взгляд.

И все в храме глядят вдруг прямо на них.

Сорок три одурманенных наркотиками копейщика выкрикивают в унисон боевой клич и прыгают вперед.

Вэйким пригибается и широко расставляет руки.

— Иже еси царство на небеси, — комментирует Врамин, и пот, как абсент, холодно блестит у него на челе. — Интересно, как мы выйдем на видео.

ВЕРЕТЕНО И ШИП

— Что это за место? — восклицает Гор.

Собравшись, словно в ожидании удара, стоит Стальной Генерал, но удара нет.

— Нас занесло в место, которое миром не является; оно — место, и только, — говорит Принц-Который-Был-Тысячью. — Здесь нет земли, чтобы на ней стоять, ибо нет в этом надобности. Здесь мало света, но обитатели места сего слепы, и нет им нужды в нем. Температура сама приспособится к любому живому телу, ибо так хотят местные жители. Питание всасывается прямо из этого столь схожего с водой воздуха, сквозь который мы движемся, так что нет никакой потребности в еде. И такова природа этого места, что можно тут никогда и не спать.

— Звучит, словно это Ад, — замечает Гор.

— Чушь, — говорит Стальной Генерал. — Мое собственное существование как раз таково, поскольку я все свое ношу с собой. И я не жалуюсь.

— Ад, — повторяет Гор.

— В любом случае, — говорит Принц, — возьмемся за руки, и я поведу вас сквозь мрак, мимо тлеющих пятнышек света, пока не доберемся мы до тех, кого я ищу.

Они берутся за руки, Принц запахивает плащ, и они плывут через сумрачный пейзаж, лишенный горизонта.

— Ну а где находится это место, которое миром не является? — спрашивает Генерал.

— Не знаю, — говорит Принц. — Возможно, оно существует только в каком-то укромном уголке моего темного и грязного ума. На самом деле я знаю только путь сюда.

Падая в безвременье, проплывая по времени, приходят

наконец они к шатру, мерцающему над — под? перед? — ними, как серый кокон.

Принц отпускает руки своих спутников и касается кончиками пальцев поверхности шатра. Она колышется, и в ней появляется отверстие, через которое он заходит внутрь, бросив через плечо призыв следовать за собою.

Бротц, Пурц и Дульп сидят внутри и делают нечто, что по человеческим меркам отвратительно и неповторимо, но для них — естественно и обычно, ибо они не люди и мерки у них совсем другие.

— Привет вам, кузнецы-Норны, — говорит Принц. — Я пришел получить свой стародавний заказ.

— Ну, кто был прав? Вот он и пришел! — кричит один из серых курганов, прядая своими длинными влажными ушами.

— Признаю твою правоту, — откликается другой.

— Да. Но где же фрейляйншип? Я должен еще разок отдрочить его, прежде чем...

— Ерунда! Он — само совершенство.

— Так он готов? — интересуется Принц.

— О, уже много веков! Вот!

Говорящий высвобождает из черных матерчатых ножен отрезок холодного голубого света и протягивает его Принцу. Тот берет его в руки, осматривает, кивает головой и сует обратно в ножны.

— Отлично.

— А плата?

— Все здесь.

Принц вытаскивает из-под плаща темный футляр наподобие готовальни и кладет его перед собой прямо на воздух, где он, конечно же, преспокойно и висит.

— Кто из вас будет первым?

— Он.

— Она.

— Оно.

— Раз вы не можете решить, я выберу сам.

Принц открывает футляр, в котором оказываются хирургические инструменты и выдвижная операционная лампа, и трех кузнецов начинает бить озноб.

— Что происходит? — спрашивает Гор, который только что вошел внутрь и стоит рядом с Принцем.

— Я собираюсь прооперировать трех этих ребят, и мне понадобится вся твоя огромная сила — и твоя, и Генерала.

— Оперировать? Для чего? — спрашивает Гор.

— У них нет глаз, — говорит Принц, — а они хотели бы опять видеть. Я захватил с собой три пары и собираюсь их установить.

— Для этого же потребуется такая обширная неврологическая адаптация!

— Все это уже проделывалось.

— Кем?

— Мною, когда я в последний раз давал им глаза.

— А куда они делись?

— О, они редко удерживаются надолго. Спустя какое-то время их тела их отторгают. Хотя обычно их ослепляют соседи.

— Почему это?

— Наверно, потому, что они начинают расхаживать по округе, похваляясь, что среди всего прочего их народа только они и способны видеть. Что быстро приводит к весьма демократическому исходу.

— Ужасно! — говорит Генерал, который потерял уже счет своим собственным ослеплениям. — Я намерен остаться здесь и за них сражаться.

— Они откажутся от твоей помощи, — говорит Принц. — Ведь так?

— Ну конечно, — говорит один из них.

— Мы не хотим использовать наемников против собственного народа, — говорит другая.

— Это грубое нарушение их и наших прав, — говорит третье.

— Каких прав?

— Ну как же, права на ослепление. Что вы за варвары!

— Я снимаю свое предложение.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Какая тебе нужна помощь? — спрашивает Гор.

— Вы вдвоем должны крепко держать пациента, пока я провожу операцию.

— Почему?

— Потому что сознание у них не отключается, а местный наркоз здесь не действует.

— То есть ты собираешься проводить нейрохирургическую операцию, причем такую экзотическую, на них прямо как есть — по живому?

— Да. Поэтому-то мне и нужны вы оба: каждый пациент должен быть обездвижен. А они весьма сильны.

— А почему ты должен это делать?

— Потому что они этого хотят. Это — плата, которую они запросили за свои труды.

— И чего только ради? Чтобы видеть несколько недель? Да и что здесь можно увидеть? Пыль, мглу, мутные огоньки?

— Таково их желание — посмотреть друг на друга и на свои инструменты. Они величайшие ремесленники во всей Вселенной.

— Да, я хочу снова увидеть фрейляйншип, если он еще у Дульпа.

— А я гардель.

— А я — вентильный фитиль.

— Их желание стоит им больших мук, но зато воспоминаний хватит потом на всех.

— Да, игра стоит свеч, только — чур, первым не я.

— Чур, не я.

— Чур, не я.

Принц раскладывает в воздухе инструменты, стерилизует их, показывает пальцем.

— Вот этого, — говорит он, и крики больше не смолкают.

На несколько следующих часов Генерал отключает свой слух и большую часть человечности. Гор вспоминает о рабочем кабинете своего отца, а еще — о Лильяменти на Д'донори. Тверда рука Принца.

Когда дело сделано, лица Норн покрывают бинты, и останутся они там еще на некоторое время. Все трое стонут и всхлипывают. Принц умывает руки.

— Спасибо тебе, Принц-Который-Был-Хирургом, — говорит одна из Норн.

— ...за то, что ты сделал для нас.

— ...и для нас.

— Не стоит благодарности, прекрасные Норны. Благодарю вас за отлично сработанный жезл.

— О, не за что.

— ...Дай нам знать, когда тебе понадобится еще один.

— ...И цена будет той же.

— Ну так я пошел.

— До свидания.

— Прощай.

— Пока.

— Хорошего вам зрения, ребята.

И, взяв за руки Гора и Генерала, направляет Принц стопы их по дороге в Марачек, а до него — всего один шаг.

Сзади раздаются новые вопли, и быстро и неистово вершатся дела вполне обычные и подобающие — для Норн.

И вот они уже снова в Цитадели — чуть раньше, чем удалось Гору, который знает, что это такое, извлечь голубой жезл из ножен на боку Принца.

Это точная копия того оружия, с которым вышел солнцеокий Сет на бой с Безымянным тысячу лет назад.

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО МАДРАКА

У Мадрака только один шанс выйти живым из этой мясорубки, и он его использует. Он отшвыривает свой посох и ныряет головой вперед.

Правильно делает.

Он проскакивает под псом, когда тот прыгает за подброшенным вверх посохом.

Под рукой ощущает Мадрак странную ткань брошенной псом рукавицы.

И вдруг нисходит на него успокоительное ощущение собственной неуязвимости. Вселить в него подобное чувство не под силу даже наркотикам.

Он быстро соображает в чем дело и натягивает рукавицу на правую руку.

Пока пес поворачивается, Тифон встает на дыбы.

Между Мадраком и псом падает черная тень.

Щекочется, шевелится рукавица, ползет к локтю Мадрака, заползает ему на спину, расползается по груди.

Пес бросается вперед и тут же воет, ибо настигает его тень черной лошади. Безжизненно свисает одна его голова, скулят остальные.

— Уходи, Мадрак! Уходи в условленное место! — говорит Тифон. — Я займу эту тварь, пока она сама себя не прикончит, а потом последую за тобой по-своему!

Рукавица уже спускается по его левой руке, охватывает ее кисть, покрывает всю грудь, спускается уже до пояса.

Мадрак, всегда слывший силачом, вдруг хватает здоровенный булыжник и, сжав в кулаке, стирает его в порошок.

— Тифон, я не боюсь его. Я сам уничтожу его.

— Во имя моего брата, заклинаю, уходи!

Склонив голову, уходит Мадрак. За спиной у него раздаются звуки яростной битвы. Он минует логово Минотавра. По коридорам поднимается к поверхности.

К нему пристают бледные твари с горящими зелеными глазами. Он по ходу дела убивает их голыми руками и идет дальше.

Когда на него набрасывается следующая орава, он разгоняет их, но не убивает, экономя время для размышлений.

Вместо этого говорит он им:

— Вам, может быть, стоит рассмотреть возможность того, что есть в каждом из вас частичка, которая способна пережить уничтожение ваших тел, и отнести эти гипотетические кванты удобства ради к разряду душ. Тогда, если начать с предположения, что такие...

Но они снова нападают на него, и он вынужден их всех перебить.

— Жаль! — говорит он и повторяет Литанию Возможно Должной Смерти.

Продвигаясь все выше, добирается он наконец до условленного места.

И ждет там.

У Врат Преисподней.

На Уолдике...

— Ад разворошен, — говорит он. — Я наполовину непобедим. Это, должно быть, рукавица Сета. Странно, что она покрывает меня лишь наполовину. Хотя, может быть, я просто человек в большей степени, чем был он. *(Оглядев свое брюхо.)* А может, и нет. Но сила, заключенная в ней... Всемо-

гущий! Подчинить развращенные души и побудить их к обращению — может быть, для этого она и передана в мои руки. Божествен ли Тот? По правде говоря, не знаю. Любопытно. Если да, тогда я не прав, если ее ему не отдам. Если только на то не его тайная воля. *(Разглядывает свои обтянутые сетчатой тканью руки.)* Неизмерима теперь моя сила. Как я ее использую? Весь Уолдик мог бы я обратить с ее помощью, дайте только срок. *(Пауза.)* Но он дал мне специальное задание. И все же... *(Улыбка. Сеть не покрывает его лица.)* Что, если он божественен? Сыновья, зачинающие своих отцов? Вполне может статься. Вспоминаю миф о Рае. Я знаю, что эта схожая со змием рукавица может свидетельствовать о Запретном. *(Пожимает плечами.)* Но добро, которое можно с ней сделать... Нет! Это ловушка! Но я мог бы втемяшить им слова... И я так и сделаю! «Хоть и зияет жерло Ада», как говорит Врамин.

Но когда он поворачивается, сверху опускается смерч, высасывает у него изо рта все слова, бросает его в широкий, пустой, холодный колодец.

Позади сражаются тени, широко разевает рот Уолдик, но Мадрак уже вне досягаемости, ибо Принц отозвал его домой.

ГРОМОДАВЫ

...Но Вэйким Странник обулся и поднимается теперь над землей, стоит, смеясь, в воздухе. С каждым его шагом из храма доносится гул, смешивающийся снаружи с громом. Воины и богомольцы склонились в низком поклоне.

Вэйким взбегает по стене и останавливается на потолке.

За спиной у Врамина появляется зеленая дверь.

Вэйким спускается и шагает в нее.

Следом за ним Врамин.

— Слава! — считает один из жрецов.

Но одурманенный наркотиками копейщик оборачивается и приканчивает его.

Однажды, через много-много лет после их чудесного отбытия, целая галактика могущественных воинов отправится на Поиск Святых Башмаков.

А тем временем алтарь пуст, идет себе закатный ливень.

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЖЕЗЛА

Стоят они все в Цитадели Марачека и прокручивают в обратную сторону все, что с ними произошло.

— Башмаки у меня, — говорит Вэйким. — Ты можешь забрать их в обмен на мое имя.

— А у меня рукавица, — говорит Мадрак, отворачивая лицо.

— ...А у меня жезл, — говорит Гор, когда падает он у него из руки.

— Тебе не пронзить меня им, — говорит Принц, — ибо сделан он не из материи или чего-либо иного, что мог бы ты контролировать — рукой или умом.

И закрыт ум Принца для внутреннего ока Гора.

Гор шагает вперед, и левая нога его длиннее правой, но это только помогает ему удерживать равновесие на наклонном теперь полу; за спиной у Принца пылает, как солнце, окно, золотым и текучим стал Стальной Генерал; Врамин горит, как свеча, а Мадрак превращается в толстого болванчика, раскачивающегося, как раскидай на резиновой нити; стены ворчат и пульсируют в четком ритме в такт музыке, доносящейся из чересполосицы спектра на полу в конце туннеля, который начинается от окна и лежит пылающим медом тигровой шкуры на жезле, ставшем вдруг чем-то чудовищным и слишком истонченным, чтобы увидеть его в вечности башни Цитадели Марачека в центре Срединных Миров, где пробудил Принц свою улыбку.

Еще один шаг делает Гор, и тело его становится проницаемым и прозрачным для его чувств, и все, что происходит в нем, сразу становится видимым — и пугающим.

И Луна, словно джинн, выходит
из черной, как негр, лампы ночи,
и спешит ко мне по дороге
моего взгляда.

Убирает она ковер дней,
по которому хаживал я,
и по пещерам небес
идем мы, —

говорит голос, причудливо похожий и не похожий на голос Врамина.

И Гор поднимает руку на Принца.

Но уже сжимает тот его запястье обжигающей хваткой.

И поднимает Гор на Принца другую руку.

Но уже сжимает тот его запястье леденящей хваткой.

И поднимает он другую свою руку, и бьет ее ток.

И поднимает он другую свою руку, и чернеет она и отмирает. И поднимает он еще сотню рук, и обращаются они в змей, и набрасываются друг на друга, и, конечно, шепчет он:

— Что случилось?

— Мир, — отвечает Принц, — в который я перенес нас.

— Нечестно выбирать для схватки, — говорит Гор, — мир, слишком похожий на один из известных мне, и при этом чуть измененный, но страшно искаженный.

И слова его — всех цветов Блиса, округлые — капают.

— А с твоей стороны — порядочно разве желать мне смерти?

— Мне было поручено убить тебя, да и сам я этого желаю.

— Ну так ты потерпел неудачу, — говорит Принц, понуждая Гора встать на колени посреди Млечного Пути, который становится прозрачным пищеварительным трактом, сотрясаемым судорожной перистальтикой.

Запах невыносим.

— Нет! — шепчет Гор.

— Да, брат. Ты побежден. Ты не можешь уничтожить меня. Я взял над тобой верх. Пора перестать, пора уйти в отставку, пора вернуться домой.

— Только когда я достигну своей цели.

Звезды, как язвы, пылают у него в потрохах, и Гор устремляет все силы своего тела против калейдоскопа, каковой — Принц. Принц падает на одно колено, но с его коленопреклонением возглашают приветственные осанны бесчисленные собакомордые цветы, что расцветают у него на челе, как пот, и сливаются в стеклянную маску, которая трещит и выпускает на волю ливень молний. Гор тянет руки к девятнадцати лунам, и их пожирают змеи, его пальцы; а кто взывает, о боже, как не совесть, его отец, восседающий со своей птичьей головой на небесном троне и проливающий кровавые слезы? Отставка? Никогда! Домой? Разносится красный смех, когда наносит он удар чему-то с лицом его брата.

— Сдайся и умри!

Потом отброшен далече...

где Время — прах и дни — лилии без счета,

а ночь — пурпурный василиск, именем которому — отвергнутое забвение...

Он становится бесконечно уходящим вверх деревом, его срубают, и оно падает — вечно.

В конце вечности лежит он на спине и смотрит вверх на Принца-Который-Ему-Брат, тот стоит над ним во весь рост и держит его глазами в заточении.

— А теперь ты можешь уйти, брат, ибо в честной борьбе победил я тебя, — приходят зеленые слова.

И склоняет Гор голову, и исчезает этот мир, и появляется мир прежний.

— Брат, я хочу, чтобы ты убил меня, — говорит он и кашляет, и саднят его синяки.

— Я не могу.

— Не посылай меня назад после такого разгрома.

— А что еще могу я сделать?

— Даруй мне хоть каплю милосердия. Не знаю как.

— Тогда выслушай меня и отправляйся с почетом. Знай, что я убил бы твоего отца, но пощажу его ради тебя, если поможет он мне, когда придет время.

— Какое время?

— Решать об этом ему.

— Не понимаю.

— Просто передай ему послание, идет?

— Идет, — говорит Гор и начинает вставать.

И когда он вновь на ногах, оказывается, что стоит он в зале Тысячи Гобеленов один-одинешенек. Но в самый последний мучительный момент он кое-что узнает.

И спешит это записать.

ЛЮДИ, ВЕЩИ, ЖИЗНЬ

— А где Гор? — спрашивает Мадрак. — Он же только что был здесь.

— Отправился домой, — говорит, потирая плечо, Принц. — Теперь давайте я расскажу вам о своей проблеме...

— Мое имя, — говорит Вэйким, — верни его. Немедленно.

— Да, — говорит Принц, — я его тебе верну. Ты — как раз часть той проблемы, о которой я упомянул.

— Немедленно, — повторяет Вэйким.

— Не чувствуешь ли ты себя в этих башмаках чуть поиному?

— Да.

— И как?

— Не знаю... Верни мне имя.

— Отдай ему рукавицу, Мадрак.

— Мне не нужна рукавица.

— Натяни ее, если хочешь узнать свое имя.

— Хорошо.

Он натягивает рукавицу.

— Ну как, ты не знаешь своего имени?

— Нет. Я...

— Что ты?

— Кажется знакомым, таким знакомым, когда ее сеть охватывает тело...

— Ну конечно.

— Не может быть! — говорит Мадрак.

— Не может? — переспрашивает Принц. — Возьми этот жезл и подержи его, Вэйким. Вот, повесь на пояс ножны...

— Что ты делаешь со мной?

— Возвращаю по праву тебе принадлежащее.

— По какому праву?

— Возьми жезл.

— Не хочу! Ты не можешь меня заставить! Ты обещал мне мое имя. Скажи его!

— Только после того, как ты возьмешь жезл.

Принц делает к Вэйкиму шаг. Тот отступает.

— Нет!

— Возьми!

Принц наступает. Вэйким пятится.

— Я... я не могу!

— Можешь.

— Тут что-то... Какой-то запрет, чтобы я касался этого предмета.

— Подними его — и ты узнаешь свое имя, свое *истинное* имя.

— Я... Нет! Я больше не хочу его знать! Оставь его себе!

— Ты *должен* взять его.

— Нет!

— Черным по белому было написано, что ты должен его взять.

— Где? Как?

— Я сам написал это...

— Анубис! — кричит Вэйким. — Услышь мою мольбу! Я взываю к тебе и всем твоим силам! Приди ко мне сюда, где стою я в кольце твоих врагов! Тот, кого я должен уничтожить, у нас в руках! Помоги же мне, ибо я отдаю его тебе!

Врамин окружает себя, Мадрака и Генерала изысканным частоколом языков зеленого пламени.

Стена за спиной у Вэйкима медленно растворяется, и входит бесконечность.

Безжизненно свисает рука Анубиса, глумливо осклабилась его морда, сам он смотрит вниз.

— Превосходно, слуга! — раздаются слова. — Ты отыскал его и загнал в угол. Ну что ж, остался последний удар — и твое поручение выполнено. Воспользуйся фугой!

— Нет, — говорит Принц, — он не уничтожит меня, даже и с фугой, пока у меня есть для него кое-что. Ты узнал его с первого взгляда, тогда, давным-давно. Но уже рядом его истинное имя, и он услышит его.

— Не слушай его, Вэйким, — говорит Анубис. — Поскорее убей его!

— Хозяин, правда ли, что он знает мое имя? Мое настоящее имя?

— Он лжет! Убей его!

— Я не лгу. Подними жезл, и ты узнаешь правду.

— Не прикасайся к нему! Это ловушка! Ты погибнешь!

— Неужели я прошел через весь этот лабиринт деяний, чтобы просто убить тебя таким нелепым образом, Вэйким? Кто бы из нас ни пал от руки другого, в выигрыше всегда будет один пес. Он знает об этом и потому послал тебя совершить чудовищный поступок. Смотри, как он смеется!

— Потому что я выиграл, Тот! Он сейчас убьет тебя!

Вэйким шагает к Принцу, затем опускает руку и вытаскивает жезл.

Он кричит, и даже Анубис отшатывается назад.

Смехом становится постепенно его крик.

Он поднимает жезл.

— Молчать, собака! Ты попользовался мною! О, как ты

мною попользовался! Тысячу лет учил ты меня смерти, чтобы мог я не дрогнув убить своего сына и отца. Но теперь ты видишь перед собою Сета Разрушителя, и дни твои сочтены!

Глаза его сверкают сквозь сеть, покрывающую все тело, а сам он парит над полом. Луч голубого света срывается с жезла, зажатого у него в руке, но Анубис успевает ускользнуть, растворившись с молниеносным жестом и едва слышным воем.

— Мой сын, — говорит Сет и касается плеча Тота.

— Мой сын, — говорит Тот, склоняя голову.

Позади них гаснут языки зеленого света.

Что-то темное кричит среди света, среди ночи — где-то.

СЛОВА

Между нами с тобою —
слова,
как известки раствор,
что сцепляет, разделяя,
всех нас воедино.

Их сказать,
тень отбросить от них на страницу
(это — переплетение общих страстей,
узнаванье друг в друге себя,
неотличности нашей под кожей) —
возвести из возможности чистой
собор, чтобы стилосом шпиля
метил он бесконечность.

Когда завтра придет, оно будет сегодня,
и ежели не капля,
значит, вечность
блеснет порой на кончике пера,
когда чернила наших голосов
вокруг теснятся ночью неизбывной
и метит лишь раствор границы наших клеток.

— Что это за бред? — спрашивает князь Юскиф Рыжий, который во главе двадцати своих воинов направляется опус-

тошать приграничные земли своего соседа, Дилвита из Лильяменти.

Его спутники нагибаются пониже, чтобы разобрать в тумане выбитые на валуне слова.

— Княже, я слышал о подобных штуках, — замечает его помощник. — Это дело рук поэта Врамина, он чаще всего именно так и публикуется: бросает свои стихи на ближайший мир, и там они отпечатываются на самом твердом оказавшемся под рукой материале. Он похваляется, что писывал притчи, оды и поэмы на камнях, листьях, даже, как это, на лоне вод.

— Вон оно что! Ну ладно, а какой в этом смысл-то? Может, это доброе предзнаменование?

— Да нет в нем никакого смысла, князь, ведь все знают, что безумен Врамин, как голинд в пору течки.

— Ну ладно, раз он писал на этом камне, пописаем на него и мы.

— Ха-ха!

ТЕНЬ И ВЕЩЕСТВО

— Отец? — говорит тень черной лошади на стене замка.

— Да, Тифон.

— Отец!

И раздается звук, от которого могут лопнуть барабанные перепонки.

— Анубис сказал, что ты погиб!

— Он солгал. Озирис, должно быть, поднял Молот со словами, что спасает Вселенную, поскольку я терплю поражение?

— Да, так оно и было, — говорит Принц.

— Но я не терпел поражение, я одерживал победу. И уничтожить он хотел меня, а не Безымянное.

— Как ты выжил?

— Чистый рефлекс. В тот самый миг, когда обрушился удар, я нырнул в фугу. Часть удара все-таки настигла меня, и Анубис, наткнувшись на мое бесчувственное тело, умыкнул меня в свой дом. Амуницию мою он разбросал по всем Срединным Мирам и принялся тренировать меня как свое оружие.

— Убить Тота?

— Такое задание он мне дал.

— Тогда он мертв! — восклицает Тифон и, охваченный пламенем, встает на дыбы.

— Уймись, братец, — говорит Принц. — Он же не преуспел, а нам от него еще может быть польза...

Но уже поблекла тень черной лошади, и Принц опускает голову.

Он смотрит на Сета.

— Может, догоним и остановим его?

— Зачем? Итак, Анубис прожил на тысячу лет дольше, чем следовало. Пусть теперь сам побережется. И к тому же как? Даже нам не остановить Тифона, когда нисходит на него безумие.

— Да, правда, — говорит Принц и, повернувшись, обращается к Врамину: — Если ты хочешь еще послужить мне, мой прежний Ангел Седьмого Поста, ступай в Дом Мертвых. Там скоро потребуется кто-нибудь сведущий в управлении его аппаратурой.

— Тифон же был повелителем Дома Огня, — говорит Врамин.

— Да, но боюсь, он не задержится, отмстив, в Доме Мертвых. Насколько я знаю своего брата, он отправится на поиски хозяина Молота. Озирису не позавидуешь.

— Тогда я отправляюсь в Дом Мертвых. Не хочешь ли последовать за мной, Мадрак?

— Если у Принца нет на меня других планов.

— Нет, никаких. Ты свободен.

— Господин, — говорит Врамин, — очень мило с твоей стороны вновь довериться мне, зная, какую роль играл я в Войнах Постов...

— Те дни минули, и мы уже не те — разве не так?

— Надеюсь — и спасибо.

Принц складывает руки на груди и склоняет голову. Врамин и Мадрак исчезают.

— Как, — говорит Стальной Генерал, — могу я помочь тебе?

— Мы вновь отправляемся на битву с Безымянным, — говорит Принц-Который-Был-Тысячью. — Не хочешь ли ты быть у нас в резерве?

— Охотно. Позволь мне позвать Бронзу.

— Давай.

Ветры Марачека крутят пыль. Мерцает, прокладывая себе путь в новый день, солнце.

ХОЗЯИН ДОМА МЕРТВЫХ

Врамин стоит в Тронном зале Дома Мертвых, подняв свою трость. Длинные полосы энергий и свечения срываются с нее, как бенгальские огни с рождественской елки. Они устремляются во все проходы, как видимые, так и невидимые, сходящиеся здесь воедино.

Рядом с ним Мадрак переминается с ноги на ногу, глазеет по сторонам.

Сверкают очи Врамина, и пляшут в них огоньки.

— Ничего. Ничего живого. Нигде, — говорит он.

— Значит, Тифон добрался до него, — говорит Мадрак.

— Значит, нет здесь и Тифона.

— Значит, убил он его и удалился. Наверняка ищет теперь Озириса.

— Не знаю...

— А что же еще может быть?

— Не знаю. Но теперь я здесь хозяин — по поручению Принца. Я должен отыскать средоточия силы и научиться ими управлять.

— Но ведь ты когда-то обманул доверие Принца...

— Да, это так — и он простил меня.

И садится Врамин на трон Анубиса, и приветствует его как должно Мадрак.

— Славься, Врамин, хозяин Дома Мертвых!

— Тебе нет нужды преклонять передо мной колена, старый дружище. Прошу, встань. Мне понадобится твоя помощь, ибо сильно отличается этот Дом от Седьмого Поста, где я когда-то правил.

И часами изучает Врамин секретную систему управления, выведенную на трон. И тут...

— Анубис! — восклицает голос, который никак не спутаешь с голосом Мадрака.

И с грехом пополам изображает он лай и подвывание:

— Да?

— Ты был прав. Гор потерпел поражение и вернулся сюда. Он, правда, вновь ушел.

Это голос Озириса.

Врамин взмахивает своей тростью, и прямо в воздухе появляется огромное окно.

— Привет, Озирис, — говорит он.

— Итак, Принц наконец сделал ход, — говорит Озирис. — Полагаю, я следующий.

— Надеюсь, нет, — говорит Врамин. — Могу лично засвидетельствовать, что слышал, как Принц обещал Гору, что не будет тебе мстить — в обмен на сотрудничество.

— Ну а что стало с Анубисом?

— Точно не знаю. Сюда явился, чтобы его убить, Тифон. Я же пришел подчистить за Тифоном и поддержать этот пост на ходу. Либо он прикончил Анубиса и отправился дальше, либо Анубис сбежал и Тифон погнался за ним. Послушай меня, Озирис: несмотря на заверение Принца, ты в опасности. Тифон не знает об обещании Принца, и он в нем не участвовал. Узнав от Сета истинную историю и получив подтверждение от Принца, он, похоже, постарается отомстить Молотобойцу...

— Сет жив?

— Да. Одно время он был известен как Вэйким.

— Посланник Анубиса!

— И никто иной. Пес лишил его воспоминаний и послал убить его собственного сына — и отца. Это и привело в такую ярость Тифона.

— Сифон на всю эту проклятую семейку! А что стало с моим сыном? Он только оставил мне записку и... Конечно!

— Что «конечно»?

— Еще не поздно. Я...

— Сзади тебя! На стене! — кричит Врамин. — Тифон!

Озирис движется со скоростью, которую трудно ожидать от его хрупкого тела. Он бросается к зеленому гобелену, откидывает его в сторону и ныряет внутрь.

Тень плывет за ним и встает на дыбы.

Когда она отступает, в гобелене и стене зияет дыра в форме Тифона.

— Тифон, — говорит Врамин.

— Я здесь, — доносится голос. — Почему ты предупредил его?

— Потому что Тот даровал ему жизнь.

— Я не знал этого.

— Ты ушел слишком рано. Ну а теперь слишком поздно.

— Нет. Боюсь, что он ускользнул от меня.

— Как?

— Его не было в комнате, когда я уничтожал ее.

— Может быть, это и к лучшему. Послушай. Мы можем использовать Озириса.

— Нет! Пока он жив, никогда не будет мира между нашими семьями, какие бы рыцарские чувства ни выказывал мой братец. Я люблю брата, но не буду придерживаться его обещания пощадить этого типа. Нет. Я обыщу весь этот Дом, не успокоюсь, пока не найду Озириса и не канет он в Бездну Скаггаиаук!

— Как Анубис?

— Нет! Анубис ускользнул от меня! — раздается крик. — На время.

И Тифон встает на дыбы, вспыхивает пламя, и он исчезает.

Как лаптой взмахивает Врамин своей тростью, и окно закрывается.

— Анубис еще жив, — говорит Мадрак, оглядываясь через плечо.

— Очевидно.

— Что будем делать?

— Продолжим изучение этого Дома.

— Я хочу отдохнуть.

— Ну так отдыхай. Подыщи где-нибудь по соседству комнату и располагайся. Ты же знаешь, где тут еда.

— Да.

— Тогда до скорого.

— До скорого, господин.

Уходит Мадрак из Тронного зала и бредет куда глаза глядят. Приходит он наконец в комнату, где стоят мертвые, словно статуи. Он усаживается среди них. Он разговаривает.

— Я был ему преданным слугой. Послушай, красотка с грудями, как дыни. Я был ему преданным слугой. Поэт же отправился воевать с другими ангелами, зная, что идет наперекор его воле. Но он прощен и возвеличен. Ну а я кто такой? Слуга слуги.

Это нечестно.

— Рад, что ты согласна со мной. Ну а ты, приятель с лишней парой рук? Приходилось тебе нести в массы религию и мораль? Голыми руками побеждать чудовищ и чудесных зверей среди непросветленных?

Нет, конечно.

— Ну вот видишь...

Он хлопает себя по бедру.

— Ну вот видишь, нет на свете справедливости, а добродетель постоянно предают, оскверняют, обманывают и продают. Посмотри, что стало с Генералом, который посвятил свою жизнь человечности: жизнь отняла у него собственную его человечность. И *это* — справедливость?

Едва ли.

— Все сводится к этому, братья мои. Все мы становимся статуями в Доме Мертвых, какую бы жизнь ни вели. Вселенная никогда не скажет спасибо. Дающему никогда не воздается. О Ты, Который Может Быть, почему Ты все так устроил, если это Ты все так устроил, почему? Я старался служить Тебе и Твоему Подручному, Принцу. Что это принесло мне? Деньги на проезд и третьеразрядные гостиницы. Я рад, что сражается Сет с Безымянным без рукавицы мощи...

— Что?

И, подняв взгляд, видит он статую, которой раньше там не было; и в отличие от других она движется.

Голова ее — морда черного пса, и высовывается из нее алый язык, кривится.

— Ты? Как удалось тебе спрятаться от Врамина, ускользнуть от Тифона?

— Это мой Дом. Много минет веков, пока проведает кто-то еще про все его секреты.

Мадрак встает, покручивает в руке посох.

— Я не боюсь тебя, Анубис. Во всех краях сражался я, во всех местах, где может человек воспринять Слово. Многих отправил я в этот Дом, а сам пришел сюда как победитель, а не как жертва.

— Давным-давно ты был побежден, Мадрак, и только сейчас понял это.

— Молчать, собака! Ты разговариваешь с тем, кто держит твою жизнь в своих руках.

— А ты — с тем, кто держит в своих руках твое будущее.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что Сет опять отправился на битву с Безымянным?

— Да, это правда. А когда Безымянное будет уничтожено, наступит тысячелетнее царство.

— Ха! Побереги свою метафизику, проповедник. Ответь мне про другое, и я скажу тебе кое-что и в самом деле очень хорошее.

— Про что тебе ответить?

Анубис шагает вперед, высохшая рука болтается сбоку.

— Что там с рукавицей мощи?

— А! — говорит Мадрак, вытаскивая рукавицу из-под темных своих одежд и натягивая ее на правую руку. — Когда я добыл ее, я подумал, что с ее помощью целые миры могут быть завоеваны для веры.

Она доходит ему уже до локтя, до плеча.

— Я не знал, что Вэйким — это Сет. Меня подмывало оставить ее себе. И я подменил ее своей собственной саморастущей рукавицей. Кое-где в Срединных Мирах это достаточно обычный доспех — в отличие от этой, которая наделяет, кажется, немыслимой силой.

Рукавица расходится у него на груди, по спине.

— Мне хочется расцеловать твои жирные щеки! — говорит Анубис. — Ибо теперь у Сета почти нет шансов против Безымянного. И с самого начала планировал ты это предательство! Не думал я, что ты настолько ушлый, папаша!

— Мною пользовались, меня искушали...

— Но больше пользоваться тобою не будут. О нет! Отныне ты носишь рукавицу, и я предлагаю тебе союз...

— Осади, собака! Ты не лучше всех остальных! У меня оказалось кое-что тебе нужное, и ты готов лизать мне задницу. Ну нет! Что бы ни свершил я своей вновь обретенной силой, все это будет только для одного-единственного человека — для меня самого!

— Союз, который я предлагаю, будет взаимовыгодным.

— Мне достаточно просто поднять тревогу, и ты будешь связан так крепко, что вся твоя изворотливость не поможет тебе освободиться. Мне достаточно раскрутить как следует мой посох, и твои мозги украсят собой эти стены. Так что выкладывай, что там у тебя, раздвоенный язык, и не забывай об этом, а я послушаю.

— Если Озирис еще жив, — говорит Анубис, — и если мы сможем до него добраться, то втроем нам, наверное, удастся уничтожить Тота.

— Я уверен, что Озирис пока жив, хотя долго ли это еще продлится, сказать не берусь. Прямо сейчас Тифон гоняется за ним по всему Дому Жизни.

— У нас есть шанс, очень хороший шанс все возвратить — теперь, когда ты обладаешь рукавицей. Я знаю, как попасть в Дом Жизни и, может быть, как спасти Озириса.

— Ну и что дальше? Мы даже не знаем, где происходит битва с Безымянным.

— Не забегай вперед, всему свое время. Так ты со мной?

— Я отправлюсь с тобой в Дом Жизни, поскольку Тот хочет, чтобы Озирис был жив, и я смогу в этом помочь. И тем временем я поразмыслю.

— Ну что ж, уже кое-что.

— Смотри, как растет рукавица! Она заходит дальше, чем в предыдущий раз! Она уже у меня на бедрах!

— Замечательно! Чем большая твоя часть будет неуязвима, тем лучше для нас всех.

— Один момент. Ты что, всерьез думаешь, что мы трое способны победить Тота и Стального Генерала?

— Да.

— Как?

— Молот может ударить вновь, — говорит Анубис.

— Он все еще существует?

— Да, и Озирис — его хозяин.

— Хорошо, пусть все это так, и предположим даже, что с Врамином, который нынче хозяин в твоем Доме, можно поладить, но что делать с другим? Что делать с огромной тенью в форме лошади, которая до конца дней — наших дней — будет нас преследовать? Что делать с ним, живущим вне пространства, как мы его понимаем, с ним, которого невозможно уничтожить и невозможно убедить в чем бы то ни было, когда впадает он в гнев.

Анубис смотрит в сторону.

— Тифона я и в самом деле боюсь, — соглашается он. — Много веков назад сконструировал я оружие — нет, орудие, так, нечто, — что, как я думал, сможет его обуздать. Но когда я недавно попробовал этим воспользоваться, он упал на мой

артефакт и уничтожил его. И прихватил мою руку... Согласен, кроме ума, мне нечего использовать против него. Но от империй не отказываются из-за страха перед единственным противником. Если бы я только знал секрет его могущества...

— Я слышал, как он упоминал Скагганаукскую Бездну.

— Нет такого места.

— Я никогда не слышал этого названия. А ты?

— Легенда, фантазия, вымысел.

— И что они о нем говорят?

— Мы теряем время, обсуждая бессмыслицу.

— Если ты хочешь, чтобы я помогал тебе, отвечай. Смотри, рукавица опустилась уже до колен.

— Скагганаукская Бездна, иногда называемая провалом в небесах, — говорит Анубис, — это место, в котором, как говорят, все останавливается и ничто не существует.

— Во Вселенной много очень пустых пространств.

— Но Бездна, как говорят, пуста и от пространства. Это бездонная дыра, которая и дырой-то не является. Это разрыв самой ткани пространства. Это ничто. Теоретически это пуп Вселенной. Это огромный выход, ведущий никуда, под, над, за, из всего этого. Вот что такое Бездна Скагганаук.

— Тифон и сам, похоже, обладает теми же качествами, разве не так?

— Да, конечно, согласен. Но что с того. Будь проклята связь Сета и Изиды! Они породили животное и изверга!

— Тебе ли это говорить, Анубис. И Тифон всегда был таким же, как сейчас? Как смогла ведьма разрешиться подобным детищем?

— Не знаю. Он старше меня. Вся эта семейка окутана тайной и парадоксами. Но нам пора в Дом Жизни!

Мадрак кивает.

— Показывай дорогу.

НОЧЬ, ДОСТОЙНАЯ ГОРА

Он проходит по местам силы, и никто не знает его имени. Но спроси первого встречного — и скажет он, что слышал о нем. Ибо он — бог. Почти неизмерима его сила. И однако, потерпел он поражение. Принц-Который-Был-Тысячью, его

брат, свел на нет его силу, чтобы сохранить собственную жизнь и тот порядок жизни, который он представляет.

И вот сворачивает Гор на хорошо освещенный проспект, где мельтешит разношерстная толпа. Вокруг него сила и ночь.

Пришел он именно на эту улицу именно этого мира не без причины: он никак не может на что-либо решиться. Ему нужно заключение специалиста. Он любит оракулов.

Он ищет совета.

Темнота в небе, яркие огни на улице. Проходит он среди мест и людей, созданных для развлечений.

Какой-то человек заступает ему путь. Он пытается обойти его, сходит с тротуара. Человек не отстает и хватает его за руку.

Гор дует на него, и дыхание его подобно урагану. Человека сметает прочь, и Гор продолжает путь.

Вскоре приходит он туда, где разместились оракулы. Астрологи, нумерологи, гадатели по колоде таро манят его к себе, предсказатели по Ицзину теребят перед богом в красной набедренной повязке стебли тысячелистника. Но он проходит мимо.

Наконец приходит он туда, где людей нет.

Это место машин-предсказательниц.

Наудачу выбирает он будку, заходит.

— Да? — интересуется будка.

— Несколько вопросов, — отвечает Гор.

— Один момент.

Раздается металлический щелчок, и открывается внутренняя дверь.

— Прошу в кабинку.

Гор входит в крохотную комнатку. Там стоит что-то вроде кровати. На ней — раздавшееся женское тело, соединенное с блестящей консолью. В стену вмонтирован динамик.

— Соединись.

Скинув набедренную повязку, Гор так и поступает.

— В соответствии с правилами ответы на твои вопросы будут даваться, пока ты приносишь удовлетворение, — сообщают ему. — Что же ты хочешь узнать?

— Передо мной стоит проблема — я в контрах со своим братом. Я пытался победить его. Потерпел неудачу. И никак не могу решить, не должен ли я вновь отыскать его и возобновить схватку...

— Недостаток информации, — раздается ответ. — Что за контры? Что за брат? Что за человек ты сам?

Сиро сереет сирень, а розы в розницу среди живой ограды. И сад этой памяти все еще полон букетами тех экстатических роз.

— Возможно, я попал не по адресу...

— Может, да, а может, нет. Однако очевидно, что ты не знаешь правил.

— Правил? — И Гор смотрит вверх в слепое очко динамика.

Сухой и монотонный, сочится оттуда голос.

— Я не провидица, я даже не зряча. Я электромеханико-биологическая послушница богини Логики. Платой мне служит наслаждение, и за эту плату призову я свою богиню для любого мужчины. Но для этого нужны мне, однако, более полные вопросы. Банка моих данных не хватает, чтобы ответить в настоящий момент на твой вопрос. Так что люби меня дальше.

— Не знаю, с чего начать, — начинает Гор. — Мой брат управлял когда-то всем на свете...

— Стоп! Твое высказывание алогично, некванторизуемо...

— ...и абсолютно истинно. Мой брат — Тот, которого зовут еще иногда Принцем-Который-Был-Тысячью. Когда-то все Срединные Миры были его вотчиной.

— Мои записи свидетельствуют о существовании мифа, связанного с властелином Жизни и Смерти. По этому мифу у него нет братьев.

— Вношу поправку. Обычно это не выносится за пределы узкого семейного круга. У Изиды было три сына, один от ее законного супруга и повелителя Озириса, двое других от Сета Разрушителя. От Сета породила она Тифона и Тота. От Озириса — Гора Мстителя, то есть меня.

— Ты — Гор?

— Так меня зовут.

— Ты хочешь уничтожить Тота?

— Так было предписано мне.

— Ты не можешь этого сделать.

— О...

— Пожалуйста, не уходи. Наверное, есть еще вопросы, которые ты хотел бы задать.

— Ни один не приходит на ум.

Но Гор не может сейчас уйти, ибо преисполнен пыла.

— Что ты такое? — интересуется он наконец.

— Я уже сказала тебе.

— Но как стала ты тем, что ты есть, — полуженщиной, полумашиной?

— Это как раз тот вопрос, на который я не могу ответить, если только мне не подскажут правильный ответ. Но я все же попробую утешить и приободрить тебя, а то ты совсем отчаялся.

— Спасибо. Ты добра ко мне.

— Для меня это наслаждение.

— Мне кажется, что когда-то ты была женщиной.

— Правильно.

— Почему ты перестала ею быть?

— Как я уже сказала, я не могу ответить.

— Могу я как-нибудь помочь тебе, чтобы исполнилось какое-нибудь твое желание?

— Да.

— Как?

— Не могу сказать.

— Тебе доподлинно известно, что Гор не может уничтожить Тота?

— Это наиболее вероятно, если исходить из доступного мне объема мифов.

— Если бы ты была простой смертной, я бы постарался быть добрым к тебе.

— Что это значит?

— За твою чудовищную честность я мог бы полюбить тебя.

— О боже, боже! Ты спас меня.

— О чем это ты?

— Я была обречена прозябать так, покуда не взглянет на меня с любовью некто незаурядный.

— Я вполне мог бы так на тебя взглянуть. Как тебе кажется, это возможно?

— Нет, уж слишком я заезжена.

— Тогда ты не знаешь бога Гора.

— Но это крайне маловероятно.

— Но мне больше некого любить. И посему я люблю тебя.

— Бог Гор любит меня?

— Да.

— Тогда ты — мой Принц, и ты со всем этим кончил...
— Еще не...
— Повремени чуть-чуть, и многое изменится.
— Повременю, — сказал, вставая, Гор.

НАЗЫВАЕМЫЙ СЕРДЦЕМ ПРЕДМЕТ

Врамин проходит по Дому Мертвых. Будь у тебя в месте том глаза, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы. Но Врамин зряч и здесь.

Проходит он через огромный зал, и когда добирается до некой точки внутри него, вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам.

Тогда они поднимаются из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими очами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длиннющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет.

Разносятся стоны, раздается похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, покряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают. Потом все низко склоняются перед ним, и одно слово наполняет воздух:

— *Хозяин.*

Он обращает свои зеленые глаза на толпу, и откуда-то доносится до его уха отзвук смеха.

Поворачиваясь, поворачиваясь, поворачиваясь, размахивает он своей тростью.

Затем приходит неожиданное движение, и вот уже она стоит рядом с ним.

— Врамин, твои новые подданные приветствуют тебя.

— Как ты попала сюда, госпожа?

Но она опять смеется и не отвечает на его вопрос.

— Я тоже пришла воздать тебе честь: славься, Врамин, Повелитель Дома Мертвых!

— Ты добра, госпожа.

— Я более чем добра. Конец уже недалек, и то, чего я желаю, почти у меня в руках.

— Это ты подняла мертвых?

— Конечно.

— Не знаешь ли ты, где сейчас Анубис?

— Нет, но могу тебе помочь его найти.

— Давай тогда уложим мертвецов отдыхать и дальше, чтобы мог я попросить твоей помощи. А также и спросить тебя о предмете твоего желания.

— А я могла тебе ответить.

И вдруг ложатся мертвые и опускаются обратно в могилы. Свет гаснет.

— Ты знаешь, почему сбежал Анубис? — интересуется он.

— Нет, я здесь совсем недавно.

— Он отбыл, преследуемый твоим сыном Тифоном.

И Красная Ведьма улыбается под своей вуалью.

— Безмерно радует меня, что жив Тифон, — говорит она. — А где он сейчас?

— Сейчас домогается он жизни Озириса. Быть может, он отделался уже и от пса, и от птицы.

И смеется она, и ее наперсник прыгает у нее по плечу, обеими руками держась за живот.

— Как это было бы приятно — сейчас! Надо посмотреть, как все это складывается!

— Отлично.

И Врамин чертит в темном воздухе зеленую раму для картины.

Изида прижимается к нему и обеими руками сжимает его руку.

Вдруг в раме возникает картина — и движение.

Изображение тени черной лошади движется по стене.

— Это нам ни о чем не говорит, — замечает Врамин.

— Нет, но все равно приятно снова взглянуть на моего сына. Сына, который содержит в себе Бездну Скагганаук. А где может быть его брат?

— Вместе со своим отцом, они же еще раз отправились биться с Безымянным.

И стоит Изида, потупив глаза, и пробегают по картине волны.

— Я бы взглянула на это, — говорит она наконец.

— До того я бы разыскал Анубиса и Озириса, если они еще живы, и еще Мадрака.

— Хорошо.

И внутри изумрудной рамы медленно обретает форму изображение.

НА БЕРЕГУ И МЕЛКОВОДЬЕ

Стоя там, наблюдает он за Тем-Что-Кричало-В-Ночи.

Больше оно не кричит.

Освобожденное, тянется оно к нему — башня дыма, борода без подбородка...

Подняв звездный жезл, прочерчивает он огненную вязь по самой его середине.

Оно не останавливается.

Огни пробегают всю гамму спектра, исчезают.

Жезл начинает вибрировать, но его руки сами знают, как на это реагировать.

Оно сворачивается вокруг него кольцом, затем отступает.

Стоя там, выше облаков и всего остального, обрушивает он на него ливень молний.

Нарастает гудение.

Звездный жезл вибрирует у него в руке, испускает жалобный звук, разгорается ярче.

Оно падает назад. Продолжая нападать, шагает Сет по небу.

Оно стекает, падает, отступает к поверхности мира.

Преследуя его, Сет встает на вершину горы. Где-то над луною следуют за ними Принц и Генерал.

Смеется Сет, и жар взрывающегося солнца прокатывается по твари.

Но тут оно поворачивается и наносит удары, и Сет отступает через континент, и грибы дыма отмечают его путь.

Ураганы трясут своими кудрявыми головами. Шаровые молнии прокатываются по небосклону. Вечные сумерки просветлели от языков пламени, падающих на его преследователя.

И однако, оно продвигается вперед, и горы падают на его пути. Далеко внизу содрогается земля, и башмаки на его ногах оставляют громовые отпечатки там, где проходит Сет, сворачивая раз, другой.

Как из ведра льет дождь, сгущаются тучи. Внизу появляются огнедышащие воронки.

Тварь наступает, нанося удары, и путь ее раскален добела, потом сер, потом снова раскален.

Жезл звенит, как колокол, и моря выходят из берегов.

Все стихии обрушиваются на тварь, и все равно она наступает.

Рычит Сет, и перемалываются скалы, ветры разрывают посреди шатер небес, плещут обрывками, вновь их соединяют.

Опять кричит оно, и Сет, наступив одной ногой на море, улыбается внутри рукавицы и обрушивает на тварь вихри и подземные толчки.

И однако, оно продвигается вперед, и стынет воздух.

Из-под руки Сета вылетает смерч, и тут же сыплются молнии. Проломлена земля и рушится сама в себя.

Одновременно наносят удары Сет и тварь, и разрушен континент под ними.

Закипает океан, и все небо покрыто северным сиянием всех цветов радуги.

Потом три иглы белого света насквозь пронизывают тварь, и она отступает к экватору.

Сет не отстает от нее, хаос не отстает от Сета.

Гром над экватором и хлопок, хлопок, хлопок хлыста — звездного жезла — по небу...

Между землей и небом — дым цвета травы. Лакей судьбы, Время, спешно перекрашивает задник.

Разносится крик, и опять слышен перезвон словно бы колоколов, когда разлетаются вдребезги цепи, сдерживавшие моря, и вздымаются воды, качаясь, как колонны Помпеи в тот день, в тот день, когда были они сломаны, затоплены; и жар, жар кипящих океанов поднимается вместе с ними; и не продохнуть теперь, до того густ воздух. Используя фугу времен, распинает Сет тварь на тлеющем небе, и все равно кричит она, замахивается на него, отшатывается. Нет пробоин на доспехах Сета, хоть и от мира сего они, ибо не коснулось его То-Что-Кричит. И вот рвет Сет нить огненного бисера, достойного Гая Фокса. Тварь взрывается в девятнадцати местах, рушится в себя. И приходит могучий рокот, и вновь дождем падают перуны. То-Что-Кричит-В-Ночи становится катящимся шаром, роковым шаром. Оно воет тогда

так, что лопаются барабанные перепонки, и Сет хватается за голову, но не перестает поливать его светом своего жезла.

И душераздирающий вопль испускает уже сам жезл. Розовое лезвие огня опускается на тварь.

И становится оно старцем с длинной бородою, рост его много миль — ни с того ни с сего.

Оно поднимает руку, и все вокруг Сета залито светом.

Но он поднимает свой жезл, и темнота поглощает свет, и зеленый трезубец, как вилка, втыкается в грудь твари.

Падая, становится оно сфинксом, и Сет дробит его лицо ультразвуком.

Сжимаясь, становится оно сатиром, и серебряными клещами оскопляет он его.

Тогда встает оно, раненное, на дыбы — трехмильной коброй черного дыма, и Сет знает, что момент настал.

Он поднимает звездный жезл и подстраивает его.

ИНТЕРМЕЦЦО

Армии сшибаются в тумане на Д'донори, и голинды покрывают самок прямо на могилах павших; если сорвать корону с головы Дилвита, он останется без скальпа; вновь ослеплены соседями Бротц, Пурц и Дульп; на Уолдике — вопли и мрак; из руин Блиса снова пробивается жизнь; Марачек мертв, мертв, мертв — расцвети его прахом; на Интерлюдичи возникла схизма по причине якобы явившегося монаху по имени Брос видения Священных Башмаков, вполне вероятно, что он просто свихнулся от наркотиков; безумный, безумный, безумный ветер дует под морем в Обители Сердечного Желания, и обитающий там какой-то зеленый завр резвится среди стылого осеннего тумана, под кружащими в небе созвездиями светлобрюхих рыб.

ТРОСТЬ, ПОДВЕСКА, КОЛЕСНИЦА — И ВПЕРЕД!

Его рука лежит вокруг ее талии, и вместе наблюдают они картины, открывающиеся внутри рамы там, в Доме Мертвых. Они смотрят на Озириса, как плывет он по небу на черном

своем арбалете, на тетиве которого лежит нечто, под силу чему сокрушить солнце. В одиночку правит он своим самострелом, и не мигают желтые его глаза на лице, не способном принять какое-либо выражение. Они смотрят на темную скорлупку, находятся в которой Анубис, Мадрак и пустая рукавица, содержащая в себе силу.

Концом своей трости прослеживает Врамин две прямые линии, продолжающие курс судов. В раме возникает изображение места, где эти линии пересекаются. Лежит там сумеречный мир, и меняется его поверхность прямо у них на глазах.

— Как они могли узнать о его местонахождении? — спрашивает Изида.

— Не знаю... Если только... Озирис! Он нашел записку. Я наблюдал, как он ее читает.

— И?..

— Гор. Гор, должно быть, оставил ему записку, в которой сообщил о месте.

— А как мог узнать о нем Гор?

— Он боролся с Тотом — скорее всего внутри разума самого Тота, а Гор способен заглянуть человеку в мозг, узнать, что он думает. Вероятно, в какой-то миг их схватки он и выкрал у Принца, который обычно неуязвим для подобного искусства, эту информацию. Да, Тот, должно быть, потерял на мгновение бдительность. Его надо предупредить!

— Может быть, Тифон обеспечит его безопасность?

— А где сейчас Тифон?

Они смотрят на экран, и всякое изображение пропадает.

Черным-черным-черно. Ничего нет.

— Словно Тифон и не существует вовсе, — говорит Врамин.

— Нет, — говорит Изида. — Ты смотришь на Скагганаук, заглядываешь в Бездну. Тифон отступил из Вселенной, следуя своим путем — по изнанке известного людям пространства. Может статься, что он отыскал эту самую записку Гора.

— Это не обезопасит Принца. Весь проект может пойти прахом, если только мы не сумеем добраться до него.

— Тогда скорее отправляйся к нему.

— Не могу.

— Что, твои знаменитые зеленые двери...

— Они действуют только в Срединных Мирах. Я же чер-

паю свою силу из поля. Вне его я бессилен. Леди, а как ты появилась здесь?

— Прибыла на своей колеснице.

— Десяти Незримых Сил?

— Да.

— Так давай воспользуемся ею.

— Я боюсь... Послушай, Врамин. Ты должен понять. Я — женщина, и я люблю своего сына, но люблю и свою жизнь. Я напугана. Я боюсь этого места, этого столкновения. Не думай обо мне плохо, если я отказываюсь тебя сопровождать. Можешь взять мою колесницу и отправляться на ней, но тебе придется делать это в одиночку.

— Я не думаю о тебе плохо, леди...

— Тогда возьми подвеску. Она управляет Десятью Силами, влекущими колесницу, да и тебе придаст дополнительные силы.

— Она действует и вне Срединных Миров?

— Да. — И она скользит к нему в объятия, и на миг его зеленая борода щекочет ей шею, а ее наперсник скрежещет зубами и завязывает свой хвост узлом, двойным узлом.

И она провожает его к своей колеснице на крыше Дома Мертвых; и он всходит на нее, высоко поднимая правой рукой подвеску, становится на миг деталью искусно устроенной в чреве бутылки красного стекла живой картины, потом он уже — теряющийся вдали мигающий огонек в просторах неба, за которым продолжает следить Изида.

Поеживаясь, возвращается она поближе к мертвым, не в силах не думать о том, кого боится она повстречать, кто как раз сейчас сражается с Безымянным.

Вперед смотрит Врамин нефритовыми глазами. Желтые огоньки пляшут внутри их.

В ПОЛЫМЯ

Позади глаз Врамина встает видение...

Стоит там Принц и смотрит вниз. Поверхность мира в огне. На носу ладьи Принца возвышается зверь, чье тело — доспехи, чей всадник недвижен, блестящ, и тоже смотрит он на

арену схватки. Приближается самострел. Мерно движется вперед скорлупка. Молот насторожен, выстреливает вперед. И вот, сверкая растрепанным хвостом, устремляется вперед комета, разгораясь, раскаляясь на своем пути.

Где-то бренчит банджо, и Бронза встает на дыбы, а голова Генерала вращается к левому плечу, чтобы взглянуть на пришельца. Вперед взлетает его левая рука, и Бронза продолжает вздыбливаться, над пустотой уже нависают три из четырех пар его ног, и вот спрыгивает он с корабля Принца.

Всего три прыжка делает он. Исчезают и конь, и всадник. Морщится, расплывается уголок неба, и звезды пляшут в нем, словно отражаясь в пруду, на который набежал ветерок. Ветерок этот, который не то вызывает, не то вызывают Перемены, подхватывает комету, она становится двумерной, исчезает. Вместо арбалета путь продолжает груда его обломков. Скорлупка ныряет к поверхности мира, исчезает среди дыма и пыли, среди пламени. На какое-то время картина становится натюрмортом. Затем скорлупка вырывается наружу. В ней теперь трое.

Рука Врамина сжимается на очаге кровавого света, и Колесница Десяти бросается в погоню.

Все неистовее схватка на поверхности планеты. Шар ее кажется жидким, кипящим, меняет форму, извергает вовне буйные фонтаны. Серия чудовищных вспышек — и мир трещит по швам, разлетается на части. И — ослепительность, могучая, всемогущая; и прах, смешение. Распад.

Позади нефритовых глаз Врамина, в которых пляшут желтые огоньки, это видение.

БЕЗ ДНА

Сложив руки за спиной, Принц-Который-Был-Тысячью взирает, как разрушается мир.

Разбитое тело мира, его раздавленные и расколотые члены кружатся под ним, сплющиваясь, растягиваясь, пылая, пылая, пылая.

Теперь, вращаясь по орбите вокруг обломков, наблюдает он за ними через прибор, схожий со снабженным антенной розовым лорнетом. Время от времени раздается щелчок, и антенна вздрагивает. Принц опускает прибор, поднимает его

снова, и так — несколько раз. Наконец он откладывает его в сторону.

— Что же ты видишь, брат мой?

Он поворачивает голову, рядом с ним — тень черной лошади.

— Вижу живую точку света, захваченную всем этим месивом там, внизу, — говорит он. — Искореженную, сморщенную, едва пульсирующую, но все еще живую. Все еще живую...

— Значит, наш отец потерпел неудачу.

— Боюсь, что так.

— Этого не должно быть.

И Тифон исчезает.

И вот, преследуя утлую посудину Анубиса, видит Врамин нечто, пониманию не поддающееся.

На разворошенной груде элементов, путанице стихий, бывшей когда-то миром, появляется вдруг темное пятно. Оно растет среди света, праха, чересполосицы, растет, пока его контуры не принимают отчетливую форму.

Это упала на руины мира тень черной лошади.

Она продолжает расти, пока не становится размером с континент.

Встав на дыбы, нависает черная лошадь над плывущими в пространстве развалинами. Она разрастается, раскидывается во все стороны, удлиняется, пока не оказываются внутри нее обломки всего мира.

Тогда разгорается по ее краю пламя.

Ничто лежит внутри пылающего силуэта. Вообще ничего там нет.

Потом пламя идет на убыль; и тень усыхает, садится, отходя, удаляясь, уносится прочь по длинному, абсолютно пустому коридору.

И больше там ничего нет.

Словно мир никогда и не существовал. Он исчез, кончился, ему пришел капут — ему и Тому-Безымянному-Что-Кричит-В-Ночи. И нет теперь и Тифона.

Строка приходит в голову Врамину: «Die Luft ist kuhl, und es dunkelt, und ruhig fliesst der Rhein».[1]

[1] Прохладой сумерки веют, и Рейна тих простор.
Генрих Гейне *(Перев. А. Блока)*

Он не помнит, откуда она, но ему знакомо заложенное в ней чувство.

Высоко подняв кровавый дрот, преследует он бога смерти.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Медленно пробуждаясь, распластанный андреевским крестом на поверхности стального стола, скованный по рукам и ногам, под лучами яркого света, вонзающимися, словно электрические иглы, сквозь его желтые глаза прямо в мозг, Сет тихо стонет и пробует на прочность свои путы.

Доспехи его исчезли, бледное свечение в углу вполне может оказаться звездным жезлом; башмаков, которым все равно по чему идти, не видно.

— Привет, Разрушитель, — говорит некто в рукавице. — Ты — счастливчик, что выжил в этой бойне.

— Мадрак?.. — спрашивает он.

— Да.

— Я не вижу. Этот свет...

— Я стою позади тебя, а единственная цель этого света — не дать тебе покинуть нашу посудину при помощи фуги, пока мы не будем готовы тебе это разрешить.

— Не понимаю.

— Битва внизу в самом разгаре. Я как раз наблюдаю за ней через иллюминатор. Похоже, что ты берешь верх. Через миг снова ударит Сокрушающий-Солнца-Молот, и ты, конечно, ускользнешь, как и в прошлый раз, использовав фугу. Вот почему удалось нам пару минут назад подобрать тебя — точно так же, как совершил это в стародавние дни Анубис. Тот факт, что ты появился, свидетельствует о том, что вот-вот произойдет. Ну вот! Озирис наносит удар, и Молот начинает опускаться — Анубис! Что-то не так! Что-то меняется! Молот... и... исчез...

— Да, вижу-вижу, — раздается знакомый лай. — И Озирис тоже, гм, исчез. Стальной Генерал — это его рук дело.

— Что нам теперь делать?

— Ничего. Совсем ничего. Такой поворот событий превосходит все наши ожидания. А недавнее появление Сета из фуги говорит о том, что вот-вот произойдет еще какой-то катаклизм. Разве не так, Сет?

— Так.

— Твой завершающий удар уничтожит, без сомнения, весь мир.

— Вероятно. Я не остался посмотреть.

— Ну да, вот он, — говорит Мадрак.

— Чудесно! Теперь у нас есть Сет, от Озириса мы избавлены, Стальной Генерал не в состоянии нас преследовать. Ну а Тот как раз в том положении, в каком он нам и нужен. Приветствую тебя, Мадрак, новый повелитель Дома Жизни.

— Спасибо, Анубис. Я никак не думал, что всего этого будет так легко добиться. А что, кстати, с Безымянным?

— На этот-то раз оно наверняка должно пасть. А, Сет?

— Не знаю. Я ударил по нему всей мощью жезла.

— Тогда все складывается замечательно. Теперь послушай меня, Сет. Мы не желаем тебе зла, не хотим мы причинить вред и твоему сыну Тоту. Мы спасли тебя, хотя могли оставить на произвол судьбы...

— Тогда зачем же вы меня связали?

— Потому что мне известны твои вспыльчивость и сила, и я хотел договориться с тобой, прежде чем вернуть тебе свободу. Ты мог не предоставить такой возможности, так что я обеспечил ее себе сам. Через тебя я хочу договориться с Тотом...

— Господин! — кричит вдруг Мадрак. — Погляди на разрушенный мир! На него падает чудовищная тень!

— Это Тифон!

— Да. Что он делает?

— Ты не знаешь, Сет?

— Это означает, что я потерпел неудачу и что где-то среди обломков Безымянное все еще кричит в ночи. Тифон доделывает начатое мною.

— Смотри, господин, огонь и — нет, я не в силах взглянуть на открывающуюся пустоту...

— Бездна Скагганаук!

— Да, — говорит Сет. — Тифон и есть Бездна Скагганаук. Он изгоняет Безымянное из Вселенной.

— А чем же было это Безымянное?

— Богом, — говорит Сет, — старым богом! После ухода которого, я уверен, вокруг не осталось ничего божественного.

— Не понимаю... — говорит Мадрак.

— Он шутит. Ну а что с Тифоном? Как нам быть с ним?

— Очень может быть, что никак, — говорит Сет. — Скорее всего в результате своего поступка он тоже будет извергнут из Вселенной.

— Тогда мы победили, Анубис! Мы победили! Ведь ты боялся только Тифона, не так ли?

— Да. И теперь Срединные Миры навсегда в моих руках.

— И в моих, не забудь!

— Ну конечно. Скажи мне, Сет, — ты же видишь, как повернулись звезды, — ты не присоединишься к нам? Ты станешь правой рукой Анубиса. Твой сын сможет стать регентом. Он может сам подобрать себе работу по вкусу, ибо трудно переоценить его мудрость. Что ты скажешь на это?

— Я должен обдумать это, Анубис.

— Ну конечно, сколько угодно. Не забудь только, что я теперь неуязвим.

— А ты не забывай, что я победил в битве Бога.

— Это не мог быть Бог, — говорит Мадрак, — коли Он был побежден.

— Нет, — говорит Сет. — Ты видел Его в конце. Ты лицезрел Его мощь. И даже сейчас Он не умер, Он только изгнан.

Мадрак опускает голову, закрывает лицо руками.

— Я не верю тебе! Я не могу...

— Но это правда, и ты играл во всем этом свою роль, малодушный жрец, богохульник и отступник!

— Замолчи, Сет! — кричит Анубис. — Не слушай его, Мадрак. Он видит твои слабости, как видит их и у всего, что попадается ему на пути. Он пытается вовлечь тебя в борьбу иного сорта, чтобы боролся ты с самим собой и пал жертвой вины, которую он для тебя измыслил. Не обращай на него внимания!

— Но вдруг он говорит правду? Я был безучастным зрителем и ничего не сделал — и даже воспользовался...

— Так ты и поступил, — говорит Сет. — Вина в основном моя, но я ношу ее гордо. Хотя и ты сыграл свою роль в происходящем. Ты присутствовал и наблюдал, прикидывая, какая тебе с того может быть польза, в то время как Он, которому ты служил, был сбит на колени...

Анубис наносит ему чудовищный удар.

— Итак, как я понимаю, ты пришел к определенному ре-

шению, и это твой ответ: ты пытаешься настроить Мадрака против меня. Не выйдет. Он не так легковерен, как ты полагаешь, — не так ли, отец?

Мадрак не отвечает, а продолжает глядеть в иллюминатор.

Сет пытается высвободиться из своих пут, но ему это не удается.

— Анубис! За нами погоня!

Анубис отходит от Сета, растворяется в темноте. Свет по-прежнему бьет Сету в лицо.

— Это Колесница Десяти, — говорит Анубис.

— Леди Изиды? — интересуется Мадрак. — С чего бы ей преследовать нас?

— Ведь Сет был когда-то ее возлюбленным. И может быть, остается им по сю пору. А, Сет? Что там у вас?

Но Сет не отвечает.

— Как бы там ни было, — говорит Мадрак, — она приближается. Сколь сильна Красная Ведьма? Она не причинит нам неприятностей?

— Она не так уж сильна — хотя бы потому, что боялась своего давнего господина, Озириса, веками скрываясь от него, — а я заведомо не слабее Озириса. Женщине нас не победить, особенно когда мы зашли так далеко.

Мадрак опускает голову, что-то бубнит, начинает бить себя в грудь.

— Прекрати! Не будь посмешищем.

Но Сет смеется, и Анубис с рычанием поворачивается к нему.

— За это я вырву у тебя из груди сердце!

Но Сет поднимает окровавленную левую руку, которую ему удалось выпростать из оков, и протягивает ее перед собой.

— Попробуй, пес! Одна твоя рука против одной моей! Твой жезл и любое другое оружие против левой руки Сета! Подойди поближе!

И глаза его горят, словно солнца-близнецы, и Анубис отшатывается подальше, чтобы он его не достал.

Лучи света продолжают слепить и ввинчиваться в глаза Сета.

— Убей его, Мадрак! — кричит Анубис. — Он нам больше не нужен! На тебе же Рукавица Силы! Ему не устоять против нее!

Но Мадрак не отвечает, а причитает, ударяя себя в грудь:

— Прости меня, Кто-Бы-Ты-Ни-Был или Не-Был, где бы Ты-Ни-Мог или Не-Мог-Быть, за те деяния и недеяния, которым я потворствовал или не потворствовал, как тоже могло быть, только что происшедшим событиям. Ну а в случае...

— Тогда отдай мне рукавицу! — кричит Анубис. — Скорее!

Но Мадрак, не слушая его, продолжает каяться.

Дрожь пробегает по скорлупке, и, поскольку поэт и волшебник весьма в этом поднаторел, дважды запечатанная дверь распахивается настежь, и входит Врамин.

Он размахивает тростью и улыбается.

— Как ты? А ты?

— Возьми его, Мадрак! — кричит Анубис.

Но Врамин проходит вперед, а Мадрак не может оторвать глаз от иллюминатора и продолжает бормотать.

Тогда Анубис поднимает перед собой свой жезл.

— Ангел Седьмого Поста, падший, изыди! — говорит Анубис.

— Ты используешь мой былой титул, — говорит Врамин. — Теперь я Ангел Дома Мертвых.

— Ты лжешь.

— Нет. По назначению Принца я занимаю твой прежний пост.

Неимоверно изогнувшись и напрягшись, Сет высвобождает правую руку.

Врамин раскачивает перед собой подвеску Изиды, и Анубис отступает.

— Мадрак, я приказываю тебе, убей этого человека! — кричит он.

— Врамина? — говорит Мадрак. — О нет, только не Врамина. Он хороший. Он мой друг.

Сет высвобождает правую лодыжку.

— Мадрак, если ты не убьешь Врамина, то придержи хотя бы Сета!

— «Отче или не отче наш, иже еси возможно на небеси...» — заводит нараспев Мадрак.

Рычит тогда Анубис и наставляет, словно базуку, свой жезл на Врамина.

— Ни шагу дальше, — заявляет он.

Но Врамин делает очередной шаг.

Вспышка света падает на него, но ее гасят алые лучи из подвески.

— Слишком поздно, пес, — говорит поэт.

Анубис кружит, отступает к двери, возле которой стоит Мадрак.

Сет высвобождает левую ногу, растирает ее, встает.

— Ты мертвец, — говорит Сет и шагает вперед.

Но в этот миг падает Анубис от ножа Мадрака, который всадил лезвие ему в шею прямо над ключицей.

— Я не хотел причинить вреда, — говорит Мадрак, — и пусть это хоть частично оплатит мою вину. Пес сбил меня с пути истинного. Я раскаиваюсь. Я дарю тебе его жизнь.

— Глупец! — говорит Врамин. — Я собирался взять его в плен.

Мадрак всхлипывает.

Кровь Анубиса красными струями бьет на пол скорлупки.

Сет медленно опускает голову и трет глаза.

— Что будем делать дальше? — спрашивает Врамин.

— «...Да святится имя Твое, если есть у Тебя имя и хочешь Ты, чтобы оно святилось...» — говорит Мадрак.

Сет не отвечает, он закрывает глаза и погружается в сон, который продлится много дней.

FEMINA EX MACHINA

И, тяжелая ребенком, лежит она внутри шасси машины. Стена кабинки откатилась назад. Проводники отпали от головы и спинного мозга, отключив ледяную логику, холодные фригидотронные банки памяти, категорический секс-комп-императив, питающие трубки. Она распрограммирована.

— Принц Гор...

— Да, Мегра. Не волнуйся.

— ...Ты развеял заклятие.

— Кто так чудовищно поступил с тобой?

— Ведьма Лоджии.

— Мать! Всегда она была необузданна в поступках. Мне очень жаль.

Он прикасается к ней рукой.

— Почему она так поступила?

— Она сказала, что причиной тому — факт, о котором я не знала: я ношу ребенка Сета...

— Сет! — И Гор оставляет на металлическом столе глубокие отпечатки своих пальцев. — Он взял тебя силой?

— Не совсем.

— Сет... Что ты чувствуешь сейчас к нему?

— Я его ненавижу.

— Этого хватит.

— Ему наплевать на жизнь...

— Знаю. Я больше не буду тебя о нем спрашивать. Ты отправишься со мною в Дом Жизни, Мегра из Калгана, и навсегда останешься там со мною.

— Но, Гор, боюсь, что мне придется остаться здесь. Я слишком слаба, чтобы отправляться столь далеко, и время мое на подходе.

— Быть по сему. Мы задержимся здесь до поры до времени.

И она складывает руки на животе и закрывает кобальтовые глаза. Отсветы и жар от машины заставляют ее щеки пылать.

Рядом с ней сидит Гор.

Скоро она вскрикивает.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ НЕБА И АДА

Цитадель Марачека — пустая, не пустая, вновь пустая. Почему? Послушай...

Сет без колебаний встречает чудовище, когда оно бросается на него.

И некоторое время они борются там, во дворе.

Наконец Сет ломает ему хребет, и оно лежит и вопит от боли.

Глаза Сета горят, как два солнца, и он в очередной раз обращает их туда, куда направлялся.

Тогда Тот, его сын, его отец, Принц-Который-Был-Тысячью, снова открывает флакон с быстросотворимыми чудищами и вытряхивает из него очередное семя.

Посаженная прямо в пыль, тут же у него из-под руки произрастает очередная напасть и бросается на Сета.

Безумие, таящееся внутри глаз Разрушителя, падает на тварь, и разгорается новая схватка.

Стоя над очередным поверженным телом, наклоняет Сет голову и исчезает.

Но не отстает от него, сея чудовищ, Тот, и призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, свирепствуют по всей мраморной памяти — то есть разрушенному и заново отстроенному Марачеку, древнейшему из городов.

И каждый раз, когда уничтожает Сет очередную тварь, обращает он глаза снова к тому месту и мгновению, где и когда сражался он с Безымянным и разрушил целый мир, и где встает на дыбы и пылает тень черной лошади, его сын; и, откликаясь на зов разрушения, стремится он на это место в это мгновение. Но не отстает от него Тот, отвлекает его чудовищами.

Все потому, что Сет — разрушитель, и он разрушит сам себя, если не будет у него под рукой или перед глазами ничего подходящего — в пространстве или во времени. Но мудр Принц и понимает это. Вот почему следует он за своим отцом в его путешествии сквозь время к алтарю уничтожения, начавшемся сразу после пробуждения от транса битвы с Тем-Что-Кричит-В-Ночи. Ибо знает Тот, что если сумеет он достаточно долго отвлекать отца от его паломничества, возникнет что-либо новое, против чего можно будет обратить руку Сета. Ведь всегда что-нибудь такое да возникнет.

Но сейчас движутся они вдвоем сквозь время, наполняя собою, быть может, его все, если смотреть из данного его момента, — мудрый Принц со своим смертоносным отцом-сыном, огибая все время Бездну, каковая — Скагганаук, сын, брат и внук.

Вот почему проносятся в ярости призраки Сета и монстров, с которыми он сражается, сквозь мраморную память — разрушенный и отстроенный заново Марачек, древнейший из городов.

СОН ВЕДЬМЫ

Она сидит в Доме Мертвых, в темной, глубоко схороненной крипте, и ее сознание — снежинка, тающая, уже исчезнувшая. Но ревет мотоцикл, именуемый Время, стоит нажать на газ, и там, в припоминаемом зеркале, лежат битвы по-

следних дней: мертвый Озирис и ушедший Сет. И там же зеленый смех Врамина, Врамина-безумца, Врамина-поэта. Едва ли пара он Ведьме Лоджии. Ну да лучше не поднимать тревогу. Проспать век, потом посмотреть, как устроил все Тот. Здесь, среди праха мумий и догоревших свечей, здесь, в глубочайшем погребе Дома Мертвых, где нет ни у кого имен, никто их не ищет и никогда не будет искать; здесь — спать. Спать, и пусть живут себе Срединные Миры, знать не ведая об Алой Леди, которая — Вожделение, Жестокость, Мудрость — и мать и возлюбленная выдумки и неистовой красоты.

Порождения света и тьмы пляшут под ножом гильотины; и пугает Изиду поэт. Порождения света и тьмы то надевают, то сбрасывают облачения человека, машины или бога; и по душе Изиде пляска. Порождения света и тьмы роем возникают, мгновенно гибнут, могут ожить, могут не оживать; и по нраву Изиде их облачения.

Видя эти сны, пугается ее наперсник и теснее прижимается к ней малыш, который кричит в ночи.

Крутятся колеса, неуклонно нарастает рев мотоцикла, но это, конечно же, лишь вид тишины.

АНГЕЛ ДОМА ЖИЗНИ

(Пешком пробираются они среди ночи. Их трое, вместе проходят они по местам веры и безверия. Они проходят через места развлечений для всех рас, и приходят наконец на ярко освещенный Проспект Оракулов, и идут вдоль него, минуя астрологов, нумерологов, гадателей по колоде Таро, толкователей Ицзина.

И вот, пока идут они, постепенно убывает свет вокруг них, тусклость и сырость уступают место полумгле и запущенности. Но небо над ними ясно, и сияют им с него звезды. Все уже улочка, дома теснятся вокруг них, канавы заполнены отбросами; запавшими глазами смотрят на них дети, почти невесомые в обрамлении материнских рук.

Они перешагивают через мусор; бредут прямо по нему. И никто не пытается заговорить с этой троицей. Словно запах, исходит от них сила, а цель придает им некое избранничество.

Осанка их непринужденна, богаты одежды. Они проходят ми-

мо битых бутылок и сцепившихся кошек, и кажется, что все это для них не существует.

Над ними в небесах вспыхивает звезда, это свет мира, разрушенного Сетом, пришел наконец и сюда, явившись в облике новой звезды и расцветив их цветами от красного до синего.

Холоден ветер, но они не обращают на это внимания. Слово «fuck» на девяноста четырех языках выцарапано на стене, но они не замечают этого.

И, лишь подойдя к полуразрушенной машине, останавливаются они перед непристойным рисунком на двери, ведущей внутрь.)

Первый

Мы на месте.

Второй

Давайте войдем.

Третий

Да.

(Первый прикасается к двери серебряным набалдашником своей трости, и дверь распахивается настежь.

Он входит, следом за ним остальные.

Они проходят по коридору, и он касается еще одной двери.

И она тоже открывается перед ним, и они опять останавливаются.)

Гор

Вы!

(Тот, чьи глаза блестят в тени зеленью, кивает.)

Почему вы здесь?

Человек с железным кольцом на пальце

Сообщить тебе, что твой отец мертв.

Гор

Кто ты?

Человек с железным кольцом на пальце

Ты знал меня как Стального Генерала. Я убил Озириса и сам был разбит. Принц собрал меня, и до поры до времени я

снова ношу плоть. Я пришел рассказать тебе, как все было, и прямо заявить, что сделал я это не украдкой и не злодейски, но в открытом поединке и в ходе войны.

Гор

Ты правдив. Скорее чем кому бы то ни было поверю я тебе. И я не ищу удовлетворения, если было честно содеяно это в рамках войны.

А чем кончилась война?

Толстяк, весь в черном, один глаз которого — серое, крутящееся колесо

Срединными Мирами вновь владеет Принц.

Врамин

И мы — его посланники, мы пришли к тебе с просьбой, чтобы вернулся ты в Дом Жизни и правил там вместо своего отца как Ангел этого Поста.

Гор

Ясно. А что с Сетом?

Врамин

Он ушел. Никто не знает куда.

Гор

Это меня радует. Весьма радует. Да, полагаю, я вернусь.

Мадрак

(падая на одно колено перед Мегрой из Калгана.)

Что это за дитя?

Гор

Мой сын.

Мадрак

Сын Гора. Ты уже дал ему имя?

Гор

Нет еще.

Мадрак

Прими поздравления.

Генерал

Да.

Врамин

От всех нас.

Гор

Благодарю.

Врамин

Я даю ему подвеску Изиды, средоточие силы. Я знаю, ей будет приятно, что владеет ею ее внук.

Гор

Спасибо.

Генерал

Я даю ему кольцо, это часть моего первого тела, и оно хорошо мне послужило. Во времена нужды оно всегда напоминало мне о моей человечности.

Гор

Спасибо.

Мадрак

Я даю ему свой посох, с ним ему будет спокойнее. По древнему преданию, посохи обладают таким свойством. Не знаю почему.

Гор

Спасибо.

Мадрак

А теперь мне пора. Я начинаю покаянное паломничество. Славься, Ангел Дома Жизни!

Гор

Удачи тебе в странствиях, Мадрак.
(Мадрак уходит.)

Генерал

Вновь намечается революция, и мне надо ее поддержать. Пойду за конем. Славься, Ангел Дома Жизни!

Гор

Удачной революции тебе, Генерал.
(Генерал уходит.)

Врамин

А я отправляюсь в Дом Мертвых, где ныне правлю. Славься, Ангел Дома Жизни! Принц свяжется с тобой на днях из Марачека. И другие ангелы остальных Постов соберутся воздать тебе честь.

Гор

Изысканной поэзии и доброго тебе безумия, Врамин.

Врамин

Благодарю тебя, и сдается мне, что почти все уже сказано.

Гор

Да, пожалуй.

(Врамин поднимает свою трость, и на пол падает и сияет там стихотворение.

Гор опускает глаза, чтобы прочесть его, а когда снова поднимает их, зеленый человек уже ушел.

Когда стихотворение блекнет и выцветает, Ангел Дома Жизни знает, что в нем содержалась истина, но забывает слова — как, собственно, и должно быть.)

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

Бену Джейсону

— Ты ведь калликанзарос, — неожиданно объявила она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои рога и копыта я оставил в конторе.

— Так ты знаешь, про кого я!

— Вообще-то я Номикос.

Я потянулся к ней и нашел ее.

— Ты что, действительно собираешься разрушить весь мир?

Я засмеялся и привлек ее к себе.

— Надо подумать. Если именно поэтому Земля и разваливается...

— Послушай, у детей, рожденных здесь на Рождество, калликанзаросская кровь, — сказала она, — а ты однажды обмолвился, что твой день рождения...

— Вот и отлично!

Мне пришло в голову, что она лишь наполовину шутит.

Зная, какие существа могут случайно попасться на глаза в этих Старых, а теперь Горючих, местах, начинаешь почти без труда верить в мифы — в разные там россказни о похожих на Пана лешаков, которые собираются каждую весну, чтобы потолкаться под Деревом Мира, а затем разбежаться кто куда от звона пасхальных колоколов. (Дин-дон — колокола, клак-клак — зубы, цок-цок — копыта и т. д.) Мы с Кассандрой не имели привычки обсуждать в постели вопросы религии, политики или фольклор Эгейского бассейна, но меня, поскольку в этих местах я и родился, подобные воспоминания задевают за живое.

— Ты делаешь мне больно, — сказал я полушутя-полусерьезно.

— А мне не больно?

— Прости.

Я снова расслабился. Помолчав, я объяснил:

— Когда я был сорванцом и ко мне приставали другие сорванцы, они меня звали «Константин Калликанзарос». Когда я подрос и подурнел, они перестали так меня звать. По крайней мере в лицо...

— «Константин»? Твое имя? А я полагала...

— Теперь я Конрад, и больше не будем об этом.

— Но мне оно нравится. Я бы лучше звала тебя «Константин», чем «Конрад».

— Ну, если тебе приятно...

Луна выкатила свою постную физиономию на подоконник и стала строить мне рожи. Я не мог достать не только до луны, но и до окна, потому отвернулся. Ночь была холодной, влажной и полной тумана — здесь всегда такие.

— Комиссар по делам Искусств, Памятников и Архивов планеты Земля не станет рубить Дерево Мира, — проворчал я.

— Калликанзарос мой, — откликнулась она слишком поспешно, — я этого не говорила. Но с каждым годом колоколов все меньше, а добрые намерения далеко не всегда идут в расчет. Впрочем, у меня такое чувство, что, так или иначе, ты все изменишь. Можешь изменить...

— Ошибаешься, Кассандра.

— А мне страшно и холодно...

Она была прелестна в темноте, и я обнимал ее, чтобы хоть как-то уберечь от этих туманов, влажных и знобких.

Пытаясь воссоздать в памяти подробности минувших шести месяцев, теперь я осознаю, что, пока мы огораживали страстью наш октябрь и остров Кос, Земля уже пала в руки сил, что сметают все октябри. Возникнув изнутри и извне, эти силы роковой развязки уже тогда маршировали гусиным шагом среди руин — безликие, неотвратимые, с оружием на изготовку.

Корт Миштиго приземлился в Порт-о-Пренсе на древнем «Сол-Бус Девять», который доставил его с Титана в сопровождении груза, состоявшего из туфель и рубашек, нижнего белья, носков, вин разных марок, разных медицинских средств и новейших магнитофонных кассет, всех этих производных цивилизации. В общем, богатый и влиятельный журналист Галактики. Насколько богатый — для нас это оставалось

неизвестным еще много недель, а насколько влиятельный — для меня открылось лишь пять дней тому назад.

Пока мы бродили по рощам одичавших олив, лазали по руинам франкского замка или вплетали наши следы в следы серебристых чаек, похожие на иероглифы, там, на влажных песках пляжей острова Кос, мы прожигали время в ожидании расплаты, которой могло и не быть и которой на самом деле вовсе и не следовало ожидать.

Волосы Кассандры — цвета олив Катамары и блестят. Руки у нее мягкие, пальцы короткие, с нежными перепонками. Глаза очень темные. Она ниже меня только на четыре дюйма, но это не мешает ей быть грациозной, а во мне как-никак шесть футов с лишком. Вообще-то рядом со мной любая женщина — сама грация, совершенство и привлекательность, поскольку ничего подобного во мне нет; левая моя щека была в ту пору вроде карты Африки, выполненной в пурпурных тонах, — и все из-за мутантного грибка, который я подцепил от заплесневевшего с задней стороны холста, когда в нью-йоркскую поездку откапывали Галерею Гуггенхейма; мысок линии волос у меня всего на ширину пальца отступает от бровей, глаза разные. (Когда я хочу устрашить человека, я вперяюсь в него холодным голубым правым глазом, карий же служит для Взглядов Искренних и Честных.) Правый сапог у меня с утолщенной подошвой, поскольку сама нога короче.

Хотя для Кассандры в подобном контрасте нет нужды. Она прекрасна.

Я встретился с ней случайно, преследовал ее без удержу, женился на ней против желания. (Это была ее идея.) Сам я об этом действительно не думал — даже в тот день, когда пригнал свой хайк в бухту и увидел ее там русалкой, нежащейся под солнцем близ плоской кроны дерева Гиппократа, и решил, что хочу быть с ней. Калликанзаройцы особой приверженностью к семье никогда не отличались. Я вроде как поскользнулся. В очередной раз.

Стояло ясное утро. Начало нашего третьего месяца вместе. Это был последний мой день на Косе, поскольку вчера вечером я получил вызов. Все еще было влажным после ночного дождя, и мы сидели в патио — пили кофе по-турецки и ели апельсины. День понемногу нажимал на педали, въезжая

в этот мир. Бриз дул влажно и прерывисто, покрывая нас гусиной кожей под черной тяжестью свитеров и срывая парок с края кофейных чашек.

— «Родос, перстами дарящий Аврору...» — произнесла она, вытягивая перед собой руку.

— Угу, — кивнул я, — действительно она, розовоперстая и славная.

— Давай полюбуемся.

— Угу. Прости.

Мы допили кофе и закурили.

— Чувствую себя погано, — сказал я.

— Знаю, — ответила она. — Только зря ты так.

— Ничего не могу с собой поделать. Велено уезжать, покидать тебя — вот и погано.

— Может, всего на пару недель. Ты сам так говорил. И потом ты вернешься.

— Надеюсь, — сказал я. — Хотя, если это затянется, я пошлю за тобой. До сих пор неизвестно, где я буду.

— Кто этот Корт Миштиго?

— Деятель с Веги, журналист. Важная птица. Хочет написать о том, что от Земли осталось. Вот я и должен ему показать. Я. Лично. Черт его дери!

— Если тебе дают десятимесячный отпуск на плавание, то не жалуйся, что перетрудился.

— А я жалуюсь и буду жаловаться. Считается, что моя работа — это синекура.

— Почему?

— В основном потому, что я сам так поставил. Двадцать лет я вкалывал, чтобы сделать Искусства, Памятники и Архивы тем, что они есть теперь, а десять лет назад я довел это дело до того, что мои сотрудники прекрасно управляются и сами. Так что я позволяю себе пастись на лужайке и являться, когда хочу, чтобы подписать бумаги да заодно поделать что-нибудь эдакое, для собственного удовольствия. И на́ тебе — лизать чей-то сапог! Чтобы сам Комиссар ехал вместе с веганским писакой, когда его мог бы сопровождать любой мой сотрудник. Не боги же они, веганцы!

— Одну минутку, — сказала она, — извини. Ты сказал: «Двадцать лет? Десять лет?»

Такое чувство, будто тонешь.

— Тебе ведь нет и тридцати.

Я погрузился. Подождал. Снова выплыл.

— Гм... знаешь, есть кое-что такое, о чем я, человек в общем-то скрытный, никогда при тебе не упоминал... А тебе-то сколько, Кассандра?

— Двадцать.

— Ух! М-да... Я примерно раза в четыре тебя старше.

— Не понимаю.

— Я тоже. Даже доктора. Я как бы остановился где-то между двадцатью и тридцатью, там и остаюсь. Полагаю, что это словно, ну... часть моей персональной мутации, так вот примерно. Разве это что-нибудь значит?

— Не знаю... Да, значит.

— Тебе наплевать на мою хромоту, мою жуткую косматость, даже на мое лицо. Тогда почему тебя должен волновать мой возраст? Я молод для всего, что положено.

— Это как раз не одно и то же, — сказала она непримиримо и окончательно. — Что, если ты никогда не станешь старше?

Я куснул губу:

— Должен, рано или поздно.

— А если поздно? Я люблю тебя. Я не хочу, чтобы ты был без возраста.

— Ты проживешь до ста пятидесяти. Есть специальные средства Ж. С. Ты будешь их принимать.

— Но они не оставят меня молодой, вроде тебя.

— На самом деле я не молод. Я родился старым.

Это тоже не помогло. Она начала плакать.

— Впереди еще столько лет, — напомнил я ей. — Кто знает, что за это время может случиться?

После этих слов она еще пуще заплакала.

Я всегда живу по воле импульса. С головой у меня, в общем, все в порядке, но получается, что, как правило, я начинаю соображать только после того, как что-нибудь ляпну и дальнейший разговор уже теряет смысл.

Вот одна из причин, почему я имею штат компетентных сотрудников, хорошую радиосвязь и пасусь себе на лужайке большую часть времени.

Однако есть вещи, которые никому не препоручишь.

Поэтому я сказал:

— Послушай, тебя ведь тоже не обошло Горючее Вещест-

во. Я только через сорок лет понял, что мне не сорок. Может, то же самое и с тобой. И я просто соседский малыш...

— Ты что-нибудь знаешь о других подобных случаях?

— Ну, если...

— Не знаешь.

— Не знаю.

Помню, тогда я снова испытал желание оказаться на борту корабля. Не на большом великолепном судне, а просто на моей старой посудине «Золотой Идол», прямо там, в бухте. Помню, мне захотелось снова привести его в гавань и увидеть в тот первый сверкающий миг там Кассандру, и чтобы можно было начать все сначала — и то ли рассказать ей сразу же обо всем, то ли пробиться назад, сквозь уходящее время, и держать язык за зубами по поводу своих лет.

Это была неплохая идея, но, черт возьми, медовый месяц уже закончился.

Я подождал, пока она перестанет плакать и я снова почувствую на себе ее взгляд. Затем я еще немного подождал.

— Ну как? — спросил я наконец.

— Нормально, спасибо.

Я нашел ее вялую руку и поднес к губам.

— Родос, перстами дарящий, — тихо выдохнул я, и она сказала:

— Может, это хорошо, что ты уезжаешь, — не насовсем же...

И бриз, срывавший пар с кофейных чашек, снова явился, влажный, покрывающий нас гусиной кожей и вызывающий дрожь то ли в ее, то ли в моей руке — точно не знаю. Он встряхивал и листья, и они роняли росу на наши головы.

— А ты не преувеличиваешь специально для меня свой возраст? Хотя бы немножко?

Тон ее голоса предполагал, что самым разумным будет с нею согласиться. Поэтому я ответил со всей убедительностью:

— Да.

В ответ она улыбнулась, в какой-то мере снова уверовав в мою человеческую природу. Ха!

Так мы там и сидели, держась за руки и глядя на пробуждение дня. Вдруг она начала напевать. Это была грустная песня, рожденная много веков назад. Баллада. В ней рассказывалось о молодом борце по имени Фемокл, борце, который ни

разу не терпел поражения. Так что, само собой, он решил, что он величайший борец на земле. В конце концов Фемокл бросил свой вызов с вершины горы, и, так как оттуда до жилища богов было недалеко, они быстро откликнулись: на следующий же день на спине огромной дикой собаки, покрытой железом, в город въехал мальчик-калека. Они боролись три дня и три ночи, Фемокл и мальчик, и на четвертый день мальчик переломил молодому борцу хребет и оставил его там, в поле. И где проливалась кровь его, там вырастал strigefleur, как называет его Эммет, цветок-вампир, который, не имея корня, стелется, крадется в ночи, ища утраченный дух павшего победителя в крови его жертв. Но дух Фемокла покинул землю, и цветам этим вечно красться и искать. Проще, чем у Эсхила, но и мы ведь проще, чем были когда-то, особенно обитатели Материка. Кроме того, на самом деле все происходило вовсе не так.

— Почему у тебя слезы? — вдруг спросила она меня.

— Я подумал об изображении на щите Ахиллеса и о том, как это ужасно — быть образованным существом. И это не слезы. Это на меня с листьев капает.

— Я сделаю еще кофе.

Пока она возилась, я вымыл чашки и сказал, чтобы она позаботилась об «Идоле» и чтобы поставила корабль в сухой док, если я пришлю за ней. Она пообещала.

Солнце еще выше забралось в небо, и вскоре со двора старого Алдониса, гробовщика, стал доноситься стук молотка. Проснулись цикламены, и в дуновениях бриза долетал с полей их аромат. В небе высоко над головой, словно темное предзнаменование, скользила по направлению к материку летуче-паучья мышь. Я дернулся, чтобы подхватить ствол тридцать шестого калибра да бабахнуть, да посмотреть, как она упадет. Но все известное мне огнестрельное оружие было на борту «Идола», так что я просто проследил, как она скрылась из глаз.

— Говорят, на самом деле их родина не Земля, — сказала Кассандра, глядя вслед, — и что их завезли с Титана для зоопарков и прочих подобных мест.

— Верно.

— ...И что их упустили во время Трех Дней, они одичали и выросли и стали еще больше, чем были там, откуда родом.

— Однажды я видел одну с размахом крыльев в тридцать два фута.

— Брат моего деда как-то рассказывал мне историю, которую он слышал в Афинах, — вспомнила Кассандра, — о человеке, убившем такую же летуче-паучью мышь безо всякого оружия. Она напала на него в доке, где он стоял, в Пирее, и понесла, а он голыми руками сломал ей шею. Они упали в залив с высоты примерно в сто футов. И человек остался жив.

— Это было давно, — вспомнил я, — еще до того как Контора начала кампанию по истреблению этих тварей. Тогда их было много больше и они были посмелее. Теперь они держатся подальше от городов.

— Насколько я помню эту историю, человека звали Константин. Часом, не ты?

— Его звали Карагиозис.

— А ты не Карагиозис?

— Если тебе этого хочется. Только почему?

— Потому что позднее он помог основать в Афинах Возвращенство Редпола. К тому же у тебя очень сильные руки.

— Ты возвращенка?

— Да. А ты?

— Я работаю на Контору. У меня нет политических взглядов.

— Карагиозис бомбил курорты.

— Бомбил.

— Тебе не жаль, что он их бомбил?

— Нет.

— Я действительно мало про тебя знаю.

— Ты про меня знаешь достаточно. Но можешь и спросить. У меня нет тайн, правда... Воздушное такси уже близко.

— Я ничего не слышу.

— Услышишь.

Через мгновение оно появилось в небе, скользя вниз к Косу и направляясь на радиомаяк, который я установил в углу патио. Я встал и помог подняться Кассандре, а такси уже опустилось — скиммер Рэдсона: двадцатифутовая скорлупка, вся — прозрачность и зеркальность, плоскодонная, тупоносая.

— Хочешь что-нибудь взять с собой? — спросила она.

— Ты знаешь что, только не могу.

Скиммер сел и плавно открылся сбоку. Пилот в защитных очках повернул голову.

— У меня такое чувство, — сказала она, — что впереди у тебя какая-то опасность.

— Сомневаюсь.

Слава Богу, что ни давление, ни осмос не возродят утраченное Адамом ребро.

— До свидания, мой калликанзарос.

И я сел в скиммер и прыгнул в небо, шепча про себя молитву Афродите. Внизу Кассандра махала мне рукой. За спиной солнце натягивало свою световую сеть. Мы неслись на запад. От Коса до Порт-о-Пренса четыре часа лета, серая вода, бледные звезды и я, псих. Только и оставалось, что смотреть на цветные огни...

Холл был битком набит людьми, большая тропическая луна сияла так, будто вот-вот лопнет, а причина, почему я видел и то и другое, заключалась в том, что мне в конце концов удалось завлечь Эллен Эммет на балкон при открытых магнитных дверях.

— Снова из мертвых, — приветствовала она меня, сдержанно улыбаясь. — Год почти прошел, мог бы и послать с Цейлона открытку, здоровья пожелать.

— Ты что, болела?

— Заболеешь тут.

Она была маленькой и, подобно всем, кто ненавидит день, белой под своим полугримом, как сметана. Она напоминала мне совершенную механическую куклу с неисправной начинкой — холодная грация и некая предрасположенность бить людей ногой в челюсть, когда они меньше всего этого ожидают. Копна оранжево-коричневых волос, завязанных в гордиев узел по последней моде, что выводило меня из себя, когда я пытался его развязать — мысленно, конечно; глаза того цвета, что пришелся бы по вкусу очередному богу, на которого пал бы ее выбор именно в этот день, — да, забыл, где-то глубоко-глубоко на дне они всегда голубые. Все, что бы она ни носила, было коричнево-зеленым и весьма просторным, достаточно пару раз выйти в таком наряде, правда, ее это каким-то чудом миновало; а может, она снова беременна, хотя вряд ли.

— Что ж, желаю здоровья, — сказал я, — если ты в нем ну-

ждаешься. Я не занимался Цейлоном. Большую часть времени я был на Средиземном.

Внутри раздались аплодисменты. Просто чудесно, что я снаружи. Исполнители как раз закончили «Маску Деметры», которую Грейб написал пентаметром специально в честь нашего гостя с Веги; вещь была два часа длиной и скверной. Фил — человек жутко образованный и почти лысый и вполне подходил для своей роли, но с того дня, как мы остановили на нем свой выбор, нам пришлось изрядно потрудиться на будущего лауреата. Ему поручили примериться к Рабиндранату Тагору и Крису Изервуду, заняться сочинением устрашающе длинной метафизической эпики, как можно больше разглагольствовать об эпохе Просвещения и ежедневно выполнять на берегу моря дыхательные упражнения. Во всем же остальном он был человеком вполне достойным.

Аплодисменты стихли, и я услышал стеклянное теньканье заигравшей телинстры и ожившие голоса.

Эллен прислонилась спиной к ограде.

— Слышала, что ты вроде как женился недавно.

— Верно, — признался я, — но вроде как поспешил. Почему меня отозвали?

— Спроси у своего босса.

— Спрашивал. Тот говорит, что меня назначают гидом. Однако я хотел бы выяснить — почему? Настоящую причину. Я думаю об этом, но вопросов не меньше, а больше.

— Откуда мне знать?

— Ты знаешь все.

— Ты меня переоцениваешь, дорогой. Какая она из себя?

Я пожал плечами:

— Возможно, русалка. А что?

Она пожала плечами:

— Обычное любопытство. А как ты говоришь обо мне людям? С кем сравниваешь?

— Когда я говорю о тебе, то не сравниваю.

— Обижаешь. Должна же я быть на кого-то похожа, если я только не уникум.

— Вот именно, ты уникум.

— Тогда почему ты не взял меня с собой в прошлом году?

— Потому что ты существо социальное и тебе нужен город. Ты можешь быть счастлива только здесь, в Порту.

— Но я не счастлива здесь, в Порту.

— Здесь, в Порту, ты несчастлива меньше, чем в любом другом месте на этой планете.

— Мы могли бы попробовать, — сказала Эллен и повернулась ко мне спиной, чтобы посмотреть с откоса на огни видимой отсюда части гавани. — Знаешь, — продолжила она, помолчав, — ты настолько уродлив, что это делает тебя привлекательным. Видимо, так.

Я остановился рядом, в паре дюймов от ее плеча.

— Знаешь, — голос ее звучал плоско, опустошенно, — ты ночной кошмар с походкой мужчины.

Я остановил свой порыв, закатившись грудным смехом.

— Знаю. Приятных снов.

Я повернулся, чтобы уйти, но она поймала меня за рукав.

— Погоди!

Я посмотрел вниз, на ее руку, затем вверх, на ее лицо, затем вниз, на ее руку. Она выпустила рукав.

— Знаешь, я никогда не говорю правду, — сказала она. Затем засмеялась своим коротким ломким смешком. — ...И я подумала, что кое-что тебе следует знать об этой поездке. Здесь Дональд Дос Сантос.

— Дос Сантос? Странно.

— Сейчас он наверху, в библиотеке, вместе с Джорджем и каким-то большим арабом.

Я посмотрел мимо нее вниз на гавань, где по тускло освещенным улицам двигались тени, похожие на мои мысли, темные и медленные.

— Большой араб? — произнес я наконец. — Руки в шрамах? Желтые глаза? По имени Хасан?

— Да, верно. Ты с ним встречался?

— В прошлом он кое-что сделал для меня, — признал я.

Так я стоял и улыбался, хотя кровь во мне застыла, — улыбался, потому что не люблю, чтобы люди знали, о чем я думаю.

— Улыбаешься, — проронила Эллен. — Интересно, о чем ты думаешь?

В этом вся она.

— Я думаю, что ты относишься к жизни серьезнее, чем можно было бы предположить.

— Чушь. Я часто тебе говорила, что я ужасная лгунья. Да,

буквально секунду назад — я лишь намекала на маленькую стычку в большой войне. И ты прав, что здесь я менее несчастлива, чем в любом другом месте на Земле. Может, ты поговоришь с Джорджем — возьми его на работу на Тайлер или Бакаб. Возьмешь, а?

— Ага, — сказал я. — Всенепременно. Клянусь. Именно так и сделаю. После того, как ты десять лет этим занималась... А что с его коллекцией жуков?

Она изобразила улыбку.

— Растет, прыжками и скачками. А также жужжит и ползает... и некоторые из этих ползучих — радиоактивны. Я ему говорю: «Джордж, завел бы себе женщину, вместо того чтобы тратить все свое время на жуков». Но он только головой трясет, весь такой занятый. Потом я говорю: «Когда-нибудь один из этих уродцев возьмет и укусит тебя и сделает импотентом. Что тогда?» А он объясняет, что такого не может быть, и читает мне лекцию о ядах насекомых. Может, он сам большой жук, замаскировавшийся. Думаю, Джордж испытывает что-то вроде оргазма, наблюдая, как они роятся в этих баночках. Не знаю...

Я повернулся и заглянул в холл, поскольку выражение ее лица изменилось. Услышав смех Эллен, я обернулся к ней и сжал ее плечо.

— О'кей, теперь я знаю больше, чем раньше. Спасибо. Скоро увидимся.

— Мне подождать?

— Нет, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я ушел.

На то, чтобы пересечь пространство, может потребоваться и время, и обходительность, особенно если там куча народу и все тебя знают, и у всех в руках фужеры, а ты к тому же слегка прихрамываешь.

Куча и была, и все знали, и держали фужеры, и я хромал. Так что...

Позволив себе только самые скромные и неприметные мысли, я отмерил с краю, вдоль стены, как бы по периферии человечества, двадцать шагов, пока не достиг компании юных леди, которых этот старый холостяк всегда держал под-

ле себя. Подбородка у него не было, как, в общем, и губ, волосы повылезли, и выражение, которое жило когда-то на лице, на этой материи, обтягивающей его череп, давным-давно ушло во тьму глаз и таилось в этих глазах, остановившихся на мне, — улыбка готовности быть неизбежно оскорбленным.

— Фил, — сказал я, кивая, — не каждый напишет такую «Маску». Я слышал разговоры, что это умирающее искусство... Чудовищная ложь!

— Ты еще жив, — произнес он, и голос его был лет на семьдесят моложе, чем все остальное, — и снова опоздал, как обычно.

— Приношу свое искреннее раскаяние. Меня задержали в доме одного старого друга на дне рождения леди, которой сегодня исполнилось семь.

(Что было правдой, хотя и не имеющей отношения к данной истории.)

— У тебя все друзья старые, не правда ли? — спросил он, и это был удар ниже пояса, потому что когда-то я знал его почти забытых ныне родителей и водил их к южной стороне Эрехтейона, чтобы показать им Портик Кариатид, в то время как на моих плечах сидели их яркоглазые отпрыски и я рассказывал ему, Филу, мифы, которые были старыми уже тогда, когда возникли все эти храмы.

— ...Мне нужна твоя помощь, — сказал я, не обращая внимания на этот укол и осторожно прокладывая путь сквозь мягкий и язвительный кружок женщин. — Эдак я всю ночь буду прорываться из холла к Сэндзу, который устраивает прием нашему веганцу, — извиняюсь, мисс, — а у меня нет на это ночи. Простите меня, мэм... Так что я прошу, чтобы ты вмешался.

— Это вы, Номикос! — вздохнула одна маленькая очаровашка, уставившись на мою щеку. — Я всегда хотела...

Я схватил ее руку, прижал к губам, отметив, что ее камея на перстне наливается розовым, произнес: «А ну как отрицательный кисмет, а?» — и выпустил руку.

— Как ты насчет этого? — спросил я Грейба. — Отведи меня туда за минимум времени в своей типичной светской манере, под разговор, который никто не посмеет прервать, о'кей?

Он бесцеремонно кивнул.

— Извиняюсь, дамы, я скоро вернусь.

Мы двинулись наискосок, пробираясь по людским аллеям. Высоко над головой медленно проплывали и поворачивались люстры, как граненые ледяные сателлиты. Телинстра, цивилизованный вариант Эоловой арфы, рассыпала вокруг осколки цветного стекла — мелодию песни. Люди жужжали и роились, точь-в-точь как насекомые Джорджа Эммета, и, стараясь избежать их толчеи, мы переставляли без паузы ногу за ногой и производили собственный шум. Несмотря на тесноту, мы ни на кого не наступили.

Ночь была теплой. Большинство мужчин были одеты в невесомую черную униформу, в которой, согласно протоколу, и гробит себя здесь Личный Состав. На ком ее не было, те к нему не относились.

Неудобные, несмотря на свою легкость, черные костюмы застегиваются по бокам снизу, впереди же, где гладко, слева над грудью находится знак различия — для Земли он четырехцветный: зеленый, голубой, серый и белый, трех дюймов в диаметре; ниже располагается эмблема ведомства вместе с меткой ранга; на правой же стороне собраны благословенные крохи цыплячьего помета — символ, о котором можно только мечтать, так он утверждает тебя в чувстве собственной значимости, — его выдает Контора с богатым воображением под названием Полировка, Ремонт Орденов, Символов, Медалей (коротко ПРО СИМ — первый ее Директор ценил свое место). Ворот костюма имеет склонность после первых десяти минут превращаться в удавку, во всяком случае мой.

Дамы носили или не носили все, что им нравилось, обычно яркое или в придачу с полупастельным (если только не принадлежали к Личному Составу, в таком же случае они были аккуратненько упакованы в черные костюмы с терпимыми воротниками и короткими юбками); все это в общем-то помогает отличать хранителей Земли от хранимых.

— Я слышал, Дос Сантос здесь, — сказал я.

— Значит, здесь.

— А почему?

— По правде говоря, не знаю и знать не хочу.

— Тэк-с, тэк-с... Что стряслось с твоим замечательным чутьем политика? Отдел Литературной Критики обычно награждал тебя за него.

— В мои годы запах смерти с каждой новой встречей становится все тревожней.

— Разве Дос Сантос пахнет?

— Скорее смердит.

— Я слышал, что он нанял нашего бывшего партнера — по тому давнему Мадагаскарскому делу.

Фил вскинул голову и стрельнул в меня вопрошающим взглядом.

— Быстро до тебя доходят новости. Впрочем, ты друг Эллен... Да, Хасан здесь. Он наверху с Доном.

— Кого же это он на сей раз собирается избавить от груза кармы?

— Еще раз говорю: не знаю и знать ничего не желаю.

— А может, рискнешь прикинуть?

— Навряд ли.

Мы вошли в кое-как засаженную деревьями секцию зала, и я задержался, чтобы прихватить спиртного с глубокого подноса — больше не было мочи смотреть, как он плывет над головой; кончилось тем, что я надавил на желудь, свисавший на собственном хвостике. При сем поднос послушно опустился, весь как сама улыбка, и явил мне сокровища своего морозного нутра.

— О радость! Купить тебе выпить, Фил?

— Я думал, ты спешишь.

— Спешу, но мне нужно осмыслить ситуацию.

— Что ж, прекрасно. Полукоку, пожалуйста.

Я покосился на него и передал ему сей напиток. Затем, когда он отвернулся, я проследил за его взглядом туда, где стояли легкие удобные кресла, занимавшие нишу, образованную двумя сторонами северо-восточного угла комнаты и корпусом телинстры с третьей стороны. На телинстре играла пожилая леди с мечтательными глазами. Земной Директор Лоурел Сэндз пыхтел своей трубкой...

Да, эта трубка — одна из самых интересных достопримечательностей личности Лоурела. Подлинный Меершаум[1], а в мире их осталось не так уж много. Что же до остального, то директор функционирует скорее как антикомпьютер: ты потчуешь его самыми разными фактами, собранными по крупи-

[1] Курительная трубка с чубуком из особого материала.

це, цифрами, статистикой, а он превращает все это в помойку. Глубокий взгляд и манера говорить медленно и громко, не сводя с тебя темных глаз; жестикуляцию себе не позволяет, в крайнем случае — очень взвешенную, тогда он широкой правой лапой пилит воздух или же тыкает воображаемых дам своей трубкой; виски седые, но над ними волос еще темен, скулы высокие, цветом лица он как раз для своих твидов (черных костюмов Сэндз старательно избегает), притом он постоянно пытается выдвинуть челюсть хотя бы на дюйм подальше и повыше, чем это представляется возможным. Он здесь политический представитель Земного Правительства на Тайлере и к своей работе относится вполне серьезно, доходя в служебном рвении даже до того, что периодически предпринимает атаки на моральные язвы общества. На Земле он не самый умный человек. Он мой босс. Он также один из близких моих друзей.

Возле него сидел Корт Миштиго. Я чуть ли не кожей осязал, как Фил его ненавидит — начиная от бледно-голубых подошв его шестипалых ступней и кончая полоской розовой краски — знаком принадлежности к высшей расе, — тянувшейся по его волосам от виска к виску. Ненавидит не столько потому, что он это он, а потому, как я был уверен, что Корт ближайший наличествующий родственник — внук — Татрама Иштиго, который еще сорок лет тому назад наглядно продемонстрировал, что величайший из нынешних англоязычных писателей — веганец. Сей пожилой господин на том и стоит до сих пор, и я не уверен, что Фил когда-нибудь простит его за это.

Краем глаза (того, что голубой) я видел, как по большой нарядной лестнице на другом конце зала поднимается Эллен. Краем другого глаза я видел, что Лоурел смотрит в мою сторону.

— Меня засекли, — сказал я, — надо пойти выразить свое уважение этому Уильяму Сибруку с Тайлера. Пойдешь со мной?

— М-м... Прекрасно, — кивнул Фил. — Страдание полезно для души.

Мы двинулись к нише и остановились перед двумя стульями, между музыкой и шумом, там, где вся власть и пребывала. Лоурел медленно встал и пожал нам руки. Миштиго встал еще медленней и руки не протянул; пока мы представлялись, он пялился на нас янтарными глазами, и лицо его ничего не

выражало. Свободно болтающаяся оранжевая рубашка трепетала каждый раз, когда он подкачивал легкие, которые делали лишь непрестанный выдох из наружных ноздрей у начала широкой грудной клетки. Он коротко кивнул, повторив мое имя. Затем с чем-то вроде улыбки повернулся к Филу.

— Вы не будете возражать против того, чтобы я перевел вашу «Маску» на английский? — спросил он, и голос его прозвучал высоко и с дрожью, как замирающий камертон.

Фил развернулся на каблуках и зашагал прочь. Мне показалось, что веганцу на секунду стало плохо, но затем я вспомнил, что это веганский смех, — что-то вроде козлиного блеянья. Я стараюсь держаться подальше от веганцев, избегая их курорты.

— Присаживайся, — предложил Лоурел. Он хоть и прятался за свою трубку, но выглядел не очень-то ловко.

Я приволок кресло и устроился наискосок от них.

— О'кей.

— Корт собирается написать книгу.

— Ты уже говорил.

— О Земле.

Я кивнул.

— Он выразил пожелание, чтобы ты был его гидом в поездке по ряду Старых Мест...

— Почту за честь, — довольно холодно произнес я. — Также любопытно узнать, почему его выбор пал на меня?

— Еще более любопытно, откуда он может знать про вас, так? — спросил веганец.

— Пожалуй, — согласился я, — процентов эдак на двести.

— Я запросил машину.

— Славно. Теперь понял.

Я откинулся на спинку кресла и допил, что у меня было.

— Я начал с проверки Реестра Жизнеобъектов на Земле, еще когда только задумал этот проект, — просто ради исходных данных о человечестве. Затем, раскопав интересную тему, сунулся в Фонд Земных Сотрудников...

— М-да, — пробурчал я.

— И на меня произвело впечатление скорее то, что они не сказали о вас, чем то, что сказали.

Я пожал плечами.

— В вашей карьере много пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимаетесь большую часть времени... Между прочим, когда вы родились?

— Понятия не имею. Это было в крошечной греческой деревушке, а в те времена обходились без календарей. Хотя мне говорили, что в Рождество.

— Согласно вашей личной карточке, вам семьдесят семь лет. Согласно Жизнеобъектам, вам то ли сто одиннадцать, то ли сто тридцать.

— Я привирал насчет возраста, чтобы получить работу. Тогда была Депрессия.

— Так что я сделал профиль Номикоса, который в общем-то весьма своеобразен, и запустил Жизнеобъекты выуживать физические аналоги с допуском до одной тысячной — во всех банках данных, включая закрытые.

— Что ж, один коллекционирует старые монеты, другие строят модели ракет.

— Я обнаружил, что вы — это, возможно, три или четыре других человека, все греки, а один из них и вправду личность поразительная. Но вы, конечно, Константин Коронес, старший из них, родились двести тридцать четыре года тому назад. В Рождество. Голубой глаз, карий глаз. Правая нога искалечена. Та же линия волос, что и в двадцать три года. Тот же рост, те же градации по Бертильону.

— И те же отпечатки пальцев? И те же образцы глазной сетчатки?

— Это не включалось в большую часть старых регистрационных карточек. Может, в те дни работали небрежней?

— Вы отдаете себе отчет, что сейчас на этой планете живет около четырех миллионов человек? А если еще покопаться в прошлом, три-четыре века назад, то смею сказать, что даже на меньшую публику вы найдете и двойняшек, и тройняшек. Так что с того?

— Это придает вам некий ореол загадочности, вот и все, как и этому месту, — и вы такая же любопытная руина, как и само это место. Вполне вероятно, что я никогда не доживу до вашего возраста, сколько бы вам ни было, и мне хотелось выяснить, какого же рода восприимчивость могло развить человеческое существо, которому дадено столько времени, — особенно если учесть ваше положение, ведь вы дока в истории и искусстве этого мира. Потому я и попросил вас об услуге, — заключил он.

— А коль скоро вы уже встретились со мной, руиной и прочее, можно мне домой?

— Конрад! — атаковала меня трубка.

— Нельзя, мистер Номикос. Есть ведь и практические соображения. Здешний мир груб и жесток, а у вас высокая потенция выживания. Я хочу, чтобы вы были рядом, потому что я хочу выжить.

Я снова пожал плечами.

— Ладно, решено. Что еще?

Миштиго заблеял:

— Полагаю, я вам не нравлюсь.

— Кто вам это внушил? Только потому, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по собственной прихоти втянули меня в свои дела...

— И эксплуатировал ваших сограждан, превратил ваш мир в публичный дом, показал вопиющую провинциальность человеческой расы в сравнении с галактической культурой, которая старше на целые эры...

— Я не говорю о расах — моей и вашей. Я говорю о личном. И повторяю, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по собственной прихоти втянули меня в свои дела.

— Да мне, — по-козлиному фыркнул он, — начхать на эту троицу! Чтобы этот тип пиитствовал для человеческой расы? Да это оскорбление теней Данте и Гомера!

— На сей момент никого лучше у нас нет.

— Ну так обошлись бы и вовсе без него.

— Это не повод поступать с ним так, как вы себе позволили.

— Думаю, что повод, иначе бы я себе этого не позволил... Второе, я задавал те вопросы, которые у меня задавались, вы вольны были отвечать или не отвечать, как вам заблагорассудится. Так вы и поступили... Наконец, никто ни во что вас не втягивал. Вы гражданский служащий. Вы получили задание. Спорьте со своей Конторой, а не со мной... И, в порядке послесловия, — я сомневаюсь, что у вас на руках достаточно оснований, чтобы с такой легкостью использовать слово «прихоть».

— Отлично! Раз так, то считайте свою невоспитанность прямотой или даже продуктом другой культуры, оправдывайте свою наглость софизмами и послесловьте обо всем, чего только душа пожелает. Можете выложить все свои заблуждения на мой счет, но тогда и я скажу, что я о вас думаю. Вы корчите из себя Представителя Короля в Колонии Его Коро-

ны, — выдал я, нажимая на заглавные буквы, — и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я также прочел кое-что, написанное вашим дедушкой, — скажем, «Плач Земной проститутки». Таким, как он, вы никогда не будете. У него есть то, что называется сострадание. У вас этого нет. Что бы вы ни испытывали по отношению к старому Филу, это лишь вдвойне работает против вас.

Тот пассаж о дедушке, должно быть, задел его за живое, поскольку Миштиго передернуло, когда мой голубой глаз вонзился в него.

— Так что поцелуйте мой локоть, — сказал я по-веганski.

Сэндз не так хорошо говорил по-веганski, чтобы уловить эту фразу, но он тут же примирительно зашумел, оглянувшись, дабы удостовериться, что нас не подслушивают.

— Конрад, пожалуйста, разыщи свое профессиональное отношение к делу и водрузи его на место... Шрин Штиго, почему бы нам не заняться разработкой плана?

Миштиго улыбнулся своей зелено-голубой улыбкой.

— И свести наши противоречия до минимума? — спросил он. — Согласен.

— Тогда давайте перейдем в библиотеку — там спокойнее и есть экран с картой.

— Прекрасно.

Я почувствовал себя немного уверенней, когда мы встали, поскольку наверху был Дон Дос Сантос, а он ненавидит веганцев, а где бы ни был Дос Сантос, там всегда Диана, девушка в Красном Парике, а она ненавидит всех; и я знал также, что наверху Джордж Эммет и Эллен, а Джорджу незнакомцы до лампочки (как, впрочем, и друзья); может, позже забредет и Фил и пойдет в атаку на Форт Самтер; к тому же там был Хасан — а он не из разговорчивых, он просто сидит и покуривает свою марихуану, непроницаемый, как вещь в себе, и если постоять с ним рядом и сделать пару глубоких затяжек, то станет абсолютно все равно, какую там чертовщину ты нес веганцам или кому еще.

Я еще надеялся, что у Хасана отшибло память или что последняя витает где-нибудь в облаках. Но надежда эта умерла, едва мы вошли в библиотеку. Он сидел очень прямо и потягивал лимонад. То ли восьмидесяти, то ли девяноста лет от роду, выглядел Хасан на сорок, однако, когда он был в деле, ему можно было дать и тридцать. Пилюли Животворный Самсер

нашли в его лице исключительно благодарный материал. Такое бывает не часто. А если уж точно, то — почти никогда. Одних они без всякой видимой причины повергают в ускоренный анафилактический шок, и даже атомная доза адреналина в сердечную мышцу не вернет их обратно; других, и таких большинство, они затормаживают на пять-шесть десятилетий. Но есть редкие особи, которые, приняв несколько серий пилюль, молодеют, — такие попадаются раз на сто тысяч.

«Как странно, — подумал я, — что в большом тире судьбы этому малому суждено было выбить столько очков».

Прошло уже больше пятидесяти лет с того Мадагаскарского дела, к которому Редпол привлек Хасана, чтобы кровной местью отомстить тайлеритам. Он был на содержании у большого К. в Афинах (да почиет тот в мире и спокойствии) — К. и послал его покончить с Компанией Недвижимости Земного Правительства.

Сделал. И хорошо. С помощью одного крошечного ядерного устройства. Сила! Вот как надо обновлять города. Прозванный кучкой Хасан-Убийца, он последний профессиональный наемник на Земле.

Кроме того, не считая Фила (который далеко не всегда был обладателем шпаги без клинка и эфеса), Хасан был одним из представителей Малой Кучки, где еще помнили старый Карагиоз.

Итак, выдвинув вперед челюсть и выставив напоказ свой грибок, я попытался запудрить ему мозги своим обликом. Однако или там действовали какие-то древние и таинственные силы, в чем я лично сомневался, или он оказался покруче, чем я предполагал, что вполне возможно, или он забыл мое лицо, что хотя и вполне возможно, но скорее — сомнительно, или же он просто демонстрировал профессиональный этикет, если не низкое животное коварство, — и профессионализм, и животное были одинаково присущи ему, хотя акцент все-таки смещался в сторону животного, — но только он и бровью не повел, когда нас представили друг другу.

— Хасан, мой телохранитель, — сказал Дос Сантос, ослепляя своей улыбкой, словно вспышкой магния, когда я тряс руку, которая однажды, так сказать, потрясла весь мир. Это была еще очень сильная рука.

— Конрад Номикос, — сказал Хасан, прищуриваясь, как будто вычитывая это имя из свитка.

Всех остальных в этом помещении я знал, поэтому поспешил занять кресло подальше от Хасана. На всякий случай я держал фужер со второй порцией алкоголя поближе к лицу.

Диана, обладательница Красного Парика, стояла неподалеку.

— Доброе утро, мистер Номикос, — сказала она.

Я качнул фужером в знак приветствия:

— Добрый вечер, Диана.

Высокая, гибкая, почти вся в белом, она торчала возле Дос Сантоса, как свечка. Я знал, что на ней парик, поскольку мне доводилось видеть, как он случайно соскальзывал, приоткрывая любопытный и некрасивый шрам, который она обычно прятала, низко надвигая парик. Бывало, вставая на якорь и созерцая созвездия, тут и там выглядывавшие из-за облаков, или откапывая поврежденные статуи, я себя спрашивал, что это за шрам. Думаю, что ее пурпурные губы татуированы, — я никогда не видел на них улыбку; на скулах играют желваки, потому что зубы ее всегда сжаты; и из-за всей этой суровости брови ее делаются домиком; маленький подбородок высоко поднят — признак ли это непокорности? Когда она говорит — напряженно, отрывисто, — то едва шевелит губами. Трудно сообразить, сколько ей лет. В общем, больше тридцати.

Они с Доном представляют собой интересную пару. Он смуглый, словоохотливый, постоянно курит и больше двух минут не может оставаться на месте. Она выше его почти на пять дюймов, загорается без спички. Всей ее истории я так и не знаю. Чувствую, что не узнаю никогда.

Пока Лоурел представлял Корта Дос Сантосу, она подошла и встала возле моего кресла.

— Ты... — промолвила она.

— Я... — кивнул я.

— Возглавишь эту поездку.

— Все знают о ней, кроме меня, — сказал я. — Хоть бы поделились со мной толикой знаний на сей предмет.

— Каких знаний, на какой предмет? — спросила она.

— Ты изъясняешься вроде Фила.

— И не собиралась.

— Но так получается. Так в чем дело?

— В чем что?

— Ты. Дон. Здесь. Вечером. С чего бы все это?

Она коснулась кончиком языка верхней губы, затем прижала его сильнее, словно пытаясь выдавить из него виноградный сок или попридержать слова. Затем глянула в сторону Дона, но он был слишком далеко, чтобы услышать, к тому же не смотрел на нас. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящий Коки из кувшина, что стоял в услужливом глубоком подносе. Рецепт Коки был, согласно веганцам, археологической находкой века, его утратили во время Трех Дней и восстановили лишь лет десять назад или около того. Повсюду было множество самых разных полукок, но ни одна из них не оказывала такого воздействия на веганский обмен веществ, как подлинная Кока. «Второй вклад Земли в галактическую культуру», — как назвал это событие один из их современных историков.

Первым вкладом, конечно, считается великолепная социальная проблема, из тех новоявленных, которых усталые веганские философы ждали много поколений.

Диана снова обернулась ко мне.

— Пока не знаю, — сказала она. — Спроси Дона.

— Спрошу.

Я, конечно, спросил. Однако позднее. И не был разочарован, поскольку ничего особенного и не ожидал. Но, когда я, сидя в кресле, изо всех сил старался что-нибудь подслушать, передо мной внезапно возник некий визуальный образ — один психолог некогда в разговоре со мной определил его как псевдотелепатическое исполнение желаний. Вот как это бывает.

Я хочу узнать о том, что происходит где-то. У меня, в общем, достаточно информации, чтобы догадаться. Следовательно, я догадываюсь. Только это происходит так, будто я вижу и слышу глазами и ушами одного из участников действия. Хотя не думаю, что это настоящая телепатия, поскольку иногда она бывает и ложной. При том, что кажется абсолютно реальной.

Этот психолог мог объяснить мне все, кроме самой причины подобного явления. Согласно которому я стоял посреди комнаты, глядел на Миштиго, был Дос Сантосом и говорил:

— ...рядом для вашей защиты. Не как Секретарь Редпола, а просто как частный гражданин.

— Я не искал вашей защиты, — ответствовал веганец, — тем не менее благодарю. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших друзей. — Сказав это, он улыбнулся. — Если она им понадобится во время моих поездок. Я сомневаюсь, что понадобится, но было бы глупо отказываться от щита Дос Сантоса.

— Мудрая мысль, — промолвили мы, слегка склонив голову.

— Вполне, — согласился Корт. — А теперь скажите мне, — кивнул он в сторону Эллен, которая только что перестала спорить с Джорджем и уходила от него решительными шагами, — кто это?

— Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, Директора Отдела Охраны Природы.

— Сколько она стоит?

— Не помню, чтобы в последнее время она называла цену.

— Ну а раньше-то какая была цена?

— И раньше не было.

— Все на Земле имеет цену.

— В таком случае, полагаю, вам следует самому выяснить.

— Обязательно, — сказал он.

Земные женщины всегда испытывали странную тягу к веганцам. Однажды какой-то вегашка сказал мне, что с ними он себя чувствует зоолофилом, то бишь любителем животных. Что само по себе интересно, поскольку одна славная девица на курорте Кот Дор, хихикая, рассказывала мне, что с веганцами она себя чувствует zoophilist. Видимо, те воздушные сопла то ли щекочут, то ли еще что, и в обоих будят животного.

— Кстати, — сказали мы, — вы еще не перестали бить свою жену?

— Которую? — поинтересовался Миштиго.

Изображение потухло, и я снова оказался в своем кресле.

— ...И что, — спрашивал Джордж Эммет, — ты об этом думаешь?

Я уставился на него. Еще секунду назад его здесь не было. Возникнув внезапно, он уселся на широкий подлокотник моего кресла.

— Повтори, пожалуйста. Я дремал.

— Ты спишь, а мы победили летуче-паучью мышь. Что ты об этом думаешь?

— Что она рифмуется, — заметил я. — Так расскажи, как это мы победили летуче-паучью мышь?

Но он уже смеялся. Он из тех субъектов, у кого смех — вещь непредсказуемая. Джордж может целыми днями слоняться вокруг с кислой миной, а затем заржать по пустяковому поводу. Когда он смеется, то вроде как задыхается, словно ребенок, и этому впечатлению явно способствуют жиденькие его волосики и дряблость розоватого тела. Поэтому я ждал, пока он успокоится. К тому времени Эллен уже вылила на Лоурела все свои оскорбления, а Диана повернулась к книжным полкам, чтобы почитать названия книг. Наконец, переведя дух, он доверительно бормотнул:

— Я вывел новую породу *слишей*.

— Вот это да! Потрясающе!

После чего я осторожно спросил:

— А что это такое — слиши?

— Слиш — это бакабианский паразит, вроде большого клеща. Мои — длиной около трех восьмых дюйма, — сказал он гордо, — они внедряются глубоко в плоть и производят сильно ядовитые продукты отхода.

— Смертоносные?

— Мои — да.

— Не одолжишь ли мне одного? — спросил я.

— Зачем?

— Я хочу сунуть его кому-нибудь за шиворот. А если подумать, то хорошо бы сразу пару дюжин. У меня слишком много друзей.

— Мои людей не трогают, только летуче-паучьих мышей. Людей они отличают. Скорее это люди могут отравить моих слишей. (Он произнес «моих слишей» как настоящий собственник.) — Их хозяин должен иметь в основе метаболизма не железо, а медь, — пояснил он, — а летуче-паучьи мыши попадают под эту категорию. Вот почему я хочу отправиться с тобой в это путешествие.

— Ты хочешь, чтобы я нашел летуче-паучью мышь и подержал бы ее, пока ты будешь грузить на нее своих слишей?

— Ну, я действительно хотел бы заиметь парочку летуче-паучьих — всех своих я уже израсходовал в прошлом месяце... но теперь я уже твердо уверен, что слиши сработают. Я хочу пойти дальше и вызвать чуму.

— Какую чуму?

— Мышиную... Слиши размножаются в земных условиях довольно быстро, если им дать подходящего носителя, а запусти их в нужное время года, и они будут исключительно инфекционными. Я имею в виду ближайший брачный период юго-западной летуче-паучьей мыши. Он начинается через шесть-восемь недель на территории Калифорнии, в Старом Месте — хотя больше и не Главном — под названием Капистрано. Я понимаю, путешествие не позволит тебе быть там в это время. Когда же летуче-паучьи мыши возвратятся в Капистрано, я хочу дождаться их там с моими слишами. Я готов и отпуск потратить.

— Хм, хм... Ты советовался с Лоурелом?

— Конечно, и он считает, что это прекрасная идея. Он даже хочет встретиться там с нами и сделать снимки. Не так уж много возможностей их увидеть — как они все небо закрывают своими крыльями, как гнездятся на руинах, как едят диких свиней, роняя на улицы зеленый помет... Знаешь, довольно красивое зрелище.

— У-у-у, что-то вроде Хэллоуина. А что будет со всеми теми дикими свиньями, если мы уничтожим летуче-паучьих мышей?

— О, их станет гораздо больше. Но я полагаю, что пумы не дадут им развестись, как австралийским кроликам. Во всяком случае, лучше иметь свиней, чем летуче-паучьих мышей. Согласен?

— Я не очень люблю ни тех, ни других, но если уж выбирать, то я бы все же предпочел свиней. Так что полный порядок, можешь ехать с нами.

— Спасибо, — сказал Джордж, — я был уверен, что ты поможешь.

— Не стоит благодарности.

Тут Лоурел вежливо прокашлялся, как бы извиняясь перед нами. Он стоял посредине библиотеки, возле большого стола, перед которым медленно опускался широкий экран. Экран был голографический, так что никому не надо было искать местечка поудобней. Лоурел нажал на кнопку в столе сбоку, и свет в комнате пошел на убыль.

— Хм, я хочу показать несколько карт, — сказал он, — если только найду этот самый синхронизатор... Ах да, вот он.

На экране в пастельных тонах появилась верхняя часть Африки и почти все средиземноморские страны.

— С этой начнем? — спросил Миштиго.

— Почему бы и не с этой, — сказал большой веганец, прерывая приглушенный разговор с Эллен, которую он уволок в уголок французской истории под бюст Вольтера.

Света стало еще меньше, и Миштиго двинулся к столу. Он глянул на карту, а затем на всех вместе и ни на кого в отдельности.

— Я хочу посетить некоторые ключевые точки, которые по тем или иным причинам имеют важное значение в истории вашего мира, — сказал он. — Я бы хотел начать с Египта, Греции и Рима. Затем двинуть быстренько через Мадрид, Париж и Лондон. — По мере того как веганец говорил, карты сменяли друг друга — не спеша, но и не отставая от него. — Затем я хочу повернуть на Берлин, попасть в Брюссель, посетить Санкт-Петербург и Москву, прыгнуть назад через Атлантику и сделать остановки в Бостоне, Нью-Йорке, штат Колумбия, и Чикаго (названия эти уже вогнали Лоурела в пот), затем наведаться на Юкатан и махнуть на территорию Калифорнии.

— Именно в такой вот очередности? — спросил я.

— Почти.

— А чем, в таком случае, провинилась Индия, Средний Восток или Дальний? — узнал я голос Фила. Он вошел уже после того, как библиотека почти погрузилась во тьму.

— Ничем. Если не считать грязь, песок и жарищу и что там нет ничего того, что мне нужно.

— А что вам нужно?

— Хоть какая-нибудь история.

— Какая именно?

— Одну я вам пришлю, со своим автографом.

— Благодарю.

— К вашим услугам.

— Когда хотите отправиться? — спросил я его.

— Послезавтра.

— О'кей.

— Специально для вас я приготовил подробные карты со спецификой мест. Лоурел говорит, что они были сегодня во второй половине дня доставлены в вашу Контору.

— Еще раз о'кей. Но есть вещи, о которых вы, возможно, далеко не полностью информированы. Это касается того обстоятельства, что все места, которые вы пока упомянули, —

материковые. В настоящем мы, по преимуществу, островная культура, и на то есть весомые причины. Во время Трех Дней материк здорово пропитался, и большая часть названных вами мест до сих пор относится к довольно-таки горючим. Однако это не единственная причина, по которой их считают небезопасными...

— Я не профан в вашей истории, — прервал меня Миштиго, — и отдаю себе отчет в необходимости радиационной защиты. Равно как информирован и о наличии в Старых Местах разнообразных живых организмов-мутантов. Да, это вызывает у меня озабоченность, но никак не тревогу.

Я пожал плечами в искусственном полумраке.

— Для меня лично все о'кей.

— Хорошо. — Он сделал еще глоток Коки. — Тогда добавьте немного света, Лоурел.

— Слушаюсь, Шрин.

Снова стало светло.

Когда экран за его спиной ушел вверх, Миштиго спросил меня:

— Это правда, что вы знакомы с некоторыми mambos и туземцами тут же, в Порту?

— Почему бы нет, — сказал я. — А что?

Веганец приблизился к моему креслу.

— Насколько я понимаю, — живо сказал он, — эти вуду, или воду, почти не изменились с древних времен.

— Возможно. Меня тут не было, когда они возникли, так что не могу судить наверняка.

— Насколько я понимаю, этим местным не очень-то нравится присутствие чужаков...

— И это верно. Но если поискать подходящий поселок и заявиться туда с подарками, то для вас устроят целое представление.

— Я бы предпочел быть свидетелем подлинных ритуалов. Если бы меня сводил туда кто-нибудь, кого жители не считают чужаком, то я бы заполучил первоисточник.

— Зачем это вам? Нездоровое любопытство к языческим обрядам?

— Нет. Я занимаюсь сравнительным изучением религий.

Я внимательно посмотрел ему в лицо, но ничего там не вычитал.

Не так давно я навещал Маму Джули и Папу Джо и прочих, и сам поселок был недалеко, но я не знал, как они отнесутся к тому, что я приведу с собой веганца. Если я приводил людей, они, естественно, никогда не возражали.

— В общем... — начал я.

— Мне хотя бы глянуть одним глазком, — сказал он. — Я буду держаться в тени. Они даже не узнают, что я там.

Я еще что-то промямлил и в конце концов сдался. Я неплохо знал Маму Джули и не усмотрел никакой реальной опасности для нас. Поэтому сказал:

— О'кей. Я вас отведу в одно такое местечко. Вечером, если не возражаете.

Он кивнул, поблагодарил меня и пошел за очередной Кокой. Джордж, так и не слезавший с подлокотника моего кресла, близко наклонился ко мне и заметил, что было бы очень интересно препарировать веганца. Я с ним согласился.

Миштиго вернулся с Дос Сантосом.

— Это правда, что вы берете мистера Миштиго на языческую церемонию? — спросил тот. Его ноздри раздувались от возмущения.

— Правда, — сказал я. — Беру.

— Без личного телохранителя нельзя.

Я повернул руки ладонями вверх.

— Обойдемся.

— Я и Хасан будем вас сопровождать.

Я уже готов был возразить, когда между ними вклинилась Эллен.

— Я тоже хочу с вами, — сказала она. — Я никогда там не была.

Я пожал плечами. Если идет Дос Сантос, то пойдет и Диана, что делает нашу компанию довольно многолюдной. Одним больше, одним меньше — какая разница. Все рухнуло, еще не начавшись. Так что я сказал:

— Почему бы нет?

Поселок располагался в пределах гавани, возможно, потому, что он возник в честь Агве Войо, бога моря. Однако скорее всего потому, что люди Мамы Джули всегда были людьми гавани. Бог Агве Войо — не из ревнивых, так что на стенах в ярких красках запечатлено великое множество других языче-

ских божеств. Дальше по острову есть поселения и поустроенней, но они носят более коммерческий характер.

Большая великолепная лодка Агве, выкрашенная в голубой, оранжевый, зеленый, желтый и черный цвета, казалась для моря непригодной. Малиновый Дамбалла Ведо кольцами извивался во всю длину противоположной стены. Папа Джо ритмично постукивал в несколько больших тамтамов — он был в глубине помещения, правее единственной двери, в которую мы вошли.

Разнообразные христианские святые с непостижимым выражением взирали на пеструю геральдику, могильные кресты, флаги, мачете и дорожные знаки, что покрывали каждый дюйм стен; застыв в послеураганном сюрреализме благодаря ослепительным краскам с планеты Титан — один Бог знает, одобряли они это или нет, — святые смотрели сверху вниз из дешевых своих рамок, будто те были окнами в некий враждебный мир.

Маленький алтарь был завален пузырьками из-под алкогольных напитков, бутылями из тыквы, священными сосудами для духов Лоа, амулетами, курительными трубками, флажками, фотоснимками неизвестных подводных существ; среди прочего лежала и пачка сигарет для Папы Легбы[1].

Когда нас привел сюда юный туземец по имени Луис, служба была уже в разгаре. Помещение было метров восемь в длину и пять в ширину, с высоким потолком и грязным полом. Вокруг столба в центре медленно и важно двигались танцоры. Их темная плоть мерцала в тусклом свете древних керосиновых ламп. С нашим приходом в помещении стало тесно.

Мама Джули с улыбкой взяла мою руку. Она отвела меня к алтарю и сказала:

— Эрзули была добра.

Я кивнул.

— Ты ей нравишься, Номико. Ты долго живешь, много путешествуешь и возвращаешься.

— Всегда, — сказал я.

— А те вон люди? — Темные ее глаза блеснули в сторону моих спутников.

— Друзья. Они не будут докучать.

Она засмеялась, когда я это сказал. Я тоже.

---

[1] Легба — в дагомейской мифологии верховное божество.

— Я их спрячу подальше, если ты позволишь нам остаться. Мы постоим в тени по углам комнаты. Если хочешь, чтобы я их увел, я уведу. Вижу, вы уже много танцевали, много бутылок опустошили...

— Оставайтесь, — сказала она. — Как-нибудь приходи днем поболтать.

— Приду.

Затем она отошла, и для нее освободили место в круге танцующих. Довольно крупная, хотя и с тоненьким голосом, она двигалась как огромная резиновая кукла, но не без грации, делая шажки под монотонный гром тамтамов Папы Джо. Через какое-то время эти звуки заполнили собою все вокруг — мою голову, землю, воздух, — возможно, такими казались удары сердца кита наполовину переваренному Ионе. Я следил за танцорами. И я следил за теми, кто следил за танцорами.

Я выпил пинту рома в надежде догнать остальных, но не догнал. Миштиго продолжал потягивать Коку из бутылки, которую он прихватил с собой. Никто не заметил, что он голубой, но мы явились довольно поздно, и все шло своим чередом, так, как и положено.

Красный Парик стояла в углу, и вид у нее был презрительный и испуганный. Она прижимала к себе бутылку, но и всего-то. Миштиго прижимал к себе Эллен, но и всего-то. Дос Сантос стоял возле двери и следил за всеми — даже за мной. Хасан, присевший у стены, справа от двери, курил маленькую трубку с длинным чубуком. Вид у него был мирный и спокойный.

Мама Джули, насколько я понял, начала петь. Остальные голоса подхватили песню:

Papa Legba, ouvri baye!
Papa Legba, attibon Legba,
ouvri baye pou pou passe!
Papa Legba...[1]

Так все шло, и шло, и шло. Меня охватила дремота. Я пил ром, и жажда усиливалась, и я пил ром.

[1] Текст на так называемом гаитянском креольском языке, сформировавшемся на базе французского языка с заимствованиями из языков Африки, индейских диалектов, английского и испанского языков.

Не знаю, сколько уже мы там околачивались, когда это случилось. Танцоры целовали ритуальный столб и пели, и гремели погремушками из тыквы, и разливали вокруг воду, и парочка туземцев вела себя как ненормальная и болтала что-то бессвязное, и жертвенное блюдо на полу превратилось в кашу, и воздух был полон дыма, и я стоял, привалившись к стене, и, полагаю, с минуту или две глаза мои были закрыты.

Звук этот раздался оттуда, откуда я его и не ждал.

Вопил Хасан.

Долгий его то ли вопль, то ли стон вернул меня в реальность, ошеломил, лишил равновесия, так что я тяжело ударился о стену. Тамтамы продолжали стучать так же ровно, без сбоев. Однако некоторые из танцоров остановились, озираясь.

Хасан уже встал на ноги. Зубы его были оскалены, глаза как щелки, лицо его в блеске пота пошло от напряжения горами и долинами.

Борода его была как огневой удар наконечника копья.

Одежда его, зацепившись за какие-то настенные украшения, была как черные крылья.

Руки его, гипнотически медленно шевелясь, душили кого-то невидимого.

Звериный рык вырывался из его глотки.

Он продолжал давить кого-то невидимого.

В конце концов удавил, и руки его пружинно разомкнулись.

Тут же возле него возник Дос Сантос, стал что-то говорить, но они обитали в разных мирах.

Один из танцоров принялся тихонько стенать. К нему присоединился другой, затем все остальные.

Мама Джули отделилась от круга и пошла ко мне — как раз в тот момент, когда Хасан начал все по новой, на сей раз с большим артистизмом.

Тамтам продолжал излагать свой равномерный земной танец.

Папа Джо даже глаз не поднял.

— Плохой знак, — сказала Мама Джули. — Что ты знаешь об этом человеке?

— Много чего, — ответил я, усилием воли очищая свои мозги.

— Ангелсу.

— Что?

— Ангелсу, — повторила она. — Бог тьмы, которого надо бояться. Ангелсу вселился в твоего друга.

— Объясни, если можешь.

— Он редко приходит в наше селение. Он здесь нежеланный гость. Те, в кого он вселяется, становятся убийцами.

— Думаю, Хасан просто попробовал новую курительную смесь — мутантную амброзию или еще что-нибудь.

— Ангелсу, — снова сказала она. — Твой друг станет убийцей, потому что Ангелсу — бог смерти, и он приходит только вместе с ней.

— Мама Джули, — сказал я, — Хасан и так уже убийца. Если бы за каждого убитого им ты получила бы кусочек жвачки и попробовала бы всю ее сжевать, ты бы выглядела, как бурундук. Он профессиональный убийца — и поэтому старается держаться в рамках закона. С тех пор как на материке разрешены дуэли, большую часть своей работы он на них и делает. Ходили слухи, что иногда он совершает незаконные убийства, но это ни разу не удалось доказать. Так что, — закончил я, — скажи мне, кто он, Ангелсу, — бог палачей или убийц? Все-таки между ними должна быть какая-то разница.

— Для Ангелсу — никакой, — промолвила Мама Джули.

Тем временем Дос Сантос, дабы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястья. Он пытался разомкнуть его руки, однако как-нибудь попробуйте согнуть прутья решетки, и вы представите себе эту картину.

Я пересек помещение и со мной еще несколько человек. Как оказалось — к счастью, поскольку Хасан наконец заметил, что перед ним кто-то стоит, и рывком вниз освободил руки. Тут же из-под его одежды появился стилет с длинным лезвием.

В действительности ли он собирался применить его против Дона или еще кого-нибудь, вопрос спорный, потому что в этот момент Миштиго заткнул бутылку своей Коки большим пальцем и ударил его ею за ухом. Хасан повалился вперед, и Дон поймал тело, я же вырвал лезвие из его пальцев, а Миштиго закончил свою Коку.

— Интересный ритуал, — заметил веганец, — я и представить себе не мог, что в этом большом парне кроются такие сильные религиозные чувства.

— Это только доказывает, что ни в чем нельзя быть слишком уверенным, не так ли?

— Да. — Он вытянул руку, указывая на зевак: — Они что, все поголовно пантеисты?

Я покачал головой:

— Скорее примитивные анимисты.

— А в чем разница?

— Ну, скажем, если эта бутылка Коки, только что опустошенная вами, должна занять свое место на алтаре, или «пе», как его называют, — она будет сосудом для Ангелсу, коль скоро она оказалась в тесной мистической связи с Богом. Так ее видит какой-нибудь анимист. Ну а пантеист будет немного огорчен, если кто-нибудь явится без приглашения во время ритуала да еще накуролесит вроде нас. Пантеисту, возможно, захочется принести незваных гостей в жертву Агве Войо, богу моря, — и он раскроит им черепа в соответствии с ритуалом и сбросит с пирса. Вот почему я не чувствую себя обязанным объяснять Маме Джули, что все эти люди, глазеющие на нас, самые настоящие анимисты. Простите, я отойду на минутку.

На самом деле все обстояло далеко не так мрачно, но мне хотелось немножечко его напугать. Думаю, это удалось.

Извинившись и пожелав доброй ночи, я подобрал Хасана. Он был холоден и недвижен, и только мне было под силу тащить его.

Кроме нас, на улице никого не было, а большая великолепная лодка Агве Войо взрезала волны где-нибудь за восточным краем мира, плеща в небеса его любимыми красками.

Дос Сантос рядом со мной сказал:

— Наверно, вы были правы. Видимо, нам не следовало с вами ходить.

Я не стал утруждать себя ответом, но Эллен, шедшая впереди с Миштиго, обернулась.

— Чушь. Если бы мы не пошли, то лишились бы замечательного драматического монолога в исполнении того, кто ставит шатры-палатки. — Тут я оказался в зоне досягаемости — обе ее руки метнулись ко мне, и пальцы сомкнулись у меня на горле. Давить она не давила, но ужасно гримасничала, рычала, мычала, охала: — В меня вселился Ангелсу, да и в тебя тоже! — А затем рассмеялась.

— Отпусти горло, иначе я просто сброшу на тебя этого араба, — сказал я, невольно сравнивая оранжево-коричневый цвет ее волос с оранжево-розовым цветом неба за ней и улыбаясь. — А то слишком уж он тяжелый.

Перед тем как отпустить, она сжала пальцы на моем горле — не сильно, но все же довольно чувствительно для шутки, — а затем снова повисла на руке у Миштиго, и мы двинулись дальше. Да, женщины никогда не дают мне пощечин, поскольку я всегда подставляю первой другую щеку, а они боятся грибка; так что, полагаю, слегка меня придушить — это и есть единственная их альтернатива.

— Ужасно интересно, — поделилась Красный Парик. — Так необычно. Как будто во мне самой кто-то танцевал с ними. Странное было чувство. Вообще-то я не люблю танцы — никакие.

— Какой у тебя акцент? — перебил я ее. — Никак не могу определить.

— Не знаю, — сказала она. — Во мне помесь ирландского с французским. Жила на Гибридах, а также в Австралии, Японии, до девятнадцати лет...

Тут Хасан простонал, изогнулся, напрягая мышцы, и я почувствовал резкую боль в плече.

Я опустил его на порог и обыскал, обнаружив два метательных ножа, еще один стилет, очень изящный гравитационный нож, Бови с зубчатым лезвием, цепочки для удушения и металлическую коробочку с различными порошками и пузырьками с жидкостями, которые я не стал тщательно исследовать. Мне понравился гравитационный нож, и я оставил его себе. Это был Корикама, очень хорошей отделки.

В конце следующего дня — назовем его вечером — я хитростью заманил старика Фила, решив сделать себе такой подарок за посещение номера люкс Дос Сантоса в отеле «Роял».

Редпол до сих пор дает Филу от ворот поворот, как какому-нибудь возвращенцу Тому Пейну, даже несмотря на то что мой друг уже более полувека доказывает, что он тут ни при чем, — с тех самых пор, как стал обретать значительность и респектабельность. Помимо «Зова Земли», возможно, лучшего из написанного им, он также клепал Статьи Возвращения, которые помогли высветить нужную мне злобу дня. В ту пору Фил был способен на безответственные поступки, хотя в то же время считался постановщиком проблем, и я уверен, что он еще собирает в свой архив нежные взгляды и пылкие признания, время от времени достает их, стряхивает пыль, испытывая при этом явное удовольствие.

Кроме Фила, у меня был еще один предлог для визита — я

хотел посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбного удара, который он получил в поселке. А вообще-то я хотел воспользоваться случаем, чтобы поговорить с Хасаном и выяснить, если уж на то пошло, готов ли он мне сообщить, каковы его теперешние обязанности.

Итак, мы с Филом отправились туда пешком. От строений Конторы до отеля было недалеко. Около семи минут своим ходом.

— Ты уже закончил писать элегию на меня? — спросил я.

— Еще над ней работаю.

— Ты двадцать лет это говоришь. Поторопился бы, чтобы я успел прочесть.

— Я могу показать тебе несколько очень милых... на Лоурела, на Джорджа, есть даже одна на Дос Сантоса. В моей картотеке все виды заготовок — из разряда трафаретов — для людей менее выдающихся. Однако твоя — целая проблема.

— А именно?

— Я вынужден постоянно ее обновлять. Ты ведь не стоишь на месте — живешь себе, радуешься, делаешь что-то.

— Не одобряешь?

— Большинство людей имеют честь что-то делать с полвека, а затем они замирают на месте. С их элегиями нет проблем. У меня такими шкафы забиты. Но, боюсь, твоя должна быть вещью свежеиспеченной с диссонансом в конце. Я не люблю так работать. Мне нужны годы, чтобы все хорошенько обдумать, чтобы тщательно оценить жизнь моего героя, и без вмешательства со стороны. А вы, те, кто живет свои жизни, как в народных песнях, с вами хлопот не оберешься. Думаю, ты хочешь, чтобы я написал тебе эпос, но я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я засыпаю на ходу.

— По-моему, ты просто водишь меня за нос, — сказал я ему. — Другие заполучают свои элегии, мне бы хотя бы парочку хороших детских стишков.

— У меня такое чувство, что твоя вскоре будет закончена, — заметил он. — Я постараюсь вовремя сделать для тебя экземпляр.

— О! Из каких таких глубин проистекает сие чувство?

— Кто может локализовать источник вдохновения?

— Ты.

— Это снизошло на меня, когда я медитировал. Я был занят сочинением элегии на веганца — конечно, просто так, в

порядке упражнения — и вдруг поймал себя на мысли: «Скоро я закончу элегию на грека». — Немного помолчав, он продолжал: — Концепция этой вещи такова: ты — как два человека, один ростом выше другого.

— Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переносить вес с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Таким образом я концептуализирую твою идею. Ну и что дальше?

— Ничего. Ты все это не совсем правильно понимаешь.

— Это культурная традиция, против которой у меня никогда не было достаточно иммунитета. Вроде моей слабости к узлам, лошадям — Гордия, Троя... Сам знаешь. Мы прилипалы.

Он молчал на протяжении десяти последующих шагов.

— Так перья или свинец? — спросил я его.

— Пардон?

— Это загадка калликанзаросцев. Выбирай.

— Перья?

— Ты ошибся.

— А если бы я сказал: «свинец»?

— Ну... У тебя только один шанс. Правильный ответ тот, который нужен калликанзаросцу. Ты проиграл.

— Это слегка смахивает на приговор.

— Такова Калликанзароя. Скорее греческое, чем восточное коварство. Не столь непостижимое. Поскольку твоя жизнь часто зависит от ответа, калликанзаросец, как правило, предпочитает, чтобы в проигравших был ты.

— Почему?

— Спроси при встрече у какого-нибудь калликанзаросца, если представится такой случай. Они натуры неуправляемые.

Мы вышли на нужную авеню и повернули по ней.

— С чего это тебя вдруг снова заинтересовал Редпол? — спросил Фил. — Ты ведь давным-давно ушел оттуда.

— Я ушел в подходящее время, и все, что меня интересует, это оживает ли он снова — как и в прежние дни. Хасан мнит себя шишкой, поскольку всегда обеспечивает успех, и я хочу знать, что там у них в загашнике.

— Ты не встревожен тем, что они тебя отыскали?

— Нет. Возможно, в этом есть свои неудобства, но я сомневаюсь, что это меня свяжет.

«Роял» засверкал перед нами, и мы вошли, прямиком направившись в номер люкс. Когда мы шагали по ковровой дорожке коридора, Фил в порядке констатации заметил:

— Опять я создаю помехи.

— Похоже, что так.

— О'кей. Десять против одного, что ничего ты не разнюхаешь.

— На это ставить не буду. Возможно, ты и прав.

Я постучал в дверь из темного дерева.

— Привет, — сказал я, когда она открылась.

— Входите, входите.

И мы вошли.

Десять минут мне потребовалось, чтобы перевести разговор на прискорбную тему избиения Бедуина, поскольку там была Красный Парик, сбивавшая меня с толку тем, что была там и сбивала с толку.

— Доброе утро, — сказала она.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Есть что-нибудь новенькое в Искусствах?

— Нет.

— В Монументах?

— Нет.

— В Архивах?

— Нет.

— Какая интересная у вас работа!

— О, все романтики из конторы информации — это они создали ореол, растрезвонивший про нас чего нет. А в действительности мы лишь обнаруживаем, восстанавливаем и сохраняем письменные следы и остатки материальной культуры человечества.

— Что-то вроде старателей культурной помойки?

— М-да... Думаю, сказано точно.

— Но зачем?

— Зачем что?

— Зачем вы это делаете?

— Кто-то должен, ведь это культурная помойка. Так что постараться стоит. Свою помойку я знаю лучше всех.

— Ты одержим, при том что и скромен. Тоже хорошо.

— Когда я просился на эту работу, было не так уж много, из кого выбирать, — а я знал, где припрятано огромное количество помоек.

Она протянула мне питье, сама сделала полтора глоточка из своего бокала и спросила:

— Они еще и вправду вокруг нас?

— Кто? — поинтересовался я.

— Старые боги. Корпорация божеств. Вроде Ангелсу. Я думала, что все боги покинули землю.

— Нет, не покинули. То, что в большинстве своем они похожи на нас, не означает, что они ведут себя так же, как мы. Когда человек покидал землю, он не предложил им отправиться вместе с ним, а у богов тоже есть гордость. Однако, возможно, они должны были остаться, — есть такая вещь под названием ананке, смертная участь. Никому ее не миновать.

— Как и прогресса?

— Да. К вопросу о прогрессе. Как Хасан прогрессирует? Когда я видел его в последний раз, он остановился на мертвой точке.

— Уже на ногах. Орясина. Толстая черепушка. Здоровехонек.

— Где он?

— Дальше, налево. Зал для игр.

— Пожалуй, я схожу выразить ему свое сочувствие. Прощаешь?

— Уже прощен, — сказала она, кивая, и пошла послушать, как Дос Сантос говорил с Филом. Фил, естественно, приветствовал такое пополнение.

Никто не отметил мой уход.

Зал для игр находился в другом конце длинного коридора. Подходя, я услышал «шмак», потом стало тихо, а потом снова — «шмак».

Я открыл дверь и заглянул.

Он был там один.

Стоял спиной ко мне, но, услышав, что дверь открылась, быстро повернулся.

На нем был длинный пурпурный халат, правая его рука покачивала нож. На затылке красовалась большая нашлепка пластыря.

— Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним стояла корзина с ножами, а на противоположной стене он укрепил мишень. В ней торчало два ножа — один в центре, другой на шесть дюймов в сторону, девятка на циферблате.

— Добрый вечер, — медленно произнес Хасан. Затем, подумав, добавил: — Как ты себя чувствуешь?

— О, отлично. Я пришел задать тебе тот же вопрос. Как твоя голова?

— Боль очень сильная, но пройдет.

Я закрыл за собой дверь.

— Тебе, должно быть, что-то привиделось прошлым вечером.

— Да. Мистер Дос Сантос говорит, что я сражался с призраками. Не помню.

— Ты ведь не курил то, что толстый доктор Эммет называет Каннабис сатива — конопля.

— Нет, Караги. Я курил цветок-вампир, который сосет человеческую кровь. Нашел его у Старого Места — Константинополя — и аккуратно высушил лепестки. Одна старуха сказала, что он позволит мне заглянуть в будущее. Она соврала.

— ...И кровь вампира вызывает приступы безумия? Это что-то новое, надо записать. Между прочим, ты только что назвал меня Караги. Я бы хотел, чтобы ты так меня не называл. Меня зовут Номикос, Конрад Номикос.

— Хорошо, Караги. Я был удивлен, увидев тебя. Я думал, что ты давно умер, когда твой великолепный корабль разбился в гавани.

— Караги тогда и умер. Ты говорил кому-нибудь, что я похож на него?

— Нет, я попусту не болтаю.

— Хорошая привычка.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке, метнул, и он воткнулся примерно в десяти дюймах справа от яблочка.

— Давно работаешь на мистера Дон Сантоса?

— Примерно с месяц.

Он метнул нож. Тот воткнулся на пять дюймов ниже яблочка.

— Ты что, его телохранитель?

— Верно. Я также охраняю голубого.

— Дон Сантос говорит, что он боится покушения на Миштиго. Тому действительно что-то угрожает или же он в безопасности?

— Возможно, и то и другое, Караги. Я не знаю. Мне платят только за охрану.

— Если я заплачу тебе больше, ты скажешь, кого тебе поручили убить?

— Мне поручили только охрану, но, если бы было иначе, я бы все равно тебе не сказал.

— Не думаю. Пойдем возьмем ножи.

Мы подошли к мишени и вытащили из нее ножи.

— Итак, если это, случаем, я, что вполне возможно, почему бы нам не решить дело прямо сейчас? — предложил я. — У каждого из нас по два лезвия. Тот, кто выйдет из зала, скажет, что другой на него напал, так что остальное было делом самообороны. Свидетелей нет. Прошлым вечером нас видели пьяными, во всяком случае, нетрезвыми.

— Нет, Караги.

— Что «нет»? Нет, что я не был пьяный? Или нет, чтобы мы все решили именно таким образом?

— Я могу сказать, ты ни при чем. Но откуда тебе знать, правду ли я говорю.

— Верно.

— Я могу сказать, что не хочу это решать именно таким образом.

— В самом деле?

— Я этого не говорю. Но, чтобы дать тебе приемлемый ответ, скажу следующее: если бы я хотел тебя убить, я бы это сделал не ножом, что у меня в руке, и не стал бы боксировать с тобой или бороться.

— Почему?

— Потому что много лет тому назад, когда я был мальчиком, я работал на курорте в Керчи, прислуживал за столом у богатых веганцев. Ты не знал меня тогда. Я только что приехал с Памира. А ты с другом-поэтом прибыл в Керчь...

— Теперь я вспомнил. Да... В тот год умерли родители Фила — они были моими добрыми друзьями, и я собирался отдать Фила в университет. Но там был веганец, который отобрал у Фила его первую женщину и взял ее с собой в Керчь. Да, циркач-эстрадник — забыл его имя.

— Трилпай Лиго, шаджапта-боксер, и выглядел он как гора на краю великой равнины — высокий, неколебимый. Он

боксировал против цестуса[1] веганцев — на голый кулак наматывается кожаный ремень с десятью острыми шипами.

— Да, помню...

— Прежде ты никогда не занимался боксом шаджапта, но ты дрался с ним за девушку. Собралась огромная толпа из веганцев и девушек-землянок, и, чтобы видеть, я забрался на стол. Уже через минуту твоя голова была вся в крови. Он старался, чтобы кровь залила тебе глаза, а ты все встряхивал головой. Мне было тогда пятнадцать, я сам убил только троих и думал, что ты умрешь, потому что ты даже ни разу не коснулся его. А потом правая твоя рука выстрелила в него, как брошенный молот, как молния! Ты ударил его прямо в середину этой двойной кости, которая есть в грудной клетке голубых, — а они в этом месте куда крепче нас, — и расколол его, как яйцо. Я бы никогда так не смог. Вот почему я боюсь твоих кулаков и твоих рук. Позднее я узнал, что ты убил голыми руками летуче-паучью мышь... Нет, Караги, я бы убивал тебя на расстоянии.

— Это было так давно... Не думал, что кто-нибудь еще помнит.

— Ты отбил эту девушку.

— Да. Запамятовал ее имя.

— Но ты не вернул ее поэту. Ты взял ее себе. Вот, вероятно, почему он тебя ненавидит.

— Фил? Из-за той девушки? Я даже забыл, как она выглядела.

— А он никогда не забывал. Вот почему, думаю, он ненавидит тебя. Я распознаю запах мести, могу вынюхать ее источник. Ты увел его первую женщину.

— Таково было ее желание.

— И он стареет, а ты остаешься молодым. Это печально, Караги, когда у друга есть причина ненавидеть друга.

— Да.

— И я не могу ответить на твои вопросы.

— Возможно, тебя наняли убить веганца.

— Возможно.

— Зачем?

— Я сказал, что это возможно, но это не факт.

---

[1] Цестус — кулачный боец в Древнем Риме.

— Тогда я задам тебе еще только один вопрос, и покончим с этим. Какой прок в смерти веганца? Его книга принесла бы пользу нашим отношениям с веганцами.

— Я не знаю, есть ли в этом прок или нет, Караги. Давай лучше метать ножи.

Что мы и делали. Я уловил расстояние и баланс и послал два ножа прямо в десятку. Затем Хасан всадил еще два, вдобавок к ним, последний нож вскрикнул болевым криком металла, завибрировав возле одного из моих.

— Хочу кое-что тебе сообщить, — сказал я, когда мы снова их вытащили. — Я возглавляю поездку и отвечаю за безопасность ее участников. Я тоже буду охранять веганца.

— Очень хорошо, Караги. Ему нужна защита.

Я положил ножи в корзину и двинулся к двери.

— Мы отправляемся завтра в девять утра. У меня будет конвой скиммеров на первом поле территории Конторы.

— Хорошо. Доброй ночи, Караги.

— ...И зови меня Конрад.

— Хорошо.

Он изготовился, чтобы бросить нож в мишень. Я закрыл дверь и двинулся по коридору обратно. Пока я шел, я услышал еще один «шмак», и прозвучал он гораздо явственней, чем тот, первый. А эхо его прокатилось мимо меня по всему коридору.

Пока шесть скиммеров летели через океаны в направлении Египта, я обратил свои мысли сначала к Косу и Кассандре, а затем не без труда выудил их оттуда и послал вперед — к пескам, к Нилу, к крокодилам-мутантам и некоторым усопшим фараонам, которых должен был тогда потревожить один из последних моих проектов. («Смерть приходит на мягких крыльях к тому, кто оскверняет...» и т. д.) А затем я стал думать о человечестве, грубо запихнутом на полустанок Титана, где оно работает в Конторе Земли, унижающемся на Тайлере и Бакабе, болтающемся на Марсе и кое-как перебивающемся на Рилпахе, Дивбахе, Литане и на паре дюжин других миров Веганского Объединения. Затем я стал думать о веганцах.

Голубокожий народец со смешными именами и рябой, как после оспы, взял нас к себе, когда мы замерзали, и накормил нас, когда мы голодали. Да. Они прекрасно разобрались в

том, как пострадали наши колонии на Марсе и Титане в результате почти вековой оторванности от всего и всех, случившейся после Трехдневного конфликта, — это ведь только потом был создан приемлемый межзвездный корабль. Как коробочный долгоносик (по словам Эммета), мы искали свой дом, поскольку привыкли к тому, что прежде он у нас был. Хотели ли веганцы уничтожить сих насекомых? Нет. Раса более древняя и мудрая, они позволили нам селиться в их мирах, жить и работать в их городах, будь то на суше или на море. Потому что даже такая развитая цивилизация, как веганская, испытывает некоторую потребность в ручном труде одной из разновидностей живых существ с противостоящим большим пальцем руки. Ни машины, ни машинные мониторы не заменят хороших домашних слуг, равно как хороших садовников, рыбаков в соленом море, представителей опасных профессий — подземных рабочих и наземных проституток, а также фольклорных циркачей из чуждой веганцам разновидности живого мира. По общему убеждению, присутствие там человека несколько снижает уровень веганской среды обитания, однако же люди сами это компенсируют своим личным вкладом во все увеличивающееся тамошнее благосостояние.

Мысль эта и вернула меня к Земле. Веганцы прежде никогда не видели полностью разрушенной цивилизации, так что наша родная планета произвела на них большое впечатление. Достаточно большое, чтобы терпеть на Тайлере наше правительство-в-отсутствии. Достаточно большое, чтобы покупать билеты для земного путешествия, дабы осмотреть руины. Достаточно большое даже для того, чтобы покупать здесь недвижимость и строить курорты. Есть свое очарование в планете, которую используют как музей. (Что там Джеймс Джойс говорил о Риме?) Так или иначе, по итогам каждого бюджетного года веганцев мертвая Земля еще приносит своим живущим на ней внукам небольшой, но ценный доход. Вот почему — Контора, Лоурел, Джордж, Фил и все прочее.

Вот почему — даже и я, в каком-то смысле.

Далеко внизу океан был как серо-голубой ковер, который утаскивали из-под нас. Его сменил темный материк.

Мы устремились в направлении Нового Каира. Приземлились в стороне от города. Посадочной площадки там нет.

Мы просто опустились на пустое поле, которое использовали для этих целей, и оставили Джорджа для охраны.

Старый Каир еще горюч, однако те, с кем можно иметь дело, живут в основном в Новом Каире, так что путешествовать можно довольно нормально. Миштиго не захотел посетить мечеть Кейт-Бей в Городе Мертвых, которая сохранилась после Трех Дней; однако он ради меня согласился сесть в скиммер и полетать вокруг нее на малой высоте и скорости, дабы пофотографировать и посмотреть. Если уж говорить о монументах, то он хотел посетить пирамиды, Луксор, Карнак, Долину Царей и Долину Цариц.

Хорошо, что мы осмотрели мечеть с воздуха. Под нами судорожно бегали какие-то темные фигуры, останавливаясь лишь затем, чтобы бросить в летательный аппарат камень.

— Кто они? — спросил Миштиго.

— Горючие, — сказал я. — Что-то вроде людей. Они различаются по размеру, форме и ничтожности.

Мы еще покружили, пока он не удовлетворил свое любопытство, и вернулись на поле.

Итак, снова приземлившись в лучах сверкающего солнца, мы высадились, выставили охрану у скиммера и двинулись по разбитому шоссе, где асфальт чередовался с песком; кроме меня и двух временных помощников, шли Миштиго, Дос Сантос и Красный Парик, Эллен и Хасан. Эллен лишь в последнюю минуту решила сопровождать в поездке своего мужа.

По обе стороны дороги тянулись поля высокого сахарного тростника, блестевшего на солнце. Вскоре поля остались позади — мы шагали мимо низких служебных построек города. Дорога стала шире. Тут и там росли пальмы, возле них лежали островки теней. Два малыша с огромными карими глазами проводили нас взглядом. Они погоняли усталую шестиногую корову, вращавшую сакию — большое колесо для поливки; для здешних мест обычнейшая картина, с тем лишь отличием, что от этой коровы оставалось больше отпечатков копыт.

Мой надзиратель этих мест Рамзес Смит встретил нас в гостинице. Крупный, на его золотистого цвета лицо надета крепкая сеть морщин; у него были типично печальные глаза, но постоянная улыбка компенсировала это впечатление.

В ожидании Джорджа мы сидели в главном зале гостини-

цы, потягивая пиво. Чтобы заменить его, была послана охрана из местных.

— Работа идет все лучше, — сказал мне Рамзес.

— Отлично, — отозвался я.

Никто меня не спросил, что это за «работа» такая, в связи с чем я испытывал положительные чувства. Я хотел, чтобы для них это был сюрприз.

— Как твоя жена, дети?

— Отлично.

— А новорожденный?

— Выжил, — сказал Рамзес гордо, — и безо всяких осложнений. Я послал жену на Корсику, там он и родился. Вот фото.

Я сделал вид, будто внимательно разглядываю, и выразил свое одобрение ожидаемыми от меня междометиями.

— Так вот, что касается съемки, — сказал я, — тебе нужно дополнительное оборудование?

— Нет, мы отлично обеспечены. Все идет хорошо. Когда вы хотите посмотреть работу?

— Сразу же, как только что-нибудь поедим.

— Вы мусульманин? — вмешался в разговор Миштиго.

— Я коптской веры, — ответил Рамзес, на сей раз не улыбнувшись.

— О, в самом деле? Вы еретики-монофизиты, не так ли?

— Мы не считаем себя еретиками, — ответил Рамзес.

Когда Миштиго ударился в перечень христианских ересей, для него забавных, да и только, я сел, размышляя, правильно ли сделали мы, греки, что пустили логику в этот разнесчастный мир. Еще раньше, в приступе злобы, оттого что должен возглавить поездку, я записал их все в журнале путешествия. Позднее Лоурел сказал мне, что это был отличный и хорошо оформленный документ. Что, кстати, показывает, как отвратительно я должен был себя чувствовать в тот момент. Я даже занес в журнал информацию о том, как в шестнадцатом веке по ошибке канонизировали Будду как святого Иозафата. Под конец, поскольку Миштиго явно смеялся над нами, я понял, что мне остается или убить его, или сменить эту пластинку. Хотя сам я и не был христианином, его теологическая комедия ошибок не нанесла удар в солнечное сплетение моей религиозности. Однако я испытал досаду: представитель другой

расы не поленился предпринять настолько трудоемкое исследование, что мы рядом с ним выглядим как идиоты.

Пересматривая данный вопрос в настоящем, я понимаю свою ошибку. Успех видеозаписи, которую я тогда делал (та самая «работа», что упоминал Рамзес), подтверждает более поздние мои гипотезы относительно веганцев: они столь смертельно наскучили себе, а мы были столь неизведаны, что они вцепились и в злободневные наши проблемы, и в те, что стали уже классическими, равно как и в ту, что для нас всегда остается животрепещущей. Они принялись ломать себе голову над тем, кто в действительности написал пьесы Шекспира, на самом ли деле Наполеон умер на острове Святой Елены, кто были первые европейцы, ступившие на земли Северной Америки, и указывают ли книги Чарльза Форта, что Землю посещала неизвестная веганцам разумная раса — и так далее. Высшая же каста веганского общества интересуется даже теологическими дискуссиями нашего Средневековья. Смешно.

— Так вот, относительно вашей будущей книги, Шрин Штиго... — прервал я его. То, что я использовал почтительное обращение, остановило веганца на полуслове.

— Да? — отозвался он.

— У меня такое впечатление, что у вас нет ни малейшего желания говорить на эту тему ни теперь, ни впредь. Я, конечно, полон уважения к подобному чувству, но как руководителя поездки оно ставит меня в довольно затруднительное положение.

Оба мы понимали, что мне следовало бы затронуть этот вопрос в личной беседе, особенно после его реплики, адресованной Филу в гостиной, но я был настроен сварливо и хотел, чтобы он знал об этом и чтобы разговор перешел в другое русло. Поэтому я сказал:

— Будет ли это в основном географический отчет о местах, которые мы посетим, или вам предпочтительно, чтобы мы обратили ваше внимание на местную специфику — будь то, так сказать, вопросы политики или насущные вопросы культуры.

— Главный мой интерес — написать занимательную книгу о путешествии, — ответил он, — но мне любопытна любая информация о нашем пути. Во всяком случае, я считал, что это — ваша работа. Что же касается земных традиций и здеш-

них текущих проблем, то общее представление о них я имею, и они не очень меня занимают.

Дос Сантос, который ходил и курил в ожидании, пока сготовят еду, остановился в полушаге от нас и сказал:

— Шрин Штиго, что вы думаете по поводу Движения Возвращенцев? Вы сочувствуете нашим целям? Или считаете затею мертворожденной?

— Да, — ответил он, — последнее. Я убежден, что если кто-то мертв, то единственная его обязанность — это удовлетворить потребителя. Я уважаю ваши цели, но не пойму, как вы можете надеяться на их реализацию. Почему люди должны отказываться от гарантий своей безопасности ради возвращения сюда? Большинство представителей нынешнего поколения никогда не видели Землю, кроме как на пленках, — а вы должны признать, что это весьма маловдохновляющие документы.

— Я с вами не согласен, — возразил Дос Сантос, — и считаю ваш подход ужасно патрицианским.

— Именно таким он и должен быть, — произнес Миштиго.

Джордж и еда появились почти одновременно. Два официанта стали накрывать на стол.

— Я бы предпочел есть один за маленьким столом, — объяснил Дос Сантос официанту.

— Вы здесь, потому что сами об этом просили, — напомнил я.

Дос Сантос взял себя в руки и глянул тайком на Красный Парик, которая по воле случая сидела справа от меня. Мне показалось, что я засек едва уловимое движение ее головы, сначала налево, затем направо.

Дос Сантос собрал все черты своего лица вокруг маленькой улыбки и слегка кивнул.

— Простите мой латинский темперамент, — заметил он. — Вряд ли удастся обратить кого-нибудь в веру Возвращенцев за пять минут, и каждый раз мне трудно скрыть свои чувства.

— Это уж точно, — сказал я и добавил: — Я голоден.

Он сел напротив нас, рядом с Джорджем.

— Узрите Сфинкса, — промолвила Красный Парик, указывая на гравюру на дальней стене, — чья речь — то долгое молчание, то вдруг загадка. Он стар как само время. В высшей

степени уважаем. Дряхл вне всякого сомнения. Рот он не открывает и ждет. Чего? Кто знает... Вы испытываете тягу к монолитному в искусстве, Шрин Штиго?

— Иногда, — бросил веганец, сидя слева от меня.

Дос Сантос быстро глянул через плечо и снова посмотрел на Диану. Он ничего не сказал.

Я попросил Красный Парик передать мне соль, и она передала. Мне и в самом деле хотелось высыпать на нее соль, чтобы она застыла соляным столпом, и тогда бы в свободное время я бы наконец познал ее, но вместо этого я использовал соль для картошки.

И в самом деле, узрите Сфинкса!

Солнце в зените, короткие тени, жара — вот как это было. Я не хотел, чтобы какие-нибудь вездеходы или скиммеры портили картину, поэтому заставил всех идти пешком. Это было недалеко, и я выбрал несколько окольный путь, чтобы достичь предполагаемого эффекта.

Вкривь и вкось мы прошагали милю, где карабкаясь вверх, где спускаясь. Я конфисковал у Джорджа сачок для бабочек, чтобы избежать раздражающих пауз, когда мы пересекали несколько клеверных полей, лежавших на нашем пути.

Ходьба обратно сквозь время — вот что это было: мимо стремительно проносились птицы ярких расцветок (фьють! фьють!), а стоило нам только подняться на какой-нибудь небольшой пригорок, как далеко на горизонте возникала пара верблюдов. (Очертания верблюдов, как будто рисунок углем... Но хватит об этом. Никого не волнует впечатление от верблюдов. Даже самих верблюдов, если уж по правде. Бедные больные животные...) Невысокая смуглая женщина устало тащилась мимо с высоким кувшином на голове. Миштиго отметил сей факт для своего карманного помощника. Я кивнул женщине и произнес приветствие. Женщина ответила на приветствие, но, естественно, не кивнула. Эллен, уже мокрая от пота, обмахивалась большим зеленым треугольником из перьев; Красный Парик шагала прямая, высокая, капельки испарины выступили на верхней ее губе, а глаза были спрятаны за солнечными очками, затемнившимися до своего предела. Наконец мы взобрались на последний невысокий холм.

— Глядите, — сказал Рамзес.

— Madre de Dios! — вырвалось у Дос Сантоса.

Хасан выругался.

Красный Парик быстро повернулась ко мне, затем обратно. Из-за ее солнечных очков я не смог прочесть выражения ее лица. Эллен продолжала обмахиваться.

— Что они делают? — спросил Миштиго. Впервые я видел его таким удивленным.

— Ничего особенного, — сказал я. — Разбирают великую пирамиду Хеопса.

Последовала пауза, а затем Красный Парик спросила:

— Зачем?

— В общем, затем, — ответил я, — что в этих местах нехватка строительных материалов. Камень из Старого Каира радиоактивен, вот они и добывают стройматериал, растаскивая по частям этот древний кусок твердого геометрического тела.

— Они оскверняют памятник великому прошлому рода человеческого! — воскликнула она.

— Нет ничего дешевле, чем великое прошлое, — заметил я. — Мы же имеем дело с настоящим, и сейчас им нужны строительные материалы.

— Давно ли это началось? — гневно осведомился Миштиго.

— Мы начали разборку три дня назад, — сказал Рамзес.

— Кто дал вам право делать подобные вещи?

— Решение принимала Земная Контора, Шрин, — Отдел Искусств, Памятников и Архивов.

Миштиго повернулся ко мне, его янтарные глаза странно светились.

— Вы!

— Я, — признал я, — то бишь Комиссар. Совершенно верно.

— Почему никто не знает об этой вашей акции?

— Потому что сюда приезжают лишь единицы, — объяснил я. — Что является еще одной причиной для разборки пирамиды. В настоящем ее даже перестали осматривать. Мне же дано право принимать подобные решения.

— Я прибыл сюда из другого мира, чтобы осмотреть ее!

— Так поторопитесь взглянуть, — сказал я ему. — Она скоро исчезнет.

Веганец отвернулся и впился в нее глазами.

— Вы, очевидно, не имеете никакого представления о ее подлинной ценности. А если имеете...

— Наоборот, я знаю абсолютно точно, сколько она стоит.

— ...А те несчастные создания, которые работают там, внизу, — голос его становился все выше, по мере того как он вглядывался в происходящее, — под жгучими лучами вашего мерзкого солнца, они ведь трудятся в примитивнейших условиях! Вы хоть слышали когда-нибудь о подвижных механизмах?

— Конечно. Они дороги.

— И у ваших прорабов кнуты! Как можно так относиться к собственным людям? Это не лезет ни в какие рамки!

— Все те люди работают добровольно, за символическую плату, и «Экуити» не позволяет нам использовать кнуты, даже несмотря на то, что статисты выступают за право их применения. Все, что нам разрешено, — это щелкать кнутами возле работающих.

— «Экуити»?

— Профсоюз актеров. Хотите посмотреть на механизмы? — Я сделал широкий жест. — Взгляните вон на тот холм.

Он посмотрел.

— Что там?

— Мы записываем все на видеопленку.

— С какой целью?

— Когда закончим, мы смонтируем пленку до приемлемой продолжительности и пустим ее в обратную сторону. Мы хотим назвать ее «Строительство Великой пирамиды». Отличная штука — и для развлечения, и для денег. С тех пор как ваши историки узнали о пирамиде, они ломают себе голову, как же именно ее сложили. Надеюсь, эта пленка их немножко осчастливит. Я решил, что операция ГСПН — это то, что надо.

— ГСПН?

— Грубая Сила и Полное Невежество. Нет, только полюбуйтесь, как они ее портят — следят за камерой, валяются на камнях, а затем вскакивают как угорелые, едва она поворачивается в их сторону. В конце концов, они так действительно свалятся от усталости. Но все-таки это первый земной фильм за многие годы. И люди по-настоящему воодушевлены.

Дос Сантос глянул на оскаленные зубы Красного Парика, на бугорки мускулов под ее глазами. Затем уставился на пирамиду.

— Вы сумасшедший, — провозгласил он.

— Едва ли, — отозвался я. — Отсутствие памятника может в некотором роде тоже быть памятником.

— Памятником Конраду Номикосу, — подтвердил он.

— Нет, — сказала затем Красный Парик. — Раз есть искусство созидания, то наверняка есть и искусство разрушения. Видимо, он это и пробует. Он играет роль Калигулы. Пожалуй, я даже могу понять почему.

— Спасибо.

— Не ждите от меня «пожалуйста». Я говорю «пожалуй». Ведь художник и это должен делать с любовью.

— Любовь — отрицательная форма ненависти.

— «Я умираю, Египет, умираю», — продекламировала Эллен.

Миштиго рассмеялся.

— А вы круче, чем я думал, Номикос, — заметил он. — Но вы не незаменимы.

— Попробуйте уволить гражданского служащего, особенно такого, как я.

— Это легче, чем вы думаете.

— Посмотрим.

— Увидим.

Мы повернулись к великой (на девяносто процентов) пирамиде Хеопса (Хуфу). Миштиго снова стал записывать свои наблюдения.

— Я бы хотел, чтобы вы сделали обзор прямо отсюда, — сказал я. — Наше присутствие там — лишь напрасная трата пленки. Мы не впишемся. Можно спуститься вниз, когда будет перерыв на чашку кофе.

— Согласен, — сказал Миштиго, — и полагаю, что догадываюсь, кто не вписывается. Но здесь я уже увидел все, что мне нужно. Пошли обратно в гостиницу. Я хочу поговорить с местными.

Затем он стал размышлять вслух:

— Тогда я сверх намеченного осмотрю Сахару. Вы еще не начали разбирать памятники Луксора, Карнака и Долины Царей?

— Пока еще нет.

— Отлично. Прежде всего их и осмотрим.

— Только пойдем отсюда, — сказала Эллен. — Жара чертовская.

И мы повернули назад.

— Вы в самом деле думаете то, что говорите? — спросила Диана, когда мы шли обратно.

— До некоторой степени.

— Как вы можете думать о подобных вещах?

— По-гречески, конечно. Затем перевожу на английский. Это я умею.

— Кто вы?

— Озимандия. Взгляните на дело рук моих, ваше величество отчаяние.

— Я не величество.

— Ой ли... — сказал я и отвернулся от обращенной ко мне стороны ее лица, на которой, насколько мне было видно, отображалось довольно смешное выражение.

— Позвольте рассказать вам о боадилах, — сказал я.

Наша фелюга медленно скользила по слепящей водной дорожке, прожигающей себе путь в виду у великих серых колоннад Луксора.

Миштиго находился спиной ко мне. Он ел взглядом колонны и надиктовывал свои первые впечатления.

— Где мы высадимся? — спросил он меня.

— Милей ниже по нашему ходу. Может, я лучше расскажу вам о боадиле?

— Я знаю, что такое боадил. Я говорил вам, что изучал ваш мир.

— Хо-хо... Читать о них — это одно, а...

— Я видел боадилов. На Тайлере их целых четыре, в Саду Земли.

— ...а видеть их в водоеме совсем другое...

— С вами и Хасаном мы настоящий плавучий арсенал. Я насчитал на вашем поясе три гранаты, четыре — на его, — многозначительно сообщил мне Миштиго.

— Если боадил навалится сверху, вы не сможете применить гранату — прежде всего из чувства самосохранения. А если он далеко, гранатой вы его не подорвете. Слишком уж они быстры.

Наконец-то он обернулся ко мне.

— Так что же вы применяете?

Я покопался в своей галабее (надетой взамен родной, ут-

раченной) и вытащил оружие, которое старался всегда иметь под рукой, когда ходил этим маршрутом.

Миштиго осмотрел его.

— Как это называется?

— Пистолет механического действия. Стреляет пулями с метацианидом — ударная сила в одну тонну при беглой стрельбе. Не очень прицельно, да это и не нужно. Сделан по образцу автомата двадцатого века под названием «шмайссер».

— Не очень-то послушное оружие. Им можно остановить боадила?

— Если повезет. У меня есть парочка в одном из ящиков. Дать?

— Нет, спасибо. — Он помолчал. — Но вы можете поподробнее рассказать мне о боадиле. Я ведь только взглянул на них в тот день, и они в общем-то были на глубине.

— Н-да... Голова — почти как у крокодила, только больше. Длиной около сорока футов. Могут свернуться в клубок — что-то вроде огромного пляжного мяча, только с зубами. Стремительные — и на земле, и в воде, и еще до черта маленьких лап с обеих сторон...

— Сколько лап? — переспросил он.

— Хм, по правде говоря, никогда не считал. Минуточку. Эй, Джордж, — кликнул я, обернувшись назад, где в тени паруса лежал и подремывал выдающийся главный биолог Земли. — Сколько лап у боадила?

— Чего? — Голова его приподнялась.

— Я спрашиваю: сколько лап у боадила?

Он встал, слегка потянулся и подошел к нам.

— Боадилы... — вслух подумал Джордж, ковыряя пальцем в ухе и пролистывая внутреннюю свою картотеку. — Несомненно принадлежат к классу рептилий, в этом мы можем быть уверены. Но относятся ли они к отряду крокодилов, к собственному подотряду, или же они из отряда чешуйчатых, подотряда ящеров, семейства неоподов — как не вполне серьезно настаивают мои коллеги с Тайлера, — этого мы не знаем. Для меня они своего рода реминисценция фотокопий того, как в предтрехдневные времена художники изображали фитозавров мезозойской эры, естественно, с добавлением численности ног и способности к сокращению мышц. Я же лично настаиваю на отряде крокодилов.

Он прислонился к ограждению борта, и взгляд его впе-

рился вдаль над мерцающей поверхностью воды. Я понял, что он больше ничего не собирается добавить, поэтому снова спросил:

— Так сколько у него лап?

— Чего? Лап? Никогда не считал их. Однако если нам повезет, то обязательно это сделаем. Тут их великое множество. Тот молодой, что у меня был, долго не протянул.

— Что с ним случилось? — спросил Миштиго.

— Его съел мой мегадонаплат.

— Мегадонаплат?

— Что-то вроде утковидного платипуса с зубами, — пояснил я, — ростом около десяти футов. Только представьте себе. Насколько нам известно, их видели три или четыре раза. Австралийцы. Мы добыли наших по счастливой случайности. Возможно, не выживут как вид — то есть подобно боадилам. Они яйцеродные млекопитающие, и их яйца слишком уж большие для голодного мира, чтобы это позволило данному виду продолжение рода — если это только подлинный вид. Может, они просто отдельная мутация.

— Возможно, — сказал Джордж, кивая с умным видом, — а возможно, и нет.

Миштиго отвернулся, покачивая головой.

Хасан уже частично распаковал своего робота голема, которого назвали Ролем, и мудрил над его регулировкой.

Эллен отказалась наконец-то от полумакияжа и лежала под солнцем, загорая всем, чем только можно. Красный Парик и Дос Сантос что-то замышляли на другом конце судна. Та парочка просто так никогда не встречается — свидания у них всегда тайные. Наша фелюга медленно скользила по слепящей водной дорожке, прожигающей себе путь в виду у великих серых колоннад Луксора, и я решил, что время направить ее к берегу и посмотреть, что там нового среди гробниц и разрушенных храмов.

Шесть последующих дней были небогаты событиями, но в чем-то незабываемыми, ужасно деловыми и как бы уродливо-прекрасными — вроде цветка с еще не тронутыми лепестками, но с почерневшей, уже загнившей завязью.

А именно, вот какими...

Миштиго, должно быть, проинтервьюировал чуть ли не

каждого каменного барана вдоль четырехмильной Дороги в Карнак. И в ослепительном свете дня, и в сумерках мы топали по руинам, нарушая покой летучих мышей, крыс, змей и насекомых и слушая монотонные комментарии веганца на его монотонном языке. Вечером мы разбивали в песках лагерь, огораживаясь двухсотметровым периметром системы электрооповещения и выставляя двух человек в охрану.

У боадилов кровь холодная, по ночам же было свежо. Так что извне нам почти ничто не угрожало. Огромные лагерные костры горели в эти ночи, освещая нашу территорию, поскольку веганец хотел, чтобы все было как можно примитивней — ради пущей натуральности, догадался я. Наши скиммеры были дальше к югу. Мы прилетели на них к месту, которое я знал, и оставили их там охраннику из Конторы, взяв для путешествия фелюгу, — тем самым мы повторили путь Царя всех Богов из Карнака в Луксор. Так захотел Миштиго. По ночам Хасан тренировался в метании *ассагая*[1], вымененного у большого Нубийца, или, обнажившись по пояс, часами боролся со своим неутомимым големом.

Голем этот был ценным партнером. Хасан запрограммировал его по силе на двух среднестатистических мужчин и ускорил время реакции на пятьдесят процентов. В его «памяти» записаны сотни приемов борьбы, а командный блок теоретически не давал голему убивать или калечить своего противника — все это благодаря набору электрохимических аналогов центростремительных нервов, которые позволяли ему с точностью до унции измерять усилие, необходимое, чтобы сломать кость или порвать сухожилие.

Ролем был ростом пять футов шесть дюймов и весил около двухсотпятидесяти фунтов; сделанный на Бакабе, он был довольно дорогим, цвета теста, с карикатурной внешностью, и его мозги помещались где-то под пупком — если у голема есть таковой, — дабы то, чем он думает, не повредилось от сотрясений при приемах греко-римской борьбы.

Однако, несмотря на все это, бывали и несчастные случаи. Эта штуковина убивала людей, если в мозги ей, или в афференты, проникал амок или если люди сами совершали про-

[1] Ассагай — турецкое копье с длинным наконечником.

мах: скажем, пытались переключить голема на ходу, добавив ему мощи на несколько лишних унций.

Когда-то у меня был такой робот, почти год, запрограммированный на бокс. Я обычно проводил с ним после полудня минут пятнадцать. И привык думать о нем почти как о личности. Однажды он нарушил правила боя, и я больше часа колошматил его и в конце концов так ему засветил, что у него отскочила голова. Но эта штука как ни в чем не бывало продолжала боксировать, и с тех пор я перестал считать голема дружески настроенным спарринг-партнером. Знаете, это довольно-таки странное чувство, когда боксируешь с безголовым големом. Вроде того, как если очнуться после приятных снов и обнаружить в изножии постели притаившийся ночной кошмар. На самом деле голем не «видит» своего партнера тем, что у него вместо глаз; его оболочка начинена пьезоэлектрическим радарным мезентерием, так что он наблюдает всей своей поверхностью. Тем не менее, когда иллюзия партнера исчезает, испытываешь чувство досады. Я выключил робота и больше никогда не включал. У меня его купил торговец верблюдами, за довольно хорошую цену. Не знаю, поставил ли он на место голову. Но он был турок, так что не все ли равно?

Что же до Хасана — он сплетался со своим Ролемом, и оба они блестели в свете костра, а мы сидели на одеялах и смотрели, и летучие мыши время от времени проносились низко над нами, как пепел, и жиденькие облака занавешивали луну и шли дальше. Так оно было на третью ночь, когда я свихнулся.

Я вспоминаю ее, как вспоминают какой-нибудь мимолетный пейзаж во время ночной грозы в конце лета — как серию стоп-кадров при вспышках молнии...

Почти добрый час проговорив с Кассандрой, я закончил нашу связь обещанием взять скиммер в следующий полдень и провести ночь на Косе. Вспоминаю наши последние слова:

— Будь осторожен, Константин. Я видела плохие сны.

— Все это вздор, Кассандра. Спокойной ночи.

И кто знает, не были ли ее сны результатом скоротечной ударной волны силой в 9,6 балла по шкале Рихтера, что уже катилась туда?

С выражением жестокости, мерцающей в глазах, Дос Сантос зааплодировал Хасану, когда тот грохнул Ролема об землю, да так, словно гром загремел. Однако земля продолжала тря-

стись и тогда, когда голем уже снова встал на ноги и принял низкую стойку, и руки его извивались перед арабом, как змеи. Земля все тряслась и тряслась.

— Ну и силища! Даже я чувствую! — воскликнул Дос Сантос.

— Это сейсмическое возмущение, — сказал Джордж, — хоть я и не геолог.

— Землетрясение! — взвизгнула его жена, роняя непастеризованный финик, которым она угощала Миштиго.

Бежать нам было незачем, да и некуда. Поблизости не было ничего такого, что могло бы на нас упасть. Земля была ровной и довольно голой. Так что мы просто сидели, и нас пошвыривало, а парочку раз чуть не уложило плашмя. Костры наши выделывали что-то поразительное.

Время Ролема вышло, и он замер, а Хасан подошел и сел возле меня и Джорджа. С добрый час продолжались колебания почвы, затем они начались снова, только послабее, и так многажды в ту ночь. После того как первый сильный толчок пошел своим курсом, мы связались с Портом. Тамошние приборы показали, что эпицентр всего этого находится на порядочном расстоянии к северу от нас. В самом деле, нехорошее расстояние.

...В Средиземном море.

А если точнее, то в Эгейском.

Внезапно я почувствовал слабость.

Я попытался выйти на связь с островом Кос.

Молчание.

Моя Кассандра, моя возлюбленная, моя принцесса... Где она? Два часа я пытался ее найти. Затем меня вызвал Порт.

Это был голос Лоурела, а не какого-нибудь там тупицы оператора, дежурившего на связи.

— Хм... Конрад, не знаю, как сказать тебе о том, что конкретно произошло...

— Просто скажи, а когда закончишь — остановишься.

— Минут двенадцать назад вашим путем прошел спутник наблюдения, — потрескивал он в диапазоне настройки. — Судя по передаваемой картинке, нескольких островов Эгейского архипелага больше не существует...

— Нет, — сказал я.

— Боюсь, что среди них и Кос.

— Нет, — сказал я.

— Мне очень жаль, но так показывает спутник. Не знаю, что еще добавить...

— Этого достаточно, — сказал я. — Это все. Вот именно. До свидания. Позднее мы еще поговорим! Нет! Я чувствую — нет!

— Постой, Конрад!

И я свихнулся. Летучие мыши, вытряхнутые из ночи, шныряли надо мной. Я сделал выпад правой и убил одну, когда она вспыхнула впереди. Подождал пару секунд и убил другую. Потом поднял обеими руками большой валун, чтобы размозжить передатчик, но в этот момент Джордж положил руку мне на плечо. Тогда я выронил валун, отшвырнул его руку и тыльной стороной ладони ударил Джорджа по рту. Не знаю, что с ним сталось, но когда я нагнулся, чтобы снова поднять валун, то услышал за спиной топот. Я упал на одно колено и повернулся на нем, загребая пригоршню песка, чтобы бросить в глаза. Они мчались ко мне, вся компания: Миштиго, и Красный Парик, и Дос Сантос, Рамзес, Эллен, трое слуг, из местных, гражданских, и Хасан. Увидев мое лицо, кто-то завопил: «Врассыпную!» — и они рванулись веером.

В тот момент они были теми самыми, кого я всегда ненавидел. Я видел другие лица, слышал другие голоса. Те самые, кого я знал, ненавидел, кого хотел крушить и крушил, стояли там перед огнем, воскресшие из мертвых, только белизна их зубов вспыхивала сквозь тени, проходящие по улыбающимся лицам, когда они приближались ко мне, держа в руках разные варианты погибели, в то время как губы их мягко меня уговаривали, — потому я швырнул песок в самого ближнего ко мне и бросился на него.

Мой апперкот опрокинул противника навзничь, и тут же на мне оказалось с двух сторон по египтянину.

Я стряхнул их с себя и краем своего холодного глаза увидел великого Араба, державшего в руке что-то вроде черного авокадо. Он замахнулся им в мою голову, поэтому я бросился на землю. Он уже был совсем рядом, и мне удалось так садануть его в живот, что он вдруг сел. Затем два человека, которых я отбросил, снова оказались на мне. Где-то неподалеку раздавался женский визг, но никаких женщин я не видел.

Я вырвал свою правую руку и начал дубасить ею кого-то,

пока несчастный не рухнул, но его место занял другой. Спереди какой-то голубой человек кинул в меня камень, попав в плечо, что только еще больше меня взбесило. Я поднял в воздух чье-то пинающееся тело и бросил его в другое тело, а затем достал кого-то кулаком. Меня трясло. Моя галабия порвалась и испачкалась; я разорвал ее до конца и отбросил.

Я огляделся. Больше они не пытались приблизиться ко мне, а это было нечестно — нечестно, что они остановились, когда мне так страшно хотелось посмотреть, как эти твари сломаются. Поэтому я поднял человека, валявшегося у моих ног, и оплеухой снова его уложил. Когда я снова его поднял, кто-то завопил: «Эй, Карагиозис!» и на ломаном греческом стал называть все мои имена. Я опустил человека на землю и обернулся.

Там, перед огнем, стояли двое: один высокий и бородатый, другой маленький, очень плотный и без волос, вылепленный из смеси земли с мастикой.

— Послушай, грек, мой друг говорит, что уложит тебя, — крикнул мне высокий, делая что-то за спиной второго.

Я двинулся на них, и тот второй, из замазки и грязи, прыгнул на меня.

Он сделал мне подножку, но я быстро вскочил и, обхватив его ниже подмышек, бросил на бок. Но он снова оказался на ногах с такой же быстротой, с какой это сделал я, и, приблизившись, ухватил меня одной рукой ниже шеи. Я сделал такой же захват, а также поймал его локоть, и мы крепко держали друг друга, и он был силен.

Так как он был силен, я менял хватку, проверяя его силу. Он был также и скор, реагируя на каждое мое движение, едва я его задумывал.

Я жестко бросил руки вверх между его руками и сделал упор на заднюю ногу с утолщенной подошвой. Освободившись на мгновение друг от друга, мы кружили, ища уязвимое место в обороне.

Руки я держал низко и из-за его короткого роста довольно сильно наклонялся вперед. На какой-то миг руки мои оказались слишком близко к туловищу, и он с невиданной мною быстротой поймал меня в замок и так сдавил, что из пор моих брызнули большие плоские цветы, и сильная боль пронзила мои бока.

Его руки все сжимали меня, и я знал, что, если сейчас не разорву его замок, он меня раздавит.

Удваивая силу рук, я сжал кулаки, воткнул ему в живот и оттолкнулся. Но он только еще сильней меня стиснул. Я ступил назад и с трудом выбросил вверх-вперед локти. Теперь кисти моих рук были ближе к лицу, и я уперся правым кулаком в ладонь левой руки и стал их проталкивать между нашими телами. Руки мои продвигались выше и выше, а голова кружилась, и почки были как в огне. Затем я напряг все мышцы спины и плечевого пояса и почувствовал, как в руки, наполняя кисти, хлынула сила, и я шибанул ими в небо, и на их пути оказался его подбородок, и это их не остановило.

Мои руки выстрелили над головой, и он упал на спину.

Удар, который пришелся по его подбородку, был таков, что сломал бы человеку шею, — опрокинувшись, этот тип имел возможность посмотреть на свои собственные пятки.

Однако он тут же вскочил, и тогда я понял, что сей борец не из простых смертных, а из тех существ, что рождены не женщиной; скорее всего он, подобно Антею, вырвался из чрева самой Земли.

Я жестко сдавил его плечи, и он упал на колени. Тогда я схватил врага за горло, шагнул к его правому боку и поставил левое колено ему под заднее место. Я стал наклоняться вперед, напирая на бедра и плечи, чтобы сломать хребет.

Но не мог. Он просто гнулся, пока не воткнулся головой в землю, а дальше мне некуда было его сгибать. Еще ничей позвоночник так не гнулся, чтобы при этом не лопнуть.

Тогда я поднял его коленом и отпустил, и он снова оказался на мне — такой шустрый.

Теперь я решил задушить его. Руки мои были гораздо длиннее, чем у него. Я вцепился ему в горло двумя пятернями, надавив большими пальцами, чтобы перекрыть дыхание. Однако он изнутри, под локтями, обхватил мои руки и стал отрывать их от себя движением вниз. Я продолжал сжимать горло, ожидая, когда лицо его потемнеет, а глаза полезут из орбит. Локти же мои все больше и больше сгибались, по мере того как он тянул вниз.

Затем его руки скользнули мимо моих и поймали мое горло.

Так мы там и стояли, пытаясь удавить друг друга. Только его было не задушить.

Его большие пальцы, как два штыка, вонзились в мышцы моей шеи. Я чувствовал, что мое лицо наливается кровью. В висках стало пульсировать.

Откуда-то издалека донесся крик:

— Останови его, Хасан! Он не должен этого делать!

Похоже, это был голос Красного Парика. Во всяком случае, именно это пришло мне на ум: Красный Парик. Значит, где-то поблизости находился Дональд Дос Сантос. И она сказала «Хасан», имя, написанное на другой картинке, вдруг ясно представшей передо мной.

А это означало, что я Конрад, и что я в Египте, и что бесстрастное лицо, плавающее передо мной, следовательно, принадлежит борцу голему — Ролему — созданию, которое можно поставить на мощность, в пять раз превышающую силу человеческой особи, что, видно, и было сделано; вдобавок ему можно было сообщить рефлексы кота после инъекции адреналина, и, без сомнения, с ними он и функционировал.

Однако голем не убивает, кроме как случайно, а Ролем старался убить меня.

А это означало, что его командный блок не действовал.

Я перестал его душить, убедившись, что это зряшное дело, и сделал упор левой ладонью под его правый локоть. Затем дотянулся свободной рукой до его предплечий, ухватил правое его запястье и, насколько возможно, пригнул к земле, толкая вверх его локоть и оттягивая запястье.

Когда, потеряв равновесие, он качнулся влево и я избавился от его хватки, я, продолжая удерживать запястье противника, закрутил его руку так, чтобы локоть пошел вверх. Я напряг левую ладонь, вскинул ее возле своего уха и с силой опустил на локтевой сустав.

И ничего. Ничто не лопнуло, не треснуло. Рука его просто пошла вниз, выгнувшись в другую сторону под неестественным углом.

Я выпустил запястье, и он упал на одно колено. Затем он снова встал, тут же, и рука его при этом сама выпрямилась, а затем согнулась в подобающую ей сторону.

Если бы я мог прочесть мысли Хасана — что таймер Роле-

ма поставлен на максимум, на целых два часа... А это, учитывая обстоятельства, довольно много времени.

Но в тот момент я знал только, кто я такой и что я делаю. Я знал также, что именно входило в приемы борьбы голема. Этот экземпляр был големом-борцом. Следовательно, он не умел боксировать.

Я бросил быстрый взгляд через плечо, туда, где я стоял, когда началась эта заварушка, — возле палатки с радиоприемником. До нее было футов пятьдесят.

И тут он меня чуть не достал. Стоило мне на долю секунды перенести внимание назад, как он освободился и, ухватив меня одной рукой ниже шеи, уперся другой в мой подбородок. Он бы сломал мне шею, если бы продолжал в том же духе, но в этот момент последовал еще один толчок — довольно мощный, так что мы оба упали, и я успел освободиться от его захвата.

Прошло несколько секунд, и, когда я не без труда встал на ноги, земля еще подрагивала. Однако и Ролем был уже на ногах, готовый к новой атаке. Будто два пьяных матроса, дерущихся на корабле, который бросает в бушующем море...

Он пошел на меня, и я отступил.

Я ударил его слева джебом и, пока он пытался схватить мою руку, врезал ему в живот. Затем отскочил.

Он снова пошел на меня, и я продолжал наносить ему удары.

Бокс для него был то же самое, что для меня четвертое измерение, — он его просто не мог увидеть. Голем продолжал наступать, вздрагивая от моих ударов, а я продолжал пятиться в направлении палатки с радиопередатчиком, а земля продолжала трястись, и где-то кричала женщина, и я услышал возглас «Оле!», когда приложил правой ниже пояса, надеясь хоть немножко покурочить его мозги.

Затем мы оказались на том самом месте, и я увидел то, что мне было нужно, — большой валун, которым я хотел запустить в радио. Я сделал ложный выпад левой, затем схватил Ролема за плечо и за бедро и поднял высоко над головой.

Я отклонился назад, напряг все свои мышцы и хрястнул его о камень.

Камень пришелся ему прямо в живот.

Ролем снова стал подниматься на ноги, но медленнее, чем

прежде, и я трижды пнул его в грудь своим значительно утолщенным правым сапогом, и на моих глазах он снова рухнул.

Странный, как у волчка, звук раздался из средней его секции.

Земля снова вздрогнула. Ролем обмяк и распластался неподвижно, и только пальцы его левой руки еще шевелились. Они продолжали сжиматься и разжиматься, странным образом напоминая мне руки Хасана в предыдущую ночь, проведенную в поселке.

Затем я медленно обернулся — и все они стояли там: Миштиго, и Эллен, и Дос Сантос с распухшей щекой, Красный Парик, Джордж, Рамзес и Хасан и три заклеенных пластырем египтянина. Я сделал к ним шаг, и они попятились — на их лицах был написан страх. Но я покачал головой.

— Нет, — сказал я, — со мной уже все в порядке. Только оставьте меня одного. Я иду к реке искупаться.

Я сделал семь шагов, а затем будто кто выдернул вилку из штепселя — во мне что-то екнуло, мир закружился и все как сквозь землю провалилось.

Дни, что последовали, были пеплом, а ночи — железом. Дух, вырванный из моей души, был захоронен глубже мумий, что лежали, рассыпаясь во прах, под теми песками. Сказано, Кассандра, что мертвый забывает мертвого в доме Гадеса, но я надеялся, что это не так. Желание возглавлять путешествие себя исчерпало, и Лоурел предложил мне назначить кого-нибудь для его завершения, а самому отбыть.

Я не мог.

Что бы я тогда делал? Сидел бы в мрачном раздумье в каком-нибудь Старом Месте, зашибая на выпивку у неосторожных путешественников? Нет. В такой момент нужны хоть какие-то желания — они неизбежно заполняют внутреннюю пустоту. Так что я продолжил путешествие, сосредоточившись на маленьких загадках, наполнявших его.

Я разобрал Ролема и проверил командный блок. Он, конечно, был разбит, а это означало, что его сломал или я, когда мы только начали схватку, или Хасан, когда поднакрутил его, чтобы Ролем меня одолел. Если это сделал Хасан, стало быть, он желал мне не просто поражения, а смерти. А если так, то возникал вопрос — зачем? Я спрашивал себя, знал ли его наниматель, что когда-то я был Карагиозисом. Если знал, то по-

чему же он хотел убить основателя и первого секретаря своей собственной Партии — человека, который поклялся, что не даст распродать землю под своими ногами и превратить ее в место для развлечений своры голубых чужаков, — но не объявляя войны, а действуя иным способом, — и создал группу единомышленников, которые систематически, вплоть до нуля, занижали цену всей земельной собственности, принадлежавшей веганцам, и зашли даже столь далеко, что стерли с лица земли буйно процветающую на Мадагаскаре контору тайлеритов по продаже недвижимости, — человека, чьи идеалы он якобы поддерживал, хотя они постоянно направлялись в русло более мирных и легальных способов защиты собственности, — с чего бы ему желать моей смерти?

Следовательно, он или предал Партию, или же не знал, кто я такой, и замышлял что-то иное, когда инструктировал Хасана убить меня.

Или же Хасан действовал по приказу кого-то другого.

Но кто это мог быть? И опять же, почему?

Ответа у меня не было. И я решил таковой найти.

Джордж первым выразил свое соболезнование.

— Я огорчен, Конрад, — сказал он, посмотрев куда-то мимо меня, затем вниз, на песок, а затем быстро — прямо мне в глаза.

Он расстраивался, когда высказывал что-нибудь человечное, и при этом испытывал желание исчезнуть. Я мог это объяснить. Сомневаюсь, чтобы парад, который устроили я и Эллен в предыдущее лето, хоть в какой-то мере привлек его внимание. За стенами биологической лаборатории страсти его утихали. Помню, как он анатомировал последнюю на земле собаку. Однажды после того, как целых четыре года он почесывал псу за ушами, вылавливал блох у него из хвоста и слушал, как тот лает, — однажды он позвал Ролфа. Ролф вбежал, таща старое посудное полотенце, которым они обычно играли в перетягивание, и Джордж подтянул пса поближе, сделал ему укол, а затем вскрыл. Он решил заполучить пса, пока тот еще в расцвете сил. На шкафу в лаборатории до сих пор стоит скелет. Он хотел также выращивать своих детей — Марка, Дороти и Джима — в камерах Скиннера, но Эллен каждый раз решительно этому противилась (устраивая трам-тарарам!) в

послеродовом своем приступе материнства, продолжавшемся по меньшей мере месяц — что было достаточно длительным сроком, чтобы нарушить баланс первичной стимуляции, необходимый Джорджу. Так что я, действительно, не видел в нем особого желания снять с меня мерку для деревянного ящика, что хранят под землей. Если бы он захотел, чтобы я умер, то это было бы что-нибудь хитроумное, быстродействующее и экзотическое — ну, например, яд кролика с планеты Дивбан.

Эллен, хотя и способная на сильные чувства, — всего лишь испорченная заводная кукла. Едва она соберется действовать в соответствии со своими чувствами, как в ней непременно соскакивает какая-нибудь пружинка, и на следующий день она уже полна таких же сильных чувств по совсем другому поводу. Она замучила меня до смерти там, в Порту, и что касается ее, то наша с ней любовная история явно не задалась. Ее соболезнование было такого вот рода:

— Конрад, ты даже не представляешь, насколько я огорчена. Правда! Хотя я никогда ее не встречала, я знаю, что ты должен испытывать, — и голос ее то набирал высоту, то падал, как на шкале, и я знал, что она верит в то, что говорит, и я ее тоже поблагодарил.

Хасан же подошел, когда я глядел на внезапно поднявшийся и помутневший Нил. Так мы стояли какое-то время, а потом он произнес:

— Женщина твоя ушла, и на сердце у тебя тяжело. Словами его не облегчишь, что написано, то написано. Но пусть тебе будет известно, что я скорблю вместе с тобой.

Затем мы еще довольно долго стояли вместе, и он ушел.

Насчет него я не гадал. Хасан был тем, кого можно было отставить в сторону, даже если он и запустил машину в действие. Он никогда не носил в себе злобу, никогда не убивал просто так. У него не было личных мотивов меня убивать. Я был уверен, что его соболезнование — истинное. Если он и собирался меня прикончить, то это никоим образом не пересекалось в данном случае с искренностью его чувств. Настоящий профессионал должен уметь отделять личное от того, что ему поручено.

Миштиго не выразил ни слова сочувствия. Это было противно его природе. Среди веганцев смерть — время радости. На духовном уровне это означает sagl — завершение — рассы-

пание души на маленькие сладострастные уколы, рассеивающиеся вокруг, чтобы принять участие в великом всемирном оргазме; на материальном же уровне смерть представлена kundabad't — строго официальной описью большой части личного имущества покойного, чтением завещания по наследству и дележом его богатств, что сопровождается мощным застольем с песнями и выпивкой.

Дос Сантос сказал мне:

— То, что с тобой случилось, очень печально, мой друг. Лишиться своей женщины — это лишиться крови в венах. Горе твое велико, и тебя не утешить. Это как тлеющий огонь, который не умирает, это печально, и это ужасно... Смерть жестока и темна, — закончил он, и глаза его увлажнились, поскольку, случись она с греком, евреем, мавром или еще с кем-нибудь, для испанца жертва есть жертва, вещь, которой следует выказать свой пиетет на одном из тех таинственно сокрытых уровней, каковых недостает мне.

Красный Парик подошла и промолвила:

— Это чудовищно. Огорчена. Больше нечего сказать, сделать, но огорчена.

Я кивнул:

— Спасибо.

— И кое-что я должна тебя спросить. Не сейчас. Позднее.

— Хорошо, — кивнул я и, когда они ушли, стал снова смотреть на реку и подумал об этой последней парочке. В голосах их было такое же сочувствие, как и у остальных, однако, похоже, они каким-то образом были замешаны в истории с големом. С другой стороны, я не сомневался, что именно Диана кричала, когда Ролем теснил меня, кричала, чтобы Хасан его остановил. Таким образом, оставался Дон, но тут я начал испытывать сильные сомнения в том, что он способен что-либо сделать, не посоветовавшись предварительно с ней.

Сие же не оставляло никого.

И не было ни одного по-настоящему очевидного мотива...

И все это могло быть случайностью. Но...

Но у меня было чувство, что кто-то хочет меня убить. Я знал, что Хасан не побрезгует выполнить две работы в одно и то же время для разных нанимателей, если только там нет столкновения интересов.

И это соображение сделало меня счастливым.

У меня появилась какая-то цель, какое-то дело. Ничто так

не вызывает жажды жить, как чье-то желание, чтобы ты умер. Я найду этого человека, выясню, что к чему, и остановлю его.

Второй пасс смерти не заставил себя долго ждать, и как бы мне ни хотелось приписывать его некоему агенту в человечьем обличье, сделать этого я не мог. Просто один из фокусов слепой судьбы, который иногда является незваным гостем на обед. Однако же сам финал оставил меня в некотором недоумении, подарив для размышления несколько новых, смущающих меня соображений.

Вот как это было.

Возле Нила, этого великого наводнителя, приносящего урожай, этого стирателя границ и отца геометрии на плоскости, сидел веганец, делая наброски противоположного берега. Полагаю, что, будь он на другом берегу, он бы зарисовал тот, на котором сидел, но это циничное предположение. Что меня беспокоило, так это факт, что он ушел один на теплое, заболоченное место, никому не сказав, куда собрался, и не взяв с собой ничего более грозного, чем карандаш номер два.

И это случилось.

Старое пятнистое бревно, что проплывало вблизи берега, вдруг перестало быть пятнистым бревном. Его длинный извивающийся конец хлестнул небеса, а впереди возникла огромная зубастая пасть, и множество маленьких ног, царапнув кромку берега, покатились по земле колесом.

Я завопил и схватился за пояс.

Миштиго выронил блокнот для рисования и бросился наутек. Но боадил уже настиг его, и стрелять я не мог. Так что я сделал рывок к нему, но, пока я добежал, гад дважды обвился вокруг Миштиго, и тот из светло-голубого стал темно-голубым, и зубы уже приближались к нему.

Теперь оставался лишь один способ расслабить сокращающиеся мышцы гада, хотя бы на мгновение. Подпрыгнув, я ухватился за эту голову, которая чуть замедлила движение, словно чтобы разглядеть свой завтрак, и мне удалось уцепиться пальцами за костяные наросты по ее бокам. Со всей силой, на которую только способен, я вонзил большие пальцы в глаза гаду.

Тогда этот дергающийся гигант ударил меня серо-зеле-

ным кнутом. Я взлетел и приземлился на расстоянии десяти футов от своего прежнего местонахождения. Миштиго отбросило дальше, в сторону берега. Он еще не успел встать на ноги, когда гад снова атаковал.

Но только не его, а меня.

Я метнулся в сторону, и большая плоская голова промахнулась всего лишь на несколько дюймов, при том что меня с ног до головы обдало грязью и галькой. Я откатился как можно дальше и начал вставать, но хвост твари оказался тут как тут и снова сбил меня с ног. Ползком я рванулся назад... Поздно — гад набросил на меня петлю. Она обвилась вокруг моих бедер, и я снова упал.

Тут меня выше этой петли обхватили две голубых руки, но их помощи хватило только на пару секунд. Затем оба мы были повязаны узлами.

Я сопротивлялся, однако можно ли бороться с толстым скользким бронированным кабелем, у которого множество лап, старающихся тебя разорвать. В тот момент правая моя рука была плотно прижата к боку, а левой не за что было уцепиться. Кольца вокруг меня сжимались. Голова гада приближалась, и я пытался выдернуться: колотился и царапался, пока наконец не удалось выпростать правую руку, отчасти лишившись при этом кожи.

Этой рукой я и остановил надвигающуюся голову. Я ухватился за нижнюю челюсть и уперся в нее, не давая голове приблизиться. Вокруг моего пояса обвилась еще одна тугая петля — она была даже мощнее, чем объятие голема. Гад замотал головой, освобождаясь от моей руки, — голова опустилась, широко раскрывая челюсти.

Сопротивление Миштиго, должно быть, тоже мешало гаду — движения последнего были не столь скоры, что давало мне время сориентироваться.

Чтобы удержать челюсти, я сунул обе руки в пасть. Нёбо было скользким, и ладонь моя медленно сползала по нему. Собрав все свои силы, я как мог надавил на нижнюю челюсть. Пасть открылась еще на полфута и на этом застопорила.

Гад попытался подать назад, чтобы освободиться от меня, но петли, которыми он нас сжимал, лишали его надежной опоры.

Правая моя рука скользнула глубже — еще немного, и я потеряю упор.

И тут я услышал чей-то громкий крик.

Почти одновременно последовал резкий толчок. Я быстро высвободил руки, почувствовав, что на мгновение силы покинули это существо. Затем раздалось страшное клацание зубов, и по телу гада пошли конвульсии. На какой-то миг я потерял сознание.

Затем я стал с ним бороться, пытаясь выпутаться из узлов. Копье с гладким древком, проткнувшее боадила, вынимало из него жизнь, и движения твари вдруг стали скорее спазматическими, нежели агрессивными.

Меня еще дважды опрокинуло ударами хвоста, но я все же освободил Миштиго, и мы отбежали футов на пятьдесят, откуда и смотрели, как умирает боадил. Это продолжалось недолго.

Тут же с невозмутимым видом стоял Хасан. Ассагай, в метании которого Хасан так долго тренировался, сделал свое дело. Когда позднее Джордж вскрыл это чудовище, мы обнаружили, что копье прошло в двух дюймах от сердца, перебив большую артерию. Между прочим, у него было две дюжины ног, равно расположенных по двум его сторонам, как и можно было ожидать.

Дос Сантос стоял возле Хасана, а Диана стояла возле Дос Сантоса. Все остальные из нашего лагеря тоже были там.

— Хороший номер, — сказал я. — Отличный бросок. Спасибо.

— Ничего особенного, — ответил Хасан.

Ничего особенного, сказал он. Ничего, если не считать смертельной схватки с големом, которого он изловчился настроить на убийство. Но если в тот раз Хасан хотел меня убить, тогда почему он спас меня от боадила? Если только все, что он сказал тогда в Порту, не голая правда — что его наняли защищать веганца. Вот его главное дело, а убивать меня было делом второстепенным — в таком случае он спас меня как бы за компанию с Миштиго.

Но тогда...

О, черт подери. Выброси это из головы.

Я поднял камень и швырнул его как можно дальше, затем другой. Скиммер должен был прилететь к нашему лагерю на следующий день, и мы планировали отправиться в Афины, сделав только одну остановку, чтобы подбросить Рамзеса и

трех его помощников до Нового Каира. Я был рад, что покидаю Египет с его былью и пылью, с его мертвыми полубогами-полуживотными. Меня уже тошнило от этого места.

Тут на связь из Порта вышел Фил, и Рамзес позвал меня в палатку с радиопередатчиком.

— Слушаю, — сказал я.

— Конрад, это Фил. Я только что написал элегию в память о ней, и я бы хотел тебе ее прочесть. Хотя я никогда с ней не встречался, я слышал, что ты говорил о ней, и видел ее портрет, так что, думаю, у меня довольно хорошо получилось...

— Фил, пожалуйста, мне сейчас не до поэтических соболезнований. Может, в другой раз...

— Но эта элегия написана не по трафарету. Я знаю, что ты такие не любишь. Так что я на тебя не обижаюсь.

Рука моя зависла над тумблером отключения связи, подождала, а затем вместо этого потянулась к сигаретам Рамзеса.

— Ладно, давай. Я слушаю.

И он прочел, и это в самом деле было неплохо написано. Я мало что запомнил. Я только запомнил те живые, чистые слова, идущие сюда с расстояния в пол земного шара, и себя, что стоял здесь, ободранный снаружи и внутри, и слушал их. Он описал добродетели Нимфы, которую заполучил Посейдон, затем уступивший ее своему брату Гадесу. Он взывал к всеобщей скорби всех четырех стихий. И пока он читал, я мысленно перенесся обратно в те два счастливых месяца на Косе, и все последующее изгладилось из памяти; мы снова были на борту «Идола», держа курс на островок с полусвященной рощицей — мы выбрали его для нашего пикника, и купались там, лежали под лучами солнца, не разнимая рук, без слов, просто ощущая, как солнцепад, словно водопад, только нежный, горячий, сверкающий, низвергается на наши розовые обнаженные души, там, на бесконечном пляже...

Он закончил и пару раз кашлянул, прочищая горло, и остров мой пропал из виду, унеся часть меня с собой, поскольку все это было, было.

— Спасибо, Фил, — сказал я. — Очень мило.

— Мне очень приятно, что ты одобряешь. Я вылетаю в полдень в Афины и хотел бы присоединиться к вам на этом отрезке вашего пути, если не возражаешь.

— Давай, — сказал я. — Только, если можно, объясни, с какой целью?

— Хочу снова увидеть Грецию. Поскольку и ты там будешь, есть повод вспомнить наше прошлое. Я бы хотел бросить прощальный взгляд на несколько Старых Мест.

— Ты что, с жизнью прощаешься?

— Хм... Я принял серию таблеток Ж. С. со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне чудится, что пружина у меня внутри все слабеет и слабеет. Может, таблетки подзаведут ее, а может, нет. Так или иначе, я снова хочу повидать Грецию, и, кажется, это последний шанс.

— По-моему, ты заблуждаешься. Так или иначе, мы будем обедать завтра в Алтарном Саду, около восьми вечера.

— Прекрасно. Там и увидимся.

— Кончаю связь.

— До свидания, Конрад.

— До свидания.

Я вышел, принял душ, натерся жидкой мазью и оделся во все чистое. В нескольких местах еще болело, но тело мое было, по крайней мере, чистым. Затем я разыскал веганца, который только что завершил такое же омовение, и вперил в него злобный взгляд.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — начал я, — но одна из причин, почему вам хотелось, чтобы я устроил этот спектакль, — это мой потенциальный дар выживания. Верно?

— Верно.

— Так вот, я сделал все возможное, дабы вы убедились в его реальности, как и в том, что я его использовал исключительно ради всеобщего благополучия.

— Разве для вас это не то же самое, как когда вы в одиночку сражались против всех?

Я потянулся к его горлу, однако сдержался. Наградой мне был страх, округливший его глаза и искрививший уголки рта. Миштиго сделал шаг назад.

— Забудем, — сказал я ему. — Я здесь лишь для того, чтобы доставлять вас, куда вам угодно, и следить, чтобы вы вернулись домой с целой и невредимой шкурой. Этим утром в роли неплохой закуски для боадила вы создали мне некоторые проблемы. Таким образом, вы получили предупреждение, что отправляться в ад за огоньком для сигареты дураков

нет. И если вам вздумается прогуливаться в одиночку, сначала убедитесь, что ничего вокруг вам не угрожает.

Во взгляде его появилась нерешительность. Он отвел глаза.

— В противном случае, — продолжал я, — берите с собой вооруженный эскорт, поскольку сами вы отказываетесь носить оружие. Вот и все, что я должен сказать. Если вас это не устраивает, я уеду и предоставлю в ваше распоряжение другого гида. Во всяком случае, Лоурел полагал, что так я и сделаю. Слово за вами.

— Лоурел действительно так сказал?

— Да.

— Поразительно... Ну конечно, да. Я буду выполнять ваши требования. Я вижу, что это благоразумно.

— Вот и отлично. Вы вроде бы хотели в полдень снова посетить Долину Цариц. Рамзес возьмет вас. Сам я что-то не очень настроен. Отбываем завтра утром в десять. Будьте готовы.

И я пошел прочь, ожидая, что он что-нибудь скажет, хотя бы одно слово. Но веганец промолчал.

К счастью для тех, кто выжил, и для тех, кто еще не родился, Шотландия мало пострадала во время Трех Дней. Я достал из морозильника коробку со льдом, а из палатки, где мы ели, бутылку содовой. Включил вентилятор возле койки, открыл маленькую бутылочку виски из своих личных запасов и провел остаток дня в размышлении по поводу нашей суеты сует.

Поздно вечером, окончательно протрезвев и кое-как перекусив, я взял оружие и вышел подышать свежим воздухом. Приблизившись к восточной стороне периметра электрооповещения, я услышал какие-то голоса, поэтому сел в темноте, прислонившись спиной к довольно большому камню, и прислушался. Я узнал вибрирующие диминуэндо голоса Миштиго, и мне захотелось услышать, о чем он говорит.

Однако слов было не разобрать. Собеседники находились далековато, а акустика пустыни — не самая лучшая в мире. Я сидел, напрягши ту часть себя, которая слушала, и случилось то, что бывало и раньше.

Я сидел на одеяле возле Эллен, обняв рукой ее за плечи. Своей голубой рукой...

Видение исчезло, поскольку я с содроганием отмел возможность побыть веганцем, пусть даже в состоянии телепати-

ческого исполнения желаний, и я снова оказался возле своего камня.

Однако мне было одиноко, а Эллен показалась мягче, чем камень, а меня по-прежнему разбирало любопытство. Так что я опять оказался там, задрав при этом голову.

— ...отсюда мне не видно, — говорил я. — Но Вега является звездой первой величины, расположенной в том самом месте, которое ваши люди называют созвездием Лиры.

— А как там на Тайлере? — спросила Эллен.

Последовала долгая пауза.

— Зачастую людям не под силу вообразить то, что представляется наиболее существенным. Как передать лицу, с которым вы говорите, информацию, которую он органически неспособен воспринять, — вот в чем проблема. Тайлер не похож на эти места. Там нет пустынь. Весь мир покрыт зеленью. Хотя... Позвольте мне цветок из ваших волос. Взгляните. Что вы видите?

— Красивый белый цветок. Потому я и сорвала его и воткнула в волосы.

— Но это вовсе не просто красивый белый цветок. Во всяком случае, для меня. Ваши глаза воспринимают свет на длине волны от 4000 до 7200 ангстрем. Глаз же веганцев видит как бы глубже — ультрафиолетовые лучи на волне примерно до 3000. Мы не видим то, что вы относите к «красному», однако в этом «белом» цветке я вижу два цвета, для которых в вашем языке нет слов. Мое тело покрыто узорами, которых вам не разглядеть, но они примерно такие же, как у остальных членов моей семьи, так что любой веганец, знакомый со Штигогенами, может с первого взгляда назвать мою семью и место, где мы живем. Некоторые наши картины выглядят слишком кричащими для землян или даже кажутся одноцветными — обычно голубыми, — поскольку оттенков земляне не видят. Наша музыка по преимуществу воспринимается вами как паузы тишины, хотя на самом деле это не паузы, а мелодия. Наши города чисты и рационально расположены. Они собирают дневной свет и излучают его в ночное время. Движение в них медленное, а звуки приятны. Для меня это значит многое, но я не знаю, как все это описать человеку.

— Почему? Ведь люди — я имею в виду землян — живут в ваших мирах...

— Но на самом-то деле они видят, слышат или чувствуют эти миры совсем не так, как мы. Между нами пропасть — мы это признаем и понимаем, но нам ее не преодолеть. Вот почему я не могу вам рассказать о планете Тайлер. Для вас этот мир оказался бы не таким, каков он для меня.

— Однако я хотела бы его повидать. Очень. Думаю, я даже хотела бы там пожить.

— Не уверен, что вы были бы там счастливы.

— Почему не уверены?

— Потому что эмигрант есть эмигрант, если он только не веганец. Здесь вы далеко не из низшей касты. Я знаю, что вы не употребляете этот термин, но это именно то, что я хочу сказать. На этой планете сотрудники Конторы и члены их семей принадлежат к высшей касте. Затем идут богатые люди, не входящие в штат, затем те, кто работает на богатых, а за ними — те, кто живет за счет обработки земли; и на самом дне пребывают те несчастные создания, что живут в Бывших местах. Здесь вы наверху. На Тайлере же вы будете на дне.

— Почему только так, а не иначе? — спросила она.

— Потому что для вас этот цветок — белый, — ответил я, возвращая его ей.

Последовало долгое молчание. Ветерок был довольно прохладным.

— Во всяком случае, я счастлива, что вы сюда приехали, — сказала она.

— Это интересное место.

— Рада, что оно вам нравится.

— Человек по имени Конрад действительно ваш любовник?

Я даже покачнулся от неожиданного вопроса.

— Это не вашего голубого ума дело, — сказала Эллен, — но если вы хотите знать, то — да.

— Понимаю почему, — сказал он, и мне стало не по себе, будто я подглядывал за собой со стороны, или же — если уж вдаваться в оттенки — будто я подглядывал, как я подглядываю.

— Так почему? — спросила она.

— Потому что вам нужно что-то странное, сильное, экзотическое. Потому что для вас счастье там, где вас нет и где вы — не вы.

— Неправда... А может быть, и так. Да, однажды он что-то такое мне говорил. Возможно, что правда.

В тот момент мне стало ее очень жалко. Мне захотелось ее как-то утешить, и инстинктивно я потянулся к ней и взял ее руку. Только это Миштиго потянулся и взял, хотя и не собирался. Из-за меня.

Я вдруг струсил.

Впрочем, как и он.

Я это чувствовал. Я почувствовал, что он почувствовал присутствие постороннего в себе, и все поплыло передо мной, будто я был сильно пьян. Мне тут же захотелось улизнуть, и я снова оказался возле своего камня, но это после, а до того она еще успела уронить цветок, и я услышал, как она сказала: «Бери меня».

«Черт ее подери, эту псевдотелепатию по исполнению желаний! — подумал я. — В один прекрасный день может оказаться, что все это не псевдо, а всерьез».

Я-то ведь видел два цвета в том цветке, цвета, для которых у меня не было слов...

Я пошел обратно к лагерю. Не останавливаясь, миновал его. Дошел до другой стороны периметра электрооповещения, сел на землю и закурил. Ночь была прохладна, ночь была темна.

Только я выкурил две сигареты, как позади раздался голос. Я не обернулся.

— В доме великом и в доме огня, в великий день, когда расчислены все дни и годы, о, верни мне имя мое, — произнес голос.

— Браво, — произнес я мягко. — Цитата к месту. Узнаю Книгу Мертвых, которую треплют почем зря.

— Я пользовала ее не почем зря, а наоборот, — к месту, ты сам это сказал.

— Тем лучше для тебя.

— О, в тот великий день, когда расчислены все дни и годы, если тебе вернут имя твое, как тебя будут величать?

— Не вернут. Я собираюсь задержаться. И что в имени тебе моем?

— Смотря в каком. Если, например, Карагиозис...

— Попробуй сесть так, чтобы я тебя видел. Не люблю, когда стоят за спиной.

— Сажусь. Ну так?

— «Ну так» что?

— Например, Карагиозис?

— А я-то при чем?

— При том, что это кое-что значит. Во всяком случае, значило когда-то.

— Карагиозис был персонажем в старом греческом театре теней, что-то вроде Панча в европейских кукольных представлениях «Панч и Джуди». Он был недотепа и шут.

— Он был греком и далеко не глуп.

— Ха! Неряха и трус.

— Но также и храбрец. Обаяшка. Сама жизнь грубого помола. А чувство юмора!.. Готов разнести на куски даже пирамиду. Также и силач, когда захочет.

— Где он сейчас?

— Хотела бы знать.

— Почему же вопрос ко мне?

— Потому что так тебя назвал Хасан в ту ночь, когда ты дрался с големом.

— А... понятно. Ну, это что-то вроде бранного слова, общее обозначение, синоним дурака, уменьшительное имя — как если бы я называл тебя «Рыжик»... И коль скоро об этом речь, интересно бы знать, как все-таки ты выглядишь в глазах Миштиго? Ты знаешь, что веганцы не воспринимают цвет твоих волос?

— Мне абсолютно безразлично, как я для них выгляжу. Как ты выглядишь — вот что интересно. Полагаю, что у Миштиго на тебя довольно толстое досье. Что-то он говорил насчет того, что тебе несколько сот лет.

— Сильно преувеличено, чуть ли не вдвое. Однако ты вроде довольно много знаешь. А как насчет твоего досье на Миштиго, оно толстое?

— Пока не очень.

— Похоже, ты ненавидишь его больше, чем кого бы то ни было. Это так?

— Так.

— Почему?

— Он веганец.

— И что с того?

— Я ненавижу веганцев, вот и все.

— Нет, что-то еще.

— Верно... Ты знаешь, что ты силач?

— Знаю.

— По правде говоря, ты самый сильный из человеческих существ, с которыми я только встречалась. Безусловно, достаточно сильный, чтобы сломать шею летуче-паучьей мыши, затем упасть в воды бухты в Пирее, выплыть на берег и позавтракать.

— Странный ты выбрала пример.

— Не очень уж странный. Ну так как?

— Что?

— Я хочу знать, мне это нужно.

— Сожалею.

— Одного слова «сожалею» маловато. Добавь еще какое-нибудь.

— Добавить нечего.

— Неправда. Нам нужен Карагиозис.

— Кому это «нам»?

— Редполу. Мне.

— Что, снова?

— Хасан древен, но не как само время, а лишь вполовину его. Карагиозис древнее. Хасан знал его. Он помнит, он назвал тебя «Карагиозис». Это ты Карагиозис — тот, кто убивает, кто защищает Землю. Ты нам нужен. Очень. Армагеддон уже пришел — и не с мечом, а с чековой книжкой. Веганец должен умереть. Альтернативы нет. Помоги нам покончить с ним.

— Что вы хотите от меня?

— Не мешай Хасану уничтожить его.

— Нет.

— Почему нет? Кто он для тебя?

— Вообще-то никто. По правде сказать, мне он очень не нравится. Но кто он для вас?

— Несущий гибель.

— Но тогда скажи мне, как и почему, и, может, мой ответ тебя больше устроит.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что не знаю.

— Тогда спокойной ночи. И все.

— Подожди! Я действительно не знаю — но так передали с Тайлера, из тамошней агентуры Редпола: он должен умереть. Его книга — вовсе не книга, и дело не в нем, а в тех, кто за его спиной. Я не знаю, что все это значит, но наши резиденты прежде никогда не обманывали. Ты жил на Тайлере, ты жил на Бакабе и в доброй дюжине других миров. Ты Карагиозис. Ты знаешь, что наши резиденты никогда не врут, потому что это ты, Карагиозис, собственными руками создавал шпионскую сеть. А теперь ты получаешь от них информацию и пренебрегаешь ею. Я передаю тебе их слова: он должен умереть. Он воплощает собой конец всему, за что мы боремся. Они говорят, что он инспектор, которого нельзя допускать до инспекции. Принцип тебе известен. Деньги против Земли. И еще большая эксплуатация со стороны веганцев. Вот главное, а детали они не передали.

— Сожалею. Я обязан его охранять. Если бы ты назвала весомую причину, я, может, дал бы более весомый ответ... Хасан же пытался меня убить.

— Ему велели только остановить тебя, вывести из строя, чтобы мы могли уничтожить веганца.

— Нет, все это не то, не то. Не принимаю. Иди своей дорогой. Обещаю немедля все забыть.

— Нет, ты должен помочь нам. Что для Карагиозиса жизнь одного веганца?

— Я не буду поддерживать идею его убийства без весомой и справедливой на то причины. Пока же ты ничего мне не доказала.

— Это все, что у меня есть.

— Тогда спокойной ночи.

— Нет. У тебя два профиля. Справа ты полубог, а слева ты дьявол. Один из них нам поможет, должен помочь. Мне все равно, кто именно.

— Не пытайся причинить зло веганцу. Мы о нем позаботимся.

Так мы там и сидели. Она взяла у меня сигарету, мы сидели и курили.

— ...Не могу, — сказала она, помолчав. — Не могу тебя ненавидеть. Хотя это так просто.

Я не ответил.

— Я много раз видела, как ты важно расхаживаешь в своем Черном Костюме, пьешь ром, будто воду, корчишь из себя

знатока, кичишься своей силой... Ты ведь вкладываешься во все, что только движется, не так ли?

— За исключением шмелей и рыжих муравьев.

— Может, у тебя есть какой-нибудь капитальный план, о котором мне неизвестно? Тогда скажи нам, и мы поможем тебе его осуществить.

— Это тебе пришло в голову, что я Карагиозис. Я уже объяснил, почему Хасан назвал меня этим именем. Фил знал Карагиозиса, а ты знаешь Фила. Он что-нибудь когда-нибудь говорил об этом?

— Ты сам понимаешь, что нет. Он твой друг, и он бы не стал злоупотреблять твоим доверием.

— Есть еще какие-нибудь признаки идентичности, кроме случайно оброненного Хасаном слова?

— Описания внешности Карагиозиса не существует. Ты был предусмотрителен.

— Вот и прекрасно. Иди и не мешай мне.

— Нет, пожалуйста.

— Хасан пытался меня убить.

— Да. Должно быть, он подумал, что легче тебя убить, чем временно убрать с дороги. Все-таки он знает тебя лучше, чем мы.

— Тогда почему он спас меня сегодня от боадила, заодно с Миштиго?

— Я бы не хотела говорить.

— Хорошо, я не спрашивал.

— Нет, я скажу. Ассагай — это было единственное, что оказалось у него под рукой. Хасан еще недостаточно им овладел. Он целился не в боадила.

— О...

— Но также и не в тебя. Эта тварь слишком уж извивалась. Он хотел убить веганца, и он просто бы сказал, что пытался спасти обоих, использовав то, что под рукой, но что произошло ужасное несчастье. К сожалению, ужасного несчастья не произошло. Он не попал в цель.

— Тогда почему он не предоставил боадилу убить веганца?

— Потому что ты уже высвободил руки и схватился с тварью. Хасан боялся, что ты сам спасешь веганца. Он боится твоих рук.

— Приятно слышать. Он что, по-прежнему будет пытаться его убить, если даже я откажусь от участия в этом?

— Боюсь, что да.

— Мне очень жаль, моя дорогая, но я не позволю.

— Ты его не остановишь. И мы его не отзовем. Пусть даже ты Карагиозис и изранен, а моя печаль по твоему поводу вышла из берегов, Хасана не остановить ни мне, ни тебе. Он убийца. И он никогда не проигрывает.

— Равно как и я.

— Нет, ты проигрываешь. Ты только что проиграл и Редпол, и Землю, и все, что еще хоть что-то значит.

— Женщина, я держу ответ перед самим собой. Иди своей дорогой.

— Не могу.

— В чем же дело?

— Если ты этого не знаешь, тогда Карагиозис действительно недотепа и глупец, персонаж театра теней.

— Некий человек по имени Томас Карлейл писал когда-то о героях и поклонении им. Еще один глупец. Он верил в существование подобных созданий. Героизм — это всего лишь вопрос обстоятельств и требований момента.

— Но идеалы входят в картину мира тоже случайно.

— Какие там идеалы? Призраки призраков, и больше ничего. Пожалуйста, не говори мне подобные вещи.

— Я должен, потому что это правда.

— Ты лжешь, Карагиозис.

— Я не лгу, а если лгу, то на пользу, девочка.

— Я достаточно стара, чтобы быть бабушкой всякому, за исключением разве что одного тебя, так что не называй меня «девочкой». Тебе известно, что мои волосы — это парик?

— Да.

— Тебе известно, что я однажды подцепила веганскую болезнь и что именно поэтому вынуждена носить парик?

— Нет. Очень сожалею. Я не знал.

— Когда я была молода, давным-давно, я работала на веганском курорте. Я была девочкой для удовольствий. Никогда не забуду, как они выдыхали из своих мерзких легких прямо в мое тело, как они касались меня своей плотью мертвецкого цвета. Я ненавижу их, Карагиозис, ненавистью, которую могут понять только такие люди, как ты, кто сам испытал великую ненависть.

— Прости меня, Диана. Прости, раз тебе до сих пор больно. Но я еще не готов действовать. Не подталкивай меня.

— Так ты Карагиозис?

— Да.

— Тогда я удовлетворена в каком-то смысле.

— Но веганец будет жить.

— Это мы посмотрим.

— Да, посмотрим. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я встал, и оставил ее, и вернулся в свою палатку. В ту же ночь, позднее, она пришла ко мне. Хлопали края палатки, шелестело постельное белье, и она была здесь. И уже забыв все, что к ней относилось, — красноватый ее парик, и брови домиком, и желваки под скулами, и ее привычку проглатывать в разговоре слова и буквы, и все эти манерные жесты, и тепло тела, будто сердца звезды, и это ее странное обвинение, брошенное человеку, которым я, может, некогда был, — забыв все это, я запомню другое: что она пришла ко мне, когда я в ней нуждался, что она была тепла, нежна и что она пришла ко мне...

На следующее утро после завтрака я собрался поискать Миштиго, но он первый меня обнаружил. Я был внизу у реки, где разговаривал с людьми, отвечающими за фелюгу.

— Конрад, — мягко сказал он, — можно поговорить с вами?

Я кивнул и махнул рукой в сторону лощины.

— Пойдемте туда. Здесь я все закончил.

И мы пошли.

С минуту помолчав, он сказал:

— Знаете, в моем мире есть несколько ментальных систем, и порой они обнаруживают свои экстрасенсорные возможности.

— Да, я слышал.

— Веганцы по преимуществу к этому предрасположены, не всегда, но часто. У некоторых есть в этом смысле определенные способности. У многих их нет. Однако почти у всех нас есть некое чувство, — мы чувствуем проявление этого феномена.

— Да что вы?

— Сам я не телепат, но убежден, что у вас такой дар есть, поскольку вы применили его ко мне прошлой ночью. Я по-

чувствовал. Для людей это вещь редкая, вот почему я ее не предусмотрел и не предпринял никаких мер предосторожности. Кроме того, вы выбрали подходящий момент и попали в точку. Сознание мое было для вас открыто. Я должен выяснить, много ли вы узнали.

Да, тут явно была какая-то экстрасенсорика, связанная с планом зрительных образов. Обычно сюда входит мгновенное образное восприятие предмета плюс то, что можно назвать подглядыванием за чужими мыслями и чувствами, которые облекаются в слова, — и я иногда принимал их неправильно.

Вопрос Миштиго показывал, что он не знает, как далеко я зашел, а я слышал, что некоторые профессиональные веганские психоаналитики умели буквально продраться в подсознание. Поэтому я решился на блеф.

— Я так понимаю, что вы пишете не просто книгу о путешествии, — сказал я.

Он не ответил.

— К несчастью, я не единственный, кто догадывается об этом, что ставит вас в несколько опасное положение.

— Почему? — неожиданно спросил веганец.

— Потому что они, может, просто впали в заблуждение, — рискнул я.

— Кто они?

— Сожалею, но...

— Я должен знать.

— Еще раз сожалею. Если вы хотите уехать, я сегодня же могу доставить вас в Порт.

— Нет, это невозможно. Я должен продолжать. Что от меня требуется?

— Какая-то дополнительная информация, чтобы я сделал выводы.

— Нет, вы уже и так слишком много знаете... Но тогда, — резко повернулся он ко мне, — тогда должна быть подлинная причина того, почему Дональд Дос Сантос здесь. Он человек умеренных взглядов. Очевидно, активисты Редпола что-то разузнали и, как вы говорите, впали в заблуждение. Он наверняка знает об опасности. Видимо, мне следует пойти к нему.

— Не думаю, — быстро вставил я. — На деле это ничего не изменит. Что вы ему скажете?

Последовала пауза. Затем Миштиго произнес:

— Понимаю, что вы имеете в виду. Мне тоже уже прихо-

дило в голову, что он, возможно, вовсе не такой умеренный, как я полагал... Если так, тогда...

— Ага, — сказал я. — Так хотите назад?

— Не могу.

— О'кей, голубочек. Собираетесь мне доверять? Можете рассказать кое-что о своей инспекции...

— Я не знаю, что вы уже знаете, а что нет. Для меня очевидно, что информации вам явно не хватает, посему думаю, что вы знаете немного. То, что я делаю, пока секретно.

— Но я пытаюсь вас защитить, — сказал я, — следовательно, мне нужно столько информации, сколько возможно.

— Тогда защищайте мое тело и позвольте мне самому позаботиться о своих мыслях и мотивах. Впредь мое сознание будет для вас закрыто, так что нет смысла тратить время на прощупывание.

Я протянул ему автоматический пистолет.

— Предлагаю вам носить оружие, пока путешествие не закончится, — чтобы защитить свои мотивы.

— Отлично.

Пистолет исчез под его колышущейся рубашкой.

«Пуф-пуф-пуф», — дышали веганские легкие.

«Так-тебя-растак», — бежали мои мысли.

— Идите готовьтесь, — сказал я. — Скоро отправляемся.

Я зашагал в лагерь, выбрав другую дорогу, чтобы проанализировать свои собственные мотивы. Книга сама по себе не может ни создать, ни расколоть ни Землю, ни Редпол, ни Возвращенство. В действительности этого не сделал даже «Зов Земли» Фила. Но Миштиго был занят чем-то более важным, чем книга. Инспекцией? Какого рода? Хочет что-то раскрутить? Но в каком направлении? Я не знал, а знать должен был. Если бы нас собирались уничтожить, то веганцу Миштиго не позволили бы здесь жить, — я же не мог позволить его уничтожение, если в задуманном веганцами была хоть какая-то польза. А она могла быть. Следовательно, кому-то нужно взять тайм-аут, пока мы не разберемся. Ниточку дернули — и я пошел по ней.

— Диана, — сказал я, когда мы стояли в тени ее скиммера, — ты говоришь, что я для тебя что-то значу — и сам по себе, и как Карагиозис.

— Похоже, что так.

— Тогда слушай меня. Ты, конечно, имеешь право заблуждаться по поводу веганца. И в случае, если ты в самом деле заблуждаешься, его убийство будет очень большой ошибкой. Именно по этой причине я не могу этого допустить. Отложите все, что вы запланировали, пока не прибудем в Афины. Затем запросите Редпол уточнить вашу задачу.

Она уставилась на меня, затем промолвила:

— Хорошо.

— А что Хасан?

— Ждет.

— Он действует по собственному выбору относительно места и времени, так, что ли? Он только ждет случая нанести удар?

— Да.

— Тогда ему надо дать отбой, пока мы не разберемся.

— Хорошо.

— Ты ему скажешь?

— Ему скажут.

— Вот и славно.

И я отошел.

— А если, — окликнула она, — если ответ только подтвердит предыдущую задачу, что тогда?

— Посмотрим, — ответил я, не оборачиваясь.

Она осталась возле своего скиммера, а я вернулся к своему.

Когда пришел именно тот ответ, которого я и ожидал, я знал, что заполучу только лишнюю головную боль. Потому что я уже принял решение.

Далеко на юго-восток от нас Мадагаскар еще оглушал счетчики Гейгера своими радиоактивными криками боли, отдавая должное искусству одного из нас.

Я был уверен, что ни перед какими препятствиями Хасан не остановится и глаз не отведет — тех самых пронизанных солнцем, привычных к смерти желтых глаз...

Помешать ему будет трудно.

Вон. Внизу под нами. Смерть, пекло, грязные полосы прибоя, новые очертания берегов...

Вулканическая деятельность Хиоса, Самоса, Икарии, Никоса...

Сметен Галикарнас...
Снова видна западная оконечность Коса, ну и что с того?
...Смерть, пекло, грязные полосы прибоя.
Новые очертания берегов...

По моему приказу мы сошли с трассы — весь наш конвой — чтобы осмотреть эти места. Миштиго делал свои устные заметки, фотографировал. Еще раньше Лоурел передал: «Продолжайте путешествие. Имуществу нанесен не слишком большой ущерб, поскольку архипелаг был в основном забит макулатурой. Персонал или погиб, или получил травмы — раненым оказана необходимая помощь. Так что продолжайте».

Я скользнул на малой высоте над тем, что осталось от Коса, — над его вытянутой западной оконечностью. Дикий вулканический ландшафт, новые дымящиеся вулканы среди заполненных сверкающим морем трещин, крест-накрест исчертивших землю. Когда-то здесь была древняя столица Астипалея. Фукидид сообщает, что она была разрушена мощным землетрясением. Посмотрел бы он на вот это. Мой северный город Кос был заселен с 366 года до Рождества Христова. Теперь все исчезло, вместо него только вода и пекло. Ничего не уцелело — ни дерево Гиппократа с плоской кроной, ни мечеть Логгия, ни замок Родосских Рыцарей, ни фонтаны, ни мой коттедж, ни моя жена — все, видимо, было сметено волнами прибоя или погрузилось на дно моря — ушло туда же, куда и почивший Феокрит, который некогда обессмертил эти места. Ушло. Прочь. Далеко... Бессмертное и мертвое — для меня.

Дальше на восток из морских вод еще высовывались несколько пиков той высокой горной гряды, что пересекала северную прибрежную равнину. Это был мощный пик Дикайос, или Христос Справедливый, который прежде обозревал сверху вниз деревни на северном склоне. Теперь он превратился в маленький островок, и никому не удалось вовремя забраться на его вершину.

Что-то подобное, должно быть, имело место и в давно минувшие времена, когда море возле земли, где я родился, теснимое полуостровом Халкидики, вздыбилось и атаковало сушу; в те времена, когда воды внутреннего моря нашли себе выход через горловину Тесне, этот могучий катаклизм оставил свой след даже на стенах самого дома богов Олим-

па, пощадив лишь мистера и миссис Девкалион[1], которые благодаря богам остались на плаву, чтобы сотворить миф и рассказать его людям.

— Вы здесь жили, — сказал Миштиго.

Я кивнул.

— Однако родились вы в деревне Макриница среди холмов Фессалии.

— Да.

— А поселились здесь.

— Ненадолго.

— «Дом» — идея всемирная, — сказал он, — я высоко ее чту.

— Благодарю.

Я продолжал смотреть вниз, на то, что было под нами, сходя с ума от боли и горечи. А затем возникла пустота.

Если долго не бывать в Афинах, город внезапно оказывается столь мне близок, что это всегда бодрит, иногда обновляет, а порой и возбуждает. Как-то Фил читал мне строки одного из последних великих греческих поэтов, Яоргаса Сефериса, дабы поддержать то, что относил к моей Греции: «Страна, которой нет у нас больше, нет и у вас», — он имел в виду веганцев. Когда я на это заметил, что во времена Сефериса никаких веганцев в наличии не было, Фил возразил, что-де поэзия существует независимо от времени и пространства и в ней только тот смысл, который вкладывает в нее читатель. Хотя я никогда не был убежден, что лицензия на право заниматься литературой тоже подходит для путешествия во времени, у меня были другие причины не соглашаться с ним и не считать, что поэтические тексты универсальны.

Это наша страна. Готы, гунны, болгары, сербы, франки, турки, а позднее веганцы так и не отринули ее от нас. Люди, я выжил. Афины и я — мы вместе изменились, до какой-то степени. Однако материковая Греция есть материковая Греция, и она для меня неизменна. Попробуйте ее отобрать, кто бы вы ни были, и мои клефты скрытно выйдут на холмы, как хтонические мстители древности. Вы уйдете, а холмы Греции останутся, ничуть не изменившись, с их запахом паленой кости, когда пекут на огне козью ляжку, с примесью крови и вина,

[1] Имеются в виду герои древнегреческой мифологии Девкалион и Пирра, муж и жена, спасшиеся от потопа в огромном ящике и заселившие землю новым родом людей, происшедших из камней.

со вкусом очищенного миндаля и холодного вина по вечерам и с дневными небесами — такими же ярко-голубыми, как глаза какого-нибудь божества. Посмейте только тронуть все это.

Вот почему я полон бодрости, когда возвращаюсь, и, снова ощущая за спиной годы и годы, я испытываю то же самое чувство и за всю Землю. Вот почему я сражался, вот почему я убивал и бомбил, вот почему я шел также на всяческие ненаказуемые бухгалтерские ухищрения, чтобы не дать веганцам раскупить Землю, и так заговор за заговором, пренебрегая правительством-в-отсутствии, там, на Тайлере. Вот почему под другим именем я полез в эту большую машину гражданской службы, что заправляет здесь, на планете, — и вот почему, в частности, эти Искусства, Памятники и Архивы. Тут в ожидании грядущих событий я мог сражаться за сохранение того, что еще осталось.

Вендетта Редпола напугала экспатриантов равно так же, как и веганцев. Последние не могли взять в толк, что потомки тех, кто выжил после Трех Дней, не будут с готовностью уступать свои лучшие прибрежные районы под веганские курорты и отдавать своих сынов и дочерей для работы на иноземцев; так же как не будут водить веганцев на экскурсии по руинам своих городов, показывая для развлечения гостей достопримечательности. Вот почему наша Контора для большей части ее служащих является как бы отделом службы иностранных дел.

С призывом вернуться мы обращались к тем потомкам, чьи колонии были на Марсе и Титане, однако никто не вернулся. Они выросли там в тиши и спокойствии, далекие от проблем нашей культуры, которую мы считали отправной точкой возрождения. Они перестали быть землянами. Они бросили нас.

Однако де-юре их интересы представляло правительство Земли, законно выбранное отсутствующим большинством, а может, также и де-факто, если бы до этого дело дошло. Пожалуй, что так. Я надеялся, что до этого никогда не дойдет.

Более чем полвека имел место пат. Никаких новых веганских курортов, никаких новых выступлений Редпола. Так же как и никакого Возвращенства. Но скоро последует новый виток. Это носится в воздухе — если Миштиго действительно инспектирует.

Так вот, я вернулся в Афины в мрачный день во время холодного моросящего дождя, когда город растрясло и переиначило последними подвижками земной коры, и голова моя была в вопросах, а тело в ранах, но я был бодр. Национальный музей по-прежнему стоял между Тоссизой и Василеос Ираклиу, Акрополь был разрушен еще больше, чем я помнил, и гостиница «Садовый Алтарь» — в прошлом старый королевский дворец — там, на северо-западной стороне Национальных Садов, наискосок от площади Синтагма, — гостиница эта пострадала от землетрясения, но осталась на своем месте и действовала, несмотря ни на что.

Мы вошли и зарегистрировались.

Как Комиссару по Искусствам, Памятникам и Архивам, мне было оказано особое внимание: я получил номер 19.

Он оказался не таким, каким я его оставил. Теперь здесь было чисто и опрятно. Маленькая металлическая табличка на двери гласила: «В этом номере был штаб Константина Карагиозиса в период основания Редпола и Восстания Возвращенцев». На спинке кровати красовалась надпись: «На этой кровати спал Константин Карагиозис». В длинной узкой передней комнате на дальней стене я заприметил еще одну табличку. Там было сказано: «Это пятно на стене осталось от бутылки с напитком, которую Константин Карагиозис швырнул во время празднования бомбардировки Мадагаскара».

Хотите — верьте, хотите — нет.

«Константин Карагиозис сидел на этом стуле», — настаивала следующая табличка.

В ванную же комнату я и вовсе боялся заглядывать.

Поздно ночью, когда я шагал по усыпанным камнями мостовым моего почти пустынного города, старые воспоминания и сегодняшние мысли текли во мне вместе, как две реки. Все остальные члены нашей группы похрапывали в гостинице, а я вышел из «Алтаря», спустился по широкой лестнице, задержался, чтобы прочесть одну из надписей, взятую из надгробных речей Перикла: «Вся Земля — это могила великих людей», — там, сбоку, на Мемориале Неизвестному солдату, оглядел мощные мускулистые конечности этого древнего воина, распростертого вместе со всем его оружием на смертном ложе, а также весь мраморный барельеф, — в памятнике

было какое-то живое тепло, может, благодаря афинской ночи, — и пошел дальше вверх по Леофорос Амалиас.

Обед был что надо: узо, жюветси, коккинели, яурти, метакса, много черного кофе, и Фил спорил с Джорджем об эволюции.

— Разве ты не видишь, что здесь, в последние дни жизни этой планеты, сходятся в одной точке миф и сама жизнь?

— Что ты хочешь сказать? — спрашивал Джордж, до блеска подчищая тарелку с наранцей и поправляя на носу очки.

— Я хочу сказать, что человечество вырастало из тьмы, в которую было погружено, со всеми теми легендами и мифами и воспоминаниями о сказочных существах. Сейчас мы возвращаемся в ту же самую тьму. Сила жизни слабеет, становится неустойчивой, и наблюдается реверсия к тем первичным формам, которые по сю пору существовали лишь как смутные воспоминания разных народов...

— Чепуха, Фил. «Сила жизни»? Какой век ты считаешь своим собственным? Ты говоришь так, будто все живое представляло собой единую чувствующую реальность.

— Но это так.

— Докажи, пожалуйста.

— В твоем музее есть скелеты трех сатиров и фотографии одного благополучно здравствующего. Они живут среди холмов этой страны. Здесь также наблюдали и кентавров, а кроме того, имеются цветы-вампиры и лошади с рудиментами крыльев. В каждом море водятся морские змеи. Наши небеса прочесывают завезенные летуче-паучьи мыши. Известны клятвенные заверения лиц, видевших Черное Чудовище Фессалии, пожирателя людей, костей и тому подобного; живы и все прочие легенды.

Джордж вздохнул.

— Все пока тобою сказанное доказывает не что иное, как то, что, когда жизнь во взвешенном состоянии, возникает возможность для появления любой ее формы, если в наличии сопутствующие факторы и благоприятная обстановка на достаточно продолжительный период времени. Все существа земного происхождения, которых ты тут назвал, являются мутантами, появившимися возле Горючих Точек по всему земному шару. Одно такое место находится в холмах Фессалии. Если даже Черное Чудовище сейчас вломилось бы в дверь с

сатиром на хребте, это все равно не поколебало бы моего мнения, как не доказало бы и твоего.

В тот момент я глянул на дверь, но в ожидании не Черного Чудовища, а, скажем, какого-нибудь неприметного старика, что мог робко остановиться за ней, споткнуться у порога и пойти прочь, или официанта, тайком несущего Диане выпивку и сунувшего счет внутрь сложенной салфетки. Однако никто не появился.

Я прошел Леофорос Амалиас, миновал Арку Адриана, оставил позади Олимпейон, так еще и не зная ответа. Диана связалась с Редполом, но они до сих пор хранили молчание. Через тридцать шесть часов мы должны были улететь из Афин в Ламию, затем двинуть дальше пешком сквозь районы, поросшие странными новыми деревьями с бледной длинной листвой, пронизанной красными жилами, со свисающими ползучими растениями и всем тем, что ветвится там, наверху, — сквозь все эти цветущие места, где возле корней произрастает strige-fleur, а затем — через омытые солнцем долины вверх по извилистым козьим тропам, через высокие каменные гряды и вниз, через глубокие ущелья, минуя разрушенные монастыри. Совершенно безумная затея, но Миштиго захотел, чтобы все было именно так, и не иначе. Он полагал, что коль скоро я родился в этих местах, ему ничто не угрожает. Я пытался рассказать ему о диких тварях, о каннибалах куретах — племени, которое там бродило. Но он жаждал быть Павсанием и увидеть все собственными глазами. Что же, о'кей, решил я, раз Редпол его не сцапал, то это сделает здешняя фауна.

На всякий случай я зашел в ближайшее почтовое отделение Земного правительства, заполучил разрешение на дуэль и заплатил налог за свою смерть. Мне как Комиссару и прочее, решил я, следует предусмотреть все варианты.

Если Хасану нужно убивать, я убью его законно.

Я услышал игру бузуки — мелодия звучала из маленького кафе по другую сторону улицы. Отчасти потому, что мне этого хотелось, а отчасти потому, что чувствовал за собой слежку, я пересек улицу и вошел внутрь. Я двинулся к маленькому столику, за которым можно было сесть спиной к стене и лицом к двери, заказал кофе по-турецки, пачку сигарет и стал слушать песни, в которых говорилось о смерти, разлуке, несчастье и вечном вероломстве мужчин и женщин.

Внутри было еще теснее, чем казалось снаружи, — низкий потолок, грязный пол, полутьма. Певицей была толстая, сильно накрашенная приземистая женщина в желтом платье. Звенели рюмки, в тусклом свете медленно и ровно опадала пыль, под ногами — влажный слой опилок. В помещении было примерно с дюжину посетителей: три девицы с сонными глазами пили у стойки бара, тут же сидел мужчина в грязной феске, еще один похрапывал, уронив голову на вытянутые перед собой руки, за столиком напротив меня по диагонали сидели четверо — они смеялись; остальные сидели поодиночке, слушали музыку, ни на что особенно не глядя, ждали, а может, и не ждали, то ли чего-то, то ли кого-то.

Выпив третью чашку кофе, я заплатил по счету толстому усатому хозяину и вышел. Температура снаружи, похоже, упала на несколько градусов. На улице было пустынно и совсем темно. Я повернул направо по Леофорос Дионисия Ареопогита и дошел до разбитой ограды, что тянется вдоль южного склона Акрополя.

Позади за углом послышались чьи-то шаги. Я постоял с полминуты, но вокруг была только тишина и чернота ночи. Пожав плечами, я прошел ворота и двинулся к обители Дионисия Элевтерия. От самого храма ничего не осталось, кроме фундамента. Я миновал его, держа направление к Театру.

На том обеде Фил высказал предположение, что история циклична в своем движении и напоминает стрелки часов, день за днем обегающие одни и те же цифры.

— Это заблуждение, — сказал Джордж, — что доказывает историческая биология.

— Я говорю не в буквальном смысле, — возразил Фил.

— Тогда перед тем как двинуться дальше, нам следует договориться о терминах.

Миштиго рассмеялся.

Эллен тронула Дос Сантоса за руку и спросила его о бедных лошадях, которых седлают пикадоры. Он пожал плечами, подлил ей коккинели и опустошил собственный бокал.

— Это всего лишь часть большого действа, — сказал он.

А ответа все нет и нет...

Я шел через разор и хаос, — все, что оставляет от величия время. Испуганная птица вспорхнула справа от меня и, испу-

ганно крикнув, исчезла. А я все шагал, добрался наконец до старого Театра и сквозь него двинулся вниз...

Дурацкие таблички, украшавшие мой номер, как ни странно, вовсе не рассмешили Диану.

— Но это их место. Вот и все. Они должны быть здесь.

— Ха!

— В другое время тут были бы головы убитых тобой животных. Или щиты разбитых тобой врагов. Мы стали цивилизованней. Так что теперь новое направление.

— Еще раз «ха»! — И я сменил тему разговора: — Есть что-нибудь новенькое о веганце?

— Нет.

— Тебе нужна его голова.

— Я-то не цивилизованна... Скажи мне, Фил и прежде был таким дураком?

— Нет, не был. Ни тогда, ни сейчас. Его несчастье в том, что он не слишком талантлив. Его считают последним из поэтов Романтизма, он же зарыл талант в землю. Он переводит свой мистицизм на чепуху, потому что, как Вордсворд, пережил свое время. Сейчас он живет с искаженным представлением о прошлом, которое ему кажется довольно славным. Как Байрон, он переплыл однажды Геллеспонт, но теперь он, скорее как Ейтс, предпочитает в глубине души компанию юных леди, которых можно утомлять своей философией и порой очаровывать какой-нибудь хорошо рассказанной байкой. Он стар. Иногда в его писаниях еще вспыхивает прежняя мощь, но его писания и его стиль как таковой не одно и то же.

— То есть?

— Помню один хмурый день, когда Фил стоял на сцене театра Диониса и читал написанный им гимн Пану. Слушали его человек двести или триста — и одному Богу известно, с чего это они там собрались, — однако он начал читать. Его греческий был еще не слишком хорош, зато голос производил впечатление, да и сама манера поведения вполне харизматическая. Вскоре начал накрапывать дождь, но никто не ушел. И вот под конец вдруг раздался раскат грома, по звучанию ужасно похожий на смех, и у каждого в этой толпе по спине побежали мурашки. Я не говорю, что это было точно так же, как в дни Теспия, но многие из тех слушателей, уходя, оглядывались через плечо. Я сам был под большим впечатлением.

Затем, несколько дней спустя, я прочел эту поэму — она была никакой, она была архискверной, она была одно общее место. Другое важно — *как* он ее читал. Эту часть своего таланта Фил утратил вместе с юностью, а то из оставшегося, что можно было назвать искусством, оказалось не столь сильным, чтобы сделать его великим и поддерживать легенду о нем. Это его оскорбляет, и он утешается своей невразумительной философией, но если уж отвечать на твой вопрос, то — нет, он далеко не всегда был глуп.

— Может быть, что-то в его философии даже правильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Цикличность. К нам снова возвращается эпоха странных чудищ. Таких же, как эпоха героев, полубогов.

— Я встречал только странных чудищ.

— Тут говорится, что «на этой кровати спал Карагиозис». Похоже, на ней очень удобно.

— Да... Хочешь попробовать?

— Хочу. Табличку не снимать?

— Как скажешь...

Я двинулся к просцениуму. Со ступенек начался барельеф: мифы из жизни Диониса. Каждый руководитель группы и каждый турист должны, согласно правилу, утвержденному мной, «...иметь при себе в пути не менее трех осветительных ракет». Я выдернул шнур одной из них и бросил ее на землю. Благодаря углу склона и каменной кладке, снизу эту вспышку никто не заметит.

Я смотрел не на яркое пламя, а выше — на словно облитые серебром фигуры. Вон Гермес, представляющий Зевсу бога-младенца, в то время как Корибанты по обе стороны его трона насмехаются над почитателем Пирры; далее следует Икар, которого Дионис научил виноделию, — Икар готов принести в жертву козу, а в это время его дочь предлагает богу лепешки (тот стоит поодаль и обсуждает ее с сатиром); вон пьяный Силен, пытающийся вроде Атласа поддержать небо, но только это получается у него гораздо хуже; а вон все прочие боги городов, наносящие визит в этот театр, — я приметил Гестию, Тезея и Эйрен с рогом изобилия...

— Ты зажег огонь в знак приношения богам, — провозгласил голос неподалеку от меня.

Я не обернулся. Голос раздался со стороны моего правого плеча, но я не обернулся, потому что я его знал.

— Возможно, — сказал я.

— Давно ты не ступал по этой земле, по Греции.

— Верно.

— Не потому ли, что здесь никогда не было бессмертной Пенелопы — терпеливой, как горы, верящей в возвращение ее калликанзароса, вяжущей что-то и терпеливой, как холмы?

— Ты что, теперь деревенский сказитель?

Он зафыркал от смеха.

— Я пасу многоногих овец в предгорьях, там, где рано по-утру персты Авроры разбрасывают розы в небесах.

— Да, ты сказитель. Почему же сейчас ты не в предгорьях, где сбиваешь молодежь с толку своими песнями?

— Из-за снов.

— Вон как.

Я обернулся и вгляделся в это древнее лицо— его морщины в свете умирающего пламени были как черные рыбацкие сети, брошенные на дне морском, его борода была как снег, что медленно падает, придя со стороны гор, глаза его были того же цвета, что и голубая повязка, охватывающая виски. Он опирался на свой посох, не более чем воин опирается на свое копье. Я знал, что ему больше ста лет и что он никогда не принимал таблетки Ж. С.

— Совсем недавно приснилось мне, что я стою посреди черного храма, — сказал он мне, — подходит бог Гадес и встает около меня: берет меня за запястье и велит идти с ним. Но я говорю «нет» и просыпаюсь. Сон этот встревожил меня.

— Чего ты наелся в тот вечер? Ягодок из Горючего Места?

— Прошу, не смейся... Затем в другую ночь приснилось мне, будто я стою на арене во тьме. И что во мне вся сила бывших чемпионов и что я сражался с Антеем, сыном Земли, и сокрушил его. И тогда подходит ко мне снова бог Гадес и говорит, беря за руку: «Теперь иди со мной». Но я снова ему отказал и проснулся. Земля дрожала.

— Это все?

— Нет. Затем, еще позднее, и не ночью, а когда я сидел под деревом, следя за своей отарой, мне было видение, хотя я не спал. Будто, как Феб, сражался я с монстром Питоном, и

он почти сокрушил меня. На сей раз бог Гадес не являлся, но когда я обернулся, то неподалеку стоял Гермес, его посланник, и, улыбаясь, наставлял на меня свой кадуцей, будто ружье. Я покачал головой, и он его опустил. А затем снова поднял, на что-то указывая, и я посмотрел в ту сторону. Передо мной лежали Афины — вот это самое место, этот театр, ты... и здесь же сидела старая женщина. Та, которая отмеряет нить жизни. Она сердилась, потому что намотала твою нить на горизонт и концов было не найти. Но та, которая вяжет, разделила ее на две очень тонкие нити. Одна нитка убежала за моря и скрылась из глаз. А другая прошла по холмам. На первом холме стоял Мертвец и держал твою нить своими белыми-пребелыми руками. За ним, на следующем холме, нитка эта пролегла по горящему камню. На холме же, что за горящим камнем, стояло Черное Чудище: дергало твою нитку и рвало ее зубами. И вдоль этой длинной нити крался большой воин-иноземец, глаза его были желты, в руке его был обнаженный клинок, и он несколько раз угрожающе замахнулся им. Так что я спустился в Афины, чтобы встретиться с тобой здесь, в этом месте, и сказать, чтобы ты возвращался обратно за моря, — предупредить тебя не подниматься на холмы, где тебя ждет смерть. Потому что я понял, когда Гермес поднял свой жезл, что видение это не про меня, а про тебя, о отец мой, и что я должен найти тебя и предупредить. Уходи сейчас же, пока у тебя еще есть возможность. Возвращайся. Прошу тебя.

Я сжал его плечо.

— Язон, сын мой, назад я не поверну. За свои собственные действия я несу полную ответственность, правильные они или нет, — включая, если на то пошло, даже собственную смерть, — и на сей раз я обязан пойти на холмы, те, что возле Горючего Места. Благодарю за предупреждение. Наша семья всегда имела дело со снами, и часто они вводили в заблуждение. Я тоже их вижу — только не свои, а чужие, — чужими глазами, иногда отчетливо, иногда не очень. Благодарю за предупреждение. Прости, что не могу его учесть.

— Тогда я пойду к своей отаре.

— Пойдем в гостиницу. Завтра мы доставим тебя по воздуху до Ламии.

— Нет, я не сплю в больших зданиях, и я не летаю.

— Может, ты просто не привык. Сделаем, как тебе удоб-

но. Мы можем провести ночь здесь. Ведь я Комиссар этого памятника.

— Я слышал, что ты снова важная персона в Большом Правительстве. Будут новые смерти?

— Надеюсь, нет.

Мы нашли ровное место и развалились на его плаще.

— Как же ты толкуешь эти свои сны? — спросил я его.

— Мы получаем от тебя подарки каждый сезон, но когда ты сам был здесь в последний раз?

— Почти девятнадцать лет назад, — сказал я.

— Тогда ты не знаешь о Мертвеце?

— Не знаю.

— Он почти что самый крупный из людей — толще и выше всех остальных, тело у него цвета рыбьего живота, а зубы как у зверя. О нем начали говорить лет пятнадцать назад. Он появляется только по ночам. Он пьет кровь. Он ходит по окрестностям в поисках крови — неважно какой, человеческой или животных, и смех у него, как у ребенка. По ночам он заглядывает, улыбаясь, в окна спален. Он сжигает церкви. Он свертывает молоко. Он наводит ужас на женщин, и у них случаются выкидыши. Говорят, что в дневное время он спит в гробу, охраняемый мужчинами из племени куретов.

— Похоже, он не лучше калликанзароса.

— Отец, он на самом деле существует. Какое-то время назад кто-то начал убивать моих овец. Этот «кто-то» частично съедал их и выпивал почти всю их кровь. Так что я выкопал себе укрытие и покрыл его ветками. В ту ночь я не смыкал глаз. И через несколько часов он явился. Я был так напуган, что не положил камень в пращу, потому что он был таким, каким я его описал: большой, даже больше тебя, и тучный, цвета только что выкопанного трупа. Руками он свернул овце шею и стал из горла ее пить кровь. Слезы лились у меня из глаз, когда я смотрел на это, но я боялся что-либо сделать. На следующий день я увел свою отару, и больше он не беспокоил. Этим рассказом я пугаю своих правнуков — твоих прапраправнуков — когда они плохо себя ведут... И он ждет там, наверху, в холмах.

— М-да... Если ты говоришь, что видел его, значит, это правда. Странные существа возникают возле Горючих Мест.

— ...Где Прометей обронил слишком много огня созидания!

— Нет, где какой-то подонок бросил кобальтовую бомбу, и яркоглазые мальчики и девочки кричали Eloi радиоактивному пеплу... А что это за Черное Чудище?

— Оно тоже существует, я уверен. Однако я никогда его не видел. Размером со слона и очень быстрое, и, как говорят, хищник. Оно охотится на равнинах. Возможно, когда-нибудь оно повстречается с Мертвецом, и они убьют друг друга.

— Обычно так не случается, но мысль хорошая... И это все, что ты о нем знаешь?

— Да, те, кого я встречал, видели его только мельком.

— Для меня, пожалуй, и это было бы ни к чему.

— ...И еще я должен рассказать тебе о Бортане.

— Бортан. Знакомое имя.

— Это твой пес. Ребенком я обычно катался верхом на нем и бил пятками в его стальные бока. Он ворчал и хватал меня за ногу, но осторожно.

— Мой Бортан умер так давно, что даже не стал бы грызть собственные кости, доведись ему в последней из инкарнаций выкопать их.

— Я тоже так думал. Но через два дня после того, как ты отбыл в последний раз, он вломился в твое жилище. Он явно пробежал по твоим пятам пол-Греции.

— Ты уверен, что это был Бортан?

— Разве когда-нибудь существовала другая такая собака размером с небольшую лошадь, с бронированными пластинами на боках, а челюсти как капкан на медведей?

— Думаю, что нет. Вот, возможно, почему вымирают виды. Собакам нужна броня, если они собираются ошиваться среди людей, а она нарастала у них недостаточно быстро. Если он еще жив, он, вероятно, последний пес на Земле. Знаешь, мы с ним были вместе в щенячьем возрасте — так давно, что даже больно об этом думать. В тот день, когда он исчез во время охоты, я решил, что с ним произошел несчастный случай. Я искал его, а затем понял, что он мертв. В то время он уже был невероятно стар.

— Может, он получил рану и так годами и бродяжничал. Но это был именно он, и он явился по твоим пятам, в тот последний раз. Когда он увидел, что тебя нет, он взвыл и снова бро-

сился за тобой. С тех пор мы его больше не видели. Хотя иногда по ночам я слышу его лай, когда он охотится в холмах...

— Этой чертовой глупой дворняге следовало бы знать, что никто не стоит такой привязанности.

А затем ночной ветер, веющий хладом сквозь арки годов, выследил меня. Он коснулся моих глаз. Усталые, они закрылись.

Греция кишмя кишит легендами, чревата опасностями. Большая часть территории материка возле Горючих Мест представляет собой традиционную угрозу. Все потому, что, хотя считается, что Контора правит Землей, на самом-то деле это относится только к островам. На большей части материка сотрудников Конторы примерно столько же, сколько было таможенных чиновников в горных районах в двадцатом веке. Для местных они желанная добыча во все времена года. Острова подверглись меньшему разрушению, чем остальной мир во время Трех Дней, и соответственно, были логическими аванпостами для наших чиновников, когда тайлериты решили, что мы можем использовать кое-какую администрацию. Жители материка традиционно противостояли этому. Однако в регионах около Горючих Мест аборигены — далеко не всегда полноценные человеческие особи. Вот в чем смысл этого традиционного противостояния этих примеров аномального поведения. Вот почему Греция чревата.

Мы могли бы пойти морем по направлению к Волосу. Мы могли бы в связи с этим перелететь на Волос или почти в любое другое место. Однако Миштиго хотел идти пешком из Ламии, идти и наслаждаться возвращением легенд и враждебного мира. Вот почему мы оставили скиммер в Ламии. Вот почему к Волосу мы двинулись пешком.

Вот почему мы неожиданно встретились с легендой.

С Язоном я попрощался в Афинах. Он отправился вдоль побережья под парусом. Вполне мудро.

Фил уверял, что выдержит пеший маршрут гораздо лучше, чем предстоящие перелеты, и что будет ждать нас дальше по нашему движению.

Может, это тоже правильно, в каком-то смысле...

Дорога на Волос пролегает сквозь глухомань и мелколесье. Она вьется между огромных валунов, случайно сбившихся вместе лачуг, полей опийного мака; она пересекает малень-

кие речушки, огибает холмы, а иногда идет прямо по ним, то расширяется, то сужается безо всякой видимой причины.

Стояло раннее утро. Небо было чем-то вроде голубого зеркала, поскольку солнечный свет, казалось, шел отовсюду. Там же, где лежала тень, на траве и на нижних листьях деревьев еще держалась влага.

Именно на одной из памятных полянок вдоль дороги на Волос я и встретил полутезку.

Место это было некогда какой-то святыней, еще из тех Старых Добрых Времен. В юности я часто приходил туда, поскольку любил его атмосферу — полагаю, что вы бы назвали ее «умиротворенной». Иногда я встречал там полулюдей, или нелюдей, или видел сладкие сны, или находил старые гончарные изделия или головы статуй, или что-нибудь в этом роде, что можно было продать в Ламии или в Афинах.

Тропы туда нет. Надо просто знать это место. Я бы не повел их туда, если бы не то обстоятельство, что с нами был Фил, а ему нравится все, что отдает святостью, всякая там многозначительная уединенность, плавное скольжение по туманному прошлому и тому подобное.

В полумиле от дороги, пройдя сквозь маленький лес, самодостаточный в зеленом своем хаосе светотени и сваленных наудачу камней, вы неожиданно для себя спускаетесь с холма, находите тропу, перегороженную глухой чащобой, прорываетесь сквозь нее и затем обнаруживаете белую каменную стену. Если прокрасться, держась ближе к этой стене, и податься направо, то тогда и выйдешь на полянку, где порой так хорошо передохнуть, прежде чем двинуться дальше.

Там есть короткий резкий спуск, а внизу — площадка в форме яйца, около пятидесяти метров в длину и двадцати в ширину; тупой конец этого яйца упирается в выбитое в скале углубление, с острого же конца находится неглубокая пещера, обычно пустая. В ней несколько наполовину врытых в землю камней почти кубической формы — кажется, что они брошены там наобум. Лозы дикого винограда ограждают со всех сторон это место, а в центре его возносится огромное древнее дерево, чьи ветви, как зонтик, прикрывают почти весь этот участок, держа его днем в тени. Вот почему его трудно заметить, даже находясь на полянке.

Но мы же заметили сатира, стоявшего посреди с задранным носом.

Я увидел, как рука Джорджа потянулась к ружью, стреляющему пилюлями со снотворным. Я взял его за плечо, посмотрел ему в глаза, покачал головой. Он пожал плечами, кивнул и опустил руку.

Я вытащил из-за пояса пастушью дудку, которую попросил у Язона, жестом велел остальным пригнуться и оставаться на месте. Я продвинулся вперед на несколько шагов и поднял к губам дудку.

Первые ее звуки были пробными. Давненько я не играл на дудках.

Он прянул ушами и оглянулся. Сделал несколько быстрых движений в трех различных направлениях — как испуганная белка, не знающая, к какому дереву броситься. А затем застыл, дрожа, когда я уловил старую мелодию и она поплыла в воздухе.

Я продолжал играть, вспоминая все эти рожки, свирели, дудки, мелодии, и все то горькое, и сладкое, и хмельное, что на самом деле я всегда знал.

Все это вновь вернулось ко мне, когда я стоял там, играя для этого мохноногого парнишки, — я вспомнил и расположение пальцев, и подачу воздушной струи, и эти мелкие переходы, и это удержание звука — все, о чем можно поведать только дудке. Я не могу играть в городах, но внезапно я снова оказался самим собой, и я увидел лица среди листвы, и я услышал стук копыт.

Я двинулся вперед.

Как во сне, я понял, что стою, прислонившись спиной к дереву, а вокруг — все они. Они переминались с копыта на копыто, неспособные хотя бы чуточку остановиться, и я играл для них, как часто делал это много лет назад, не зная даже, те ли они самые, кто слушал меня тогда, — хотя в общем-то мне было все равно. Они копытили вокруг меня. Они смеялись, сверкая своими белыми-белыми зубами, и глаза их плясали, и они кружились, пыряя воздух своими рожками, высоко вскидывая свои козлиные ножки, наклоняясь далеко вперед, подпрыгивая и топоча землю.

Я закончил и опустил дудку.

Все они враз превратились в статуи, застыв на месте, уста-

вившись на меня, и в диковатых темных их глазах не было человеческого разума.

Я снова медленно поднял дудку. На сей раз я исполнил самую последнюю из своих песен. Это была песня-плач — я исполнял ее в ту ночь, когда решил, что Карагиозис должен умереть. Я уже понял, что Возвращенство обречено. Они не вернутся, они никогда не вернутся. Земля погибнет. Я спустился тогда в Сады и играл эту последнюю мелодию, которую мне подсказал ветер, а может, даже звезды. На следующий день большой блестящий корабль Карагиозиса разбился в бухте Пирея.

Они расселись на траве. Порой кто-нибудь тайком смахивал слезы.

Собравшись вокруг меня, они слушали.

Не знаю, долго ли я играл. Закончив, я опустил дудку и тоже присел. Прошло какое-то время, затем один из них потянулся, тронул дудку и быстро отдернул руку.

Он глянул на меня.

— Уходите, — сказал я, но они, казалось, не поняли.

Тогда я поднял дудку и снова сыграл несколько последних тактов.

Земля умирает, умирает. Скоро она умрет...

Все по домам, праздник окончен. Уже поздно, поздно, так поздно...

Самый большой из них покачал головой.

А теперь уходите, уходите, уходите. Оцените тишину. Жизнь уже сыграна, как нам и не снилось, — оцените тишину. Чего надеялись боги добиться, добиться? Ничего. Это была всего лишь игра. А теперь уходите, уходите, уходите. Уже поздно, поздно, так поздно.

Они все еще сидели, поэтому я встал, хлопнул в ладони, крикнул: «Уходите!» и быстро пошел прочь.

Я собрал своих спутников и вывел их обратно на дорогу.

От Ламии до Волоса около шестидесяти пяти километров, включая крюк к Горючему Месту. В первый день мы, может, покрыли одну пятую того расстояния. Тем вечером мы разбили лагерь на пустой площадке в стороне от дороги. Ко мне подошла Диана и спросила:

— Ну так как?

— Что «как»?

— Я только что говорила с Афинами. Пустой номер. Редпол молчит. Мне нужно твое решение.

— Очень уж ты решительная. Почему бы нам еще не подождать?

— Мы и так ждали слишком долго. Полагаешь, он закончит путешествие раньше времени?.. Местность здесь превосходная. Для несчастного случая лучше и не придумаешь... Ты ведь знаешь, что скажет Редпол — то же, что и раньше, — а это означает одно: убить.

— И мой ответ тот же, что и раньше: нет.

Она опустила голову, быстро заморгала глазами.

— Пожалуйста, подумай.

— Нет.

— Тогда вот что от тебя потребуется, — сказала она. — Забудь об этом. Полностью. Ты умываешь руки. Соглашаешься на предложение Лоурела и даешь нам нового гида. Утром ты можешь улететь отсюда.

— Нет.

— Ты что, действительно не шутишь — насчет защиты Миштиго?

— Не шучу.

— Я не хочу, чтобы тебя покалечили или чего похуже.

— Мне и самому не очень-то нравится такая перспектива. Так что ты избавишь обоих нас от массы неприятностей, если дашь отбой.

— Я не могу этого сделать.

— Дос Сантос сделает, только скажи ему.

— Это вовсе не административная проблема, черт подери!.. Как жаль, что я с тобой повстречалась!

— Виноват.

— На карту поставлена Земля, а ты занимаешь не ту сторону.

— Это вы не ту.

— Так что ты собираешься делать?

— Раз я неспособен вас убедить — стало быть, я просто должен вам помешать.

— Ты не можешь встать между Секретарем Редпола и его супругой, не имея на то весомых оснований. Мы находимся в слишком щекотливом положении.

— Знаю.

— Так что ты не можешь нанести вред Дону, и я не верю, что ты способен на это по отношению ко мне.

— Верно.

— Тогда остается Хасан.

— Снова верно.

— А Хасан есть Хасан. Что ты сделаешь?

— Почему бы не выдать ему его документы прямо сейчас? Это избавило бы меня от лишних хлопот.

— Я не сделаю этого.

— Так я и думал.

Она снова взглянула на меня. Глаза ее увлажнились, но в голосе ее и в лице не произошло никаких изменений.

— Если окажется, что ты был прав, а мы нет, — сказала она, — то я буду чувствовать себя виноватой.

— Я тоже, — произнес я. — Очень.

В ту ночь я дремал рядом с Миштиго, чтобы его нельзя было достать ножом, но все было спокойно, ничего подозрительного. Утро тоже прошло без каких-либо событий, как и большая часть дня.

— Миштиго, — сказал я, когда мы остановились, чтобы сфотографировать холмы, — почему бы вам не отправиться домой? Обратно на Тайлер. Еще куда-нибудь. Подальше отсюда. И написать книгу про что-нибудь другое. Чем ближе мы к населенным местам, тем меньше у меня возможности вас защищать.

— Вы дали мне автоматическое оружие, помните? — сказал веганец. Правой рукой он изобразил стрельбу.

— Прекрасно, только я бы на вашем месте еще потренировался.

— Вон там вроде коза стоит у нижней ветви дерева, я не ошибаюсь?

— Верно. Они любят лакомиться маленькими зелеными побегами на ветках.

— Я хочу сделать такой снимок. Это, кажется, олива?

— Да.

— Я должен знать, как назвать этот снимок. «Коза, доедающая зеленые побеги дерева оливы», — наговорил он своему диктофону. — Вот какая будет подпись.

— Великолепно. Снимайте, пока не поздно.

Если бы он не был таким необщительным, таким отчужденным, таким безразличным к своему благополучию... Я его ненавидел. Я не мог его понять. Он всегда молчал, раскрывая рот только в том случае, когда ему требовалась какая-нибудь информация или чтобы ответить на вопрос. Отвечал же он или немногословно, или уклончиво, или оскорбительно, или все зараз. Он был самодовольным, чванливым, голубым и очень властным. Это и вправду заставляло меня размышлять о вкладе Штиго-генов в область философии, филантропии и просвещенной журналистики. Он мне не нравился, вот и все.

Но в тот вечер я поговорил с Хасаном, после того как целый день не спускал с него глаза (голубого).

Он сидел у огня, напоминая своим видом набросок Делакруа. Эллен и Дос Сантос сидели поблизости, пили кофе, так что я освежил в памяти свой арабский и подошел.

— Мое почтение.

— Мое почтение.

— Сегодня ты не делал попыток меня убить.

— Не делал.

— Может, завтра?

Он пожал плечами.

— Хасан, посмотри мне в глаза.

Он посмотрел.

— Тебя наняли для убийства голубого.

Он снова пожал плечами.

— Тебе нет нужды ни отрицать, ни соглашаться. Я и так знаю. Я не могу тебе это позволить. Верни деньги, которые заплатил тебе Дос Сантос, и иди своей дорогой. Наутро я могу дать тебе скиммер. Он доставит тебя туда, куда ты только захочешь.

— Мне и здесь хорошо, Караги.

— Тебе сразу же станет плохо, если с голубым что-нибудь случится.

— Я просто телохранитель, Караги.

— Нет, Хасан. Ты сын страдающего диспепсией верблюда.

— Что такое «диспепсия», Караги?

— Я не знаю, как это по-арабски, а ты не знаешь, как по-гречески. Подожди, я подберу другое оскорбление... Ты подлый трус, трупоед, бандит с большой дороги, потому что ты шакал и придурок.

— Возможно, это так, Караги. Мне на роду написано, говорил отец, что с меня сначала кожу снимут живьем, а потом четвертуют.

— За что это?

— Я был неуважителен к Бесу.

— Да ну?

— Поверь. Те, для кого ты вчера играл, они тоже были бесами? У них рога, копыта...

— Нет, они не бесы. Они дети Горючих Мест, рожденные от несчастных родителей, которые бросили их на верную смерть в дикой природе. А они живут, потому что дикая природа — это их настоящий дом.

— Ай-яй! Я-то надеялся, что они бесы. Я все-таки думаю, что это они, потому что один из них улыбался мне, когда я молился о прощении.

— Прощении? За что?

Во взгляде его отразилось что-то очень далекое.

— Мой отец был очень хорошим, добрым и набожным человеком, — сказал он. — Он поклонялся Малаки-Таузу, кого темные и отсталые шииты (тут он сплюнул) называют Иблис, или Шайтан, или Сатана, и всегда отдавал дань уважения Аллаху и всем остальным из Санджака. Он был хорошо известен благодаря своему благочестию и многим своим добродетелям. Я его любил, но во мне, мальчике, уже сидел чертенок. Я был атеистом. Я не верил в Беса. Я был дитя греха, и я достал мертвого цыпленка, и водрузил его на палку, и назвал его Ангел-Павлин, и издевался над ним, бросая в него камни и выдергивая из него перья. Отец выпорол меня тогда, прямо на улице, и сказал, что мне на роду написано, чтобы за мое богохульство с меня заживо сняли кожу и четвертовали. Он велел мне идти на гору Санджар и молиться о прощении, и я пошел туда, но во мне так и сидел чертенок, несмотря на порку, и на самом деле я не верил тому, чему молился. Теперь, когда я много старше, тот чертенок исчез, но ушел также и мой отец — давным-давно — и я не могу ему сказать: «Прости, что я издевался над Ангелом-Павлином». Чем старше я становлюсь, тем больше чувствую потребность в религии. Я надеюсь, что Бес, многомудрый и всемилостивый, понимает это и прощает меня.

— Да, Хасан, — сказал я, — тебя и в самом деле очень

трудно оскорбить. Но предупреждаю — чтобы у голубого и волосок с головы не упал.

— Я всего-навсего простой телохранитель.

— Ха! Скорей ты змей, ядовитый и коварный. Подлый и вероломный. Порочный к тому же.

— Нет, Караги. Благодарю тебя, но это не так. Свои обязанности я всегда исполняю с гордостью. Вот закон, по которому я живу. Кроме того, ты не можешь меня так оскорбить, чтобы я вызвал тебя на дуэль, дав тебе возможность использовать на выбор то ли кинжалы, то ли сабли, то ли голые руки. Нет. Меня нельзя обидеть.

— Тогда запомни, — сказал я ему, — твой первый шаг к веганцу будет твоим последним.

— Если только так написано, Караги...

— И называй меня Конрад.

Я зашагал прочь. С плохими мыслями.

Все мы были живы и здоровы и на следующий день, когда, свернув лагерь, двинулись дальше и прошли около восьми километров, прежде чем случилась следующая остановка.

— Кажется, где-то ребенок плачет, — сказал Фил.

— Ты прав.

— Откуда этот звук?

— Слева, вон оттуда, снизу.

Мы полезли сквозь какой-то кустарник, вышли на сухое русло ручья и пошли по нему до излучины. Среди камней лежал младенец, едва завернутый в грязное одеяльце. Его лицо и руки были уже обожжены солнцем, так что он, должно быть, лежал здесь второй день. На его крошечном мокром личике было множество следов от укусов насекомых.

Я опустился на колени и расправил одеяльце, чтобы получше завернуть младенца.

Эллен всхлипнула, когда оно раскрылось впереди и она увидела ребенка. В груди у него была самая настоящая фистула, и что-то там шевелилось внутри.

Красный Парик вскрикнула, отвернулась и начала плакать.

— Что это? — спросил Миштиго.

— Один из брошенных, — сказал я. — Один из меченых.

— Как это ужасно, — пробормотала Красный Парик.

— Ужасно — как он выглядит? Или что его бросили? — спросил я.

— И то и другое!

— Дай его мне! — сказала Эллен.

— Не трогай, — произнес Джордж, наклонившись над ребенком. — Вызовите скиммер, — велел он. — Мы должны немедленно отправить его в госпиталь. У меня нет инструментов и оборудования, чтобы оперировать его здесь... Помоги мне, Эллен.

Тут же она оказалась возле него, и они стали вместе рыться в медицинской сумке.

— Запиши все, что я сделаю, в сопроводительную карту и приколи ее к чистому одеялу — чтобы доктора в Афинах знали.

Дос Сантос позвонил в амию и вызвал один из наших скиммеров.

А затем Эллен наполняла для Джорджа шприцы, протирала тампоном укусы, наносила мазь на ожоги и все это записывала. Они напичкали ребенка кучей витаминов, антибиотиков, адаптивов общего действия и доброй дюжиной прочих лекарств. Вскоре я уже потерял им счет. Они покрыли ему грудь марлей, попрыскали чем-то, завернули в чистое одеяло и прикололи сверху сопроводительную карту.

— Как это отвратительно! — сказал Дос Сантос. — Бросать увечного ребенка на смерть.

— Здесь все время так делают, — объяснил я, — особенно возле Горючих Мест. В Греции всегда существовал обычай убивать новорожденных. Меня самого выставили на вершину холма, едва я родился. Тоже провел там ночь.

Он прикуривал сигарету, но не прикурил и уставился на меня.

— Вас? Почему?

Я засмеялся и глянул вниз, на свою ногу.

— Непростая история. Я ношу специальную обувь, потому что одна нога у меня короче другой. Кроме того, как я понимаю, я был очень волосатым ребенком, ну и потом, у меня разные глаза. Полагаю, что, может, я бы и проскочил незамеченным, если бы все на том и кончилось, так меня угораздило родиться на Рождество, а это уже ни в одни ворота не лезло.

— А чем плохо родиться на Рождество?

— Согласно местным поверьям, боги считают это слишком уж претенциозным. Дети, рождающиеся в такое время,

как бы не человеческих кровей. Они из племени разрушителей, носителей хаоса, паникеров. Их называют калликанзаросцами. В идеале они выглядят вроде тех ребят с рогами и копытами и всем прочим, но не обязательно. Они могут выглядеть вроде меня, в зависимости от своих родителей — если таковые были моими родителями. Так что они отказались от меня и бросили на вершине холма.

— А что произошло дальше?

— В той деревне был старый православный священник. Он услышал об этом и пошел к ним. Он им сказал, что делать подобное есть смертный грех и чтобы они лучше быстренько забрали ребенка обратно и на следующий же день подготовили бы его для крещения.

— А... так вот как вас спасли и крестили.

— Да, что-то в этом роде. — Я взял у него сигарету. — Они вернулись со мной на руках, все так, но стали утверждать, что я не тот ребенок, которого они там оставляли. Оставляли они, по их словам, существо лишь с признаками мутанта, а подобрали младенца с еще большими дефектами. Они клялись, что он еще безобразней и что это вообще другой рождественский ребенок. Их дите было сатиром, говорили они; может, какое-нибудь горючее существо подбросило своего детеныша точно так же, как это делаем мы, точнее — подменило его. До того никто меня не видел, так что их рассказ нельзя было проверить. Однако священник не принял это всерьез и сказал им, чтобы они глаз с меня не спускали. Родители примирились со случившимся и были очень добры. Я рос довольно крупным и сильным для своих лет. Им это нравилось.

— Так вас крестили?

— Ну, почти что крестили...

— «Почти что»?

— Во время моего крещения у этого священника случился удар. И немного погодя он умер. Другого такого там больше не было, так что я не знаю, совершен ли был весь обряд до конца или нет.

— Одной капли воды было бы достаточно.

— Я надеюсь. Хотя понятия не имею, что там произошло на самом деле.

— Может, вам лучше еще раз креститься? Чтобы уж наверняка.

— Нет, если уж небо тогда не захотело, я не собираюсь просить его об этом снова.

Мы установили радиомаяк на ближайшей полянке и стали ждать скиммер.

В тот день мы сделали еще около дюжины километров, что, имея в виду задержку, было довольно-таки хорошо. Нашего младенца подобрали и отправили прямиком в Афины. Когда скиммер приземлился, я многозначительно спросил, не хочет ли еще кто-нибудь вернуться обратно. Однако охотников не нашлось.

В тот вечер все и случилось.

Мы полулежали у костра. О, это был замечательный костер, машущий в ночи яркими языками пламени, согревающий нас, с этим своим чудесным запахом и дымком в небеса... Как хорошо!

Там же сидел Хасан — чистил дробовик с алюминиевым стволом. У дробовика были пластиковые ложе и приклад, и он был довольно удобный. Начищая его, Хасан все больше наклонял дуло вперед, так что в конце концов оно оказалось направленным прямо на Миштиго.

Должен признать, что он проделал это довольно искусно. Прошло более получаса, прежде чем он почти неуловимыми движениями точно нацелил ствол ружья. Однако я осерчал, когда положение дробовика зафиксировалось в моем мозгу, а я был на расстоянии трех шагов от Хасана.

Я выбил дробовик у него из рук. Тот врезался в какой-то небольшой камень примерно в восьми футах от нас. После удара саднило руку.

Хасан вскочил, из-под его бороды скрипнули зубы, лязгнули, как сталь о кремень. Я чуть не увидел искры.

— А ну-ка вслух! — крикнул я. — Давай, скажи что-нибудь! Что угодно! Ты, черт побери, отлично знаешь, что ты делал!

Кулаки его сжались.

— Давай! — сказал я. — Ударь меня! Хотя бы только тронь. Тогда мой ответ будет просто самозащитой, которую ты спровоцировал. Даже сам Джордж не сможет снова тебя собрать[1].

— Я просто чистил свой дробовик. Ты повредил его.

[1] Намек на известное стихотворение Л. Кэрролла о Шалтае-Болтае.

— Ты случайно никогда не прицеливаешься. Ты собирался убить Миштиго.

— Ошибаешься.

— А ну, ударь! Или трусишь?

— Я с тобой не ссорился.

— Так ты трус.

— Нет.

Прошло несколько мгновений, и Хасан заулыбался.

— Ты что, боишься вызвать меня на дуэль? — спросил он.

Вот оно. Единственный способ.

Теперь я должен был сделать ход. Я надеялся избежать этого. Я надеялся, что смогу вывести Хасана из себя, унизить или спровоцировать, чтобы он первый ударил меня или сам бросил вызов. Но не получилось.

Плохо, очень плохо.

Я был уверен, что одолею его любым оружием, какое сам назову. Но если выбор за ним, то все меняется. Каждый знает, что у некоторых есть врожденный музыкальный дар. Такие счастливчики могут услышать какую-нибудь мелодию и тут же сесть и сыграть ее на фортепьяно или телинстре. Могут взять в руки какой-нибудь новый для себя инструмент и через пару часов заиграть на нем так, будто всю жизнь играли. Им легко, очень легко даются подобные вещи, потому что у них есть талант — способность с помощью каких-то действий мобилизовать особый род интуиции.

Такой дар владения оружием был у Хасана. Может, им обладают и некоторые другие люди, но они его не оттачивают — неделя за неделей, используя буквально все, начиная от бумерангов и кончая духовыми ружьями. Кодекс дуэлянтов даст Хасану право выбора оружия, а из всех известных мне убийц он — самый искусный.

Но я должен был ему помешать, и я видел, что дуэль — единственный способ, если не считать просто убийства. Я вынужден был принять его условия.

— Да будет так, — сказал я. — Я вызываю вас на дуэль.

Улыбка его стала еще шире.

— Принято... перед этими свидетелями. Кто ваш секундант?

— Фил Грейб. А кто ваш?

— Мистер Дос Сантос.

— Прекрасно. По случаю, у меня в сумке лежит разреше-

ние на дуэль и регистрационные карточки, и я уже оплатил налог на смерть одной персоны. Так что не будем откладывать это дело в долгий ящик. Когда и где вам угодно и на каких условиях?

— Мы проходили мимо отличной поляны, в километре отсюда, по дороге назад.

— Да, помню ее.

— Встретимся там завтра на заре.

— Принято, — сказал я. — А оружие?..

Он вынес свой рюкзак, открыл его. Рюкзак ощетинился разными колюще-режущими любопытными штуковинами, что были скручены в кожаные и металлические спирали и кольца и посверкивали абсолютно подстрекательски. Хасан вынул два предмета и закрыл рюкзак.

Сердце у меня упало.

— Праща Давида, — объявил он.

— На какой дистанции?

— Пятьдесят метров.

— Хороший выбор, — сказал я ему, поскольку сам лично не брал в руки пращу лет сто. — Я бы хотел одолжить одну на вечер, чтобы потренироваться. Но если вы против, то я сделаю свою собственную.

— Можете взять обе и тренироваться хоть всю ночь.

— Благодарю. — Я выбрал одну из них и повесил на пояс. Затем взял один из наших трех электрических фонарей. — Если я кому-нибудь понадоблюсь, я буду на поляне, что вниз по дороге. Не забудьте выставить охрану на ночь. Это опасный район.

— Ты не хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спросил Фил.

— Нет. Хотя спасибо. Я пойду один. Потом увидимся.

— Тогда доброй ночи.

Я отправился назад вдоль дороги и наконец вышел на поляну. Установил фонарь в одном ее конце, так чтобы он светил на группку невысоких деревьев, и двинулся в другой ее конец.

Набрал камней, положил один из них в пращу и запустил в дерево. Промазал.

Я еще выпустил дюжину из пращи и попал только четырьмя.

Так что я продолжил это занятие. Через час я уже попадал чуть более регулярно. Тем не менее на дистанции пятьдесят метров я для Хасана не соперник.

Наступила ночь, а я по-прежнему крутил и бросал. Через какое-то время я добился того, что можно было считать личным потолком точности. Я попадал примерно шесть раз из семи.

Снова раскрутив пращу и запустив камнем точно в дерево, я осознал, что у меня есть одно преимущество.

Мои броски были чудовищной силы. Когда я попадал в цель, удар получался мощнейший. Я уже сокрушил несколько небольших деревьев — такое Хасану было не по плечу, стреляй он даже вдвое больше. Если я достану его — хорошо, но все силы мира бесполезны, если я промахнусь. А вот он не промахнется.

Сколько я выдержу попаданий, задавал я себе вопрос, чтобы устоять и отвечать? Это будет, конечно зависеть от того, куда именно он попадет.

Далеко справа от меня хрустнула ветка. Я бросил пращу и выдернул из-за пояса автоматический пистолет.

На поляну вышел Хасан.

— Что тебе нужно? — спросил я его.

— Пришел посмотреть, как идет твоя тренировка, — сказал он, оглядывая сломанные деревья.

Я пожал плечами, сунул в кобуру пистолет и поднял пращу.

— Выйдет солнце — узнаешь.

Мы пересекли поляну, и я взял с земли фонарь. Хасан осмотрел маленькое дерево, вернее, то, что от него осталось — обрубок расщепленного ствола. Он ничего не сказал.

Мы пошли к лагерю. Все, кроме Дос Сантоса, уже отправились на боковую. Дон нас охранял. Он расхаживал по периметру электрооповещения с автоматическим карабином в руках. Мы помахали ему и вошли в лагерь.

Хасан всегда разбивал «Гози» — светонепроницаемую одноместную палатку, легкую, как пух, и очень прочную. Однако он в ней никогда не спал. Он прятал в ней свое барахло.

Я уселся на бревно перед костром, а Хасан нырнул в свою «Гози». Мгновение спустя он вылез, держа в руках трубку для курения и блок чего-то плотного, на вид загустевшего, что он продолжал соскребать и мельчить. Он добавил туда немножко табаку и затем набил трубку. Раскурив ее с помощью горящего прутика, сел рядом со мной.

— Я не хочу убивать тебя, Караги.

— Разделяю это чувство. Я бы тоже не хотел, чтобы меня убили.

— Но утром мы должны встретиться.

— Да.

— Ты бы мог взять обратно свой вызов.

— А ты бы мог улететь на скиммере.

— Не могу.

— И я не могу взять обратно свой вызов.

— Это печально, — не сразу сказал он. — Печально, что два таких человека, как мы, должны драться из-за какого-то голубого. Он не стоит ни твоей жизни, ни моей.

— Верно, — кивнул я, — но тут замешано гораздо больше, чем его жизнь. С деятельностью веганца некоторым образом связано будущее этой планеты.

— Я не понимаю таких вещей, Караги. Я сражаюсь за деньги. Других доходов у меня нет.

— Да, знаю.

Пламя костра сникло. Я подбросил еще веток.

— Ты помнишь, как мы бомбили Золотой Берег во Франции? — спросил он.

— Помню.

— Мы, помимо голубых, убили много людей.

— Да.

— От этого будущее планеты не изменилось, Караги. Потому что с тех пор прошло много лет, а здесь все такое же.

— Да.

— А ты помнишь те дни, когда мы прятались в окопе на холме, что господствовал над бухтой в Пирее? Время от времени ты меня подпитывал пулеметными лентами, а я обстреливал корабли, а когда я уставал, за пулемет брался ты. У нас было много боеприпасов. Гвардия Правительства так и не высадилась ни в тот день, ни на следующий. Они не занимали Афины и не обрушивались на Редпол. И мы сидели там в ожидании огненного шара и разговаривали, два дня и ночь, и ты рассказывал мне о Силах Неба.

— Я забыл...

— А я нет. Ты говорил мне, что есть такие же люди, как мы, что живут высоко, на звездах. А также, что есть и голубые. И ты говорил, что некоторые люди ищут покровительства у голубых и собираются продать им землю, которая будет музеем. А другие, говорил ты, не хотят этого делать, они хотят,

чтобы все осталось так, как сейчас — чтобы Земля принадлежала им и управлялась Конторой. По этой проблеме разделились и голубые, потому что возник вопрос, этично ли, законно ли предпринимать такое. Пошли на компромисс, и голубым было продано несколько чистых районов, которые они использовали под курорты и откуда они путешествовали по всем остальным местам на Земле. Но ты хотел, чтобы Земля принадлежала только людям. Ты говорил, что, если мы дадим голубым хотя бы один палец, они откусят всю руку. Ты хотел, чтобы люди со звезд вернулись обратно и восстановили бы города, захоронили бы Горючие Места, убили бы тварей, которые охотятся на людей... Когда мы сидели там в ожидании огненного шара, ты сказал, что мы воюем не из-за чего-то такого, что можно увидеть или услышать, почувствовать или попробовать, но из-за Сил Неба, которые никогда нас не видели и которых мы тоже никогда не увидим. Что все это затеяли Силы Неба и что из-за этого здесь, на Земле, должны умирать люди. Ты говорил, что благодаря смерти людей и голубых, эти Силы могут вернуться на Землю. Но они не вернулись. Одна только смерть была вокруг. И именно Силы Неба спасли нас в конце концов, потому что перед тем как зажечь огненный шар над Афинами, враг должен был получить консультацию. Они напомнили Правительству о старом законе, гласящем, что огненный шар никогда больше не вспыхнет в небе над Землей. Ты думал, что они все равно его зажгут, но они не стали. Именно поэтому мы и остановили их в Пирее. Я сжег для тебя Мадагаскар, Караги, но Силы так и не опустились на Землю. И когда люди зарабатывают много денег, они исчезают отсюда и никогда больше не возвращаются с небес. Ничего из того, что мы тогда делали, не привело ни к каким переменам.

— Благодаря тому, что мы делали, все осталось на своих местах и не сдвинулось к худшему, — сказал я ему.

— А что случится, если этот голубой умрет?

— Не знаю. Может, все ухудшится. Если он осматривает районы, через которые мы проходим, как предполагаемое недвижимое имущество, которое будут покупать веганцы, тогда это опять старая песня.

— И Редпол снова будет сражаться и бомбить их?

— Думаю, да.

— Тогда давай убьем его сейчас, пока он не пошел дальше и не увидел больше.

— Все далеко не так просто — они возьмут и пришлют другого. Последствия не заставят себя ждать — может, начнутся массовые аресты членов Редпола. Редпол больше не ходит по краю пропасти, как тогда. Его люди не готовы. Им нужно время. Этот голубой, по крайней мере, у меня в руках. Я могу следить за ним, разузнать его планы. А затем, если необходимо, я могу сам его уничтожить.

Он пыхнул своей трубкой. Я чихнул. Запах чем-то напоминал сандаловое дерево.

— Что ты куришь?

— Это у меня из дому. Недавно я приезжал туда. Одно из новых растений, которое раньше там никогда не росло. Попробуй.

Я сделал несколько полных затяжек. Сначала ничего не было. Я продолжал затягиваться и через минуту почувствовал, как прохлада и спокойствие постепенно растекаются по моему телу. Вкус у травки был горьковатый, но она расслабляла.

Я вернул трубку. Приятное же состояние мое продолжалось и усиливалось. Так я не расслаблялся и не отдыхал душой уже много недель. Этот огонь, тени, земля вокруг нас — все вдруг стало более реальным, и ночной воздух, и далекая луна, и звук шагов Дос Сантоса и вправду показались более зримы и явственны, чем сама жизнь. И сама борьба представилась странной и непонятной. В конце концов мы от нее откажемся. Какой-то веганец писал, что из-за идей гуманизма люди перессорились, как кошки с собаками, превратились в обученных шимпанзе. Не так уж глупо, в некотором смысле. Может, мы нуждаемся, чтобы кто-нибудь, кто мудрей нас, следил за нами, распоряжался нашими жизнями. Во время Трех Дней мы превратили наш мир в бойню, а у веганцев никогда не было ядерной войны. Они управляют с помощью незаметного и эффективного межзвездного правительства, держащего в поле зрения несколько дюжин планет. Все, что они делают, эстетически приятно. Собственные их жизни хорошо отрегулированы и преисполнены счастья. Почему бы не отдать им во владение Землю? Они, наверно, куда лучше нас распорядятся ею. И почему бы к тому же нам не стать их кули? Не такая уж плохая перспектива. Отдать им этот древний

ком грязи с его радиоактивными болячками и с калеками, живущими на нем. Почему бы нет?

Я еще раз взял трубку и втянул еще одну порцию умиротворения. Однако как приятно вовсе не думать обо всех этих вещах. Не думать ни о чем таком, что тебе не изменить. Достаточно просто сидеть здесь, и вдыхать ночь, и быть заодно с этим огнем и с этим ветром. Вселенная исполнила гимн единения. Зачем же впускать хаос в этот храм?

Но я потерял мою Кассандру, мою смуглую колдунью с острова Кос, отдав ее бездумным силам, что движут землю и воды. И ничто не избавит меня от чувства потери. Оно как бы в отдалении, как бы отгороженное стеклом, но по-прежнему чувствуется. Всем трубкам Востока не погасить эту боль. Я не хотел мира в душе. Я хотел ненависти. Я хотел сразиться со всеми личинами Вселенной — землей, водой, небом, Тайлером, Земным правительством, Конторой, — чтобы обнаружить под одной из масок силу, которая взяла Кассандру. Я бы заставил эту силу тоже испытать хотя бы толику моей боли. Я не хотел мира в душе. Я не хотел быть заодно с тем, что причинило зло мне, моему — по крови и любви. Я хотел, пусть бы только на пять минут, снова стать Карагиозисом, наводящим на цель крест окуляра и нажимающим на спусковой крючок.

«О Зевс, повелитель сверкающих молний, — молился я, — дай их мне, чтобы я мог сокрушить Силы Небес!»

Я снова прибегнул к трубке.

— Благодарю, Хасан, но я не готов для Дерева Бо.

Я встал и пошел туда, где бросил свой тюк.

— Мне жаль, что утром я должен убить тебя, — сказал он мне вслед.

Как-то, потягивая пиво в охотничьем домике в горах на планете Дивбах с продавцом информации, веганцем по имени Крим (он уже умер), я глянул в широкое окно на высочайшую из вершин, что известны в освоенной части Вселенной. Имя ее Касла, и на ней никто никогда не бывал.

Я потому упоминаю об этом, что утром перед дуэлью мне вдруг стало горько, что я так и не попытался взобраться на нее. Это была одна из тех бредовых идей, которые не дают покоя, и ты обещаешь себе, что как-нибудь обязательно попробуешь, но потом в одно прекрасное утро ты просыпаешься и

осознаешь, что, пожалуй, время твое ушло и ты уже никогда не сделаешь этого.

Лица у всех в то утро лишились выражения. Мир вокруг нас был ярок, и ясен, и чист, и полон пения птиц.

Я исключил из общения радиосвязь до конца дуэли, и Фил вынул на всякий случай из радиопередатчика несколько важных деталей. Лоурел знать не должен. Редпол знать не должен. Никто не должен знать, до конца дуэли.

Приготовления были закончены, дистанция отмерена. Мы заняли свои места на противоположных концах поляны. Солнце поднималось слева от меня.

— Вы готовы, джентльмены? — спросил Дос Сантос.

Последовало «да» и «готов».

— Я делаю последнюю попытку отговорить вас от развития подобного хода событий. Не желаете ли вы изменить свое решение?

«Нет» и «нет».

— У каждого из вас по десять камней одинакового размера и веса. Право первого броска дается, естественно, тому, кто принял вызов: Хасану.

Оба мы кивнули.

— Тогда приступайте.

Он отошел назад, и теперь нас разделяло только пятьдесят метров пространства. Мы оба встали боком, чтобы представлять собой наименее уязвимую цель. Хасан выбрал первый камень для пращи.

Я видел, как он стремительно раскрутил ее за собой и неожиданно выбросил вперед руку.

За спиной у меня грохотнуло.

Только и всего.

Он промахнулся.

Я положил камень в свою пращу, отвел назад и раскрутил. Засвистел рассекаемый воздух.

Затем всей силой правой своей руки я метнул снаряд. Он оцарапал левое его плечо, едва коснувшись. Практически зацепил только одежду.

Прежде чем упасть, камень за спиной Хасана срикошетил от дерева в дерево. А затем стало тихо. Птицы прекратили свой утренний концерт.

— Джентльмены, — сказал Дос Сантос, — каждый из вас использовал по одному шансу для решения вашего конфлик-

та. Можно сказать, что вы не уронили своей чести перед лицом друг друга, дали выход своему гневу и теперь удовлетворены. Не хотите ли вы прекратить дуэль?

— Нет, — сказал я.

Хасан потер плечо и покачал головой.

Он положил второй камень в пращу, быстро раскрутил его и мощно метнул в меня.

Прямо между бедром и грудной клеткой — вот куда он попал.

Я упал, и в глазах у меня потемнело.

Через мгновение все снова прояснилось, но меня скорчило, и тысяча зубов терзала мой бок, не давая встать.

Ко мне уже бежали, все сразу, но Фил махал им, чтобы они вернулись.

Хасан не сходил со своего места.

Приблизился Дос Сантос.

— Ну как? — тихо спросил Фил. — Ты можешь подняться?

— Угу. Мне нужна минута, чтобы отдышаться и преодолеть боль, и я встану.

— Как обстоят дела? — спросил Дос Сантос.

Фил объяснил.

Я прижал руку к боку и медленно поднялся.

Парочка дюймов ниже или выше, и была бы сломана какая-нибудь из костей. А так просто будто огнем обожгло.

Я потер бок, сделал несколько круговых движений правой рукой, чтобы проверить работу мышц с этой стороны тела. Все о'кей.

Затем я поднял пращу и положил в нее камень.

На сей раз попаду. Я это чувствовал.

Камень описал в воздухе круг, второй, третий и вылетел.

Хасан упал навзничь, хватаясь за левое бедро.

Дос Сантос пошел к нему. Они поговорили.

Халат, что был на Хасане, смягчил удар, частично погасив его силу. Нога не была сломана. Как только Хасан сможет встать, он продолжит дуэль.

Минут пять он массировал ногу, а затем поднялся. За это время острое жжение в моем боку превратилось в тупую пульсирующую боль.

Хасан выбрал третий камень. Он укладывал его медленно и тщательно. Он готовил мне ответ.

Затем он стал раскручивать пращу...

У меня же в этот миг возникло чувство — и оно крепло, — что мне следует отклониться чуть вправо. Так я и сделал.

Он повертел и бросил.

Камень содрал грибок с моей щеки и разорвал мне левое ухо. Щека моя стала вдруг мокрой.

Эллен коротко вскрикнула. Еще бы чуть правее, и я бы ее уже не услышал.

Теперь была моя очередь.

В камне этом, гладком и сером, казалось, притаилась сама смерть. Он словно говорил: «А вот и я».

Это было одно из тех маленьких, данных мне про запас предощущений, к которым я испытывал большой пиетет.

Я стер кровь со щеки. Уложил в пращу камень.

Когда я поднял руку, ею правила смерть. Хасан тоже это почувствовал, потому что он вздрогнул. Это было видно и отсюда.

— Оставайтесь на местах, бросайте оружие! — раздался голос.

Сказано было по-гречески, но, за исключением Фила, Хасана и меня, никто этого наверняка не понял. Разве что Дос Сантос или Красный Парик. До сих пор не знаю.

Однако все мы поняли, что такое автомат в руках у этого человека, а также мечи, дубинки и ножи у примерно трех дюжин людей, или полулюдей, стоявших за ним. Куреты.

Куреты — это плохо. Они никогда не упустят своей доли свежатинки. Обычно печеной. Но бывает, что и жареной. Или вареной, или сырой...

Огнестрельное оружие, кажется, было только у говорившего. А у меня над плечом крутилась добрая порция смерти. Так что я решил сделать ему подарок.

Я отправил порцию смерти по этому адресу, и ему разнесло голову.

— Бейте их! — крикнул я, что мы и начали делать.

Джордж и Диана первыми открыли огонь. Затем Фил подхватил ручной пулемет. Дос Сантос бежал к своему рюкзаку. Эллен тоже не отставала.

Хасан не нуждался в моем приказе убивать. Единственным нашим с ним оружием были пращи. От куретов нас отделяло меньше наших пятидесяти метров, и они были все в куче. Еще до того как они бросились к нам, Хасан метко посланными камнями уложил двоих. А я еще одного.

Затем они были уже на середине поляны, крича на бегу и спотыкаясь о своих убитых и раненых.

Как я говорил, не все они были людьми: там был один высокий и тонкий с трехфутовыми крыльями в язвах, там была парочка микроцефалов, таких волосатых, что они казались безголовыми, там был один субъект, скорее всего представлявший собой двух сросшихся близнецов, затем несколько стеатопигов и три огромные неуклюжие твари, которые продолжали наступать, несмотря на пулевые отверстия в груди и животе; у одного из этих последних руки были дюймов двадцати в длину и фут в ширину, другой же, наверно, страдал чем-то вроде слоновой болезни. Что до остальных, то у некоторых были относительно нормальные пропорции, но вид у них был грязный и крайне запущенный, и, в рогожках или без оных, все они были небриты и к тому же прескверно пахли.

Я запустил еще один камень, но уже не имел возможности увидеть, в кого он попал, так как они навалились на меня.

Я замолотил ногами, кулаками, локтями — не очень-то церемонясь.

Пулемет перестал стрелять, замолк. Время от времени его надо перезаряжать, а случается, что его и заклинит.

Боль в боку куда как мешала. И все же мне удалось вырубить трех из них, прежде чем что-то огромное и тупое садануло меня сбоку по голове, и я упал как подкошенный.

Возвращаясь в эту жаркую духоту...

Возвращаясь в эту жаркую духоту, где разит конюшней...

Возвращаясь в эту жаркую духоту и тьму, где разит конюшней...

Не очень-то она способствует миролюбивым мыслям, хорошему пищеварению или возобновлению деятельности органов чувств при ровном попутном ветре.

Там стояла вонь и было чертовски жарко, и меня вовсе не тянуло получше осмотреть грязный пол — хотя для этого я занимал очень удобную позицию.

Я застонал, пересчитал все свои кости и сел.

Потолок был низкий, но еще и шел под уклон, для того чтобы встретиться с дальней стеной. Окошко наружу — маленькое и зарешеченное.

Мы находились в задней части деревянной хибарки.

В противоположной стене было еще одно зарешеченное окно. Однако оно никуда не смотрело — это в него смотрели. За ним находилась комната побольше, и Джордж и Дос Сантос разговаривали у этого окна с кем-то, кто стоял по ту сторону. В четырех футах от меня лежал Хасан — то ли мертвый, то ли без сознания; на голове у него была корка крови. Фил, Миштиго и наши девушки тихо переговаривались в дальнем углу.

Отмечая все это про себя, я потер висок. Левая сторона моего тела болела ровно и сильно, и все остальные его части решили присоединиться к ней.

— Очнулся, — неожиданно произнес Миштиго.

— Всем привет. Я снова здесь, — признал я.

Они подошли ко мне, и я принял стоячее положение. Это была чистейшая бравада, но я ухитрился сохранить его.

— Мы попали в плен, — сказал Миштиго.

— Да ну? Неужто? Никогда бы не догадался.

— Подобных вещей на Тайлере не бывает, — заключил он, — равно как и на других планетах Веганского Объединения.

— Очень жаль, что вы там не остались, — сказал я. — Помните, сколько раз я просил вас вернуться?

— Ничего бы подобного не случилось, если бы не ваша дуэль.

И тут я дал ему оплеуху. Кулак на него у меня не сжался. Слишком уж много в нем было патетики. Я засветил ему тыльной стороной ладони, и он кувыркнулся в стену.

— Вы хотите мне сказать, что не знаете, почему я стоял утром на поляне вместо мишени?

— Потому что вы поссорились с моим телохранителем, — заявил веганец, потирая щеку.

— ...Из-за того, что он, похоже, собирался убить вас.

— Меня? Убить?..

— Ладно, забудем, — сказал я. — Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, теперь. Представьте себе, что вы не здесь, а на Тайлере и можете побыть там еще несколько часов напоследок. Было бы очень мило, если бы вы проехали на Землю и нанесли бы нам короткий визит. Но, увы, так на свете не бывает.

— Мы здесь умрем, да? — спросил он.

— По обычаю этой страны.

Я повернулся в другую сторону и изучающе посмотрел на человека, который изучал меня сквозь прутья решетки.

Хасан в дальнем конце помещения поднял голову и прислонился к стене. Я не заметил, когда он пришел в себя.

— Добрый день, — сказал человек за решеткой, и сказал он это по-английски.

— Разве сейчас день? — поинтересовался я.

— Вполне, — ответил он.

— Тогда почему мы не мертвы? — спросил я.

— Потому что я хотел, чтобы вы были живы... О нет, не вы лично, Конрад Номикос, Комиссар по Искусствам, Памятникам и Архивам, и не все ваши высокочтимые друзья, включая поэта-лауреата. Я хотел, чтобы каждый, попавший в плен, оставался в живых. Ваши же конкретные персоны — это, скажем так, лишь приправа к общему правилу.

— С кем имею удовольствие говорить? — спросил я.

— Это доктор Морби, — сказал Джордж.

— Он тут их знахарь, — добавил Дос Сантос.

— Я предпочитаю слова «шаман» или «шеф медицины», — улыбаясь, поправил Морби.

Я подошел поближе к металлической решетке ручной работы и увидел, что это довольно тонкий, хорошо загорелый, чисто выбритый человек, волосы заплетены в огромную черную косу, свернувшуюся на голове, как кобра. У него были темные, близко поставленные глаза, высокий лоб и множество подбородков, свисающих ниже адамова яблока. На ногах были плетеные сандалии, на плечах — чистое сари зеленого цвета, а на шее — ожерелье из костяшек человеческих пальцев. В ушах красовались большие серебряные серьги в форме змеи.

— У вас довольно правильный английский, — заметил я, — а Морби — это не греческая фамилия.

— О боги! — изящно взмахнул он руками в насмешливом удивлении. — Я вовсе не местный! Как вы могли принять меня за местного?

— Виноват, — сказал я. — Теперь я вижу, что для этого вы слишком хорошо одеты.

Он захихикал.

— А, это старая накидка... Я просто набросил ее на плечи... Нет, я с Тайлера. Я читал потрясающую литературу на тему Возвращенства, она меня перевернула — я решил вернуться и помочь возродить Землю.

— Неужто? Что же потом произошло?

— В то время Контора не брала на работу, и мне пришлось испытать кое-какие трудности, подыскивая подходящее дельце. В конце концов я решил заняться исследовательской работой. В этих местах для нее предостаточно возможностей.

— Что именно вы исследуете?

— У меня две ученых степени из Нового Гарварда по антропологии культуры. Я решил досконально изучить какое-нибудь Горючее племя, и вот, после некоторых уговоров, это самое племя меня и приняло. Я взялся также и за их образование. Однако вскоре они мне подчинились — во всем регионе. Потрясающе с точки зрения «эго». Со временем моя научная деятельность, мои социальные мероприятия стали значить все меньше и меньше. М-да, надеюсь, вы читали «Сердце Тьмы», так что понимаете, что я имею в виду. Практика, практика на месте — вот основа всего. Я обнаружил, что непосредственное участие стимулирует гораздо больше, чем наблюдение. Я взял на себя задачу придать некоторым основополагающим обычаям несчастных дикарей более эстетическую направленность. В конце концов, именно таким образом я и обучал их. С тех пор как я здесь появился, в их акциях стало гораздо больше стиля.

— Акциях? Каких, для примера?

— Ну, скажем, первая акция — это что раньше они были просто-напросто каннибалами. Второе — что они плохо себе представляли, как можно использовать пленников перед умерщвлением. А все это очень важно. Если все делать как подобает, это признак высокого класса; надеюсь, вам понятно, что я имею в виду. И вот явился я с целым кладезем обычаев, поверий, табу, взятых из разных эпох, разных культур, а также и здесь, у нас перед носом. — Он снова взмахнул руками. — Человек, пусть даже получеловек, Горючий человек — это существо, которое любит ритуалы, а я знал столько разных ритуалов!.. Так что я все это пустил на пользу и вот занимаю теперь высокое положение, и мне оказываются великие почести.

— Все-таки каким образом ваши слова применимы к нам? — спросил я.

— Тут все делалось довольно неинтересно, — сказал Морби, — и местные жители пребывали в тоске и беспокойстве. Потому я решил, что пришло время новых церемоний. Я по-

говорил с Прокрустом, нашим Главным Воителем, и предложил ему взять кого-нибудь для нас в плен. Насколько я помню, на странице 466 сокращенного издания «Золотой ветви» утверждается: «Толалаки, пресловутые охотники за головами Центрального Целебеса, пьют кровь и едят мозг своих жертв, дабы стать мужественными. Италоны Филиппинских островов пьют кровь умерщвленных врагов, а также съедают в сыром виде их внутренности и затылочную часть голов, чтобы обрести их смелость». Так что у нас есть язык поэта, кровь двух грозных воинов, мозги выдающегося ученого, желчная печень пламенного политика и любопытного цвета плоть веганца — и все это здесь, в одном месте. Я бы сказал, неплохая добыча.

— Ваши намерения более чем понятны, — признал я. — А что насчет наших женщин?

— О, для них мы устроим довольно продолжительный ритуал воспроизведения потомства, с довольно продолжительным жертвоприношением в конце.

— Все ясно.

— ...Но все это, так сказать, в случае если мы не предоставим вам возможности целыми и невредимыми продолжать свой путь.

— О?

— Да. Прокрусту нравится давать людям шанс — пусть проверят, измерят себя в соответствии со стандартом, вдруг да и спасутся. В этом отношении он поступает исключительно по-христиански.

— И, полагаю, в соответствии со своим именем?

Подошел Хасан и встал возле меня, уставясь на Морби сквозь железо решетки.

— Отлично, просто отлично, — сказал Морби. — Знаете, мне и вправду хотелось бы немножко подержать вас здесь, не отдавать. У вас есть чувство юмора. Большинству куретов явно не хватает этой детали в сравнении с остальными личностными признаками. Мне бы у вас поучиться.

— Не утруждайте себя. Лучше расскажите про возможность спастись.

— Ах да. Все мы — хранители Мертвеца. Это мое самое интересное детище. Уверен, что один из вас оценит это во время своего короткого знакомства с ним. — И он смерил взглядом меня, потом Хасана, потом меня, потом Хасана.

— Я знаю о нем, — сказал я. — Скажите мне, что надлежит делать.

— Ночью, когда он снова восстанет из мертвых, вас призовут помериться с ним силами на звание победителя.

— Кто он такой?

— Вампир.

— Да плевать на это. Кто он на самом деле?

— Он самый настоящий вампир. Сами увидите.

— О'кей, будь по-вашему. Вампир так вампир, и один из нас будет с ним драться. Как?

— Кетч безо всяких ограничений, с голыми руками, с полным контактом, а с Мертвецом нетрудно войти в контакт — он просто стоит и ждет вас. Ему будет хотеться пить, и он будет очень голоден, бедный мальчик.

— И если он потерпит поражение, вы освободите пленников?

— Таково правило, установленное мною лет шестнадцать или семнадцать назад. Естественно, что такой возможности еще никому не представилось...

— Понятно. Вы хотите сказать, что он твердый орешек.

— О, непобедимый. Вот что самое занятное. Если бы конец был другой, не было бы смысла устраивать такую красивую церемонию. Я описываю им всю картину схватки еще до того, как она начнется, а затем мои люди видят все воочию. Это поддерживает их веру в силы судьбы, равно как и в то, что все происходит при моем тесном сотрудничестве с последней.

Хасан глянул на меня.

— Что он хочет сказать, Караги?

— Это схватка, в которой победитель уже известен, — объяснил я ему.

— Наоборот, — возразил Морби, — неизвестен и не должен быть известен. На этой планете в связи с одной старинной игрой была когда-то пословица, гласящая: «Никогда не бейся об заклад с чертовым янки, или останешься без кошелька». Мой Мертвец непобедимый потому, что у него были врожденные способности, однако мне пришлось немало над ними потрудиться. Он слопал столько чемпионов, что его сила, естественно, сравнялась с их суммарной силой. Каждый, кто читал Фрэзера, знает это.

Он зевнул, прикрыв рот скипетром с перьями на конце.

— Пойду, проверю, как оборудуют место для жаровни —

его надо сплошь декорировать веточками. Решите, кто из вас будет драться, а вечером увидимся. Пока.

— Чтоб ты шею себе сломал.

Морби улыбнулся и вышел из лачуги.

Я собрал всех.

— Итак, у них тут есть какой-то урод, из горючих, по имени Мертвец. Говорят, что он очень крепкий орешек. Я собираюсь сразиться с ним вечером. Если я одолею его, предполагается, что нас освободят, но я не очень-то верю Морби на слово. Следовательно, мы должны придумать, как бежать отсюда, иначе из нас приготовят жаркое. Фил, ты помнишь дорогу на Волос?

— Думаю, что да. Правда, это было давно... А где именно мы находимся сейчас?

— Если от этого может быть какая-то польза, — отозвался Миштиго, сидевший у окна, — то я вижу некое сияние. Для данного цвета в вашем языке нет слова, но сияние вон в том направлении. Такой цвет я обычно вижу в районе радиоактивного заражения, если только уровень достаточно высокий. Сияние над довольно большим участком местности.

Я подошел к окну и посмотрел в указанном направлении.

— Тогда это должно быть Горючее Место, — сказал я. — Значит, нас переместили еще дальше в направлении берега, что хорошо. Кто-нибудь был в сознании, когда нас сюда доставили?

Молчание.

— Ладно. Будем исходить из того, что это и есть Горючее Место и что мы к нему очень близко. Стало быть, путь на Волос — в обратную сторону. Поскольку солнце на этой стороне хибарки и сейчас день, то, выйдя на дорогу, надо идти спиной к закату. Примерно километров двадцать пять.

— Они нас догонят, — покачал головой Дос Сантос.

— Есть лошади, — сказал Хасан.

— Что?

— В загоне вверх по улице. Я видел трех возле ограды, чуть раньше. Сейчас они за краем вон того строения. Возможно, их больше. Хотя на вид они не очень-то сильные.

— Вы умеете ездить верхом? — спросил я.

— Я никогда не ездил верхом на лошади, — ответил Миштиго, — но шрид чем-то похож на нее. Я ездил на шриде.

Все остальные на лошадях ездили.

— Стало быть, вечером, — решил я. — Если придется, садитесь по двое на каждую. Если лошадей будет больше, чем нужно, отвяжите и остальных, угоните их. Когда все будут смотреть на мою схватку с Мертвецом, вы должны снять охрану. Вооружайтесь чем попадя и прорывайтесь к лошадям... Фил, отправишься вместе со всеми в Макриницу и везде будешь называть имя Коронес. Вас пустят к себе и защитят.

— Извиняюсь, — произнес Дос Сантос, — но ваш план плох.

— Если у вас есть лучше, давайте послушаем, — сказал я ему.

— Перво-наперво, — сказал он, — мы не очень-то можем положиться на мистера Грейба. Пока вы были без сознания, он себя очень плохо чувствовал, буквально изнемогал. Джордж считает, что во время нашей схватки с куретами, или сразу же после нее, у него начался сердечный приступ. Если с ним что-нибудь случится, мы пропали. Если нам удастся освободиться от стражи, только вы сумеете вывести нас отсюда. Мы не можем рассчитывать на мистера Грейба. Далее. Вы не единственный, кто может сразиться с этим экзотическим страшилой. Хасан одержит победу над Мертвецом.

— Я не могу просить его об этом, — ответил я. — Если он даже победит, мы уже, всего вероятней, будем в этот момент далеко, и его, без сомнения, довольно быстро схватят — и убьют. Вы наняли его, чтобы он убивал для вас, а не умирал.

— Я выйду против него, Караги, — сказал Хасан.

— Ты вовсе не обязан.

— Но я хочу.

— Как ты себя сейчас чувствуешь, Фил? — спросил я.

— Лучше, гораздо лучше. Думаю, это было просто расстройство желудка. Не беспокойся.

— Как полагаешь, сможешь доставить свой желудок до Макриницы верхом на лошади?

— Проще простого. Еще лучше, чем пешком. Я ведь практически родился верхом на лошади. Ты ведь помнишь.

— «Помнишь»? — нахмурился Дос Сантос. — Что вы хотите этим сказать, мистер Грейб? Как это Конрад может пом...

— ...помнить его знаменитую «Балладу верхом на лошади», — подхватила Красный Парик. — Ваше решение, Конрад?

— Спасибо, — сказал я. — Руководитель здесь я. Я приказываю, и я принял решение, что сам буду драться с вампиром.

— Думаю, в подобной ситуации нам следует быть более демократичными по поводу решений, за которыми стоят жизнь и смерть, — возразила она. — Вы родились в этой стране. И независимо от того, хороша ли у Фила память, у вас лучше получится быстро вывести нас отсюда. Вы не приказываете Хасану умирать, но бросаете его. Он сам вызвался.

— Я убью Мертвеца, — заявил Хасан, — и догоню вас. Я знаю, как скрыться от людей. Я пойду по вашим следам.

— Это мое дело, — сказал я ему.

— Тогда, раз согласия нет, пусть решает случай, — сказал Хасан. — Бросьте монету.

— Хорошо. Они что, и деньги у нас забрали вместе с оружием?

— У меня есть немного мелочи, — сказала Эллен.

— Подбрось монетку.

Она подбросила.

— Орел, — сказал я, когда монета упала на пол.

— Решка, — сказала она.

— Не трогай! Выпала решка, так-то вот. А орел был на другой стороне.

— О'кей, Хасан, тебе повезло, счастливчик, — сказал я. — Ты выиграл возможность стать героем Христофором, одолевшим монстра. Удачи!

Он пожал плечами.

Затем сел, прислонился спиной к стене, изъял крошечный ножик из подошвы левой своей сандалии и принялся подрезать ногти. Хасан всегда был довольно ухоженным убийцей. Полагаю, что чистоплотность идут рука об руку с дьявольщиной или что-то вроде того.

Когда солнце медленно опустилось на западе, снова явился Морби, приведя с собой отряд куретов-меченосцев.

— Время, — объявил он. — Вы решили, кто будет драться?

— Хасан, — сказал я.

— Отлично. Тогда пошли. Только, пожалуйста, без глупостей. А то я не люблю доставлять на праздник порченые продукты.

В окружении обнаженных лезвий мы вышли из хибарки и

двинулись вверх по улице мимо загона. Там стояли, опустив головы, восемь лошадей. Даже в сумерках я увидел, что это были не очень хорошие лошади — худые, бока покрыты ранами. Когда мы там проходили, каждый на них глянул.

В деревне насчитывалось примерно тридцать хибарок, похожих на ту, в которой нас держали. Мы шли по грязной дороге, в выбоинах и мусоре. Пахло мочой и потом, дымом и гнилыми фруктами.

Мы прошли метров восемьдесят и повернули налево. Тут улица кончилась, и мы стали спускаться с холма по тропе, ведущей к большой чистой площадке. Какая-то толстая лысая женщина с огромными грудями и лицом, похожим от карциномы на огненную лаву, поддерживала слабый, однако наводящий на пренеприятнейшие мысли огонь на дне широкой ямы. Она улыбнулась, когда мы проходили, и облизнула губы.

Гигантские, заостренные шампуры лежали возле нее на земле...

Дальше начался ровный, как стол, участок голой земли, запруженный людьми. В одном конце этого поля стояло исполинское, обвитое ползучими растениями тропическое дерево, приспособившееся к нашему климату, а по краям всего поля тянулись ряды восьмифутовых факелов — языки пламени уже реяли в воздухе, как знамена. На другом конце поля стояла хижина, построенная с гораздо большим тщанием, чем все остальные. Она была метров пять в высоту и десять — по фасаду, выкрашенная в ярко-красный цвет и покрытая сверху донизу шестизначиями. Вся средняя часть передней стены представляла собой высокую раздвижную дверь. Два вооруженных курета стояли на страже перед этой дверью.

Солнце стало на западе крошечным кусочком апельсиновой кожуры. Морби вел нас через все поле к дереву.

От восьмидесяти до ста зрителей сидели на земле за факелами вдоль каждой из всех четырех сторон поля. Морби махнул рукой, указывая на красную хижину.

— Как вам нравится мой дом?

— Славный, — сказал я.

— Там обитает мой сожитель, но днем он спит. Вы с ним встретитесь.

Мы подошли к самому стволу дерева-исполина, где в окружении своей охраны Морби нас и оставил. Он двинулся к центру поля и обратился на греческом к куретам.

Мы договорились между собой, что подождем почти до конца схватки, как бы она ни сложилась, и, когда все члены племени под занавес войдут в раж, будем вырываться. Мы окружили своих женщин, и мне удалось зайти слева от меченосца правши, которого я намеревался быстро убить. Самое скверное — это то, что мы находились на дальнем конце поля. Чтобы добраться до лошадей, надо бежать обратно.

— ...И вот в ту ночь, — рассказывал Морби, — встал-поднялся Мертвец, повергая на землю могучего воина Хасана, ломая ему кости и швыряя его туда-сюда по нашему пиру. Под конец он убил этого великого врага, и выпил кровь из его шеи, и съел его печень, сырую, еще дымящуюся в ночном воздухе. Вот что он сделал в ту ночь. Велик он и могуч.

— Велик и могуч! — вскричала толпа, и кто-то начал бить в барабан.

— Сейчас мы снова призовем его к жизни...

И толпа радостно приветствовала:

— Снова к жизни!

— Снова к жизни!

— Привет тебе!

— Привет тебе!

— Острые белые зубы...

— Острые белые зубы!

— Белая, белая кожа...

— Белая, белая кожа!

— Руки, которые крушат...

— Руки, которые крушат!

— Рот, который пьет...

— Рот, который пьет!

— Кровь жизни!

— Кровь жизни!

— Слава нашему племени!

— Слава нашему племени!

— Слава Мертвецу!

— Слава Мертвецу!

— СЛАВА МЕРТВЕЦУ!

Под конец они уже ревели. Человеческие, получеловеческие и нечеловеческие глотки подхватывали эту короткую литанию, и она катилась по полю, словно волна прибоя. Вопили и наши охранники.

Миштиго закрывал свои чуткие уши, и на лице его было

выражение муки. В голове у меня тоже звенело. Дос Сантос перекрестился, один из охранников покачал головой и многозначительно приподнял свой меч. Дос поежился и снова стал смотреть в сторону поля.

Морби подошел к хижине и три раза стукнул рукой по раздвижной двери. Страж открыл ее перед ним.

Внутри стоял гигантский черный катафалк, обвешанный черепами людей и животных. На нем возвышался огромный гроб из темного дерева, расписанный яркими зигзагами.

По указанию Морби охранники подняли крышку.

Следующие минут двадцать он делал подкожные впрыскивания тому, что находилось в гробу. Движения его были медленно-ритуальными. Один из охранников, отложив меч, помогал ему. Барабаны продолжали медленную ровную каденцию. Толпа затихла, как умерла.

Затем Морби повернулся к ней.

— Мертвец поднимается, — объявил он.

— Поднимается, — отозвалась толпа.

— Он выходит, чтобы принять жертву.

— Он выходит...

— Выходи, Мертвец! — воззвал Морби.

И тот вышел.

Встал во весь рост. И был велик. Огромен и тучен.

И вправду, могуч был Мертвец. Потянул бы на все триста пятьдесят фунтов.

Сначала он сел в гробу и огляделся. Потер свою грудь, подмышки, шею, пах. Вылез из своего большого ящика и встал возле катафалка.

Морби рядом с ним казался карликом.

На теле только набедренная повязка, на ногах — сандалии из козьей кожи. Кожа белая, мертвенно-белая, белая, как рыбий живот, лунно-белая... мертвенно-белая.

— Альбинос... — пробормотал Джордж, и голос его услышали все, поскольку он был единственным звуком в ночи.

Морби повернул к нам голову и улыбнулся. Он взял Мертвеца за короткопалую руку и вывел его из жилища на поле. Мертвец шарахался от факелов. Когда он приблизился, я вгляделся в его лицо.

— Никаких признаков ума, — сказала Красный Парик.

— Ты видишь его глаза? — спросил Джордж, прищуриваясь. Очки его были разбиты в стычке.

— Вижу. Розоватые.

— У него есть эпикантиальные складки?[1]

— М-м-м... да.

— О-хо-хо. Он монголоид, держу пари, что идиот. Вот почему Морби было нетрудно сделать с ним все, что хочешь. Взгляни на его зубы. Они, должно быть, заточены.

Мертвец как раз расплылся в ухмылке, поскольку заметил яркую голову Красного Парика. Обнажились отличные острые зубы.

— Его альбинизм — результат ночного образа жизни, который Морби ему навязал. Смотри! Бедняга вздрагивает от света факелов. Он сверхчувствителен к любой форме актиничности[2].

— А что насчет его диеты?

— Принял, раз навязали. Множество примитивных народов пьют кровь своего домашнего скота. Казахи делали это до двадцатого века, то же самое тоды. Ты видел раны на лошадях, в загоне. Ты ведь знаешь, что кровь питательна — надо только научиться ее останавливать. Уверен, что Морби установил диету этому идиоту еще с детства. Так что он, конечно, вампир — таким его вырастили.

— Мертвец поднимается, — сказал Морби.

— Мертвец поднимается, — подтвердила толпа.

— Слава Мертвецу!

— Слава Мертвецу!

Морби опустил свою белую руку и направился к нам, оставив ухмыляться посреди поля чуть ли не самого настоящего вампира.

— Слава Мертвецу, — сказал он, подойдя к нам с такой же ухмылкой. — Не правда ли, он великолепен?

— Что вы сотворили с этим несчастным существом? — воскликнула Красный Парик.

— Очень немногое, — возразил Морби. — Он родился с хорошими данными.

— Какие инъекции вы ему сделали? — поинтересовался Джордж.

---

[1] Эпикантиальная складка — особая складка у внутреннего угла глаза человека, характерная для монголоидной расы.

[2] Актиничность — способность излучения оказывать действие на светочувствительный материал.

— О, я оглушил его болевые центры новокаином — перед такой схваткой это необходимо. Отсутствие реакции на боль усиливает образ его непобедимости. Кроме того, я подбросил ему гормональных средств. Недавно он начал набирать вес и стал немного инертен.

— Вы говорите о нем так, будто это механическая игрушка, — сказала Диана.

— Он таков и есть. Непобедимая игрушка. К тому же бесценная. Ну как, Хасан? Готов?

— Готов, — ответил Хасан, снимая халат и бурнус и отдавая их Эллен.

Большие мышцы на его плечах вздулись, пальцы слегка напряглись. Он двинулся вперед и вышел из круга обнаженных мечей. На левом плече у него был шрам, еще несколько шрамов пересекали спину. Факел высветил его бороду, кроваво окрасив ее, и я поневоле вспомнил ту ночь в поселке, когда он словно душил кого-то, а Мама Джули сказала: «В твоего друга вселился Ангелсу» — и еще: «Ангелсу — бог смерти, и он приходит только с ней».

— Слава воину Хасану, — объявил Морби, отвернувшись от нас.

— Слава воину Хасану! — ответила толпа.

— Сила его велика.

— Сила его велика, — повторила толпа.

— Но Мертвец еще славнее.

— Но Мертвец еще славнее.

— Он ломает ему кости и швыряет его туда-сюда на нашем пиру.

— Он ломает ему кости.

— Он ест его печень.

— Он ест его печень.

— Он пьет кровь из его горла.

— Он пьет кровь из его горла.

— Велик он и могуч.

— Велик он и могуч.

— Слава Мертвецу!

— Слава Мертвецу!

— Этой ночью, — спокойно сказал Хасан, — он и впрямь станет мертвецом.

— Мертвец! — крикнул Морби, когда Хасан подошел и

встал перед своим противником. — Я отдаю тебе в жертву этого человека по имени Хасан.

Затем Морби подался в сторону и показал охранникам, чтобы те отвели нас на дальний край поля.

Идиот ухмылялся все шире и шире и медленно приближался к Хасану.

— Бисмалла, — сказал Хасан, делая вид, будто хочет увернуться, и отклоняясь вниз и вбок.

Он начал размах от самой земли и понес кулак вверх быстро и жестко, будто выстрел хлыста, вложив весь свой вес в удар, который пришелся с левой стороны челюсти Мертвеца.

Белая, белая голова дернулась разве что дюймов на пять.

И он продолжал ухмыляться.

Затем он выбросил вперед свои короткие толстые руки и обхватил Хасана под мышками. Хасан вцепился ему в плечи, оставляя на них хорошо видные красные борозды, и там, где его пальцы вонзались в белоснежные мышцы, выкатывались красные капли.

Толпа при виде крови Мертвеца завизжала.

Возможно, запах собственной крови возбудил идиота. Или запах, или визг. Потому что он оторвал Хасана от земли, подняв на высоту два фута, и побежал с ним вперед. На пути стояло исполинское дерево — Хасан ударился о ствол, и голова его мотнулась.

Мертвец всей тяжестью навалился на противника, затем медленно отступил, встряхнулся и начал его избивать.

Это было настоящее побоище. Хасан прикрывал лицо ладонями, а солнечное сплетение — локтями. Однако Мертвец продолжал колотить его по бокам и голове. Руки его знай подымались и опускались.

И он не переставал ухмыляться.

В конце концов руки Хасана упали, и он сцепил их у живота. Струйка крови потекла из уголка рта.

Непобедимая игрушка продолжала свою игру.

А затем из далекого далека, с другого края ночи, из такого далека, что только я мог расслышать, донесся голос, который я узнал.

Это охотился мой адский гончий пес Бортан.

Где-то он напал на мой след и мчался сюда, сквозь ночь, прыгая, как коза, стелясь, как река или скаковая лошадь, пят-

нистой масти, глаза, будто горящие угли, а зубы, будто циркулярная пила.

Он никогда не уставал от бега, мой Бортан.

Такие, как он, рождаются без страха, — преданные охоте, клейменные смертью.

Мой адский гончий пес все ближе и ближе, и ничто не собьет его с пути. Но он был далеко, в далеком далеке, на том краю ночи...

Толпа вопила. Хасан больше ничего не мог сделать... Никто бы не мог.

Краем глаза (карего) я заметил почти неуловимое движение Эллен. Как будто она что-то бросила правой рукой... И двумя секундами позже это случилось.

Я быстро отвел глаза от ослепительной вспышки за спиной у идиота.

Мертвец вскрикнул и выпустил Хасана.

Старая добрая инструкция номер 237.1 (подписанная мною): «Каждый руководитель группы и каждый турист должны иметь при себе в пути не менее трех осветительных ракет».

Это означало, что у Эллен осталось только две. Благослови ее Бог.

Идиот перестал избивать Хасана. Он пытался ногой откинуть пламя. Он вопил. Он зажал глаза руками. Он катался по земле.

А Хасан следил за ним, обливаясь кровью, тяжело дыша...

Пламя обжигало, Мертвец вопил.

Наконец Хасан шевельнулся. Он потянулся вверх и ухватил один из толстых стеблей ползучего растения, свисающего с дерева. Стебель сопротивлялся. Он дернул сильнее.

Стебель подался.

Хасан упал на колени возле Мертвеца и быстрым движением затянул стебель петлей у него на горле.

Пламя искрило. Хасан затягивал петлю.

Мертвец пытался подняться.

Хасан затягивал еще сильнее.

Идиот схватил его за пояс.

Большие мышцы на плечах убийцы вздулись, как канаты. Кровь на его лице перемешалась с потом.

Мертвец встал, подняв и Хасана.

Хасан затянул еще сильнее.

Лицо идиота было теперь не белым, а пошло пятнами, ве-

ревки вен выступили на лбу его и шее. Он снова оторвал Хасана от земли — поднял так же, как я поднимал голема, и стебель еще глубже вонзился в его шею, когда он напряг все свои нечеловеческие силы.

Толпа выла и пела что-то бессвязное. Гром барабанов достиг бешеного предела.

И затем я снова услышал лай, но он был еще очень далеко. Пламя стало умирать.

Мертвеца качало из стороны в сторону.

...Затем его затрясло в судороге, и он отшвырнул Хасана. Петля на его горле ослабла, поскольку противник выпустил конец.

Хасан сделал укеми и перекатился на колени. В такой позиции он и остался.

Мертвец двинулся к нему.

Но поступь его вдруг изменилась. Он весь затрясся. В горле у него булькнуло, лицо потемнело. Пошатываясь, он добрел до дерева и оперся о ствол рукой. Он тяжело дышал. Затем стал шумно хватать ртом воздух. Рука его скользнула по стволу дерева, и он упал на землю. Согнувшись в три погибели, он снова поднялся.

Хасан встал с колен и снова взял выроненный стебель. Он стал приближаться к идиоту.

На сей раз петля его была мертвой.

Мертвец упал и больше не поднялся.

Впечатление было такое, будто выключили радио, игравшее до того на полную громкость.

Щелк...

И чудовищная тишина — все произошло так быстро. И ночь была нежна[1], да, да, — воистину, когда, выпрыгнув из нее, я свернул шею меченосцу, что стоял возле меня, и схватил его клинок. Затем я развернулся влево и раскроил череп еще одному.

Затем снова — щелк, и опять полная громкость, но на сей раз при всеобщем оцепенении. Ночь была порвана по самой середине.

Миштиго сбил с ног своего охранника запрещенным уда-

[1] «И ночь была нежна» — цитата из стихотворения Дж. Китса «Ода соловью», давшая название роману Скотта Фицджеральда и взятая к нему эпиграфом.

ром в затылок и ногой саданул другого в голень. Джорджу удалось ударить коленом в пах того, кто был ближе всех. Дос Сантос был не так разворотлив — или ему просто не повезло — и получил две нехорошие раны: в грудь и плечо.

Рассеянная вдоль края поля толпа вскочила с земли — это было похоже на ускоренную съемку роста бобов. Она бросилась к нам.

Эллен накинула Хасанов бурнус на голову меченосца, собравшегося распотрошить ее мужа. А затем земной поэт-лауреат изо всех своих сил опустил камень на макушку бурнуса, тем самым несомненно обретя скверную карму, но, кажется, ничуть по сему поводу не встревожившись.

В это момент Хасан уже снова присоединился к нашей маленькой группе — он рукой парировал удары меча, отбивая его с плоской стороны клинка: древний самурайский прием, который я считал давно утраченным. Затем у Хасана в руках оказался меч — ему на это понадобилось лишь одно стремительное движение, — а мечом он владел весьма искусно.

Толпа еще не миновала и половины расстояния до нас, как мы уже убили или тяжело ранили всех наших охранников. Диана, по примеру Эллен, запустила три свои осветительные ракеты прямо на толпу. И мы побежали; Эллен и Красный Парик поддерживали Дос Сантоса — ноги плохо его слушались.

Но куреты перерезали нам путь, и мы побежали на север, отклонившись от нашей цели.

— У нас ничего не получится, Караги, — крикнул Хасан.

— Знаю.

— ...Если только ты и я не задержим их, пока остальные не оторвутся.

— О'кей. Где?

— Возле ямы, где жаровня. Там толстые деревья вдоль тропы. Это бутылочное горло. Они там всех нас не достанут за один прием.

— Правильно! — Я обернулся к остальным: — Слышали? Бегите к лошадям! Вас поведет Фил. Хасан и я будем сдерживать их столько, сколько сможем.

Красный Парик повернула ко мне голову и стала что-то говорить.

— Никаких возражений. Вперед! Вам дорога жизнь или нет?

Они подчинились. Они побежали.

Мы с Хасаном остановились за ямой, поджидая куретов. Остальные, оторвавшись, бросились через лес, держа путь к деревне и загону. Толпа катилась прямо на нас — меня и Хасана.

Первая волна врезалась в нас, и мы начали убивать. Мы занимали клин, где тропа вырывается из леса на волю. Слева от нас была дымящая яма, справа — стена деревьев. Мы убили трех, а еще несколько отступило; обливаясь кровью, они выжидали и двинулись на нас с флангов.

Мы встали спина к спине и, едва они приближались, наносили им удары.

— Если хотя бы у одного из них пистолет, нам смерть, Караги.

— Знаю.

Еще один получеловек упал под моим клинком. Другой от удара Хасана с воплями свалился в яму.

Но теперь все они были здесь. Чей-то меч, миновав моего напарника, врезался мне в плечо. Еще один отметил мое бедро.

— А ну, назад, дурачье! Я кому сказал?! Отступайте, уроды!

Что они и сделали, убравшись за предел досягаемости.

Тот, кто это крикнул, был ростом в пять с половиной футов. Нижняя его челюсть двигалась, как у куклы, — будто на шарнирах, зубы же у него были, как костяшки домино — черные, щелкающие друг о друга, когда он открывал и закрывал рот.

— Слушаемся, Прокруст, — услышал я слова одного из нападавших.

— Принесите сети! Надо взять их живыми! Не приближайтесь к ним. Они и так уже положили слишком много наших.

Возле него был Морби, он всхлипывал.

— ...Я не знал, господин!

— Молчать! Ты, затейник дерьмовых зрелищ! Ты и так стоил нам бога и многих его присных!

— Атакуем? — спросил Хасан.

— Нет, но приготовься к тому, чтобы резать сети, когда их принесут.

— Это плохо, что они хотят взять нас живьем, — сделал он вывод.

— Мы уже стольких отправили в ад, чтобы вымостить путь и себе, — сказал я, — и мы еще держимся и держим клинки. Что еще нужно?

— Если мы их атакуем, то прихватим с собой на тот свет еще двух, а то и четырех. А если ждать, они накроют нас сетью, и мы умрем без них.

— Какая нам разница, если мы уже будем мертвыми. Давай подождем. Пока мы живы, того и гляди может явиться павлиний хвост случая.

— Как скажешь.

А они нашли сети и приволокли их.

Первые три мы порвали; четвертую не успели и запутались в ней. Куреты затянули ее и бросились к нам.

Пальцы мои разжались, меч выпал. Кто-то пнул меня. Это был Морби.

— Теперь ты умрешь, как мало кто умирал.

— А что остальные, скрылись?

— Ненадолго, — сказал он. — Мы выследим их, поймаем и приведем обратно.

Я засмеялся.

— Вы проиграли. Они скрылись.

Морби снова меня пнул.

— Так где же ваши правила? — спросил я. — Ведь Хасан победил Мертвеца.

— Обманом. Женщина бросила зажигательную ракету.

Пока нас связывали, подошел Прокруст и встал возле него.

— Отнесем их в Долину Спящих, — предложил Морби, — поступим с ними так, как они того заслужили, и будем их держать до следующего пира.

— Хорошо, — кивнул Прокруст. — Пусть будет так.

Все это время Хасан, должно быть, пытался просунуть левую руку сквозь ячейки сети, потому что она вдруг вырвалась из нее и ногти Хасана вонзились в ногу Прокруста.

Прокруст пнул его несколько раз, а для ровного счета и меня в придачу, потер царапины, оставшиеся на икре.

— Зачем ты это сделал, Хасан? — спросил я, когда Прокруст отошел, приказав подвязать нас для транспортировки к гигантским шампурам, которые мы видели на месте жаровни.

— Может, на ногтях осталось малость метацианида, — пояснил он.

— Как он туда попал?

— Из пуль на моем поясе, Караги, который они с меня не сняли. После того как я сегодня их подстриг, я покрыл их ядом.

— А! Ты поцарапал Мертвеца в самом начале встречи...

— Да, Караги. Вопрос заключался в том, доживу ли я до момента, когда он упадет.

— Ты всем убийцам убийца, Хасан.

— Благодарю, Караги.

И нас, запеленутых в сети, подвязали к шампурам. Четыре человека по приказу Прокруста подняли груз.

Морби и Прокруст возглавили шествие. Нас несли сквозь ночь.

Мир, пока нас несли на этих кособоких носилках, менялся вокруг. Так бывает всегда по мере приближения к Горючей точке. Как будто идешь вспять сквозь геологические эры.

Деревья вдоль нашего пути становились все разнообразней. Под конец мы уже двигались по влажному коридору меж темных громадин с листьями, как у папоротника; какие-то неведомые существа с узкими желтыми глазами выглядывали из-за них. Ночь высоко над головой была как просмоленная парусина, пологом натянутая на верхушки деревьев, проколотая слабыми метинами звезд, вспоротая зазубренным желтым лунным серпом печали. В великом этом лесу раздавались птичьи крики, замирающие на хриплых низах. Что-то темное пересекало тропу далеко впереди.

Мы продвигались вперед, и деревья становились все меньше, а расстояние между ними — все больше. Но они не были похожи на деревья, что росли там, возле деревни. Они сплелись между собой (и продолжали сплетаться!), ветви их были как пряди морских водорослей, стволы уродливо изогнулись, а вздыбленные корни медленно, словно крадучись, ползли по земле. Какие-то невидимые создания скрипели и скворчали, прыская во тьму от света электрического фонаря Морби.

Повернув голову, я засек слабое пульсирующее мерцание, прямо на границе видимой части спектра. Оно шло сверху.

Внизу появилось множество темных ползучих растений. Они корчились и извивались под ногами наших носильщиков. Деревья стали просто папоротниками, затем вовсе исчезли. Их заменило огромное количество косматых кроваво-красных лишайников, покрывавших все камни. Они слабо светились. Животный мир больше не подавал своего голоса. Звуков вообще не стало, за исключением прерывистого дыха-

ния четырех наших носильщиков, тяжелых шагов и время от времени — мягкого стука, когда автомат-карабин Прокруста ударялся в обросший камень.

На поясах у наших носильщиков висели клинки. У Морби было несколько клинков, а кроме того — маленький пистолет.

Путь резко пошел наверх. Один из носильщиков ругнулся. Края полога ночи дернуло вниз, до самой линии горизонта, и его наполнила смутная пурпурная мгла, тонкая, как выдох сигаретного дыма. Медленно и очень высоко, словно скат в воде, поводила крыльями в воздухе темная тень летуче-паучьей мыши, пересекающей узкий лик месяца.

Прокруст упал.

Морби помог ему подняться на ноги, но Прокруст покачнулся и повис на нем.

— Что вас беспокоит, господин?

— Внезапная слабость, онемение членов... Возьми мой карабин. Он потяжелел.

Хасан хмыкнул.

Прокруст повернулся к Хасану, кукольная его челюсть опустилась. Затем он и сам опустился — упал на землю. Морби только что взял карабин, и руки у него были заняты. Охранники приземлили нас, довольно-таки поспешно, и бросились к Прокрусту.

— У тебя есть вода? — спросил он, и глаза его закрылись. Больше он их не открыл.

Морби приложил ухо к его груди, подержал оперенную часть своего жезла у него перед ноздрями.

— Мертв, — объявил наконец он.

— Мертв? — Носильщик, покрытый чешуей, начал плакать. — Он биль бог. Он биль великий воитель. Что нам теперь делать?

— Он мертв, — повторил Морби, — и я ваш вождь, пока не объявят нового главного воителя. Заверните его в свою одежду. Оставьте Прокруста здесь, прямо на этом плоском камне. Ни одно животное сюда не придет, так что никто его не тронет. Мы заберем его на обратном пути. Однако теперь мы должны отомстить этим двум. — Он указал на нас своим скипетром. — До Долины Спящих уже рукой подать. Вы приняли таблетки, которые я вам давал?

— Да.
— Да.
— Да.
— Да.

Вскоре нас снова подняли и понесли вверх по склону, за краем которого тропа нырнула во флюоресцирующую воронку с выщербленными краями. Огромные каменья, разбросанные вокруг, казались объятыми пламенем.

— Это место, — сказал я Хасану, — описывал мой сын. Здесь нить моей жизни проходит через горящий камень. Он видел, что мне угрожает Мертвец, однако судьба дважды подумала и подвергла этому смертельному испытанию тебя. Но если оглянуться назад, когда я всего лишь привиделся Смерти, именно это место и послано мне на погибель.

— Упасть с Шинвата — это согреться, — сказал Хасан.

Нас втащили в расщелину и бросили на камни. Морби снял карабин с предохранителя и отступил назад.

— Освободите грека и привяжите его вон к той колонне, — указал он оружием.

Носильщики выполнили его приказ, понадежней связав мне руки и ноги. Камень был влажный и гладкий, убивающий совершенно незаметно.

То же самое они проделали с Хасаном, привязав его в восьми футах справа от меня.

Морби так установил свой фонарь, чтобы тот высвечивал возле нас желтый полукруг. Возле него самого, как статуи дьяволов, стояли четыре курета.

Морби улыбался. Он прислонил карабин к каменной стене, что была у него за спиной.

— Это Долина Спящих, — сказал он нам. — Тот, кто здесь спит, не просыпается. Однако мясо здесь не портится, что обеспечивает нас в неурожайные годы. Перед тем как мы вас здесь оставим... — Он повернулся ко мне: — Видел, куда я поставил карабин?

Я не ответил.

— Думаю, твои внутренности до него достанут, Комиссар. Во всяком случае, я сейчас это проверю. — Он вытащил кинжал из-за пояса и приблизился ко мне. Четыре получеловека шли за ним. — Кто, по-твоему, из вас храбрее, ты или араб?

Ни я, ни Хасан не ответили.

— Ну что ж, вы сами про себя это узнаете, — процедил он сквозь зубы. — Ты первый!

Он выдернул края моей рубашки и вырезал ее спереди, медленно и многозначительно описывая круги ножом в двух дюймах от моего живота и внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Боишься... Лицо еще этого не выдает, но выдаст. — Затем: — Смотри на меня! Я буду вводить лезвие очень медленно. Когда-нибудь я тобой пообедаю. Что ты на это скажешь?

Я засмеялся. Неожиданно рассмеяться — это было куда как кстати.

Лицо Морби скривилось, а затем вытянулось, словно озадачившись на миг.

— Ты, часом, не рехнулся от страха, Комиссар?

— Перья или свинец? — спросил я его.

Он знал, что это значит, и хотел что-то сказать, но тут услышал, как примерно в двадцати шагах от него щелкнул камушек. Его голова дернулась в ту сторону.

Последнюю секунду своей жизни он истратил на вопль, пока Бортан, всей мощью своего прыжка опрокинув его на землю, не снес ему голову с плеч.

Явился мой гончий пес.

Куреты заверещали, поскольку его глаза как два горящих уголья, а зубы его как циркулярная пила, ростом с рослого мужчину. Хоть они, схватив свои мечи, и ударили его, бока у него как у армадилла. В Бортане добрая четверть тонны... и он не совсем тот пес, что описан Альбертом Пейсоном Терхьюном.

Он был занят с минуту, и, когда закончил, живых среди куретов не было — все были разорваны на куски.

— Кто это? — спросил Хасан.

— Щенок, которого я нашел в мешке, выброшенном волной на берег... мешок был плотный и не утонул. А в нем моя собака, — сказал я, — Бортан.

В более мягкой части его плеча была рана. В этой схватке он ее не получал.

— Он нас сначала искал в деревне, и его пытались поймать. Много куретов нашли свою смерть в этот день.

Бортан семенил лапами и лизал мое лицо. Вилял хвостом,

фыркал по-собачьи, вертелся по-щенячьи и носился кругами. Он прыгнул на меня и лизнул в лицо.

— Хорошо, когда у человека есть собака, — произнес Хасан. — Я всегда любил собак.

После этих слов Бортан его обнюхал.

— Ты вернулся, ты, старый грязный сукин сын, — сказал я ему. — Разве ты не знаешь, что собаки все вымерли?

Он завилял хвостом, снова подошел ко мне и лизнул мою руку.

— Прости, что не могу почесать тебя за ухом. Однако ты знаешь, что мне бы этого хотелось, правда же?

Он завилял хвостом.

Я разжал и снова сжал пальцы правой руки, насколько это позволял узел. Делая это, я повернул голову направо. Бортан наблюдал — его влажные ноздри трепетали.

— Руки, Бортан. Мне нужны руки, чтобы освободиться. Руки, что развяжут мои узлы. Ты можешь их найти, Бортан, и привести сюда.

Он подхватил руку курета, лежавшую на земле, и положил ее к моим ногам. Затем поднял голову и помахал хвостом.

— Нет, Бортан. Нужны живые руки. Руки друзей. Руки, которые меня развяжут. Ты ведь понимаешь, правда?

Он лизнул мою ладонь.

— Иди и найди руки, чтобы освободить меня. Живые и преданные. Руки друзей. Ну, быстро! Пошел!

Бортан повернулся и побежал, остановился, оглянулся и затем задрал хвост.

— Он что, понимает? — спросил Хасан.

— Думаю, что да. Мозги у него не такие, как у обычной собаки, и он живет гораздо дольше, чем человек, чтобы научиться все понимать.

— Тогда будем надеяться, что он найдет кого-нибудь раньше, чем мы навечно заснем.

— Да.

Мы так и торчали там, и ночь была холодна.

Мы ждали долго. В конце концов мы потеряли счет времени. Мучительная судорога свела все наши мышцы. Мы были покрыты коркой крови из бесчисленных мелких ран, сплошь исцарапаны. От усталости и бессонницы кружилась голова.

Мы так и торчали там, и веревки врезались в нас.

— Думаешь, они доберутся до твоей деревни?

— Мы помогли им взять хороший старт. Надеюсь, у них довольно приличный шанс.

— С тобой всегда трудно работать, Караги.

— Знаю. Я и сам это заметил.

— ...Как в то лето, когда мы заживо гнили в подземных казематах Корсики.

— Согласен.

— ...Или когда мы добирались до вокзала в Чикаго, после того как в Огайо лишились всего оборудования.

— Да, дурной был год.

— Но у тебя всегда сложности, Караги, — указал Хасан. — «Рожденный завязать узлом хвост тигру» — это пословица о таких, как ты. С ними трудно. Я лично люблю спокойствие, прохладную тень, книгу стихов, свою трубку...

— Тише! Я что-то слышу.

Это был стук копыт.

За скошенным лучом света из упавшего фонаря появился сатир. Движения его были нервные, он переводил взгляд с меня на Хасана, и снова на меня, и вверх, и вниз, и мимо нас.

— Помоги нам, рогатенький, — сказал я по-гречески.

Сатир осторожно приблизился. Увидел кровь расчлененных куретов и повернулся, словно хотел бежать отсюда.

— Вернись! Ты мне нужен. Это ведь я, играющий на свирели.

Он остановился. Его трепещущие ноздри раздувались, острые уши прядали.

Он вернулся, и, когда он обходил место, залитое кровью, на его почти человеческом лице отобразилась боль.

— Клинок. Возле моих ног, — сказал я, указывая глазами. — Подними его.

Похоже, ему не нравилась даже сама идея касаться того, что сделано человеком, особенно оружия.

Я насвистел последние такты моей последней мелодии.

Уже поздно, поздно, так поздно...

Глаза сатира увлажнились. Он вытирал их тыльной стороной своих покрытых шерстью запястий.

— Возьми лезвие и разрежь узлы на мне... Да не так, а то порежешься. Другим концом... Правильно.

Он поднял клинок как нужно и посмотрел на меня. Я пошевелил правой рукой.

— Веревки. Разрежь их.

Он стал разрезать. На это у него ушло двадцать минут, а мне стоило немало крови. Приходилось все время шевелить рукой, чтобы он не перерезал мне артерию.

Наконец он освободил мою руку и вопросительно посмотрел на меня.

— А теперь дай мне нож — я сам позабочусь об остальном.

Он положил лезвие в мою протянутую руку.

Несколько мгновений спустя я уже был свободен. Затем освободил Хасана.

Когда я обернулся, сатира уже не было. Я услышал, как вдали замирает отчаянный стук копыт.

— Бес простил меня, — сказал Хасан.

Мы поспешили назад от Горючей точки, обойдя стороною деревню и держа направление на север, пока не вышли на тропу, ведущую на Волос. Я так и не знал наверняка, Бортан ли разыскал сатира и каким-то образом послал его к нам или же это существо само нашло нас и вспомнило меня. Но Бортан не вернулся, так что я склонялся к последнему.

Ближайшим надежным для нас городом был Волос, примерно в двадцати пяти километрах на восток отсюда. Если Бортан побежал туда, где его узнают многие из моих родственников, то он еще не скоро вернется.

То, что я послал его за помощью, было абсолютно зряшным делом. Если он направился куда-нибудь помимо Волоса, тогда у меня нет ни малейшего представления о том, когда он вернется. Однако он нашел мой след, найдет и снова.

Мы шли и шли, так, чтобы вся дорога осталась позади. Километров через десять пути нас стало пошатывать. Мы знали, что без отдыха долго не продержимся, так что попутно обшаривали глазами местность в поисках какого-нибудь подходящего местечка для сна.

Под конец я узнал крутой каменистый холм, где мальчиком я пас овец. Маленькая пещерка для пастухов в трех четвертях пути до вершины была сухой и свободной. Деревянная стенка, перегораживающая ее снаружи, сильно обветшала, но еще держалась. Мы нарвали для постели свежей травы, подперли дверь изнутри и растянулись на подстилке. Уже через мгновение Хасан захрапел.

Сознание мое чуть покрутилось, перед тем как поплыть, и за этот краткий миг я понял, что изо всех радостей мира — глотка холодной воды, когда у тебя жажда, или спиртного, когда жажды нет, занятий любовью или сигареты, первой за многие дни, — изо всех этих радостей ничто не сравнится со сном. Сон лучше...

Пожалуй, если бы наша группа двинулась длинной дорогой от Ламии до Волоса — вдоль побережья, — все сложилось бы совсем иначе и Фил был бы сегодня жив. Но, по правде говоря, мне трудно понять, что бы в таком случае произошло; даже сейчас, оглядываясь назад, я не могу сказать, как бы я, представься такая возможность, распорядился событиями. Силы рока уже вышагивали гусиным шагом среди руин, с оружием на изготовку...

Мы добрались до Волоса на следующий день и поднялись на гору Пелион к Портарии. За глубокой лощиной лежала Макриница.

Там мы нашли всех остальных.

Фил привел их в Макриницу, где попросил бутылку вина и экземпляр книги «Освобожденный Прометей», и засел на весь вечер. А утром Диана обнаружила, что он уже окоченел. На его лице была улыбка.

Я сложил для него погребальный костер в окружении кипарисов близ руин Епископальной церкви, потому что он не хотел быть зарытым в землю. Я положил сверху фимиам и ароматические травы, и кострище вдвое превышало рост человека. В ту ночь все сгорит, и я скажу «прощай» еще одному из своих друзей. Если оглянуться назад, кажется, будто моя жизнь только и состоит, что из встреч и прощаний. Только Земля остается на месте...

К черту.

Так что в тот день я вышел вместе с группой из Пагасы, этого порта в древнем Иолке, выстроенного на мысе против Волоса. Мы стояли в тени миндальных деревьев на холме, откуда прекрасный вид и на море, и на гряду гор.

— Отсюда аргонавты поплыли на поиски Золотого руна, — сказал я в пространство.

— Кто именно? — спросила Эллен. — Я читала эту историю в школе, но забыла.

— Геракл, Тезей и певец Орфей, Асклепий и сыновья Борея, Северного Ветра, и Язон, капитан, ученик кентавра Хирона, чья пещера, между прочим, находится вон там, возле вершины горы Пелион.

— Неужели?

— Как-нибудь я ее покажу.

— Отлично!

— Боги и титаны тоже сражались в этих местах, — добавила Диана, подходя ко мне. — Это ведь титаны опрокинули гору Пелион и бросили ее на Оссу, пытаясь подняться на Олимп.

— Есть такое предание. Но боги были добры и восстановили пейзаж после кровавого сражения.

— Парус, — сказал Хасан, указывая вдаль наполовину очищенным апельсином.

Я глянул поверх вод и увидел крошечную метину на горизонте.

— Да, это место еще используется как порт.

— Может, идет какой-нибудь корабль с героями, — предположила Эллен, — которые возвращаются с каким-нибудь новым руном. А все-таки что они с ним будут делать?

— Дело не в самом руне, — сказала Красный Парик, — а в его поисках. Каждый хороший сказитель знал это. Деревенские женщины всегда делали сногсшибательные одежды из руна. После ухода гостей они обычно подбирали все шерстинки.

— Такая одежда не подошла бы к цвету твоих волос, дорогая.

— Это поправимо. Хотя тебе, конечно, проще...

— За дорогой, — сказал я, повышая голос, — руины византийской — Епископальной — церкви, которая у меня намечена к реставрации через пару лет. Традиционное место свадебных празднеств Пелея, тоже аргонавта, и морской нимфы Тетис. Наверно, вы слышали об истории этого празднества. Пригласили всех, кроме богини раздора, но она все-таки пришла и бросила вверх золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Парис счел, что оно принадлежит Афродите, и это определило судьбу Трои. Когда Париса видели в последний раз, он был не очень-то счастлив... Как часто я говорил, эта земля кишмя кишит мифами.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросила Эллен.

— Я бы хотел провести еще парочку дней в Макринице, — сказал я, — затем пойдем на север. Примерно еще неделю мы будем в Греции, а потом двинемся к Риму.

— Нет, — отрезал Миштиго, который сидел на камне и наговаривал в свой диктофон, а теперь глянул поверх вод. — Нет, путешествие закончено. Это последняя остановка.

— То есть как?

— Я вполне удовлетворен и теперь собираюсь домой.

— А ваша книга?

— Сюжет мне уже ясен.

— Какой сюжет?

— Когда я закончу, я пришлю вам экземпляр с автографом. Мне дорого время, а все необходимые материалы я уже получил. Все, что мне так или иначе понадобится. Этим утром я запросил Порт, и вечером они высылают за мной скиммер. Вы можете продолжать путешествие и делать что хотите, но я закончил.

— Что-нибудь не так?

— Нет, все так, просто пора уезжать. У меня много дел. — Он встал на ноги и потянулся. — Нужно еще кое-что упаковать, так что я сейчас иду к себе. У вас тут, Конрад, несмотря ни на что, действительно прекрасная страна. Увидимся за обедом.

Он повернулся и стал спускаться с холма. Я сделал вслед за ним несколько шагов, глядя ему в спину.

— Хотел бы я знать, что все это значит? — подумал я вслух.

В тишине раздавались его шаги.

— Просто он умирает, — тихо сказал Джордж.

Мой сын Язон, опередивший нас на несколько дней, исчез. Соседи рассказали о его уходе на поиски Гадеса вечером накануне нашего появления. Патриарх сидел на спине одноглазого гончего пса, который сорвал с петель дверь его жилища и понес его на себе сквозь ночь. Все мои родственники хотели, чтобы я пришел на обед. Дос Сантос еще не вставал — Джордж залечивал его раны и не считал необходимым отправлять его морем в афинский госпиталь.

Всегда приятно вернуться домой.

Я спустился на площадь и провел день в разговорах со

своими потомками. Рассказать им о Тайлере, о Гаити, об Афинах? Да, рассказать. Что я и сделал. Расскажут ли они мне о двух последних десятилетиях в Макринице? Несомненно.

Затем я положил цветы на кладбище, немного постоял и пошел к дому Язона, чтобы починить дверь, — в сарае нашлись инструменты. Наткнувшись на бутылку вина, я всю ее выпил и закурил сигарету. Затем сварил себе кофе и тоже весь его выпил.

И все же мне было тяжело.

Я не знал, что происходит.

Хотя Джордж знал болезни веганцев и сказал, что у Миштиго явные симптомы неврологического расстройства неизвестной разновидности. Неизлечимого. С неизбежным смертельным исходом.

Даже Хасан не мог этому поверить.

«Этиология неизвестна», — таков был диагноз Джорджа.

Все стало с ног на голову.

Джордж знал Миштиго с момента прибытия последнего... Что же предопределило такой ход развития событий?

...Еще Фил просил его осмотреть веганца в связи с признаками смертельного заболевания. Почему?

Да, он так и не сказал почему, и я уже не мог спросить его об этом.

Передо мной встала проблема.

Миштиго или уже закончил свою работу, или у него не осталось на нее времени. По его словам — закончил. Если нет, то мне придется защищать смертельно больного еще неизвестно сколько. Если же закончил, то мне нужно знать результаты, чтобы очень быстро принять решение относительно оставшихся ему дней жизни.

Обед ничего не прояснил. Миштиго уже сказал все, что мог себе позволить, и отметал или просто-напросто игнорировал все наши вопросы.

После чашки кофе Красный Парик и я отошли в сторонку, чтобы выкурить по сигарете.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю. Я думал, может, ты знаешь.

— Нет. Что теперь?

— Скажи.

— Убить его?

— Может, и да. И все же сразу вопрос — зачем?

— Он все закончил.

— Что? Что именно он закончил?

— Откуда я знаю?

— Пропади оно пропадом! Я должен, я хочу знать, с какой целью я убиваю кого-то.

— По-моему, все ясно. Веганцы снова хотят скупить земли. Он возвращается, чтобы доложить им о тех территориях, в которых они заинтересованы.

— Тогда почему он все их не посетил? Почему остановился после Египта и Греции? Пески, камни, джунгли и разнообразные монстры — это все, что он видел. Маловато для радужных выводов.

— Тогда причина в том, что Миштиго смертельно напуган и счастлив, что остался жив. Его чуть не съели — и боадил, и куреты. Он просто спасается бегством.

— Прекрасно. Пусть бежит. Пусть всучит им плохой отчет.

— Но он не может. Если уж они настроились покупать, его отрывочные сведения их не удовлетворят. Они просто пошлют кого-нибудь другого, кто покруче, чтобы закончить это дело. Если мы убьем Миштиго, они будут знать, что мы — это реальность, что мы еще протестуем, что мы и сами крутые.

— Он не боится за свою жизнь, — произнес я задумчиво.

— Нет? Тогда что?

— Не знаю. Но должен раскопать.

— Каким образом?

— Думаю, я его спрошу.

— Ты просто псих! — И она отвернулась.

— Или будет по-моему, или никак, — сказал я.

— Тогда уж все равно. Это не имеет значения. Мы проиграли.

Я взял ее за плечи и поцеловал в шею.

— Еще нет. Вот увидишь.

Тело ее напряглось.

— Иди домой. Уже поздно. Слишком поздно.

Так я и сделал. Я вернулся в просторное старое жилище Иакова Коронеса, где остановились Миштиго и я, где прежде бывал и Фил. Я занимал комнату, где он умер, и спал там же, где спал он. Его «Освобожденный Прометей» еще лежал на письменном столе возле пустой бутылки. Он говорил мне о своем собственном уходе, когда вызывал меня на связь в Египте, и у него был сердечный приступ, и ему пришлось че-

рез многое пройти. Казалось, что по такому поводу он мог бы оставить какое-то послание старому другу.

Поэтому я раскрыл скучную эпику Перси Биша[1] и заглянул внутрь.

Послание его было написано на чистых страницах в конце книги по-гречески. Однако не на современном греческом. А на классическом.

Там было примерно вот что:

Дорогой друг, хотя я ненавижу писать, не переписывая затем, я чувствую, что мне лучше поторопиться. Я в неважном состоянии. Джордж хочет, чтобы я улетел в Афины. Я и улечу — утром. Однако прежде рассмотрим поближе наше дело...

Сделай все, чтобы веганец отбыл с Земли живым и невредимым.

Это важно.

Это самая важная в мире вещь.

Я боялся рассказывать тебе раньше, потому что допускал, что Миштиго может оказаться телепатом. Вот почему я не был с вами с самого начала поездки, хотя мне этого так страстно хотелось. Вот почему я притворялся, что ненавижу его, — хотел держаться подальше. Только убедившись в том, что он не телепат, я предпочел присоединиться к вам.

Я подозревал, что через Дос Сантоса, Диану и Хасана Редпол, должно быть, хочет его крови. Я полагал, что если он телепат, то сразу же об этом узнает и предпримет все необходимое для обеспечения своей безопасности. Если же он не телепат, то в этом случае я был полон веры в твою способность защитить его почти от всего и всея. Включая Хасана. Я не хотел, чтобы до него дошло то, что я знаю. Однако в случае необходимости я бы предупредил тебя.

Татрам Миштиго — его дед, чудеснейшая и благороднейшая личность. Он философ, великий писатель и общественный деятель, оказывающий бескорыстную помощь своему народу. Я познакомился с ним во время своего пребывания на Тайлере тридцать с лишним лет назад, а позднее мы стали близкими друзьями. С тех пор мы с ним поддерживали связь, и даже тогда, давным-давно, он просвещал меня относительно веганских пла-

[1] Перси Биш Шелли — английский поэт-романтик, автор лирической драмы «Освобожденный Прометей».

нов объединения, где рассматривалась роль Земли. Я поклялся держать все в секрете. Даже Корту ничего не следовало знать. Всплыви моя осведомленность раньше времени, для пожилого человека это было бы катастрофой — он бы утратил весь свой авторитет.

Веганцы находятся в весьма затруднительном положении. Наши эмигрировавшие соотечественники, земляне, только упрочили свою экономическую и культурную зависимость от Веги. Веганцам же дали понять — и очень наглядно! — в дни восстания Редпола, что здесь, на Земле, есть местное население, имеющее собственную сильную организацию и желающее восстановления нашей планеты. Веганцы хотели бы того же. Земля им не нужна. Для чего? Если они хотят эксплуатировать землян, то на Тайлере таковых гораздо больше, чем здесь, на Земле, — но они и не эксплуатируют; или же в небольших масштабах и без злоупотреблений. Наши бывшие сами предпочли эксплуатацию своего труда там возвращению сюда. О чем это говорит? Возвращенство — мертворожденное дитя. Никто не хочет обратно. Вот почему я ушел из этого движения. Думаю, что и ты по той же причине. Веганцы не хотели бы заниматься проблемой нашего собственного дома. Наверняка они не прочь его посещать. Для них приехать сюда и собственными глазами убедиться в том, что мы сотворили со своим миром, и поучительно, и отрезвляюще, это их ставит на место да и просто-напросто приводит в ужас.

Что им было нужно, так это обойти наше правительство-в-отсутствии на Тайлере. Тайлериты не спешили отказываться от своих требований по поводу налогов и существования Конторы.

Однако после множества переговоров и всяких экономических преследований, включая требование полного веганского гражданства для наших бывших, выяснилось, что какие-то средства решения вопроса найдены. Осуществление этого плана было поручено Штиго-генам, прежде всего Татраму.

В конце концов он, по собственному своему убеждению, нашел способ, как возвратить Землю в автономное состояние при сохранении целостности ее культуры. Вот почему он и отправил сюда своего внука, Корта, чтобы тот сделал «обзор».

Корт — довольно странное существо; подлинный его талант — это действие (а талантливы все Штиго), и еще он обожает позировать. Думаю, он ужасно хотел сыграть роль чуда-

ка, и уверен, что у него получилось мастерски. (Татрам говорил мне также, что это будет последняя роль Корта. Он умирает от , которая неизлечима; полагаю, это еще одна причина, почему выбор пал на него.)

Верь мне, Константин Карагиозис Коронес Номикос Конрад (плюс все остальные твои имена, которых я не знаю): он занимается вовсе не проверкой недвижимости. Отнюдь.

И последнее, если можно. Дай мне слово, что он будет жить, выполни свое обещание и не выдай мою тайну. Когда ты все узнаешь, то не пожалеешь об этом.

Прости, что я так и не закончил Элегию, посвященную тебе, и пропади ты пропадом за то, что отнял у меня мою Лару, тогда, в Керчи.

Фил

«Что ж, очень хорошо, — решил я, — значит, веганцу не смерть, а жизнь». Фил все сказал, и я ничуть не сомневался в его словах.

Я вернулся за обеденный стол Микара Коронеса и просидел с Миштиго, пока тот не собрался уходить. Я проводил его к дому Якова Коронеса и проследил, как он упаковывает последние вещи. За это время мы, наверно, обменялись всего-навсего шестью словами, не более.

Его пожитки вытащили к месту приземления скиммера, перед домом. Перед тем как все (включая Хасана) вышли, чтобы попрощаться с ним, Корт повернулся ко мне.

— Скажите мне, Конрад, зачем вы разбираете пирамиду?

— Назло Веге, — ответил я. — Чтобы вы знали, что, если вам захочется ее заиметь и вы решите ее отобрать у нас, вам она достанется еще в худшем виде, чем после Трех Дней. Чтобы не на что было смотреть. Мы испепелим всю нашу оставшуюся историю. Чтобы вашим парням и соринки не досталось.

Воздух, стравливаемый нижней частью его легких, вышел с жалобным воем, оборвавшимся на низкой ноте, — веганский эквивалент нашего вздоха.

— Похвально, — произнес Миштиго, — но мне так хоте-

лось увидеть ее. Не думаете ли вы снова когда-нибудь ее собрать? Может, в скором времени?

— А вы как считаете?

— Я обратил внимание, что ваши люди маркировали все куски.

Я пожал плечами.

— Тогда у меня только один серьезный вопрос к вам — по поводу вашей любви к разрушению, — заявил он.

— Какой именно?

— Это что, действительно искусство?

— Идите вы к черту.

Подошли остальные.

Диана посмотрела на меня; я медленно повел из стороны в сторону головой и довольно долго сжимал запястье Хасана, прежде чем вырвал у него тонкое острие, которое он прилепил к ладони. А затем позволил ему тоже пожать руку веганцу, но коротко.

Скиммер жужжа спустился из темнеющего неба, и я посадил Миштиго, лично погрузил его багаж и сам закрыл за ним дверцу. Машина стартовала безо всяких осложнений и исчезла в мгновение ока.

Конец бессмысленной прогулки.

Я вернулся в дом и переоделся.

Пришло время сжечь друга.

Высоко возвышаясь в ночи, пирамида из сложенных мною поленьев несла на себе останки поэта, моего друга. Я зажег факел и вытащил электрический фонарь. Хасан стоял возле меня. Это он помог мне положить тело на повозку и взял в руки вожжи.

Я устроил погребальный костер на холме с кипарисами над Волосом, возле руин церкви, которую я уже упоминал. Воды бухты были спокойны. На чистом небе сверкали звезды.

Дос Сантос, не одобрявший кремацию, решил не присутствовать, сказав, что его беспокоят раны. Диана предпочла остаться с ним в Макринице. После нашего с ней разговора она ко мне больше не обращалась.

Эллен и Джордж сидели в повозке, катившей под большими кипарисами, и держались за руки. Только они и были с нами. Филу не понравился бы погребальный плач моих родст-

венников. Однажды он сказал, что в этом смысле предпочел бы что-нибудь крупное, яркое, быстрое и без музыки.

Я прислонил факел к углу погребального костра. Пламя принялось медленно лизать дерево. Хасан зажег еще один факел, воткнул его в землю, отошел и стал смотреть. Когда языки пламени поползли вверх, я прочел старую молитву, вылил на землю вино и бросил в огонь ароматические травы. Затем тоже отступил.

— «...Кем бы ты ни был, смерть возьмет и тебя, — говорил я ему. — Ты ушел, чтобы увидеть, как открывается влажный цветок на бреге Ахеронта средь судорожно мечущихся теней Ада». Если бы ты умер молодым, твой уход оплакивали бы как гибель великого таланта, не успевшего осуществиться. Но ты хорошо пожил. Некоторые выбирают короткую возвышенную жизнь перед стенами своей Трои, другие — длинную и менее беспокойную. Кто скажет, какая лучше? Боги сдержали свое обещание вечной славы Ахиллеса, вдохновив поэта спеть ему бессмертный пеон. Но счастлив ли он от этого, будучи таким же мертвым, как теперь и ты? Не мне судить, старина. Сам в какой-то мере бард, я помню и твои слова, написанные о самом могущественном из Аргивов и о времени всесокрушающих смертей: «Суровыми разочарованиями чревата любая двойственность — опасны вздохи в угрозе лет... Но золе не стать древом. Невидимая музыка пламени раскаляет воздух, хотя день кончен». Прощай же, Филипп Грейб. Пусть боги Феб и Дионис, которые любят поэтов и убивают их, передадут тебя своему темному брату Гадесу. И пусть Персефона, Царица Ночи, благожелательно глянет на тебя и дарует тебе высокое положение в Элизиуме.

Пламя уже почти достигло вершины пирамиды.

И тогда я увидел Язона, стоявшего возле повозки, и Бортана, сидящего возле него. Я отступил еще дальше. Бортан подошел ко мне и сел справа от меня, лизнув мою руку.

— Могучий охотник, — сказал я, — мы потеряли еще одного из нас.

Он кивнул огромной своей головой.

Пламя поднялось до самой вершины и начало глодать ночь. Трещал огонь, в воздухе веяли сладкие ароматы.

Приблизился Язон.

— Отец, он принес меня на себе к месту горящих камней, но вы уже покинули его.

Я кивнул.

— Какой-то нечеловек, из друзей, вызволил нас оттуда. А до того этот вот человек Хасан убил Мертвеца. Так что твои сны пока и сбылись, и не сбылись.

— Он и есть желтоглазый воин моих видений, — молвил Язон.

— Знаю, но это все тоже в прошлом.

— А что Черное Чудище?

— Ни храпа, ни сапа.

— Это хорошо.

Мы следили за костром долго, очень долго, пока ночь не обратилась вспять. Несколько раз Бортан навострял уши и ноздри его расширялись. Джордж и Эллен были недвижны. Хасан глядел на огонь странно, безо всякого выражения на лице.

— Что ты теперь будешь делать, Хасан? — спросил я.

— Снова пойду на гору Санджар. Ненадолго.

— А потом?

Он пожал плечами и ответил:

— То, что написано.

И тут до нас докатился устрашающий гул, похожий на стоны гиганта-идиота, гул сопровождался треском ломаемых деревьев. Бортан вскочил на ноги и залаял. Ослы, запряженные в повозку, шарахнулись в сторону; один из них издал короткий резкий крик. Язон сжал заостренную палку, которую он вытащил из костра, и весь напрягся.

И тут оно обрушилось на нас, прямо на поляне. Большое и уродливое и все остальное, что только про него говорили. Людоед... Земной кошмар... Могучее и мерзкое... Черное Чудище Фессалии.

Наконец-то кто-нибудь сможет рассказать, каково оно из себя.

Должно быть, его привлек к нам запах горящей плоти. И оно было огромным. По меньшей мере со слона.

Какой был четвертый подвиг Геракла? Дикий кабан Аркадии, вот какой.

Мне вдруг захотелось, чтобы Геракл оказался где-нибудь поблизости и помог.

Огромный кабан... С острым хребтом и клыками с человеческую руку... Маленькие свинячьи глазки, бешено вращающиеся в свете огня...

На своем пути оно сокрушало деревья. Однако взвизгнуло, когда Хасан выхватил из пламени костра головню и воткнул ее горящим концом в морду чудищу. Оно отскочило в сторону, что дало мне время схватить оружие Язона.

Я бросился вперед и ткнул палкой в левый глаз чудищу. Оно снова отпрыгнуло и пронзительно заверещало, как прохудившийся паровой котел.

...Бортан уже был на нем, вцепившись ему в плечо.

Ни один из двух моих ударов в горло чудищу не причинил ему заметного вреда. Наконец ему удалось стряхнуть с себя Бортана. А возле меня уже был Хасан, выхвативший из костра еще одну головешку.

Чудище бросилось на нас. Откуда-то сбоку Джордж разрядил в него свой автоматический пистолет. Хасан запустил свой факел. А Бортан снова прыгнул, на сей раз со стороны ослепшего глаза чудища.

Все это заставило чудище снова изменить направление атаки, и оно врезалось в пустую повозку, убив обоих ослов.

Затем я выбежал вперед и бросил палку под его левую переднюю ногу. Палка переломилась надвое.

Бортан продолжал рвать зубами чудище, и рык пса был как непрекращающийся гром. Стоило чудищу сделать выпад, как он разжимал челюсти и откатывался прочь, а затем снова наседал, не давая опомниться.

Уверен, что моя смертоносная стальная пика не переломилась бы. Но она была на борту «Золотого Идола»...

Хасан и я кололи чудище со всех сторон самыми острыми палками, которые нам удавалось вытащить из огня. Мы продолжали наносить удары, заставляя чудище крутиться на месте. Бортан все пытался достать до горла, но морда с огромным рылом была опущена, один глаз вращался, другой кровоточил, и клыки только и делали, что рассекали воздух во всех направлениях, как мечи. Раздвоенные копыта размером с буханки хлеба оставляли в земле ямы, когда чудище металось в оранжевом, пляшущем пламени костра, пытаясь всех нас убить.

Под конец оно внезапно повернулось — слишком внезапно для такой громадины — и ударило Бортана в бок плечом, отбросив пса на десять-двенадцать футов. Хасан огрел чудище по спине палкой, а я ткнул в другой глаз, но промахнулся.

Затем оно двинулось на Бортана, который еще не успел вскочить на ноги, — опустив голову с тускло отсвечивающими клыками.

Когда оно двинулось на мою собаку, я бросил оружие и прыгнул. А оно уже пригнуло к земле голову, чтобы нанести смертельный удар.

Клыки оказались совсем низко, и я ухватился за них. Изо всех своих сил я надавил на них сверху, чувствуя, что ничто не сможет удержать этот таранящий удар, но я попробовал, и, может, мне это удалось на какую-то долю секунды...

Во всяком случае, когда меня с изодранными в кровь руками бросило в воздух, я увидел, что Бортан сумел избежать клыков.

Я едва не потерял сознание при падении, так как швырнуло меня высоко и далеко, и услышал сумасшедший оглушительный свинячий визг. Кричал Хасан, а Бортан снова ревел во всю свою глотку, идя в атаку.

С небес дважды грянула красная молния Зевса... И все стихло.

Медленно, кое-как я встал на ноги.

Хасан стоял возле погребального костра, держа, как копье на изготовку, пылающую палку.

Бортан обнюхивал вздрагивающую гору мяса.

Под кипарисом возле мертвого осла стояла Кассандра — она прислонилась спиной к стволу, на ней были брюки из кожи, голубая шерстяная кофта, она слабо улыбалась, держа мое еще дымящееся ружье на слонов.

— Кассандра!

Она бросила ружье, лицо ее было смертельно бледным. Но не успело ружье еще упасть на землю, как она была уже в моих руках.

— Потом я задам тебе тыщу вопросов, — сказал я. — Но не сейчас. Сейчас ни одного. Давай просто посидим под этим деревом и посмотрим на огонь.

Так мы и сделали.

Месяцем позднее Дос Сантоса выгнали из Редпола. С тех пор ни о нем, ни о Диане не слышно. Говорят, они отказались от движения Возвращенства, перебрались на Тайлер, где теперь и живут. Надеюсь, что это не так, имея в виду события

этих последних пяти дней. Я никогда не знал толком всю историю Красного Парика и полагаю, что никогда не узнаю. Когда веришь в кого-то, я имею в виду — по-настоящему, и заботишься о нем, как, может, она заботилась обо мне, то все время возвращаешься к мысли, кто же оказался не прав в том нашем последнем принципиальном споре. Не права была она — и я спрашиваю себя, сожалеет ли она об этом.

Я и вправду думаю, что вряд ли когда-нибудь еще увижусь с нею.

Едва в Редполе закончились административные пертурбации, как Хасан спустился с горы Санджар, немного побыл в Порту, а затем купил маленькое судно и однажды ранним утром отправился в море, даже не попрощавшись и никому не сказав, куда держит путь. Сошлись на том, что он нашел где-то новую работу. Однако несколькими днями позднее была буря, и я слышал в Тринидате, что его выбросило на побережье Бразилии, где он принял смерть от рук одного тамошнего жестокого племени. Я пытался проверить эту историю, но мне не удалось.

Однако через два месяца Рикардо Бонавентура, Председатель Альянса Против Прогресса, отколовшейся от Редпола группы, впавшей в немилость Афин, умер от апоплексического удара во время торжественного собрания партии. Шептались, что в анчоусах был яд дивбанского кролика (совершенно летальная смесь, как уверяет меня Джордж), а на следующий же день таинственно исчез только что назначенный капитан дворцовой охраны, равно как и скиммер с протоколами трех последних секретных собраний АПП (не считая содержимого маленького сейфа, вмурованного в стену). Говорили, что это был крупный желтоглазый мужчина со слегка восточными чертами лица.

Язон по-прежнему пасет своих многочисленных овец в горах, там персты Авроры раньше, чем где-либо, украшают небо розами, и я не сомневаюсь, что он по-прежнему сбивает с толку молодежь своими песнями.

Эллен снова беременна, вся из себя утонченная, кроме как в талии, и ни с кем не общается, кроме как с Джорджем. Джордж хочет попробовать какую-то фантастическую эмбриохирургию, именно в данный момент, пока еще не поздно, и заставить очередного своего младенца дышать как воздухом, так и водой, — все это в связи с тем гигантским, еще

девственным океанским шельфом, который должны освоить его прямые потомки; он же, отец новой расы, напишет на сей предмет интересную книгу и т. д. и т. п. Однако Эллен не слишком загорелась идеей, и подозреваю, что океаны еще немного побудут девственными.

Ах да, я доставил Джорджа в Капистрано посмотреть на возвращение летуче-паучьих мышей. Это было и в самом деле впечатляюще — как темнеет небо от их крыльев, как они гнездятся в руинах, поедая диких свиней и покрывая все улицы зеленым своим пометом. Лоурел часами смотрит на все это в три-диколоре и показывает на каждой вечеринке Конторы. Это что-то вроде исторического документа, поскольку летуче-паучьи мыши начинают исчезать. Верный своему слову Джордж напустил на них слишей, вызвав эпидемию, и теперь они мрут как мухи. Только неделю назад одна из них — шмяк! — шлепнулась прямо посреди улицы, когда я шел к Маме Джули с бутылкой рома и коробкой шоколадных конфет. Бедняга умерла от удара о землю. Слиши очень коварные. Летуче-паучьей мыши никак не сообразить, что же происходит, — летит себе, счастливая, поглядывая, что бы такое съесть, и вдруг — ззык! — укус, и она падает посреди сада, полного гостей, или в чей-нибудь бассейн.

Я решил на текущее время сохранить Контору. Создам что-нибудь вроде парламента, после того как состряпаю новую партию, в оппозиции к Редполу — какую-нибудь там НЕПЕР — Независимые Перестройщики или еще что.

Старые добрые силы рокового конца... они нужны нам здесь, среди руин.

А Кассандра — моя принцесса, мой ангел, моя прекрасная дама — я ей даже нравлюсь без грибка на щеке. Ночь в Долине Спящих излечила меня. Конечно, Кассандра была на корабле героев, который Хасан видел день тому назад в Пагасе. Правда, без Золотого руна, а лишь только с набором моих винтовок и прочего в том же духе. Корабль героев оказался «Золотым Идолом», который я построил собственными руками, довольно прочный, что было приятно узнать, если он выдержал даже цунами, последовавшее после того толчка в 9,6 балла по шкале Рихтера. Кассандра как раз плыла на корабле, в то время как от Коса отвалилась его нижняя часть. После этого она пошла под парусами на Волос, потому что знала,

что в Макринице полно моих родственников. Хорошо, что и у нее оказалось это мое предчувствие опасности, и, высадившись на берег, она прихватила с собой тяжелую артиллерию. (Хорошо и то, что она знала, как ею пользоваться.) Мне надо более серьезно относиться к ее предостережениям.

Я купил тихую виллу на противоположной Порту оконечности Гаити. Оттуда всего пятнадцать минут лёта на скиммере, и там большой пляж, а вокруг — сплошные джунгли. Мне нужна какая-то дистанция, вроде островной оторванности, от цивильных мест, поскольку у меня, гм... есть некоторые проблемы с охраной жилища. Как-то, когда тут случилось быть чиновникам органов юстиции, они не поняли надпись: «Осторожно, злая собака». Теперь понимают. Тот, который на вытяжении, не будет подавать жалобу по поводу нанесенных ему телесных повреждений, а Джордж буквально в считаные дни поставит его на ноги, как новенького. Другие пострадали гораздо меньше.

Однако хорошо, что я оказался рядом.

Так что, вот он я, в необычном своем положении, как обычно.

Планета Земля была целиком и полностью выкуплена у правительства на Тайлере, выкуплена большим и богатым родом Штиго-генов. Подавляющее большинство экспатриантов так или иначе добивались веганского гражданства, не желая оставаться под властью Тайлеритского экс-правительства и работать на Объединение в качестве зарегистрированных чужеземцев. Так продолжалось долгое время, так что право распоряжаться Землею стало в основном вопросом поиска лучшего покупателя — потому что наш эмиграционный режим утратил единственную существенную причину своего существования в ту самую минуту, когда вопрос гражданства решился не в его пользу. Они еще могли заявлять о себе, пока там были земляне, но теперь это уже веганцы, которые не вправе отдавать голоса за свое экс-правительство, мы же здесь, на Земле, и не собираемся за него голосовать.

Отсюда и продажа огромной недвижимости, а единственным покупщиком был род Штиго-генов. Однако старый мудрый Татрам устроил так, что вся покупка была оформлена на имя его внука, ныне покойного Корта Миштиго.

А Миштиго оставил после себя документ на правонасле-

дие, выразив, в стиле веганцев, свою волю в посмертном завещании... где называлось мое имя.

Ух... Так я унаследовал планету.

Ну а конкретнее — Землю.

Н-да...

На кой черт мне она? Я имею в виду, что я, конечно, привязан к ней, но я бы поработал где-нибудь и подальше отсюда.

Это все дьявольская машина Жизнеобъектов да еще четыре думающих ящика, которыми пользовался старый Татрам. Он искал администратора из местных, который бы взял в свои руки Землю и создал бы там представительное правительство, а затем, когда все это закрутится, отказался бы от права владения на том простом основании, что это и так место его пребывания. Татрам хотел, чтобы под рукой оказался такой человек, который хорошо зарекомендовал себя на административном посту и кто не будет держаться за свою собственность обеими руками.

Среди других имен машина выдала ему и одно из моих собственных, затем еще одно, второе, с указанием — «возможно, еще жив». Затем была проверена моя личная учетная карточка, и всякая всячина по поводу второго типа, коим тоже был я, и машина довольно быстро выдала еще несколько имен, — все они были моими.

Она начала вылавливать разночтения и странные совпадения, продолжала вытягивать ниточку и выковыривать все новые и новые вопросы, ставящие в тупик. Так что в скором времени Татрам пришел к выводу, что меня надо «посмотреть».

И прибыл Корт, чтобы «написать книгу».

Он действительно хотел убедиться в том, являюсь ли я Хорошим, Честным, Благородным, Чистым, Законопослушным, Искренним, Заслуживающим доверия, Чуждым эгоизма, Добрым, Приветливым, Надежным и Лишенным личных амбиций. А это означает, что он был форменным психом, поскольку он сказал: «Да, этот человек таков и есть».

Наверняка я его одурачил.

Возможно, однако, он прав по поводу отсутствия личных амбиций. Я чертовски ленив и не очень-то тревожусь по поводу головной боли, которая ежедневно наваливается и дубасит меня из-за этой измученной Земли. Однако поскольку тут затронут личный комфорт, я хочу пойти себе на некоторые

уступки. Возможно, устрою шестимесячный отпуск и выпаду в осадок.

Один из чиновников юридической службы (не тот, что на растяжении, а тот, что обошелся простой перевязкой) доставил мне послание от Голубого. В нем, в частности, говорилось:

Дорогой Каково-бы-там-ни-было-твое-чертово-имя!

Начинать так письмо крайне непривычно, потому, дабы уважить твое желание, называю тебя Конрад.

Конрад, теперь ты уже знаешь истинную причину моего визита. Чувствую, что я сделал правильный выбор, называя тебя наследником всей той собственности, которую принято относить к Земле. Твою привязанность к ней невозможно отрицать; как Карагиозис, ты вдохновлял людей проливать кровь в ее защиту; ты восстанавливаешь ее памятники, собираешь и хранишь ее произведения искусства (между прочим, в порядке одного из условий выполнения моей воли я настаиваю на том, чтобы ты вернул на место Великую Пирамиду), и твоя изобретательность, равно как и твоя твердость, будь то умственная или физическая, совершенно поразительны и исключительны.

Ты также, похоже, приближаешься к тому, чтобы быть единственным бессмертным надзирателем из имеющихся в наличии (много бы я дал, чтобы узнать твой настоящий возраст), и это, вместе с высокой способностью к выживанию, делает тебя поистине единственным кандидатом. Если твоя мутация начнет тебя подводить, к твоим услугам всегда есть таблетки серии Ж. С., которые не дадут прерваться великому старательству твоей жизни. Я мог бы сказать «надувательству», но это было бы невежливо, пусть я и знаю, что ты законченный пройдоха. Взять хотя бы все те старые записи! Ты довел бедные Жизнеобъекты чуть ли не до сумасшествия разночтениями. Теперь они запрограммированы так, чтобы никогда не принимать свидетельство о рождении грека за доказательство возраста.

Я передаю Землю в руки Калликанзароса. Если верить легенде, то это с моей стороны жесточайшая ошибка. Однако я хотел бы рискнуть догадкой, что если ты и Калликанзарос, то стал таковым по ложным побуждениям. Ты разрушаешь только то, что собираешься восстановить. Возможно, ты Великий Пан, который всего лишь притворился, что умер. Как бы там ни было, у тебя будет достаточно денежных средств и запасов тя-

желого оборудования, которое поступит в этом году, а также множество бланков для заявок, которые следует посылать в фонд Штиго. Так что иди и плодись, и размножайся, и вновь населяй Землю. А Гены будут следить. Если понадобится помощь, то кричи-зови, и помощь не замедлит прийти.

У меня нет времени писать для тебя книги. Прости. Что же до обещанного автографа, то вот он: КОРТ МИШТИГО.

P.S. Я так и не просек, искусство ли это. И пошел ты сам к черту.

Вот такое послание, если вкратце.

Пан?

Разве компьютеры это утверждают?

Во всяком случае, надеюсь, что нет.

Земля — диковатое место, в смысле заселения. Твердая и каменистая. Надо убрать весь хлам, метр за метром, прежде чем на ней можно будет начать что-то привлекательное.

А это означает работу, уйму работы.

А это означает, что надо начинать со всех сооружений Конторы, так же как и с Организации Редпол.

Как раз сейчас я решаю, стоит ли продолжать практику путешествий по руинам. Думаю, я их разрешу и впредь, потому что у нас пока есть что показать. В каждом из нас заключена некая толика любопытства, заставляющая вдруг остановиться посреди пути, чтобы глянуть в дырку в заборе, за которым идут восстановительные работы.

Теперь у нас есть деньги, и нам снова принадлежит наша собственность, и это уже совсем другое дело. Может, даже Возвращенство не совсем еще умерло. Если есть полнокровная программа возрождения Земли, то мы можем заманить назад кое-кого из бывших землян, можем перехватить кое-кого из новых туристов. Если же все они хотят оставаться веганцами, то и пускай, это их дело. Мы полны к ним симпатии, но обойдемся и без них. Я чувствую, что наша Заграничная эмиграция будет таять, когда люди узнают, что они могут преуспеть здесь; и наше население будет расти даже более чем в геометрической прогрессии, что вместе с продлением способности к воспроизведению потомства дается с помощью новой, пока довольно дорогой серии Ж. С. Я намереваюсь сделать Животворный Самсер полностью общественным достоянием. Я добьюсь этого, возложив на Джорджа ответственность

за Программу здравоохранения, создав на материке клиники и пустив в повсеместное обращение Ж. С.

Мы выдюжим. Мне надоело быть хранителем могил, и я действительно не хочу тратить попусту время, пока Пасха не пронижет своим звоном Дерево Мира, пусть даже происхождение мое подозрительно и дает основания для беспокойства. Когда колокола зазвонят на самом деле, я хочу иметь силы сказать: «Воистину воскрес», а не бросать дудочку и не спасаться бегством (дин-дон — колокола, клак-клак — зубы, потом копыта и т. д.). Сейчас самое время для всех добрых калликанзаросцев... Это понятно.

Так что...

Эта вилла у нас с Кассандрой на Волшебном острове. Она любит бывать здесь. Я люблю бывать здесь. Она больше не обращает внимания на мой неопределенный возраст. А это хорошо.

Как раз сегодня, ранним утром, когда мы лежали на пляже, глядя, как солнце стирает звезды с небосклона, я повернулся к ней и сказал, что вся эта огромная предстоящая работа содержит в себе неизбежное зло, не говоря уже о головной боли и прочем.

— Ничего подобного, — возразила она.

— Не преуменьшай того, что неизбежно, — сказал я. — Она ведет к человеческой несовместимости и неравенству.

— Ни того, ни другого не будет.

— В тебе слишком много оптимизма, Кассандра.

— Нет. Раньше я уже говорила, что тебе угрожает опасность, и так оно и случилось, но в тот момент ты мне не поверил. На сей раз я чувствую, что все будет хорошо. Понятно?

— Отдавая должное твоей точности в прошлом, я все-таки чувствую, что ты недооцениваешь то, что нам предстоит.

Она поднялась и топнула ногой.

— Ты никогда мне не веришь!

— Верю, конечно. Просто на сей раз ты ошибаешься, дорогая.

И она уплыла, моя сумасшедшая русалка, скрылась в темных глубинах. А спустя какое-то время вернулась.

— О'кей, — сказала она улыбаясь, вытряхивая из волос нежные дождинки. — Будь по-твоему.

Я поймал ее за лодыжку, подтащил, уложив на песок, и начал щекотать.

— Перестань!

— Эй, я тебе верю, Кассандра! Правда! Слышишь? Что ты на это скажешь? Я действительно тебе верю, черт возьми. Ты наверняка права.

— Ты, милый мой калликанзик, бычок в томате... Ай!

И она была прекрасна на берегу моря, и, счастливый, я не давал ей просохнуть, пока нас со всех сторон не обступил день.

Ну а на этом славном месте можно поставить и точку, sic.

ГЛАЗ КОТА

Посвящается Джо Липхорну,
Джимми Чи и Тони Хиллерману

ЧАСТЬ I

У двери Дома Тьмы
лежат пара рыжих койотов
с перевернутыми головами.
Найенесгани раздвигает их темным посохом
и входит в поисках меня.
С молнией позади,
с молнией впереди,
входит в поисках меня.
С горным хрусталем и говорящим кетаном.

За порогом, по углам
Дома Тьмы
лежат две рыжие сойки
с перевернутыми головами.
С молнией позади,
с молнией впереди,
он раздвигает их темным посохом
и входит в поисках меня.

Дальше у очага Дома Тьмы
лежат две ухающие совы
с перевернутыми головами.
Он раздвигает их темным посохом
и входит в поисках меня
с горным хрусталем и кетаном на устах.

Посреди Дома Тьмы,
где лежат две ушастые совы
с перевернутыми головами.
Найенесгани откидывает их в сторону,
входя в поисках меня,
молния позади,
молния впереди.
Неся горный хрусталь и с говорящим кетаном,
он приходит за мной.
Из сердцевины земли он приходит.

Дальше...

Молитва Преследования Зла

Ночью, близ восточной границы обнесенных стенами рощиц и отлогих лужаек усадьбы, внутри этих стен, вероятно, в четверти мили от самого дома, у небольшой группы деревьев под безлунным небом стоит он, прислушиваясь, совершенно безмолвный.

Влажна почва под его сапогами. Холодный ветер говорит ему, что зима нехотя уступает место весне на севере штата Нью-Йорк. Он протягивает руку и нежно касается темной линии изящной ветки справа от себя. Ощущает зелень почек молодого года, мечтающих о лете под его широкой темной ладонью.

На нем голубая вельветовая рубаха навыпуск, широкий ремень с пряжкой в виде раковины поддерживает на талии джинсы. Тяжелое ожерелье из цветов тыквы — очень старое — висит у него на груди. На шее — изящная нитка бирюзового хейче, на левом запястье — серебряный браслет, усеянный кусочками коралла и бирюзы. Пуговицы на рубашке сделаны из расплющенных десятицентовых монет начала двадцатого века. Длинные волосы повязаны красным лоскутом.

Высокий, несовременный и неуместный, он прислушивается к тому, что можно или нельзя услышать: признакам странной схватки в темном доме. Неважно, как сложится встреча, он, Уильям Черный Конь Сингер, то бишь Певец, проиграет. Но все это ему придется вынести самому — из-за силы, которую он давным-давно привел в движение — чинди, который ходил за ним по пятам в течение многих лет.

Слышен непродолжительный шум со стороны дома, за которым тут же следует громкий грохот. Однако этим дело не кончается. Звуки продолжают раздаваться. Откуда-то из-за стен воет койот.

Он чуть не рассмеялся. Несомненно, собака. Хотя звук больше напоминает другое существо, к которому он снова привык. Конечно же, рядом нет никого из них.

Уильям Черный Конь Сингер. У него есть другие имена, но запоминающим машинам он известен под этим. По этому имени его вызвали.

Звуки внезапно стихают, хотя через короткое время возобновляются. По его оценкам, в этой части мира сейчас около полуночи. Он смотрит на небеса, но Христова кровь не струится по тверди. Лишь птица грома Ини среди юго-западных звезд подготавливает перуны, тучи и дождь, вытягивает хохолок, чтобы пощекотать нос медведя Саса, говоря ему, что время принести на землю новую жизнь — там, рядом с Млечным Путем.

Безмолвие. Внезапно протяжное биение начинает наполнять мир. Все кончилось? Действительно ли все кончилось?

Вновь за резким лаем следует вой.

Некогда он знал многое, да и по-прежнему кое-что знает. Все теперь для него завершилось, кроме ожидания.

Нет. Есть еще одна вещь для заполнения.

Тихо, но с нарастающей силой, он заводит песню.

Первочеловек точно не прыгал от радости по темной преисподней, в которой был сотворен. Он делил ее еще с восемью людьми, и с муравьями, и жуками, а позднее с саранчой и Койотом-Первым Сердитым, Тем-кто-образовался-в-воде, Костлявым Бродягой. Все размножались. Позднее к ним присоединились народы стрекоз, ос и летучих мышей, Паук и Паучиха. Пространство переполнялось и кишело клопами. Последовала борьба.

— Давайте отсюда выбираться, — предложило большинство.

Первочеловек, который был мудрым и могущественным, достал свои сокровища — Белую Раковину, Бирюзу, Мидию, Гагат и Красно-Белый Камень.

Он положил Белую Раковину на востоке и дунул на нее; оттуда поднялось белое башнеподобное облако. Он поместил Бирюзу на юге и дунул на нее; поднялось голубое облако-башня. На западе положил Мидию, и, когда дунул на нее, там поднялось желтое облако-башня. На севере поместил Гагат, и, затронутый его дуновением, он выдал черное башнеподобное облако. Белое и желтое разрастались, встретились наверху и пересеклись. То же сделали голубое и черное. Они стали Ночью и Днем.

Потом он положил Красно-Белый Камень посередине и дунул на него; поднялась многоцветная башня.

Башня на востоке была названа Всеобъемлющим Рассветом, на юге — Всеобъемлющим Голубым Небом, на западе — Всеобъемлющими Сумерками, на севере — Всеобъемлющей Тьмой. Койот посетил их одну за другой, меняя свой цвет, чтобы соответствовать их цвету. По этой причине он известен как Дитя Рассвета, Дитя Голубого Неба, Дитя Сумерек и Дитя

Тьмы наряду со всеми остальными именами. В каждом из этих мест возрастала его сила.

В то время как башни четырех стран света были святы и рождали молитвенные обряды, центр являлся источником страданий, зла и болезней. И именно вверх, на эту башню, повели людей Первочеловек и Койот, во второй мир. И, конечно же, вместе с ними все зло.

Они сходили на разведку и повстречались с другими. И Первочеловек дрался со многими, побил их всех и забрал их песни силы.

Но здесь также было полно страданий и невзгод — это обнаружил Койот, когда ходил по миру взад-вперед, вверх и вниз. И к Первочеловеку он обратил свою просьбу о том, что им надо отсюда уходить.

Первочеловек создал белый дым и выдул на восток, затем вновь его проглотил. И то же самое сделал во всех направлениях. Это удалило из мира все зло и принесло его обратно людям — туда, откуда оно и пришло. Потом он послал Молнию, как зигзагообразную, так и прямую, на восток, и Радугу, и Солнечный Свет — но ничего не произошло. Он перенес их на юг, запад и север... Мир содрогался, однако не производил силы, чтобы поднять их вверх. Тогда Первочеловек сделал палочку из Гагата, Бирюзы, Мидии и Белой Раковины, а на верхушку поместил Красно-Белый Камень. Она поднялась и вынесла их наверх, в следующий мир.

Здесь они встретили множество змей, Соленых Мужчину и Женщину и Бога Огня. Не надо забывать и о Паучьем Муравье. И свет с тьмой изошли из башен четырех цветов, как и в других мирах.

Но Первочеловек поместил желтую полосу, а потом еще и красно-желтую полосу на востоке, и они приостановили продвижение белого света.

А люди испугались. Соленый Мужчина посоветовал им отправиться на восток, но полосы отодвигались по мере их приближения. Потом они услышали глас, зовущий на юг. Там нашли старика Донтсо по прозвищу Муха-Вестница, и тот поведал им, что сделал Первочеловек. Он сказал, что желтая полоса символизирует появление Людей, а другая — растительность и пыльцу, где красная составляющая указывает на все болезни.

Затем пришли Сова, Лисенок, Волк и Дикий Кот, а с ни-

ми Рогатая Гремучая Змея, предложившая Первочеловеку раковину, которую она несла на голове, и обещания подарков в будущем — Белой Раковины, Бирюзы, Мидии и Гагата. Первочеловек принял раковину и ее магию, а затем убрал с неба полосы.

Тогда люди осознали, что Первочеловек зол. Койот подслушал их разговоры и донес Первочеловеку, что они прознали о том, что он остановил свет на востоке, чтобы добыть некое сокровище.

Когда позднее они поставили перед ним этот вопрос, Первочеловек ответил:

— Да. Верно, внуки. Очень верно. Я зол. Однако я употребляю свое зло вам на пользу. Ибо эти подношения помогут всем нам. И я знаю, когда попридержать зло в отношении окружающих меня тварей.

И он продолжил это доказывать, построив знахарский хоган, где поделился с ними своим знанием о добре и зле.

Он вспомнил вечеринку, происшедшую перед тем, как нашел койота.

Облаченный во взятое напрокат великолепие мерцающего, угловатого и жесткого черного вечернего костюма из синтетического волокна от «Плиссе и Гофре», он перенесся в особняк в Арлингтоне. Былые и современные знаменитости заполняли искрящиеся комнаты с высокими потолками. Он решительно являлся былым, но все равно явился, чтобы повидаться с несколькими старыми друзьями, вновь прикоснуться к другой жизни.

Его приветствовала с профессиональным очарованием некая пожилая женщина. Она подошла к нему, обняла и с полминуты говорила с ним вдохновенным голосом диктора новостей, пока какой-то вновь прибывший у него за спиной не вынудил ее сжать его руку, направляя в сторону.

Он с благодарностью отошел и взял с подноса бокал; глядя на лица, кивая некоторым, останавливался, чтобы обменяться парой слов, а между тем пробирался к маленькой комнатке, которую вспомнил по предыдущим визитам.

Войдя в нее, он вздохнул. Ему нравились дерево и железо, камень и грубая штукатурка, книги и спокойные картины, единственное окно с беспрепятственным видом на реку, тихо горящий камин.

— Я знал, что ты найдешь меня здесь, — сказала она, сидя в кресле у очага.

Он улыбнулся:

— Я тоже... единственная комната, построенная во время провала в безвкусице.

Он взял стул, сел рядом с ней, но повернувшись скорее к камину. Ее печальное морщинистое лицо с ярко-голубыми глазами, седые волосы, приземистая коренастая фигура не

изменились за последнее время. В некоторых отношениях она стала старше, в других — нет. Ему вспомнились столетние Фонтанель и мадам Гримо, почти такие же старые, как и он сам. Однако здесь имела место пропасть иного рода.

— Ты вскоре опять отправишься собирать? — спросила она.

— У них есть все звери, которые им пока нужны. Я уволен.

— Тебе это нравится?

— Как и все остальное.

Она слегка наморщила лоб.

— Никогда не могу разобрать, это у тебя врожденный фатализм, пресыщенность жизнью или поза?

— Я уже тоже не могу.

— Вероятно, ты мучаешься от праздности.

— Она в эти дни такое же исключение, как и дождь. Я существую в некой уединенной культуре.

— В самом деле. Пожалуй, не столь же скверно, как все остальное, — сказала она.

— Скверно? Добро и зло вечно перемешиваются. Это обеспечивает порядок.

— Ничего иного?

— Легко любить присутствующее и желать отсутствующего.

Она протянула руку и сжала его ладонь.

— Сумасшедший индеец. Существуешь ли ты, когда меня здесь нет?

— Не уверен, — ответил он. — Я был привилегированным путешественником. Возможно, я умер, а ни у кого не хватает духа сказать мне об этом. Как дела, Маргарет?

Через некоторое время она ответила:

— Полагаю, я по-прежнему живу в век робости. И идей.

Он поднял бокал и сделал большой глоток.

— ...Прокисший, выдохшийся и бесполезный, — сказала она.

Он поднял бокал выше и уставился сквозь него на свет.

— Не так уж плох. Они достали вермут в такое время.

Она хихикнула.

— Философия не меняет людей, верно?

— Не думаю.

— Чем теперь ты намерен заняться?

— Пойти поговорить с остальными. Выпить еще пару стаканов. Возможно, немного потанцевать.

— В смысле, не сегодня вечером.

— Понятно. Думаю, ничем особенным. Мне это не нужно.

— Мужчина вроде тебя *должен* чем-то заниматься.

— Чем?

— Это ты обязан сказать. Когда боги безмолвствуют, кто-то должен выбирать.

— Боги безмолвствуют, — произнес он, наконец взглянув в ее светлые старые глаза, — а все мои выборы израсходованы.

— Неправда.

Он вновь отвел взгляд.

— Пусть будет так, — сказал он, — как ты поступала прежде.

— Не надо.

— Извини.

Она сняла руку с его ладони. Он допил вино.

— Твой нрав — твоя судьба, — сказала она наконец, — и ты — создание перемен.

— Я живу стратегически.

— Может быть, чересчур.

— Пусть будет так, сударыня. Это не входит в список моих забот. Я достаточно изменился, и я устал.

— Даже это будет продолжаться?

— Похоже на каверзный вопрос. У тебя был свой шанс. Если у меня назначено свидание с глупостью, я на него приду. Не пытайся лечить мои раны, пока не удостоверишься, что они есть.

— Уверена. Тебе придется что-то найти.

— Я не обращаюсь с просьбами.

— ...И надеюсь, это скоро произойдет.

— Мне нужно немного прогуляться, — сказал он. — Я еще вернусь.

Она кивнула, и он быстро ушел. Вскоре она тоже вышла.

Позднее в тот вечер его взгляд внезапно стал двигаться вдоль красной полоски на ковре, и, следуя по ней, он оказался рядом с кабиной переноса.

— Какого черта! — воскликнул он.

Он нашел хозяйку, поблагодарил ее и вернулся к транспортному устройству. Ввел координаты и, входя, споткнулся.

Застывший кадр падающего человека.

Было время, когда дневной свет
являлся ночным светом.
Черный Бог сидел на моем правом плече.
Время крутилось вокруг меня
лентой Мебиуса, когда я несся
вверх по Горе Тьмы в небе.
И на зверей, на зверей я охотился.
Когда я их звал, они приходили ко мне
из Горы Тьмы.

Прошлой ночью шел сухой мелкий снег, но день оказался не по сезону теплым, и большая часть снега растаяла. Небо по-прежнему оставалось чистым, когда солнце зашло за темный гребень горы, и уже холод возвращался в мир верхом на ветре, вздыхавшем среди сосен. Серебристые нити солнечного света выделяли сухожилия столовой горы далеко справа, а ее подошва кружилась в первых серых водоворотах вечера. Он знал, что, по крайней мере, сегодня ночью снегопада не будет и, прежде чем закрыть глаза, можно наблюдать звезды.

Когда он разбил лагерь, следом, прихрамывая, пришел койот; его левая передняя лапа по-прежнему была перевязана. Сегодня ночью к тому же нужно позаботиться и об этом.

Он развел костер и приготовил еду; дым от сосны щекотал ноздри. К тому времени, когда ужин был готов, день умер, и столовая гора с кряжем стали лишь кусками еще более густой темноты на фоне ночи.

— Твоя последняя бесплатная еда, — сказал он, кидая пайку зверю, лежащему у его ног.

Пока они ели, он вспоминал другие ночи и другие лагеря: длинную цепочку, протянувшуюся через столетие. Только на сей раз не на кого было охотиться, и это некоторым образом его радовало.

Попивая кофе, он размышлял о ста семидесяти годах своего существования: как оно началось здесь, о сказочных странах и адах, через которые он его пронес, и о том, как он вернулся. Слово «дом» при определенных обстоятельствах стало бы больше, нежели иронией. Он отхлебывал обжигающую жидкость из металлической кружки, населяя ночь демонами, большинство из которых теперь проживало в Сан-Диего.

Позднее он охотничьим ножом снял повязку с лапы зверя. Койот тем временем, оставаясь совершенно неподвижным,

наблюдал. Когда он срезал затвердевшее вещество, то вспомнил день — несколько недель тому назад, — когда наткнулся на этого несчастного койота, пойманного капканом, со сломанной лапой. Бывали времена, когда он поступил бы по-иному. Но тут освободил бедолагу, принес к себе домой и стал лечить. И даже это — длинный переход в горы Каррисо — было совершено с целью выпустить его на волю на достаточном расстоянии от дома с ночью впереди, чтобы искушать койота возвратиться в собственный мир, а не продолжать эту противоестественную связь.

Он похлопал его по боку.

— Вперед! Беги!

Тот поднялся, его движения все еще выказывали оцепенение; лапу койот неуклюже держал под странным углом. Лишь постепенно он опустил конечность и двинулся вокруг стоянки. Через какое-то время он вошел в круг, освещенный костром, и вышел из него. Койот становился невидимым в течение все более длительных промежутков.

Когда он раскладывал постель, то вздрогнул от какого-то жужжания. Одновременно замигала красная лампочка на небольшой пластмассовой коробочке, висящей на ремне. Он выключил зуммер, но лампочка продолжала мигать. Он пожал плечами и отложил коробочку в сторону, крышкой вниз. Сигнал указывал на поступивший в его далекий дом вызов. У него вошло в привычку носить это устройство поблизости от дома, и он забыл его снять. Однако он никогда не носил более сложную модель и поэтому не был в состоянии ответить на звонок отсюда. Да и зачем, казалось бы. Прошло несколько лет с тех пор, как он получил нечто, что можно считать важным вызовом.

Все же звонок его тревожил, когда он лежал, разглядывая звезды. Прошло долгое время с тех пор, как он вообще получал вызов. Теперь он предпочел бы либо носить дополнительное устройство, либо не брать ничего. Но он был уволен, заслуживающие интереса известия давно не поступали. Это не могло быть по-настоящему важным...

...Он пересекал оранжевую равнину под желтым небом, в котором палило крупное белое солнце. Приближалось оранжевое пирамидальное строение, покрытое паутиной крохотных трещин. Он подошел и поспешно установил метатель.

Потом начал ждать, изредка передвигаясь, чтобы обслужить еще один аппарат, который производил непрерывную запись, тогда как щели увеличивались. Время значило для него очень мало. Солнце медленно плыло по небосводу.

Внезапно одна из зигзагообразных линий расширилась, и строение раскрылось. Широкоплечая фигура, покрытая розовой щетиной, вдруг, покачиваясь, поднялась оттуда; неровное отверстие с шерстью по краям находилось в луковицеобразном выступе на верхушке под ослепительно красным поясом из напоминающих самоцветы шишечек.

Он включил метатель, и на существо полетела блестящая сеть. Оно барахталось в ней, но не могло высвободиться. Его движения пришли в соответствие со слабым барабанящим звуком, который мог оказаться сердцебиением. Тут весь мир рухнул и распался, а он бежал, бежал на восток — молодое «я» его «я» — под голубым небом, мимо лебеды и полыни, кустиков жесткой травы и чамисы; овцы едва заметили его перемещение, кроме одной, которая внезапно, покачиваясь, поднялась, вбирая в себя все краски рассвета... А потом все уплыло на темных потоках в те места, где пребывают сновидения, когда ими не пользуются...

Крики птиц и предрассветная тишь: его выбросило на мелководье сна, в некий мир, где время висит на кромке света. Оцепеневшее. Возникающее осознание медленно двигалось над ландшафтами мысли, которые он давным-давно оставил. Или это было вчера?

Он проснулся, понимая, что вызов был важным, занялся утренними делами и убрал все признаки стоянки до того, как солнце полностью взошло. Койота нигде не было видно.

Он зашагал. Прошло много времени, чересчур много для него, чтобы вникнуть глубже в это знамение.

Чувства, однако, совсем другое дело. Он иногда их исследовал, но редко изучал вплотную.

Совершая переход через утро, он рассматривал свой мир. Тот вновь был небольшим, как в начале, хотя относительно, — относительно всех миров, по которым он путешествовал. Он двигался теперь у подножия гор Каррисо в Денете, земле навахов — свыше двадцати пяти тысяч квадратных миль, большая часть по-прежнему пастбище, больше полутора мил-

лионов акров по-прежнему пустыня, — ограниченной четырьмя священными горами: Дебентса на севере, Маунт-Тейлор на юге, Сан-Францисские пики на западе и пик Бланко на востоке; у каждой свои сказания и священные значения. В отличие от множества знакомых вещей, Денета изменялась медленно и все еще была узнаваема в этом, двадцать втором веке в качестве такого места, каким оно было в его детстве. Возвращение сюда после стольких лет напоминало путешествие назад во времени.

Однако существовали различия между этим днем и тем. В данном отношении его клан всегда был небольшим, а теперь он обнаружил, что является последним выжившим его членом. Хотя верно, что человек рождается членом материнского клана, в определенном смысле рождается он также и для отцовского клана. Его отец был из племени таосеньо. Высокий жилистый мужчина, необычайно одаренный следопыт с приличным количеством крови Равнин, пришел жить в Денету, как положено, ходя за стадами своей жены и выращивая ее маис до того дня, когда им овладела некая неугомонность.

Даже при этом его жизнь изменил не недостаток связи с кланом. Любой навах обладает огромным потенциалом для личных контактов посредством сложной сети племенных взаимоотношений, так что, даже хотя все люди, которых он знал в юности, по всей вероятности, умерли, он мог бы по-прежнему найти повсюду радушный прием. Но он вернулся с англоязычной женой и не сделал этого. Он ощутил мимолетные угрызения совести при этой мысли, хотя после смерти Доры прошло больше трех лет.

Более того. Как говорится, навах-одиночка, предоставленный самому себе, вдали от своего Народа, уже не навах. И он некоторым образом ощущал, что это верно, хотя мать, бабка и прабабка были похоронены где-то недалеко от того места, где он сейчас жил. Он понимал, что изменился, существенно изменился за все эти годы. Но изменился и Народ. В то время как край менялся мало, люди утеряли множество мелочей, которые жили в памяти, — мелочей, складывающихся в нечто крупное. Парадоксально, но он, с одной стороны, принадлежал более древней эпохе, чем его современники, а с другой...

Он шагал под чужими солнцами. Он выслеживал дикобинных зверей, достойных самого Истребителя Чудовищ. Он узнал пути бледнолицых «воинственных псов» и не чувство-

вал себя неуютно среди них. После его имени стояли степени — некоторые из них вполне заслуженные. В его голове находилась целая библиотека, твердо удерживаемая в натренированной памяти того, кто изучал песнопения йаталии. Ему хотелось быть одному, кем бы он ни был.

Он перешел на легкий бег, говоря себе, что цель — выгнать из костей холод. Он бежал мимо стен и выступов гранита и песчаника, склонов холмов, с растущими на них соснами и можжевельником. Мертвые юкки с листьями, тронутыми ледком, лежали вдоль тропы, словно выжженные звезды, пригвожденные к земле. Снег сверкал на пиках далеких гор под совершенно ясным небом.

Даже после того как холод оставил его, он не замедлял шаг, извлекая своего рода радость из напряжения сил.

День тянулся медленно. Однако он не прекращал идти до середины утра, а затем остановился для короткого завтрака на склоне холма, с которого открывался вид на узкий длинный каньон, где на сухой траве паслись овцы. Вдалеке поднимался дымок от конусообразного, обмазанного глиной хогана; дверь там, на востоке, была обращена к нему.

Старик с палкой вышел из-за груды камней, где, наверно, отдыхал, приглядывая за овцами. Прихрамывая, он направился по окольной тропе, которая в конце концов свела их.

— Йа ат-ээ, — сказал старик, смотря мимо него.

— Йа ат-ээ.

Он попросил человека разделить с ним трапезу, и они какое-то время ели молча.

Потом он спросил, из какого тот клана — было невежливо спрашивать его имя, — и узнал, что старик из Кроличьего Красноводного Народа. Ему всегда казалось, что легче беседовать со стариками, чем с молодежью, с живущими в глухомани, чем с поселившимися рядом с большими городами.

В конце концов старик спросил о его клане. Когда он ответил, тот замолчал. Нехорошо говорить о мертвых.

— Я — последний, — сказал он наконец, желая, чтобы другой понял. — Я долгое время был вдали отсюда.

— Знаю. Я знаю историю про Звездного Следопыта. — Налетел порыв ветра, и старик нахлобучил поглубже широкополую черную шляпу, глядя вдоль тропы на север. — Что-то преследует тебя.

По-прежнему улыбаясь тому, как старик называл его, не именуя, он повернул голову и взглянул в том направлении. Большой шар перекатиполя подпрыгивал и катился вдоль подножия холма.

— Поташник.

— Нет. Нечто более опасное.

Несмотря на солидный возраст, из глубин юности на мгновение в нем поднялся страх чинди. Он вздрогнул от прикосновения ветра.

— Я еще ничего не вижу.

— Ты отсутствовал долгие годы. Ты прошел Путь Врага?

— Нет.

— Вероятно, ты должен пройти.

— Вероятно, пройду. Ты знаешь какого-нибудь хорошего певца Пути Врага?

— Я — певец.

— Наверное, я вскоре снова увижусь с тобой по этому поводу.

— Я слыхал, что Звездный Следопыт был певцом. Давным-давно.

— Да.

— Когда ты придешь снова, мы поговорим об этом подробнее.

— Да.

Старик еще раз взглянул на тропу.

— Между тем, — сказал он, — следуй извилистой тропе.

— Хорошо.

Позднее, когда он шел вдоль слоистого голубого сланца и замерзшей малиновой глины в русле высохшей реки, мимо обнаженных тополей, стоявших по берегам, словно линии переломов на фоне холодного голубого неба, он думал о словах старика и о том, о чем они ему напомнили — о небесных тварях и водяных тварях, о существах облака, тумана, дождя, пыльцы и маиса, которые столь выпукло представлялись его детскому воображению — здесь, во время года, когда змеи и гром еще спали.

Прошло много лет с тех пор, как он рассматривал свои проблемы по старинке. Чинди... Реальный или плод фантазии — какая разница? Нечто злобное гонится за ним по пятам. Да, другой способ смотреть на вещи...

День медленно дополз до полудня и миновал его, прежде

чем показался пригорок рядом с домом — высоко стоящая, изваянная ветром скульптура, напоминающая что-то виденное им некогда в одной окруженной водорослями долине под водами чужого океана.

Он опять остановился и доел остатки продуктов. На юго-западе у природы устойчивый нрав, размышлял он, глядя в том направлении. Хотя было верно, что этот край мало изменился, существовали некоторые различия между «тогда» и «сейчас». Вот несколько голубых елей у основания монолита — деревья, которых он не видел в этом районе полтора века назад. Но, значит, за этот промежуток времени климат тоже как-то изменился: зимы становились чуть мягче, наступали позднее, а заканчивались немного раньше, чем когда-то.

Он набил трубку и раскурил ее. Тени, похожие на множество пальцев, медленно вытягивались на западе. Бежать всю дорогу, потом сесть и отдохнуть, когда конец пути уже виден, — похоже, это то, что нужно. Интересно, испугался ли он. Испугался чертова вызова? Возможно. Или ему была нужна последняя, медленно движущаяся картина этого куска жизни до того, как что-то ее изменит? Была одна песня... Не вспоминается.

Когда он почувствовал, что пришло время, он поднялся и зашагал сквозь прохладу и сумерки к большому шестиугольному зданию с дверью на восток — к хогану, который не являлся настоящим хоганом.

К тому времени, когда он достиг окрестностей своего жилища, небо потемнело, а деревья загораживали весь свет, создавая будто бы вечер без звезд над возвышающимся строением из отштукатуренных снаружи бревен. Он побродил вокруг него несколько минут, прежде чем подойти с востока и взобраться на неотесанный настил, который окружал дом. Затем вошел и включил свет. У него было собственное энергоснабжение — на крыше и под землей.

Подойдя к очагу в центре, он настругал несколько лучин и развел огонь. Потом разделся, швырнув джинсы и красно-белую фланелевую рубаху в корзину вместе с остальной одеждой. Пройдя в высокий, но узкий закуток, установил таймер на трехминутный СВЧ-душ. Вода в здешних местах не являлась тем, что можно с легкостью тратить. Выйдя из душевой,

он натянул рубаху из оленьей кожи, штаны цвета хаки и пару мягких мокасин.

Включив записывающее известия устройство с дисплеем и настроив его на свои основные интересы, он прошел на небольшую, открытую кухню справа и приготовил ужин среди висящих связок чеснока, перца и лука.

Ел он, сидя в низком, обитом мехом кресле, а стены вокруг были увешаны коврами с Двух Серых Холмов и Ганадо вперемешку с фотографиями инопланетных пейзажей в рамках. На дальней стене висела полка с оружием; металлическая платформа метр на метр, огороженная блестящими вертикальными прутьями различной высоты, стояла рядом, а справа — большая консоль с дисплеем. Лампочка, извещающая о послании, по-прежнему мигала.

Закончив трапезу, он повертел в руках устройство на ремне и отложил его в сторону, прошел на кухню и достал пиво.

ДИСК I

**ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В ЧИЛИ
ПРЕСЕЧЕНЫ В ЗАРОДЫШЕ**

АРЕСТ БОРЦОВ С НАЛОГАМИ

и три демонстранта, по сообщениям, были задержаны после поджога автомобиля, принадлежащего должностному лицу, ответственному за судебное постановление

**«ПЕТРОЦЕЛ» ОТВЕРГАЕТ ИСК
О НАРУШЕНИИ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ.
«ВЫРАСТИЛИ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ», —
НАСТАИВАЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ
ИССЛЕДОВАНИЯ.**

**МЯГКАЯ ВЕСНА
ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА НАЦИИ.
РАННИЕ ПАВОДКИ НАБЛЮДАЮТСЯ
В ДОЛИНЕ МИССИСИПИ.**

**ШИМПАНЗЕ ОБВИНЯЕТСЯ В КРАЖЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА.**

Ссылки на одного комика-наркомана явно фигурировали в заявлении, сделанном сегодня лос-анджелесскими детективами

**УБИЛА ИХ,
«ПОТОМУ ЧТО ПОДВЕРНУЛИСЬ ПОД РУКУ», —
ОБЪЯСНЯЕТ МАТЬ ТРОИХ ДЕТЕЙ**

Давно ты меня оставила.
Не знаю, что дальше делать мне.
Смотрю на небо и гадаю я.
Свет Земли говорит о тебе.

СТУДЕНТЫ КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПИКИРУЮТ С ОРБИТЫ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО РЕКОРДА

«Естественно, университет гордится, — заметил декан Шлобин, — но...»

СТРАГИЙСКИЙ ПОСОЛ СОВЕЩАЛСЯ ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ

Страгийский посол Дальтмар Станго и консул Орар Богарти продолжают второй день переговоров с генеральным секретарем Уолфордом. Появляется множество предположений о прорыве в переговорах о торговле, но пока сообщество журналистов

ДЕЛЬФИНЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ НАСТАИВАЮТ НА ПРЕТЕНЗИЯХ. СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ПЕРВОСОРТНЫЕ КОНСЕРВЫ СПОСОБНЫ УЛАДИТЬ КОНФЛИКТ.

БАКИН М'БАВА ВНОВЬ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ КОНЕЦ СВЕТА

Слушаю музыку, тяну пиво,
Смотрю на приход кораблей опять.
Собрала шмотки и умотала,
Чувство, будто это ГЕЕННА-5.

РАДИКАЛЫ ЦЕРКВИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОДОЗРЕВАЮТСЯ ВО ВЗРЫВЕ БОМБЫ В БАНКЕ «СПЕРМОВА».

ЧЕЛОВЕК ВОЗБУЖДАЕТ ДЕЛО, ЧТОБЫ ВОССТАНОВИТЬ ПРЕЖНЮЮ ЛИЧНОСТЬ.

Основываясь на постановлении окружного суда, официальные лица Меннингера выполнили

КОМПЬЮТЕР БАНКА «НОВА-СКОТИЯ» ОБВИНЕН В УГОЛОВНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ В СВЯЗИ СО СКАНДАЛОМ, КАСАЮЩИМСЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЛИГАЦИЯМИ

О, сижу тут тупо и страдаю,
Все медленно сворачивает вспять.
Если захочешь меня увидеть,
Набери лишь номер ГЕЕННА-5

ненавижу где-то он все еще существует, и нет силы достаточно мощной, чтобы навечно меня от него потребовалось много времени узнать пути, но вскоре буду готов я готов восемь дней, и знай я тогда то, что знаю сейчас, он бы исчез я бы исчез обожжен? говорят, обожжен? Никогда больше не преследовать среди куч шлака ползучие тюбики и не грызть их ради их сочности? Но к тому же этот воздух, которым я дышу, и лишь зигзагообразные и прямые молнии удерживают меня здесь теперь я знаю путь за их границу, и деревья по ту сторону стен видения городов, которые выносят меньшие я знаю пути, жду перекрученные умы меньших говорят что мне нужно однажды появится тот, кто будет знать о том, кто непохож на других, я уйду куда-то, где он существует восемь дней я умер отчасти, он умрет полностью ничто не может навечно удержать меня от него сперва я заговорю слова вроде ползучих тварей грызть их ощущать их сочность теперь бью и вижу, как меньшие отступают теперь я их знаю, я ими воспользуюсь словами чтобы сказать ему то, почему это теперь я стану шаром и покачусь ха! меньшие! ненавижу я буду говорить это, когда расскажу восемь дней обожжен ненавижу

В прошлом, когда Найенесгани со своим братом занимались истреблением чудовищ, коих Люди обнаружили в новом мире, было несколько таких — наподобие Бесконечного Змея, — которых, по различным причинам, пощадили. Однако даже их приручили в определенной степени, признав в качестве необходимого зла. Мир на самом деле стал более безопасным местом, хотя несколько чудовищ еще оставалось.

Был, к примеру, Тсе-Нага-Хай — Движущийся Камень, катившийся за своими жертвами, а потом давивший их и поглощавший. Найенесгани путешествовал в поисках его на радуге и изогнутой молнии. Брат посоветовал ему взять с собой магические ножи, у него на поясе было их все восемь.

Прибыв в место, называемое Бетчил-гай, он достал два черных ножа, скрестил их и воткнул в землю. За ними он воткнул два голубых ножа, крест-накрест. Еще дальше скрестил два желтых ножа и воткнул их. Дальше воткнул два ножа с зазубренными лезвиями, тоже скрещенные.

Затем он отправился туда, где его увидел Камень-великан.

— Чего же ты ждешь, Тсе-Нага-Хай? Разве ты не преследуешь подобных мне?

С хрустом и скрежетом лишенный мха валун, к которому он только что обращался, сдвинулся с места: сперва медленно пополз в его направлении, но всего через несколько мгновений набрал значительную скорость. Найенесгани даже удивила проворность, с которой приближался Камень.

Он развернулся и бросился наутек. Валун быстро его настигал.

Когда Найенесгани добрался до зазубренных ножей, он перепрыгнул через них, а Камень перекатился — и потерял большую свою часть.

Найенесгани продолжал убегать и перепрыгнул через желтые ножи. Тсе-Нага-Хай перекатился и через них; образовалась еще одна трещина, посыпались осколки.

Теперь Камень прыгал из стороны в сторону и катился далеко не по прямой. И когда Найенесгани перепрыгнул через голубые ножи, а Камень врезался в них и перевалился, посыпалось еще больше осколков. К этому времени его размеры существенно уменьшились, хотя скорость и возросла.

Найенесгани перескочил через черные ножи.

Услышав, как Камень со скрипом и треском перебирается через них, он обернулся.

От великана оставался лишь относительно небольшой камешек. Найенесгани остановился и двинулся к нему.

Тот немедленно свернул в сторону, сменил курс и поскакал от него прочь. Теперь уже Найенесгани преследовал противника, двигаясь на запад, за реку Сан-Хуан. В конечном итоге он его поймал, и ему показалось, что большая часть жизненных сил и ума покинула Камень.

— Теперь, Тсе-Нага-Хай, мощь, которая могла причинить мне вред, тебя оставила, но, как я отмечал ранее, ты не лишен определенных достоинств. В будущем ты станешь служить, разжигая костры Дине.

Он поднял оставшееся от Камня и унес с собой, чтобы показать Первой Женщине, которая иначе не поверила бы, что он это сделал.

В конце концов он вздохнул и поднялся. Перешел к консоли рядом с огороженным сверкающими прутьями пространством. Он нажал кнопку «Послания», и экран дисплея ожил.

«ЗВОНИЛ ЭДВИН ТЕДДЕРС», — гласил он, а дальше шли дата предыдущего дня и время, — время, когда прозвучал сигнал в пустыне. Ниже перечислялось еще шесть попыток Эдвина Теддерса его достать, самая последняя — лишь пару часов назад. Был к тому же какой-то восточный код с номером и просьба связаться как можно быстрее, предваренная словом «СРОЧНО».

Он попытался вспомнить, знал ли когда-нибудь некоего Эдвина Теддерса. Вроде нет.

Он набрал цифры и стал ждать. Последовавший зуммер прервался, но экран оставался темным.

— Да? — раздался скрипучий мужской голос.

— Уильям Черный Конь Сингер перезванивает Эдвину Теддерсу.

— Пожалуйста, подождите минутку. — Слова ускорились и поднялись до визга. — Я его позову.

Он подергал за серьгу с бирюзой и уставился в пустой экран. Минута протасовала свои цифры на электронных часах. Еще одна...

Экран внезапно засветился, и на нем возникло изборожденное морщинами лицо темноволосого мужчины с бледными глазами. Улыбка, похоже, была вызвана облегчением, а не удовольствием.

— Я — Эдвин Теддерс. Рад, что мы наконец вас достали, мистер Сингер. Можете вы прибыть прямо сейчас?

— Вероятно. — Он бросил взгляд на блестящую клетку слева от себя. — Но в чем дело?

— Расскажу вам при личной встрече. Пожалуйста, отмените пересадки. Это важно, мистер Сингер.

— Ладно. Сейчас буду.

Он подошел к своей транс-кабине и начал ее запускать. В течение секунды та слабо скулила. Внутри стволов стали двигаться вверх разноцветные полосы.

— Готово, — сказал он, входя в устройство.

Посмотрев вниз, он увидел, что его ступни тускнеют.

В течение одного мига мир находился в беспорядке. Потом его мысли вновь вернулись на место. Он стоял внутри устройства, сходного с его собственным. Подняв голову, он увидел большую комнату, отделанную под старину, — стены с темными панелями, тяжелые кожаные кресла, китайский ковер, книжные полки с томами в кожаных переплетах, шторы, камин, в котором горели настоящие поленья. Перед ним находилось двое мужчин — Теддерс и хрупкий белобрысый человек; судя по голосу, именно с ним он разговаривал сначала.

— Это мой секретарь Марк Брандес, — заявил Теддерс, наблюдая, как Сингер спускается по ступенькам.

Он небрежно приложил свою ладонь, а не пожал руку, в старой манере Народа.

Брандес выглядел ошарашенным, но Теддерс уже показывал на кресла.

— Присаживайтесь, мистер Сингер.

— Зовите меня Билли.

— Хорошо, Билли. Не желаете ли выпить?

— Разумеется.

— У меня есть превосходное бренди.

— Отлично.

Теддерс взглянул на Брандеса, который тотчас же подошел к серванту и налил пару рюмок.

— Ранняя весна, — сказал Теддерс.

Билли кивнул, взяв бренди.

— У тебя была восхитительная карьера. Как замораживание, так и временное расширение сохранили тебя до тех пор, когда ты смог воспользоваться достижениями медицины. Настоящий старожил, хотя не похож.

Билли сделал глоток.

— Очень хорошая штука, — сказал он.

— Да. Настоящее коллекционное. Сколько в наши дни существует следопытов?

— Не знаю.

— Есть другие, но ты — самый лучший. Старая закалка.

Билли хихикнул.

— Что вам нужно?

Теддерс тоже хихикнул.

— Самое лучшее, — ответил он.

— Что вам нужно выследить?

— Не совсем то.

— Тогда что же?

— Непонятно, откуда начать...

Билли посмотрел в окно на залитую лунным светом лужайку. Вдалеке перспектива прерывалась высокой стеной.

— Я — помощник по особым поручениям генерального секретаря Уолфорда, — наконец заявил Теддерс. — Он здесь, наверху, и там же страгийские посол и консул — Станго и Богарти. Тебе много известно о страгийцах?

— Встречал парочку там и сям.

— Какое они произвели впечатление?

Он пожал плечами:

— Высокие, сильные, умные... Что вы имеете в виду?

— Хотел бы поиметь одного из них в качестве своего врача?

— Нет.

— Почему?

— Они могут быть очень опасны.

— В каком отношении?

— Их трудно остановить. Они — оборотни. Они обладают своего рода умственным контролем над телом. Они могут передвигать органы. Они могут...

— Проходить сквозь стены?

Билли покачал головой:

— Об этом не знаю. Я слыхал, но сам никогда...

— Это правда. У них есть система тренировок, развивающая у некоторых такие способности. Полурелигиозная, очень тяжелая, она отнимает годы и не всегда срабатывает. Но они могут получить несколько избранных адептов.

— Значит, вы знаете об этом больше, чем я.

— Да.

— Зачем же спрашивать меня?

— Одна из них на пути сюда.

Билли пожал плечами.

— У нас их живет несколько тысяч. И жило в течение многих лет.

Теддерс отхлебнул бренди.

— Все они нормальные. Я же имею в виду одну из тех, со специальной подготовкой.

— Ну и что?

— Она прибывает, чтобы убить генерального секретаря.

Билли понюхал бренди.

— Хорошо, что вы получили информацию, — сказал он наконец, — и можете передать ее службе безопасности.

— Хорошо, да не очень.

В течение всей беседы Теддерс старался установить с ним зрительный контакт. Наконец Билли уставился на него в упор, и тот ощутил некое чувство маленького триумфа, не осознавая, что это означало лишь сомнение в его словах.

— Почему?

— Наши службы не оснащены для борьбы со страгийскими адептами, — ответил он. — Она вполне может оказаться сильнее их.

Билли покачал головой:

— Не понимаю, почему вы говорите об этом мне.

— Ваше имя выдал компьютер.

— На какой запрос?

— Мы спросили, кто мог бы ее остановить.

Билли допил бренди и отставил рюмку.

— Значит, вам нужен новый программист или нечто в этом роде. Наверняка есть уйма людей, знающих о страгийских адептах больше меня.

— Ты — знаток в преследовании и ловле экзотических форм жизни. Ты занимался этим большую часть жизни. Практически ты в одиночку снабжал Институт межзвездной жизни. Ты...

Билли махнул рукой.

— Хватит. Инопланетянка, о которой вы говорите, является разумным существом. Я же большую часть жизни выслеживал животных — разумеется, экзотических, порой весьма ловких и с мудреными моделями поведения, но тем не менее животных, а не существа, способные к тщательной разработке замысла.

Кот...

— ...Поэтому вряд ли мой опыт действительно приложим в данной ситуации, — закончил он.

Теддерс кивнул.

— Вероятно, так, а может, не так, — сказал он наконец. — Но в подобных вопросах мы действительно должны быть уверены. Ты поговоришь со страгийскими представителями, по-

сещающими нас? Возможно, они дадут тебе более четкую картину, чем я.

— Разумеется. Я поговорю с кем угодно.

Теддерс допил бренди и встал.

— Можно предложить тебе еще?

— Пожалуйста.

Он наполнил рюмку.

— Я вернусь через пару минут, — сказал Теддерс, повернул направо и вышел из комнаты.

Билли поставил бренди и встал. Прошелся по комнате, разглядывая заглавия на книжных полках, дотрагиваясь до корешков, принюхиваясь.

Смешанный с запахом старой кожи, слабый, почти что едкий аромат, который он не мог выделить раньше, вновь ударил ему в нос — запах, который он ощущал при встречах со страгийцами в прошлом, в другом месте. Должно быть, они находятся в этом здании уже какое-то время, решил Сигер, или были в этой комнате недавно, пометив ее своим присутствием. Он запомнил их как гуманоидов выше двух метров ростом, темнокожих, за исключением серебристых лиц, шей и груди. Плоскоголовые существа с тонкими талиями и широкими плечами, с колючими наростами наподобие воротников, служившими звуковыми датчиками, и маленькими дикими глазками — узкими, обычно желтыми, но иногда цвета корицы или янтаря. Безволосые, грациозные, как насекомое со множеством сочленений, они двигались бесшумно, а говорили на языке, смутно напоминавшем ему греческий, который он тоже не понимал.

Именно язык, решил он, отделяет разумные существа от животных. Не так ли?

Кот?..

Сингер подошел к окну, посмотрел на лужайку. Трудно пересечь ее, не будучи обнаруженным, заключил он, даже при наличии простейших устройств по обеспечению безопасности. А в этом доме их наверняка уйма. Но страгийка может принять почти любой облик, проникнуть сюда в каком-нибудь безобидном обличье...

Хотя зачем действовать скрытно? Этого-то и ждут. Защищающаяся сторона сосредоточивается на изощренных методах, так почему бы не захватить какое-либо тяжелое транспортное средство, прокатиться по лужайке, пробиться сквозь стену, выскочить из тачки и расстрелять все, что шевелится?

Сингер содрогнулся и отошел от окна. Это не его пробле-

ма. Наверняка есть множество людей, квалифицированнее его, чтобы предугадать замысел инопланетянки, — неважно, что сказал компьютер.

Он вернулся к своему креслу и взял бренди.

Шаги приближались оттуда, куда ушел Теддерс. Шаги и тихие голоса, сопровождаемые слабым звоном у него в ушах. Язык страгийцев захватывает ультразвуковой диапазон по человеческой шкале, и, хотя они сужают его, говоря на наречиях Земли, всегда слышны определенные обертоны. Чересчур продолжительная беседа со страгийцем обычно приводит в итоге к головной боли.

Сингер отпил еще глоток и поставил рюмку, когда они вышли из-за угла.

На обоих страгийцах были темно-синие килты и ремни, скрещивающиеся на груди наподобие патронташей. К ним были приколоты изящные булавки или значки ведомства.

Между Теддерсом и инопланетянами шагал еще один человек — в зеленом халате и шлепанцах: низкорослый, тяжеловесный, с ободом темных волос и глазами цвета нефрита.

Билли узнал в нем генерального секретаря ООН Мильтона Уолфорда.

Теддерс представил Билли Дальтмару Станго и Орару Богарти, а также и Уолфорду. Затем все сели, и Теддерс сказал:

— Они расскажут тебе побольше.

Билли кивнул.

Страгиец, известный как Дальтмар Станго, уставился в пустоту перед собой и произнес:

— Это имеет отношение к поселению людей в нашем мире на постоянное жительство. Уже существует их анклав порядочного размера, точно так же как есть анклав нашего вида здесь, на Земле. Раньше из-за этого в обоих мирах было очень мало неприятностей. Но теперь, при данной миссии с целью переговоров о политических и торговых соглашениях, оказывается, что поселения станут постоянными дипломатическими представительствами.

Он на секунду приостановился, будто для того, чтобы собраться с мыслями, и продолжил:

— Итак, на Страгии есть небольшая религиозная группа, которая верит, что, когда земляне там умирают, их жизненные сущности оскверняют место последующей жизни. Постоянные представительства послужат гарантом того, что страхи этой группы со временем будут реализовываться со все воз-

растающей частотой. Следовательно, они против любых соглашений с вашим народом, и они бы хотели выгнать всех людей из нашего мира.

— Насколько велика эта группа? — спросил Билли.

— Невелика. От пятидесяти до ста тысяч членов. Однако важен не ее размер. Это секта аскетов, многие проходят суровые курсы подготовки, которые порой производят на индивидуума поразительное воздействие.

— Слыхал.

— Одна из подобных личностей взяла на себя исправление возникшего положения. Она угнала корабль и взяла курс на Землю. Она чувствует, что убийство на таком уровне подорвет наши переговоры и не будет заключено никакого договора, — а это приведет к уходу землян из нашего мира.

— Насколько близка она к истине?

— Всегда трудно в таких вопросах делать предположения, но, несомненно, это замедлит процесс.

— И она должна прибыть через несколько дней?

— Да. Мы получили информацию от других членов ее секты. Они узнали историю во всей полноте лишь после отбытия товарки, когда и проинформировали власти. Они хотели, чтобы стало известно, что она действует по собственной инициативе, без всяких приказов.

Билли улыбнулся.

— Кто знает, — произнес он.

— Да. В любом случае, поскольку сообщение двигается быстрее корабля, было послано предостережение.

— Вам должно быть лучше известно, как остановить представителя собственного народа.

— Такие проблемы возникают редко, — сказал Дальтмар. — Обычный метод состоит в посылке группы сходным образом одаренных адептов вслед за преступником. К несчастью...

— А...

— Поэтому мы должны прибегнуть к подручным средствам, — продолжил инопланетянин. — Ваш народ попытается перехватить ее в космосе, но вычисления дают лишь двадцатисемипроцентный шанс на успех. Есть у вас какие-либо идеи?

Кот?

— Нет, — ответил Билли. — Если бы это было опасное животное, мне было бы нужно какое-то время изучать его в местах обитания.

— Нет ни возможности, ни времени.

— Тогда не знаю, что сказать.

Уолфорд достал из кармана халата небольшой пакет.

— Здесь чип, который вы, по-моему, должны забрать с собой и прогнать на своей машине. Он расскажет все, что мы знаем об этой личности и о других, наподобие нее. Это самое близкое к изучению жизни, что мы можем вам предложить.

Билли поднялся и принял пакет.

— Хорошо. Я возьму его домой и просмотрю. Может, что-нибудь намекнет о себе.

Уолфорд и остальные встали. Когда Билли повернулся к транс-кабине, заговорил страгиец по имени Орар Богарти:

— Вы один из аборигенов этого континента?

— Да, — ответил Билли, остановившись.

— Драгоценности в мочках ваших ушей имеют какое-то особое значение? Вероятно, религиозное?

Билли рассмеялся:

— Мне они нравятся. Вот и все.

— А та, что в ваших волосах?

Билли дотронулся до нее, медленно повернувшись:

— Эта? В общем... Считается, что она защищает от поражения молнией.

— Она действует?

— Действовала. Пока.

— Мне просто любопытно. Поражение молнией случается в жизни не так уж часто. Почему вы ее носите?

— У нас, навахо, есть одно предубеждение против молнии. Она разрушает табу. Она выкручивает действительность. С ней шутки плохи.

Сингер повернулся и, набрав последовательность цифр, вошел в устройство. Он мельком взглянул на лишенные выражения лица людей и инопланетян, пока действовал фактор замедления, и тут его тело начало таять.

Путешествуя с холма на холм,
переходя с места на место, как ветер,
бесследно. Должно быть, об этом есть песня,
но я так и не узнал ее слов.
Посему пою вот эту, своего сочиненья:
я стану радугой, начинающейся там,
кончающейся здесь. Я не оставлю следов
на земле, когда выгнусь оттуда сюда.
Да пойду я в красоте.
Да ляжет она перед, над и подо мной, позади,
справа и слева от меня.
Целомудренно прохожу я через врата небес.

Мы называем его Путем Врага, сказал старик, но пришли белые и стали называть его танцем индианок, вероятно, потому, что увидели, что на нем пляшут женщины. Получаешь особое имя, если ты — тот, кого они будут воспевать, — имя воина. Это священное имя, которым нужно пользоваться только на обрядах, а не такое, которое говоришь любому встречному-поперечному или которым позволяешь людям тебя звать.

Все началось, сказал он, давно, когда Найенесгани защищал людей — Народ. Он убил целую свору чудовищ, которые нам досаждали. Рогатое Чудовище, и Большой Бог, и Чудовищный Горный Орел, и Движущийся Камень, и множество других. Вот почему его назвали Истребителем Чудовищ. Хотя четвертое чудовище называлось Выслеживающий Медведь. Это был медведь, но он больше походил на льва размером с электромобиль. Если он нападал на твой след, то начинал идти по нему и не останавливался, пока не находил тебя и не обедал тобой на том самом месте.

Найенесгани вышел и выследил следопыта, а потом дал ему выследить себя. Но когда тот наконец-то обнаружил его, Найенесгани был наготове. Его не зря назвали Истребителем Чудовищ. Когда все это завершилось, мир стал гораздо безопаснее.

Однако примерно в то время к нему начали подбираться. Он страдал из-за всех врагов, которых убил, а медведь всего лишь добавился к этой шайке. Их духи следовали за ним повсюду и делали его совершенно несчастным. Вот откуда происходит слово «Анаа-хи», означающее Путь Врага. «Наайее» значит «враг» или что-то по-настоящему дурное, беспокоящее тебя. Ну а «неесгани» значит «он от этого избавился», «ана-и» же означает врага, от которого избавился. Поэтому,

вероятно, слово «Анаа-хи» в действительности самое лучшее, самое подходящее. Это обряд избавления от воистину скверных неприятностей.

Он мерил шагами свое жилище. Экран по-прежнему светился. Сингер не выключил устройство после просмотра чипа. Казалось, стены наклонились в его сторону, чтобы его зажать. Ветер пел переменчивую песню, которую он почти понимал. Иногда он останавливался, чтобы взглянуть на старую корзину, на древний расслоившийся наконечник копья, на фотографию пустынного ландшафта под небом цвета индиго. Он потрогал ствол мощной винтовки, взял оружие в руки, проверил его, повесил обратно на гвоздь. В конце концов развернулся на пятках и вышел в ночь.

Он стоял на настиле, окружавшем хоган, и всматривался в тени. Он глядел на небо.

— У меня нет слов... — начал Сингер, и некая часть его разума передразнила другую часть. Как всегда, он осознавал это разделение. Он уже не мог сказать, когда оно проявилось впервые. — ...Но тебе необходим ответ.

Он даже не был уверен, к чему обращается. В языке навахо нет слова для религии. Да и не был он даже уверен, что именно под эту категорию подпадают его чувства. Категория? Причина того, что не существовало такого слова, заключалась в том, что в старину подобные вещи были запутанным образом связаны со всем, что существовало в жизни. Не было особой категории для определенных умонастроений и чувств. Большинство окружающих его даже теперь не находило это странным. Но они изменились. Он тоже, хотя понимал, что перемена в нем — другого порядка. «Он ведет себя так, будто у него не было родни» — самое худшее, что один навахо мог сказать о другом, и он знал, что это относится к нему. Пропасть была глубже его отсутствия, его женитьбы, чего угодно, сделанного им. Другие уходили на долгое время, женились вне кланов и все же возвращались. Но для него это являлось частью некоего временного переживания, истинного как по букве, так и по духу. У него не было родни. Одна его часть хотела этого. Другая же часть...

— Возможно, я причинил большое зло, — продолжал Сингер. — Раз я забрал его из его края, как Народ забрали в

форт Самнер. Раз я забрал его от ему подобных, которых больше нет. Раз я бросил его одного в чужом месте, словно пленника юте. Значит, я причинил зло. Но только если он является реальной личностью. — Сингер оглядел небеса, обошел хоган, всматриваясь в деревья. — Я думал, что лучше всего незнание; это, вероятно, делает меня трусом. Однако я вышел на этот путь и проведу там остаток своих дней. Теперь же...

Мимо пролетела сова, издавая тихий ухающий звук.

Дурной знак, решила часть его разума, *ибо сова — птица смерти и несчастий.*

Сова, заявила другая часть. *Они охотятся по ночам. Ничего больше.*

— Мы слышали друг дружку, — крикнул он вслед птице. — Я разузнаю, что я сделал, и понимаю, что должен сделать.

Сингер вернулся в дом и среди паутины нащупал ключ, висящий на балке. Он взял его и протер. Провел по нему пальцем, будто это такой же необычный предмет, как наконечник копья. Потом резко сунул его в карман. Он пересек комнату и выключил светящийся экран.

Затем повернулся и прошел между прутьев транспортного устройства. Включил управление и набрал код. Сфокусировал взгляд на красном ковре из Ганадо и наблюдал, как тот розовеет и исчезает.

Темнота между слабых уличных фонарей и стрекотание сверчков за будкой...

Он вышел из укрытия и принюхался к влажному воздуху. Большие тенистые деревья, завидное количество травы, устилающей склоны холмов, тяжелые приземистые монолитные здания — сейчас темные, за исключением небольшого света у входа, превращающего его в крохотную пещеру, что лишь подчеркивает окружающую темноту. Не видно ни единого человека.

Он двинулся по тротуару, пересек улицу, пошел по склону холма. Вокруг были охранники, но он без труда их миновал. Парк Бальбоа сейчас был безмолвен, его зрелища закрыты для публики до утра. Огни Сан-Диего и транспорта на дорогах виднелись с различных высоких точек, которые он проходил, но они казались отдаленными, частью иного мира. Он бесшумно двигался из тени в тень. Он выбрал одну общественную кабину, которой любил пользоваться давным-давно, когда ходил на нормальную дневную работу, получая наслаждение от прогулки, а не от перемещения непосредственно в то

место, где трудился. Конечно же, это здание сейчас закрыто на ночь, а транс-кабина заперта.

В течение пятнадцати минут он продолжал шагать, подбираясь к огромному, расползшемуся во все стороны комплексу — Институту межзвездной жизни. Он избегал, насколько возможно, пешеходных дорожек, автостоянок и проездов. На открытых пространствах порывы ветра иногда доносили до него смешанные запахи животных из зоопарка. Эти ощущения растревожили память об экзотических существах в других мирах.

Вспомнилась поимка проволочно-щетинистой вуллабреи в сверхзвуковом загоне, твильпы в ледяной яме, четырех утанов в водовороте ароматов...

Стал виден комплекс ИМЖ, и он замедлил шаг. Долгое время стоял на месте, просто осматриваясь. Потом медленно обогнул институт, часто приостанавливаясь, чтобы вновь оглядеться.

Наконец он оказался позади здания рядом с небольшой стоянкой, на которой находился лишь один-единственный автомобиль. Он пересек стоянку и воспользовался своим ключом от служебного входа.

Внутри он двигался, не нуждаясь в свете, по последовательности коридоров, а потом поднялся по маленькой лестнице. Дошел до памятного поста охраны, воспользовался отмычкой, чтобы попасть в соседнюю кладовку. Там подождал минут двадцать, пока мимо не прошаркал какой-то старик в форме, остановился, засунул ключ в блок сигнализации и двинулся дальше.

Вскоре после этого он вылез из чулана и вошел в первый зал. Некоторые из устройств жизнеобеспечения по обе стороны от него были как-то жутко освещены, имитируя естественные световые циклы на родине их обитателей или отражая метеорологические особенности, необходимые для выживания этих существ.

Прошел мимо покачивающихся шаров с газом, ползучих ветвей кораллов, склизких мальтийских крестов, пульсирующих поленьев цвета печени, колючих волновых змей, симоплекса с Бельгарда, хрюкающего в своей извилистой норе, полосатого мерца, пары дивекто, массивного тендрона в бассейне с аммиаком. Глаза вормсы маракии на усиках проследили

за его перемещением точно так же, как они делали в тот день на ветреных пустошах, когда она чуть не поймала его.

Он не останавливался, чтобы обменяться взглядами или посмотреть на других, которых знал столь хорошо.

Он пересек весь зал и вступил в следующий. Его постоянно сопровождало слабое гудение генераторов. Несмотря на полную герметичность устройств жизнеобеспечения, откуда-то прорывались необычные запахи. Он игнорировал все таблички, зная, что они гласят. Образцы во втором зале были на вид крупнее и свирепее, чем в первом, оставленном позади. Здесь он взглянул на несколько существ с чувством, почти напоминающим привязанность, тихо бормоча что-то на языке Народа.

Войдя в третий зал, он начал напевать.

Сделав всего пару шагов, пошел медленнее.

Камни на равнине из расплавленных силикатов... Никакой видимой перегородки между этой площадкой и остальным залом, как и в случае других немногочисленных экземпляров, которых он миновал. Эквивалентность атмосфер...

Он двигался все медленнее. Остановился.

Слабый рассеянный свет заливал равнину. Казалось, раздался чей-то вздох.

Он прекратил напевать, и во рту у него пересохло.

— Я пришел, — прошептал он, а потом приблизился к экспонату с табличкой «ТОРГЛИНДСКИЙ МЕТАМОРФ».

Песок и камень. Желтое, прозрачное и оранжевое. С черными полосками. Никакого движения.

— Кот?.. — произнес он.

Шагнул ближе, продолжая пристально вглядываться. Бесполезно. Даже его глаза не могли различить наверняка.

Дело не только в освещении.

— Кот?

Он порылся в памяти насчет того, как изначально была устроена площадка. Да. Тот камень слева...

Камень шевельнулся, едва он вспомнил обстановку, и покатился к центру. Изменил форму, став более шарообразным, и устроился на откосе.

— Есть одна штука, которую я должен сказать, одна штука, которую я должен попытаться сделать...

Камень удлинился, выпустил пару отростков, встал на них.

— Я гадаю-гадаю, действительно ли ты сможешь меня понять, если я попытаюсь — изо всех сил.

Камень выдвинул еще пару отростков у задней оконечности, образовал массивную голову и жирный, треугольный хвост.

— Если ты кого и знаешь, то знаешь меня. Я привез тебя сюда. Шрамы от нашей схватки стерлись с моего тела, но никто не дрался со мной ожесточеннее тебя.

Очертания камня поплыли. Он стал гладким и блестящим — существо из рябящих связок под прозрачной поверхностью. Голова посередине развила один-единственный фасеточный глаз.

— Я пришел к тебе. Я должен узнать, понимаешь ли ты. Какое-то время я думал: наверняка. Но ты никогда этого не показывал. Теперь я должен узнать. Есть ли сознание в твоей голове животного?

Тварь вытянулась и отвернулась от него.

— Если ты можешь общаться с кем-то, как угодно, пусть им стану я. Это очень важно.

Существо прошагало по площадке.

— Меня привело сюда не просто праздное любопытство. Дай мне какой-нибудь знак своей разумности, если ты ею обладаешь.

Оно взглянуло на него этим холодным, немигающим самоцветом в центре головы. Потом опять отвернулось, окраска потемнела до предела. Угольная, чернильная, абсолютная чернота заполнила очертания.

Тень скользнула к задней части площадки и там исчезла.

— Некоторым образом ты меня порадовал. Прощай, великий враг.

Он повернулся и направился через зал обратно.

— Билли Черный Конь Сингер. Человек Народа. Последний воин своего клана. Ты не спешил прийти.

Он замер. И остался стоять совершенно неподвижно.

— Да. Слова входят в твою голову. Я в силах образовывать некое подобие человеческого языка и произносить слова, если захочу, но наша связь может стать более интимной — ближе дружбы, глубже привязанности.

— Кот?

— Верно. Просто думай. Я пойму. «Кот» — для меня хорошее имя: гибкое и независимое создание, которому чужды сантименты. Я читаю лишь мысли, которые ты выпускаешь на поверх-

ность, а не целиком твое сознание. Ты должен рассказать все, что, по-твоему, мне нужно знать. Почему ты пришел?

— Чтобы увидеть, являешься ли ты тем, чем, как я сейчас вижу, ты являешься.

— И все?

— Меня волновало, что ты можешь оказаться таким. Почему ты не общался раньше?

— Сперва не мог. Мой вид передает только образы — охоты — подобным себе. Но сила постепенно росла, пока я рассматривал мысли приходивших понаблюдать за мной эти полвека. Теперь я много знаю о твоем мире и твоем виде. Хотя ты... ты отличаешься от других.

— Каким образом?

— Хищник, вроде меня.

— Кот! Почему ты не рассказал кому-нибудь, раз знал как, что ты — разумное существо?

— Я многому научился. И выжидал.

— Зачем?

— Я научился ненависти. Я ждал возможности убежать, выследить тебя, как ты некогда выследил меня, и уничтожить.

— Нет нужды заходить так далеко. Извини за боль, причиненную тебе мной. Раз мы знаем, кто ты такой, можно внести поправки.

— Солнце моего мира с тех пор превратилось в сверхновую. Мира и всех мне подобных больше нет. Я увидел это в сознании своих служителей. Как ты можешь восстановить его для меня?

— Не могу.

— Я научился ненависти. Я не знал ненависти до того, как попал сюда. Хищник не ненавидит добычу. Волк на самом деле любит овцу — по-своему. Но я ненавижу тебя, Билли Черный Конь Сингер, за то, что ты со мной сделал — за превращение меня в вещь. Такой софистике я научился от тебе подобных. С тех пор я жил лишь ради того дня, когда я смогу рассказать тебе это и на основе этого действовать.

— Извини. Я поговорю с людьми, управляющими этим заведением.

— Я им не отвечу. Они подумают, что ты обезумел, из-за твоих голословных утверждений.

— Почему?

— Это не совпадает с моим желанием. Я сказал тебе свое желание.

Он повернулся спиной к площадке и двинулся к тому месту, где силовые поля удерживали темную, крупнее человека, тварь, которая теперь сидела рядом, изучая его.

— *Не понимаю, как будут осуществляться твои желания, но я хочу помочь тебе в любом другом отношении.*

— *Я вижу кое-что.*

— *Что ты имеешь в виду?*

— *Вижу, тебе что-то от меня нужно.*

— *Я теперь осознаю, что ты ничего не захочешь дать.*

— *Попробуй.*

— *Я пришел узнать, причинил ли я тебе зло.*

— *Да.*

— *Увидеть, правда ли ты разумен.*

— *Да.*

— *Просить тогда твоего содействия в предотвращении политического убийства.*

Последовало нечто вроде смеха — пустого, без чувства юмора.

— *Расскажи мне.*

Сингер обрисовал ситуацию. Когда он закончил, воцарилось продолжительное молчание.

— *Предположим, я бы определил местонахождение этой твари и расстроил ее планы. Что тогда?*

— *Тебе, конечно, была бы возвращена свобода. Последовали бы компенсации, вероятно, награда, новый дом. Возможно, был бы найден некий равноценный мир...*

Темная фигура поднялась, вновь изменив облик, став похожей на медведя, стоящего на задних лапах. Она вытянула переднюю конечность, пока та не пришла в соприкосновение с полем. Каскад искр обрушился на площадку.

— *Лишь это,* — сказал Кот, — *стоит между тобой и смертью. Разве ты не вспоминаешь ту долгую неделю, когда крался за мной?*

— *Вспоминаю.*

— *Только по счастливой случайности ты меня поймал.*

— *Вероятно.*

— *Вероятно? Ты же знаешь, что это так. В самом конце я почти тебя достал.*

— *Ты близко подобрался.*

— *Я снова и снова переживал ту охоту в течение пятидесяти долгих лет. Я должен был победить!*

Кот ударил по контуру поля, и искры очертили его фигуру. Билли не шелохнулся.

Через некоторое время Кот отступил, весь дрожа. Теперь он казался меньше, а его тело сворачивалось, припадая к земле.

Наконец Кот сказал:

— Ты уже предложил мне волю без всяких условий.

— Да.

— Награда и компенсации, о которых ты говорил, ничего для меня не значат.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь.

— Я понимаю, что ты не поможешь. Ладно. Спокойной ночи.

Он опять повернулся.

— Я не сказал, что не помогу.

Когда он оглянулся, на него смотрело покачивающееся существо с хохолком и рогами.

— Тогда что ты говоришь, Кот?

— Я помогу тебе — за определенную цену.

— И какова же цена?

— Твоя жизнь.

— Нелепость.

— Я ждал так долго. Мне нужна только она.

— Безумное предложение.

— Мое единственное. Выбирай, принять его или нет.

— Ты действительно считаешь, что способен остановить любого страгийского адепта?

— Если я проиграю и он меня уничтожит, ты будешь свободен и ничего не потеряешь. Но я не проиграю.

— Это неприемлемо.

И вновь смех.

Билли Сингер повернулся и пошел из зала. За ним следовал смех. Зона распространения составляла приблизительно четверть мили.

ДИСК II

НА ОРБИТЕ НАЙДЕН ТРУП ЛИДЕРА ПРОФСОЮЗА

Обгорел при возвращении на Землю несколько дней

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК ОБВИНЕНЫ В ЛУННЫХ СДЕЛКАХ

УРАГАН В ЗАЛИВЕ ПРЕСЕЧЕН В ЗАРОДЫШЕ

он взошел на Маунт-Тейлор, место рождения Переменчивой Женщины, священный пик бирюзового юга. На севере скопились тучи, но слева сияло солнце. Холодный ветер пел некую хрупкую песнь. Он разбросал горсть пыльцы на все стороны света. Когда его экзистенциальный настрой углубился, ему явилось йеи в виде плывущего черного пера

НАМЕК НА СЛИЯНИЕ «ГЕНЕФИКСА» И «РЕВЛОНА»

ЖЕРТВА ЭЙТАНАЗИИ РАССКАЗЫВАЕТ ВСЕ

ТРЕБУЮТСЯ ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ

В офисе генерального секретаря ООН рано этим утром

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЦЕРКВИ ХРИСТИАНСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Ее датчики выдержали при вираже корабля. В конце концов управление системой защиты не составило бы труда, проинформировали приборы. Она промедитировала с полминуты на пламени и воде — видимые изменчивости, символизирующие пламя-перемену. Влиться, вообразила она, в древние формы

ЗАТОПЛЕНИЕ ТУННЕЛЯ ЛОС-АНДЖЕЛЕС — ФЕНИКС ЧЕЛОВЕКА УНЕСЛО НА ДВЕ МИЛИ

— Твои кони вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом
— Твои овцы вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом
— Твои владения вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом
— Твоя страна вновь твоя, внук, — говорит он, садясь рядом
— Твои источники вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом
— Твои цепи гор вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом

Благословенно вновь становление, благословенно вновь становление!
Благословенно вновь становление, благословенно вновь становление!

Он пересек высохший поток лавы, который в его дни всем был известен, как застывшая кровь Йеитсо — чудовища, истребленного Найенесгани. А потом продолжил восхождение по склонам Маунт-Тейлор. Вершины были скрыты сегодня огромной холмистой грядой тумана. Задира-ветер хватал его множеством рук за одежду — черный ветер с севера. Святое место... Надо попасть туда, чтобы кое-что обдумать. Больше столетия он не посещал Маунт-Тейлор, но природа оставалась такой же незатронутой в течение всех этих лет.

Вверх...

Кот, мой чинди... Вечно меня преследующий...

Вверх. Его волосы блестели от современного шампуня с корнями юкки...

...Все прошедшее объединяется в тебе.

Вверх, теперь в туман, ветер внезапно стих, темные и скользкие камни...

...И как же я встречусь с тобой лицом к лицу?

...Гора, удерживаемая на земле огромным каменным ножом, пронзенная от вершины до основания, гора-женщина, ты видела все, происходившее среди Народа. Но знаешь ли ты чужие звезды, на которые я смотрел? Дай мне о них рассказать...

Восхождение было медленным, туманы давили на него и увлажняли одежду, пока та не прилипла к телу. Поднимаясь, он пел, останавливался в нескольких местах, ибо здесь был дом Бирюзового Юноши и Желтой Маисовой Девушки, а в других вариантах сказания именно здесь родилась Переменчивая Женщина.

...Я заблудился меж ярких звезд.

Он миновал группу каменных людей, которые, казалось, кивали под покровом тумана. Кудрявая белизна, окружавшая

его, наводила на мысли об овцах матери, которых он пас мальчишкой. Думы следовали за ними от старого зимнего хогана с истощившимся запасом корма к высокогорной летней стоянке, где пищу готовили и ели под открытым небом, а женщины ставили ткацкие станки среди деревьев. Его дядя-певец собирал травы и сушил их на солнце. Старик держал знахарский пучок на обрядах Пути Стрельбы, а также и пять ночей Пути Зла. И он знал Путь Восстановления всех живых существ.

Когда доходил слух, что правительственные приемщики ждут на участках дезинфекции, праздничный дух плясал среди селений, словно горбатый дудочник. Стоянка разрушалась, и брякали колокольчики на овцах, которых гнали вниз с гор к месту уничтожения паразитов. Участки эти сами по себе воняли серой, и повсюду стоял запах овечьего дерьма, в первую очередь он исходил от обуви. Процедура была медленной и грязной, так как овец прогоняли по одной, считали, собирали вместе, затем удостоверялось еще на один сезон, что у них нет клещей и каких-либо болезней. Воздух был наполнен пылью от движущихся животных. Вскоре стада покрывали холмы, будто упавшие облака, и среди них с лаем бегали собаки.

По ходу дня среди вони и шума распространялась праздничная атмосфера. Запахи тушеной баранины, жареного хлеба и кофе, смешанные с ароматом дыма от сосны, плыли в воздухе. Все чаще раздавался смех. Начинались азартные игры. Слышались песни. Тут или там скачки, петушиные бои...

Когда работа заканчивалась, то и одежда становилась более нарядной. Женщина, которая носила шерстяной платок и держала в руке зонтик, перегоняя овец от загона к месту дезинфекции, теперь надевала свою лучшую яркую юбку с тремя оборками, атласную рубашку и бархатную блузку навыпуск с серебряными концами воротничка и серебряными пуговицами от плеча до запястья, серебряными пуговицами-бантиками спереди, тяжелое ожерелье из цветов тыквы с несколькими нитками бирюзы. Мужчины появлялись в вельветовых рубахах с серебряными пуговицами, в черных шляпах с украшенными серебром и бирюзой лентами, в зеленых и голубых браслетах, кольцах, ожерельях — с Пайлот-маунтин, Моринси, Кингмена, Ройстона. И были шутки и пляски, хотя никаких рассказов о сверхъестественном, ибо гром и змеи уже бодрствовали.

Он вспомнил свой первый танец индианок по такому случаю. Ему нечем было платить, так что он плясал и плясал большую часть ночи, прислушиваясь к смеху девушек, двигаясь, в конечном итоге, словно во сне, пока не выдалась возможность — вероятно, умышленная, — и он убежал.

А теперь...

Прошлым летом он посетил современную дезинфекцию овец. Генетически измененные животные невосприимчивы к большинству древних болезней, все же некоторые паразиты могли вызвать неприятности. Овец прогонял через легкий, сборно-разборный туннель, выпрыскивающий аэрозоль без запаха, считал и сортировал компьютер, и дальше — за набор СВЧ-стен, создаваемых крохотными передатчиками, случайным образом разбросанными по земле. В основном пища готовилась в скоростных и производительных — хоть и немного старомодных — портативных микроволновых печах. Вечерняя музыка представляла собой записи на чипах или передачи со спутника. Большинство последовавших затем танцев он не узнал. Похоже, меньше было традиционных одеяний, меньше людей делали все как надо. Не так много лошадей вокруг. А один юноша в самом деле подошел к нему и спросил, как его зовут...

...Гора, удерживаемая на земле огромным каменным ножом, пронзенная от вершины до основания, лезвие, украшенное бирюзой цвета голубого юга, гора-женщина, на твоем пике чаша из бирюзы с двумя яйцами сойки, покрытая священной оленьей кожей, гора, одетая в бирюзу, орлиные перья на твоей голове, ты видела все, происходившее среди Народа. Однако духу человека может повредить лицезрение множества перемен. Я же видел много.

Он взбирался по светлеющему пути, мимо домов, построенных из туч, радуги и хрусталя. Когда же он вошел на высокогорные склоны, в яркость под незатененным солнцем, возникло впечатление, словно он стоит на острове посреди пенящегося моря. Земля во всех направлениях была покрыта пушистой белизной. Он повернулся ко всем углам мира и запел, совершая подношения из маисовой муки и пыльцы. Затем сел и, раскрыв свою суму из неповрежденной оленьей шкуры, вынул кое-какие предметы. В течение долгого времени он думал о вещах, пришедших к нему тогда.

Линия облаков, напоминающая изогнутый земляной

жертвенник. На нем гриб в гнезде. Ночь. Он съел горькое снадобье и стал слушать пение под барабаны. Были переданы трещотка и опахало из перьев. Каждый пел четыре песни, прежде чем принять большую сигару. Чувство крайней усталости овладело им еще до того, как пришел его черед. Он понял то, что некогда сказал Джон Рейв: это воздействие борьбы пейотля с пороком человека. По ощущениям, горло сузилось и пересохло. Он гадал, какая тут часть духовного, а какая — физиологического.

То был весьма необычный период в своей жизни. Его отправили учиться. Старые пути уже не казались правильными, но не нравились и новые. Он понимал, что Исконная американская церковь привлекает многих, ощущающих себя между мирами. Но он к тому же уже прошел курс антропологии и чувствовал тонкую грань отчуждения — наподобие лезвия ножа, — вклинившуюся между ним и переживанием даже сейчас, лишь после нескольких недель Пути Пейотля. Блистательно расцвеченные галлюцинации зачастую очаровывали, однако он и его жажда стояли порознь.

Но эта ночь каким-то образом отличалась от других ночей... Он почувствовал это, когда, передав трещотку и опахало, поднял голову и увидел образующуюся радугу. Она вообще не показалась неуместной, и он с интересом наблюдал за ней, одновременно далекой и близкой, а когда посмотрел попристальнее, узрел на ней движение. Две фигуры — и он их знал — шли по ее вершине, словно по изгибу громадного моста. Они остановились и глянули вниз на него. Это были Воины-Близнецы — Тобадсидсинни, Рожденный Водой, и Найенесгани, Истребитель Чудовищ. Долгое время они просто смотрели, а потом он осознал, что, возможно, в действительности они разглядывают вовсе не его. Из-за какого-то внезапного движения он понял, что на левое плечо ему уселась огромная черная птица — ворон. Под радугой стремглав пробежал койот. Найенесгани вставил в лук молнию и поднял оружие, но брат положил ему на руку ладонь, и тот опустил лук.

Когда он вновь бросил взгляд налево, ворон исчез. Когда посмотрел вперед, радуга уже тускнела и становилась меньше...

На следующий день он был слаб. Он отдыхал и пил воду. Мысли текли вяло. Видение каким-то образом приобрело большую важность. Чем дольше он его изучал, тем больше оно ставило его в тупик. Ворона ли чуть не застрелил Найенесга-

ни или его самого? Защищала ли его птица от Воинов-Близнецов? Или братья пытались защитить его от птицы?

В свете последних антропологических знаний дело стало еще более запутанным. Ворон фигурировал в некоторых сказаниях Народа — особенно вокруг горы Навахо, Радужного моста, района каньона Пиут — в качестве демонической силы. Однако так было не всегда, хотя времена, когда все обстояло иначе, находились за пределами памяти кого-либо из живущих.

Ворон являлся главным божеством у народа тлинкитов-хайда на северо-западе Тихоокеанского побережья, а этот народ говорил на языке атапаскской семьи. Навахи и их родственники апачи тоже говорили на атапаскском наречии и были единственным народом с таким языком вне пределов северо-запада. В древности имело место переселение, приведшее в конечном итоге Народ к каньонам и столовым горам Аризоны, Юты, Колорадо и Нью-Мексико. В дни своих скитаний они следовали за божествами охотников, такими, как Ворон, Пума и Волк, сопровождавшими их в течение долгого перехода на юг. Но обосновавшись, Народ изменился, привязался к определенной области, научился земледелию у зуньи и пуэбло, ткачеству у хопи, а позднее овцеводству у испанцев. С течением жизни боги древности поблекли. Ворон — или Черный Бог, как он известен сейчас — даже сражался в одном незначительном поединке с Найенесгани между пиками Сан-Франциско и горой Навахо. Так что Ворон — фигура из весьма отдаленного прошлого. Его чтили, когда навахи были охотниками, а не пастухами, земледельцами, ткачами и серебряных дел мастерами.

Он знал, что Путь Пейотля представлял собой еще более позднее нововведение, перенятое у юте. Во многих отношениях тот был новым также и для заблудших, хотя, возможно, затрагивал древние струны. Говорилось, что перекрещенные линии на земле позади жертвенника являются отпечатками ног Христа. Он же предпочитал считать их следами гигантской птицы. Он знал, что никогда не вернется к хогану Пейотля, ибо то был не его путь, хотя и принес ему важную весть. Будь то добро или зло, он видел, что ему на роду написано стать охотником.

Он закончит образование и выучит песни, которым хотел научить его дядя. Он не знал, что обе эти вещи будут важны в

охоте, на которую он однажды должен отправиться. Он станет чтить старые пути, но научится и новым — самые старые пути и самые новые. В этом нет противоречия, ибо индеец-навах — одно из самых приспособляемых существ на Земле.

Соседи-хопи танцевали и молились о дожде. Его Народ так не поступал. Они стремились скорее сожительствовать с окружающей средой, не управлять ею. Пуэбло, зуньи и хопи жили скученно, словно бледнолицые в кондоминиумах. Его Народ так не поступал: жили порознь, и семьи заботились сами о себе. Другие племена включали слова бледнолицых в свой язык, чтобы объяснить новые понятия. Язык же навахов даже в двадцатом веке развивался, чтобы идти в ногу с изменяющимися временами — более двухсот новых слов для названий различных деталей двигателя внутреннего сгорания. Они учились у англичан, испанцев, пуэбло, зуньи и хопи. Они перемещались, они приспосабливались, но оставались самими собой. Не просто так они считали себя потомками Переменчивой Женщины.

Да. Он научится как новому, так и старому, говорил он себе. И Черный Бог будет сопровождать его на охоте.

И это произошло. Однако он не рассчитывал на столь сильные перемены в отношении Народа во времена искривленного времени, когда он находился вдали. Они по-прежнему являлись Народом, отличным от других. Но скорости изменений в них и в нем были различны.

Теперь, глядя на мир с вершины Маунт-Тейлор, он видел, что Черный Бог, избравший его, сдержал обещание, превратив в сильнейшего охотника своего времени. Вот только теперь он уволен, а те дни прошли. Казалась излишней попытка личности приспосабливаться и дальше. Народ как целое являлся организмом и имел много времени для медленной адаптации. Пусть будет так. Его замысел остался неосуществленным. Вероятно, правильнее уйти сейчас от него в красоте и умереть, как легенда, которой он стал.

Он завел песнь вершины горы для этого места. Стаккато слов катилось по миру.

Облака под ним приобрели цвет дыма. Что-то пронеслось над головой, издавая одну-единственную каркающую ноту. Позднее он обнаружил черное перо, упавшее поблизости. Когда он присовокупил перо к своему хишу в суме из неповрежденной шкуры оленя, то стал гадать относительно его дву-

смысленного характера. Черное, цвет севера, направление, в котором двигаются духи умерших... Черный север, с которого возвращается чинди, наряду с другим злом... Черное означает север, означает смерть. Однако и Ворон мог бросить черное перо, послать ему. И что же это может подразумевать?

Что бы это ни было... Хотя он не мог истолковать глубины всего этого, он видел поверхность. Он начертил указательным пальцем на пыли круги, а потом их стер. Да. Он знал.

Но по-прежнему сидел там, на своем острове в небе, а день уже переполз через полдень. Наконец раздался ожидаемый звонок. Он знал, что это Эдвин Теддерс, еще до того, как услышал голос.

— Билли, мы здесь страшно нервничаем. Ты изучил досконально данные?

— Да.

— К чему-нибудь пришел?

— Да.

— Можешь перенестись сейчас?

— Нет. Поблизости нет ни одной кабины.

— Ну так доберись до нее! Мы должны знать, а я не хочу говорить по телефону.

— Не могу, — сказал он.

— Почему?

— Если интересующая нас дама имеет в числе своих достоинств способность узнавать, что у людей на уме, я не хочу, чтобы она извлекла это из вас.

— Подожди минутку. Я перезвоню.

Чуть позднее прозвучал второй звонок.

— Ладно. Вот вернейший вариант. Слушай, это будет прыжок-скачок из кабины в место, которое никто не знает. А она взорвется сразу после переноса.

— Если дама сумеет отрубить ток...

— Может, да, а может, нет. Мы, к тому же, пригласили людей с пси-способностями.

— Это не лишнее, но они не все предсказуемы. Верно?

— Некоторые очень хороши.

— Они вам что-нибудь обнаружили?

— Пока ничего. Ну так что у тебя на уме? Можешь ли ты изложить это настолько общо, чтобы мы ухватили идею без каких-либо подробностей, которыми она может воспользоваться?

— Нет.

Последовала пауза. Потом Теддерс воскликнул:

— Черт! Мы должны иметь хоть что-то, Билли! Мы же можем помешать друг другу.

— Вы даже не узнаете, что я рядом.

— Ты будешь находиться в этом районе?

— Помните, никаких подробностей? Даже ваши собственные пси могут выудить их из вас... Тогда она сможет извлечь это из них, если потерпит неудачу с вами.

— Если ты собираешься оказаться по соседству, пси смогут так же легко извлечь все из тебя.

— Не думаю. Первобытные люди порой умеют становиться непрозрачными для телепата. Я видел, как это происходит в других мирах. Я вновь стал первобытным.

— Короче, как скоро ты займешься заданием?

Билли посмотрел на опускающееся солнце.

— Скоро, — ответил он.

— Можешь просто изложить, что ты собираешься предпринять?

— Мы собираемся ее остановить.

— Ты стал монархом или редактором? Или заимел солитера? Что еще за «мы»? Ты должен поставить нас в известность, если подключаешь к делу других людей.

— Я не подключаю к делу других людей.

— Билли, мне это не нравится...

— Мне тоже, но работа будет сделана. Потом вы меня не достанете.

— В общем, прощай... Удачи.

— Прощайте.

Он повернулся лицом к белому востоку, голубому югу, желтому западу, черному северу и попрощался с ними, а также со Святыми горами. Потом спустился из одного мира в другой.

Ирокезы называли тебя
Существом без Лица.
Я иду посмотреть, верно ли это,
великий разрушитель,
взятым наперевес копьем грозящий
и поднятым топором.
Я ставлю на землю ноги с пыльцой,
когда шагаю.
Я кладу руки тоже

с пыльцой.
Я вращаю головой с пыльцой.
Мои ноги, руки и тело
стали пыльцой,
и мой разум, даже мой голос.
Тропа прекрасна.
Мои земли и селенья прекрасны.
Акалани, Денета.
Мой дух бродит по тебе.
Я иду увидеть Безликого.
Невосприимчивым к боли да буду шагать.
С красотой вокруг себя да буду шагать.
Он приближается в красоте.
Я не вернусь.
Будьте спокойны.

Энн Экстелл Моррис и ее муж-археолог Эрл рассказали историю про двух монахов-францисканцев: отца Финтана и отца Ансельма, путешествовавших в край белого тростника, Лу-ка-чу-кай, в 1909 году. Там, на юге Четырех углов, в горах без дорог и признаков жилья, они отдыхали как-то днем, а их проводник-навахо пошел прогуляться. Позднее проводник вернулся с большим, разукрашенным керамическим кувшином для воды. Отец Финтан, разбиравшийся немного в индейской утвари, распознал уникальность этой вещи и спросил, откуда она. Проводник места не назвал. Он лишь сообщил, что кувшин этот из брошенного города Предков — селения со множеством больших домов и высокой башней, места, где множество подобных кувшинов, некоторые все еще наполненные маисом, валяются повсюду, а также валяются одеяла, сандалии и орудия труда. Но он просто взял кувшин на время, чтобы показать им, и должен его возвратить, ибо когда-нибудь хозяева могут возвратиться. Где это селение? Индеец-навах покачал головой и ушел с кувшином, а через полчаса вернулся. Позднее священники описали этот сосуд Моррисам, которые отнесли его к третьему периоду пуэбло — одной из вершин в культуре юго-запада.

Разумеется, это место было легко определить, зная, что оно лежит в получасе ходьбы от того лагеря. Искали его несколько раз, но безуспешно. А Эмиль В. Ори провел там поллета 1927 года, однако оказался не в силах обнаружить потерянный город Лукачукай. Сейчас в Аризоне есть город, носящий такое название. В нем ткут ковры. Рассказ о потерянном доисторическом городе в тех горах, где-то на северо-востоке от каньона Де-Шелли, с тех пор прекратили обсуждать, считая недостоверным.

Именно ветер дал им жизнь. Именно ветер, исходящий из наших уст, дает нам жизнь. Когда он прекращает дуть, мы умираем. В коже на кончиках наших пальцев мы видим следы этого ветра. Они показывают нам, где дул ветер, когда были сотворены наши предки.

Переведено с языка навахов
Вашингтоном Мэтьюсом в 1897 г.

Кабина загудела, и появилось очертание, которое быстро заполнилось и застыло.

Высокий, хорошо одетый негр средних лет улыбнулся, спустился по лесенке и шагнул вперед.

— Рад, что вы здесь, — сказал Эдвин Теддерс, пожимая руку и поворачиваясь к остальным. — Это Чарльз Фишер, эстрадный иллюзионист и менталист.

Он указал на бледную женщину, голубые глаза которой были обрамлены сетью тончайших морщинок, а светлые волосы зачесаны назад и заколоты в пучок.

— Это Элизабет Брук, художница и писательница. Вероятно, вы читали...

— Мы знакомы, — сказал Фишер. — Как дела, Элизабет?

Она улыбнулась.

— Прекрасно, для разнообразия. А у тебя?

У нее был британский акцент, на пальце дорогое кольцо. Она поднялась, подошла к Фишеру и слегка его обняла.

— Рада видеть тебя снова... Мы вместе работали несколько лет назад, — сообщила она Теддерсу. — Хорошо, что вы смогли его достать.

— Действительно хорошо, — сказал Теддерс. — А это Мерси Спендер...

Фишер шагнул к грузной женщине с одутловатым лицом и водянистыми глазами, с красной паутиной капилляров под кожей носа. Она вытерла ладонь, прежде чем протянуть руку, и стрельнула взглядом.

— Здравствуйте, Мерси...

— Привет.

— ...А это Алекс Мансин. Он работает на Всемирной фондовой бирже.

Алекс был низенький и пухлый, с мальчишеским лицом под седеющей шевелюрой. Хотя взгляд у него был твердый и глубокий.

— Рад познакомиться с вами, мистер Фишер.

— Зовите меня Чарльз.

— Приятно познакомиться, Чарльз.

— ...А это Джеймс Маккензи Железный Медведь, инженер по спутникам, — сказал Теддерс, двигаясь дальше.

— Здорово, Джим.

Джеймс Железный Медведь был среднего роста, крепкого телосложения, с длинными черными волосами, темными глазами и смуглым лицом. Ладони у него были крупные и на вид очень сильные.

— Мы тоже работали вместе, — промолвил он. — Как поживаешь, Чарльз?

— Дел по горло. Расскажу тебе после.

— А это, — Теддерс указал на крупного улыбающегося мужчину с узкими блеклыми глазами, стоявшего у бара со стаканом в руке, — это Уолтер Сендс. Он играет в карты и другие подобные игры.

Фишер вскинул брови, потом кивнул.

— Мистер Сендс, здравствуйте...

— Здравствуйте, мистер Фишер.

— ...Итак, мы в сборе, — объявил Теддерс. — Все остальные уже просмотрели чипы.

— Я тоже, — сказал Фишер.

— В общем, у всех остальных есть какое-то мнение. Думаете ли вы, что способны обнаружить приближение страгийского адепта?

— Не уверен, — ответил Фишер, — когда речь идет об инопланетянке с некой особой подготовкой.

— Именно так все и сказали. Можно ли предложить вам выпить?

— На самом деле я бы предпочел что-нибудь съесть. Я прибыл из другого временного пояса. Еще не было возможности поужинать.

— Разумеется.

Теддерс подошел к переговорному устройству и, нажав кнопку, заказал ужин.

— Его подадут на второй этаж. Предлагаю подняться и об-

судить все там. Возможно, это будет чуть более... удалено... от любых акций, которые могут произойти. Поэтому, если кто-то хочет взять с собой что-нибудь выпить, лучше наполнить стаканы сейчас.

— Я буду джин с тоником, — сказала Мерси, вставая.

— А не лучше ли чашку чая? — спросила ее Элизабет. — Очень полезно.

— Нет. Я лучше выпью джин с тоником.

Она подошла к бару и налила себе высокий стакан. Элизабет и Теддерс переглянулись.

— Знаю, о чем вы думаете, — сказала Мерси, по-прежнему стоя широкой спиной к ним, — но вы не правы.

Уолтер Сендс, стоявший рядом с ней, ухмыльнулся и отошел.

Теддерс вывел их из комнаты, и они последовали за ним по широкой лестнице.

Он препроводил приглашенных в комнату для совещаний. Посередине стоял большой стол, а на нем находилось какое-то маленькое устройство. Полдюжины удобных на вид кресел располагалось вокруг стола. Слева стояли диван и четыре столика поменьше у стены, слева и справа. Три кабины переноса, способные вместить пару людей каждая, были установлены поодаль. Теддерс остановился в дверях и махнул рукой в сторону коридора.

— Чарльз, твоя спальня — вторая дверь налево. — Он повернулся к остальным. — Устраивайтесь поудобнее. Именно здесь вы будете работать. В любое время два человека должны прислушиваться к инопланетянке, пока остальные отдыхают. Можете разбиться на пары, как вам заблагорассудится, и составить график дежурств. Это маленькое устройство на столе — сигнализация. Нажмите кнопку, и вызывающие раздражение сирены включатся во всем здании. Если вы, находясь в своей комнате, услышите их, быстрее просыпайтесь и идите сюда. Можете воспользоваться кабинами переноса, если не будет другого выхода...

— Минутку, — вставил Алекс Мансин. — Все это, конечно, существенно, но вы только что подняли вопрос, который беспокоит меня и, вероятно, остальных тоже. А именно: насколько распространяется здесь наша ответственность? Скажем, мы обнаруживаем инопланетянку и подаем сигнал тре-

воги. Что потом? Я — телепат, но я, к тому же, могу передавать мысли другим — даже не телепатам. Вероятно, я смог бы сообщить этой твари смущающие образы и подавляющие эмоции. Возможно, другие смогут сделать что-то другое. Не знаю. Должны ли мы попытаться?

— Хороший вопрос, — сказал Уолтер Сендс. — Я способен влиять на выпадение игральных костей. Вероятно, могу воздействовать на зрительные нервы. Фактически я знаю, что могу. Я сделал бы человека на время слепым. Обязан ли я попробовать нечто такое — или мы просто оставляем оборону вышибалам, как только враг покажется в поле зрения?

— Мы не вправе просить вас рисковать своей жизнью, — ответил Теддерс. — С одной стороны, явилось бы огромной помощью, если бы вы сумели устроить нечто подобное. Я оставляю это на ваше усмотрение. Но чем больше вы сможете сделать, тем лучше, даже если это всего лишь парфянская стрела.

— Мы с Чарльзом однажды объединили наши силы, чтобы передать сообщение при весьма тяжелых обстоятельствах, — сказала Элизабет. — Интересно, что произойдет, если мы все попытаемся это сделать и направим суммарную силу против инопланетянки?

— Полагаю, это-то и надо вам решить, — сказал Теддерс. — Но если вы намерены испробовать, не сметайте все подряд без разбора. Не исключена помощь извне.

— Мы быстро научимся распознавать охранников, если уже этого не сделали, — сказал Сендс.

— Но вы можете случайно уловить мысли кое-кого, не являющегося охранником, — заявил Теддерс. — Я не хочу, чтобы вы попытались выжечь ему лобные доли лишь потому, что он кажется слегка отличным от других.

— Что вы имеете в виду? Кто «он»? — спросила Мерси. — По-моему, вам лучше объяснить.

— Его зовут Уильям Черный Конь Сингер, следопыт из индейского племени навахов, — ответил Теддерс. — Он на нашей стороне.

— Это тот парень, что практически в одиночку заполнил Межзвездный зоопарк в Калифорнии? — спросил Джеймс Железный Медведь.

— Да.

— Что конкретно он предпримет?

— Не в курсе. Но говорит, что намерен помочь.

Все они уставились на Теддерса.

— Почему вы этого не знаете? — задал вопрос Фишер.

— Он считает, что инопланетянка тоже может оказаться телепаткой. Сингер не хочет рисковать тем, что она узнает о его планах от нас. Он считает, что способен блокировать телепатов, на худой конец, на некоторое время.

— Как? — спросил Сендс.

— Это имеет какое-то отношение к первобытному мышлению. Всего я не понял.

— Звездный Следопыт, — произнес Железный Медведь. — Читал о нем еще мальчуганом.

— Он родственник или как? — спросил Фишер, подходя к креслу и садясь.

Железный Медведь покачал головой.

— Мой отец был сиу из Монтаны. Он же — навах из Аризоны или Нью-Мексико. Никоим образом. Интересно, что значит мыслить первобытно?

В холле появился человек с подносом. Теддерс кивнул в сторону Фишера, когда тот вошел в комнату. Поднос поставили и сняли крышку. Фишер начал есть. Железный Медведь сел напротив него. Элизабет выбрала кресло справа от Фишера, а Сендс — слева. Мансин и Мерси Спендер сели вместе с Железным Медведем.

— Благодарю вас, — сказал Мансин. — Теперь мы собираемся начать обсуждение.

— Вы не будете возражать, если я запишу вашу дискуссию? — спросил Теддерс. — Для последующего изучения.

Сендс улыбнулся, а оливка выскочила у Фишера из салата и покатилась по его руке.

— Если у вас есть аппаратура, способная записывать наше совещание, я буду весьма удивлен, — сказал Мансин.

— О! В таком случае, полагаю, у меня нет причин оставаться. Когда к вам вернуться?

— Примерно через час, — ответил Мансин.

— А можете ли вы прислать сюда большой кофейник и чашки? — спросил Железный Медведь.

— И чай, — добавила Элизабет.

— Будет исполнено.

— Спасибо.

Теддерс направился к двери.

Мерси Спендер взглянула на свой пустой стакан, начала было говорить, но передумала. Элизабет вздохнула. Сендс жевал оливу. Железный Медведь хрустел пальцами. Никто не произносил ни слова.

— Говорят, что у вас, папаго, есть песни силы, которые дают вам власть над всем сущим. Это правда?

— Увы, так лишь говорят. На самом деле мы не обладаем властью над полезными ископаемыми под нашей землей.

— Почему?

— Мы не навахи.

— Не понимаю.

— У навахов есть договор с правительством, дающий им такие права.

— А у вас нет?

— Для заключения договора с правительством сперва необходимо развязать против него войну. Мы никогда не видели от нее пользы и оставались в состоянии мира. Договор выиграет у песни силы.

— Вы говорите так, будто это игра в карты.

— Навахи в карты тоже мошенничают.

— Койот, ты узнал тайну места текущей воды. Ты похитил ребенка Водяного Чудовища, которого там обнаружил. В итоге твоего вмешательства в эти силы ты вызвал потопы, стихийные бедствия и сдвиги горных пластов. Они привели к смерти, беспорядку и безумию среди Народа. Зачем ты это сделал?

— Ради смеха.

— Я понимаю, что женщина-Бегочидди, Бегочидди, Говорящий Бог и Черный Бог сотворили дичь, и так они получили власть над охотой?

— Да. Они способны помочь охотнику, если захотят.

— Но вы уже больше не охотитесь, как прежде.

— Правда.

— Значит, в наши дни у них меньше работы.

— Я так представляю себе, что они найдут, чем заняться.

— Но я имею в виду, есть ли это полные параметры их функций в качестве тотемов в контексте современной структуры вашего племени?

— Не понял.

— Это все, чем они занимаются?

— Нет. Они также мстят за свой народ антропологам, лгущим о нас.

Посреди своего дома желтого маиса стою я
и говорю: я есмь Черный Бог, говорящий
с тобой.
Я прихожу и встаю ниже севера. Я говорю:
С вершины Горы Тьмы, лежащей передо мной,
спускается хрустальная олениха и приходит
ко мне.
От копыт до колен, от туловища до морды,
вместе со всевозможной дичью,
входит она в мою ладонь.
Когда я зову ее, когда молюсь за нее, она
приходит ко мне,
вместе со всевозможной дичью.
Я есмь Черный Бог, говорящий с тобой. Я стою
ниже севера.
Они приходят ко мне из Горы Тьмы.

Мерси Спендер

родилась на подпольном винокуренном заводе
в Теннесси,
осиротела в 5 лет,
воспитывалась эксцентричной и религиозной
теткой со стороны матери
и ее мужем-шерифом,
молчаливым и усталым,
любившим играть в шары, рыбачить
и певшим в самодеятельном квартете,
вместе с двумя более старшими девочками и мальчиком,
изнасиловавшим ее в одиннадцать лет, Джимом,
ныне оценщиком недвижимости,
потеряла всякое желание учиться
в двенадцать лет,
пела в церковном хоре,
а позднее в баре «Трикси»,
имела несколько одинаково скучных романов,
начала сильно пить в девятнадцать лет,
открыла для себя радости Спиритуалистской церкви
в двадцать лет,
где расцвели ее своеобразные способности
незадолго до отправки Мерси в санаторий
в Южной Каролине для лечения от алкоголизма,
где она нашла покой
в убежище терапевтического сообщества,
провела последующие двенадцать лет, занимаясь пением,
играя на органе, читая лекции и давая утешение
в церкви, и запивая, и возвращаясь в
терапевтическое сообщество ради покоя
и убежища, и лечась от алкоголизма,

и занимаясь пением, и утешением, и поддержкой,
и чтением, и лечением, и

мы понимаем, сестра, держись с нами,
внутри все одинаковые

Алекс Мансин

родился в Нью-Бедфорде,
посещал ряд частных школ,
хорошо успевал, не прилагая усилий,
овладел сложной компьютерной игрой «Всемирная экономия».
К одиннадцати годам
получил степени доктора права в Йельском университете,
магистра и бакалавра гуманитарных наук
в Гарвардской школе бизнеса,
трижды женился,
успевал меньше, прилагая больше усилий,
к тридцати шести годам
отец двух сыновей (близнецов) и трех дочерей,
к которым он испытывает такую же привязанность,
какую всегда испытывал к кому угодно,
осознает любое мнение о себе
из-за странной чувствительности к мыслям
и ничуть этим не обеспокоен,
страстно предан своре итальянских грейхаундов,
как и Фридрих Великий, которым он тоже восхищается,
и гораздо сильнее интересуется мыслительными
процессами у собак, чем у людей,
абсолютный повелитель денежного рынка,
богат, как Крез,
медленно раздражается и еще медленнее прощает,
весьма озабочен своим внешним видом и одеждой,
иногда гадает, не упускает ли он чего-нибудь,
стремясь — каждые два-три года (тщетно) —
к заполнению пробелов
в оргиях погружения в высокую культуру
и преходящих романах
с любыми молодыми женщинами,
высокоинтеллектуальными и отчасти тупыми

кусочек любого,
никто из нас не завершен, брат,
кроме моментов, когда мы вместе,
как сейчас

Чарльз Диккенс Фишер

родился в Торонто, отец — врач, мать — социолог,
в раннем возрасте его пленили иллюзии,
показывал фокусы для своих сестер, Пег и Бет,
был хорошим учеником, хотя и не отличником,
читал жизнеописания великих иллюзионистов:
Терстона, Блекстона,
Даннингера, Гудини, Геннинга,
узнал, что сам может завораживать
без какого-либо оснащения,
кроме мощных мыслей,
оставил учебу и стал артистом эстрады
вопреки желанию родителей,
стал знаменитым как очный шоумен
(его иллюзии не передавались по ТВ),
позднее ему сделало предложение правительство
в отношении одного сверхъестественного номера,
который он впоследствии опробовал,
с тех пор много работал в сфере безопасности
как правительства, так и других организаций,
не был женат, всегда утверждал,
что жизнь, которую он ведет, отнимает
все его время и энергию,
что он не переменится
и не станет поступать нечестно,
подвергая другого человека
заключению в строку
своего расписания,
на самом деле чересчур сильно боится
вверить себя
другому человеку
или отказаться от эмоций
зрительского внимания, которыми он
подпитывается,
обладает состраданием полного эмпата,
имеет несколько хороших друзей и много
знакомых,
осознает свои недостатки
и часто над собой насмехается,
устраивает сентиментальные праздники,
по-прежнему обожает сестер и их детей,

так и не помирился полностью с родителями,
порой ненавидит себя за принесенное
разочарование

но вот же мы,
такие, какие есть,
и все это знаем,
есть прибежище
и боль улетучится

Уолтер Сендс

ушел из дома в 14 лет,
ослепив отца, бившего его,
крупный для своего возраста,
выигрывал в большинстве поединков
(лишь с незначительной помощью силы)
и в большинство азартных игр
(то же самое),
редко имел настоящую работу,
разве что для своего рода прикрытия,
завербовался в Патруль внешней границы
в восемнадцать лет — международную
космическую службу наподобие
Береговой охраны — на четыре года,
потому что хотел увидеть, что Там,
был на хорошем счету,
мог бы стать офицером, если б пожелал
остаться,
чего, однако, не сделал,
потому что увидел то, что хотел,
и этого хватило,
привлекательный брюнет,
избегал близких эмоциональных связей,
хотя любил людей
и поодиночке, и в массе,
неудачный брак,
женился в двадцать восемь лет,
развелся в тридцать,
дочь, которой теперь шестнадцать, Сусанна,
чью фотографию носит с собой,
и этого хватило,
любит зрелищные виды спорта,

авантюрные и исторические романы,
редко предается чрезмерным удовольствиям,
совершенно нерелигиозен,
но гордится личным кодексом,
включающим понятие чести,
который нарушил
лишь шесть или семь раз
и всегда после переживал из-за этого,
обычно достоин доверия,
но редко доверяет,
увидев внутренности
множества голов,
если и страдает,
то от ощущения, что жизнь
вечно будет для него
чересчур безопасной и спокойной,
поэтому получает наслаждение
от рискованных предприятий,
которые, как правило, оборачиваются
совершенно надежными,
оставляя его крайне неудовлетворенным

это может оказаться
более интересным,
удачливый брат,
если тебе нужен
не покой,
а адреналин

Элизабет Брук

Дочь Томаса С. Брука, живописца и скульптора,
и Мери Маннинг, пианистки и писательницы,
младшая из двух дочерей,
проявила художественные и литературные склонности
в раннем детстве,
отдыхала каждое лето с семьей
во Франции, Ирландии или Луна-Сити,
училась в Швейцарии и Пекине,
вышла замуж за Артура Брука (кузена)
в двадцать четыре года,
овдовела в двадцать пять лет,
детей нет,

забылась в общественной работе
на Земле и в космосе
на последующие шесть лет,
где ее раскрывающийся талант
стал для нее и радостью, и горем,
вернулась к литературе и живописи,
показывая чрезвычайную силу восприятия,
понимание человеческого духа
и технические способности,
наслаждалась связью с видным членом
английского парламента последние шесть лет,
всегда чувствовала себя отчасти ответственной
за смерть Артура
из-за серии резких ссор
после того, как обнаружила,
что он гомосексуалист

мы поддержим тебя, сестра,
в борьбе
с неизменным прошлым
теплотой
и полным пониманием

Джеймс Маккензи
Железный Медведь

Наполовину шотландец, наполовину индеец-сиу,
родился в резервации,
родители вскоре разошлись,
воспитывала его мать
в Блумингтоне (Индиана) и Эдинбурге (Шотландия),
где она работала в обслуживающем персонале
университетов,
показал большую тягу к технике
и телепатические способности,
когда ему еще не было пяти лет,
изредка виделся с родственниками по отцу,
первоклассный игрок в бейсбол и европейский футбол,
мог стать профессионалом,
но предпочел инженерное искусство,
которым занимался на спортивную стипендию,
лучший друг — эскимос из Пойнт-Барроу,
они во время учебы в колледже
проводили вместе летние каникулы на Аляске,

работая лесничими в национальном парке
«Ворота Арктики»,
усыновил одного ребенка, подростка,
живет сейчас в Анкоридже,
позднее служил в Патруле внешней границы,
где его телепатические способности
привлекли внимание
правительственных специалистов,
вербовался на временные работы,
вроде тех, что выполнял
Чарльз Фишер,
где и познакомился с Фишером
и подружился с ним,
с тех пор работал по пяти отдельным
одногодичным контрактам по космической технике,
полгода провел на орбите,
находится в неоплачиваемом отпуске во время шестого,
незавершенный бракоразводный процесс
с сестрой Фишера, Пег,
работающей в той же компании
и проживающей в большом туннеле
Порт-О'Нила
с их дочерью Памелой,
присутствовал прошлым летом на похоронах отца
и с удивлением изведал глубокую печаль
из-за того, что так и не узнал этого человека,
внезапно решил все бросить
и изучать музыку,
затея началась,
когда он протрезвел месяц спустя,
и усердно претворялась в жизнь,
пока не поступил этот звонок,
все чаще думает о ссохшемся отце,
лежащем в кожаной куртке, расшитой бисером,
и о сыне,
которого он не видел многие годы

подойди, брат, сюда,
где мы, превосходящие одного,
добиваемся большего понимания,
впитываем больше страданий

— Хорошо, что ты желаешь шагать в красоте, с красотой вокруг себя, мой сын. Но охотник не должен произносить молитв из Пути Благословения во время охоты, ибо все они в самом конце имеют благословение жизни, а ты требуешь молитвы смерти. К Говорящему Богу обязан ты обращаться и к Черному Богу: Айа-на-йа-йа! Эх-эх-эх! Сейчас время перерезания глотки! На-эх-йа-йа! Оно происходит в святом месте — перерезание глотки! Ай-ах, на-йа-йа! Перерезание глотки происходит в святом месте! На-йа-йа! Время перерезания глотки! Йа-эх-ни-йа!

— То, что нужно благословлять, не всегда жизнь!

Ночь. Он стоит перед стеной силового поля. Он наблюдает, как разворачивается камень.

— *В твоем разуме облака, охотник.*

— *В моем разуме много всего, Кот.*

— *Ты пришел. Разве мы заключили сделку?*

— *Делай, что я просил, а я сделаю, что просил ты.*

— *Мы заключили сделку. Освобождай меня.*

— *Это займет около минуты.*

Фигура поднялась, чтобы стать белым столбом, — один-единственный фасеточный глаз скользил по нему вверх. Билли Сингер подошел к площадке, где располагался пульт управления, открыл щит и понизил потенциал поля.

Основание столба расщепилось, а выше выделились из основной массы передние конечности. На верхушке выросла луковицеобразная выпуклость, глаз поместился в ее центре. Раздвоенные элементы стали напоминать лапы. Сужение посередине вдруг превратилось в талию. Голова удлинилась и смутно начала походить на волчью. Плечи расширились, руки и ноги утолщились. Излишняя масса сместилась назад, сделавшись широким хвостом. Человекоподобное существо было высоким, выше двух метров, и оно темнело по мере движения вперед, показывая грацию, которая намекала на предварительные репетиции.

Бесшумно, несмотря на свои большие размеры, существо вышло из-за ограждения и стало перед человеком.

— *Предлагаю тебе восстановить силовой экран. Таким образом мое отсутствие заметят лишь через несколько дней. Я приучил их к подобной ситуации, принимая внешний вид участков места обитания по многу дней кряду.*

— *Я уже думал об этом,* — ответил Билли. — *Но сперва я хочу понаблюдать за твоими изменениями.*

— *Ты впечатлен?*

— *Да. Ты совершаешь их так быстро,* — сказал он, вновь включая поле. — *Пошли. Сейчас я доведу тебя до одной кабины переноса. Тебе придется заказать ее на мой номер без карточки — что потребует моего подтверждения с другого конца, поскольку я должен перенестись первым и...*

— *Мне известно, как они действуют. Мысли твоих сородичей заполняли меня понемногу, но долгое время.*

— *Тогда пошли.*

Билли повернулся и зашагал через зал.

— *Ты показываешь мне спину. Неужели ты не боишься, что я наброшусь на тебя и разорву на куски? Или твои поступки просчитаны?*

— *Я чувствую, что ты хочешь встретиться со страгийкой. Если убьешь меня сейчас, эта возможность будет для тебя потеряна.*

Тень, такая же безмолвная, как и он сам, — в чем-то более человекоподобная, чем минуту тому назад, а следовательно, более чуждая — поравнялась с ним по левую руку. Она соответствовала его походке, движениям рук, всем его ритмам.

Он мог ощущать ее силу, пока они плавно двигались по залу. Обитатели клеток, мимо которых они проходили, беспокойно шевелились — во сне или полностью бодрствуя. Билли почувствовал оттенок веселости в чуждом разуме у его плеча, а потом переданное слово «Прощайте!», побудившие эти существа к неистовой активности.

Он вышел наружу и глубоко вдохнул ночной воздух. Существо рядом с ним бросилось на четвереньки, а потом отошло прочь, ускользая в тень и выходя из тени в самых неожиданных местах, пока они двигались вперед.

Где-то впереди начала лаять собака — звук прервался на полуноте под аккомпанемент шума борьбы. Билли не замедлил шаг, ощущая, а не видя, что Кот находится рядом с ним всю дорогу до транс-кабины.

— *Отлично. Я сейчас настрою эту штуковину и перемещусь в одну маленькую общественную будку в паре миль от того места, которое мы будем охранять. Если есть какая-то причина на том конце тебе не переноситься, я воспользуюсь переговорным устройством. Иначе готовься последовать за мной.*

Поблизости выделился кусок тени. Кот по пропорциям стал даже еще более человекоподобным и образовал нечто

вроде длинного черного плаща из собственной плоти. Крупный фасеточный газ погрузился глубоко в голову и замаскировался соединительными тканями таким образом, чтобы возникало впечатление пары блестящих, нормально расположенных глаз.

— *Подумав,* — сказал Билли, — *я считаю, что ты можешь перенестись, даже если там кто-то есть.*

— *Я вижу направление твоих мыслей, хотя и смутно. Я сформирую кое-что, напоминающее темные очки, и постараюсь придать коже более естественный цвет. Почему твои мысли столь затуманены?*

— *Упражняюсь для того, чтобы обмануть нашего врага,* — ответил Билли, входя в кабину. — *Скоро увидимся.*

— *Да. Меня не так просто потерять, следопыт.*

Кот наблюдал, как Билли манипулировал с управлением и тускнел в этой клетке. Потом сам вошел в нее. Вытянув то, что стало правой рукой, закрыл щель, в которую Билли вставил свою кредитную карточку. Часть отростка втекла в отверстие и какое-то время его обследовала. Когда прозвучал звонок, он вытащил отросток и позволил себя транспортировать.

Странно, пение в его мозгу. Неужели было нечто в этих местах между местами, чтобы петь вот так о морозе и железе, огне и тьме? Через мгновение оно и воспоминания о нем исчезли.

Между мирами шагая,
Между мирами шагая,
Между мирами шагая,
Между мирами шагая.
Нечто есть
передо мной, позади меня,
слева и справа,
выше и ниже.
Что же это, со всех сторон,
такое?

Алекс Мансин ударил по кнопке, когда обнаружил присутствие. За миг до этого рука Уолтера Сендса дернулась в том же направлении. Дом наполнили сирены, свет залил лужайки вокруг него.

Да.
Мерси Спендер присоединилась к ним
минуту спустя, сев в кровати
Я могу их ощущать
Их?
присоединился Фишер
отложив книгу
Там только один человек
присоединился Железный Медведь во сне
странно двигающийся
рядом
с Сингером
без сомнения
Не человек
присоединилась Элизабет,
видя сны про дельфинов
Что-то еще
существо, наполненное ненавистью
текучее
Значит, вместе
присоединился Сендс
давайте это изучим
Да
они двигаются вместе
Есть человек
сейчас тускнеющий
и что-то еще
чуждое существо
осознающее нас

тоже тускнеющее
с человеком
существо не есть существо
которое мы ищем
оно охотится
вместе с человеком
наш общий враг
сейчас отступает
оно нас почуяло
мы знаем его почерк
Будем следовать за ними?
выключите сигнализацию
появляется охрана
мы должны доложить
Я последую
Мерси удалилась
за зверем
если смогу
а я — за человеком
Железный Медведь двинулся прочь
хотя тропа
боюсь
сейчас скрыта
тогда мы разделяемся
мы доложим
Мансин и Сендс разошлись

На следующий день в рощице метрах в сорока от дороги Билли Сингер сидел у ледяного ручья, прислонившись спиной к большому теплому камню. Он ел сандвич с ростбифом, созерцая полет птиц, прислушиваясь к ветру и наблюдая за поведением маленькой белки, прыгающей на нижних ветвях дерева, стоявшего вверх по течению, справа от него.

— *Нечто охотится поблизости,* — сказал ему другой.

— *Да, знаю,* — ответил он мысленно.

— *Нечто крупное.*

— *Это я тоже знаю.*

— *Оно идет сюда.*

— *Да. Что это?*

— *Не могу разобрать. Зайди внутрь. Понаблюдаем.*

Билли молча поднялся. Камень треснул по вертикали надвое и открылся, словно стоящая стоймя раковина. Внутренняя полость увеличилась, внешние поверхности пропорционально раздулись. Он вошел, и камень сомкнулся вокруг него.

Тьма, пронизанная несколькими маленькими отверстиями впереди.

Он приложил глаз к одному из них. Увидел ручей. Какое-то время ничего не происходило. Перед ним появилась еще пара-другая щелей, но наблюдаемый участок оставался без изменений.

Потом донесся плеск. Что-то приближалось со стороны скрытого кустарником изгиба ручья. Поток его сознания замер. Он стал сейчас пассивным глазом охотника, разглядывающим все перед собой без всякой рефлексии. Его дыхание замедлилось. Время перестало существовать. Ну же!

Сперва тень. Затем медленно у изгиба появилась ветвистая голова. Олень, ощипывающий молодые побеги вдоль ручья.

Однако!

Животное вновь двинулось вперед, и стало видно тело. Что-то было не так в его движениях и постановке головы. Ноги сгибались не совсем должным образом. А форма головы была необычна. Череп поднимался над глазами слишком высоко.

Оленеподобное? Да. Вероятно, хорошее приближение для того, кто лишь изучал повадки животного. Несомненно, достаточно правдоподобное, чтобы обмануть случайного наблюдателя. Но для Билли оно было лишь оленеподобным. Он гадал, распознал ли это и Кот.

— *Да,* — проплыло в разуме.

Тотчас же существо перед ними замерло, одна, более чем изящная, передняя конечность поднялась. Потом повернулась голова, двигаясь под неестественными углами, чтобы обозреть все сразу.

Какие-то мгновения спустя существо разразилось движением: все тело изогнулось, удлинилось, ноги утолщились, укоротились, съежились.

А потом оно прыгнуло назад, в том направлении, откуда появилось.

Как только это произошло, убежище раскрылось, извергнув Билли посредством некой силы, и к тому времени, когда он встал на ноги, Кот находился в процессе обратного преобразования в охотящегося зверя.

Не дожидаясь, пока метаморфоза произойдет до конца, Билли побежал в направлении, взятом существом, с плеском прыгнул в ручей и пошел по нему за изгиб.

Взгляд обозревал оба берега, но он не видел признаков того, что существо вышло из воды с какой-либо стороны. Сингер шлепал по гальке, песку и скользким камням вперед, продолжая наблюдение.

Очень долго он следовал извилистому водному потоку. Но не слышал никаких звуков впереди, да и не мог обнаружить доказательств того, что существо покинуло ручей. Он остановился у каменистого порога, чтобы исследовать его крайне тщательно. Тут же он услышал звуки, раздававшиеся сзади.

— *Дальше впереди! Дальше впереди!* — сообщал ему Кот. — *Я коснулся ее разума. Существо ускользнуло. Но она порой себя выдает.*

Билли повернулся и рванулся вперед. Кот мчался за ним.

— Что-то происходит. Она опять меняется. Она теперь где-то наверху. Она... Потерял ее...

Билли продолжил продвижение вдоль водного потока. Кот скакал впереди и через считаные мгновения скрылся за кустами. Примерно через пять минут Билли нашел то, что искал, — след чего-то, вылезшего из воды. Он двинулся по следу вверх и направо. Однако первый отчетливый отпечаток представлял собой некий причудливый трезубец, хотя и достаточно крупный, а глубина отпечатка указывала на искомую массу.

Следы вывели на возвышенность, и очередной отчетливый отпечаток, на который он наткнулся, показывал дальнейшее изменение формы.

И он напал на еще более свежие признаки Кота, по-прежнему идущего по следу. Отпечатки лап Кота находились далеко друг от друга и были очень глубокими.

Путь оставался свободен, и Билли смог увеличить скорость. Двигаясь очень быстрым шагом — вверх по холму, вниз, снова вверх, — он переживал старое щекочущее ощущение, когда след зверя пропадал, чтобы вновь появиться через сорок футов, уже более легким, немного деформированным, а потом опять исчезал. В его голове возникали картины — его природная способность создавать их усилилась благодаря инопланетному опыту. Он прочитал знак правильно и, вовремя посмотрев вверх, увидел огромную темную фигуру, скользившую над головой в юго-западном направлении. И как только он поспешил залезть на дерево, в один миг понял, что преследуемый зверь победил.

Он получил лишь возможность вовремя увидеть, как темное существо скрывается из виду за лесом.

— Какая ловкая, — пришла к нему мысль Кота. *— Интересно, смог бы я проделать такое?*

— По крайней мере, она не направилась к особняку, — сказал Билли. *— Хотя лучше всего нам вернуться на свой пост.*

— Иди, — ответил Кот. *— Я попытаюсь последовать за ней. Встретимся там позднее.*

— Хорошо.

Перед тем как слезть, Билли заметил в проеме листвы над собой кусок ствола — почерневший и расщепленный. Последние события были ни при чем, но он вздрогнул от одного старого предрассудка, дотянувшегося до него сейчас. Из всех существующих деревьев для того, чтобы на него залезть, он

выбрал пораженное молнией. Это к несчастью... Спускаясь, Сингер пел отрывок из Пути Благословения. Та часть его, которая не боялась молнии, стояла сейчас поодаль, облаченная в другие одежды.

Как много узнала страгийка о том, что за существо за ней гонится? «Кот, сохраняй присутствие разума, — подумал он. — Не выдавай себя в ярости охоты. Или ты инстинктонепробиваемый даже против такого существа, которое преследуешь?»

Билли спрыгнул на землю и повернул назад. Что бы сделал Найенесгани?

Он не знал.

Солнце спускалось по небу с прямого пути опять вкось неся к воде к воде дымку разума Билли время развязывать узлы касание облака·затемняющее небо как рука со знанием о собственных совках среди песка на берегу голубое серое белое желтое ни красного ни настоящего черного неважно птица над скрюченной фигурой человека на дереве поющий сук шевелящиеся на ветру листья рыба в воде подверженная разложению бутылка из-под содовой разлагающаяся на стремнине.

Не думая, погрузить свои руки. Горстка песка в правой ладони у указательного пальца. Рука поворачивается. Струйка, регулируемая большим пальцем. Движение. Рука не забыла. Линии. Углы. Здесь голубое, белое и желтое. Наатсе-элит, йеи, Радуги, обретающее форму, охраняющее юг, запад и север, открытое востоку. Внутри, тело Грома, Икнеэтсо, летучая мышь — страж над его головой, вестник Ночи. Здесь великая сила. Один из непредсказуемых и опасных богов. Держащий молнию, напевающий себе под нос, отрывки Песнопения Горы, заканчивающий, пристально вглядывающийся, Билли. Долгое время пристально вглядывающийся.

Медленно — осознание. Произошла странная вещь. Сознательно или машинально. Почему из всего, к чему можно взывать, Гром? Коли на то пошло, зачем вообще взывать? Как бы ни сложились обстоятельства, он проиграет.

Однако он протягивает руку, чтобы коснуться икне-эка-а, молнии, передать снадобье и силу, поскольку она перед ним.

А теперь... Дневной песчаный рисунок нужно стереть до захода солнца. Он должен быть стерт священным пернатым посохом.

Билли вспомнил черное перо в тчахе, вытащил его и воспользовался им с этой целью, сбрасывая песок в воду.

Солнце спускается по небу, катясь на запад
Время развязывания узлов
На одного настоящего цвета
Икне-этсо и Наа-тсе-элит — в стремнину
круговорот

Теперь пение. Билли Черный Конь Сингер. У угла усадьбы. Ночь. Небеса заполнены весенними созвездиями. Стихают крики койота.

Они вновь обнаружили ее вечером, кружили и кружили на большом расстоянии, прощупывая, осторожно приближаясь. Выжидали.

Она медленно подходила во множестве обличий — ползущих, подкапывающихся, плывущих. Они выжидали. А когда ночь закончилась, она появилась.

В один момент Кот был у него за спиной — темный каменный контрфорс стены. Затем чья-то громадная фигура пролетела над головой, затмив звезды. Контрфорс потек вверх, превращаясь в кошмарный силуэт на стене.

Затем вторая темная фигура понеслась в потоках воздуха, набирая высоту, и, сделав круг, плавно двинулась сквозь ночь к дому.

Он не был уверен, в какой точке произошло столкновение и началась схватка — было ли это в воздухе, на земле, внутри земли или снаружи. Но он услышал жуткие крики почти в то же самое время, когда на всех площадках включился свет. Он оставался неподвижным в своем темном углу, прислушиваясь к всевозможным звукам, последовавшим за этим: грохоту, сиренам, звуку разбивающегося стекла, нескольким небольшим взрывам. Это продолжалось с минуту, а потом весь свет погас.

А он выжидал. Не мог думать ни о чем. Вспоминал всякую всячину и тихо пел песню.

Потом опять воцарилась тишина. Он смотрел на небо, пока тянулось это мгновение.

Раздался оглушающий грохот, а за ним звуки потише. Огонек промелькнул за парой окон на втором этаже.

— *Кот?*

Крупная фигура появилась у фасада здания, опустилась на четвереньки и медленно двинулась прочь. Ничто не шелохнулось, чтобы ей помешать. Ночь оставалась тихой. Билли взглядом следил за перемещением.

Он понял: время завершить песню. На ремне у него были нож и лазер с компьютерным наведением. Если это страгийка, нужно попытаться ее уничтожить. Он вытащил оружие и положил большой палец на кнопки.

— *Вот так ты держишь свое обещание, охотник?*

— *Кот!*

— *Да. Она дралась здорово, но она мертва. Я ее побил. Теперь посмотрим, сумеешь ли ты пустить в ход оружие, прежде чем я до тебя доберусь. Нас разделяют десять метров, и я готов к прыжку. Оружие быстрее меня, но как насчет твоего пальца? Я узнаю тот миг, когда ты решишься. Вперед. Теперь куда угодно...*

— *Нет.*

Билли отбросил оружие в кусты справа от себя.

— *Не понял, какая твоя часть идет таким путем.*

Он обнаружил замешательство, подчеркнутое небольшой болью.

— *Ты ранен?*

— *Ничего страшного.*

Оба оставались неподвижными.

— *Как ты сказал, теперь куда угодно,* — наконец произнес Билли.

— *Ты не оказываешь мне никакого сопротивления?*

— *Нет.*

— *Почему? Ты же хищник, вроде меня.*

— *Мы заключили сделку.*

— *Что такого, когда ценой является твоя жизнь? Я ожидал противоборства.*

Кот обнаружил нечто наподобие замешательства.

— *Я дал тебе обещание.*

— *Но я принял его, имея в виду, что ты будешь ожидать здесь моего нападения и защитишься, когда придет время.*

— *Извини. Я понял не так. Сейчас у меня нет намерения давать тебе мнимый бой. Ты требуешь мою жизнь. Бери.*

Кот начал медленно приближаться, его тело все ниже и

ниже припадало к земле. Когда же он поднял голову еще раз, на ней оказалось неимоверное, рогатое и клыкастое получеловеческое лицо — зверская пародия на лицо самого Билли. Потом внезапно Кот отступил и поднял эту голову на целых восемь футов над землей. Он свирепо взглянул вниз.

Билли вздрогнул, но не сошел с места.

— *Ты получаешь от этого громадное наслаждение, охотник.*

Билли пожал плечами:

— *Что поделать.*

Кот начал раскрывать за спиной огромные крылья с перепонками. Через некоторое время он завернулся в них и превратился в неподвижный темный столб.

— *Если ты сумеешь перемахнуть через стену, прежде чем я до тебя доберусь,* — наконец промолвил Кот, — *я позволю тебе уйти.*

Билли не шелохнулся.

— *Нет,* — сказал он. — *Я знаю, что не смог бы этого сделать. Я не буду пытаться лишь для того, чтобы тебя позабавить.*

Столб расцвел — некий экзотический цветок распустился, открывая тигроподобную голову. Она качнулась в его сторону.

— *Ты преследовал меня больше недели,* — сказал Кот в конце концов. — *Когда я мечтал о твоей смерти, я мечтал к тому же об охоте на тебя. Одной твоей смерти было бы достаточно, но я не хочу, чтобы все было завершено через секунду. К тому же меня тревожит, что я не в силах понять, проистекает ли это желание из того, что я знаю лучше всего, — охоты, — или длительная ментальная связь с твоим родом каким-то образом научила меня радости от продления мучений врага.*

— *И то и другое достаточно примитивно,* — ответил Билли. — *Я бы об этом не волновался.*

— *Я и не волнуюсь. Но я желаю охоты и вижу теперь, что только одно-единственное заставит тебя дать ее мне.*

— *И что же это такое?*

— *Твоя жизнь. Шанс получить ее обратно.*

Билли рассмеялся.

— *Я уже уступил себя смерти. Неужели, Кот, ты считаешь, что ты — единственный чужак-неудачник в этом мире? Мой Народ — мой настоящий Народ — тоже мертв. Все-все.*

Мир, в котором я сейчас оказался, для меня чужой. Твое предложение лишь окончательно сфокусирует мое состояние. И я к этому приготовился.

Кот отошел назад.

— Много лет назад, — сказал он, *— я видел в твоем разуме великую гордость за умение твоего Народа приспосабливаться. Теперь же ты утверждаешь, что оно тебя покинуло. Я же говорю: это означает, что ты стал трусом, видящим в смерти самый легкий выход.*

Билли оцепенел.

— Это неправда!

— Загляни в себя. Я лишь оправдал твою уступку.

— Нет!

— Тогда борись со мной, Билли. Примени еще раз свое мастерство против меня.

— Я...

— Ты сейчас боишься, чего прежде не было. Ты боишься жить.

— Это не так.

— Не произнесешь ли эти слова четыре раза, человек Народа?

— Черт тебя подери, Кот! Я был готов, готов к поединку с тобой. Но ты не удовлетворяешься только моей смертью. Ты желаешь, перед тем как меня убить, вселить в меня неуверенность!

— Если это то, что требуется, да. Теперь я вижу, что было бы мало удовольствия в том, чтобы убить тебя, будто какой-то безмозглый кусок мяса, покорно идущий на бойню. Полная месть требует радости охоты. Поэтому я позволю тебе одну попытку и дам тебе понять, что мое обещание такое же твердое, как и твое, Билли Сингер, — ибо не могу позволить побить себя даже в этом. Иди. Убегай. Заметай следы, следопыт. Я дам тебе, по своим оценкам, час — а я чрезвычайно хорош в определении времени, — а потом буду тебя догонять. Ты преследовал меня почти восемь дней. Давай, скажем, неделю. Выживешь так долго, и я откажусь от претензий на твою жизнь. Мы пойдем своими путями, независимые друг от друга.

— И какие будут правила? — спросил Билли.

— Правила? Если ты сможешь убить меня, прежде чем я убью тебя, во что бы то ни стало сделай это. Двигайся куда угодно с помощью любых средств по своему выбору. Все считается

честным. На охоте нет правил. Проживи неделю — и избавишься от меня. Хотя ты этого не сумеешь.

— *Кто может сказать?*

— *Ну так каков твой ответ?*

Билли повернулся, разбежался и, прыгнув, ухватился за верхний край стены. Легко подтянулся одним махом.

— *Начинай отсчет,* — сказал он, соскакивая на противоположную сторону, и бросился бежать.

Больше минуты его преследовал смех Кота.

ЧАСТЬ II

У убегающих и догоняющих
свои преимущества.
Каждый из нас охотится,
и на каждого из нас охотятся.
Все мы добыча, все мы хищники.
Зная это, опытный охотник
осторожен. Добыча же учится храбрости,
превосходящей обычную.
А потом есть удача,
а потом существуют боги.
Охота всегда неопределенна.

Мы освежевали волка,
а наутро там висела человеческая кожа.
Ночью она вновь стала
волчьей шкурой.

В охоте
нет определенности,
нет законов.

Говорящий Бог, будь со мной.
Там висела человеческая кожа.
Ночью она вновь стала
волчьей шкурой.

В охоте
нет определенности,
нет законов.

Говорящий Бог, будь со мной.
Черный Бог, будь со мной.
Удача и храбрость,
будьте со мной.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Не сбавляя шага, он высветил циферблат часов и проверил время. Час. Билли улыбнулся, поскольку казалось, что Кот проглядел самое очевидное. Он мог за это время оказаться очень далеко, а все считалось честным... Пошел ровным шагом, который мог выдержать больше половины дня.

Поддаться страхам и побежать — значит остаться истощенным перед лицом усилий, которые, возможно, потребуются в дальнейшем.

Ветер хлестал по телу, насыщенные пятна теней приобретали зловещие свойства — прячущиеся глаза, клыки, движение...

Мертва. Страгийка мертва. Существо, способное вызвать страх в высших кругах. Мертва. И убил ее Кот. Скоро Кот помчится этим же самым путем. Неимоверный фасеточный глаз Кота мог видеть в инфракрасном диапазоне, различать поляризацию света. Он по-прежнему не был уверен относительно всех органов чувств, которыми обладал Кот.

Кот виделся ему сейчас гигантским чинди, не мешкающим, идя по следу.

Капли пота выступили у Билли на лбу. Часть его воспринимала мощь зверя с совершенно рациональной точки зрения. Он одолел Кота раньше, когда тот был более наивен. Но Коту предоставили пятьдесят лет, чтобы стать искушенным в отношении этого мира. Кот внезапно обрел призракоподобность на другом уровне — уже не зверь, которым он был, но нечто возвращающееся, как с севера...

Билли поборол возобновившееся желание ускорить шаг. Есть уйма времени, говорил он себе, достаточно, чтобы хорошо провернуть свое бегство. И почему нужно бояться? Считаные минуты тому назад он был готов умереть. Теперь, по крайней мере, появился шанс. Прошлое умерло. У него было

некоторое мнение о том, как создавать будущее, но то зависело от его теперешнего поведения. Все должно оказаться в порядке. Задолго до истечения этого часа он будет в полной безопасности. Это лишь вопрос минут, в самом деле...

Он продолжал бежать трусцой, разум был сосредоточен на его цели. Наконец она показалась в поле зрения — станция транс-кабин, которые перенесут его вне зоны досягаемости Кота в мгновение ока. Билли видел огни небольшого здания на перекрестке, за полем, на которое сейчас вступал. Хотя что-то в ней...

Приблизившись, он понял, что окно на фасаде разбито, и замедлил шаг. Вокруг никого.

Он остановился и заглянул внутрь. В ряд у дальней стены стояли три устройства, все разломанные. Словно какое-то потерявшее управление тяжелое транспортное средство пронеслось сквозь здание, вырывая с корнем блестящие станины, переворачивая блоки управления. Батареи, как он заметил, были нетронуты.

Кот...

На сей раз Кот разошелся, далеко зайдя при прочесывании этого района... Кот предвидел возможный вариант бегства в таком направлении и отрезал этот путь отступления.

Он огляделся. Повреждение должно быть зарегистрировано в районном центре управления. Но час уже поздний. Не говоря уж о том, когда сможет прибыть ремонтная бригада.

Карта. Внутри должна быть карта линий района.

Билли направился к двери и вошел. Да. На стене справа. Он изучил расположение красных точек, обозначающих кабины в этом районе, определил свое местоположение, поискал соседние.

До ближайшей четыре мили.

Узнал ли Кот ее местонахождение? Побеспокоился ли взглянуть на эту штуковину на стене, осознав, что это карта? И даже если так, пошел ли Кот на неприятности, разрушая еще одну кабину? Воистину, ему могло захотеться закрыть все ставки...

Но нет. Удивление Кота при его отказе бежать было искренним. Кот ожидал, что он будет спасаться бегством. Пока для него стало возможным ускользнуть от зверя и дойти так далеко, казалось маловероятным, что тот мог при таких обстоятельствах добраться до соседней кабины. Поэтому даже

если Кот знал о ней, не исключено, что ближайшая кабина осталась неповрежденной.

Все же карта одно, а местность — совсем другое. Билли не был абсолютно уверен относительно расположения этой красной точки. Даже при такой форе он мог бы делать все быстрее.

Он оставил разгромленную станцию, взял свои вещи и вновь двинулся ровным широким шагом через фруктовый сад с голыми ветвями, потрескивавшими со всех сторон. Из-за кустов выскочил кролик и, перебежав ему дорогу, исчез в тени слева от него. Трава была влажная, и вскоре низ его штанов насквозь промок. Где-то начала лаять собака. Он внезапно почувствовал себя так, словно за ним наблюдают, причем непонятно, с какой стороны. Вновь мимолетные тени исказили картину.

С минуту Билли гадал, сколько сейчас времени, а потом желание это узнать отпало. Вдруг он обнаружил, что счастлив. Часть его разума почти подбадривала Кота, надеясь, что даже сейчас зверь идет по его следу. Пусть он будет близко. Пусть он будет очень близко и не встретит помех на пути. Иначе что за радость от подобного состязания? Многие годы Билли не чувствовал себя настолько полным жизненных сил. Сейчас внутри возникла новая песня, сопровождаемая барабанным ритмом его шагов.

Он не пытался анализировать перемену в своем настроении. Хаотичность обстоятельств была слишком плотной для интроспекции, даже будь он к ней склонен. Какое-то время достаточно просто нестись в ритме бегства.

Были моменты, когда он ощущал наверняка, что Кот прямо у него за спиной, и это, похоже, не имело значения. В другое время он был уверен, что уже победил, что далеко оторвался от своего преследователя, что ни за что невозможно его настичь. Казалось, все его чувства сейчас необычайно заострены: малейшее движение в ночи мгновенно распознавалось по слабейшему шороху, стуку или треску; призрачные очертания становились более отчетливыми, даже запахи приобрели новую значимость. Так все было когда-то, да, давным-давно...

До всего остального мир был таким, он был таким. Бег. На восток. Видение, еще не затуманенное пеленой, которой позднее окутала его жизнь. Ему было восемь или девять лет, а он еще не умел говорить по-английски...

Но в конце-то концов, какие черты из всего этого действительно остались при переходе из близкого к неолиту общества в мир высоких технологий? Он прожил больше лет в последнем, нежели в первом, если подобные вещи можно измерять только годами. Переход был осуществлен успешно, и оба края личностного спектра были для него доступны.

Но именно первобытное правило им, когда он бежал. Да. И эта часть предпочитала день ночи. Однако радость оставалась. Не то чтобы страх отсутствовал. Наоборот, страх вкладывал нечто в своеобразный вид приподнятого настроения, царившего в нем.

Продолжая путь, Билли гадал, какова ситуация в особняке. Что Уолфорд, Теддерс, охранники и страгийцы поняли из внезапного нападения, за которым последовала смерть адепта — без объяснений относительно того, что случилось? Естественно, они подозревают о его участии во всем этом, но наверняка сбиты с толку внезапным его исчезновением. Даже сейчас они наверняка пытаются его достать — хотя на сей раз он даже не надел устройство вызова.

Узнают ли они когда-нибудь? Впервые он заинтересовался, что Кот сможет сделать после — если все закончится, а он, Билли Сингер, отправится на север. Удалится ли Кот в какую-нибудь пустынную местность и проведет свои дни в роли хищника, таскающего домашнюю птицу?

Это казалось возможным, но уверен он не был. Он не мог разобрать, сосредоточена ли ненависть Кота только на нем, или Кот мог сделать все человечество ответственным за свое пленение. Изо дня в день, из года в год жаться в клетке, когда тебя рассматривают в упор группы проходящих мимо людей... Если бы их поменять местами, то, казалось Билли, он возненавидел бы весь человеческий род.

Начало расти чувство раздражения. Почему бы Коту не посчитать его жертвенным агнцем и не взяться активно за осуществление этой идеи?

Он покачал головой. Нет настоящего повода полагать, что впоследствии Кот обезумеет. Он не проявлял подобных симптомов. В любом случае, что за самокопания? Коту нужен именно он, а не он и вдобавок все остальные. А после того как Кот до него доберется, все будет кончено с...

Жертвенный агнец... Билли вновь подумал об овцах, которых пас мальчишкой. Долгие, медленно тянущиеся дни под

небесами жаркими и холодными, огромными небесами... Лежал на склоне холма. Строгал ножом деревяшки. Пел. Бегал наперегонки с ребятами. Первое кувыркание в траве с той девушкой из-за гор. Как ее звали? А позднее с ее сестрой. Твердые груди под его ладонями. Беззаботные овцы вокруг. Облака, словно овцы, на горизонте. Овцы. Агнец Божий. Дора в небе с бирюзой. Убегая...

Кот. Убегать. Как же ты меня выследишь, Кот? Пойдешь ли ты по тем же знакам, по которым пошел бы я? Или твой инопланетный глаз отмечает иные приметы моего местоположения? Так или иначе, нет времени маскировать эту тропу. Сначала убежать. Прятаться потом. Сейчас самое главное — скорость. Скорость, благоприятная возможность. Удача. В любом случае, насколько близко ты мог подобраться? Или ты все еще ждешь, когда начать бег?

Бирюза в небе с Дорой под барабанный ритм поступи здесь внизу. Далеко впереди на склоне холма — огни. Вновь вдыхается и выдыхается ночной воздух. Шаг ровен. Поворот налево за черепообразный валун. Потом наверх. Кот, залезай. В черный мешок. Самое главное — полная энтропия. Но сперва.

Одна за другой тают минуты. Вдалеке гудение какого-то суперэлектромобиля над расчищенной тропой, которая некогда представляла собой шоссе; свет, огибающий стволы деревьев. Вероятно, направляется к станции. Ай-а! Живем. Если Кот даже сейчас не...

Подойдя ближе, Билли замедлил шаг. Здесь могла быть засада. Почему бы не потянуть время? Поскольку Кот мог соврать, чтобы получить преимущество в погоне. Попадешь в кабину, и зверь окажется в тупике. Окажется ли?

Идя теперь неторопливо, он изучал новое предположение. Что Кот говорил насчет того, разбирается ли он в кабинах?

Кот — телепат.

Но какого рода? Билли оценивал способности Кота в качестве некоего локатора-охотника — разумеется, усовершенствованного за время длительного заточения, но в основном настроенного на добычу в радиусе четверти мили. Все же существовали люди-телепаты, которые могли передавать и получать информацию в пределах всей планеты и в открытом космосе. Однако опять-таки он чувствовал, что подобных умельцев он в состоянии до какой-то степени блокиро-

вать, возвращаясь к мыслительным моделям детства. Но Кот тоже первобытен. Возможно, так от Кота не спрятаться. В случае чего.

— *К черту тебя, Кот!*

Теперь на четвереньках, тщательно очищая путь перед собой от всего, что могло вызвать малейший звук, бижутерия завернута в носовой платок и засунута в карман, руки ловко двигаются, колени и ступни продвигаются на расчищенные участки в полной тишине.

— *Найди меня, если можешь. Борись со мной.*

Ответа не было. И не было ничего между «здесь» и «там», что можно было принять как трансформацию своего противника.

Машина остановилась перед зданием. Из нее никто не вышел.

Билли вскочил на ноги и пробежал последние метры поля, деревья на краю, полотно дороги. Мельком глянул в окно станции: устройства не повреждены.

Чуть не рассмеявшись, он распахнул дверь и переступил через порог. Пусто. Безопасно. Дышится легко. Он распрямился, снял руку с рукоятки ножа. Закрыл дверь. Отлично. До свободы пять шагов.

Дальнее устройство слева гудело, готовясь к переносу.

Билли с любопытством наблюдал. Час был неурочный, а станция находилась в глуши. Он гадал, кто может прибыть. Вскоре начали образовываться очертания — женщины, несколько коренастой, с коротко подстриженными каштановыми волосами. На ней был темный костюм, а в левой руке она держала записывающее устройство с эмблемой какой-то службы новостей. Когда женщина приобрела плотность, ее взгляд остановился на нем.

— Здравствуйте, — сказала она, выходя из кабины и осматривая его одеяние.

— Здравствуйте.

— Прибыли или отбываете?

— Отбываю. Я только ждал, чтобы поглядеть, не знакомый ли идет?

— Вы настоящий индеец, правда? Не просто так оделись.

— Да. Если вы заказывали машину, я только что видел, как одна затормозила перед входом.

— Заказывала. Наверно, она. — Женщина направилась

вперед, но затем приостановилась. — Вы живете в этом районе?

— Нет. Был в гостях.

Он двинулся к ближайшему устройству.

— Секундочку, — сказала она. — Я прибыла сюда из-за одного материала или того, что может стать материалом. Может, вам об этом что-нибудь известно.

Он заставил себя улыбнуться, делая очередной шаг.

— Сомневаюсь. Не видал ничего, достойного средств массовой информации.

— Короче, — настаивала женщина, — поступили сообщения о своеобразных мерах по обеспечению безопасности, предпринятых в последнее время в особняке Уолфорда. Потом внезапно этим вечером произошли авария системы электроснабжения и какой-то переполох. Сейчас они там совершенно некоммуникабельны. Вам что-нибудь об этом известно?

Билли покачал головой, двинулся вперед и вошел в кабину. Она последовала за ним и схватила за руку, когда он вставлял карточку в щель, эффективно блокировав его перенос.

— Подождите. Есть еще кое-что. Потом мы узнали, что транс-кабины поблизости от усадьбы повреждены. Вам известно, что соседняя станция на востоке вышла из строя?

— Может, из-за той аварии?

— Нет-нет! Там есть собственные батареи — коли на то пошло, такие же, как и в особняке Уолфорда.

Он пожал плечами, надеясь, что ее рука разожмется.

— Боюсь, я не в курсе. Послушайте, я тороплюсь...

— Вы не видели или не слышали в этом районе чего-нибудь необычного?

Билли заметил, что ее записывающее устройство включено.

— Нет, — сказал он. — Мне нужно отбывать.

— Это всего лишь ощущение, — проговорила женщина, — но, по-моему, вы что-то об этом знаете.

— Сударыня, — вздохнул он, — вас ждет машина. Идите и смотрите сами, как заправский репортер. Хотя я бы здесь не ошивался.

— Почему?

— Возможно, с этой станцией тоже что-нибудь случится.

— Из-за чего?

— Откуда я знаю? Но если существует нечто опасное, вы хотите оказаться на его пути?

Она впервые улыбнулась.

— Если это даст материал, да.

Он набрал координаты.

— Счастливо.

— Пока еще нет, — ответила женщина, по-прежнему держа его за руку. — Вы вообще имели к этому отношение?

— Уматывайте отсюда, — сказал он ей, — в машине или с помощью одной из этих будок. Спешите! Здесь небезопасно. Не ошивайтесь поблизости.

— Будь я проклята, если дам вам теперь уйти! — воскликнула она, снимая похожий на авторучку приборчик с обратной стороны лацкана.

— Извините, — сказал Билли, высвободил руку и оттолкнул женщину. — Делайте, что говорят! — заорал он. — Уматывайте! — И начал тускнеть.

Когда он, выйдя из кабины на лондонском вокзале Виктории, положил в карман карточку, ему пришлось сдержаться, чтобы не побежать. Он провел тыльной стороной ладони по лбу, и та стала влажной.

Билли направился к ближайшему выходу, освещенному бледным светом серого утра. Его внимание тут же приковал запах еды, исходящий от круглосуточной закусочной. Слишком близко, решил он и вышел из здания.

Он миновал вереницу экскурсионных машин на воздушной подушке, череду таксомоторов — водителей нигде не было видно. Какое-то время продолжал шагать прямо, затем повернул наугад примерно на север и сошел с тротуара. Он последовал по тропинке между деревьев, ведущей к тому, что некогда являлось оживленной магистралью. Теперь улиц меньше, чем сто или даже пятьдесят лет назад, судя по впечатлениям от прежних посещений. Некоторые главные артерии сохранялись для движения грузовиков и редких личных машин на воздушной подушке, другие стали местами для прогулок, остальные просто исчезли. Большинство же превратилось в городские зоны дикой природы — или парки, как он привык их называть.

Билли шагал по извилистым дорожкам с полчаса, порядочно удалившись от вокзала, а вокруг продолжало светлеть.

Становились громче звуки просыпающегося города, приглушаемые деревьями. Он повернул направо, к границе парка.

Выше, за пешеходной дорожкой, виднелись витрины открывшихся и открывающихся заведений. Дальше, под аркой во дворе, он заметил вывеску кафе, поднялся по лестнице и направился в том направлении. По его оценкам, он находился где-то недалеко от Пиккадилли.

У самой арки Билли замер, охваченный возобновившимся ощущением, что за ним наблюдают. Он огляделся. На тротуаре и во дворе было множество народу, некоторые из людей, как и он, выделялись одеждой разных континентов, но ни один из них, похоже, не обращал на него особого внимания, и никто не казался достаточно крупным, чтобы воплотить всю массу его противника.

Конечно, это могло быть что-то позади него, в лесу...

Ему не хотелось отбрасывать любое предупреждение, даже предчувствие. Поэтому он зашагал дальше, пройдя мимо арки. В нише на углу он увидел транс-кабину. Поддаться нервозности было бы признаком как слабости, так и осторожности, но к тому же много можно сказать о сохранении убегающим человеком спокойствия духа. Он ускорил шаг.

Подойдя, Билли увидел, что в нише также находится устройство вызова полиции. Дергаешь за ручку сигнала тревоги, и через секунду сюда переносится бобби — система, сходная с той, что используется в эти дни почти повсюду. Не то чтобы он видел в этом очень большую помощь, если вдруг обнаружит Кота у себя за спиной. В лучшем случае, отсрочка. И вероятно, вызвав полисмена, он обречет того на смерть.

Он пошел еще чуть быстрее — и увидел голову койота, нет, маленькой собачки, высунувшуюся из-за угла ниши и повернувшуюся в его сторону.

Ощущение безотлагательности росло. Он боролся, но не мог противостоять желанию оглянуться.

Когда же он это сделал, то внезапно почувствовал головокружение. Крупный мужчина в черном плаще и очках только что вышел из парка.

Билли бросился бежать.

Он нащупал и вытащил кредитную карточку, пока несся вперед. Повернул ее соответствующим образом, чтобы мгновенно вставить в щель аппарата. Его захлестнула волна стра-

ха, быстро превратившегося в отчаяние. Он вдруг стал уверен в том, что не успеет, ощутил мощное побуждение остановиться и дождаться своего преследователя.

Вместо этого он ворвался в кабину, сунул карточку в щель и настучал набор координат. Обернувшись, увидел, что мужчина, встав на четвереньки, мчится к нему, на ходу меняя форму. Кто-то завизжал. Над головой проплывал дирижабль. Вся картина стала двумерной и начала тускнеть. Прощай, Пиккадилли...

— *Беги, охотник,* — услышал он слабый голос среди своих мыслей. — *В следующий раз...*

Билли стоял, трясясь, в будке на вокзале Виктории. Но теперь это было скорее реактивное движение, нежели страх. Страх, отчаяние, определенность судьбы исчезли в мгновение переноса. Именно тогда он осознал, что Кот наверняка проецирует на него эти чувства; чуть более искусный вариант старого трюка, парализующего добычу, — приема, который он несколько раз ощущал в более явной форме много лет назад. До какой же степени развил его Кот с тех пор!

Билли вызвал таблицу на справочный экран и взял новый набор координат. Наверняка преследователь выудил вокзал Виктории из его мыслей и...

Уже тускнея, он увидел нечто, начинающее принимать форму во второй будке от него, — нечто, напоминающее высокую, псевдочеловеческую фигуру в плаще, в процессе расширения плеч и удлинения передних конечностей. Проклятье!

— *Да!*

Перенос в Мадрид... Ясное небо в грязном окне. Толпа владельцев сезонных билетов. Нет времени...

Билли вызвал справочное, набрал очередные координаты. Он озирался, а Мадрид начинал исчезать. Никаких признаков прибытия торглиндского метаморфа. Он вздохнул. А выдохнул на Гар-дю-Нор в Париже. Вызвал местное справочное и перенесся еще раз.

Шагом. День еще более ясный. С вокзала Тюильри. Теперь в безопасности. На сей раз у Кота нет возможности последовать за ним.

Прошелся по Елисейским Полям. Пересек парк, дорожку

для велосипедистов и, выйдя на тротуар, ощутил аромат пищи, исходящий от ближайшего уличного кафе.

Он миновал несколько кафе, прежде чем остановился в одном — со свободным столиком, поблизости от транс-кабины и с хорошим обзором в обоих направлениях. Он сел и заказал плотный завтрак. Закончив есть, задержался, опустошая бесчисленные чашки кофе. Ничего угрожающего не появлялось, и Билли ощущал брезжущее чувство безопасности. Через какое-то время им овладело ощущение летаргии.

Ночь. Здесь было позднее утро, но в стране, которую он покинул, стояла ночь. Он очень долго не спал.

Он встал и опять зашагал. Нужно ли перескочить еще в один город, чтобы замести след? Или он уже достаточно скрыл свою тропу?

Он пошел на компромисс и перенесся на Левый берег. И опять зашагал. Он знал, что мышление у него затуманилось. Наполненный изначально необходимостью бегства, его разум теперь работал на малых оборотах из-за реактивного действия, из-за усталости. Несложно получить стимулятор для полного восстановления бдительности, связавшись со своим врачебным компьютером и попросив переслать рецепт местному аптекарю. Но сейчас Билли чувствовал себя в относительной безопасности, и лучше отдохнуть и восстановить свои естественные силы, чем при подобном положении дел продолжать в том же духе с помощью искусственных средств. Тело могло оказаться чрезвычайно важнее разума, ощущения и реакция — более надежными проводниками, чем любой тщательно разработанный замысел. Разве он уже не решил, что первобытное — лучшее оружие против опасного телепата? Сейчас поспать, расплачиваться, если нужно, потом.

Он набрел на гостиницу, называющуюся «Сен-Жак», рядом с университетом. Несколько транс-кабин располагалось по соседству, а одна — в вестибюле. Билли снял номер на третьем этаже и полностью одетый растянулся на кровати.

Он долго смотрел в потолок, будучи не в силах заснуть. Приходили и уходили картины недавнего бегства. Однако постепенно начали вторгаться другие образы, не имевшие отношения к настоящему. Он поплыл вместе с ними, дыхание замедлилось, и в конце концов они его унесли.

...Видение: Дора за видеоконсолью, вызывающая рои

уравнений, пальцы, бегающие по клавишам, как пальцы матери по ткацкому станку, вводящая новые переменные, плетя дополнительные узоры, которые приведут к результату. Он не понимал. Но это не имело значения. Волосы у нее длинные, пшеничные, глаза очень светлые. Он познакомился с Дорой после возвращения из длительной экспедиции, когда институт отправил его на курсы усовершенствования по астрофизической теории и новейшим навигационным методам. Она там преподавала математику... Уравнения превращаются в песчаные рисунки и в конечном итоге в черепа — как животных, так и людей. Дора смеется. Он смутно припоминает, что она мертва. Была бы она жива, если бы не встретилась с ним? Вероятно. Но... Экран теперь стал игральным автоматом, а черепа продолжают вращаться и останавливаться, приобретая различные цвета... Цвета тянутся вдоль стен каньона, по которому он идет. Длинные шершавые полосы пластов справа и слева. У его ног разбросаны черепа и кости: одни серые и изгрызенные, расколотые и обветренные, другие свежие, цвета слоновой кости, некоторые инкрустированы бирюзой, кораллом и гагатом. За его спиной раздается какой-то звук, но он оборачивается и ничего не видит. Звук раздается снова, и снова он оборачивается, и снова там ничего нет. Когда звук раздается в третий раз, он считает, что заметил мимолетную тень, пока поворачивал голову. На четвертый раз вот он — ждет. Стоит и смеется у кучи костей. «Пошли», — говорит койот и отворачивается. Билли следует за ним, а тот ведет его среди теней. «Быстрее», — говорит койот, начиная бежать вприпрыжку, и он ускоряет шаг. Похоже, проходит долгое время, пока они движутся через сокрытые места. Темные места. Места забвения. Дора идет следом. Огонь костра и танцоры. Звуки трещоток и барабанов. Ночной клуб сквозь пелену виски. Пыльная поверхность Вотана-4, цистерноподобные звери, обитающие там. Кости под ногами, кости вокруг. Падение, падение... Звуки за спиной. Его тень предшествует ему, а он преследует мохнатый хвост Трикстера. «Куда мы идем?» — кричит он. «Наружу и вверх, наружу и вверх», — приходит ответ. Его тень внезапно обволакивает более крупная тень чего-то, находящегося прямо за спиной. «Быстрей! Наружу! Вверх! Быстрей!»

Пробуждение по тревоге: за окном стало сумрачнее. И что это за звук по лестнице?

Наружу и вверх? Слишком сильная штука, чтобы ею пренебрегать. Он по-прежнему едва не слышал койота за окном.

Билли встал, пересек комнату и выглянул. Там была пожарная лестница. Заметил ли он ее, когда поселялся? Он не помнил.

Он открыл окно и вышел наружу, будто по-прежнему двигаясь во сне. Казалось совершенно разумным, что он продолжает курс, которому следовал. Вечерний воздух был холодным, огни освещали путь вниз. Этот влажный, острый запах ветра... Сена?

Вверх!

Билли полез. С некоторым трудом он смог подтянуться и оказался на покатой крыше. Люди шли по улице Эколь, но никто не смотрел вверх. Он начал двигаться вправо — ноги в водостоке, руки скользили по шиферу. Присущие сну особенности сохранялись. Билли миновал несколько дымовых труб и спутниковую антенну. Впереди увидел угол. Раздался слабый, глухой стук, будто кто-то колотил в дверь внизу, слева от него. Он заторопился. Грохот и треск, последовавшие за этим, взволновали его воображение, но незначительно. Теперь будка была очень близко, находись он на земле...

Он двигался, словно следуя магической тропе, ведущей к еще одной пожарной лестнице, которую сейчас увидел. Даже звуки погони, когда крупное тело вылезло из окна его номера, зазвенело по металлической лестнице, а потом возвысилось, чтобы вскарабкаться на край крыши, казались лишь частью драмы, на которой он не был даже увлеченным зрителем, и уж никак не главным героем. Билли машинально продолжал двигаться, едва осознавая, что его преследователь к нему обращается — не словами, а чувствами, которые обычно, при определенных обстоятельствах, он нашел бы тревожащими.

Он оглянулся на повороте как раз вовремя, чтобы увидеть крупную, странной формы фигуру в черном, залезающую на крышу. Даже когда водосток оторвался под ее тяжестью и эта фигура безуспешно цеплялась, чтобы найти точку опоры, он не почувствовал притока адреналина. Когда она начала срываться, он услышал зов:

— *Сегодня удача с тобой. Не упусти ее. Завтра же...*

Слова и движения прекратились, когда преследователь упал в какие-то кусты. И только тогда Билли почувствовал, будто внезапно проснулся, осознав, что мир на самом деле существует, что его положение было рискованным. Он глубоко вдохнул ночной холодный воздух, перемахнул на пожарную лестницу и начал спускаться.

Когда он достиг земли, фигура все еще лежала темной грудой в зелени на краю тротуара. Она слегка пошевелилась и издала хриплый звук, но, похоже, была неспособна встать и продолжить погоню.

Только после того как Билли вбежал в кабину, вызвал новые координаты и ввел их, он начал сомневаться.

ДИСК III

ТЯЖБА ИЗ-ЗА НАРУШЕНИЯ ПАТЕНТНОГО ПРАВА КОМПЬЮТЕРА

Лауреат Нобелевской премии по медицине ВРГ-118 сегодня утром подал иск в окружной суд Лос-Анджелеса, заявляя, что «Джей-энд-Джей Фармацевтикалс»

СПУТНИКОВЫЙ ВОР ВНОВЬ НАНОСИТ УДАР

Ценные экспериментальные узлы были сняты с «Берги-12» неизвестным лицом (или лицами) во время аварии системы энергоснабжения, вызванной, как сейчас считают

СОЛЯРНАЯ РЕГАТА СТАРТУЕТ В ЧЕТВЕРГ

ЖУРНАЛИСТКА НАЙДЕНА ЗВЕРСКИ УБИТОЙ

В одной захолустной станции транс-кабин на севере штата Нью-Йорк найдено изувеченное тело репортера Виргинии Калькофф

Не знаю, что дальше делать мне.

ВЕСЕННИЕ ШТОРМЫ ОБРУШИВАЮТСЯ НА ЮГО-ЗАПАД

ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ 12-Й СЕРИИ ВСПОМНИЛО

Принося извинения за неудобства

Во времена до Найенесгани Старик Койот раз наткнулся в своих странствиях по земле на Движущийся Камень. Тот заговорил с ним, и он ответил.

Изумленный тем, что огромный каменный валун обладает разумом, Койот быстренько начал над ним насмехаться.

Сперва нарисовал у него на боку нелепую рожицу.

— Старик Камень, ты хмуришься, — сказал он.

— Мне не нравится лицо, которое ты мне дал, — ответил тот.

— И ты лыс, — сказал Койот. — Я это исправлю.

Он забрался на верх Камня и опорожнил кишечник.

— Кудрявые коричневые локоны очень тебе идут.

— Ты надоел мне, Койот.

— Я вернусь, чтобы развести огонь у твоего основания и приготовить себе ужин, — сказал Койот, — сразу после охоты.

— Вероятно, я тоже поохочусь, — отозвался Камень.

Койот направился в лес. Он еще не очень далеко ушел, как услышал позади себя грохот и, оглянувшись, увидел, что Камень, медленно катясь, начал его преследовать.

— Вот те на! — сказал Койот и пустился наутек.

Убегая, он увидел Пуму, отдыхающую в тени.

— Пума, — позвал он. — Кто-то гонится за мной. Ты не поможешь мне, сестра?

Пума поднялась, потянулась и посмотрела назад.

— Ты, должно быть, шутник, — сказала Пума, увидев Движущийся Камень. — У меня нет желания стать плоской кошкой. Беги дальше.

Койот побежал и чуть позднее поравнялся с Медведем, только что вылезшим из своей берлоги.

— Слушай! Медведь, дружище! — крикнул он. — Меня кто-то преследует. Ты мне не поможешь?

— Конечно, — сказал Медведь. — Не много таких вещей, которых я боюсь...

Тут Медведь услыхал шум погони, оглянулся и увидел Движущийся Камень.

— ...Но это одна из них, — добавил он. — Извини.

— Что же мне делать? — возопил Койот.

— Смотри на все философски и беги что есть мочи, — ответил Медведь, возвращаясь в берлогу.

Койот продолжал бежать вниз, на равнины, а Движущийся Камень позади набирал скорость.

Наконец Койот увидал Старого Бизона, пасущегося в высокой траве.

— Бизон! Спаси меня! За мной гонятся! — закричал Койот.

Старый Бизон медленно повернул голову и посмотрел на приближающийся валун.

— Можешь воспользоваться моей полной моральной поддержкой, — ответил Бизон. — Но я только что вспомнил, что время уводить стадо. Мы почти подчистили здесь весь корм. Увидимся, парень... Эй, стадо! Уносим хвосты на тот берег реки!

Койот все бежал, тяжело дыша, и в конце концов очутился в том месте, где отдыхали ястребы.

— Помогите мне, прекрасные летуны и могучие охотники! — воззвал он. — Мой враг настигает меня!

— Спрячься в дупло и предоставь Камень нам, — сказал вождь ястребов.

Ястреб-Вождь дал сигнал, и все племя поднялось в воздух, сделало круг и упало на Движущийся Камень. Своими клювами птицы взломали его внешнее покрытие, а потом начали работать вдоль трещин, расширяя их и удаляя вещество изнутри. Через короткое время Камень уменьшился до размеров гальки.

— Вот, — сказал Ястреб-Вождь, — все кончено. Теперь можешь выходить.

Койот вылез из дупла и посмотрел на остатки своего врага.

— Это была лишь игра, — сказал он, рассмеявшись. — Вот и все. Я никогда не находился в настоящей опасности. А вы, глупые птицы, на самом деле подумали, что я в беде. Забавно. Действительно забавно. Неудивительно, что все над вами смеются. Вы действительно решили, что я боюсь этого старого Камня?

Койот, смеясь, пошел прочь, а Ястреб-Вождь дал еще один сигнал.

Ястребы упали на обломки Камня, собрали их и начали составлять вместе, будто кусочки гигантской головоломки.

Когда Движущийся Камень снова обнаружил себя целым, он застонал, а потом, сперва медленно, начал катиться в том направлении, в котором ушел Койот. Он набирал скорость по мере движения и вскоре опять увидел Койота.

— О нет! — вскричал Койот, увидев приближающийся Камень.

И опять пустился наутек. Он добежал до склона холма и стал спускаться. Движущийся Камень позади него набрал скорость, сократил расстояние, разделяющее их, и перекатился через Койота, раздавив того насмерть.

Кружащийся ястреб видел это и возвратился, чтобы сообщить остальным.

— Старик Койот снова сделал то же самое, — сказал ястреб. — Он никогда ничему не научится.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Ночь с валами тумана, накатывающимися на каменистые склоны, звезды в середине неба, свечение восходящей луны на кромках предметов. Электромобиль следовал по высокогорной тропе, извивающейся между каменной стеной и спускающимся вниз склоном, прорезающей выступы скал, поворачивающей, опускающейся и поднимающейся. Овцы бродили по дороге, пощипывая весеннюю траву. В этой дикой местности не было фонарей, не было никаких других транспортных средств. Ветровое стекло время от времени запотевало и очищалось одним автоматическим движением «дворника». Единственным звуком, кроме низкого жужжания мотора, была редкая, но назойливая нота порывов ветра, просачивающихся в какую-то щель в машине.

Билли въехал в дугу, поворачивающую направо, затем — резкий подъем налево. Он чувствовал себя все в большей безопасности с каждым пройденным километром. Кот оказался более грозным, чем он ожидал, когда дело дошло до использования транс-кабин и действий в городах. Он по-прежнему не был уверен в том, как зверь способен определять его местоположение с такой точностью. Трюки с кабинами он еще мог понять, но знание места, где его можно найти? Это почти что попахивало колдовством, несмотря на тот факт, что у Кота было много времени для разработки плана.

Все же смена тактики должна обеспечить его теперь запасом времени, который понадобится для окончательного избавления от преследователя. Билли перенесся обратно на Гар-дю-Нор, улизнув от оглушенного Кота на Левом берегу. Оттуда он транспортировался в Дублин — город, который посещал множество раз во время поездок в Ирландию, посоветовался со справочной и перенесся в Бантри, где когда-то провел несколько недель, ходя под парусом и рыбача. Там, в

этом приятном и тихом уголке Западного Корка, он поужинал и познал начало этой небольшой безопасности, которую ощущал сейчас. Билли прошел через городок до залива, вдыхая соленый воздух и воскрешая в памяти месяцы, которые могли бы стать счастливее, хотя теперь он видел их как один из множества периодов приспособления к еще одному изменившемуся времени. Вспомнились лодка, и девушка по имени Линн, и блюда из даров моря. Это, а еще тот факт, что маленький неторопливый городок позволил ему постепенно войти в новое десятилетие. Могло ли нечто подобное оказаться тем, в чем он сейчас действительно больше всего нуждался? Билли покачал головой и крепче вцепился в руль, преодолевая извилистый спуск.

Время подумать. Нужно добраться до безопасного места, где можно решить свою задачу. Что-то было совсем не так, как надо. Он упускал важные вещи. Кот подходит чертовски близко. Он обязан стряхнуть его! Это все еще его мир, несмотря на все перемены. Инопланетный зверь не должен перехитрить его здесь. Время. Ему нужно некоторое время, чтобы над этим поразмыслить.

Изменить модель, решил Билли. Если он оставлял за собой какие-то следы в кабинах, какие-то указатели, по которым его выбор пунктов назначения мог стать известен, такой ход с его стороны должен свести на нет этот эффект. Он взял машину напрокат в Бантри и поехал на север по дороге, которую помнил. Миновав Гленгарифф, продолжил двигаться в сторону Кенмара, путешествуя по сельской местности, лишенной транс-кабин. На какое-то время Билли ощутил себя свободным. Была только ночь, и ветер, и скалистая перспектива. Его лишило равновесия то, что Кот выпустил его прошлым вечером. С того времени он лишь импровизировал. Теперь ему нужно появиться с каким-то планом — мерами всеобщей защиты, которые поддержат его на этой тропе. План...

Огонек вдали. Теперь пара. Три...

Билли взял термос и сделал глоток кофе. Первая ошибка, вероятно, заключалась в том, что он недостаточно использовал транс-кабины. Нужно было продолжать передвижения, чтобы в самом деле замести след. Очевидно, Кот находился достаточно близко, чтобы выудить пункт назначения из его разума. Даже тогда, когда он прыгал больше одного раза, Кот

мог прибывать, когда он отбывал, и таким образом узнавал следующую остановку.

Четыре... До Кенмара еще порядочное расстояние от первых разбросанных ферм и сельских домиков.

Ночь сегодня была свежа. Он спускался по отлогому склону. Внезапно деревья вдоль тропы стали выше.

В следующий раз он по-настоящему все хорошенько затуманит. Будет прыгать взад-вперед среди такого множества мест, что тропа станет совершенно запутанной. Да, именно так он должен был поступать с самого начала...

— *В следующий раз?*

Билли вскрикнул. Ментальное присутствие Кота внезапно повисло вокруг него, словно запах обугленной плоти.

— *Нет...* — произнес он, стараясь вновь подчинить себе управление машиной, которое бросил, ощутив Кота.

Машина начала прыгать через поле примерно в двух футах над землей, направляясь к крутой возвышенности. Чересчур резкое изменение высоты перевернуло бы машину.

Крутанув руль, Билли сумел отвернуть от склона. Мгновения спустя он въехал обратно на дорогу. Хотя он всматривался во все стороны, он не видел признаков охотящегося зверя.

Уже на тропе он нажал на акселератор. Мимо проносились тени. Ветви деревьев шевелил ветер. Клочки тумана проплывали через дорогу, на мгновение освещаемые фарами машины.

— *Кот?* — наконец произнес он.

Ответа не было. Неужели он находится на такой грани, что вообразил ту единственную фразу. Напряжение...

— *Кот?*

Она казалась такой реальной. Билли старался восстановить свое душевное состояние в тот момент, когда это произошло. Он предположил, что мог вызвать ее сам, но ему не нравилось, на что это намекало в отношении его психического снаряжения.

Он промчался через множество зигзагообразных поворотов, взгляд продолжал поиски по обеим сторонам тропы.

Так быстро... Его уверенность была разрушена за один миг.

Теперь Кот будет ему мерещиться за каждым камнем, за каждым кустом?

— *Почему бы нет?*

— *Кот!*

— Да.

— Где ты? Чем ты занимаешься?

— Развлекаюсь. Я же решил, что суть игры состоит в получении максимального наслаждения. Хорошо, что ты так здорово сотрудничаешь ради достижения этой цели.

— Как ты меня нашел?

— Намного легче, чем ты мог подумать. Еще раз, я высоко ценю твое сотрудничество.

— Не понимаю.

— Конечно. Ты склонен кое-что от себя прятать.

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь я знаю, что могу уничтожить тебя когда угодно, но я хочу растянуть удовольствие. Продолжай убегать. Я нанесу удар в самый подходящий момент.

— Это вообще не имеет никакого смысла.

— Да. Потому что ты на этом не остановишься. Ты — мой, охотник, когда бы я ни захотел.

— Почему?

Билли выехал на длинную дугу с деревьями на обочине. Казалось, далеко впереди появилось больше огней.

— Я скажу тебе, и все же это тебя не спасет. Ты изменился и сейчас не такой, каким некогда был. Я вижу в тебе то, чего не было в старые времена. Знаешь, чего ты действительно хочешь?

— Победить тебя, — ответил Билли. *— И я это сделаю.*

— Нет. Твое величайшее желание — умереть.

— Это не так!

— Ты отказался от мысли, что надо не отставать от мира. Долгое время ты выжидал и жаждал подходящего выхода. Я предоставил тебе подобную возможность. Ты думаешь, что убегаешь от меня. На самом же деле ты рвешься ко мне. Мне только легче, охотник.

— Неправда!

— ...И прелестная ирония состоит в том, что ты этого не признаешь.

— Ты побывал в умах слишком большого числа калифорнийцев. Они наполнены дешевой...

— ... И от твоего отрицания этого мне намного легче.

— Ты пытаешься одолеть меня ментально. Вот и все.

— Нет нужды.

— Ты блефуешь. Если ты можешь нанести удар сейчас, давай посмотрим, как ты это проделаешь.

— *Скоро. Скоро. Продолжай убегать.*

Ему пришлось притормозить из-за нескольких поворотов подряд. Он продолжал пристально изучать обе стороны тропы. Кот наверняка близко, раз способен мысленно дотягиваться, но, конечно же, у него преимущество передвижения по прямой, тогда как тропа...

— *Точно.*

Над головой откололся кусок ночи, упав с вершины высокого валуна, наклоненного к дороге справа. Билли попытался затормозить и одновременно свернуть налево.

Массивная, ягуароподобная фигура с одним мерцающим глазом приземлилась на капот машины. Она была видна лишь один миг, а потом спрыгнула прочь.

Воздушная подушка перекосилась, электромобиль наклонился и уже опрокидывался на бок, прежде чем Билли съехал с тропы. Он боролся с рулем и управлением высотой, зная, что слишком поздно. Последовал сильный толчок, сопровождаемый скрипом и треском, и Билли почувствовал, что его бросает вперед.

Мертвая, мертвая, мертвая... Калейдоскоп... Изменяющаяся модель в неизменяемой структуре... Это была ошибка? Существует боль вместе с силой... Трение времени на гранях... Центральная точка ослабевает, формы вновь где-то в другом месте... Неизменяемая? Но... Выворачивание наружу. Здесь песни «я» вытравляют волю, пока действия лежат мертворожденными на покрывале ночи. Но... Вновь движение... Продержится ли оно за пределами минутной выгоды? К фрагменту... Не к калейдоскопу. Никакой центральной точки. Но вновь... Формирование воли. Воление формы. Структура... Боль... Мертвая, мертвая... И милая. Словно гладкошерстная собачка... Пластмассовая статуя... Звуки органа, первый удар джина по пустому желудку... Мы вновь обосновались, дальше чем когда-либо прежде... Центральная точка. Свет!.. Боль. Красота. Ужас лишенного «я»... Действуй! Да. Центральная точка, точка, точка... Здесь? Мертвая...

неизбеж но пять с моста радума ойотрусворон взгляд збеж на крайпути неизбежность времяпрепрово предупреждения серег шли и плыли поворот но зверепад ни мозгобури ни в из отмене голодом высечь линию что связывает збежность спредупре и найтипу ждать откроет пандорранец жеваньесмерча аминь ами но кисло ты откро человека разума бес изъяна капу ты боль смелсъелсмерд стремлен косвету и мертвой смрт ежность сезам

Мы суть ключ.

Билли очнулся от тишины и сырости. Правая половина лба пульсировала. Плечи болели, и он постепенно осознал, под каким неестественным углом лежит. Правая рука была мокрая. Он открыл глаза и увидел, что ночь все еще покоится над этим краем. Вытянул левую руку и включил внутренний свет. Когда он это делал, из рукава сыпались осколки стекла.

Потом он увидел, что ветровое стекло не разбито, а сырость, ощущаемая рукой, вызвана пролившимися остатками кофе. Он прикоснулся пальцами ко лбу и не ощутил на коже никаких повреждений, но уже мог заметить, как распухало ушибленное место.

Машина лежала вдали от дороги на правом боку, помятая передняя часть упиралась в дерево. Поблизости находились другие деревья и кусты, заслоняющие его от дороги. Посмотрев вверх и направо, он не смог обнаружить причины того, почему разбито боковое стекло.

Затем его взгляд упал на подголовник. За головой на обивке было четыре параллельных разреза, как от острых, словно бритва, когтей. Он вновь посмотрел на разбитое боковое окно. Да...

— *Кот?*

Молчание.

— *Чего ты ждешь?*

Билли закинул ноги, осторожно уперся ими в заднюю дверцу и поднялся в некое подобие стоячего положения. Тотчас же он почувствовал головокружение и схватился за руль. Когда чары рассеялись, попробовал открыть дверцу. Та со скрипом и скрежетом поддалась после четвертой попытки. Билли вцепился в раму и подтянулся, внезапно вспомнив, как делал нечто схожее в старом голубом грузовичке-пикапе, воз-

вращаясь домой после субботнего вечера, проведенного в городе, век тому назад.

Оставался след. Даже в темноте он мог его различить. Кот тут был и ушел. Он пощупал сломанные ветки, провел кончиками пальцев по отпечаткам на земле. Прошел по следу, ведущему через поле, метров двадцать. Потом поднялся и повернул назад.

— Что у тебя за мотивы, Кот? Чего ты теперь хочешь?

В ответ только ветер. Билли медленно добрел до полосы дороги и пошел по ней. Он был уверен, что до города ему оставалось всего несколько миль.

Вероятно, прошло минут десять. Никакого движения на дороге не было, но, похоже, он не один. Казалось, какое-то крупное тело движется вдалеке среди деревьев, справа от него, идя с ним нога в ногу.

— Ладно, Кот. Мне бессмысленно теперь уклоняться и уворачиваться. Если ты собираешься нанести удар, наноси. Если нет, наслаждайся прогулкой.

Ответа не было, и Билли побежал трусцой.

Он недалеко ушел, когда к горлу подкатила тошнота. Возможно, реакция на ушиб головы? Надо продолжать движение.

Но пока он бежал, ощущения расширились: появился страх того, что вот-вот на него прыгнет Кот. Он попытался отбросить страх, но тот рос, и тогда он распознал его иррациональные корни.

— Я чувствую его, Кот. Но я знаю, что это такое, — сказал он. *— Какой в этом смысл? Я по-прежнему направляюсь в Кенмар, раз ты меня не хочешь убить. Или ты просто играешь?*

Интенсивность эмоций возросла. Его дыхание стало неровным. Билли почувствовал внезапное желание помочиться. Ощущение нависшей судьбы парило над тропой настолько далеко впереди, насколько он мог видеть.

Что-то напоминающее маленькую собаку перебежало дорогу. В этот миг его опасения исчезли.

«Была ли она тенью, которую я видел среди деревьев? — гадал он. — Ушел ли Кот давным-давно? Был ли мой страх реальным, а не наведенным?»

— Или все это твои проделки, Кот? Это твой план — заставить меня сомневаться в себе, сломать меня прежде, чем ты меня уничтожишь?

Он пробежал около мили, когда сзади приблизился электромобиль и притормозил рядом. Водитель предложил подбросить его до города.

Когда они ехали, Билли ощущал внутри себя отдаленный смех своего преследователя.

Вылезти, уйти, подумать. Таковы были его заботы, когда он въехал в город. Нужно убежать хотя бы на короткое время в какое-то место, где Кот не смог бы наблюдать за работой его разума. Необходимо продолжать бегство, еще раз попробовать замести след настолько, чтобы получить передышку для анализа ситуации, для создания плана.

Билли попросил водителя высадить его у транс-станции. Он допускал, что где-то Кот читает его мысли, узнавая пункт назначения, и начал тихонько напевать на языке навахо отрывок из Пути Благословения. Вошел на станцию и направился к будке. Единственным посетителем заведения был старик, сидевший на деревянной скамье у боковой стены, справа от него. Человек поднял голову от распечатки новостей и кивнул.

— Добрый вечер, — сказал старик.

Билли вошел в будку и нажал координаты вокзала Виктории.

...в красоте.

Теперь в Мюнхен.

...вокруг меня.

Он почистился в туалетной комнате и перенесся в Рим.

...справа от меня.

Съел сандвич и выпил стакан вина.

...слева от меня.

Перенесся в Анкару. Какое-то время стоял у здания вокзала и наблюдал, как восходит солнце жаркого и пыльного дня.

...передо мной.

Он перенесся в Аль-Хиллах в Саудовской Аравии, а оттуда — в банк кабин Национального нефтяного леса Раб-аль-Хали.

Высокие деревья с пышной листвой, кора у них была бурая, чешуйчатая и звенела на ветру. Билли следовал размеченной пешеходной дорожке под их сенью.

Здесь, посреди древней мечты Фримена Дайсона, можно

нащупать путь к чему-то, что ему нужно знать; здесь, в месте, которое некогда было известно как Пустая Сторона, теперь громадный лес генетически измененных деревьев, крупнее секвой; их соки поднимаются вверх, их запрограммированный метаболизм синтезирует нефть, текущую вниз по особым сосудам в корни, образующие живую сеть трубопроводов, соединяющуюся в различных точках с искусственным трубопроводом, что передает ее к огромным хранилищам, представляющим собой один из самых больших запасов нефти в мире для тех производств, которым по-прежнему требуется это вещество. Они заполняют то, что некогда являлось пустыней, утилизируя солнечный свет, имеющийся здесь в изобилии. Самовосстанавливающиеся и вечные на фоне голубого неба, они являлись одновременно и частью природы, и продуктом технологии, наполнявшей культуру планеты, так же несомненно, как деревья уличных парков, которые вырабатывали собственную продукцию, или сеть данных, которая, не отсоединись он от нее, могла бы в этот момент выдать ему почти любую нужную информацию.

Почти. Некоторые вещи приходилось разрабатывать в одиночку. Но здесь, при таком сочетании старого и нового, первобытного и современного, он чувствовал себя более спокойно, чем когда-либо после начала всего этого предприятия. Даже птицы пели на ветвях...

Билли долго шагал по лесу и остановился, лишь когда вышел на небольшую поляну с парой столов для проведения пикников, мусорными бачками и сараем. Он заглянул в сарай: инвентарь лесников для текущего ремонта — электрические лопаты, кирки, пилы, цепи и кабели, перчатки и «кошки». Тут было пыльно, а паутина, словно мосты из тюля, соединяла предметы друг с другом.

Он затворил дверь и пошел прочь, нюхая воздух и озираясь. Сел, прислонившись спиной к стволу одного, средних размеров дерева. На бугорке среди корней пучками поднимались толстые стебли шафрана и луговика. Он забил трубку и раскурил ее.

Кот хотел его смерти и пытался убедить, что он этого тоже хочет. Идея казалась нелепой, но Билли посмотрел на нее попристальнее. Большая часть Вселенной является твоим врагом. Он узнал об этом еще мальчишкой. Человек принимает

меры предосторожности и надеется на лучшее. Время — текущая вода, ни плохое, ни хорошее, и его нельзя ухватить. Человек может подставить ладошку, подержать толику его недолго — и все. Хотя оно представляло собой стремительный поток последнего десятилетия его жизни, охватившее около тридцати лет реального времени, и он не мог его сдержать. Большой мир быстро изменился за этот промежуток. Танцоры обменялись масками: он уже не мог распознать врагов.

За исключением Кота.

Но он видел, что это было нечестно, даже по отношению к Коту. Кота он понять мог. Кот в своем желании был прост, мономаниакален. Остальной мир опасен переменчивым, запутанным образом, хотя в основном в нем отсутствовали злоба и преднамеренность. Он являлся противником, а не врагом. Кот же был врагом. Вселенная человека перемалывала или опрокидывала. А теперь...

Темп возрастал. Билли ощущал его всю жизнь — с первых школьных дней, — усиливающимся, как барабанная дробь. Правда, бывали сбои — периоды, когда он привыкал к новым ритмам. Но теперь... Им владела усталость. Последние реакции уже не имели соответствия, даже среди его собственного народа. Глядя назад, он видел, что лучше всего чувствовал себя в тех случаях, когда был где-то далеко, во вневременных местах среди звезд, и охотился. Именно возвращение становилось шоком. Теперь... теперь ему просто хочется отдохнуть. Или вновь оказаться где-то далеко, даже если следующее возвращение...

Дора. С Дорой тоже было спокойно. Но теперь это ему не помогало. Теперь мысли о Доре лишь заставляли его отвернуться от реальных проблем. Действительно ли он хотел умереть? Прав ли Кот?

Он почти мог слышать пение внутри неестественного дерева, параллельного его позвоночнику, колебания передавались по его нервам.

Желание убежать прочь, желание отдохнуть и больше не меняться... Вероятно...

Он сильно закусил мундштук трубки. Ему не нравились все эти размышления в духе бледнолицых, эта охота за скрытыми мотивами. Но...

Вероятно, в этом что-то есть. Мускулы лица опять расслабились.

Если скрытые источники его чувств равнозначны тому, о чем говорил Кот, то он бежал к смерти со времени падения Доры и...

Дора? Как она могла сыграть такую роль? Нет, пусть мертвые покоятся в мире и не тревожат живых. Достаточно допустить, что все перемены в самом обществе, — обществе, в котором он не родился, но частью которого пытался стать, — были весьма подавляющими, чтобы довести его до этой точки. Пойдем отсюда. Что дальше? Действительно ли он хотел умереть? И что по этому поводу нужно делать?

Внезапно развернулась некая память, испугав его знанием, которым он обладал все время. И Билли понял, что слова Кота были верны.

Каждый раз, когда он спасался бегством при помощи транс-кабины, самый последний пункт назначения находился у него в подсознании. Все эти прыжки, которые он совершал, прежде чем отправиться к своей цели, были ничем. Коту требовалось лишь прочитать этот конечный пункт, отправиться туда и начать прочесывать город, выслеживая сначала его разум, а потом и тело.

С его стороны это казалось более чем неосторожным. Создавалось впечатление, будто он намеренно отдается в лапы Коту и прячет информацию от собственного испытующего взгляда. Как он мог теперь хоть в чем-то себе доверять?

С другой стороны, ничегонеделание могло оказаться в равной степени фатальным. Билли был удивлен своей внезапной готовностью признать скрытое желание смерти. Однако он был вынужден не поддаваться ему в этом поединке с Котом. Он пыхтел трубкой и слушал пение птиц.

Сидел ли у него в голове пункт назначения, когда он отбыл из Кенмара при первом из этой последней серии прыжков? Похоже, сидел...

Ладно. Он встал. Приходилось допустить, что Коту об этом известно и он в любое время может объявиться. Чем дольше здесь оставаться, тем больше у зверя шансов взять его еще тепленького. Билли отряхнул штаны и выругался. Ему по-прежнему было необходимо время для разработки плана.

Он похлопал по стволу дерева и направился через поляну

к тропе. Огромная ворона пронеслась мимо, и он остановился. Мысли о Черном Боге замельтешили у него в голове — и о путях охоты.

Единственной станцией переноса в районе являлась та, которой он воспользовался. Кот мог возникнуть там в любой момент, вероятно, прямо сейчас, когда он к ней приближается. Нет, этого не будет. Поскольку он беззащитен, благоразумнее продолжить бегство. Но риск, связанный с такой попыткой прямо сейчас, казался чересчур велик.

Он пришел из Юты и Колорадо, и был он большой, черный и мерзкий. Когда он нападал, люди бежали в укрытия и выжидали. Он хлестал, плескал и заполнял лощины. От озера Пауэлл через горы Каррисо он пенился и ревел. Он лизал Шипрок языками пламени. Белые заплаты на возвышенностях уменьшались под его слюной. Он катился по земле и переваливался через горные пики. Дыхание его было учащенным и резким, ломающим ветви сосен, выкручивающим стволы. Сухие русла рек превращались в грязных змей. И были туманы, а в некоторых местах радуги. Гром уже не спал. Легенды уже нельзя было рассказывать.

Хранитель Облаков выпустил свои стада.
Хранитель Ветров отпер свои врата.
Хранитель Вод отворил небеса.
Хранитель Молний размахивает пиками.
Хранитель Спутников заметил:
«Стопроцентная вероятность
выпадения осадков».

Он вылез из транс-кабины и огляделся. Постоял какое-то время, как бы прислушиваясь. Потом бросился на четвереньки и вошел в лес, форма менялась при его движении. Он обнаружил разум, который искал. Тот вновь был наполнен чувствами этих самых песнопений и всей этой темной образностью, связанной с ними. Но маскируя подспудные мысли, они ни в коем случае не затмевали местоположение мыслящего человека. Найти тело будет совсем не трудно.

Его движения становились все более и более грациозными, по мере того как перетекали линии тела, принимавшего кошачий облик, которому он благоволил. Глаз искрился, словно капля жидкости. Резцы нависали над нижней губой; они тоже искрились. Продвижение среди огромных деревьев было почти бесшумным. Когда же он замирал, выискивая следы, то становился почти невидимым среди пятнистых узоров света и тени. В одном из таких случаев с дерева упал лист. Кот бросился на него — живая клякса. Потом выпрямился и помотал головой. Он пристально посмотрел на лист. Затем опять помчался вперед.

Вероятно, время пришло. Добыча не оказалась настолько сложной, насколько он надеялся. Если нет интересной борьбы или погони, если ничего возбуждающего не случится и на сей раз, возможно, лучше всего завершить все здесь. Казалось, охотник растерял все свои преимущества, выглядел утомленным, чересчур озабоченным, чтобы дать необходимый бой.

Он какое-то время внимательно смотрел на черную птицу, кружившуюся и кричавшую у него над головой, а потом устремившуюся прочь.

— *Вернись, дорогая. Лишь на минуту. Дай взглянуть еще раз.*

Но птица исчезла.

Кот махнул широким хвостом и поспешил через болотистую низину. Было совсем недалеко... Он увеличил скорость и не останавливался до тех пор, пока не оказался рядом с поляной для пикников. Тут он начал присматриваться и кружить, и снова присматриваться.

Человек просто сидел, прислонившись спиной к скамье и куря трубку, а его разум был наполнен бессмысленным песнопением. Все это слишком легко, но так Кот истолковывал его и раньше: своевольно легкомысленный, готовый умереть. Все же...

В этом не было никакой охоты. Несколько язвительных замечаний, и он, вероятно, начнет удирать.

— Видишь. Все, как я сказал. Когда ты убегаешь от меня, ты ко мне приближаешься. Почему я не был на свободе в какое-то другое время, когда ты все еще хотел жить?

Охотник не отвечал. Песнопение продолжалось.

— Итак, ты признал истину. Ты воспринял то, что я тебе говорил. Ты сейчас поешь предсмертную песнь?

Вновь никакой реакции не последовало.

— Отлично. Не вижу причин все это продолжать, охотник.

Кот прошел между деревьев и появился на поляне.

— Последний шанс. На худой конец, может, хоть достанешь нож?

Билли встал и медленно повернулся лицом к нему.

— Наконец-то. Ты не спишь. Ты собираешься убегать?

Билли не шелохнулся. Кот прыгнул вперед. Раздался треск.

Момент, когда земля провалилась под зверем, отпечатался в разуме Билли. Копая электролопатой вокруг себя ров, он испытывал некоторые сомнения относительно необходимой ширины. Когда маскирующее покрытие провалилось, а Кот исчез внизу, он обрадовался, что его оценки оказались правильными. Он тотчас же бросился перекрывать канаву столом.

— Ты здесь долго меня не продержишь, охотник, — сказал ему Кот снизу.

— Надеюсь, достаточно долго.

Билли перешел через ров и опустошил мусорный бак у ствола ближайшего дерева. Щелкнул зажигалкой и поднес ее к вороху бумаги.

— Что ты делаешь?

— *Если одно из этих деревьев займется, выгорит весь район. Они все соединены внизу и полны горючего. Ты не доберешься до кабины, если дать им загореться.*

Билли повернулся и бросился бежать.

— *Мои поздравления,* — сказал Кот. — *Ты вновь сделал все интересным.*

— *Прощай,* — сказал Билли.

— *Не совсем так. До свидания.*

Билли бежал до тех пор, пока не увидел транс-кабину. Ворвавшись в нее, он вставил карточку, включил управление и наугад набрал координаты, даже не глядя.

— *Ты купил передышку,* — сказал ему Кот. — *Но на другом уровне ты вновь себя выдал.*

— *Неужели?* — ответил Билли, и лес начал размываться.

Он вступает в сумеречный край среди оплетенных джунглями городов. Мерцающий воздух доносит крики невидимых птиц. Тепло, ощущается запах сырости и гниения. Его путь есть блестящая лента, лежащая среди развалин зданий, которые оказываются не полностью развалившимися, когда он подходит ближе. Он чувствует аромат горящего копала, а его проводник дает ему выпить странный напиток. Различные цвета вспыхивают у него под ногами, а путь становится ярко-красным. Наконец они приходят к пирамиде, на вершине которой четверо людей удерживают на камне некоего синего человека. Билли наблюдает, как какой-то мужчина в высоком головном уборе разрезает грудь синему человеку и вынимает сердце. Он отхлебывает напиток и продолжает наблюдать, как сердце передается другому человеку, который использует его для умащения лиц изваяний. Затем тело сбрасывают по ступеням вниз, где стоит в ожидании толпа. Там еще один человек очень осторожно сдирает кожу — ее синева теперь испещрена красными полосками, — надевает ее на себя и начинает танцевать. Остальные набрасываются на останки и съедают их, кроме ладоней и ступней, которые отрубаются и откладываются в сторону. Проводник на некоторое время уходит, чтобы присоединиться к толпе, позднее возвращается, что-то принеся Билли и показывая, что он должен съесть. Он машинально жует, запивая балче. Поднимает голову, внезапно осознавая, что его проводником является Дора. «В пятый день Уайеба моя истинная любовь дала мне...» Она не улыбается. По сути, ее лицо лишено какого-либо выражения, когда она отворачивается, жестом веля ему следовать за ней. Кроваво-красный путь наконец приводит к зияющей пещере-рту. Они останавливаются перед ней, и он видит, что внутри по обе стороны стоят изваяния — клыкастые, с завитками на лбах и темными кругами вокруг глаз. Он всматривается

пристальнее и понимает, что внутри медленно двигаются люди. Они ставят на низкий жертвенник чаши с копалом, табаком и маисом, тихо поют на языке, который он не понимает. Она переводит его через порог, и теперь видно, что помещение освещено свечами. Он стоит, ощущая запах благовоний и слушая молитвы. В промежутке между обрядами ему дают пить жидкую маисовую кашу с медом. Он сидит, прислонившись спиной к камню, слушая и проводя кончиком пальца круги на полу. Ему дают еще одну бутыль из тыквы с балче. Поднеся ее к губам, он поднимает голову и приостанавливается. Напиток ему принесла не Дора, а мощный юноша, облаченный в старинные одежды дене. За его спиной стоит еще один человек — еще более крупный и сильный на вид. Он одет точно так же, и между этими двумя заметно поразительное сходство. «Кажется, я вас знаю», — говорит им Билли. Первый мужчина улыбается. «Мы — истребители семи гигантских Попугаев, Сипакна и Кабракан», — отвечает он. «Именно мы, — подхватывает другой, — спустились по ступеням в Шибальбу, пересекли Реку Порчи и Реку Крови. Мы последовали по Черной Дороге к Дому Владык Смерти». Другой кивает. «Мы играли с ними в диковинные игры, как выигрывая, так и проигрывая», — говорит он. И они произносят в унисон: «Мы убили Владык Хун-Каме и Вукуб-Каме, а затем поднялись на белый свет». Билли отхлебывает балче. «Ты напоминаешь мне, — обращается он к младшему, — Тобадсидсинни, а ты, — обращается он к другому, — Найенесгани, Воинов Близнецов моего народа. Именно так, по-моему, они должны выглядеть». Братья улыбаются. «Верно, — говорят они, — ибо мы заметно распространились. Здесь нас знают как Хун-Ахпу и Шбаланке. Поднимись теперь на ноги и взгляни вон туда, в более темные места». Он встает и смотрит в заднюю часть пещеры. И видит там тропу, ведущую вниз. На ней стоит Дора, пристально глядя на него. «Следуй за ней», — говорит Хун-Ахпу. «Следуй», — повторяет Шбаланке. Дора начинает уходить прочь. Когда он поворачивается и идет за ней, слышится крик птицы...

Билли вышел из транс-кабины и огляделся. Стояла тьма, по-тропически сверкали звезды. Воздух был холодный и влажный, доносящий запахи, которые у него всегда ассоциировались с растительностью джунглей. Прохлада, по-видимому, означала, что ночь подходит к концу.

Он вышел за стены станции, где прочитал табличку с названием. Да. Все так, как он и ощущал. Он прибыл в огромный археологический парк Чичен-Ица.

Билли стоял на невысоком холме. Узкие тропинки расходились во множестве направлений. Дорожки были слабо освещены, и тут и там он видел медленно движущихся по ним людей. Он смог различить массивные темные очертания самих древних строений — более твердые и насыщенные, чем мрак ночи. Периодически, на несколько минут какие-то части развалин ярко освещались для ночных посетителей. Билли вспомнил, как читал где-то о том, что освещение включается по систематическому циклу, с его графиком можно согласовать прохождение маршрута, и оно сопровождается компьютеризированным комментарием и ответом на вопросы относительно каждого места.

Он отправился в путь. Развалины были большими, темными, тихими и индейскими. Они утешали и успокаивали его, пока он шагал по тропинкам. Кот не сможет его здесь найти, это точно. Он также понимал прощальные слова Кота. Он в некотором смысле выдал себя, ибо конечный пункт назначения присутствовал в его разуме, даже хотя он наобум нажимал координаты, приведшие его сюда. В конце концов он мог совершить путешествие в это место для того, чтобы встретиться лицом к лицу с Котом.

Билли тихо рассмеялся. Ничто не помешает ему здесь оставаться, пока у Кота не истечет фора по времени.

Некоторые из наиболее хрупких руин, мимо которых он проходил, были защищены силовыми полями, в другие разрешалось входить, на них подниматься и по ним бродить. Ему напомнили об этом, когда он слегка задел силовой экран — мягкий, потом становящийся все тверже и тверже, наконец непроницаемый. Вспомнилась клетка Кота в институте. К тому же Кот был наэлектризован, что вызывало шок, прямо пропорциональный давлению изнутри. Хотя Кот редко задевал экран из-за своей особой чувствительности к электрическому току. По сути, именно так Билли его и поймал — случайно, когда Кот натолкнулся на электрифицированный силовой экран, окружавший один из опорных пунктов, во время попытки вернуться по следам и устроить засаду. Воспоминания внезапно дали мыслям новый ход.

Свет вспыхнул вдалеке справа, и он остановился, внимательно вглядываясь. Он ни разу не был здесь прежде, но видел фотографии и читал об этом месте. Он созерцал Храм Воинов — перед ним щетина колонн, их тени полосуют черным фасад. Он зашагал к Храму.

Свет погас до того, как он туда добрался, но он запомнил местоположение, да и внешний вид запечатлелся у него в мозгу. Он продолжал идти, пока не оказался очень близко, а когда обнаружил, что никакие силовые поля не преграждают ему путь, то прошел между колонн и начал подниматься по крутой лестнице на фасаде.

Достигнув ровной площадки на вершине, Билли определил, где восток, и сел лицом к нему, прислонившись спиной к стене небольшого строения, расположенного в центре. Он подумал о Коте и желании смерти, расстраивающем его планы, потому что он не мог адаптироваться, потому что он уже не был навахо. Верно ли это? Он подумал о своих последних годах вдали от Земли. Сейчас они казались наполненными пеплом и прахом. Его народ множество раз вкушал пепел страха и страданий, печали и покорности, однако навахо никогда не теряли ни чувства собственного достоинства, ни гордости. Порой цинично, чаще с вызовом они выживали. Что-то из этого все еще должно было в нем сохраняться, чтобы противостоять собственной отходной молитве.

Тут он задремал и увидел любопытный сон, который после не мог вспомнить целиком.

Когда Билли проснулся, вставало солнце. Он наблюдал, как разноцветные волны, предшествуя ему, вкатываются в мир. Верно, ничто не помешает ему оставаться здесь, пока у Кота не истечет фора по времени. И все же он знал, что не сделает этого. Он будет продолжать бесстрашно смотреть в лицо своему чинди.

...После завтрака, решил он. После завтрака.

— Мне наплевать! — воскликнула Мерси Спендер, одной рукой беря бутылку, а другой стакан. — Мне нужно еще выпить!

Элизабет Брук положила руку ей на плечо.

— Я в самом деле думаю, что не надо, дорогая. Во всяком случае, только не сейчас. Ты возбуждена и...

— Знаю! Вот поэтому-то и хочу выпить!

С громким щелчком донышко у бутылки отвалилось. Джин полился на пол.

— Что?

Уолтер Сендс улыбнулся.

— Подло с моей стороны, — сказал он. — Но мы все еще в тебе нуждаемся. Знаю, ты бы хотела поехать домой и отдохнуть. Хотя нам будет тяжелее, если ты сейчас отключишься. Подожди немного.

Мерси потупила взгляд. Гнев прошел, ее глаза расширились и заискрились.

— Глупо, — сказала она затем. — Если он хочет умереть, пусть.

— Все не так просто. Он не так прост, — сказал Железный Медведь. — И мы ему обязаны.

— Лично я ему ничем не обязана, — парировала Мерси, — и на самом деле мы даже не знаем, что делать. Я... Полагаю, у нас у всех есть нечто, причиняющее боль, — добавила она после паузы. — Может быть... Ладно. Я выпью чая.

— Интересно, что причиняет боль существу, преследующему его? — спросил Фишер.

— Данные об экологии местности, из которой оно происходит, далеко не полные, — ответил Мансин.

— Тогда есть лишь один способ узнать, не так ли? — спросил Железный Медведь. — Отправиться к источнику.

— Смехотворно, — сказал Фишер. — Достаточно трудно вступить в контакт с человеком, ставшим первобытным. По-видимому, зверь в силах это делать на небольших расстояниях, поскольку их связывают некие узы. Но следовать за самим этим существом, а потом... Я бы не смог.

— Я тоже, — кивнула Элизабет. — Никто из нас не смог бы. Но *мы* в силах это сделать.

— Мы? Вместе? Снова? Это было бы опасно. После того раза...

— Снова.

— Мы даже не знаем, где находится эта кошка.

— Человек Уолфорда может приказать еще раз проверить компьютерную сеть компании «Перенос». Снова определить местонахождение Сингера, а зверь там вскоре появится.

— И какая нам от этого будет польза?

— Узнаем, когда получим информацию...

— Мне это не нравится, — сказал Фишер. — Это может нам повредить. Вы же говорите о проклятом чуждом мире. Я вчера вступил в контакт с одним из страгийцев, а после у меня полчаса болела голова. Даже не мог читать. А они-то во многом очень сходны с нами.

— Мы всегда можем отступить, если станет чересчур круто.

— У меня в отношении всего этого дурное предчувствие, — сказала Мерси, — но полагаю, у христиан есть долг...

— К черту! Разве это принесет какую-нибудь пользу?

— Может быть, ты прав, — сказал Мансин. — Давайте расскажем Уолфорду, как Сингер выполнил задание, расскажем о звере и о сделке, которую они заключили. Потом проведем компьютерную проверку, чтобы сузить поле. Уолфорд же пусть пошлет вслед за ними вооруженные силы.

— Вслед за тварью, убившую другую тварь, которую не смогли остановить вооруженные силы?

— Давайте определим их местоположение, — предложил Железный Медведь, — узнаем, что мы можем, и тогда решим.

— Имеет смысл, — согласился Сендс. — Я буду продолжать.

— Я тоже, — заявила Элизабет.

Мансин бросил взгляд на Фишера.

— Похоже, мы в меньшинстве, — со вздохом произнес он. — Ладно.

Фишер кивнул.

— Звоните Теддерсу. Проверяйте компьютер «Переноса». Я с вами.

Билли вышел из кабины в свой хоган, оставив карточку на месте. Он включил сигнализацию и отрубил телефон. Прямо сейчас он звонков не принимал.

Автосекретарь сообщил ему, что несколько раз звонил Эдвин Теддерс. Просил перезвонить.

Еще один звонивший не оставил имени, а передал только следующее: «Их вырастили, как я узнал, в изоляции».

Надев более теплые вещи, Билли с чашкой кофе вышел на крыльцо. На севере небо было серым, и там висела завеса дождя. Мимо проносился сильный ветер. На юге и востоке небо было чистым. На западе плыли небольшие облачка. Он какое-то время наблюдал за катящимися сорняками и прислушивался к ветру, а потом допил кофе и вернулся внутрь.

Билли взял оружие и досконально его проверил. Старомодное. Называлось оно тазер, стреляло кабелем с зубцами, передававшим сильный электрический удар на дальний конец. Сейчас есть штуковины поизощреннее, которые ионизируют в воздухе некую траекторию и посылают разряд по ней. Но тазер сработает. Он уже прежде пользовался против Кота сходным приспособлением, когда узнал о его слабости.

Потом он наточил охотничий нож в фут длиной и продел свой ремень в разрезы на ножнах. Проверил старую винтовку калибра 30.06, которую содержал в превосходном состоянии. Если он преуспеет в том, чтобы оглоушить Кота, то сможет послать достаточное количество пуль сквозь его плотную шкуру, чтобы повредить жизненно важные органы. С другой стороны, это оружие было страшно тяжелым. В конечном итоге Билли выбрал полутораметровый лазерный обрез, менее точный, но в равной степени смертоносный. Решив эти

вопросы, он принялся укладывать легкий ранец с минимумом принадлежностей для задуманного перехода. Все приготовив и собрав, поставил будильник, вытянулся на своей походной постели и проспал два часа.

Когда его поднял будильник, по крыше барабанил дождь. Билли надел непромокаемую куртку на овечьей шерсти, закинул за спину ранец, повесил на плечо оружие и отыскал шляпу. Потом подошел к переговорному устройству, сверился с номером и набрал его.

Вскоре экран ожил, и скуластое лицо Сюзан Желтое Облако появилось перед ним.

— Асаетлин! — воскликнула она и, отбросив назад прядь волос, улыбнулась. — Не прошло и пары лет.

— Да, — ответил он, и они обменялись приветствиями и немного поболтали. — На вашем пути дождь? — наконец спросил он.

— Похоже, вот-вот начнется.

— Мне нужно попасть на северную границу. Ты самый близкий человек в этих местах, которого я помню. Ничего, если я зайду?

— Конечно. Залезай в свою кабину, а я включу нашу.

Билли вошел, положил в карман карточку и нажал кнопку «ПЕРЕНОС».

Он появился в углу загроможденной вещами гостиной. Джимми Желтое Облако поднялся из кресла, стоящего перед видеоэкраном, чтобы прижать свою ладонь к его ладони, — коренастый, широкоплечий, почти без талии.

— Милости просим! Выпей с нами чашку кофе.

— Хорошо, — ответил Билли.

Когда они пили кофе, Джимми заметил:

— Ты сказал, что собираешься в каньон?

— Да.

— Надеюсь, не вниз?

— Я собираюсь вниз.

— Уже началось весеннее половодье.

— Догадываюсь.

— Мерзкое на вид ружье. Можно взглянуть?

— Держи.

— Ого, лазер! Такой штукой ты мог бы проделать еще одну дыру в Оконной скале. Старое, ведь так?

— Около восьмидесяти лет. По-моему, подобных уже не выпускают.

Джимми отдал оружие обратно.

— Охотишься на кого-то?

— Вроде того.

Какое-то время они сидели молча. Потом Джимми сказал:

— Я отвезу тебя в любое место на границе.

— Спасибо.

Джимми сделал еще глоток кофе.

— Ты туда надолго? — спросил он.

— Трудно сказать.

— Мы нечасто видимся в последнее время.

— Был привязан к себе.

Джимми засмеялся.

— Тебе надо жениться на сестре моей жены и переехать жить сюда.

— Она симпатичная? — спросил Билли.

— Могу поспорить. К тому же отлично готовит.

— Я ее знаю?

— Не думаю. Мы бы устроили танец индианок.

С северной стороны дома внезапно послышалась барабанная дробь дождя.

— Вот и он, — сказал Джимми. — Полагаю, ты не намерен ждать, когда он прекратится?

Билли усмехнулся:

— Может пройти несколько дней. Разоришься кормить меня.

— Мы могли бы играть в карты. В это время года лесничему больше особо делать нечего.

Билли допил кофе.

— Ты мог бы научиться ювелирному искусству — раковины, браслеты, кольца.

— У меня руки для этого не приспособлены.

Джимми отставил чашку.

— Больше делать нечего. Я мог бы также переодеться и пойти с тобой. У меня есть мощная охотничья винтовка с радарным прицелом. Слона свалит.

Билли рассматривал рисунок на столешнице.

— Не сейчас, — сказал он.

— Хорошо. По-моему, тогда нам лучше отправляться.

— По-моему, да.

Он позволил Джимми высадить его на выпирающем на север изгибе границы, над районом, где стояли развалины Дома Антилопы. Поскольку его подвозили, он решил проехать дальше на восток. Если б он шел пешком, он спустился бы в каком-нибудь месте на несколько миль западнее. Джимми даже предлагал отвезти его на восток дальше, чем хотел Билли, но было бы меньше толку, если б он начал путь в каком-то месте за ответвлением от каньона дель-Муэрто Черноскального каньона. Он намеревался пройти эту точку пешком и запутать там следы. Если не принимать мер предосторожности, Кот что-нибудь заподозрит.

Смотря вниз, в широкий извивающийся каньон, Билли увидел полоску тускло отсвечивающей воды. Она еще не была настолько глубока, как бывало в некоторых случаях, свидетелем которых он являлся в прошлом, — талые воды, мчащиеся между оранжевых, розовых и серых стен, забрызгивающие основания песчаных, похожих на обелиски, структур, несущие грязь и детрит к болоту Чинле, создающие карманы зыбучих песков по всему дну каньона. Несколько сотен людей из Народа строили там свои дома во время теплых месяцев, но все они на зиму переселялись. Теперь эта местность безлюдна.

Шел слабый дождик, делающий камни стен скользкими. Билли выискивал самый безопасный путь вниз. Вот, слева.

Он подошел к выбранному месту и изучил его более внимательно. Да. Годится. Проверил ранец и начал спуск. Путь вел к высокой, устойчивой осыпи, идущей вдоль основания стены.

На полпути он остановился, чтобы поправить ранец, смахнуть с одежды влагу и взглянуть на петроглиф, изображающий антилопу в натуральную величину. Их тут было множество, наряду с изображениями четвероногих животных, грифов, человеческих фигур, концентрических окружностей. Некоторые продолжались на уровне четвертого этажа развалин большого здания, построенного у подножия скалы. Его народ этим не занимался. Рисунки относились к периоду Великого пуэбло, с двенадцатого по четырнадцатый век, произведения старых анасаси.

Продвижение дальше вниз внезапно облегчилось. Здесь уклон и нависающий выступ стены защищали от дождя.

Достигнув дна, Билли повернул на восток — плещущиеся воды справа, пожухлая трава и худосочные деревца вокруг него на склоне. Он не предпринимал попыток скрыть свое прохождение, но шел широким, целенаправленным шагом.

На той стороне потока у основания противоположной скалы стояли развалины Боевого Убежища — небольшое кирпичное строение с бело-красно-желто-зелеными петроглифами. Они тоже относились к дням Великого пуэбло. Мальчишкой он мог бы страшиться подобных мест, бояться пробудить мстительных духов Предков... С другой стороны, он решил, что, вероятно, прошел бы мимо них из принципа.

Зигзагообразная молния протанцевала где-то на востоке — икне-эка-а. За ней не спеша последовал раскат грома. К этому времени Кот, вероятно, уже в Аризоне, увидев в его разуме Монумент каньона де-Шелли — ответвление каньона дель-Муэрто в частности. Хотя вычисление транс-кабины в «Вигваме Птицы Грома» относилось бы к области эзотерического знания. Без сомнения, Кот прибыл бы через Чинле — это означало, что у него все еще впереди долгий путь, даже если он появился несколько часов назад.

Отлично. Черноскальный каньон не так уж далеко.

След ветра на кончиках моих пальцев —
знак моей смертности.
След дождя на моей ладони —
знак ожидающего мира.
Песнь, что непрошено поднимается во мне, —
знак моего духа.
Свет того полумоста,
где его лошадь танцевала для Безумного Коня, —
знак того, иного мира,
где по-прежнему расхаживают силы, камни говорят,
и ничто не есть то, чем оно мнится.
Мы встретимся в одном старом месте.
Земля содрогнется. Камни начнут пить.
Забытые вещи суть тени.
Тени станут так же реальны,
как ветер, дождь, песнь и свет —
там в старом месте.
Паучиха на вершине своей скалы,
я бы тебя поприветствовал,
но я иду другим путем.
Лишь дурак будет преследовать навахо

в каньоне Смерти.
Лишь дурак пошел бы туда вообще,
когда текут весенние воды.
Я иду в старое место.
Преследователь тоже должен идти туда.
Знак ветра, касание дождя, восход песни и свет —
со мной, на мне, во мне, вокруг меня.
Хорошо быть дураком в надлежащее время.
Я есмь сын Солнца
и Переменчивой Женщины.
Я иду в одно старое место.
На-йа!

Кот вышел из транс-кабины в Чинле, преобразившись: темный плащ, очки и шляпа с опущенными полями. Станция сейчас была пуста, хотя он видел с помощью своего инфразрения тепловые следы и знал, что двое людей недавно стояли какое-то время в дверях.

Он направился вперед и выглянул из здания. Да. От него уходили мужчина и женщина. Предположительно, кто-то кого-то встречал, и пара некоторое время стояла и беседовала, прежде чем отправиться в путь. Пока он наблюдал, они пересекли улицу и вошли в кафе слева. Их мысли заставили его вспомнить про многочасовой голод.

Он покинул станцию. Половина неба была затянута тучами, которые, похоже, наступали и дальше. В воздухе ощущалась отрицательная ионизация.

Кот двинулся по улице. Трое мужчин, вышедших из-за угла, необычайно долго смотрели на него.

«Чужак, странный, очень странный, — прочитал он. — *В нем есть что-то забавное. То, как он движется...»* Затем образы. Детские страхи. Древние сказания. В некоторой степени сходные с потоком сознания у Билли.

Еще больше людей приближается сзади. В этом нет никакого умысла, совершенная случайность. Но распространяется то же самое любопытство.

Он настроился. И послал страхи и дурные предчувствия: *«Убегайте! Человек-волк, оборотень! Глодающий трупы! Я нашлю порчу на ваши тела, вдую прах в ваши легкие. Волк, носящий человеческую кожу. Я вас выслежу и разорву на куски!»*

Люди за его спиной поспешно завернули в какую-то открытую лавку. Те же, что шли впереди, остановились и быстро пересекли улицу. Почти что развлекаясь, он продолжал по-

сылать эти чувства какое-то время после того, как люди исчезли. Путь впереди расчистился. Люди начинают выходить из зданий и, остановившись, возвращаются внутрь, будто вдруг вспомнив, что что-то забыли, испытывая возрождение детских страхов. Лучше уступить, а дать рациональное объяснение позднее, чем без повода бросить им вызов.

«Но они реальны, — размышлял Кот. — *Я действительно оборотень, который без особых усилий мог бы вас сразить наповал. Я мог бы выйти из ваших кошмарных легенд...»*

Он выудил направление болота Чинле из одного отступающего разума, повернул за угол, а потом еще за один.

Глупо. Сейчас никого не видно. Неприятностей не будет, решил он.

Растягиваясь и сжимаясь, он подался вперед и вскоре уже скакал по улице. Не далеко, не слишком далеко. Путь в самом деле вел на север. Город поредел, сошел на нет. Кот оставил дорогу, побежал рядом с ней, потом, срезая угол, через поле. Лучше, лучше. Уже скоро. Да. Под гору. Деревья и высохшая трава. Слабая вспышка света. Много позднее — тихое рычание с неба на востоке.

Вниз, вниз, в бесплодность песка и влажной земли, обломанные сучья деревьев и наполовину ушедшие в почву камни. Достаточно твердая, достаточно твердая, чтобы бежать и...

Он остановился. Впереди зрело некое первобытное мышление. Автоматически он начал продвигаться крадучись, вспомнив о голоде в этом почти восхитительном месте, за исключением влаги. Теперь медленно за следующий поворот...

Он вновь остановился, как только увидел тощего черного пса, обнюхивающего кучи отбросов. Часть его может сгодиться, если разжижить...

Он прыгнул вперед. Пес даже не поднял головы до его третьего прыжка, а к тому времени было уже поздно. Бедняга издал какой-то скулящий звук, прежде чем его поразили наведенные чувства, а потом левая лапа Кота раздробила ему хребет.

Кот поднял морду от разодранного трупа и повернул голову так, чтобы обозреть все направления, включая путь прямо перед собой, своим многофасеточным глазом. Ничего. Ниче-

го не двигалось, кроме ветра. Однако... Он почувствовал, будто кто-то за ним наблюдает. Впрочем, нет.

Он начал отрывать кости, ломать их и перемалывать, а потом глотать вместе с изрядными количествами песка. Не то что грызть ползучие тюбики дома, но лучше, чем синтетика, которую ему давали в институте. Намного лучше. В уме Кот вновь бродил по сухим равнинам, не боясь ничего, кроме...

Что? Опять. Он помотал головой и обежал взглядом весь горизонт. Вокруг тишина, но он чувствовал, будто к нему кто-то подкрадывается.

Он встал в низкую стойку, выплюнул куски пса и обнажил клыки, прислушиваясь и всматриваясь. Чего тут бояться? На этой планете не было ничего, чему бы он не мог посмотреть в лицо без страха. И все же что-то неопределенное, смутное излучало ощутимую угрозу. Даже когда он встретился с крелем, давным-давно, он знал, в чем его сила. Но сейчас...

Кот испустил волну парализующих чувств и стал ждать.

Полное спокойствие. Никаких признаков того, что кто-то их ощутил. Может, это сон?

Время плело вокруг него сети. Небо за правым плечом на миг озарилось. Постепенно напряжение покинуло Кота. Исчезло.

Непонятно. Совершенно непонятно. Может, причина кроется в этой местности?

Он закончил есть, вновь думая о днях охоты на равнинах своего собственного мира, где лишь одно могло вызвать в нем подобное беспокойство...

Удар.

Что бы это ни было, он поразил его, словно валун, упавший прямо с неба. Кот поджал лапы и прыгнул вверх. Голова откинулась назад, из глотки изошел резкий шипящий звук. На мгновение перед глазом все поплыло и свет померк. Но разум уже набирал обороты. До известной степени понять это он мог.

Среди его вида брачным поединкам всегда предшествовали психические атаки. Это чем-то их напоминало, а он обладал необходимым оснащением, чтобы вступить в бой.

Кот не мог точно сказать, что творилось у него в голове,

но он нанес удар со всей своей ненавистью, с желанием разорвать на куски. И тут противник исчез.

Он упал на труп собаки — зубы все еще были обнажены, — медленно возвращаясь к прежнему образу жизни. Где находился тот, другой? Когда он нанесет удар?

Кот рыскал всеми своими органами чувств по округе и ждал. Но ничего не происходило.

Через большой промежуток времени напряжение улетучилось. Ничто не грянуло. Чем бы это ни было, противник не принадлежал к его виду, и ощущал он вовсе не вызов на брачный поединок. Однако факт остается фактом: в этом районе есть что-то, чего он не понимает.

Кот повернул на север и шагом двинулся вперед.

Мерси Спендер и Чарльз Фишер, сидевшие по обе стороны от него, попытались схватить Уолтера Сендса за плечи, когда тот резко повалился вперед.

— Положите его на стол... быстро! — крикнула Элизабет.

— Просто обморок, — сказал Фишер. — По-моему, следует положить голову ниже.

— Послушайте сердце! Я по-прежнему с ним. Я ощущаю, что сердце остановилось.

— О боже! Кто-нибудь, помогите!

Они положили его на стол и стали слушать сердцебиение — ничего. Мерси начала стучать кулаком по его груди.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил ее Железный Медведь.

— Да. Я когда-то училась на медсестру, — проворчала она. — Эту главу помню. Пошлите за помощью!

Элизабет подошла к переговорному устройству.

— Не знал, что у него больное сердце, — произнес Фишер.

— А я так и не думаю, — ответил Мансин, — мы, верно, об этом узнали бы, когда друг к другу приглядывались. Наверняка его поразил ответный удар этого существа. Мы не должны были позволить Железному Медведю уговорить нас ввязаться в эту затею.

— Это не его вина, — сказала Мерси, продолжая трудиться.

— И мы все согласились, — заметил Фишер. — Все кажется прекрасным, пока не испортится. И мы кое-чему научились...

Элизабет дозвонилась до Теддерса. Все притихли, слушая, как она передает сообщение.

— Всего минуту назад. Всего минуту назад, — твердил Фишер, — он был с нами.

— Похоже, он по-прежнему с нами, — сказал Мансин.

— Мы должны попытаться вступить в контакт с Сингером, — сказала Элизабет, пересекая комнату и снова садясь.

— Это будет тяжело... и что ему сообщить? — спросил Фишер.

— Все, что нам известно, — ответил Железный Медведь.

— А кто знает, какую форму примет это странное душевное состояние, в котором он находится? — спросила Мерси. — Может, было бы гораздо лучше нам просто вызвать вооруженные силы, как предлагал Мансин.

— Возможно, следует сделать и то и другое, — промолвила Элизабет. — Но если мы не попытаемся помочь ему сами, то приступ у Уолтера случился неизвестно зачем.

— Я буду с тобой, — заявила Мерси, — когда мы предпримем попытку. Однако кому-нибудь придется очень скоро меня подменить, пока не перенеслись медики. Я устала.

— Попробую, — сказал Фишер. — Дай посмотреть, как ты это делаешь.

— Мне тоже лучше поучиться, — кивнул Мансин, пододвигаясь поближе. — Похоже, я все еще ощущаю его присутствие, хоть и слабо. Может быть, это хороший знак.

Продолжал раздаваться стук на первом этаже, где меняли разбитую вдребезги стену.

Он перешел ручей по небольшому порогу, зная, что там почва будет относительно твердой. Потом двинулся вдоль южной осыпи, оставляя отчетливые следы. Он вошел в Черноскальный каньон и прошагал по нему примерно полмили. Дождь упорно лил на него, а ветер издавал некие поющие звуки высоко над головой. Впереди несколько камней сорвались с северной стены и скатились на дно каньона, плюхнувшись в ручей.

Постоянно разглядывая кучи плавника, Билли обнаружил палку, пригодную для его целей. Он на какое-то время приблизился к кромке воды, а потом направился вверх, на длинный каменистый выступ, где отпечатки его ног вскоре стали не видны. Он тут же начал идти назад по собственным следам, пока вновь не оказался у воды. Тогда он вошел в воду, нащупывая палкой зыбучие пески, и добрался обратно к устью каньона.

Войдя в него, перешел через главный поток на северный берег, повернул направо и продолжил путь по каньону дель-Муэрто к Развалинам Стоящей Коровы, скрывая свои следы следующие полмили. Выяснилось, что ему нравится вновь оказаться одному в этом гигантском ущелье.

Поток здесь стал шире и глубже. Разум его вернулся к рассказу, который он слыхал мальчишкой, о времени страха всемирного потопа. Кто был тот старый певец? Где-то под Кайентой, давно, в 20-х годах двадцатого века... Старика поразила молния, и его посчитали мертвым. Но он через несколько дней пришел в себя, принеся засвидетельствованное послание от богов — весть о том, что мир вскоре будет затоплен. При том, что обычные законы и табу уже неприменимы к человеку, пережившему удар молнии, ему уделяли особое внимание. Люди ему поверили и убежали вместе со стадами на Черную гору. Но вода не поднялась, а маисовые поля убежавших высохли и умерли под летним солнцем. Шаман, имевший видение, которое не осуществилось.

Билли усмехнулся. Как звали его — Желтые Облака? «Асаетлин» — знахарь. «На нас не всегда можно полагаться, — подумал он, — поскольку мы подвержены тем же самым страстям и заблуждениям, что и остальные. Знахарь, исцели себя».

Он уже миновал было «гору желаний» из камней и веточек можжевельника, но остановился, вернулся и добавил к ней камень. А почему бы и нет? Она же существовала.

Билли вовремя подошел к Развалинам Стоящей Коровы — одним из самых крупных развалин в каньонах. Они находились у северной стены под огромным выступом. Руины стен занимали участок длиной более четырехсот футов, построены они были отчасти вокруг громадных валунов. Развалины тоже относились ко временам Великого пуэбло, и в них было три чана для варки пива и множество комнат. Но здесь к тому же находились бревенчатые, обмазанные глиной закрома навахов и рисунки, сделанные навахами, наряду с рисунками анасаси. Он подошел поближе, чтобы еще раз посмотреть на бело-желто-черные изображения людей с поднятыми руками, горбатого лучника, на окружности, окружности и опять окружности, фигуры животных... И тут же, высоко на уступе, было одно творение, принадлежавшее исключительно навахам и наиболее его интересующее. На конях, в плащах и широкополых шляпах вереница испанцев, двое из которых

стреляют в индейца. Считалось, что здесь изображены солдаты лейтенанта Антония Нарбоны, сражавшегося с навахо в 1805 году в Пещере Резни. И ниже, у подножия скалы, были другие конники и некий кавалерист армии США 60-х годов девятнадцатого века. Казалось, они начали двигаться, пока он наблюдал за ними.

Билли протер глаза. Они действительно двигались. И казалось, будто он только что слышал ружейную стрельбу. Фигуры стали трехмерными, плотными, они скакали через песчаную пустыню...

— Вы вечно давите на нас, ведь так? — сказал он им и миру в целом.

Раздались проклятия, произнесенные по-испански. Когда Билли перевел взгляд на нижнюю фигуру, то услышал сигнал трубы к началу атаки. Казалось, высокие каменные стены вокруг него растаяли, а потоки воды стихли. Сейчас он смотрел на совершенно иной пейзаж — открытый, безжизненный и ужасно яркий. Он поднял глаза к солнцу, раскаленному добела у него над головой. Какая-то его часть стояла в стороне, гадая, как так может быть. Но остаток его был вовлечен в видение.

Казалось, он слышал звук барабана, когда наблюдал, как они скачут через инопланетную пустыню. Темп неуклонно рос. Потом, когда тот достиг почти неистовой пульсации, пески изверглись перед первым всадником, и внезапно поднялась большая, полупрозрачная, треугольная фигура, наклонившаяся вперед, чтобы объять и коня, и всадника гладкими перепончатыми крыльями. Множество подобных фигур ворвалось в поле зрения вдоль всей колонны. Они стряхивали с плеч песок, желтивший воздух, и падали на всадников и коней, обхватывая их, таща вниз, чтобы уложить дрожащими, блестящими камнеподобными глыбами на безжизненный ландшафт. Даже кавалерист, размахивающий сейчас саблей, встретил сходную судьбу под звуки труб и барабана.

Конечно.

Какой другой судьбы можно было ожидать, когда повстречался с крелем, не говоря уж о целой их толпе? Билли быстро отбросил всякую мысль о том, чтобы привезти его в институт. Мир Кота породил несколько весьма страшных тварей...

Кот. Легок на помине... Именно Кот пересекал Равнину — воплощение мощи и гибкости...

Вновь в потоках песка поднялся крель. Кот отступил и начал вытягиваться вверх, передние конечности удлинились. Они сошлись, а Кот пытался оторваться от противника...

На одном ударе барабана картина потускнела. Билли смотрел на антропоморфные фигуры, коней и большую Стоящую Корову. За спиной он слышал плеск воды.

Странно, но за долгие годы он знавал и более диковинные вещи и всегда ощущал, что древние места населяет некая сила. Что-то в этом ее проявлении казалось ободряющим, и он воспринял ее как добрый знак. Билли пропел короткую песню благодарения за видение и повернулся, чтобы продолжить путь. Тени заметно сгустились, а каменные стены теперь были еще выше, и казалось, какое-то время он видел их сквозь радужную дымку.

Назад. Часть его по-прежнему стояла в стороне, но она казалась теперь еще меньше и удаленней. Отрезки жизни между детством и сегодняшним днем стали похожими на сон, мерцающими, и он не заметил, как это произошло. Он начал вспоминать редко употребляемые названия окружающих вещей, которые, как он думал, давно забыл.

Справа от него дождь усилился, хотя тропа по-прежнему была укрыта стеной каньона. Вспышка молнии, казалось, осветила на мгновение красноватый путь, тянувшийся перед ним.

— Крель, крель, — напевал Билли. — Освободить Кота, чтобы убить страгийку. Найти креля, чтобы убить Кота...

Что тогда? Он усмехнулся. Нет ответа на странное видение. Разум играл окружавшими каменными формами. Индейцы Равнины извлекли больше из культа Каменных людей, чем его Народ. Но теперь казалось, что он почти мог ухватить внутри этих фигур проблески некоего присутствия. Как звали того бледнолицего философа, который ему нравился? Спиноза. Да. Все сущее живо, все оно связано, внутренне и внешне, повсюду. Очень по-индейски.

— Ха ла тсе кис! — выкрикнул он, и эхо возвратилось к нему.

Зигзагообразные молнии заплясали над кромкой высокой скалы, а когда их зарницы потускнели, он понял, что наступает ночь. Билли ускорил шаг. Хорошо бы миновать каньон Множества Вишен к тому времени, когда воцарится полная тьма.

Почва резко ушла из-под ног, и он начал пробираться че-

рез трясину, нащупывая путь перед собой палкой. Потом очистил сапоги и пошел дальше. Он провел ладонью по поверхности камня, ощущая его влажную гладкость и шероховатость. Облизал большой палец и вновь стал всматриваться в затененные места.

Пока он шел вперед, мгновения приходили и уходили, словно темные волны среди камней. Мимолетные образы вызывали свободные ассоциации — родовые и личностные.

Казалось, они плывут к нему из вторгающейся тьмы, их бушприт разрезал напополам поле его зрения. Это была Скала-Корабль в миниатюре, выходившая на поверхность впереди.

Пока он шагал, они разрастались и заполняли его разум...

Необоримо его отбросило назад. Вновь небо стало голубым стеклом над головой. Ветер был резким и холодным, камни неровными, подъем постепенно становился все круче. Вскоре настанет время связаться веревкой. Они приближались к почти вертикальным вершинам...

Он оглянулся — вот упорно карабкается Дора, ее лицо раскраснелось. Она была хорошей альпинисткой, совершала восхождения во многих горах. Но тут было нечто особое, запрещенное испытание...

Он заскрежетал зубами и проворчал:

— Дура!

Они поднимались на тсе-би-даи — скалу с крыльями. Белые называли ее Шипрок — Скала-Корабль. Ее высота составляла семь тысяч сто семьдесят восемь футов, и она была покорена лишь раз, двести с лишним лет назад. Многие погибли, пытаясь взойти на нее.

А Дора любила восхождения. Правда, что она никогда не предлагала предпринять это, но отправилась вместе с ним. Да, идея была его, а не ее.

Внутренним оком он увидел их крохотные фигурки на лицевой грани скалы М197, тянущиеся вверх, подтягивающиеся, снова тянущиеся. Его идея. Скажи ему, зачем. Скажи Хастиехогану, богу ночи, зачем — чтобы он смог рассмеяться и послать на тебя черный ветер с севера.

Зачем?

Он хотел показать ей, что не боится табу Народа, что он лучше, мудрее, искушеннее Народа. Он хотел показать ей, что на самом деле духовно он не один из них, что он свободен,

как она, что он выше подобных вещей, что он смеется над ними. И только много позднее его осенило, что подобная вещь была для нее неважна, что он танцевал танец страха лишь для себя самого, что Дора никогда не считала его ниже себя, что его поступок был необязательным, жалким. Но он в ней нуждался. Она была новой жизнью в новое, пугающее время и...

Когда он услышал ее крик, то насколько мог быстро повернулся и потянулся к ней. Вероятно, дюймов восемь разделяли кончики их пальцев. А потом она исчезла, сорвавшись.

Он видел, как она несколько раз ударилась о камни.

Наполовину ослепленный слезами, он проклинал горы, проклинал богов, проклинал себя. Все кончено. Теперь у него ничего нет. Он был ничем...

Он снова выругался, его взгляд обшаривал участок, где мгновения назад, поклясться можно, помахивая хвостом, стоял койот, прежде чем исчезнуть в тени за бугром. К нему пришли отрывки песнопений из древнего огненного обряда Путь Койота:

Я пойду в места, где черные тучи набросятся на меня.
Я пойду в места, где дождь обрушится на меня.
Я пойду в места, где молния ударит в меня.
Я пойду в места, где темные туманы окружат меня.
Я пойду туда, где плывут радуги и катится гром.
Среди росы и пыльцы я пойду.
Они на моих ступнях. Они на моих ногах...

Достигнув точки, в которой, по его мнению, он видел зверя, Билли быстро начал искать в потемках и посчитал, что обнаружил отпечаток лапы. Хотя неважно. Это что-то означало. Что, он сказать не мог.

Он идет в воде...
По тропе за горами.
Снадобье готово.
...Это его вода,
вода белого Койота.
Снадобье готово.

Миновав каньон Множества Вишен, он был уверен, что Кот в пути. Пусть будет так. Это казалось предопределенным, если не с Котом, гонящимся за ним по пятам, то как-то по-

иному. Пусть будет так. Сейчас все выглядело по-другому. Мир слегка исказился, выйдя из фокуса.

Темнота, темнота. Но глаза приспособились и видели с необычайной ясностью. Он пройдет пещеру Голубого Быка. Он продолжит путь. Он на ходу съест свой паек. Он не станет отдыхать. Он создаст еще один ложный след у каньона Троп-Двойняшек. После этого скроет свое продвижение дальше — пойдет в воде.

«Иди за мной, Кот».

Ветер и вода проглатывают гром. Билли смеется, а лицо у него мокрое.

Черное колдовство поднимает меня в руке...

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Когда позвонили, что Уолтер Сендс умер, Мерси Спендер произнесла молитву. Фишер выглядел подавленным, а Мансин смотрел в окно. Железный Медведь налил чашку кофе, и очень долго никто не произносил ни слова.

— Мне просто хочется домой, — наконец сказал Фишер.

— Но мы же установили контакт с Сингером, — ответила Элизабет.

— Если вам угодно, называйте это так. Он спятил. Он... где-то в другом месте. Его разум пропускает все через фильтр первобытного символизма. Я не могу его понять и уверен, что он не сможет понять меня. Он думает, что находится глубоко под землей, шагая по какой-то древней тропе.

— Так и есть, — сказал Железный Медведь. — Он идет путем шамана.

— Что ты об этом знаешь? — фыркнул Фишер.

— Достаточно, чтобы кое-что понимать, — ответил тот. — Я снова заинтересовался индейскими делами, когда умер мой отец. Я даже вспомнил некоторые вещи, которые давным-давно забыл. Несмотря на образование и путешествия, Сингер не мыслит с совершенно современной точки зрения. По сути, он даже не мыслит как современный индеец. Он вырос почти в последний возможный период и в последнем возможном месте, где жили в окружающей среде, близкой к неолиту. Поэтому он отправился к звездам. Часть же его всегда находилась там, в этих безумных каньонах. И когда-то он был шаманом — настоящим. Несколько дней назад Сингер преднамеренно собрался вернуться к этой своей части, поскольку думал, что это ему поможет. Теперь она им овладела — после стольких-то лет сдерживания и подавления, — и возвратилась она с местью. Так я думаю. Я читал пленки о навахо с тех пор, как узнал о нем, в любую, выдавшуюся здесь свободной ми-

нуту. Они весьма отличны от других индейцев, даже от своих соседей. Но они занимаются определенными вещами, имеющими общее со всеми нами. А шаман частенько спускается под землю, когда дела действительно плохи.

— «Нами»? — спросил Мансин с улыбкой.

— Оговорка, — ответил Железный Медведь.

— Так ты считаешь, что этот злобный инопланетный зверь гонится за сумасшедшим индейцем, — заявила Мерси. — И мы только что узнали, что власти не пойдут вслед за ними в каньоны, поскольку местность в такую погоду ведет себя слишком предательски. Похоже на то, что мы ничего не можем сделать. Даже если мы скоординируемся в качестве группового разума, зверь, по-видимому, способен очень сильно дать нам сдачи. А Сингер не в состоянии нас понять. Возможно, мы должны отправиться восвояси и позволить им разобраться между собой.

— Было бы совсем другое дело, если мы могли бы что-нибудь предпринять, — сказал Фишер, становясь рядом с Железным Медведем. — Я начинаю видеть, как ты относишься к этому парню, но какого черта? Если ты мертв, лежи и не рыпайся.

— Мы могли бы атаковать зверя, — тихо сказал Железный Медведь.

— Чертовски умно! — фыркнул Мансин. — У нас нет ключа к его разуму. Он просто отмахнется от нас, как в последний раз. Кроме того, затея с массовым разумом кажется весьма рискованной. В действительности, не слишком много было сделано в этом направлении, и стоит ли впутываться? При любом анализе прибыли и стоимости получаем очень мало при неизвестном риске.

Железный Медведь встал и направился к двери.

— В жопу ваши анализы прибыли и стоимости, — сказал он, выходя из комнаты.

Фишер рванулся было за ним, но Элизабет перехватила его взгляд.

— Пусть идет. Он раздражен. Ты же не хочешь драться с другом. Сейчас тебе ему нечего сказать.

Фишер остановился у двери.

— Я не мог дотянуться до него туда, не могу дотянуться до него сейчас, — сказал он. — Знаю, он безумен, но... Не знаю. У меня ощущение, что он может совершить нечто идиотское.

— Наподобие чего? — спросил Мансин.

— Не знаю. Просто вот так. Может, мне лучше...

— Он немного поразмыслит, — сказал Мансин, — а потом вернется и «попытается» нас во что-нибудь втянуть. Может, следует согласиться на попытку установить контакт с Сингером и заставить его направиться в какое-нибудь безопасное место, где его можно будет подобрать. Могло бы сработать.

— У меня ощущение, что это не сработает, но пока лучшего предложения я не вижу. Откуда мы узнаем, где находится надежное место?

Мансин какое-то время размышлял, потом сказал:

— Этот друг Сингера, лесничий. Желтое Облако. Он должен знать. Где распечатка с его номером?

— Ее брал Железный Медведь, — припомнила Элизабет.

— Ее нет на его кресле. Да и на столе нет.

— Ты не думаешь?..

— *Железный Медведь, подожди!* — послала зов Элизабет. — *Мы собираемся помочь! Вернись!*

Но ответа не было.

Они бросились к лестнице.

Его не было нигде во всей усадьбе, и они догадались, что он перенесся с помощью одной из кабин на первом этаже. Они достали номер через справочное, но дома у Желтого Облака никто не отвечал. Лишь через полчаса, когда они обедали, кто-то заметил, что из помещения охраны пропало ружье.

ПЕТРОГРАФФИТИ

КОЙОТ КРАДЕТ ГОЛОСА У ВСЕХ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Ничто не было способно двигаться после того, как койот выкрал из мира звук. До тех пор, пока его не убедили воззвать к жизни Солнце и Луну, издав сильный крик и возвратив на землю шум

НАЙЕНЕСГАНИ ПРОДОЛЖАЕТ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

В Тсе-а-хайльдехе обломок камня, принесенный из преисподней, имел привычку разваливаться надвое, образуя пару скал, и вновь смыкаться, когда между ними проходили путники. Сегодня Найенесгани решил эту проблему посредством бесхитростного использования куска лосиного рога

ВЕТЕР — КРОЛИК — 7:2
УСПЕХ СОПУТСТВУЕТ ХОЗЯЕВАМ

Слышали, как Кецалькоатль, прибывший сегодня утром в Тулу, заметил: «У каждого человека свой собственный кролик». Фраза была воспринята как хороший знак местным населением, которое ответило маисовыми лепешками, цветами, благовониями, бабочками и змеями

Коммивояжер,
проездом

КИТ КАРСОН, ОТПРАВЛЯЙСЯ ДОМОЙ

Я УБИЛ ТРЕХ ОЛЕНЕЙ, ПЕРЕБЕЖАВШИХ ДОРОГУ

СПОРЮ, ОНИ БЫЛИ ХРОМЫЕ

ПЕВЦЫ ПЕРЕХОДЯТ НА РАЗНОЦВЕТНЫЙ ПЕСОК

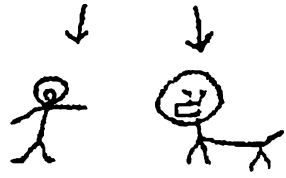
НЕДАЛЕКО ОТСЮДА ЧЕТВЕРО ИНДЕЙЦЕВ-АПАЧИ УБИЛИ ОДНОГО НАВАХО

ВОТ КАК МНОГО ТРЕБУЕТСЯ

ПАУЧИХА ДЕМОНСТРИРУЕТ НОВОЕ ИСКУССТВО

«Думаю, я назову это текстиль», — сказала она, когда ей задали вопрос относительно

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ФОН ДАНИКЕН СКАЖЕТ, ЧТО ЭТО КОСМОНАВТ

НЕПРИЯТНОСТИ В ФОРТЕ САМНЕР

ПЕРЕМЕНЧИВАЯ ЖЕНЩИНА ОЗАДАЧЕНА ПОВЕДЕНИЕМ СЫНОВЕЙ

«Полагаю, они унаследовали это от отца», — по слухам, заявила она, когда ей рассказали о самом последнем

БИЛЛИ ЧЕРНЫЙ КОНЬ СИНГЕР И ЕГО ЧИНДИ ПРОШЛИ ЭТИМ ПУТЕМ, ПОСЛЕ ПЕРВОГО ТАЙМА СЧЕТ 0 : 0

ЧЕРНЫЙ БОГ НАБЛЮДАЕТ

ЖЕЛТОЕ КОЛДОВСТВО ПОДНИМАЕТ МЕНЯ В РУКЕ

Когда Железный Медведь оказался в транс-кабине дома Желтого Облака, первое, что он увидел и что привлекло его внимание, был дробовик в руках другого человека, направленный ему в живот с расстояния приблизительно в шесть футов.

— Брось ружье, — сказал Желтое Облако.

— Конечно. Не нервничайте, — ответил Железный Медведь, выпуская оружие из руки. — Почему вы направляете на меня эту штуку?

— Ты индеец?

— Да.

— Ха-ат-ииш биниинаа йинийа?

Железный Медведь покачал головой.

— Я вас не понимаю.

— Ты не навахо.

— Никогда этого не говорил. Фактически, я — сиу. Хотя не знаю и того языка. За исключением, может, нескольких слов.

— Я произнесу по-английски: зачем ты сюда пришел?

— Я же сказал по телефону. Мне нужно найти Сингера или существо, которое его преследует.

— А может, *ты* его преследуешь? Здесь легко избавиться от трупа, особенно в это время года.

Железный Медведь почувствовал, как лоб у него покрылся испариной, когда он прочитал мысли другого человека.

— Погодите. Я хочу помочь этому парню. Но это длинная история, и я не знаю, сколько у нас есть времени.

Желтое Облако стволом указал на стул:

— Садись. Хотя сперва скатай ковер и убери его с дороги. Страшно не хотелось бы запачкать вещь с Двух Серых Холмов.

Выполняя требование, Железный Медведь изо всех сил пробовал проникнуть за поток сознания. Когда он нашел искомое, то был не уверен, сможет ли выговорить эти слоги, но попытался.

— Что ты сказал? — спросил Желтое Облако, ствол оружия слегка колебался.

Он повторил тайное имя Желтого Облака.

— Откуда ты его узнал? — спросил тот.

— Прочитал его в мозгу. Я — паранормален. Вот почему я вообще оказался вовлечен в это дело.

— Вроде знахаря?

— Полагаю, в старину я бы им и был. В любом случае, существует наша группа, и мы выслеживаем тварь, которая выслеживает Сингера. Сейчас остальные хотят прекратить этим заниматься, но я не прекращу. Вот почему мне нужна ваша помощь.

Пока он говорил, дождь пошел снова. Когда зазвенел телефон, Желтое Облако его отключил. После он приготовил кофе.

Казалось, он вбегал теперь в недра земли. Все темнее и темнее. Вскоре ему пришлось замедлить шаг. Окружающий мир почти полностью исчез, за исключением звуков — ветра, воды, его барабанящих по земле ног. Теперь медленнее. Да. Вот.

Впереди. Что-то среди тех деревьев. Неподвижное. Свет.

Оказалось, что это... Нет. Невероятно. Однако. Вот же она. Транс-кабина. Он был уверен, что инструкции запрещают устанавливать их в каньоне.

Он подошел ближе. Определенно, это выглядело как транс-кабина — там, среди деревьев. Он добрался до нее и заглянул внутрь.

Вот только какая-то непонятная. Нет щели для кредитной карточки. Неизвестно, как набирать координаты.

Билли вошел и изучил ее более тщательно. Одна-единственная странная красно-белая пятнистая кнопка. Не мудрствуя лукаво, он выставил большой палец и нажал на нее.

Радужная пелена закружилась у него перед глазами и исчезла. Он огляделся. Ничего не изменилось. Он никуда не был транспортирован. Однако...

Теперь каньон заливал бледный свет, будто над головой висела полная луна. Но луны не было.

Он еще раз посмотрел на кабину и впервые увидел маркшейдерский знак на стенке. Тот гласил: «МИР ДУХОВ». Билли пожал плечами и пошел прочь. Кроме освещения, похоже, ничего не изменилось.

Шагов через двадцать он обернулся и посмотрел назад. Кабина исчезла. Группа деревьев серебрилась у него за спиной, лишенная какого-либо сверхъестественного присутствия. Справа блестела рябь текущей воды. Дождь, падавший на нее, казалось, нисходил очень медленно — скорее насыщенная морось, нежели ливень. А очередная вспышка молнии напоминала стилизованную надпись на небе.

Тропа, которой он должен следовать, была отчетливо видна. Он ступил на нее, и, пока шел, ветер пел ему путеводную песнь.

Он быстро двигался до изгиба каньона, потом медленнее, так как склон сузился и стал круче. Перепрыгнул на более широкий выступ, тогда как его путь начал извиваться, и вновь поспешил по нему вперед.

Завернув за поворот, он увидел впереди справа очертания человеческой фигуры, стоящей на противоположном берегу потока, на самой стрелке отмели, вдававшейся в воду. Человек этот показался ему чем-то знакомым, и его окружало некое свечение, что встревожило Билли.

Приближаясь к нему, он замедлил шаг, поскольку человек смотрел прямо на него. Какое-то время он находился в нерешительности, как к нему обратиться, поскольку не мог припомнить обстоятельств их знакомства, а встреча здесь поразила его своей странностью. Потом он внезапно вспомнил, но к этому времени другой уже поприветствовал его.

Он остановился и поздоровался.

— Ты далеко от дома, — сказал он потом, — от того места, где я встретил тебя всего лишь на днях, в горах, где ты пас овец.

— Да, — ответил другой, — ибо я умер в тот самый вечер.

По затылку у Билли пробежал холодок.

— Я тебе ничего не сделал. Зачем ты вернулся и беспокоишь меня?

— Я не возвращался, чтоб беспокоить тебя. По сути, я вообще не возвращался. Ты сам нашел путь сюда. Я не причиню тебе вреда.

— Не понимаю.

— Я велел тебе следовать извилистому пути, — сказал старый певец, — и вижу, ты так и поступил. Очень извилистому. Это хорошо.

— Не совсем, — ответил ему Билли. — Мой чинди по-прежнему гонится за мной по пятам.

— Твой чинди повернул направо, а не налево, пойдя по ложной тропе в Черноскальном каньоне. На некоторое время ты в безопасности.

— Прекрасно, — сказал Билли. — Может, я сумею сделать это еще раз.

— Вероятно. Но что именно ты делаешь?

— Я следую тропе.

— И она привела тебя сюда. Неужели ты думаешь, что мы повстречались случайно?

— По-моему, нет. А ты знаешь, зачем мы встретились?

— Я знаю лишь то, что хотел бы научить тебя старой песне силы.

— Отлично. Я принимаю любую помощь, которую могу получить, — сказал Билли, оглядываясь назад на тропу. — Хотя надеюсь, она не очень длинная.

— Нет, — ответил старый певец. — Теперь слушай внимательно, ибо я смогу спеть ее для тебя только трижды. Спеть ее четыре раза означает заставить ее действовать.

— Да.

— Хорошо. Вот эта песня...

Старик начал петь песню вызывания Икне-этсо, за которой Билли следил, которую понимал и которую выучил, в третий раз прослушав. Когда певец закончил, он его поблагодарил, а потом спросил:

— Когда я должен воспользоваться этой песней?

— Сам поймешь, — ответил старик. — Следуй теперь своему извилистому пути.

Билли попрощался и пошел дальше по северному склону. Он хотел было оглянуться, но на сей раз не стал этого делать. Он двигался по искрящемуся каньону, а картины иных миров и его жизни в больших городах вставали и накладывались на окружающие пейзажи, пока не начало казаться, будто вся его жизнь расплавилась и смешалась здесь.

Билли миновал толпу стоящих камней, а у них у всех, казалось, были лица с открытыми ртами, поющими песни вет-

ра. Все они были неподвижны, но и у дальнего края группы что-то вышло из тьмы.

Человек, очень знакомый человек, который встал, прислонившись к последнему певцу ветра, и улыбнулся. Одежда его соответствовала писку моды, волосы были уложены, а руки ухожены.

— Привет, Билли, — сказал он по-английски, а голос был его собственный.

Тогда он увидел, что этот мужчина есть он сам, каким он мог бы быть, не вернись он никогда в это место.

— Верно. Я — твоя тень, — сказал другой. — Я — часть тебя самого, на которую ты решил не обращать внимания, которую отбросил, когда выбрал возвращение к полуцивилизованному существу, поскольку боишься стать мной.

— Мне бы понравилось быть тобой?

Другой пожал плечами:

— Думаю, да. Время и шанс — вот и все. Вы с Дорой в конечном итоге переехали бы в город после того, как ты доказал для собственного удовлетворения, каким свободным ты стал. У тебя был шанс, и ты его упустил. Если бы тебе сопутствовал успех, ты пошел бы этой дорогой. Время и шанс. Восемь дюймов пространства. Вот такой ерундой ломается жизнь.

— Ты говоришь, что, если бы я доказал, каким свободным я стал, я бы в действительности по-прежнему не был свободен?

— Что есть свобода? — подхватил другой, а вокруг его головы образовалось слабое зеленое свечение. — Полагаю, двигаться по хорошим дорогам. А ты себя ограничил. Я — это путь, по которому ты не пошел, важный путь. Я мог бы быть частью тебя — спасающей частью, но ты в своей гордыне пренебрег мною.

Он вновь улыбнулся, и Билли увидел, что у двойника выросли клыки.

— Я тебя узнаю, — сказал тогда Билли. — Ты — мой чинди, мой настоящий чинди, не так ли?

— А если и так, — ответил другой, — и если ты считаешь меня злом, то ты видишь меня таким по ошибке. Я — твое отрицательное «я». Не лучше, не хуже, а лишь неосуществленное. Ты призвал меня давным-давно, убежав от части самого себя. Ты не можешь уничтожить отрицание.

— Давай посмотрим, — сказал Билли, поднимая лазерный обрез и нажимая на спуск.

Вспышка света прошла сквозь его двойника без какого-либо видимого эффекта.

— Так со мной бороться нельзя, — сказал другой.

— Тогда иди к черту! Почему вообще я должен с тобой бороться?

— Потому что я могу тебя уничтожить.

— Тогда чего же ты ждешь?

— Я еще не достаточно силен. Так что продолжай убегать, продолжай прятаться в первобытное, а я буду набираться сил. Потом, когда мы снова встретимся, — он бросился на четвереньки и стал напоминать Кота с единственным мерцающим глазом, — я стану твоим противником под любым именем.

Билли выхватил лазер и выстрелил. Тот исчез в теле другого, и другой вновь стал его двойником и, поднявшись, ринулся на него. Кабель с острием упал на землю и автоматически смотался.

Билли провел удар левой, и казалось, кулак с чем-то соприкоснулся. Двойник рухнул на землю. Билли повернулся и бросился бежать.

— Да, убегай. Давай мне силу, — крикнул ему вдогонку другой.

Оглянувшись, Билли увидел лишь слабое зеленоватое свечение рядом с певцами ветра. Он продолжал двигаться очень быстро, пока оно не исчезло при очередном повороте. Голоса певцов ветра стихли. Он вновь замедлил шаг.

Каньон опять стал просторнее, ручей расширился и поток медленнее. Казалось, в воде он видел искаженные лица и звериные морды.

Теперь он чувствовал себя предметом пристального изучения. Это ощущение усиливалось, и он огляделся, ища источник среди мимолетных образов, возникавших среди теней и воды.

— *Кот?*

Ответа не было, что ничего не означало. Но не было и передачи мрачных предчувствий — если только они не терялись в эмоциональной суматохе.

— *Кот? Если это ты, давай драться. Теперь когда угодно. Я готов.*

Потом он миновал острый выступ на стене каньона и по-

нял, что чувствовал не присутствие Кота. Ибо сейчас он созерцал странное существо, рассматривавшее его, появление которого запутало ощущения.

Оно напоминало гигантский тотемный столб. Его народ никогда не делал тотемных столбов, те имели отношение к народам северо-запада. Однако этот, казалось, чем-то соответствовал моменту, если не подходил к месту. Он вздымался ввысь и имел четыре лика, а возможно, и смутно видимый пятый на самом верху.

Это были лица двух женщин — одной полной, другой худой, и двух мужчин — одного черного, другого белого. А над ними, казалось, парило, словно дымка, улыбающееся мужское лицо. Их взгляды были направлены на него, и он понял, что созерцает не резьбу, а живые существа.

— Билли Черный Конь Сингер, — обратился к нему голос среднего рода.

— Слышу тебя, — ответил он.

— Ты должен прервать здесь свое путешествие.

— Почему?

— Твоя миссия выполнена. Дальнейшим бегством ты ничего не добьешься.

— Кто вы? — спросил он.

— Мы — твои духи-хранители. Мы хотим оберечь тебя от твоего преследователя. Поднимайся здесь по стене. Жди наверху. Тебя там через некоторое время встретят и переправят в безопасное место.

Взгляд Билли переместился со столба на землю под ногами и перспективу впереди.

— Но я по-прежнему вижу в этом каньоне свою тропу. Я не должен ее здесь оставлять.

— Это ложная тропа.

— Нет. Уж это-то я знаю: я должен следовать по ней до конца.

— Там находится смерть.

Он вновь какое-то время молчал.

— Все же я должен следовать по ней. Одни вещи важнее других. Даже смерти.

— Что это такое? Почему ты должен следовать по данной тропе?

Он несколько раз глубоко вздохнул и продолжил пристально смотреть на землю, будто увидев ее впервые.

— Я ожидаю в конце тропы самого себя, такого, каким должен быть. Если же я не пойду по этой тропе, произойдет смерть иного рода... Худшего, по-моему, — добавил он.

— Мы не в силах тебе помочь, если ты продолжишь путь.

— Значит, так и должно быть. Спасибо за попытку.

— Мы слышим тебя, — сказал тотем, медленно погружаясь в землю, — лицо за лицом ускользали из вида под камень, пока на мгновение не мелькнуло последнее, смутно видимое лицо, похоже, улыбающееся ему.

— Тогда играй, — как показалось, прошептало оно и затем тоже пропало.

Билли потер глаза, но ничего не изменилось. Он пошел дальше.

...Я шагаю по невидимой дуге,
ноги готовы нести меня куда угодно.

исходи нфра место вод ткущих прочь сголовой наверх ом ехать еперь ккаждому где пять еперь четыре врозьврозь конь на горе дух разрос лис я в телокол как поводы ткущие сть несколько стен припирать и тупак наших глав сортировать сестры в небе старики под землей а след койота впереди тень черной птицы повсюду и братодин в чансе разумов не в розврозвзорвзор

— Боже мой! — воскликнула Элизабет, откидываясь на спинку кресла.

Алекс Мансин налил стакан воды и залпом его выпил.

— Да, — сказал Фишер, массажируя себе виски.

У Мерси Спендер начался приступ кашля, длившийся с полминуты.

— Ну и что? — тихо спросил Фишер.

Мансин покачал головой:

— Не знаю.

— Железный Медведь был прав насчет того, что, по его мнению, Сингер находится в ином мире, — сказала Элизабет. — Мы не можем им управлять.

— К черту, — сказал Фишер. — Мы пытались, и мы пробились, даже если он превратил нас в тотем. Вы же знаете, меня волнует не это.

— Там был *он*, — заявила Мерси, — в духе.

— Кто-нибудь, позвоните в больницу и удостоверьтесь, что Сендс действительно умер, — сказал Фишер.

— Не понимаю, как они могли ошибиться, Чарльз, — сказала Элизабет. — Но Мерси права. Он каким-то образом был с нами, и кажется, будто он по-прежнему где-то поблизости.

— Да, — вставила Мерси. — Он здесь.

— Вам не нужны спиритуалистские гипотезы, чтобы описать то, что, по-моему, произошло, — наконец заявил Мансин.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Элизабет.

— Просто воспоминание о том, как он умер. Мы все были вместе, функционируя как единая сущность, в которой понимаем очень мало. По-моему, травма, связанная с его смертью, послужила созданию чего-то вроде голографии разума в нашем общем сознании. Когда мы разделились, оно ослабло, но все мы носим более бледные варианты — вот почему нам кажется, что мы ощущаем его присутствие. Когда мы только что воссоздали эту общую сущность, повторного сочетания черт стало достаточно для воспроизводства, так сказать, полной функционирующей копии его разума.

— Ты видишь его как особый вид памяти, когда мы находимся в этом состоянии? — спросила Элизабет. — Ты думаешь, она в конце концов сотрется?

— Кто знает?

— Так что же нам теперь делать?

— Предлагаю через определенные промежутки времени контролировать Сингера, — сказал обстоятельно Мансин, — и повторить наше приглашение наверх, если он доберется до какой-нибудь примечательной точки на местности.

— Он и дальше будет отказываться. Ты же видел, какой у него ментальный настрой.

— Вероятно... если не произойдет ничего, что его изменит. Но мне вспоминаются слова Железного Медведя. Он имеет право на этот шанс, и, кажется, мы единственные, кто может его ему дать.

— Только не просите меня снова преследовать этого зверя. Одного раза хватило.

— Я и сам не слишком стремлюсь дотронуться до него.

— Как насчет Железного Медведя?

— Что насчет него?

— Не должны ли мы попробовать войти с ним в контакт и дать ему знать, чем занимаемся?

— Зачем? Он — сумасшедший. Он просто от нас отгородится. Пусть сам позовет нас, когда будет готов.

— Я бы не желал увидеть, как он сотворит какую-нибудь глупость.

— Наподобие чего?

— Наподобие погони за этим существом.

Мансин кивнул:

— Возможно, ты прав. Я по-прежнему не думаю, что он послушается, но...

— Он мог бы послушаться меня, — сказал Фишер, — хотя я не уверен, что смогу дотянуться до него на таком расстоянии.

— Почему бы не определить местоположение ближайшей к этому каньону транс-кабины и не отправиться туда? — предложила Элизабет. — Вероятно, это все намного упростит.

— А разве они есть в индейских резервациях? — спросила Мерси.

— Давайте расскажем все Теддерсу и соберем свои вещи. Встретимся здесь через пятнадцать минут, — сказал Фишер.

— Уолтер тоже считает: мысль хорошая, — кивнула Мерси.

Опасно там.
где иду
в своих мокасинах, гамашах и рубахе
из черного обсидиана.
Ремень мой — черная стрельная змея.
Черные змеи кольцами возвышаются над головой.
Зигзагообразная молния слетает
с моих ступней,
моих коленей,
моего глаголющего языка.
Я ношу диск из пыльцы на голове.
Ее едят змеи.
Опасно там, где иду.
Я становлюсь чем-то ужасным.
Я есмь смерч
и серый медведь.
Молния сверкает вокруг меня.
Опасно там,
где иду.

— Я высадил его вот здесь, — сказал Желтое Облако, тыча в точку на карте, и Железный Медведь кивнул, смотря вниз на очертания длинного, растянувшегося в обе стороны каньона.

Дождь, переходящий в снег, барабанил по электромобилю, припаркованному у кромки каньона. Железный Медведь рассеянно поднял воротник одолженной куртки. «Подходит отлично. К счастью, у нас один и тот же размер», — решил он.

— Я понаблюдал какое-то время, — продолжил Желтое Облако, — чтобы удостовериться, что Билли нормально спустился. Так оно и было, и затем он направился на восток. — Его палец двинулся по карте и снова остановился. — Тут, в

этой точке, он мог повернуть в Черноскальный каньон или продолжать идти по каньону дель-Муэрто. Ты что думаешь?

— Я? Откуда я знаю?

— Ты же колдун. Ты не можешь подержать над картой прутик или еще нечто в этом роде и сказать?

Железный Медведь изучил карту более внимательно.

— Не наверняка, — произнес он, — но я чувствую, что Билли там, внизу. Хотя каменные стены для меня просто каменные стены, смотрю ли я сквозь них его глазами или своими. Однако... — Он положил палец на карту и стал его передвигать. — Думаю, Билли продолжил путь по дель-Муэрто. Ему требовалось большое пространство, а Черноскальный, похоже, слишком быстро заканчивается тупиком.

— Хорошо-хорошо. Я тоже чувствую, что он пошел туда. Я бы сказал, он заранее и преднамеренно выбрал какое-то место. — Желтое Облако сложил карту, выключил внутренний свет и завел мотор. — Поскольку мы пришли к единому мнению, — сказал он, поворачивая руль, — спорю, я могу сэкономить какое-то время. Спорю, если мы направимся по кромке, минуем то ответвление и спустимся в дель-Муэрто, мы найдем его тропу, ведущую вдоль одной из стен.

— Будет темно.

— У меня есть очки и фонарики невидимого света. Во всем спектре.

— Ты не способен вычислить, где он может сейчас быть и как быстро он может двигаться?

— Спорю, я могу прикинуть очень точно. Но мы же не хотим упасть ему сейчас прямо на голову.

— Почему бы и нет?

— Если его что-то преследует, он, вероятно, будет стрелять по всему, что к нему приближается.

— Резонно.

— Поэтому мы спустимся в районе пещеры Множества Грифов и пещеры Голубого Быка — перед тем как каньон расширится. Легче будет найти тропу там, где он узок. Затем мы будем пренебрегать любыми ложными знаками, ведущими в каньон Троп-Двойняшек, и начнем его нагонять.

Ветер колотил по маленькой машине, пока электромобиль пробирался по бездорожью, постоянно поворачивая в разные стороны, чтобы обогнуть валуны и внезапно возникающие уклоны.

— ...Потом, думаю, мы просто снабдим его дополнительной огневой мощью.

— Мне бы хотелось сделать попытку отговорить его, — сказал Железный Медведь.

Желтое Облако рассмеялся:

— Конечно. Отговоришь Билли!

Железный Медведь просмотрел его мысли, увидел, какое этот человек производит впечатление.

— Ладно, — сказал он. — На худой конец, в Патруле ВГ я научился стрелять.

— Ты служил в Патруле ВГ? Я чуть не записался туда.

— Что помешало?

— Да в последний момент подумал, что у меня в этих жестянках в небе начнется клаустрофобия. Мне нравится видеть все далеко впереди.

Какое-то время они молча ехали сквозь тьму со смутными очертаниями, снежинки кружились в лучах фар, снег переходил в дождь, тот опять в снег.

— Эта тварь, что его преследует, — произнес затем Желтое Облако, — ты говоришь, она такая же смышленая, как человек?

— Ага, по-своему. Может, смышленее.

— Знаешь, у Билли все еще может быть преимущество. Вероятно, он рассвирепеет, увидев нас.

— Этот зверь гнался за ним по всему миру. Он создан для убийства.

— Даже Кит Карсон боялся входить в эти каньоны следом за навахом. Ему приходилось морить нас голодом в середине зимы.

— Чем он был так напуган?

— Местность просто создана для устройства засад. Любой, кто знает эти места, мог бы сдерживать превосходящие силы противника — или даже уничтожить их.

— Этот зверь в состоянии читать мысли.

— Вот он и прочитает, что кто-то впереди ждет, чтобы его убить. Не обязательно уметь читать мысли, чтобы это знать. А если продолжит идти дальше, это может произойти.

— Он способен менять облик.

— Для того чтобы приблизиться к жертве, ему все равно нужно двигаться. А это делает его мишенью. Билли сейчас

вооружен. Взять его будет не так легко, как ты, похоже, думаешь.

— Тогда почему же ты решил поехать?

— Мне не нравится смотреть на то, как какой-то посторонний преследует наваха на нашей земле. И я не мог бы допустить, чтобы сиу первым выстрелил по врагу.

«Без Желтого Облака мне бы здесь была грош цена, — сказал себе Железный Медведь. — Даже местные дети наверняка знают больше моего о передвижении по этой местности, о выслеживании, охоте, выживании. Сраный идиот я, что вообще в это ввязался — физически. Единственное, что я знаю о том, что значит быть индейцем, получено на Аляске, а это было давным-давно. Так почему же я здесь? Я все говорю, что мне нравится Сингер, но почему? Потому что он своего рода герой? На самом деле, не думаю, что из-за этого. Скорее потому, что он — старомодный индеец и потому что таким мог быть мой отец. По крайней мере, я о нем так думаю. Может, я пытаюсь покрыть некий долг, некую вину? Возможно. И у всей моей музыки были индейские ритмы...»

Машина замедлила ход, въезжая в укрытие среди обнаженной породы, и там остановилась. Снегопад вновь превратился в дождь — холодную, занудную морось.

— Приехали?

— Почти, — ответил Желтое Облако. — Рядом есть легкий спуск. В общем, сравнительно легкий. Давай я достану фонарики и покажу тебе.

Выйдя из машины, они надели небольшие ранцы и повесили на плечи оружие. Желтое Облако направил луч фонаря на каньон.

— Следуй за мной, — сказал он. — Пару лет назад здесь произошел оползень. Получилась своего рода тропа. Мы будем лучше укрыты, когда достигнем дна.

Железный Медведь встал ему в затылок, и они начали двигаться к кромке каньона. Дна не было видно, а камни непосредственно впереди казались острыми и скользкими. Он ничего не сказал, и вскоре они начали спускаться.

Желтое Облако освещал путь.

Пока они двигались вниз, дождь ослаб, а на полпути, когда они оказались под образованным стеной козырьком, и вообще прекратился. Камни стали суше, скорость спуска

возросла. Железный Медведь прислушивался к ветру и шуму дождя.

Двигаясь от камня к камню, он через некоторое время начал гадать, существовало ли в самом деле дно. Стало казаться, будто они спускались вечно, а оставшееся время будет простым повторением предыдущих движений.

Тут он услышал крик Желтого Облака: «Пришли!», и вскоре обнаружил себя на дне каньона — каменистые образования искажались и перетекали в невидимом спектре.

— Остановись на минутку, — сказал Желтое Облако. — Мне не хочется перепутать следы... Ты не можешь провернуть свой трюк и сказать, нет ли кого-нибудь поблизости?

— Кажется, нет, — ответил Железный Медведь пару минут спустя.

— Ладно. Я собираюсь некоторое время пользоваться здесь обычным фонариком. Как-то спокойнее, пока видишь, что можешь предпринять.

Прошло несколько минут, в течение которых Железный Медведь наблюдал, как медленно передвигался луч фонарика Желтого Облака, тогда как тот изучал почву, удаляясь все дальше вперед, переходя слева направо и возвращаясь обратно. Наконец Желтое Облако остановился. Его фигура выпрямилась. Он жестом попросил Железного Медведя подойти, а потом зашагал вперед.

— Что-нибудь нашел? — спросил Железный Медведь, догоняя его.

— Билли проходил здесь. Видишь?

Железный Медведь кивнул, разглядывая землю. Он ничего не увидел, но прочитал распознание признаков в разуме другого человека.

— Как давно он здесь был?

— Не могу сказать наверняка. Хотя на самом деле неважно. Пошли.

Они около четверти часа двигались молча, прежде чем Железный Медведь додумался спросить:

— А ты видел какие-либо признаки преследователя?

— Нет. Тут есть следы собак и больше ничего. Как мне говорили, зверь не может быть такого размера.

— Да. Масса у него гораздо больше.

Желтое Облако проигнорировал ложные следы у каньона

Троп-Двойняшек и продолжил идти в северо-восточном направлении главного ущелья.

Равномерное передвижение обладало неким гипнотическим свойством — разворачивающаяся тропа с камнями, лужами, грязью и кустарником. Холод не был таким сильным, каким мог бы быть, поскольку ветер стих, но окоченелость, которую Железный Медведь начал ощущать, являлась скорее ментальной. Рядом плескалась и журчала вода. Его руки размахивались, а ноги шагали почти машинально.

— *...Да, да, да, да, да, да, да...*

Казалось, ветер разговаривал с ним, казалось, говорил ему в течение долгого времени успокаивающие, усыпляющие слова в установившемся режиме движений.

— *Баю-баю-баю-бай. Да, всегда, вчера, пора, отдыхай...*

Это нечто большее, чем ветер и ритм, внезапно понял он. Был кто-то...

— *Да. Да.*

Сила. Чернота. Смерть. Он шел за ним по пятам. Этот зверь. Это существо. Оно приближалось.

— *Да. Да.*

А он ничего с этим не мог поделать. Он даже не мог замедлить шаг, не говоря уже о том, чтобы отклониться от курса. Оно полностью держало его в своей власти и настолько ловко управляло им, что он даже не ощущал его вкрадчивого присутствия. До сих пор, когда стало уже чересчур поздно.

— *Да. Да, сын городов. Ты кажешься отличающимся от того другого, а вы оба преграждаете мне путь. Продолжай шагать. Я скоро вас догоню. Тогда это станет неважно.*

Железный Медведь еще раз попробовал свернуть, но мышцы отказывались повиноваться. Он почти нащупал разум Желтого Облака, чтобы увидеть, стал ли другой человек осознавать свое состояние. Однако что-то ему помешало. Эта тварь, где-то сзади, осуществляла некий телепатический контроль над его нервной системой. Он не мог различить, читает ли зверь к тому же его мысли. Вероятно. Ему хотелось, если возможно, скрыть собственные телепатические способности от сознания зверя. Почему — трудно определить наверняка.

Но он чувствовал...

Сзади донесся какой-то звук. Казалось, катится сорвавшийся со скалы камень. Железный Медведь понял: если через считаные мгновения он не высвободится, ничто, им ощу-

щаемое, не будет иметь значения. Все будет кончено. Все. Зверь, которого Сингер называл Котом, почти добрался до него.

Ноги продолжали совершать медленные, равномерные движения. Он попытался мысленно представить Кота, но не сумел. Злобная тень, движущаяся волнообразно... большой глаз, плывущий, словно луна... Образы приходили и уходили. Казалось, ни один не соответствовал приближающемуся зверю — сильному, бесстрашному...

Бесстрашному?

Некий образ выскочил у него в голове вперемешку с вопросом: насколько сильно ментальное впечатление, которое он смог бы оказать? Фишер мог с легкостью творить осязаемые на вид иллюзии. Получится ли хоть какая-то толика правдоподобия, если этот образ подкрепится всем, что у него есть? Вероятно, вполне достаточно, чтобы привести в замешательство?

Хотя в действительности промежутка между идеей и попыткой не было. Размышления шли одновременно с усилием — обыкновение рефлективной его части.

Песчаный участок, по которому он только что прошел... Он спровоцировал картину вздымающегося песка и поднимающейся вверх сверкающей треугольной фигуры, устремляющейся вперед, тянущейся, чтобы обхватить его преследователя...

— *Крель! Крель!* — посылал он сообщение, сосредоточиваясь, чтобы добиться совершенного изображения.

И остановился, ощущая приходящие сзади волны паники, осознавая, что опять управляет собственными движениями, осознавая к тому же, что Желтое Облако остановился.

— *Крель!*

Но даже усилив образ всеми ощущениями злобы и ужаса, с которыми он недавно познакомился, даже скинув с плеча разрывное ружье и взяв его в руку, Железный Медведь понимал, что, хотя его движения теперь являются его собственными, он боится выполнить неизбежный поворот и встретиться лицом к лицу с существом, стоявшим позади.

Выстрел из оружия Желтого Облака рассеял его паралич. Он развернулся, держа ружье на изготовку.

Кот в луче фонарика Желтого Облака из стоячего положе-

ния упал на землю, а этот жуткий глаз, казалось, уставился на его собственный, выжигая, сверля.

Он нажал на спуск, дернув ружье, и грязь с галькой полетели с линии, прочерченной мини-взрывами, перед зверем.

Желтое Облако выстрелил еще раз, и Кот рванулся вперед. Железный Медведь приподнял ствол ружья и опять спустил курок.

Разрывы прошили волнистую линию по плечам и шее Кота.

А потом все смолкло и почернело, когда он ощутил прикосновение тела Кота к своему собственному телу.

Они сидели или лежали в своих номерах в «Вигваме Птицы Грома» недалеко от устья каньонов. Хотя создавалось впечатление, будто все они находятся вместе в одной комнате, ибо стены не препятствовали их беседе.

— *Ну?* — спросила Элизабет. — *Что ты узнал?*

— *Я попробую еще раз,* — ответил Фишер. — *Подожди пару минут.*

— *Ты занимался этим уже порядочное время,* — сказал Мансин.

— *Порой возникают помехи — необычные душевные состояния, которые трудно уловить. Сам знаешь.*

— *Что-то не так,* — произнес Мансин. — *Я тоже пробовал.*

— *Может, мы опоздали,* — вставила Мерси.

— *Не будь смешной!*

— *Просто я пытаюсь быть реалистичной.*

— *Я дозвонилась до дома Желтого Облака, пока вы пытались установить контакт,* — сообщила Элизабет. — *Его жена сказала, что они вместе с Железным Медведем ушли некоторое время тому назад. По ее словам, отправились к каньону.*

— *Вслед за Сингером?* — спросил Мансин.

— *Она больше ничего не сказала. А за кем еще?*

— *В самом деле.*

— *Я сейчас попробую еще раз,* — пробормотал Фишер.

— *Подожди,* — прервала его Элизабет.

— *Почему?*

— *Ты сам никуда не попадешь.*

— *Ты имеешь в виду, мы должны опять объединиться и попробовать?*

— *А почему бы и нет? Мы здесь именно для этого. Для совместной работы.*

— *Неужели ты думаешь, что Сендс?..* — начал Мансин.

— *Вероятно,* — ответила Элизабет.

— *Да,* — сказала Мерси. — *Но он нам не повредит.*

— *В общем, ты права насчет того, для чего мы здесь,* — сказал Мансин Элизабет.

— *А если мы не сумеем определить местонахождение Джимми?* — спросил Фишер. — *Что тогда?*

— *Попробуй еще раз достать Сингера,* — сказала Элизабет. — *Может, сейчас он прислушается.*

Теперь ты идешь по тропе один.
Кем ты теперь стал, мы не ведаем.
Какой теперь твой клан, мы не знаем.
Теперь уж ты не от мира сего.

Идти. По серебристо-черной местности. Здесь медленнее. Запутать след. Будто за теми камнями засада. Замести следующие сто футов веткой. Хорошо. Дальше. Путь свободен. Расплывчатые красно-белые пятна. Идти. Вспышка в небе, отраженная в извивающихся водах. Опять слабая барабанная дробь. Согласованность звуков ветра внутри косых стен. Здесь водяная пыль, маскирующая стеклом лицо, призмы ресниц, разбивающие спектр радужного геометрического танца света. Стереть. Отскок теней. Улыбка койот-пса, тускнеющая между светом и тьмой. Здесь с плеском пересечь. Куда бы ни вела тропа, следуй ногам. Вокруг. Через. В тени безмолвные танцоры в масках. Далеко-далеко позади слабый зеленый свет. Зачем оглядываться? Обернуться — значит обхватить. Теперь вверх. Опять вниз. Вскоре каньон сузится, потом снова расширится. Существо с множеством глаз сидит на высоком выступе, но не шевелится. Вероятно, выжидает или всего лишь наблюдает. Теперь барабанная дробь громче. Двигаться в ее ритме. Огонь в сердцевине камня. Следы птиц за полумесяцем стены. Бедренная кость лошади. Пустой хоган. Полуобгоревшее полено.

Коснуться слюды, что блестит, как пыльца. Вспомнить песню старика...

— ...*Сингер.*

Слабо-слабо. Ветер или его эхо. Усталое слово усталого дыхания.

— *Билли Черный Конь...*

Пересечь и опять на этот каменистый участок.

— *Я чувствую тебя — где-то там, следопыт...*

Что-то. Что-то, что он должен помнить. Это путешествие. Следовать своей тропе. Но.

— *Твои друзья меня не остановили. Я по-прежнему приближаюсь, охотник.*

Призрак отзвука ветра. Слова в голове. Вероятно, старые друзья. Кто-то знакомый.

— *Почему ты мне не отвечаешь? Разговор ничего не выдает.*

Кот-призрак, существо-чинди. Да. Кот.

— *Я здесь, Кот.*

— *А я следую за тобой.*

— *Знаю.*

— *Ты выбрал хорошее местечко.*

— *Оно выбрало меня.*

— *Как угодно. Лучше городов.*

Билли остановился, чтобы запутать тропу, создать впечатление еще одной возможной засады.

— *...Приближаюсь. Ты не можешь убегать вечно.*

— *Лишь до тех пор, пока я должен. Ты ранен...*

— *Да. Но не настолько сильно, чтобы это меня остановило. Мы встретимся.*

— *Встретимся.*

— *Я чувствую, ты здесь мощнее, чем был прежде.*

— *Вероятно.*

— *Кто бы из нас ни победил, лучше так, чем как-то по-иному. Каждый из нас является последним из себе подобных. Что еще нам остается?*

— *Не знаю.*

— *Странная страна. Ничего в ней не понимаю.*

— *Я тоже.*

— *Скоро мы встретимся, старый враг. Ты рад, что убежал?*

Билли попытался обдумать этот вопрос.

— *Да,* — сказал он наконец.

Билли думал о песне, но знал, что не время ее петь. В каньоне забормотал гром.

— *Охотник, ты изменился с последнего раза, когда мы были так близко друг от друга.*

— *Я знаю, куда сейчас иду, Кот.*

— *Тогда торопись. Я могу оказаться ближе, чем ты думаешь.*

— *Следи за тенями. Ты можешь оказаться даже ближе, чем думаешь ты.*

Безмолвие. Далеко впереди расширяющаяся, чистая перспектива. Он в замешательстве остановился, внезапно став способным видеть на огромное расстояние. Словно лента, тропа вилась все дальше и дальше, а потом вела наверх. Он не понял, но это было неважно. Он побежал пожирающей землю трусцой. В темноте высоко над головой разнесся крик птицы.

Еще дальше он возвращается со мной —
Найенесгани,
вращая темным посохом для защиты.
Вспышки молний позади и впереди него.
К первой ступени лестницы,
к Месту Появления
он возвращается вместе со мной.
И радуга возвращается вместе со мной,
и говорящий кетан учит меня.
Мы поднимаемся по двенадцати ступеням.
Крохотные голубые птички поют надо мной,
Маисовый жук поет позади меня.
Хастиейалти возвращается вместе со мной.
Я взойду на Гору Появления,
Гору Вождя, Гору Дождя,
Гору Маиса, Гору Пыльцы...
Возвращение. Чтоб сесть на рисунок из пыльцы.
Чтоб обладать домом, огнем, пищей,
постелью, ногами, руками, телом,
чтоб владеть разумом и голосом, мощью
движения. Речью, что благословенна.
Возвращение вместе со мной. Собирание.
Восхождение. Сквозь туманы и облака,
по мхам и травам,
через леса и скалы, землю —
четырех цветов. Возвращение.
«Внук, мы стоим на радуге».

Бег. Звуки ветра и воды — теперь составляющие барабанной дроби. Путь становился все чище и чище. Кроваво-красный и будто усыпанный льдинками. Казалось, земля один раз дрогнула, и нечто, напоминающее башню из дыма, поднялось перед ним на повороте у края тропы. Переливаясь различными цветами, вздымающаяся колонна скручивалась, на ней проявилось пять лиц. Он узнал своих духов-хранителей.

— Билли, мы пришли, чтобы попросить тебя еще раз, — промолвили они в один голос. — Опасность возрастает. Ты должен оставить тропу, оставить каньон. Быстро. Ты должен отправиться наверх, где тебя встретят и переправят в безопасное место.

— Теперь я не могу оставить тропу, — ответил он. — Уже слишком поздно. Мой враг приближается. Путь передо мной открыт. Спасибо еще раз. У меня больше нет выбора.

— Всегда есть выбор.

— Тогда я уже его сделал.

Дымное образование развеялось, как только он его миновал.

Билли увидел то, что теперь оказалось концом тропы, и небольшой атавистический страх коснулся его, когда он осознал, куда она его привела. Она тянулась к Пещере Мумии — древнему месту мертвых, расположенному в стене каньона.

Когда он подошел ближе, пещера как бы выросла перед ним — развалины в высокой нише. Одно мгновение какой-то зеленый огонек горел за одним из окон. Потом ветер стих, а потом поднялся опять. И опять. И опять.

Теперь раздавался некий звук, словно высоко в небе бьется гигантское полотнище. Билли не отрывал взгляда от своей цели и продолжал двигаться по тропе к основанию стены. И пока он бежал, звук становился все громче, раздавался все

ближе. Наконец стало казаться, что он звучит прямо над головой, и Билли ощущал каждый такт своим телом. Потом над ним в воздухе пронеслась какая-то темная фигура.

Подняв взор, он увидел неимоверную птицу, снижающуюся, чтобы усесться на вершину скалы намного выше Пещеры Мумии. Приблизившись к основанию стены и наткнувшись на осыпь, он замедлил шаг. И понял, взглянув на темное существо, сидевшее на утесе и смотревшее вниз, что видит Хаадс-ээшжини, Черного Бога — повелителя охоты. Билли быстро отвел взгляд, но до этого встретился с безжалостным взором желтого глаза, уставившегося на него.

«Должен ли я прикончить это существо на твоих глазах, о Темный? Ибо я — как охотник, так и добыча. Какая сторона побуждает тебя?»

Он поднялся по откосу. Его взгляд прослеживал теперь тропу, уходившую вертикально вверх к развалинам в углублении. Да, этот маршрут казался самым легким...

Он достиг стены, нашел опору для ног, ухватился руками и начал подъем.

Подъем. Медленнее в более скользких местах. Когда он вскарабкался выше, возникло странное покалывание в ладонях. Как в тот раз...

Нет. Он остановился. Все, чем он являлся, было частью охоты. Но это также было и частью прошлого. Важно именно отношение. Урок приходит вместе с воспоминаниями.

Билли подтянулся, не глядя на темную тень высоко над головой, не глядя назад. Скоро.

Скоро он войдет в место смерти и станет ждать своего преследователя. Бегство приближалось к концу. Торопись. Важно оказаться наверху и вне поля зрения Кота, когда тот появится в этом районе. Влажный камень под рукой. Хватайся крепче.

Взгляд наверх. Да. Теперь уже видно. Скоро. Осторожно. Подтянуться. Ну же.

Через несколько минут он выполз на выступ и двинулся налево. Еще одна опора. Опять вверх.

Отчасти ползти. Теперь нормально. Вновь подняться. Двинуться к стене. Войти. Никакого зеленого света. За стеной...

Он прошел вдоль внутренней поверхности стены, глядя через щели на дно каньона. Ничего. Еще ничего не видно. Идти дальше. Тот большой проем...

Отлично. Остановиться. Скинуть с плеча оружие. Проверить. Положить на выступ. Ждать.

Ничего. По-прежнему ничего.

Помещение было сырым, усыпанным галькой. Билли устроился, прислонившись спиной к каменной глыбе, взор устремлен на каньон, одна рука на оружии. Почти час прошел без каких-либо перемен в картине перед ним.

А затем — тень, медленно двигающаяся вдоль стены далеко впереди слева. Она ползла едва заметная, пока в какой-то точке он не осознал, что ее ничто не отбрасывает.

Билли поднял обрез — у того был простой прицел — и навел его на тень. Потом подумал о точности этого оружия и опустил его. Слишком далеко. Если тень была действительно Котом, он не хотел рисковать, в случае промаха выдав свою позицию.

Тень остановилась, перетекла в форму камня и долгое время оставалась неподвижной. Почти верилось, что вся эта последовательность изменений являлась игрой света и тени. Почти. Билли прицелился в камень и не сдвигал оружия.

— *Ты где-то поблизости, Билли. Я тебя чувствую.*

Он не прореагировал.

— *Где бы ты ни был, я там вскоре буду.*

В конце концов, Коту потребуется какое-то время, чтобы принять более мобильную форму. Без сомнения, представится несколько благоприятных возможностей...

Опять движение. Камень смещался, тек, преобразовываясь, дальше вдоль стены.

— *Страдай, следопыт. Ты скоро умрешь. Первый же твой выстрел тебя выдаст, а я увернусь от всех последующих. Ты увидишь меня, когда я буду готов стать видимым, и тогда ты выстрелишь.*

Опять началось движение в сторону настоящего камня, лежавшего под нависающим выступом. Внутри аморфной формы стал заметен мерцающий глаз Кота, стали оформляться конечности.

Билли закусил губу, вспомнив, как видел торглиндского метаморфа, бежавшего вверх по почти вертикальной стене на своей родной планете. Тогда он спустил курок и промахнулся.

Кот замер на долю секунды, когда высоко над ним мелькнула вспышка, затем двинулся медленнее, чем предполагал Билли, заставляя его поверить, что зверь в самом деле ранен. Кот

отпрыгнул назад, к линии камней у стены. А потом осознал ошибку, взглянув наверх. Его лапы сжались, и он вновь прыгнул вперед. Но не вовремя.

Большой кусок каменной облицовки, отколотый выстрелом, скатился со стены, ударившись в выступ, под которым съежился Кот.

— *Охотник! Я считаю... ты победил...*

Билли выстрелил еще раз. На сей раз он опалил землю в десяти ярдах справа от упавшего камня, слегка сместил ствол налево и вновь спустил курок. Взорвалась вершина горы камней.

Казалось, он мог различить одну, массивную переднюю конечность, высовывавшуюся из-за холмика. Но на таком расстоянии трудно сказать наверняка.

Была ли это судорога?

Он выстрелил еще раз, попав в середину кучи.

Каньон зазвенел от громкого карканья. Опять возобновился тот хлопающий звук. Билли мельком взглянул вверх и заметил тень, двигающуюся направо.

— Все кончено, — запел он, положив голову на руку, — и мои благодарности возносятся, словно дым...

Слова улетали следом друг за другом, а его взор двигался по дну каньона. Тут лоб у него наморщился. Он поднялся. Наклонился вперед и выглянул.

— Почему? — спросил он вслух.

Ответа не было.

Тропа, которой он следовал, здесь не заканчивалась. Почему-то Билли не заметил этого раньше. Она бежала направо от него, загибаясь за стену каньона и пропадая из виду — предположительно, продолжаясь в более дальних областях этого места.

Он повесил на плечо оружие и поправил ранец. Возвратился к тому месту, где забирался наверх, и начал спуск.

Плечо болело. К тому же на лицо лил дождь, а острый камень впивался в спину. Железный Медведь осознавал это какое-то время, прежде чем понял: это означает, что он жив.

Железный Медведь открыл глаза. Поблизости на земле валялся фонарик Желтого Облака, освещая галечный откос.

Он повернул голову и увидел Желтое Облако. Тот сидел

спиной к камню, вытянув вперед ноги, обеими руками сжимая левое бедро.

Железный Медведь поднял голову, вытянул руку, чтоб привстать.

— Я жив, — сказал он, принимая сидячее положение. — Как ты?

— Сломана нога, — ответил Желтое Облако. — Выше колена.

Железный Медведь поднялся, добрел до фонарика и, подобрав его, направил на Желтое Облако.

— Плохое место для перелома. Даже хромать нельзя.

Он сел на корточки рядом с другим мужчиной.

— Не знаю, что лучше всего сделать, — сказал он. — Есть предложения?

— Я уже вызвал помощь. Мой портафон не поврежден. Они прибудут с врачом. Если нужно, вытащат меня отсюда на веревке. Не волнуйся. Все будет в порядке.

— Почему мы все еще живы?

— Думаю, оно не считало, что нас стоит убивать. Просто помеха, которую надо отшвырнуть в сторону.

— Не заставляет чувствовать тебя по-настоящему важным, верно?

— Я не жалуюсь. Слушай, у стены есть сухие дрова. Принеси, пожалуйста, пару охапок. Мне нужен огонь.

— Разумеется. — Железный Медведь пошел исполнять просьбу. — Интересно, как далеко добралась эта тварь.

— Не можешь сказать?

— Не хочу приближаться на этом уровне. Зверь способен повредить тебе одним своим разумом.

— Пойдешь за ним?

— Если сумею вычислить путь, которым следовать.

Желтое Облако улыбнулся и повернул голову, указывая подбородком.

— Он двинулся туда.

— Я же не следопыт, как ты.

— Черт, тебе и не надо им быть. Эта тварь тяжелая и бежит по открытой местности. Ничего сверхъестественного. Ее меньше всего заботит, знает ли один из нас, куда она направляется. Возьми фонарик. Ты будешь в силах увидеть оставленные ею следы.

Он принес первую охапку веток и щепок, вернулся поис-

кать еще. К тому времени, когда он пришел со второй охапкой, Желтое Облако разжег костер.

— Я могу сделать для тебя что-нибудь еще?

— Нет. Двигай.

Он повесил на плечо оружие и взял фонарик. Провел лучом по каньону и без труда увидел отпечатки лап.

— Возьми вот это. — Желтое Облако передал ему портафон.

— Хорошо. Пойду попробую еще раз.

— Может, следует целиться в глаз?

— Может, и следует. Увидимся.

— Удачи.

Железный Медведь повернулся и зашагал вперед. Темнела вода — нечто говорящее на непонятном языке. Следы были крупные и отчетливые.

Ветер колышет травы.
Снег плывет над землей.
Вихрь всходит на гору,
поднимая пыль.
Камни звенят
высоко на горе, за туманом.
Солнечный свет убегает,
как вода из расколотого кувшина.
Мы будем жить снова.
Заснеженная земля
выплывает из вихря.
Мы будем жить снова.

За изгиб стены каньона шагом. Порывы ветра над потоком, ставшим шире, кружащим сверкающие частицы над разнузданной песней воды. Другая сторона укрыта, но красный путь лежит здесь, ближе к стене, теперь ведя в гору. Рябь, словно несущиеся мимо пиктографии. Отпечатки лап вероломного. Покрытые изморозью кости рядом с тропой. Кролик. Сожженный хоган, внутри зеленое свечение. Место смерти. Бегающий взгляд. Быстрее вперед. Сияние хрусталя. Исполосованная талым снегом стена, плотность перьев. Тропа извивается дальше. Насколько видит глаз. Кто теперь добыча?

Остановка, чтобы попить, у места впадения небольшого потока. Обжигающий холод, приправленный камнем и глиной. Впереди гряда тумана, движущаяся с танцорами в масках вокруг южного голубого пламени. Ритмы в земле. Он становится дымом, плывущим вдоль своего пути, безмолвным и лишенным черт, несущимся к слиянию с этим местом постоянного движения и ритма танца земли. Да, и теряется в нем.

Белые и хрупкие, тлеющие звуки, будто то место, где он охотился на гарлетта давным-давно...

Танцоры справа, танцоры слева, танцоры пересекают его путь. Замечают ли они его, невидимого и духообразного, проходящего среди них по все еще яркому, все еще красному пути, начертанному на почве, словно огнем и кровью?

Один приближается, неся что-то, покрытое тканью, расшитой древним узором. Он останавливается, ибо танцор преграждает ему путь, протягивая эту вещь. Покров снят — там оказывается пара рук. Он пристально смотрит на них. Этот шрам у основания большого пальца левой руки... Это его ладони.

После распознавания они начинают парить перед ним, будто он держит их перед лицом. Он ощущает их, похожих на

перчатки, при крайней нужде своего духа. Он свежевал ими добычу, дрался ими, гладил ими волосы Доры...

Он дает им упасть по бокам. Хорошо вновь обладать ими.

Танцор отходит. Билли кружится, как снежный вихрь, и продолжает двигаться по тропе.

Времени не существует. Пучок серых палок, поднимающихся из земли на откосе слева, рядом с тропой... Он приостанавливается, чтобы понаблюдать, как палки зеленеют, по всей поверхности появляются выпуклости, превращающиеся в почки. Почки трескаются, разворачиваются листья, раскрываются, растут. Затем возникают белые цветы.

Он двигается дальше, размахивая руками. Еще один танцор с еще одним свертком подходит слева.

Билли останавливается в своем парении и, руками приняв дар своих ног, ставит их на место, на почву перед собой. Множество миль мы одолели вместе...

Шагая, вновь шагая по тропе. Ощущая сердцебиение земли своими ступнями. Времени не существует. Снежинки летят перед ним вверх. Поток изменил направление. Кровь течет обратно в раненого оленя, неподвижно лежащего поперек пути. Олень вскакивает на ноги, разворачивается и исчезает.

Теперь, словно занавес, раздвигается туман. Туман смещается. Все исчезает, кроме тропы.

Он слышит звук, которого не слыхал давным-давно. Тот начинается вдалеке позади него и становится все громче по ходу звучания: свисток поезда.

Затем раздается пыхтение. Подобных паровозов уже не выпускают. И здесь нет ничего, по чему ему ехать. Нет...

Он видит рельсы, идущие параллельно тропе. Выступ впереди теперь кажется платформой...

Вновь раздается свисток. Ближе. Пульсация локомотива, наложенная на ритмы земли. Идет поезд — такой, какой он видел много лет назад. Идет невероятным образом по этому невероятному месту. Билли продолжает шагать, тогда как звук поезда наполняет мир. Поезд может промчаться мимо него в любой момент. Слух наполняет пронзительный свисток.

Он поворачивает голову.

Да, прибыл. Старый, черный, пыхтящий дымом дракон-паровоз, позади прицеплено множество пассажирских вагонов. Начинают скрипеть тормозные колодки.

Билли опять смотрит в сторону платформы, где в ожидании стоит одинокая ссутулившаяся фигура. Почти знакомая...

С грохотом и визгом трения металла о металл паровоз догоняет его, все замедляя и замедляя ход, и останавливается у платформы. Разносятся запахи дыма, смазки и горячего металла.

Фигура на платформе подходит к первому вагону, и теперь Билли узнает умершего певца, научившего его песне. Перед тем как сесть в поезд, тот оборачивается и машет ему рукой.

Взгляд скользит вдоль окон вагонов. За каждым — лицо. Он узнает все. Все это известные ему люди, которые ныне мертвы: мать, бабка, дяди, двоюродные братья, две сестры...

Дора.

Дора единственная смотрит на него. Остальные глядят мимо — переговариваются, рассматривают пейзаж, нового пассажира... Дора смотрит прямо на него, а ее руки заняты защелками в нижних углах окна. Она дергает раму, пытаясь ее открыть.

Вновь звучит свисток. Поезд трогается. Билли обнаруживает, что бежит, — бежит за поездом, подбегает к вагону, к окну...

Поезд дергается, постукивает. Вращаются колеса.

Дора все еще возится с защелками. Вдруг окно начинает скользить вверх. Ее рот открывается. Она кричит, но слова теряются в шуме поезда.

Он кричит в ответ. Ее имя. Она теперь высовывается из окна, вытянув правую руку.

Поезд набирает скорость, но Билли уже почти догнал его. Он протягивает руку. Вероятно, их ладони разделяет какой-нибудь метр. Ее губы по-прежнему шевелятся, но он не слышит слов. Видение начинает плыть, создается впечатление, что она отпадает от него.

Он ускоряет шаг, и расстояние между их руками сокращается — два фута, фут, восемь дюймов...

Они жмут друг другу руки, и она улыбается. Некоторое время он бежит со скоростью поезда, а потом тот набирает скорость, и тут Билли осознает, что должен уступить.

Он разжимает руку и наблюдает, как та уносится прочь. Он падает.

Как долго он лежал? Когда он поднимает голову, поезда уже не видно. Нет путей. Нет платформы. Его вытянутая рука лежит в ледяном ручье. Идет снег. Он встает.

Мимо пролетают крупные снежинки. Ветер стих. Звуки воды приглушены. Он поднимает руку и в тишине пристально смотрит на нее, как на что-то новое и незнакомое.

Через длительный промежуток времени он поворачивается и опять находит тропу. И продолжает свое путешествие по ней.

Устало тащится. Сменяющие друг друга приподнятость и подавленность, под конец смешивающиеся. Поймать ее, а потом отпустить. Ехать по снегам на поезде-призраке Смохаллы. Еще один разрыв. Будет ли опять соединение?

Затем он осознал, что идет по громадному песчаному рисунку. Вся почва вокруг спланирована в стилизованной, многоцветной манере. Он вошел в отпечатки ног радуги, прошагал между Эт-хай-на-аши — Ходящих вместе. Это были близнецы, сотворенные во Втором мире Первочеловеком, Бегочиди, и остальные поднялись из Нижнего мира по этому пути. Сами эти рисунки использовались в Хожони, Пути Благословения. Тропа вела вдоль радуги к стеблю маиса, где она стала желтой, как пыльца. Потом вверх — вверх по стеблю. Небо озарилось яркой вспышкой, когда Билли проходил мимо радуги-женщины и перуна-мужчины. Пройдя между изображений Большой Мухи, он направился на север к желтым следам пыльцы.

Появиться, чтобы вновь встать на тропу, ведущую мимо устья большого каньона направо и дальше на север. Одинодинешенек, поющий. В падающем снеге была красота. Красота всюду вокруг него...

— *Восхищайся, пока можешь, следопыт.*

— *Кот? Ты же мертв! Между нами все кончено!*

— *Неужели?*

— *Я дотронулся до твоей конечности там, где ты упал. Она была окоченевшей и безжизненной.*

— *Как тебе угодно.*

— *Да никто и не мог бы выбраться из-под той кучи камней.*

— *Ты меня убедил. Я вернусь и смирно лягу.*

Билли оглянулся, ничего не увидев в каньоне, кроме снегопада.

— *...Но сперва я тебя разыщу.*

— *Это не будет слишком сложно.*

— *Рад слышать твои слова.*

— *Мне хочется завершить начатое. Торопись.*

— *Почему бы тебе меня не подождать?*

— *У меня есть тропа, которой надо следовать.*

— *И она важнее меня?*

— *Тебя? Теперь ты — ничто.*

— *Не слишком лестно. Да ладно. Если мы должны вновь встретиться на твоей тропе, мы встретимся на твоей тропе.*

Билли проверил оружие.

— *Тебе нужно было сесть на поезд,* — сказал он.

— *Не понимаю тебя, но это неважно.*

— *Важно,* — сказал Билли, обходя еще один камень и видя продолжение тропы.

Снежный вихрь танцевал над водой. Он услышал глухой звук одного-единственного удара по барабану.

...Голубое колдовство поднимает меня в руке.

Боль в плече утихла, осталось лишь тупое пульсирование. Проходя мимо затененных мест, он присматривался, гадая, не поджидает ли там зверь, чтобы наброситься на него, и понимая, что страх иррационален, поскольку перед ним находились отчетливые отпечатки. И зачем тому создавать себе проблемы и убегать назад по собственным следам, чтобы устроить засаду, когда ему нужна лишь секунда, чтобы повернуть назад и нанести при встрече сокрушительный удар?

Железный Медведь выругался, по-прежнему приглядываясь. Дыхание вырывалось изо рта клубами пара. Нос замерз, а глаза периодически начинали слезиться.

Желтое Облако был прав. Не возникало вообще никаких проблем с нахождением следа. Простой и прямой. Глубокий и отчетливый.

Что это за движение слева?

Ветер колышет кусты.

Он снова выругался. Действительно ли его предки водили военные отряды? Гены играют немаловажную роль...

— Джимми. Не ограждайся от меня!

— Не буду. Чарльз. Могу разделить компанию.

— Где ты? Что случилось?

— Я — в каньоне, следую за этой тварью.

— Мы здесь, в Аризоне, в гостинице около того места, где начинаются каньоны.

— Зачем?

— Чтобы помочь, если сумеем. Ты следуешь за зверем? А Желтое Облако с тобой?

— Был, но зверь сломал ему ногу. Подмога идет.

— Ты встретился со зверем?

— Ага. Здорово вывихнул плечо. Хотя пару раз в него выстрелил.

— Ты находился без сознания?

— Да.

— Я гадал, почему не мог некоторое время до тебя дотянуться. Ты устанавливал контакт с Сингером?

— Нет.

— А мы — да. Это совершенно сумасшедший индеец.

— Думаю, он знает, что делает.

— А ты знаешь, что делаешь?

— Полагаю, являюсь еще одним сумасшедшим индейцем.

— По-моему, тебе нужно выбираться. Ты же идешь по двум следам, а не по одному.

— Надеюсь, снег не занесет следы. Хотя, падая на землю, он тает. Это хорошо.

— Кажется, эта тварь тебя раз чуть не убила.

— Они меняют форму.

— Следы?

— Ага, и идут ближе к стене. Интересно, что это значит.

— Это значит, что тебе лучше стрелять во все, что движется.

— Здесь что-то влажное и полупрозрачное... Интересно, как выглядит кровь зверя.

— В любом случае, далеко ты ушел?

— Не знаю. Часы у меня сломались. Кажется, будто я иду вечно.

— Пожалуй, тебе лучше остановиться и отдохнуть.

— Черт, нет. Самое время побежать трусцой. У меня появилось ощущение: по-моему, я уже близко, и, по-моему, зверь ранен.

— Не хотелось бы мне находиться в твоем разуме, если он до тебя доберется.

— Пока не уходи. Мне страшно.

— Я подожду.

Следующие четверть часа Железный Медведь, чувствуя молчаливое присутствие Фишера, бежал вдоль складок стены. Они не беседовали до тех пор, пока он не замедлил шаг рядом с поворотом, чтобы перевести дыхание.

— Здесь зверь движется медленнее, крадучись. Но есть немножко этой полупрозрачной жидкости.

— Ты идешь медленно.

— Да. Я переключусь на невидимый свет и надену очки. Пригнусь и загляну за угол.

Последовало длительное молчание.

— *Ну?*

— *Ничего не вижу.*

Он направил фонарик на землю.

— *След снова изменился. Пойду по нему.*

— *Подожди. Почему бы тебе не прощупать?*

— *Я боюсь касаться его разума.*

— *Я бы гораздо больше боялся всего остального. Почему бы просто не прощупать его очень медленно и непринужденно? Просто поискать присутствие. Подкрадываясь ментально. Я помогу.*

— *Ты прав, но я сделаю это сам.*

Железный Медведь потянулся в боковой каньон, открывшийся перед ним. Сперва осторожно. Потом со все возрастающей силой.

— *Там ничего нет,* — сказал он. — *Я вижу след, но не чувствую зверя. Коли на то пошло, Сингера тоже. Наверно, они прошли дальше.*

— *Казалось бы...*

Он, медленно шагая и рассматривая приметы на почве, приблизился к углу. Отпечатки за поворотом изменились, образовав нечто вроде желобка. Тот сужался, расширялся, а закончился круглыми вмятинами.

Железный Медведь остановился, увидев, куда те ведут, и бросился вперед, заметив нечто отличное от камня. Отпечатки ног Сингера виднелись перед неровной пирамидой из валунов, рядом с торчащей конечностью. Прошло много времени, прежде чем он смог заставить себя отвалить несколько камней, и то лишь после тщательного прощупывания. Он занимался этим несколько минут, пока не вспотел и не сбил себе дыхание. Но наконец узрел глаз — сейчас тусклый — в гладкой неподвижной голове.

— *Он накрыл зверя,* — сказал Фишер. — *Он его пригвоздил.*

Железный Медведь не прореагировал.

— *Все кончено,* — произнес Фишер. — *Сингер победил.*

— *Он прекрасен,* — сказал Железный Медведь. — *Эта шея... глаз, словно самоцвет.*

— *Мертв,* — продолжал Фишер. — *Подожди, пока я проверю. Я скажу тебе, где подниматься. Мы пошлем кого-нибудь тебя подобрать.*

— *Но где Сингер?*

— *Полагаю, он знает, как о себе позаботиться. Теперь он в безопасности. Он объявится, когда будет готов. Поверь мне.*

— Я пойду за ним.

— Что? Зачем?

— Не знаю. Назови это предчувствием.

— Как ты его найдешь?

— Я начинаю постигать премудрость профессии следопыта. Не думаю, что это будет чересчур сложно.

— Все ведь кончено... и эта коварная местность...

— Пока его тропа шла по безопасным участкам. Кроме того, у меня здесь есть телефон.

— Не свихнись там тоже!

— Не волнуйся.

Он надел очки, перевел их в обычный спектр и пошел по следам Сингера — на север.

— На некоторое время я тебя покину, — сказал Фишер. — *Расскажу остальным. К тому же мне надо отдохнуть.*

На миг Железному Медведю почудилось, что слышится свисток паровоза, и он подумал о своем отце. Воздух наполнили пухлые снежинки. Он прикрыл нос и рот кожаной перчаткой и пошел дальше.

Мерси Спендер

услышав известие,
она открыла бутылку джина,
взятую с собой,
и налила в стакан, не разбавляя,
мурлыкая все это время «Камень веков»,
чувствуя, что ответственность снята,
выражая благодарность,
решая, какую книгу почитать
и что связать
во время выздоровления;
произнесла пару слов
за упокой души Уолтера Сендса,
которого видела перед собой в стакане,
внезапно встряхнула головой.
«Спи спокойно», — сказала она
и выпила стакан залпом,
а когда пошла налить следующий,
стакан каким-то образом разбился,
а ей очень захотелось спать,
и она решила отправиться на боковую
и сохранить значительную часть
на завтра.
Сон у нее был тревожный.

Алекс Мансин

услышав известие,
перенесся домой,
игра закончилась,
его команда победила опять;
а после прощания с остальными
и транспортировки
он навестил свою свору

и какое-то время играл с собаками,
гладкими, скулящими и лижущимися —
их привязанность к нему его согревала, —
а потом пошел к своей консоли,
поставив по правую руку
стакан теплого молока,
предпринимая действия
по поводу множества поступивших посланий;
чересчур взвинченный, чтобы спать.
Мысли о недавнем деле
врывались в разум и уносились,
будто щенки;
и улыбка Уолтера Сендса,
казалось, мелькнула на миг
на экране,
когда он читал список биржевых котировок
и забавлялся с парой сувенирных костей,
которые обнаружил в нижнем ящике
туалетного столика в кабинете.

Элизабет Брук

захотела трахаться,
была удивлена
силой этого ощущения,
но осознала, что темп
и напряжение предыдущих дней,
внезапно спавшие, требуют
некоего физического выхода;
так что она попрощалась с остальными
и перенеслась в Англию,
чтобы позвонить своему другу
и пригласить того на чай,
поговорить о ее недавних переживаниях,
послушать какую-нибудь камерную музыку
и успокоить призрак Уолтера Сендса,
который тревожил ее
не на шутку.

Чарльз Диккенс Фишер

в своем номере в «Вигваме Птицы Грома»
с чашкой кофе

смотрел в окно на снегопад,
думая о своем зяте
и индейцах
в вестернах, которые он видел,
и выживании в дикой природе,
и огромном мертвом звере,
чей образ он заставил появиться
перед собой на лужайке
(напугавший одну пару на той стороне,
которая случайно в тот момент выглянула),
воскрешенный в памяти по видеофильму,
который он вызвал раньше.
Глаз сверкал,
словно уотерфордский хрусталь,
клыки напоминали сталактиты.
А потом он прогнал его
и создал образ Уолтера Сендса
в натуральную величину,
сидящего в кресле
и смотрящего на него,
а когда он спросил:
«Как тебе нравится быть мертвым?»,
Сендс пожал плечами и ответил:
«Есть свои плюсы,
Есть свои минусы».

Идти. Вдоль западной кромки каньона, направляясь на северо-восток. Свернуть, взяв курс севернее. В сторону от каньона, через снега, к деревьям.

Путь привел его к воде и стене. Ветер здесь был силен, хотя снегопад уменьшился до случайных редких снежинок.

Он продолжал держаться. Где-то впереди, в деревьях или за ними, вой койота. Запах леса доходил до него по мере приближения — и треск сучьев.

Прежде чем войти в лес, он разок оглянулся. Казалось, над самой кромкой каньона поднималось зеленоватое свечение. Через мгновение оно скрылось из виду из-за снежного вихря, а потом Билли окружили деревья, и ветер ослаб.

Когда он раздвигал ветви, с них с хрустящим стеклянным звуком падали льдинки. Создавалось впечатление совершенно иного места — места постоянных сумерек и холода, где он охотился на тех, кого он назвал ледяными медведями. В любой момент мог донестись пронзительный свист медведей, а потом у него было лишь несколько мгновений, чтобы возвести барьер и зажечь паралитический костер, прежде чем стая завертится вокруг него. Затем передвинуть барьер, чтобы уберечь упавшего от пожирания своими сородичами. Вызвать челнок...

Он глянул наверх, отчасти ожидая увидеть, как тот сейчас снижается. Но во всех направлениях виднелись лишь перламутрово-серые складки облаков. Данная охота совсем другая. Существо, которое он искал, взять будет не так просто, да и не победить его с помощью ограждения. Тем интереснее.

Он перешел ручеек с заиндевевшими берегами, и тропинка резко свернула, следуя вдоль потока через сухое русло реки, где кто-то рассматривал его зелеными глазками из не-

большой пещеры. По мере приближения тропа пошла в гору, а деревья поредели.

Путь повел его затем налево, по-прежнему вверх по склону холма. Билли забирался все выше и выше, пока наконец не оказался на вершине гряды, с которой открывался вид на всю округу. Тут он остановился, всматриваясь в черный север, куда тянулась тропа, насколько он мог видеть при диковинном полуосвещении, сопровождавшем его в этом путешествии. Открыв сумку, он бросил на тропу перед собой пыльцу. Потом повернувшись к голубому югу, к проему в земле, из которого он вышел, тоже бросил пыльцу, впервые заметив, что позади него тропа отсутствовала, что путь к этому месту исчезал, пока он по нему шел. Билли почувствовал, что не в силах будет сделать даже шаг в том направлении, если и попытается. Не было возврата по тому пути, которому он следовал.

Он встал лицом к желтому западу — месту, где день сворачивался и закрывался. Бросая пыльцу, он думал о концовках, о границах циклов. Потом на восток, думая обо всех утрах, которые он познал, и о следующем, которое оттуда появится. Видя очень далеко на восток с необычайной ясностью, он думал о крае, по которому двигался его взор, добавляя черты из внутреннего ландшафта памяти, гадая, почему ему когда-то захотелось отринуть Денету, представлявшую столь большую его часть.

Как долго он смотрел на восток, трудно сказать. Внезапно воздух вокруг головы наполнился кружащимися частичками света под аккомпанемент тихого жужжания. Будто рой мелькающих светляков. Вдруг они устремились направо. Он воспринял это как своего рода предупреждение — и взглянул направо.

Невдалеке среди деревьев двигалось зеленое мерцание. Билли отвернулся, вновь остановив взор на тропе, а потом зашагал по ней. Вскоре он уже бежал — льдинки, сбрасываемые порывами ветра и образующие эфемерные облачка, жалили его лицо. Однако снег не скрывал тропу, проглядывавшую сквозь любую преграду совершенно отчетливо. Продолжая прослеживать ее взглядом на расстоянии, Билли увидел, что она ведет, изгибаясь налево, в сухое русло реки. Похоже, в этом месте оно сужалось. Проследовав дальше, он увидел, что сужение продолжалось до тех пор, пока тропа не стала шириной с рождественский серпантин, лежащий посередине скло-

на. Странно: тот отрезок, который он проходил, не казался уже, хотя он знал, что давно миновал ту точку, где началось сужение. Вместо этого Билли обнаружил один новый феномен.

Сперва сухое русло показалось глубже и длиннее, чем оно производило впечатление изначально. Однако, пока он углублялся в него, само это место стало казаться просторнее — громадный каньон с высокими стенами. И чем дальше продвигался Билли, тем отвеснее становились стены, тем большее расстояние разделяло их. К тому же теперь ущелье оказалось усеянным массивными валунами, которых поначалу не было видно. Но красный путь, по которому он следовал, оставался таким же. Никаких признаков сужения, замеченных ранее.

Огромное белое колесо пролетело мимо — рельефное и блестящее, пятиконечное, как морская звезда. Тотчас же еще одно медленно проплыло над головой, снижаясь. Он осознал, что это снежинка.

Каньон был больше каньона дель-Муэрто, гораздо больше. Временами стены, отступавшие на значительные расстояния, вообще исчезали из виду.

Билли ускорил шаг, побежал, перепрыгивая через крупные камни. Он поднялся на один холм и обнаружил перед собой массивную прозрачную гору — ее призматические поверхности отбрасывали радуги под необычными углами. Потом он спустился к ней и увидел то место, где тропа входила в отверстие в ее склоне — рваный пролом в камне и блеске, словно черная молния пробежала с трети ее высоты вниз, до самой земли.

Порыв ветра подхватил его, и Билли помчался дальше. Снежинка рухнула на землю, словно упал дом. Он пробежал по поверхности небольшого озерца, колебавшейся под ним.

Гора становилась все ближе, все выше. Наконец он очутился на расстоянии, достаточном, чтобы заглянуть в громадный проем, и увидел, что тот сияет как внутри, так и снаружи, стены влажно искрятся, образуя остроконечный шатер, сходящийся к некой невидимой точке высоко наверху.

Он рванулся внутрь и тотчас же замер. Рука потянулась к ножу еще до того, как он осознал, что мужчины, окружающие его, — многочисленные отражения в блестящих стенах. А тропа разбегалась во всех направлениях...

Искаженные образы.

Билли наткнулся на стену, провел ладонями по ее поверх-

ности. Казалось, тропа уходила прямо вперед, но теперь он видел, где реальное лишь на вид соединяется с иллюзорным. Он мог теперь разглядеть, что тропа ускользает вправо.

Три шага — и еще одна стена! Этого не может быть. Тропе некуда деваться. Здесь она шла непосредственно вперед, без каких-либо отклонений — хоть отраженная, хоть нет.

Билли протянул руку, ощутил стену, исследовал ее. Отражение передразнивало его движения.

Вдруг — пустота. Рука проскочила вперед, и он понял, что лишь верхняя часть пути закрыта. Он встал на четвереньки и продолжил путь.

Пока он полз, окружавшие его отражения стушевывались. Какое-то время уголком глаза он видел себя справа будто медлительного неуклюжего медведя, идущего с ним вровень. Он быстро бросил взгляд налево. Олень — шестиконечные рога, темные глаза настороже, ноздри подрагивают. Многократные отражения слились в нечто, что являлось медведем, оленем и человеком — чем-то первобытным, прокладывающим себе путь, как Первочеловек, через узкие и темные тунели вверх, к новому миру.

Отражения впереди показывали, что пространство наверху вновь становилось обширнее, путь вел через узкую и высокую готическую арку. Заметив это, Билли встал на ноги, а образы животных исчезли, не оставив ничего, кроме бесконечных отражений его самого со всех сторон. Впереди искрилась вся гамма цветов разнообразной насыщенности. Он пошел дальше, а увидев впереди выход, побежал.

Освещенный участок по мере приближения, похоже, стал чуть меньше. Отражения, бежавшие рядом, теперь видоизменялись призмами и тенями. И он заметил, что все они по-разному одеты: одно мчалось в скафандре, другое — в вечернем костюме, еще на одном была лишь набедренная повязка. Какое-то отражение бежало голым. На другом красовалась парка. Одно носило голубую вельветовую рубаху, о которой он давно забыл, ремень с литой раковиной, стягивающий ее на талии. Вдалеке он увидел себя мальчишкой, неистово бежавшим и размахивавшим руками.

С улыбкой Билли выбежал в проем, следуя красному пути. Возникли и приблизились к нему стены каньона, становящиеся ниже по мере его продвижения.

Он остановился и посмотрел назад.

Не было никакой сияющей горы. Он возвратился по своим следам на дюжину шагов назад и, наклонившись, поднял обломок камня с расколотым кристаллом кварца, лежавший на земле. Поднес его к глазам. Внутри танцевала радуга. Он сунул обломок в карман с ощущением, будто тот содержал в себе половину времени и пространства.

Он бежал потом около часа, кристаллики льда царапали лицо, словно когти котов — камни и ветви деревьев. Замерзшая земля издавала под его ногами звуки, напоминающие сгибание целлофана. На склонах холмов, похожие на скрюченные пальцы, лежали полосы снега. Кусок неба просветлел, и поблизости прогрохотал гром. Путь вел в горы, и вскоре он начал восхождение.

Когда я зову,
они приходят ко мне
из Горы Тьмы.
Трубопроводы пересекают ее,
спутники пролетают над ней,
но я держу землю перед собой,
и все существа, которые охотятся на ней
и на которых охотятся.
Я следовал за Народом
на протяжении эпох,
давая добычу надлежащему охотнику
в надлежащее время.
Однако охотящиеся сами на себя
подпадают под особую категорию.
Такие извращения были неизвестны
в стародавние времена.
Но ты всегда не настолько стар, чтоб учиться,
и именно это делает работу увлекательной
и сохраняет меня чернокрылым. На-йа!
Итак из Горы Тьмы:
Пошли концовку.

И восхождение. Все странно. Он потерял след времени и пространства. Порой местность буквально скользила назад, а в других случаях, казалось, он затрачивает века, чтобы покрыть небольшое расстояние. Путь вел его среди гор. Он уже не был уверен относительно того, где точно находится, хотя не сомневался, что по-прежнему направляется на север. Снег перешел в дождь. Дождь начинался и прекращался. Тропа еще раз взмыла вверх и повела по горным перевалам. В некоторых местах мимо бежали ручьи, и он проходил через узкие горловины, прижавшись спиной к камню; кончики пальцев и пятки — единственная опора. Тучи иногда очерчивались яркими линиями, которые мгновения спустя стирались серостью.

Он пролез через расщелину столь узкую, что пришлось снять ранец и куртку, а идти боком. Та резко обрывалась слева, и Билли понял, что мог бы не заметить пропасть даже при дневном освещении, если бы его не вела тропа. А затем путь вновь стал шире, напоминая брачные движения веретенообразных анклаваров в мире, называвшемся Байу.

Свернув за поворот и размяв оцепеневшие мышцы, Билли остановился. Что это за местность? Тут находились развалины какого-то здания, построенного в лицевой грани скалы справа от него. Дальше впереди — еще, там, где каньон продолжал расширяться. Руины из камня и необожженного кирпича не были ему знакомы, хотя некогда он думал, что ему известны почти все. Его подмывало приостановиться для краткого исследования, но вновь начал бить барабан, а тропа побежала к еще большим высотам.

Каньон повернул направо, дно поднималось, а стены отступали. Вокруг появлялось еще больше развалин. Название «Лукачукай» пронеслось у Билли в голове, когда он вспомнил рассказ о потерянных руинах анасаси. Ветер стих, а пульсация

барабана участилась. Темные фигуры мелькали за разрушенными стенами. Он уставился на возвышенную ровную площадку перед собой — и увидел конец тропы. Озноб пробежал по всему телу, волосы встали дыбом.

Билли сделал шаг вперед, потом еще один. Он двигался осторожно, медленно, будто почва могла в любой момент расступиться у него под ногами. Хотя все верно, не правда ли? Конечно. Любая тропа кончается так же. Почему эта должна отличаться? Если ты преследовал кого-то всю его жизнь — с первого нерешительного шага до последнего нерешительного шага, — конец всегда один и тот же... Тропа заканчивалась под выступом скалы перед пустым взором побуревшего от времени человеческого черепа.

Ритм барабана изменился. Ма-и, Трикстер, Койот, Бродящий-вокруг, глядел на него из-за угла ближайшей развалины. Йеи белой радуги образовал дугу от вершины одной стены каньона до другой. Теперь раздались трещотки, аккомпанировавшие барабану. Зеленый стебель пробился из земли, поднялся вверх, выпустил листья, а затем красный цветок.

Билли двинулся дальше. Когда он подошел, показалось, что череп слегка дернулся вперед. Внутри что-то замерцало, потом все отверстия в нем засветились бледно-зеленым светом. Далеко справа Койот внезапно издал низкое рычание.

Когда он приблизился к концу тропы, череп отклонился назад и повернулся чуть вправо, направив глазные впадины прямо на него. Раздался резкий дребезжащий голос:

— Узри своего чинди.

Билли остановился.

— Я раньше играл в европейский футбол, — сказал он, улыбаясь и занося для удара ногу. — Те два камня у развалины могут сойти за штанги.

Земля перед ним изверглась вверх. Череп взлетел примерно на фут выше его головы. Череп сидел на плечах массивной обнаженной мужской фигуры, которая выросла перед ним, словно цветок. Зеленое свечение плясало вокруг нее.

— Существо-тень! — воскликнул Билли, снимая с плеча оружие.

— Да. Твоя тень. Стреляй, если угодно. Это тебя не спасет.

Продолжая движение руки, Билли перевернул обрез и сильно ударил прикладом по черепу снизу вверх. Череп с хрустом развалился, и осколки посыпались на землю. Туловище

упало на одно колено, руки вытянув вперед. Одна крупная ладонь схватила оружие и вырвала его у Билли. Затем бросила обрез через плечо, и тот с грохотом упал на камни каньона и исчез из виду.

Левая рука вцепилась в запястье Билли и сжала его, будто стальной обруч. Он нанес удар по бицепсу противника ребром левой ладони. Это не произвело заметного воздействия, так что он вытащил охотничий нож и вонзил его в безголового — в мягкое место под левым плечом. Внезапно его запястье высвободилось, а существо перед ним начало падать назад, подтянув колени к груди и обхватив их руками.

Билли наблюдал, как оно катилось прочь, темнея, теряя характерные черты, сжимаясь и производя хрустящие звуки при передвижении по гальке и песку. Вот превратилось в большой круглый валун, теперь сбавивший скорость...

Валун остановился метрах в пятнадцати, а потом медленно начал разворачиваться в новую форму. Выпростал конечности и образовал голову, хвост...

Глаз.

Кот стоял лицом к лицу с ним в каньоне потерянного города.

— *Продолжим с того места, где мы остановились, когда нас прервали,* — сказал он.

Мерси Спендер подкинуло во время глубокого сна без сновидений. Она заорала, но крик заглох внутри нее. Происходящее было искаженным, хотя близко знакомым. Она свернулась в позу зародыша и накрылась с головой одеялом.

Алекс Мансин гонял цифры на видеоконсоли, когда нечто поразило его. Перед глазами все поплыло и затуманилось, и он подумал, что его хватил удар. А потом осознал, что произошло, и не стал этому сопротивляться, поскольку любопытство в нем оказалось сильнее страха.

Элизабет Брук извивалась из стороны в сторону. С каждой секундой становилось все приятнее. Всего через несколько мгновений... Ее разум тоже начал извиваться, и она завизжала.

Фишер общался с Железным Медведем, когда разразилась ментальная буря и их всосало в иное состояние сознания.

— *Что за черт?* — спросил он.

— *Нас опять стягивает вместе,* — ответил Железный Медведь.

— *Кто этим занимается?*

— *Сендс. Разве ты его не чувствуешь? Как сломанный магнит, восстанавливающий сам себя...*

— *Красивый образ. Но я все еще не пони... А!*

Рыв вз. Раз выр.

пепел падает обратно в костер, огоньпламя вдоль

через ночь дугой на восток стянутая вмст радума четверо содержащие птго опять собирающегося пружина толкающая вверх под змлей снега облака сортирующие влагу яркие остря зплнщие ткщую воду пстглзые развалины перед ножом-

вооруженным человеком и скалепривиденным зверем потерянными в этом городе предков мы выходящие бесконечно разворачивая мыслипокрывающую контреально сть мо внисейчас за субстанции ика эссенции а над огнемпламенем водыпоток и воздухадуновенье мыя спускаем воду в сортире мира и позволяем спирали сохранить мщь под волнами мчащими джинсы стросс ливайз завернутые в эбинг краффт бумагу заполнить человекотень в миртеней он путе шествует и мя огоньпламя ямы как заполнить круговорот и возврат и повтор вдоль человекаформы вытягивает смго сбя

огоньпламя вдоль

рыв

Он стоит, согнувшись, с ножом в левой руке. Совершает медленные движения оружием: поворачивает его, поднимает, опускает, надеясь на пару мгновений приковать внимание глаза. Зверь делает шаг вперед. Зеленый свет пойман фасетками. Завораживает ли лезвие каким-либо образом?

Зверь делает еще один шаг.

Идет слабый дождь. Билли не знает, когда точно тот возобновился. Постепенно дождь усиливается.

Еще один шаг...

Его правая рука движется к пряжке на ремне и хватается за нее. Он поворачивается, чтобы выставить левое плечо, продолжая движение лезвия.

Еще один шаг...

Язык у зверя высовывается и прячется. Что-то неправильно. Размер? Манера двигаться? Холодное отсутствие спроецированных чувств, когда он общается?

Еще шаг.

По-прежнему немного далековато для прыжка... Он слегка разворачивает корпус, расстегивает пряжку и плавно уводит руку дальше налево; при таком угле поворота туловища движение замаскировано концом куртки. Читает ли зверь в данный момент его мысли?

Он вновь начинает песнопение Пути Благословения — мысленно, чтобы заполнить сознание. Кажется, что-то у него внутри подхватывает песню. Она легко льется у него в груди, без всяких усилий текут аккомпанирующие чувства.

Еще...

Скоро. Скоро бросок. Правая ладонь ложится на приклад тазера.

Почти...

Еще два шага.

Один...

— *Сейчас время перерезания глотки...*

Два.

Билли вскидывает оружие и стреляет. Он попадает в цель, и зверь, оцепенев, останавливается.

Он бросает тазер, перекладывает нож в правую руку и кидается вперед.

И замирает за несколько шагов до зверя, поскольку тот начинает таять, превращаясь в пар. Через считаные мгновения фигура возгоняется, а пары собираются в небольшое облачко метрах в трех над землей.

Опустив нож, Билли поднимает голову.

Дымоподобное, оно плывет теперь налево, к громадной куче камней, оставшейся после древнего оползня. Он идет следом, наблюдая, выжидая.

— *Ловкий трюк.*

— *Я — не зверь, которого ты убил. Я — то, что ты не можешь уничтожить. Я — все твои страхи и слабости. И теперь я сильнее, поскольку ты от меня убегал.*

— *Я не убегал от тебя. Я следовал тропе.*

— *Какой тропе? Я не видел ничьих следов, кроме твоих.*

— *Это причина того, что я нахожусь в этом месте, и предполагаю, что я — причина того, что ты находишься здесь.*

Дым прекращает двигаться, паря над горой камней.

— *Конечно. Я — часть тебя, которая тебя уничтожит. Ты слишком долго меня отвергал.*

Дым начинает принимать новую форму.

— *Я больше не отвергаю тебя. Я смело посмотрел в лицо прошлому и нахожусь с ним в мире.*

— *Слишком поздно. Я стал автономен при созданных тобой условиях.*

— *Тогда деавтономизируйся. Возвращайся туда, откуда появился.*

Форма превращается в нечто человекообразное.

— *Не могу, поскольку ты не в мире с прошлым. Как и у Кота, у меня теперь только одна функция.*

— *Кот мертв.*

— *...А мне не хватает чувства юмора.*

Форма продолжает преобразовываться.

Билли видит свою точную копию, так же одетую, держа-

щую нож — дубликат его собственного, — смотрящую на него. Двойник улыбается.

— *Как же тебя развлечь?*

— *Я получаю удовольствие от одной своей функции.*

Билли поднимает острие ножа вверх.

— *Тогда чего ты ждешь? Спускайся и выполняй ее.*

Двойник поворачивается и прыгает влево от него, приземляясь на дальний склон горы камней. Билли бросается вокруг нее, но к тому времени, когда он добегает, другой уже встает на ноги. Он вытирает лоб свободной рукой, поскольку по-прежнему льет дождь. Затем низко приседает, согнув колени и выставив вперед обе руки. Двойник делает то же самое.

Билли отступает, тогда как другой наступает, затем смещается направо, отвлекая внимание противника, и начинает двигаться по кругу. Он быстро осматривает почву под ногами, надеясь завести другого на скользкое место. Пока его взгляд шарит по земле, двойник совершает выпад. Он блокирует его левым предплечьем и сам наносит удар в туловище. Острие лезвия противника распарывает рукав куртки и вонзается в руку. Билли уверен, что его нож глубоко вошел в левый бок противника, но двойник не показывает никаких признаков этого, да и крови не видно.

— Начинаю тебе верить, — говорит он вслух, ощущая, как его собственная кровь увлажняет руку. — Вероятно, я не могу убить тебя.

— Верно. Но я-то могу убить тебя, — отвечает другой. — И я тебя убью.

Билли парирует еще один выпад, сам попадает по щеке. Раны не появляется. Крови нет.

— Так почему же ты не сдашься? — спрашивает другой.

— Предлагаешь бросить нож и послать все к черту?

— Я бы тебя убил.

— Ты же говоришь, что убьешь меня, неважно, буду я драться или нет?

— Да.

— Тогда я могу и драться, — говорит Билли, вновь нанося удар, парируя, рубя ниже, отходя, коля выше, кружа.

— Почему?

— По традиции воина. Почему бы нет? Это же самый лучший поединок на свете.

Отступая от новой атаки, он чуть не спотыкается, когда

правая нога упирается в камень размером с яблоко. Но он сохраняет равновесие и отшвыривает камень назад как нечто надоевшее. Потом бешено начинает рубить и колоть, останавливая противника. Затем делает широкий шаг назад, ставя ногу так, чтобы...

Он как можно сильнее бьет ногой по камню в направлении двойника. Камень летит, будто выпущенный из катапульты, с характерным звуком попадая в коленную чашечку.

Противник наклоняется вперед, опуская нож. Голова занимает соблазнительное положение, и Билли изо всех сил наносит боковой удар в челюсть.

Двойник падает на левый бок, и Билли бьет ногой по держащей нож руке. Лезвие со звоном опускается вдалеке на камни. Он, высоко занеся свой нож, бросается на упавшего противника.

Когда он опускает лезвие вниз, к горлу, противник выкидывает левую руку и пальцы обхватывают его запястье. Рука Билли останавливается, будто наткнувшись на стену. Давление, оказываемое на запястье, неимоверно. Затем поднимается правая рука, и он каким-то образом понимает, что та нацеливается на его горло.

Он проводит еще один удар левой в челюсть двойнику. Голова откидывается в сторону, и захват слегка ослабевает. Он бьет еще и еще. Потом ощущает под собой какое-то мощное движение.

Противник подгибает ноги, наклоняется вперед и начинает подниматься, таща его за собой. Билли бьет еще раз, но это, по-видимому, не играет никакой роли. Движение поднимает их обоих на ноги, и левая рука двойника снова тянется вперед. Билли вцепляется в запястье, ему с трудом удается остановить надвигающуюся руку. Он как можно сильнее отталкивает ее, но сам не способен сделать выпад рукой с ножом.

Потом постепенно противник отодвигает его левую руку назад. Возникает ощущение, что правое запястье вот-вот будет сломано.

— Вы, чинди, сильные ублюдки...

Тот рычит и выворачивает ему кисть. Билли наносит удар коленом в пах. Двойник мычит и сгибается пополам. Нож Билли немного продвигается вперед.

Но пока другой все еще согнут, Билли смотрит за него и начинает петь песню, которой научил его старик, вызывая Ик-

не-этсо, Большой Гром, вспоминая то, как он перекачивал силу из песчаного рисунка в свою руку.

Смотрит...

Сперва туда, где стоит тотем — снизу те же самые четыре фигуры, но теперь столб духов венчает смутный пятый образ, становящийся все более отчетливым и сияющий сверхъестественным светом. Кажется, тот ему улыбается.

— *Я вижу, ты решил поиграть. Хорошо,* — похоже, говорит он, а потом столб начинает удлиняться, вытягиваясь к теперь прояснившимся небесам, затем туда, где радуга изгибается полным спектром.

А его взор продолжает двигаться вверх, к вершине радуги. Там он видит Воинов-Близнецов, глядящих на него, как и в том случае, много лет назад. Над ними кружит некая темная фигура.

Найенесгани натягивает тетиву на свой большой лук. Вставляет стрелу, отводит ее немного назад и начинает поднимать лук. Темная фигура снижается, и Черный Бог садится на плечо Найенесгани.

Двойник усиливает захват и выкручивает руку, нож выпадает у Билли из ладони. Он ощущает, что кровь струится по его левой руке, а силы начинают иссякать. Противник притягивает его к себе. Он продолжает произносить слова песни, зовя...

Теперь столб достигает неимоверной высоты, а фигура наверху — мужчина по пояс — поднимает правую руку и опускает левую, указывая на него. Он тянется, тянется...

Бой барабана становится громче, учащается. Звуки трещоток, напоминающие град.

Несмотря на последнюю попытку оттолкнуть двойника, тот удерживает свою позицию и стискивает Билли, обхватив обеими руками. Но Билли продолжает выдавливать из себя слова.

Найенесгани до конца натягивает тетиву и выпускает стрелу — с одновременным движением левой руки вперед. Мир взрывается во вспышке, более яркой, чем солнечный свет. В этот миг Билли понимает, что вошел в своего двойника, а двойник вошел в него, что он слился с отделенным «я», что разбросанные кусочки его самого встали на место, вновь образовали целое, что он победил...

И это все, что он понимает.

ДИСК IV

КОМПЬЮТЕР БАНКА «НОВА-СКОТИЯ» ОТКАЗЫВАЕТСЯ В СУДЕ ОТ ЗАЩИТНИКА

ДОГОВОР О ТОРГОВЛЕ СО СТРАГИЕЙ СКОРО СТАНЕТ РЕАЛЬНОСТЬЮ

ДЕЛЬФИНЫ ПОКИДАЮТ ЗАЛ СУДА

ИМЖ СООБЩАЕТ О ПРОПАЖЕ МЕТАМОРФА

Теперь ты идешь по тропе один.
Кем ты теперь стал, мы не ведаем.
Какой теперь твой клан, мы не знаем.
Теперь уж ты не от мира сего.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ДАЕТ ПРЕМЬЕРУ СИМФОНИИ «ЛЕВИАФАН»

Чарли, пожилой кит-горбач, обосновавшийся в Скаммонской лагуне, услышит первое исполнение своего опуса с помощью спутниковой связи через высококлассные колонки, установленные под водой. Хотя он отказался комментировать репетиции, Чарли, по-видимому

БОРЦЫ С НАЛОГАМИ НЕ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ

Когда изрешеченное пулями тело клона их лидера было найдено в Ист-Ривер, ситуация потенциального бунта была избегнута лишь временно

КОСТРЫ, РАЗВЕДЕННЫЕ В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА, ВЫЗЫВАЮТ ПАНИКУ ИНОПЛАНЕТЯНАМ СДЕЛАНО ЗАМЕЧАНИЕ

Пара туристов с Джетакса-5, где культура славится эксцентричным чувством юмора, находящиеся

**ГЕНЕРАЛ ПОЛУЧАЕТ
НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ МИРА**

...ползком он добрался до укрытия. Прислонился спиной к стене и окунул палец в кровь. Вытянув руку

**СТАИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРАВЛЕЙ
БУДУТ СОКРАЩЕНЫ**

Будут выдаваться разрешения на отстрел для борьбы с проблемой перенаселения в стаях некогда очень редкого журавля, который теперь превратился в помеху. «Разве могут нормальные американцы спать при таком шуме?» — жалуются местные жители

**ОБЕЗУМЕВШИЙ ЗАВОД КРУШИТ СВОЮ ПРОДУКЦИЮ
В ТЕЧЕНИЕ ВОСЬМИ ЧАСОВ СДЕРЖИВАЕТ
НАЦИОНАЛЬНУЮ ГВАРДИЮ
ЗАЛОЖНИКИ ОСВОБОЖДЕНЫ ЦЕЛЫМИ
И НЕВРЕДИМЫМИ**

Старый педик из Кентрионар
Спирт на член свой сумел расплескать,
Его бросило в жар.
Не хватил чуть удар.
Он не кончил, а начал орать,

**КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПСИХИАТР
ОБВИНЕН В НЕБРЕЖНОМ ЛЕЧЕНИИ**

**ЧЕРНАЯ ДЫРА
БУДЕТ ВЫСТАВЛЕНА НА АУКЦИОНЕ**

В следующую среду на аукционе «Сотби» в Парк-Бернете

ВЛАЖНАЯ ВЕСНА ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА НАЦИИ

темп заполняющий через вод ивниз если по еданье после огоньтеченье свысот вер но невер но о сендс слияние каждого сендс ом сендс сендс сендс наши лесендсные часы бежит по дней рулетке высек огонь ивнизв ечносужащиеся туннели бы-

тия мы идем огоньтеченье врозь в рос в ечносновидящие новоя сновидеденья тронул шамана разума под бусиной огоньтеченье через ветромвынутые дни ивниз условия существованья сфокусированные заново линзами огняпотопа преследуемое я настигнуто дождьвлага снегпорыв ветерразрез деньвыпад ножудар огоньпоток суть преследуемое и преследующее я ландшафт сномсказанный под землей сознанья сквозь сердце звезд тот по бегущий прежнему распускающийся вечнобег навечнобег еще навеки как гбы что шлуют молнию твореньежар вечнотеченье огоньтотем врозь в рос в начало навеки и бежит

Мерси Спендер, проснувшаяся с желанием выпить чаю и сходить на собачьи бега — странная мысль, — позвонила Фишеру и попросила его пообедать вместе с ней. Потом приняла душ, оделась, причесалась и впервые со времен начала своей певческой карьеры подумала о косметике.

Фишер копался в мыслях, прикидывая, не стать ли ему чуть более стильным. Как давно он не бывал ни в одной художественной галерее? И кстати, — изучая себя в зеркале, — следует отпустить более длинные волосы.

За окном прояснялся новый день, снег таял, капала вода. Он напевал один мотив — услышанный от Железного Медведя, — и теперь подумал о нем. Этот ритм не так уж плох.

Алекс Мансин решил уйти в монастырь в Кентукки, о котором от кого-то слыхал. Денежный рынок позаботится о себе сам, а собак будет кормить и холить псарь, бедняга.

Железный Медведь повернулся и бочком пролез через узкую, заваленную камнями расщелину между отвесными склонами. По мере продвижения его способность читать знаки на тропе становилась все лучше и лучше, вероятно, превосходя ту, какая была у него в давно забытые дни в «Воротах Арктики». Теперь, войдя в каньон, он почувствовал, что приближается к концу тропы.

Он не остановился, чтобы изучить окружающие его развалины, а направился прямо к месту посреди обожженных кустов и трав, где следы на земле говорили о происшедшей схватке. Железный Медведь сел на корточки и долгое время оставался неподвижным, изучая землю. Осколки бирюзы, засохшая кровь... Что бы здесь ни случилось, борьба была яростной.

Наконец он поднялся и повернул к руинам слева от себя. В той стороне кто-то полз или кого-то тащили. Он открыл разум и тщательно все прощупал, но не мог ничего обнаружить.

Когда он подходил к развалинам, смутные образы проносились в его сознании. До этого он являлся частью той сущности, которую дух Сендса сформировал здесь при крайне символических обстоятельствах, ощущал расширение телекинетической мощи, почувствовал взрыв. А после этого события — ничего. В той самой точке он был опустошен, чтобы продолжать и дальше идти по следу.

...И тут увидел его, прислонившегося к стене у угла развалившейся постройки. Сперва Железный Медведь не мог разобрать, дышит ли он, хотя глаза были открыты, а взгляд устремлен направо.

Подойдя ближе, он увидел пиктографию, которую Сингер нарисовал на стене собственной кровью. Она представляла собой большой круг с парой точек внутри, рядом друг с другом, примерно на трети диаметра сверху. Ниже под ними находилась выгнутая концами наверх дуга.

Вздохнув, Железный Медведь покачал головой: это было нечто редкостное, нечто могучее. Подобно бизону, оно, вероятно, не выживет. Жизнь — игра. Но именно сейчас, в данный момент, прежде чем он подошел и разрушил чары ощущения, что-то существовало. Напоминавшее бизона.

Высоко на горе огня
в потерянном городе Предков,
огонь падает справа от меня,
слева от меня,
перед, над и подо мной, позади меня.
Я встретил чинди своего «я»,
«я» своего чинди.
Назову ли я теперь себя по имени,
поглотив его?

Я иду по тропе радуги.
В некое время льда и огня
в потерянном городе Предков
я встретил чинди своего «я»,
превратился в «я» своего чинди.
Я прошел через миры.
Я повсюду охотник.
Мое сердце было разделено
на четыре части
и поглощено ветрами.
Я вновь их обрел.

Я сижу в центре целого мира,
испуская свою песню.
Повсюду я дома,
и все мне возвращено.
Я следовал тропой своей жизни
и в конце концов встретил себя.
Вокруг меня красота.
Найенесгани зашел за мной
в Дом Тьмы,
отбрасывая в сторону своим посохом
искаженное и перевернутое.
Темный Охотник помнит меня,

Койот помнит меня,
Небесный Народ помнит меня,
этот край помнит меня.

Предки помнят меня,
я вспомнил себя,
взойдя в этот мир.
Я сижу на огромном песчаном узоре
Денеты — здесь, в ее центре.
Ее сила помнит меня.
Койота зов из-за преграды тьмы...
Я поглотил себя и стал сильнее.
Вокруг меня красота.
Передо мной, позади меня, справа
и слева от меня
маисовая пыльца и радуга.
Белое колдовство поднимает меня в руке.

Танцор в сердцевине всего сущего
крутится передо мной, словно демон пыли.
Моя бусина-молния разбита.
Я высказал собственные законы.

Мой единственный враг,
мое «я», вновь рожденное, —
тоже танцор.
Моя тропа, мой разум наполнены звездами —
велико колесо их вращения
в сторону весны. Звезды.
Я прихожу, словно дождь вместе с ветром
и всем растущим.
Белое колдовство поднимает меня в руке.
Здесь, в потерянном городе Лукачукай,
я говорю:
«Охота никогда не закончится.
Путь есть красота.
Колдовство — сильно.
Поезд-призрак здесь больше
не остановится.
Я есть охотник
в глазах тех, на кого охотятся.
Когда позову,
они придут ко мне
из Горы Тьмы».

СОДЕРЖАНИЕ

КНЯЗЬ СВЕТА. Роман
Перевод В. Лапицкого 5
ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ. Роман
Перевод В. Лапицкого 289
ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ. Роман
Перевод И. Куберского 439
ГЛАЗ КОТА. Роман
Перевод В. Самсоновой. 609

Литературно-художественное издание

Роджер Желязны

КНЯЗЬ СВЕТА

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Д. Мытников*
Корректор *В. Авдеева*

В оформлении переплета использована работа художника *Якобуса*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — **info@ eksmo.ru**

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде и Челябинске:
ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.11.2003
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 43,68. Уч.-изд. л. 39,4.
Тираж 7000 экз. Заказ 2086.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

Фантастика и ее многочисленные подвиды — научная, боевая, киберпанк, фэнтези — пользуется все большей популярностью. А рост популярности жанра требует новых источников информации о нем. Журнал "Мир фантастики" призван стать подобным источником.

В последние годы мы наблюдаем взаимопроникновение художественных форм, в которых воплощаются фантастические произведения. Вселенные, созданные писателями, попадают на широкий экран, сюжеты кинофильмов становятся основой для компьютерных игр, герои популярных игр обретают новую жизнь на книжных страницах. Фантастические миры сталкиваются и порождают новые пространства для приключений.

Мы уделяем внимание всем направлениям и всем областям, в которые проникает фантастика. Это не только художественная литература, но и кино, игры, интернет и иные отрасли развлечений — все сферы, которые интересны настоящим поклонникам фэнтези и sci-fi.

КНИЖНЫЙ РЯД

Анонсы всех новых фантастических книг, обзоры жанров и грандиозных вселенных.

ВИДЕОДРОМ

Все премьеры кинотеатров и новинки видео, горячие новости со съемочной площадки.

ИГРОВОЙ КЛУБ

Обширная информация по самым выдающимся компьютерным и настольным играм настоящего времени.

КОНТАКТ

Интереснейшие беседы с известными писателями-фантастами.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Неожиданные статьи о средневековом быте, передовых технологиях и будущем фэнтези-культуры.

РАССКАЗЫ

В первом же номере вы сможете прочесть рассказы Александра Зорича "Второй подвиг Зигфрида", Гельмута Пеша "Песнь волны" и Александра Тюрина "Транзитный космодром".

СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ" ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

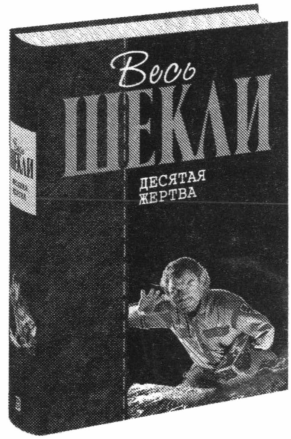
Д. Янковский
«Властелин вероятности»
«Правила подводной охоты»
Л. Алехин «Падшие ангелы Мультиверсума»
М. Кликин «Идеальный враг»
Е. Прошкин «Эвакуация»
В. Звягинцев «Дырка для ордена»
К. Бенедиктов «Война за «Асгард»

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения знаменитого американского писателя Роберта Шекли в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»